ЧЕШСКАЯ И СЛОВАЦКАЯ ДРАМАТУРГИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Чешская и словацкая драматургия первой половины XX века (1918—1945). Том первый

Иржи Маген, Иржи Волькер, Эгон Эрвин Киш, Ярослав Гашек, Эмиль Артур Лонген, Франя Шрамек, Франтишек Ксавер Шальда, Владимир Гурбан-Владимиров, Павол Орсаг-Гвездослав, Ян Бартош, Владислав Ванчура, Лев Блатный

Аннотация
Чешская и словацкая драматургия первой половины XX века (1918—1945). Том первый
ДРАМА ПРОТЕСТА И НАДЕЖДЫ
Иржи Маген. МАЙСКИЙ ЖУК. Пьеса из студенческой жизни в четырех действиях
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
Иржи Волькер. ГРОБНИЦА
Эгон Эрвин Киш, Ярослав Гашек, Эмиль Ар-

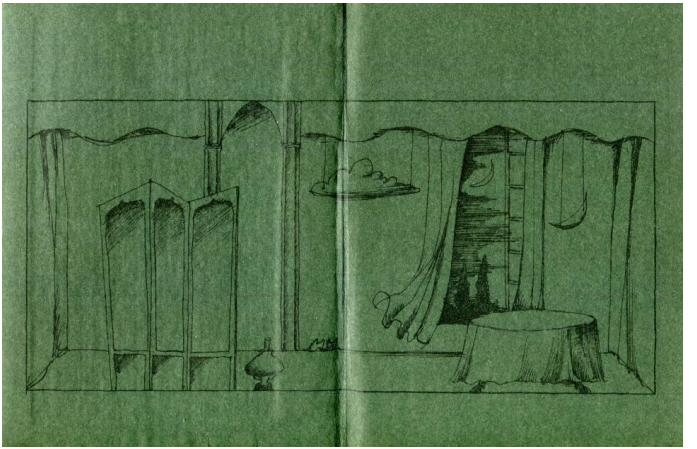
тур Лонген. ИЗ КАРЛИНА В БРАТИСЛАВУ НА ПАРОХОДЕ «ЛАННА-8» ЗА 365 ДНЕЙ. Большая обстановочная феерия в четырнадцати картинах Франя Шрамек. МЕСЯЦ НАД РЕКОЙ. Комедия в трех действиях
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
Франтишек Ксавер Шальда. РЕБЕНОК
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
Владимир Гурбан-Владимиров. СУГРОБЫ. Драма в трех действиях
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
Павол Орсаг-Гвездослав. ИРОД И ИРОДИАДА. Трагедия в пяти действиях
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
Ян Бартош. БУНТ НА СЦЕНЕ. Философия. Драма. Действительность

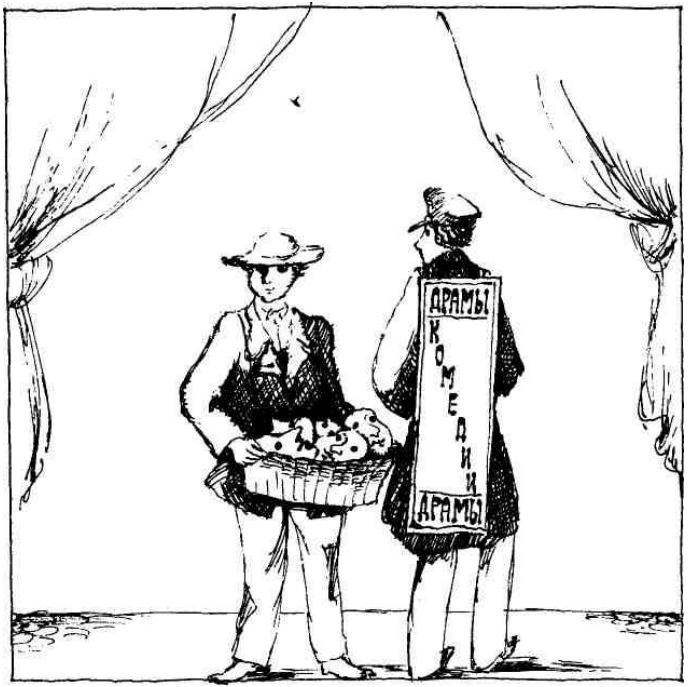
ПРОЛОГ
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЭПИЛОГ
Владислав Ванчура. УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК. Сценическая поэма
Лев Блатный. СМЕРТЬ НА ПРОДАЖУ. Трагикомедия в трех действиях
I
II
III
ОБ АВТОРАХ

Аннотация

В настоящем двухтомнике представлены произведения чешских и словацких драматургов, написанные в период с 1918 по 1945 г. В первый том вошли в основном пьесы 20-х годов: И. Магена, И. Волькера, Я. Гашека. П. Гвездослава, Ф. Шрамека, В. Гурбан-Владимирова, Ф. Шальды, Я. Бартоша, В. Ванчуры, Л. Блатного. Большинство произведений переведено на русский язык впервые.

Чешская и словацкая драматургия первой половины XX века (1918—1945). Том первый




ДРАМЫ
КОМЕДИИ
ДРАМЫ

ЧЕШСКАЯ И СЛОВАЦКАЯ ДРАМАТУРГИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (1918 — 1945)

ТОМ ПЕРВЫЙ

МОСКВА «ИСКУССТВО»
1985

ДРАМА ПРОТЕСТА И НАДЕЖДЫ

Вехи развития чешской и словацкой драматургии, драматического театра в период между двумя войнами и в годы антифашистского Сопротивления (1918—1945)

1

Первая мировая война испепелила насаждавшиеся десятилетиями представления о добре и зле, о незыблемости существующего порядка вещей. Рухнул русский престол. Грянул Октябрь. Разлезлась по швам «лоскутная» Австро-Венгерская монархия. Ее черно-желтые флаги, габсбургских орлов, ликуя, низвергали обретшие государственную самостоятельность чехи и словаки, венгры и румыны, народы южнославянских земель. Тысячу лет изнывали под пятой чужеземцев словаки, триста — чехи. И вот мечта о национальной независимости, за которую боролись столько поколений чешских и словацких патриотов, сбылась! Из рабоче-крестьянской России возвращались домой военнопленные, глотнувшие штормового, штурмового октябрь-

ского ветра. Вышел на улицы пролетариат. Власть Советов провозглашена в Венгрии, Баварии, в некоторых областях Словении, в Словакии, в индустриальном Кладно на северо-западе Чехии. Грозовую, революционную атмосферу первых послевоенных лет достоверно воспроизвел в своей статичной, похожей на стенограмму публичного диспута пьесе «Куранты мира» (1921) чешский драматург, литературовед и переводчик О. Фишер. Полемика персонажей-интеллигентов (русской девушки, не вполне понимающей смысл происходящих на ее родине событий, но захваченной романтикой революции и верящей в ее благотворность; откровенно реакционного профессора, «салонного радикала», изрекающего метафизические выспренности, и других) происходит на тревожном звуковом фоне предвыборных демонстраций, митингов, стачки. В окна пражского музея — этой своего рода башни из слоновой кости, где предаются рафинированным, сумбурным, подчас наивным словопрениям рефлексирующие герои Фишера, — властно врывается рокот мятежных улиц. «Воздух насыщен электричеством, — говорит директор музея. — Помяните мое слово: что-то надвигается, что-то надвигается». А на свой вопрос: «Как все это

выглядит?» — получает лаконичный и красноречивый ответ: «Как в России».

В грохоте и зареве грандиозных событий потонули шепот, недомолвки, многозначительные паузы и полутона психологической, «импрессионистской» драматургии и режиссуры (Я. Квапил в пражском Национальном театре). Внимание столичной публики было приковано к Городскому театру на Виноградах, где режиссер К.-Г. Гилар, в прошлом эстетствующий литератор, человек неукротимого темперамента, ревностно и ревниво следивший за новыми общественными и театральными веяниями, делал ставку не на психологическую светотень, не на иллюзионистское жизнеподобие, а на символическую условность, способную передать движение пробудившихся масс, накал социальных страстей. Культивируя стилистику экспрессионистского театра (космическая образность, патетика, экстаз, динамичные массовки), он ставил героических «Гуситов» (1919) А. Дворжака, «Зори» Э. Верхарна, — кстати, в том же 1920 году, когда эта «социальная драма» пошла и в Москве у В. Мейерхольда.

Об экспериментах молодого советского театра, о массовых представлениях под открытым небом писали и рассказывали побывавшие в России

чешские политики, деятели культуры. Само время начертало на знамени нового искусства: «Долой индивидуализм! Да здравствует коллективистское мироощущение!» Уже немолодой, слывший отшельником, но всегда находившийся на стрежне духовной жизни Ф.-К. Шальда (1867—1937), маститый чешский критик, непререкаемый авторитет и верховный литературный судия, берется за перо, чтобы сложить свою «песнь социальной надежды» — коллективистскую драму «Массы» (1921), герои которой наперекор маловерам и трагической несостоятельности Диктатора одерживают победу над миром Палача, Попа, Блюстителя порядка, Сводника. Абстрактно-аллегорическое преломление темы революции, взаимоотношений личности и коллектива, тема гражданского долга и самопожертвования во имя общего блага нашли и в драме И. Волькера (1900—1924) «Гробница» (1922). Его же «Высочайшая жертва», в художественном отношении, может быть, и уступающая двум другим одноактным пьесам писателя, являет собой одну из самых ранних в чешской драматургии попыток последовательно классовой, пролетарской интерпретации проблемы революционного насилия. Как поэт и драматург, теоретик и об-

щественный деятель Волькер эволюционировал стремительно, словно бы предчувствуя, какая короткая жизнь ему суждена. В свои двадцать два года он наряду с поэтом С.-К. Нейманом и университетским профессором-марксистом З. Неедлы становится видным пропагандистом принципов пролетарского искусства, наиболее характерными чертами которого он считал наличие глубокой, органичной, а не внешне-показной тенденции, оптимистическое мироощущение, обусловленное верой в возможность революционной переделки мира; коллективизм, в духе которого социальная жизнь понимается «как акт не отдельных индивидуумов, а групп людей, объединенных одной идеей». Отрицание индивидуализма, «преодоление личного» (Б. Брехт) — этим руководствовался в своих драматургических опытах и сам Волькер и его друг поэт В. Незвал (1900—1958), который совместно с прозаиком К. Шульцем написал к пятой годовщине Октября одноактный «Эпизод революции», где узников сибирской тюрьмы освобождает восставший народ.

Очагами пролетарской культуры становятся журналы, издававшиеся Нейманом («Червен», «Кмен»), Неедлы («Вар»), возникший в 1920 году

Деветсил — союз левой творческой интеллигенции, «Революционная сцена» — театр, организованный в том же году драматургом, актером и живописцем Э.-А. Лонгеном (1885—1936). Здесь шли остросоциальные, злободневные пьесы пролетарского писателя и журналиста А. Мацека («Дама и убийца», где впервые в чешской драматургии воспевалась Октябрьская революция), всемирно известного «неистового репортера» Э.-Э. Киша (1885—1948): инсценировки его очерка «Мать убийцы», рассказа «Тонка-Висельница», романа «Опекун девок», единственная драматургическая вещь И. Ольбрахта «Пятый акт», воспринимавшаяся зрителями как своего рода проекция на послебелогорскую эпоху[1] бурного, трагического декабря 1920 года, когда власти силой подавили революционное выступление чешского пролетариата и студенчества.

К сотрудничеству с «Революционной сценой» Лонген привлек давнего своего приятеля Я. Гашека (1883—1923), который только что возвратился из России после длительной газетной и культурно-пропагандистской деятельности в Красной

[1] Примечания: 1.1

Имеется в виду эпоха чужеземного владычества, наступившая после поражения чехов в битве с немцами у Белой Горы под Прагой (сейчас — окраина Праги).

Армии. Там Гашек принимал участие в организации интернациональных митингов-концертов, самодеятельных театров, а также написал пьесу, «героем которой, — как вспоминает знавший Гашека по Красноярску Матэ Залка, — является военный священник, а темой… бессмысленность и преступность империалистической войны»[2].

Вместе с Лонгеном Гашек сочинил сатирический водевиль «Министр и его дитя» (1921). Порядки в новом государстве Гашеку не нравились, и в одноактной сатире он сообща с Лонгеном высмеял незадачливого министра, который тайком разъезжает по республике с любовницей, выдавая ее за свою дочь. Водевиль цензура к постановке не разрешила. Узнав об этом, Гашек сказал: «Ну, пошло-поехало! Мы угодили в самую точку. В правительственных кругах шурум-бурум, цензура на дыбки. Вот как надо писать для театра! Каждая пьеса должна вызывать шум. Скандалезность и здоровый смех — в этом сила драматургии и театра. А нынешние порядки прямо-таки взывают к тому, чтобы их выставили на всеобщее осмеяние. Погодите,

[2] Примечания: 1.2

О драматургических опытах Я. Гашека в годы его службы в Красной Армии, а также отрывок из воспоминаний М. Залки см.: *Дунаевский А.* Иду за Гашеком. М., 1983, с. 110—118.

голубчики, ужо выведу вас на чистую воду!»[3]. Полицейское управление предложило авторам изобразить все происходящее в водевиле как сон, мол, тогда цензура возражать не станет. Гашек ради спасения пьесы решил совету внять. Однако цензура заупрямилась. Гашек негодовал: «Не для того я писал комедию, чтобы она валялась в столе у пана цензора. Вижу, скоро нельзя будет даже посмеяться от души. Все против меня, — и критики и власти. Но вы мне, господа, рот не заткнете!»[4]. И он в духе своих излюбленных мистификаций замыслил провести цензуру и знатоков — написать пьесу из испанской жизни времен инквизиции и выдать ее за сочинение Кальдерона…

Чтобы заделать образовавшуюся в результате цензурного запрета брешь в репертуаре «Революционной сцены», Гашек с Лонгеном написали по мотивам путевого очерка Э.-Э. Киша комедию-обозрение «Из Карлина в Братиславу на пароходе «Ланна-8» за 365 дней» (1921). Соображения тактического характера побудили их проявить на сей раз умеренность, и потому они лишь подтруни-

[3] Примечания: 1.3
Longen E. A. Můj přítel Jaroslav Hašek. Praha, 1983, s. 180.

[4] Примечания: 1.4
Там же.

вали над «глупостью и ничтожеством некоторых административных органов»[5], но и эта пьеса не увидела света рампы, так как в самом начале 1922 года муниципальные власти под предлогом несоответствия театрального помещения противопожарным требованиям «Революционную сцену» закрыли.

Самым крупным достижением «Революционной сцены» явился спектакль по впервые сделанной Лонгеном инсценировке «Похождений бравого солдата Швейка» (1921), которая во многом способствовала успеху книги, как раз в то время выходившей отдельными тетрадками с продолжением. Швейка (в театре, а затем в немом кино) блистательно сыграл К. Нолл. Гашек, видевший эту работу во время гастролей «Революционной сцены» в Немецком Броде (1922), пришел в такой восторг, что обещал Ноллу исполнить с ним в паре роль сапера Водички, но своего намерения осуществить не успел.

2

Победа реакции перечеркнула много надежд и иллюзий. В эти годы оружием чешских дра-

---

[5] Примечания: 1.5
Longen E. A. Můj přítel Jaroslav Hašek, s. 184.

матургов, изобличающих общество социальной несправедливости, наживы, карьеризма, лицемерия, становятся ирония и сарказм.

Драматурги-экспрессионисты охотно прибегали к гротесковым памфлетам, выводя на чистую воду нажившихся на военных поставках маклаков и кулаков, искателей дипломатических синекур («Воронье», «Школа дипломатов» Я. Бартоша), прощелыг и казнокрадов, возомнивших себя наполеонами («Матей благочестивый» А. Дворжака и Л. Климы), — все общество кудахтающих над своими ценностями буржуа («Ку-ка-ре-ку!» Л. Блатного).

Посреди невеселого, судорожного смеха экспрессионистов тоже невесело (вопреки замыслу автора, полагавшего, что он написал комедию) прозвучал с подмостков театра на Виноградах «Месяц над рекой» (1922) Ф. Шрамека (1877—1952), поэта, прозаика, драматурга. Еще недавно он клеймил бывших австро-венгерских солдафонов и клерикалов, не без основания полагавших, что их услуги могут понадобиться новому режиму («Гагенбек», 1920). Теперь бич сатирического гротеска, к которому Шрамек-драматург прибегнул всего один-единственный раз на протяжении своей долгой литературной жизни, уступил ме-

сто элегической скрипке — чеховской мелодии прощания с высокими идеалами молодости и несбывшимися мечтами. Это было созвучно настроениям некоторой части чешской интеллигенции, разочарованной ходом событий. После войны, которую Шрамек видел вблизи, служа санитаром, он предпочел остаться «над схваткой», уединился.

Молодой героине «Месяца над рекой» не хватает решимости порвать с ностальгическим мирком людей, как бы лишившихся крыльев. Месяц над шумящей в ночном безмолвии плотиной светится отраженным сиянием поэзии, принесенной в жертву либо столичной карьере, либо повседневным заботам размеренного провинциального существования.

«Месяц над рекой» примыкал к шрамековскому «Лету» (1915), которое явилось высшим достижением чешского театрального импрессионизма. Тот же проникновенный лиризм, те же полутона.

Драматургия экспрессионизма при всей выразительности своих гротесково-абсурдных фантасмагорий и гипербол страдала схематическими упрощениями: ее персонажи представляли собой некие социальные маски, иногда с налетом

демонизма и сказочной таинственности (как это свойственно, например, некоторым пьесам Я. Бартоша). Зато в «Месяце над рекой» Шрамека, в трагикомедии Шальды «Ребенок» (1923), в исторических, политических, социально-бытовых драмах Магена («Майский жук» (1920), произведение, в котором слышны отголоски русской революции 1905 года) утверждалась традиция реалистической драматургии с ее достоверными характерами, психологическими нюансами, индивидуализированным, максимально приближенным к разговорному языком персонажей.

Если чешские драматурги и режиссеры взращивали и скрещивали новые разновидности сценической поэтики на довольно обширной и ухоженной ниве профессионального театра, который возник в конце XVIII века и прошел путь от «будительского» («будителями» называют деятелей чешского и словацкого национального Возрождения, будивших самосознание народа) классицизма, романтизма Штепанека, Клицперы, Тыла до критического реализма Прейсовой, Строупежницкого, братьев Мрштиков, Ирасека, то словацкий театр после первой мировой войны начинал почти что на целине. Профессионального театра в Словакии не существовало, его

заменяли любительские труппы, самой известной из которых была в начале нынешнего века «Словенский Спевокол» (г. Мартин). Находясь в стесненных материальных обстоятельствах, подвергаясь гонениям со стороны властей, любители-энтузиасты играли чешскую и зарубежную классику, дюжину словацких пьес[6].

В мае 1918 года в Праге отмечалось пятидесятилетие со дня закладки чешского Национального театра, построенного на добровольные пожертвования чехов и словаков. Глава словацкой делегации, поэт и драматург П.-О. Гвездослав высказал тогда мысль о необходимости основать Национальный театр и в Словакии. И вот в 1920 году, почти четыре десятилетия спустя после пражского Национального, в Братиславе открылась наконец первая профессиональная сцена — Словацкий Национальный театр. Большую помощь в его создании оказали более опытные чешские коллеги.

В драматической труппе, на первых порах игравшей и по-словацки и по-чешски, работали режиссеры и актеры — чехи. Шесть лет

[6] Примечания: 1.6

О чешском и словацком театре до 1918 года см.: *Солнцева Л. П.* Театр Чехии и Словакии. М., 1977; *Титова Л. Н.* Чешский театр эпохи Национального Возрождения. Конец XVIII — первая половина XIX в. М., 1980.

(1924—1930) во главе театра стоял известный чешский композитор О. Недбал. Многие пионеры словацкой профессиональной сцены получили образование на драматическом отделении Пражской консерватории, где актерское мастерство преподавал режиссер и артист реалистической школы Я. Гурт. Учениками Гурта были первый словацкий профессиональный режиссер Я. Бородач, актеры-словаки О. Орсагова-Бородачева, А. Багар и другие. Становление театра проходило в нелегких условиях. Узки были и национальный репертуар и национальная аудитория — в Братиславе жило множество немцев и венгров. К тому же работу осложняли интриги политического и националистического толка, материальные трудности: драматическая труппа тщетно соревновалась с гораздо более охотно посещавшейся оперой и особенно опереттой. Играли поначалу главным образом классику.

Большое впечатление на чехов и словаков произвели гастрольные спектакли «качаловской группы» МХТ в Праге и Братиславе (1921). Я. Бородач и его ближайшие соратники на всю жизнь останутся приверженцами К. С. Станиславского, его творческих идей.

Словацкий профессиональный театр делал еще

только первые свои шаги, когда чешский уже выходил на европейскую и мировую арену. Наряду со «Швейком» зрители многих стран увидели утопическую параболу К. Чапека (1890—1938) «RUR» (1920)[7], трагедию Ф. Лангера (1888—1965) «Окраина» (1925).

«RUR» — полемика и проницательный взгляд в будущее человечества, цивилизации (едва ли не единственный из всех чешских и словацких драматургов 20—30-х годов Чапек поднимал в своем творчестве вопросы поистине всемирные, всеохватные). Полемика с идеологией и эстетикой «толпизма», безликости и бездуховности, носителями которых в драме «RUR» выступают роботы (К. Чапек — автор и самого этого вошедшего во все языки мира слова «робот»), — порождение дерзновенного человеческого разума и пагуба человечества: став средством наживы, непомерно размножившись и выйдя из-под контроля своих создателей, роботы уничтожают людей вместе с их конвейерной цивилизацией.

К. Чапек не разделял радикальных взглядов деветсиловцев, слывя в их среде благонамеренным

---

[7] Примечания: 1.7

Эту и другие пьесы братьев Чапек см.: *Чапек К.* Собр. соч., т. 4. Пьесы. М., 1976. Там же помещен обстоятельный комментарий О. Малевича к драматургическим произведениям обоих авторов.

либералом, демократом-масариковцем, но окружающая действительность не внушала иллюзий и ему. Вместе со своим старшим братом Й. Чапеком (1887—1945), писателем и художником, он изобразил современное ему общество как скопище навозных жуков, бездумных вояк муравьев, ветреных бабочек-однодневок (аллегорическая комедия «Из жизни насекомых», 1921). В пьесе «Адам-творец» (1926) библейский герой Чапеков уничтожает несовершенный мир с помощью Пушки отрицания, чтобы сотворить… копию его. Чапеки умели быть шутливыми в серьезном и серьезными в шутке. Их комедии, поэтика которых вобрала в себя игривость итальянского театра масок, лукавую аллегоричность басни и сказки, занимательность фантастики в духе Жюля Верна и Уэллса, искрятся остроумием, тонкой иронией, выдумкой.

Но как ни скептичны Чапеки, все же в их параболах и притчах нет-нет да забрезжит надежда. Она персонифицирована в образе Путника («Из жизни насекомых»), она скрашивает картину катастрофы в финале драмы «RUR», оставляя шанс на воспроизводство человеческого (способности любить, мыслить) в бесчеловечных автоматах-роботах. «Решение проблемы Чапек

находит (речь идет о драме «RUR». — *И. И.*) не столько в устранении социальных причин, ведущих к трагическому противоречию между научно-техническим прогрессом и его пагубными для человечества последствиями, сколько в подчинении человеческого дерзания самоценной жизни»[8].

Ничего об устранении причин, порождающих социальные язвы, не говорит и Ф. Лангер, но он вплотную подводит читателя и зрителя к мысли о том, что эти язвы обусловлены существующим миро- и правопорядком. Врач по образованию, он запечатлевает свои трагедии словно бы не пером, а скальпелем. Не прорицает, а проницает. Он не утопист, не мифотворец — он анатом, «лекарь человеческих душ» (В. Незвал), преисполненный «сочувствия к человеку, благодарности к человеку, любви к человеку» (драма «Ангелы среди нас», 1931). Он твердо стоит на почве реальных фактов и явлений, даже ангелов своих в точности уподобляет простым смертным и ставит их в обстоятельства обычной, будничной, далеко не райской земной жизни с ее заботами о хлебе насущном, унижениями, одиночеством,

[8] Примечания: 1.8
Малевич О. Карел Чапек. М., 1968, с. 74.

болезнями.

Один из летописцев легионерской одиссеи (в качестве военного врача он проделал с чешскими легионами долгий путь через всю Сибирь), Лангер в ряде своих пьес («Победители», 1924; «Кавалерийский разъезд», 1935) отразил противоречивые взгляды чешских солдат, еще вчера вынужденных воевать на стороне Австро-Венгрии, а ныне оказавшихся в водовороте революционных событий, существо которых многим из них непонятно и кажется несовместимым с идеей национальной и государственной самостоятельности чехословаков. В людях из народа, обыкновенных тружениках видит Лангер здоровую основу жизни (комедии «Верблюд через игольное ушко», 1923; «Обращение Фердыша Пишторы», 1929).

Лангер — самый крупный чешский драматург-урбанист, поэт сумрачных городских окраин, где он вершит на «месте преступления» нелицеприятную экспертизу. Скальпель драматурга настойчиво и кропотливо исследует психологическую и нравственную подоплеку «преступления и наказания», обнаруживает трагическое несовпадение справедливости «абсолютной» и официальной, узаконенной юридическим кодексом, который на поверку враждебен и самой справедливости и

человеческому счастью.

Заключенная № 72 из одноименной драмы (1937) Ф. Лангера в силу рокового противоречия между объективной истиной (запоздало установленная невиновность героини, написавшей пьесу о самой себе и своем прежнем окружении — пьесу-алиби) и последствиями, к которым она может привести, предпочитает отречься от истины и тем самым облегчить участь любимого человека, хотя для нее самой такое отречение означает незаслуженно оставаться в тюрьме.

Конструкция «Заключенной № 72» кое в чем повторяет драматургические ходы «Шести персонажей в поисках автора» итальянца Л. Пиранделло. То же двойничество «лица и маски», «театра в театре», та же зыбкая грань между подмостками и реальностью, те же поиски сущности за видимостью. Лангер не закрывает глаза на сложность проникновения «под оболочку», но возможность такого проникновения для него несомненна. Искатель справедливости, он буквально одержим стремлением к детеатрализации, к соскабливанию грима. Заключенные у Лангера под несколькими углами зрения разыгрывают пьесу об убийстве с целью показать истинные, а не мистифицированные, не «театрализованные»

мотивы и обстоятельства трагического происшествия. У чешского драматурга не жизнь предстает подмостками, а подмостки оборачиваются подлинной жизнью, выявляя истину, показывая, *как оно было на самом деле.*

«Играть Лангера — это требовало человечности, — вспоминала жена К. Чапека О. Шайнпфлюгова, актриса, прозаик и драматург, подарившая Лангеру идею «Заключенной № 72». — Ставить Чапека — это требовало интеллекта, представить публике Шрамека — это требовало поэтического чувства»[9].

Пьесы братьев Чапек, Ф.-К. Шальды, С. Лома, Э. Конрада, Я. Гильберта, Ф. Завржела и других современных чешских драматургов ставил пражский Национальный театр, куда в 1921 году, поменявшись местами с Я. Квапилом, перешел из театра на Виноградах К.-Г. Гилар. На новом поприще этот выдающийся режиссер постепенно меняет свой политический и эстетический курс. Ю. Фучик суть перемены определил так: «от демократизма к либерализму»[10]. В искус-

[9] Примечания: 1.9

Scheinpflugová O. Vzpomínka v moll. — In: Šrámek F. Měsíc nad řekou. Praha, 1967, s. 172.

[10] Примечания: 1.10

Fučík Julius. Divadelní kritiky. Praha, 1956, s. 267.

стве это обернулось духовной и эстетической смиренностью, успокоением, которые получили наименование «цивилизм» и явились следствием временной экономической и политической стабилизации середины 20-х годов в Европе вообще и в Чехословакии в частности. Стилистика гиларовских спектаклей становится довольно эклектичной, сочетая в себе черты экспрессионизма, реализма, авангардизма. В Национальном театре Гилара ждали и горечь поражений и новые триумфы, снискавшие ему европейскую известность. Горячо откликнулся, например, на осуществленную Гиларом постановку своей «Пьесы о любви и смерти» Р. Роллан (1925).

Я. Квапил, родоначальник новейшей чешской режиссуры, драматург, возглавив художественное руководство театра на Виноградах, продолжал культивировать тонкий психологизм, импрессионистическую светотень.

В 1923 году Деветсил устами теоретика и графика К. Тейге и В. Незвала провозгласил так называемый поэтизм, возникший как реакция на буржуазное морализаторство и плаксивую сострадательность, к которой были склонны филантропы из рядов оппортунистической социал-демократии. Поэтизм декларировал

деидеологизацию искусства, приоритет эмоционального перед рациональным, интуиции перед логикой, ставил во главу угла причудливую игру фантазии, неожиданные ассоциативные сближения. Деветсиловцы боготворили кинематограф, тон в котором задавали лирическая буффонада Чаплина и победные антраша Фербенкса, поднимали на щит «низкие», «площадные» жанры, восходящие к поэтике ярмарочного балагана, цирка, варьете, а в чешской драматургии — к ранней комедии братьев Чапек «Любви игра роковая» (1916), где авторы программно апеллировали к итальянской комедии масок.

В 1925 году начинающий режиссер И. Фрейка с группой студентов драматического отделения Пражской консерватории поставил на поэтистский лад «Жоржа Дандена» Мольера, симптоматично назвав спектакль «Цирк Данден» (в буффонно-цирковом духе ставил «На всякого мудреца довольно простоты» молодой С. Эйзенштейн). Труппа Фрейки вступила в Деветсил, где ее символически окрестили Освобожденный театр (по чешскому названию «Записок режиссера» Таирова, переведенных И. Гонзлом), — его создатели хотели освободить подмостки от «стилизаторства, от нереальности изобразитель-

ных средств и актерских штампов, от рутины и эмоциональной худосочности»[11]. Лицензию оформили на имя режиссера И. Гонзла — он был старше и опытнее остальных, учитель физики и химии, эрудит, знаток советского театра. За плечами у Гонзла было сотрудничество с рабочим коллективом хоровой декламации Дедрасбор (1920), исполнявшим произведения чешских пролетарских поэтов, «Двенадцать» Блока, «Левый марш» Маяковского; постановка массового революционного зрелища во время первой рабочей спартакиады в Праге (1921); режиссура «Высочайшей жертвы» Волькера для членов пражского Пролеткульта (1922). Теперь Гонзл со свойственной ему методичностью принялся за реализацию новой, поэтистской, программы Деветсила. Весной 1926 года в Освобожденном театре, арендовавшем сараеподобное строение на Слупи, состоялась премьера «Вечера Витезслава Незвала», на котором помимо прочего был сыгран одноактный водевиль «Депеша на колесиках» (1922) — задорная, игриво-поэтистская метафора революции. На сцене в панике убивали друг друга Торгаши, тюрьма превращалась в трактир, и от-

[11] Примечания: 1.11
Avantgarda známá a neznámá, sv. 2. Praha, 1972, s. 623.

туда высыпала праздничная, ярмарочная ватага. Осуществлялась мечта Торговки рыбой и Матроса о семейном счастье. Идейный замысел и символические средства его воплощения в «Депеше» сходны с пафосом и поэтикой «Мистерии-буфф» Маяковского. Обе пьесы — о революции. У Маяковского ее символизирует библейский потоп, у Незвала — нечто вроде маскарада, дивертисмента, цирковых антре. У Маяковского семи парам «чистых» противостоят семь пар «нечистых», у Незвала по одну сторону — Торгаши, по другую — разношерстная, разноплеменная толпа. «Чистые» у Маяковского демагогически рассуждают о законности — сперва монархической, потом республиканской. Незваловские Торгаши лицемерно ратуют за «честную борьбу». У Маяковского — ковчег, у Незвала — корабль, на котором Матрос и негры собираются отплыть из колонии в революционную Европу. У обоих драматургов-поэтов гротесковые, шаржированные эпизоды слагались в «метафорическую картину разбуженного человечества»[12]. У обоих революция ассоциировалась с жизнью солнечной. «За революцию я отдал голос свой, я понял роковую

[12] Примечания: 1.12
Катышева Д. Н. Поэтическая драма Витезслава Незвала. Л., 1977, с. 10.

неизбежность счастья» — эти строки из стихотворения «Motto» могли бы служить эпиграфом ко всему творчеству Незвала. «Депешу», где все роилось, танцевало, кувыркалось, пело, грустило, смеялось, молодежь восприняла как выражение своего жизнелюбия и решимости изменить старый мир.

«Вечер Витезслава Незвала» и другие вечера Освобожденного театра, зачастую весьма экстравагантные и далекие, в своей метафорической усложненности, от «площадной» программы Деветсила, замышлялись как сценическая манифестация поэтизма — для Незвала, ведущего поэта и драматурга этого направления, манифестация несколько запоздалая. В ортодоксальных поэтистах Незвал не ходил никогда, его творчество было шире всех и всяческих догматов, в том числе и тех, которые он сам же провозглашал. Карнавальная эстетика поэтизма, изощрившая средства выразительности, находилась, однако, в явном противоречии с реальными проблемами реальной жизни, и это Незвал и его соратники с особой остротой почувствовали в апреле 1927 года, когда в антракте «Маленького ревю» — литературно-балетного попурри, поставленного деветсиловцами на сцене Освобожденного те-

атра, — выступил с чтением «Левого марша» и «Нашего марша» приехавший в Прагу Маяковский. «Это голос революции», — шептал за кулисами Незвал, изображавший в спектакле чужестранца из бодлеровского стихотворения в прозе «Облака» и потому облаченный в крылатку и цилиндр. И таким пустячным рядом с громовым, волевым голосом Маяковского показался Незвалу экстравагантный коктейль из Бодлера, футуристического «синтеза» и прочего! Он стоял, ошеломленный энергичными ритмами советского поэта, и ему хотелось «сорвать с себя маскарадные лоскутья и ринуться следом за Маяковским»[13]. Весной 1927 года Маяковский был поглощен работой над поэмой «Хорошо!». Как раз в это же время Незвал писал поэму «Акробат» — метафору крушения поэтизма. Не слишком рискуя ошибиться, можно сказать, что встреча с Маяковским непосредственным образом отразилась на произведениях Незвала конца 20-х — начала 30-х годов, ознаменовавших фронтальное продвижение Незвала к социальной действительности, общественной тематике. «Со-

[13] Примечания: 1.13

Здесь и далее цитируется пражское собрание сочинений В. Незвала, начавшее выходить в 1950 г. и еще не завершенное: *Nezval Vítězslav.* Dílo, 26, 81. (Первая цифра означает том, вторая — страницу).

ветский колосс… явил моей совести всю пустоту рассеивающей поэзии, которая слишком полагалась на саму себя», — вспоминал впоследствии Незвал[14]. Первая полная пьеса Незвала, «Страх» (1929), — драматургическая параллель к «Акробату». В поэме олицетворяющий поэтизм Акробат срывается с каната. В «Страхе» Иаков, предпочевший родному очагу, семье, любви экзотические скитания в духе поэтистской «вездесущности» (Б. Вацлавек), гибнет от руки собственного сына. Иллюзорный рай герои поэмы и пьесы обретают… в санатории для душевнобольных.

Метафорической, полусказочной (мотив странствий, спящей красавицы) поэтизацией реального поступка, революционного действия, противопоставленного духовному и политическому дезертирству, явилась театральная дилогия В. Ванчуры (1891—1942) — «Учитель и Ученик» (1927), «Больная девушка» (1928). Первый председатель Деветсила, крупнейший чешский художник XX века, прозаик и драматург Ванчура не разделял радужных утопий поэтистов, как бы принимавших желаемое за сущее и подчас отделявших революцию поэзии от поэзии революции

---

[14] Примечания: 1.14
Dílo, 38, 208.

(Л. Новомеский). В традиционном для чешской драматургии конфликте между радикализмом и косностью, высоким «безрассудством» и мещанским благоразумием он бескомпромиссно стоял на стороне деятельных преобразователей жизни. Олицетворением революционной воли воплотить мечту в поэтичную реальность предстают ванчуровские Учитель и хирург Кршикава («Больная девушка»). Учитель — антипод своего спасовавшего перед реальной борьбой, одумавшегося Ученика. Он полон решимости идти дальше и в конце пьесы скандирует рефрен «Левого марша» Маяковского. Кршикава — противоположность Коловрата. Движимый любовью к больной девушке, в которой персонифицирована надежда на лучшее будущее человечества, надежда, казалось бы, уже обреченная, Кршикава делает ей спасительную операцию, на что не решался Коловрат, медик и поэт в одном лице. Правда, именно он заканчивает операцию, применяя к тому же лекарство, изобретенное эрудитом-профессором. Этот сюжетный поворот символизировал пользу соединения революционного действия с поэтической мечтой и точным знанием. Драматургия Ванчуры, монументальная в своем «неповторимом способе выражать

всеобщее»[15], как писал Незвал, заведовавший в сезоне 1928/1929 года репертуарной частью Освобожденного театра, строилась на прихотливой системе поэтической символики. Поэтистская мечта о всех красотах мира, о многообразии жизненных путей и свободе выбора «обозначена» в «Учителе и Ученике» «точкой», где Восток встречается с Западом. Для Ученика эта точка не только исходная, но и последняя, «мертвая», ибо, смалодушничав, он возвращается именно к ней, туда, откуда отправился было в путь, охваченный минутным порывом[16].

В Освобожденном начинали многие замечательные деятели чешского театра: будущий основатель «Д-34» Э.-Ф. Буриан (1904—1959), композитор Я. Ежек, рано ушедшая из жизни актриса Я. Горакова. В 1927 году пародийно-юмористическим обозрением «Вест покет ревю» на сцене Освобожденного театра дебютировали два выдающихся театральных клоуна и комедиографа, И. Восковец (1905—1981) и Я. Верих (1905—1980), на первых порах беззаботно смеявшихся и над

[15] Примечания: 1.15
Dílo, 24, 194.

[16] Примечания: 1.16
Подробнее о творчестве В. Ванчуры см.: *Малевич О.* Владислав Ванчура. Л., 1973.

реалистическим театром Ибсена, Ирасека, и над крайностями поэтизма, и над манерностью золотой молодежи, и над старорежимными менторами, и над квасными, то бишь пивными патриотами-обывателями, сентиментально всхлипывающими под гитару К. Гашлера, знаменитого пражского шансонье, актера театра и кино. Ранние пародийные комедии и ревю В+В (аббревиатура, укрепившаяся за комической парой Восковец — Верих) отразили увлеченность авторов американскими киногротесками, цирковой клоунадой, джазом. Характерной особенностью всех спектаклей Восковца и Вериха стали импровизированные диалоги двух клоунов перед занавесом. Импровизационное начало, поэтика масок роднила комедиографию В+В с итальянской комедией дель арте. В. Мейерхольд, будучи проездом в Праге и посмотрев два спектакля Восковца и Вериха, оставил такую запись в книге отзывов: «В 1913 году мой друг, покойный поэт Аполлинер свел меня однажды на представление в цирк Медрано, и после номеров, которые мы в тот вечер увидели, Аполлинер воскликнул: «Вот актеры, которые сберегают для искусства театр, актеров и режиссеров комедии дель арте». После того вечера я еще несколько раз

был в цирке Медрано, уже без Аполлинера. Мне снова хотелось упиться дурманом комедии ex improviso[17]. Но без Аполлинера я уже не увидел в цирке Медрано итальянские лацци. Не было уже художников, которых показал мне Аполлинер. Я искал их с грустью и тоскою в сердце, но не находил. Пока сегодня, 30 октября 1936 года, в образах незабываемой пары В+В опять не увидел дзанни, и я вновь был очарован игрой, уходящей корнями в итальянскую импровизированную комедию. Да здравствует комедия дель арте! Да здравствуют Восковец и Верих! Всеволод Мейерхольд»[18].

В 1924 году начал свою режиссерскую деятельность в братиславском Национальном театре Я. Бородач. Вскоре он осуществил постановку того самого мольеровского «Жоржа Дандена», которым впервые заявила о себе труппа И. Фрейки — будущий Освобожденный театр. Но старую комедию Я. Бородач, воспитанный на традициях словацкой, чешской и русской классики, интерпретировал не в цирковой, как пражские поэтисты, а в бережной по отношению к автору,

[17] Примечания: 1.17

Импровизированного характера *(латин.)*.

[18] Примечания: 1.18

Цит. по сб: 10 let Osvobozeného divadla V+W. Praha, 1937, s. 105. Подробнее о творчестве В+В см.: *Иванов И.* Ян Верих. Л., 1971.

канонической манере, по образцу Комеди Франсэз, — факт, красноречиво характеризующий различие устремлений в 20-е годы чешского профессионального (в первую очередь авангардного) театра, с одной стороны, и словацкого — с другой. «...Словацкому профессиональному театру недостает формы, он не знает, за что ухватиться», — сокрушался Я. Бородач. Двадцатые годы на словацкой профессиональной сцене Я. Бородач назвал периодом «сумятицы и исканий»[19].

Единственно, где словацкий театр, да и то самодеятельный, перекликался тогда с эстетическими новшествами послевоенной поры, так это в сфере пролетарского искусства. В Словакии, как и в Чехии, рабочие кружки, деятельность которых направлялась компартией и ее культурно-массовыми организациями, устраивали вечера с разнообразной зрелищной программой: хоровая декламация, скетчи, спортивные выступления. В этих кружках ставились «Высочайшая жертва» Волькера, «Ребенок» Шальды, пронизанные духом классовой борьбы короткие пьесы Я. Поничана, П. Илемницкого, «На дне» Горького. Здесь звучали стихи революционных поэтов новой

[19] Примечания: 1.19

Цит. по кн.: *Mrlian R.* So slovenským divadlom. Životné dielo Janka Borodáča a Oľgy Borodáčovej-Országhovej Bratislava, 1957, s. 287.

России. Одним из таких любительских коллективов, «Динамо», руководил выдающийся мастер словацкой сцены, актер, режиссер и драматург А. Багар. Трибуной пролетарского искусства был в 20-е годы словацкий журнал «Спартакус», который редактировал К. Готвальд.

Доступ новых эстетических веяний на словацкую профессиональную сцену затрудняло отсутствие современной национальной драматургии. А то немногое, что в этой области все-таки начало со временем появляться, было либо слабо в художественном отношении, либо далековато от того, чем жили люди в тогдашней Чехословакии и во всем мире. «Не было ни одной словацкой пьесы, которая смело взглянула бы на современное положение вещей, — сетовал Я. Бородач. — А те попытки, которые делались, как правило, заканчивались фиаско ввиду одностороннего, шаблонного освещения действительности… Я был бы рад видеть на театре нечто похожее на то, чем являются для нас в беллетристике произведения Илемницкого и «Демократы» Есенского»[20]. Да и профессия актера была в тогдашней Словакии не слишком престижной. Дирекция братиславской

[20] Примечания: 1.20
Borodáč J. O slovenské národné divadlo. Martin, 1953. s. 61.

Академии муз чуть ли не зазывала абитуриентов на открывшееся там в 1925 году драматическое отделение. «Каждый хочет быть министром, жупаном или хотя бы референтом, но никто не желает быть актером», — констатировал Я. Бородач[21]. Вот и приходилось основоположнику профессиональной словацкой режиссуры довольствоваться главным образом классикой (Я. Бородач прославился своими постановками пьес Й. Грегора-Тайовского), трудиться с горсткой словацких актеров, которые, как и он сам, еще только искали себя в искусстве.

Тем отраднее и знаменательнее было появление в 1923 году на сцене братиславского Национального театра драмы жившего в Югославии словацкого писателя В. Гурбан-Владимирова (1884—1950) «Сугробы», примыкавшей к социально-бытовым пьесам с деревенской тематикой, которую так успешно разрабатывал Грегор-Тайовский, а в 1926 году — первой комедии И. Стодолы (1888—1977), «Наш господин министр».

С этой поры драматургия Стодолы, обращенная к современности, даже когда автор оперировал историческим материалом, разнообразная по

---

[21] Примечания: 1.21
Цит. по кн.: *Mrlian R.* So slovenským divadlom, s. 140.

тематике и жанрам, будет становым хребтом словацкого репертуара на протяжении двадцати лет. Братиславский Национальный театр поставит полтора десятка произведений крупнейшего словацкого драматурга, и главная заслуга в этом принадлежит режиссеру Я. Бородачу.

3

Разразившийся в мире экономический кризис опроверг бытовавшие на Западе мифы о всеобщем процветании и социальной гармонии. Повесившийся бедняк и корыстная возня вокруг веревки удавленника, якобы приносящей счастье, — вот печальные символы того времени, на которых зиждется фабула великолепной трагикомедии чешского драматурга Л. Блатного (1894—1930) «Смерть на продажу» (1930), помимо прочего отличающейся меткими языковыми характеристиками.

Записные, продажные златоусты, вроде тех, кого с такой хроникальной точностью изобразил Ф. Тетауэр (1903—1954) в пьесе «Враг общества» (1935), любили повторять свое демагогическое изречение — «все мы на одном корабле». Корабль-то один, ответят им авторы ревю «Корабль живых», поставленного в варьете «Туз червовый»

Э.-Ф. Бурианом[22], да только пассажиры на нем разные: одни гнут спину у кочегарки, другие прохлаждаются в каютах-люкс… Обитатели нижних палуб, восстанавливая справедливость, пошлют в кочегарку фабриканта и обывателя, а за штурвал поставят матроса посмышленее…

Доведенный до отчаяния безработицей, нуждой, голодом, чешский и словацкий пролетариат снова поднялся на борьбу. Республику сотрясают забастовки, стачки. Ответ властей — драгунские шашки и жандармские пули. Реакция сколачивает профашистский блок Народное единство. Р. Медек, генерал, воевавший в России на стороне контрреволюции, автор националистической драмы «Полковник Швец» (1928), пригрозит передовым деятелям культуры концлагерем. «Нынешняя действительность смердит, и художник обязан объединиться с учеными и политиками, чтобы убрать труп», — заявили по радио Восковец и Верих[23]. Их комедийный репертуар в

[22] Примечания: 1.22

Прага славилась своими злободневными варьете, среди которых во время первой мировой войны и в начальную пору существования ЧСР выделялось «Червена седма» («Червовая семерка»), основанное И. Червены. Здесь выступали Я. Гашек, Э.-А. Лонген писатель Э. Басс и другие.

[23] Примечания: 1.23

Цит по сб.: 10 let Osvobozeného divadla V+W, s. 121.

Освобожденном театре неуклонно эволюционировал от «беспредметного юмора»[24] в сторону политической сатиры, чему немало способствовал Ю. Фучик, завсегдатай Освобожденного, его строгий и доброжелательный критик.

В 1932 году И. Гонзл ставит в Освобожденном острополитическую сатиру В+В «Цезарь». Драматурги прикинули античную тунику к современной Европе, и та оказалась ей впору. Те же политические интриги, коррупция, диктаторские замашки, злоключения плебса, которому уготована бессмысленная гибель в захватнической войне. Античный сюжет «феерии» никого не ввел в заблуждение. Это был экран, на который проецировалась социальная действительность XX века. «Римлянки» — герлс хореографа Д. Енчика танцевали под джазовую музыку Я. Ежека в противогазах марки «Техна», о надежности которых сообщалось даже в театральной программе; античные сановники говорили языком пражских хлыщей, осмеянных В+В еще в «Вест покет ревю». Некогда трусоватые бродяги-нейтралы (одна из масок Восковца и Вериха) превратились в отважных плебеев, дающих взбучку Цезарю,

[24] Примечания: 1.24

В сущности, «беспредметным» юмор В+В вопреки их собственным декларациям не был никогда, о чем они и сами скажут впоследствии.

этому древнеримскому фюреру, предшественнику итальянского дуче и иже с ним. В+В руками «римского плебса» расправляются с Цезарем из великого отвращения к диктаторству, цезаризму как порождению демократии шиворот-навыворот, при которой «одни — живут и жиреют за счет других»[25].

Посмотрев «Цезаря», Фучик написал взволнованный отзыв. «Это скачок, гигантский скачок вперед. Освобожденный театр уже не только смеется. Освобожденный бьет... Произошло обновление крови»[26]. Иначе отнеслись к переменам в Освобожденном театре доморощенные нацисты: в 1934 году на представлении антинационалистической комедии В+В «Палач и шут» они учинили дебош, но были выдворены приглашенными на спектакль рабочими. Правая пресса начала разнузданную травлю в расчете принудить Восковца и Вериха оставить сцену. Ничего из этого не вышло. После небольшой паузы В+В вновь принялись за дело, начиняя античные и средневековые сюжеты взрывчаткой актуальной сатиры, без промаха бившей по

---

[25] Примечания: 1.25

Werich J. Jan Werich vzpomíná... vlastně Potlach. Praha, 1982, s. 44.

[26] Примечания: 1.26

Fučík J. Divadelní kritiky. Praha, 1956, s. 388, 389.

фашизму. Эти два клоуна и комедиографа откликались в своих остроумных, изобретательных, не связанных с фабулой интермедиях-форбинах на злобу дня (безработица, нападение Муссолини на Абиссинию, бесплодные дебаты в Лиге Наций о разоружении и т. п.), пели на музыку Ежека, руководившего джаз-оркестром Освобожденного театра, поэтичные блюзы («Темно-синий мир»), шутливые фокстроты, задорные, оптимистические марши («Раз-два!», «Против ветра», «Мир этот — наш!»), которые подхватывали сперва зрительный зал в торговом доме «У Новаков» на Водичковой улице, а потом — вся республика.

В том же 1932 году сначала в пражском Национальном театре, а затем в Студии брненского Национального театра состоялись премьеры стихотворной комедии В. Незвала «Влюбленные из киоска» — дерзкий вызов буржуазному миропорядку и романтическая мечта о новом, справедливом обществе свободных тружеников, примером которого служило для автора первое в мире рабоче-крестьянское государство. В финале комедии поэт-драматург приглашал к путешествию не на «пустых иллюзий брег», не в поэтистские пальмовые кущи, а в СССР, на «благодатные нивы свободного труда». Как некогда, в

ранние, 20-е годы, Волькер, Незвал в начале 30-х не только отвергал, но и указывал путь. Через всю пьесу проходит сквозная незваловская тема — враждебности денег человеческому в человеке, а также мотив мнимого безумия тех, чьи слова, как монологи дядюшки Сократа, «правдивей, чем дозволено». «Безумие» дядюшки Сократа Незвал толкует как бунт разума и совести, бунт против общества, где «материальная кабала и страх перед нищетою… мешают отдаться любви, где с детства человеку угрожают адом, где сладость родной материнской речи осквернена такими понятиями, как загробная жизнь, мобилизация…» («Бунт безумия» из сборника «Стеклянный плащ», 1932).

«Влюбленные» продолжали линию незваловских социальных скетчей, драматургия которых подчинялась не логике бытовых и психологических коллизий, а свободному движению поэтического монтажа, раскрепощенной фантазии.

Вызов, брошенный Незвалом «фальшивой морали, фальшивой семье, фальшивой любви, тем, кто навязывает и охотно принимает фальшивый

миропорядок»[27], консервативную прессу поверг в ужас. Официоз усмотрел криминал не только в самом конфликте «поколения, стремящегося к деньгам», с поколением, стремящимся в «чудесную страну»[28], но даже в красном носовом платке и красном галстуке, которые дополняли туалет Елены (О. Шайнпфлюгова) и Беньямина (Э. Когот) на сцене пражского Национального театра. Дирекция запретила исполнителям пользоваться этими «крамольными» принадлежностями и потребовала от Незвала переделок. «Свежим весенним дождичком в нынешнюю театральную засуху» назвал «Влюбленных» З. Неедлы. «У Незвала все поет. В его пьесе опять берет слово теплокровная жизнь. Незвал доказывает, что он действительно поэт радостный и светлый… Это не значит, что он не замечает зла… Но все это преодолевается. Побеждает стремление вперед, побеждает вера в то, что мы пойдем и идем вперед»[29].

---

[27] Примечания: 1.27
Dílo, 25, 507.

[28] Примечания: 1.28
Из послесловия постановщика комедии И. Фрейки в кн.: *Nezval V.* Milenci z kiosku, Praha, 1932, s. 192.

[29] Примечания: 1.29
Nejedlý Z. Milenci z kiosku. — «Směr», 1932, č. 2, s. 41—45.

В Брно «Влюбленных» поставил Э.-Ф. Буриан — без исправлений и купюр. С выпадами против власть предержащих, со стихами об СССР в финале. На следующий день после премьеры режиссера вызвали в полицейское управление и взяли с него расписку в том, что финал он переделает. Беньямин и Елена не должны так близко подходить к рампе, и освещать их следует не столь ярко. Текст монолога о «чудесной стране» надлежит привести в соответствие с книжным вариантом и произносить с меньшим воодушевлением, лучше всего — в сторону, в кулису.

Постановка «Влюбленных» стоила Э.-Ф. Буриану места. Он возвращается из Брно в Прагу и в 1933 году в маленьком зале «Моцартеум» открывает собственный «синтетический» театр «Д-34» («Д» — начальная буква чешского слова «дивадло», театр, и «боевой клич»; идущая вслед за ней цифра каждый раз менялась, обозначая вторую половину текущего сезона: «Д-35», «Д-36» и т. д.; позднее укоренилось исходное обозначение — «Д-34»), каждый спектакль которого был реализацией выверенной до мельчайших деталей партитуры мизансцен, голосовых модуляций, светомузыки, «театрографии» (функциональное использование диапозитивов, кино, как бы

подхватывавших и продолжавших сценическое действие) — предтечи полиэкрана и «Латерны магики». Буриан был режиссером-драматургом, актуализировавшим и приспосабливавшим для своих творческих целей чешскую прозу, поэзию, драматургию, а также мировую классику. Особое место в драматургическом и режиссерском творчестве Буриана займут «народные сюиты» — монтажи фольклорных, обрядовых и ярмарочных сценок, попевок, которые накануне вторжения нацистской Германии в Чехословакию станут манифестацией национальной гордости и сплочения чехов. «…Появился театр наших дней!» — восторженно свидетельствовал Ю. Фучик.

На первых порах в стилистике «Д-34» преобладали обнаженная публицистичность, репортажность. Затем обозначилось характерное для импульсивного, эмоционального Буриана, автора нескольких стихотворных сборников, пристрастие к сценической поэзии, где социальное, злободневное воплощалось посредством интенсивной лирической атмосферы, визуальной метафоры.

«Два Б» (Э.-Ф. Буриан и «король комиков» Власта Буриан) и «два В» (Восковец и Верих) были

в 30-е годы кумирами пражан, которые жили в самом центре Европы, зараженной «белой болезнью» — так в своей одноименной драме 1936 года назвал фашизм К. Чапек. В. Ванчура в пьесе «Озеро Укереве» (1935) в связи с другой, «сонной» болезнью разоблачал колониалистские махинации расистов в Африке и антигуманное использование науки в захватнических целях. Его чернокожие герои в отличие от персонажей «Белой болезни» с оружием в руках восстают против поработителей и палачей — торговцев оружием, душителей свобод, поклоняющихся штыку и колючей проволоке. В предисловии к «Белой болезни» Чапек писал, что «трагический финал — не решение вопроса», что «мы не только зрители, но участники, которые должны знать, в каком лагере… напряженного всемирного конфликта обеспечены все права и самая жизнь». Знанием этого, приобретенным ценой многочисленных утрат и тяжелой внутренней борьбы, Чапек наделит героиню последней своей и самой знаменитой пьесы — «Мать» (1938). Отзываясь на призыв родины дать отпор убийцам детей, Мать сама посылает в бой единственного оставшегося в живых сына. В драматургии, как и во всей чешской литературе, к концу 30-х годов произо-

шла окончательная поляризация сил. Миновала пора пророчеств и философских парадоксов. Близилась всемирная катастрофа, и передовой чешский театр огласился набатным гулом.

Антибуржуазные, антифашистские, антивоенные мотивы становятся преобладающими и в словацкой драматургии 30-х годов, в пьесах И. Стодолы и Ю. Барча-Ивана.

Медик по образованию, Стодола был прозорливым диагностиком в драматургии, но, в отличие от Чапека, держался реальных, а не вымышленных коллизий. Вообще словацкий театр искони был больше, нежели чешский, привержен социально-бытовой, исторической конкретике. Жанр философской фантастики, утопии, параболы, притчи широкого распространения в словацкой драматургии не получил. Несколько значительных пьес этого плана, вышедших из-под пера названных авторов в 30-х и в первой половине 40-х годов, являются, скорее, исключением, подтверждающим правило. Примечательно, что в своих воспоминаниях Стодола всякий раз считает необходимым указать на житейскую первооснову той или иной написанной им пьесы, даже самой «параболической». Упоминает в связи с этим об отце — старосте города Липтов-

ский Микулаш, который с юмором рассказывал забавные случаи из своей служебной практики, о дружеских беседах в винных подвальчиках Микулаша, родного города Стодолы, о впечатлениях, почерпнутых на фронте (во время первой мировой войны Стодола служил армейским врачом), а затем на штатской работе: одно время Стодола был тюремным врачом, главным инспектором здравоохранения по Словакии, ведал небольшим курортом, участвуя по должности в разного рода судебных разбирательствах. Все «эти впечатления, — пишет Стодола, — глубоко запали мне в душу и повлияли на будущую мою литературную работу»[30].

В студенческие годы (Стодола учился на медицинском факультете Будапештского университета) будущий драматург играл в любительских кружках, имел возможность познакомиться с театрами Будапешта, позднее — Вены; видел ранние, помпезные спектакли М. Рейнгардта. Еще нося мышиного цвета австро-венгерскую униформу, Стодола для развлечения однополчан составлял непритязательные диалоги — влюбленных или молодоженов, медовый месяц

[30] Примечания: 1.30
Stodola J. Bolo, ako bolo. Mozaika spomienok. Bratislava, 1965, s. 174.

которым омрачают мелкие конфликты.

Успех юмористических сценок («Выборы», «Взимание податей», «Мышь, или Кто будет в доме хозяином», 1925), написанных Стодолой для самодеятельных актеров из Липтовского Микулаша, колыбели словацкого любительского театра эпохи национального Возрождения, поощрил начинающего драматурга, и год спустя он дебютирует на подмостках братиславского Национального первой своей полной комедией — «Наш господин министр». За ней последовали еще две. Комедии станут наиболее обширной и популярной частью стодоловского творчества. Благодаря комедиям и драмам Стодолы словацкий театр вырвался наконец из плена довоенной тематики (деревенской и местечковой по преимуществу) и обратился к современности с ее социальными, политическими и нравственными (вернее, безнравственными) гримасами. Как оздоровить общественные нравы, доктор Стодола не знал, но уже самый смех его, поначалу не лишенный добродушия, а затем все более едкий, саркастический, был целителен и задевал за живое. Драматург вспоминает, как после премьеры сатирического «Чая у господина сенатора» (1929) он получил грозную анонимку, а один из его родственников, сенатор, словно

бы узнав себя в герое (антигерое) этой «политической комедии» пане Сливке, заурядном владельце похоронного бюро, выбившемся по воле амбициозной супруги в сенаторы, заявил, что год не будет со Стодолой разговаривать. Необоснованные, порожденные мещанским тщеславием и алчностью претензии разного рода выскочек («Чай у господина сенатора»), а также бывших аристократов, возмечтавших о «добрых старых временах» габсбургского владычества («Наш господин министр»); волчьи повадки в мире наживы, которые не без успеха усваивает даже кое-кто из числа «маленьких», безответных вроде бы людишек («Банкирский дом Кавич и К°», написанный после посещения США в 1933 году и посвященный превратностям эмигрантских судеб), — варьируя эти темы, Стодола создал карикатурную галерею высокопоставленных ничтожеств, хищных стяжателей, буржуйчиков, никогда не имевших никаких принципов или расставшихся с ними ради обогащения, тепленького местечка ради.

Конкретные наблюдения лежат и в основе лучшей сатирической комедии, точнее, трагикомедии Стодолы — «Йожко Пучик и его карьера» (1931): автору был памятен судебный процесс по

делу известного критика и издателя Й. Шкультеты, в патриотической статье которого «За наш родной словацкий язык» австро-венгерские власти усмотрели угрозу своему существованию, а также другие судебные разбирательства, в ходе которых, как вспоминает Стодола, простодушные, доверчивые люди защищались менее успешно, чем прожженные мошенники. Пьесу драматург назвал «сатирической комедией о ложном понимании гуманизма» в буржуазной республике, но смысл вещи шире такого нравственно-этического толкования. История Йожко Пучика, ставшего жертвой трусливого проходимца, лжеца и вора, состоящего на службе в «высоконравственном» филантропическом обществе «Гуманитас» («Человечность»), — это развенчание не только ложного гуманизма, носители которого сперва спроваживают невиновного и беззащитного «маленького человека» за решетку, а затем обрушивают на него запоздалые щедроты своей казенной и, в сущности, бездушной благотворительности, но и всего общества богатства и нищеты, общества социального ханжества. Наподобие чаплинского Чарли, Йожко Пучик, кроткий, отзывчивый добряк, оказывается лицом к лицу с беспощадной машиной

буржуазного миропорядка, грозящей раздавить его. Несоответствие этого миропорядка духу и букве евангельских заповедей, которыми напичкан Йожко, производит трагикомический эффект.

Сатира Стодолы была особенно действенна еще потому, что удар наносился не извне, а, так сказать, изнутри: ведь Йожко Пучик, хоть и стоит на низшей ступеньке социальной лестницы, все-таки принадлежит и служит обществу, которое эту лестницу возвело и упрочило. Таким образом, общество, протянув карающую десницу к обманутому и оболганному служителю своему, как бы само отвешивает себе оплеуху, срывая при этом с себя маску псевдосправедливости и псевдогуманности. Какая уж тут гуманность, если для того, чтобы выжить в жестокой борьбе за существование, предпочтительнее оставаться в тюрьме и принимать подачки общества, сопровождаемые демагогическими разглагольствованиями, чем быть формально на свободе и прозябать, если не погибать от безработицы и нужды, как это происходит с сестрой Пучика! Помимо Братиславы трагикомедию поставили на словацком языке в Петровце (Югославия), а после второй мировой войны — в Буэнос-Айресе. Известный современ-

ный драматург И. Буковчан написал по «Йожко Пучику» киносценарий, который под названием «Мужественный вор» воплотил на экране режиссер Я. Лацко (1958).

Комедии Стодолы продолжали и развивали традицию социальной сатиры, высшие достижения которой в словацкой драматургии прошлого связаны с именами Я. Халупки, автора «Коцуркова» (нарицательное «коцурковщина» означает приблизительно то же, что наша «пошехонщина»), Я. Паларика, Й. Голлого. В историко-литературном родстве с социально-бытовой драматургией Й. Грегора-Тайовского и исторической Й. Заборского состояли драмы И. Стодолы «Жена пастуха» (1928) и «Король Сватоплук» (1931).

В «Жене пастуха» нравственный и психологический конфликт вытекал из конфликта социального: женщина вторично обзаводится семьей, полагая, что уехавшего на заработки и не подающего о себе вестей мужа давно уже нет в живых, но муж возвращается… Ситуация типичная для Словакии 20—30-х годов. Тысячи гонимых нуждой, а подчас и надеждой на обогащение словаков и закарпатских украинцев искали счастья на чужбине, за океаном. На примере своего Ондрея Стодола показывает: деньги счастья не

приносят. Конкретный сюжет драматургу подсказал у ночного костра старик чабан, с которым он познакомился во время летних скитаний по горам и долам. Образ центральной героини «Жены пастуха», этой романтической театральной баллады, выписан ярко и психологически убедительно. Натура любящая, благородная и жертвенная, Ева не находит лучшего выхода из положения, кроме как самоубийство. «Это один из наиболее целостных, сильных и гармоничных женских характеров в драматургии Стодолы, которым он прославил духовную красоту и самоотверженность словацкой женщины. Именно в среде простых людей Стодола находит цельность, настоящего героя»[31].

В «Короле Сватоплуке» без дотошного историзма воскрешались события далекого прошлого (IX век!), в котором драматург сумел разглядеть множество аналогий с современностью, создав патриотическую драму-предостережение, драму — призыв к единству перед лицом сепаратистских поползновений словацкой реакции. «Навеки рабами будете, коли не отстоите независимость», — говорит Сватоплук, властелин

[31] Примечания: 1.31

История словацкой литературы. М., 1970, с. 429 (глава о творчестве И. Стодолы написана А. А. Зайцевой).

жестокий, но искренне и глубоко любящий родину. Образ его трагичен. Короля не понимают престолонаследники. Его, ведущего борьбу с германскими завоевателями, предают живущие при дворе сановные лазутчицы-немки — намек на пятую колонну, которая действовала в Чехословакии и вскоре сыграла свою роковую роль.

Столь же актуальной оказалась драма Стодолы «Цыганенок» (1933). История о подкидыше цыганке обернулась в контексте расовых «теорий» гитлеризма протестом против дискриминации людей по национальному признаку.

Не вполне последовательному расшатыванию «изнутри» существующего порядка вещей посвятил свое сатирическое перо другой видный словацкий драматург 30—40-х годов — Ю. Барч-Иван (1909—1953). Его «Человек, которого избили» (1936) тематически примыкает к пьесам о справедливости Ф. Лангера, И. Стодолы. Эта трагикомедия, «события которой — стоит только изменить имена — могли бы произойти в любом демократическом государстве», как гласит ироническая авторская ремарка, словно бы продолжение, вторая серия стодоловского «Пучика». Печальный случай с аполитичным и вполне благонамеренным булочником Спагетти,

которого выпороли в околотке по необоснованному подозрению в причастности к разогнанной демонстрации, а затем в ответ на его жалобу отдали под суд за клевету на государственные органы, — эта «пучиковская» коллизия служит в пьесе Барча-Ивана толчком к парадоксальной мистификации, на которую пускается представитель официальной юстиции Хуан. Это он судил и осудил ни в чем не повинного булочника, но, поколебленный в своей правоте, решает на собственной шкуре испытать беспристрастность буржуазной фемиды, для чего делает ложное заявление, будто его ни за что ни про что во время прогулки избили блюстители порядка. Судья добивается справедливого вроде бы решения, да вот беда — от истца отворачивается все его окружение. На этом драматург мог бы поставить точку, сатира от этого только выиграла бы, но он делает Хуана министром и этим притупляет острие инвективы. Барч-Иван в большей мере, чем Стодола, тяготел к обобщениям, гиперболе, «словно бы программно стремясь снять с нашей литературы бремя прямой зависимости от фактографического материала и перевести все в более широкий

план»[32]. Центральной темой Барча-драматурга, как отмечает словацкий исследователь Э. Легута[33], была тема «я» и мое «второе я», напарник, двойник. Центральный конфликт его пьес — «я» и «он»: брат, жена, отец, мать, некий роковой партнер, соперник, судьба, недруг (социально-психологические драмы «Мать», 1943; «Двое», 1945). Своим творчеством драматург, по собственному его признанию, боролся за «лучшего человека, очищенного. Очищенного страданием, постижением, внутренней борьбой. За то, чтобы из этой боли родился новый человек»[34]. Как и Стодола, Барч-Иван мастерски владел искусством сценической интриги, диалога.

В 1932 году владелец братиславского Национального театра А. Драшар, заботясь не столько о развитии словацкого искусства, сколько об увеличении прибыли, разделил двуязычную драматическую труппу на две самостоятельные — чешскую и словацкую. Первую возглавил

---

[32] Примечания: 1.32

Mráz A. Snahy a výsledky úsilí J. Barča-Ivana na poli dramatickej literatúry. — In: *Barč-Ivan J.* Hry. Bratislava, 1964. s. 239.

[33] Примечания: 1.33

В кн.: Štyri hry slovenskej moderny. Bratislava, 1973, s. 144—148.

[34] Примечания: 1.34

Цит. по кн.: Štyri hry slovenskej moderny. Bratislava, 1973, s. 147.

В. Шульц, человек левых убеждений, политических и эстетических, близко стоявший к коммунистам и много сделавший в годы усиления угрозы фашизма и войны для сплочения передовой интеллигенции; вторую — Я. Бородач. Организационная автономия способствовала успешному претворению на практике двух режиссерских концепций: антииллюзионистской — В. Шульца, ориентировавшегося на европейский, в первую очередь чешский авангард, и реалистической — Я. Бородача.

Значительным достижением Я. Бородача и всего словацкого театра 30-х годов явилась постановка «Ирода и Иродиады» (1937) — трагедии классика словацкой литературы, поэта и драматурга П.-О. Гвездослава[35]. Гвездослав был классиком «живым», одним из тех, кто из рук в руки передавал новому поколению эстафету реалистического искусства XIX века. В условиях национальных и социальных притеснений словаков со стороны австро-венгерских властей, эта закамуфлированная под легендарно-историческую, а на деле целиком обращенная к тогдашней словацкой действительности, к настоящему и

[35] Примечания: 1.35

См.: *Кишкин Л. С.* Павол Орсаг-Гвездослав. — В кн.: История словацкой литературы, с. 207—228.

будущему революционная народная драма показана быть не могла: слишком прозрачна в ней аллегория борьбы за национальное и социальное освобождение словаков! Лишь в 1919 году отрывки из «Ирода» сыграли актеры-любители в Мартине. Еще шесть лет спустя трагедию поставил в братиславском Национальном театре опытный чешский режиссер В. Иржиковский. И хотя этот спектакль вызвал оживленные толки как в Братиславе, так и в Праге, куда драматическая труппа Словацкого Национального приезжала на гастроли, все же по-настоящему жемчужину словацкой драматургии XX века «открыл» Я. Бородач. Ему первому удалось различить под аллегорическим гримом и полностью выявить истинный смысл трагедии Гвездослава, ее идейный масштаб, ее философскую глубину, выразительность незаурядных характеров. Благоговейный ученик и переводчик Шекспира, Пушкина («Гамлет», «Борис Годунов» и др.), Гвездослав, которого самого называют словацким Шекспиром и Пушкиным, искусно передает в стихе и разговорную интонацию и ораторский пафос, уснащая монологи и диалоги своеобычной образностью, запоминающимися афоризмами, притчами, историческими и литературными

реминисценциями, которые простираются в глубь веков, в толщу народной жизни и духовности Древнего Востока, Рима, Эллады. Прочно привязанная к национальной словацкой проблематике, трагедия Гвездослава трактует еще и такие «вечные», вненациональные нравственно-психологические и философские проблемы, как проблема жизни и смерти, войны и мира, борьбы и непротивления злу; неограниченной личной власти, взаимоотношений индивидуума и «толпы»; преступления и наказания, предательства и раскаяния, искупления и т. д. Впоследствии Я. Бородач еще не раз обратится к «Ироду и Иродиаде», но именно спектакль 1937 года положил начало триумфальному шествию трагедии Гвездослава по театральным подмосткам. В разгар гражданской войны в Испании, за год до Мюнхена и расчленения Чехословакии монументальная и вместе с тем человечная сценическая поэма великого словака прозвучала гневным судом над угнетателями и захватчиками, страстным предупреждением о надвигающейся катастрофе.

4

Гитлер и его пособники в Чехословакии брязцали оружием. В мае 1938 года чехословацкое

правительство объявило частичную мобилизацию. Передовые деятели культуры подписывают воззвание «Останемся верны!», заявляя о своей непоколебимой приверженности идеалам свободы, мира, демократии. «Сейчас поставлено на карту наше будущее, — говорил Незвал, выступая с трибуны Парижского конгресса в защиту мира (июль 1938 г.). — И мы должны доказать всему миру, что защищаем, что защитим культуру!.. Такая защита означает честный мир. Честный мир во имя культуры, с позиций которой нельзя без риска для жизни отступить ни на шаг!»[36] Но уже в сентябре в Мюнхене, «умиротворяя» нацистов, западные державы дают согласие на отторжение от Чехословакии Судет, а в начале следующего года вермахт вступает в Прагу. Чехия и Моравия объявляются немецким протекторатом. Словакия получает статус номинально «самостоятельного», а на деле целиком зависимого от германских хозяев государства.

Еще накануне Мюнхена власти закрыли Освобожденный театр, ставший бельмом на глазу для доморощенных и немецких наци, — во всей Европе не было другого театра, который так мет-

[36] Примечания: 1.36
Dílo, 25, 399.

ко и неутомимо вел бы сатирический огонь по фашизму! Восковец, Верих, Ежек, художник и драматург Гофмейстер, авангардная танцовщица М. Гольцбахова и другие деятели искусства вынуждены эмигрировать за океан. Из Братиславы словацкие националисты изгоняют чешских актеров и режиссера. В. Шульца. Начинаются гонения на евреев. Пражский Национальный театр покидает замечательный характерный актер Г. Гаас. Братиславский — один из ветеранов словацкой профессиональной сцены М. Грегор. Его прощальное выступление вылилось в антифашистскую демонстрацию. Из зала доносились возгласы: «Искусство — на сцену, шовинизм — на улицу!», «Ничего, вы сюда еще вернетесь!» Как огня боясь свободного, правдивого слова, немецкие оккупанты и правители Словацкого государства установили строгий полицейский надзор за театрами, издательствами. На чешской академической сцене национальный репертуар теснят немецкие пьесы. Чешская драматургия, как и вся литература вообще, уходит в подполье исторической темы, иносказаний, продолжая борьбу средствами эзопова языка. Словацкая, пользуясь хотя и куцыми, но все же более широкими, нежели в Чехии и Моравии, возможностями,

развивается по трем основным направлениям: сатирическая аллегория общественных нравов, воцарившихся в «республике попов», историческое иносказание и психологическая драма на современном материале.

Бастионы передовой чешской культуры в первые годы оккупации — Клуб деятелей искусств «Манес» и «Д-34» во главе с Э.-Ф. Бурианом, который не только режиссирует, но и организует в стенах театра выставки живописи и прикладного искусства, издает театральный журнал, руководит работой зрительского актива «дэчека», как любовно называли «Д-34» его друзья и почитатели.

В историю театра тех лет вошли сделанные Э.-Ф. Бурианом инсценировки двух чешских повестей: «Дон Пабло, Дон Педро и Вера Лукашева» (1938) Б. Бенешевой и «Крысолов» (1940) В. Дыка (1877—1931) — поэтичные притчи о противоборстве добра и зла, душевной чистоты и низости, горделивой романтики и бескрылого филистерства. Пытливая душа двенадцатилетней Веры и верный своему долгу, своему слову Крысолов, пришедший в повесть Дыка и пьесу Буриана из старинной немецкой легенды, — вот кто на сцене «Д-34» одерживал верх над миром циничного и

велеречиво-лицемерного старика — опустившегося аристократа, над миром бюргерства с его скопидомством, ханжеским благочестием, душевной заскорузлостью. Обманутый бюргерами и возлюбленной Крысолов мстит погрязшему в мещанстве Гаммельну, дудочкой завлекая всех его жителей в пропасть. В живых остается лишь рыбак Йорген, честный труженик, родоначальник будущего человечества, свободного от несправедливости, расчетливого «благоразумия».

Большой писатель, автор знаменитого, вложенного в уста Матери-родины стихотворного изречения, обращенного к любому из ее сыновей: «Если покинешь меня, — не погибну. Если покинешь меня — погибнешь!» — Дык оставил после себя немалое драматургическое наследие («Отрезвление Дон-Кихота», «Революционная трилогия», «Ондржей и дракон» и другие), и все же Буриан, незадолго до того поставивший «Революционную трилогию», на сей раз остановил свой выбор именно на дыковской прозе. Вероятно, потому, что повесть о Крысолове заключала в себе насущный в годы фашистской неволи мотив измены (бюргеров, Агнес) и справедливого воз-

мездия[37]. И еще — перспективу (образ рыбака, баллада о сказочной Семиградской земле), которой как раз недоставало большинству пьес Дыка. В «Крысолове» доминировал типично дыковский разлад между мечтой и реальностью, но противостояние этих начал завершалось победой добра над злом, предвещавшей иную, лучшую жизнь.

Весной 1939 года в «Д-34» состоялось театрализованное чтение стихов из только что вышедшего сборника Незвала «В пяти минутах от города» — самой смелой поэтической книги оккупационного безвременья. При подготовке спектакля Буриану пришлось вымарать «горестную жизнь», «плач детей», «причитания матерей», «невинную страну, лишенную границ», «безжалостные времена» и т. п. У него уже был печальный опыт общения с цензурой и гестапо. «О, Эмиль, нам это немиль…» — юродствовала газета чешских фашистов «Влайка», специализировавшаяся на публичных доносах, науськивании.

Затем Незвал сочинил для Буриана либретто о сказочном Ячменьке — добром гении чешского

[37] Примечания: 1.37

Мотив возмездия лег в основу и неоконченной пьесы К. Чапека «Юдифь»: повторяя поступок своего библейского прототипа, героиня убивала Диктатора. Его место занимает другой, и все остается по-прежнему. Набросок отразил ту депрессию, в которую накануне кончины ввергли Чапека национальная катастрофа и оголтелая травля.

народа, всегда приходящем на выручку в трудную минуту. Но по цензурным соображениям от этой оптимистической аллегории пришлось отказаться. И тут от Буриана пришло письмо (от 7 ноября 1939 г.), содержавшее предложение инсценировать для «Д-34» роман аббата Прево «Манон Леско». Сюрприз, о котором Незвал мог только мечтать! Пятнадцатилетним гимназистом прочел он впервые «Манон» — и пристрастился к этой книге на всю жизнь. «Сейчас я дни и ночи напролет прикован к самой увлекательной работе из всех, какие мне когда-либо доводилось делать, — к «Манон Леско», стихотворной пьесе в семи картинах, которую я пишу для Э.-Ф. Буриана», — ликующе сообщал Незвал своему другу прозаику Й. Плеве[38].

На премьере публика затаив дыхание три часа как завороженная ловила каждое слово. «Демонстрировать с помощью большого поэта красоты нашего родного языка, неодолимую творческую фантазию чехов, а также счастье, которым нас наполняет мелодика чешского стиха», было «главной задачей» постановщика спектак-

[38] Примечания: 1.38

Письмо от 10 декабря 1939 г. Литературный архив Музея чешской письменности (ЛА МЧП) в Праге.

ля Буриана[39]. В пору, когда опять начиналось онемечивание чешского народа, когда свежена-малеванные вывески и дорожные указатели на немецком возвращали чехов к эпохе трехсотлетней кабалы, — родная речь, да еще ограненная виртуозом, сама по себе была актом патриотизма, «пылающим факелом… среди кошмаров протектората»[40]. Незвал впоследствии вспоминал: «Наше Сопротивление… обладало одной весьма примечательной особенностью: это помимо всего прочего была борьба за чешский язык, который у нас намеревались навечно отнять»[41].

Успехом своей пьесы Незвал был обязан еще и невольным соавторам — Времени, Зрителю. Казалось бы, далекая от злобы дня сценическая поэма в условиях оккупации звучала как апофеоз человечности и приговор гонителям. Закованные в цепи каторжанки ассоциировались с узниками фашистских концлагерей и застенков. Предательство Тибержа ничем не отличалось от

[39] Примечания: 1.39

Цит. по кн.: *Kočová Z.* Kronika Armádního uměleckého divadla. Praha, 1965, s. 42.

[40] Примечания: 1.40

Burešová M. První Manon. — In: Theater — Divadlo. Redigoval František Černý. Praha, 1965, s. 42.

[41] Примечания: 1.41

Dílo, 26, 11.

доносов его духовных наследников. Упоминание об Амьене и Аррасе вечером того дня, когда в эти французские города вступили танки вермахта, оборачивалось клятвой солидарности. Баллада о драконе, которому отрубают одну голову, потом вторую и вот-вот отрубят третью, вселяла веру в освобождение. Улыбка на лице умирающей Манон была улыбкой надежды. А какой резонанс получали тогда слова: «Зову тебя к новой жизни — без ужасов, без дювалей!», «Стреляют ружья, гон, охота… Как это глупо — враждовать», «Несчастное человечество, которое допускает, чтобы преступление считалось правом!» — и т. д. и т. п.[42].

«Манон» стала самым ярким и значительным театральным событием мрачных оккупационных лет. С редкостным единодушием газеты грянули осанну. Диссонансом прозвучало лишь развязное брюзжание фашистских листков.

Вдохновленный удачей, Незвал написал для «Д-34» еще одну стихотворную пьесу — «Лоретка» (1941), овеянную поэзией средневековой Златой Улочки и барочной церкви Лорета с хрустальным

[42] Примечания: 1.42

Немало злободневных намеков содержалось и в радиопьесах Незвала «Слава и тайна Златой Улочки», «На учение, или Лабиринт мира» (по Я.-А. Коменскому).

перезвоном ее колокольцев, но треволнения молодого стихотворца Карела, мечущегося между двумя женщинами, оставили зрителей совершенно равнодушными.

В крохотном «Театрике для 99» И. Гонзл поставил две картины из драмы Незвала «Зловещая птица», включенные наряду с отрывками из стихотворных и прозаических книг писателя в программу «Вечера с Витезславом Незвалом» (1940). Пьеса была написана в 1936 году, когда Незвал возглавлял организованную им группу чешских сюрреалистов и искал творческие импульсы и разгадку тайн бытия в сфере подсознательного, сновидений. По этой части у него был в чешской драматургии талантливый предшественник — уже упоминавшийся нами автор экспрессионистских гротесков, философских драм и комедий Я. Бартош (1893—1946). Незвал ценил творчество старшего собрата по перу. На подаренном Бартошу экземпляре своих «Пряток на лестнице» (по Кальдерону, 1931) он написал: «Дорогому другу д-ру Яну Бартошу, пьесы которого я люблю всем сердцем. Его Витезслав Незвал. Прага, 1939»[43]. Сближало обоих писателей и

[43] Примечания: 1.43
Страговская Библиотека МЧП (Прага).

общее увлечение гороскопами.

В удостоенной Государственной премии драме Бартоша «Бунт на сцене» (1925) инженер Гержман объявляет сон и даже саму смерть продолжением яви и жизни. То и другое для него всего лишь различные формы существования души, различные, но тесно связанные друг с другом ипостаси сознания, между которыми он ставит знак равенства. Поэтому сон полицейского комиссара оказывается «сном в руку» и как бы сбывается на глазах у зрителей.

Отсюда — своеобразное двоение, раздвоение, двойственность персонажей и предметов. Они одновременно и во «сне» и наяву, они вездесущи, ибо нет в мире границ — ни пространственных, ни временных. В своем сочувствии страждущим Гержман считает, что постичь причину человеческих страданий невозможно, опираясь лишь на собственный эмпирический опыт, что для этого нужно исходить «из вечной жизни души, которая не умирает, а бесконечно живет во все новых и новых формах». Драма Бартоша и есть попытка такого постижения.

«Зловещая птица» Незвала — одно из немногих произведений, где сюрреалистская поэтика помогает писателю сказать правду о бесчеловечном

мире купли-продажи и насилия. Это портрет буржуазного общества, смонтированный из нескольких картин-эпизодов, связанных друг с другом единством некоторых действующих лиц, в том числе самой Зловещей птицы — воплощенного социального зла, Мефистофеля, Вельзевула.

Где бы Зловещая птица ни появлялась, всюду воцаряются ложь, смерть. Травится газом один из посетителей Клуба самоубийц, открытого предприимчивым дельцом с благословения и при негласном участии этой жестокой фантастической птицы. В ломбарде налетчица душит оценщика. Она же — обманутая любовница, убивающая «добропорядочного» буржуа. «Проклинаю мир, где любовь — зло!» — восклицает один из эпизодических персонажей. И ему вторит другой: «До чего паскудные времена!..» Жизнь в незваловской драме обозначена двумя атрибутами — топором и колыбелью. Колыбель — надежда на лучшее будущее. Под занавес Зловещую птицу убивает маленький мальчик, красноречиво облаченный в рыцарский костюм. В одной руке у мальчика — книга, в другой — шпага (синтез противоположностей, словно бы перекочевавших из ванчуровской «Больной девушки»). В условиях протектората драма Незвала обретала черты

антифашистского гротеска; уже само название пьесы наводило на мысль о зловещей свастике.

Осенью 1941 года возникает Национальный комитет интеллигенции, чуть позже — Национально-революционный комитет писателей. Оба подпольных комитета возглавляет В. Ванчура. Перу этого выдающегося писателя, героя Сопротивления, принадлежит одна из лучших чешских пьес времен фашистской оккупации — комедия «Йозефина» (1941), где полемически перетолкован основной мотив «Пигмалиона» Б. Шоу: уличная певица Йозефина, попав случайно в консерваторию, в отличие от героини ирландского драматурга, отнюдь не чувствует себя чужачкой среди «образованных» — так материализовывалась основная идея пьесы — «единство творческой интеллигенции и народа»[44]. Ванчура подписал пьесу псевдонимом (к псевдонимам прибегал во время оккупации и Незвал: им обоим, как и некоторым другим литераторам, печататься было запрещено) и передал ее на хранение писателю Й. Томану, члену подпольного Комитета интеллигенции, прозаику, драматургу, поэту. «Йозефина» увидела свет лишь после вто-

---

[44] Примечания: 1.44
Малевич О. Владислав Ванчура, с. 175.

рой мировой войны.

При «новом порядке» «Д-34» и «Театрик для 99» просуществовали недолго. И. Гонзла вынудили оставить сцену и перейти на положение мелкого служащего, живущего под надзором гестапо. Авангардистской поэтике отчасти наследовал театр малых форм «Вьетрник» («Флюгер»). Власта Буриан по-прежнему делал большие сборы, а Э.-Ф. Буриана оккупанты бросили в концлагерь; труппа «Д-34» распалась.

Разнузданный террор начался после покушения на гитлеровского гауляйтера Гейдриха. Стерты с лица земли чешские деревни Лидице, Лежаки. Казнены тысячи ни в чем не повинных людей. Расстрелян В. Ванчура, повешен Ю. Фучик. Погибнут за колючей проволокой К. Гашлер, Й. Чапек, актриса Национального театра А. Летенская, О. Стибор, видный режиссер из Оломоуца, театральный художник Ф. Зеленка, оформлявший спектакли Освобожденного театра, и многие другие деятели чешской культуры. Несколько недель проведет в заключении В. Незвал.

Но чешское искусство не сдавалось. Даже в концлагерях чехи искали утешения и опоры в импровизированных театральных представле-

ниях, подбадривали себя песнями В+В. Театру посвящали свой короткий досуг любители и профессионалы, которые служили в чехословацких воинских частях, дислоцированных в СССР, Англии, на Ближнем Востоке.

Из-за океана радиоволны доносили знакомые, вселявшие надежду голоса Восковца и Вериха:

«Алло, алло! Вниманию всех фашистов!

А — значит Адольф.

Л — людоед.

Второе Л — людоед вдвойне.

О — отдуем!»

И затем — песня. Музыка Ежека, довоенная. Только слова другие — на злобу дня.

Еще не успел рассеяться националистический угар торжеств по случаю обретения Словакией государственной «самостоятельности», как братиславский Национальный, несмотря на недреманное око прикомандированного к театру интенданта, личного секретаря министра просвещения, преподнес новоиспеченным «мещанам во дворянстве» целую пригоршню горьких пилюль, вызвавших переполох «наверху» и цепную реакцию газетных разносов. Все лучшие пьесы той поры независимо от жанра, темы, стиля сопровождались скандалами. С рук сходила разве что

национальная классика, да и то изрядно причесанная и «приспособленная» к новым условиям.

Политическую кустарщину, массовое оглупление, психоз карьеризма, искательства хлестко высмеял в сатирической комедии «Полная миска» (1940) Ю. Барч-Иван. Вакханалия подхалимажа, поднятая обывателями заштатного городка Тютетин вокруг местного учителя, якобы назначенного министром, оказывается беспочвенной: министром назначен живущий в другом городе брат незадачливого, но уже «входившего в роль» учителя-тютетинца, который стал жертвой ошибки и тщеславия — собственного и жениного. С ироничным, невозмутимым достоинством человека из народа взирает на эту чехарду прислуга в доме учителя, немногословно изъясняющаяся на колоритном диалекте. В «Неизвестном» (1944) Барч-Иван использовал мотив Великого Инквизитора, ставя проблему авторитарной, диктаторской власти, добра и зла в повседневной и общественной жизни.

Прохвосты и спекулянты от политики узнали себя в новых аллегорических комедиях И. Стодолы. Знахарство, противостоящее доктору Хомуту, герою трагикомедии «Когда юбиляр плачет» (1941), — это символ того политического,

замешенного на поповстве и национализме шарлатанства, каковое пышным цветом цвело в годы клеро-фашистского режима. Хомут не слишком последователен в отстаивании своих взглядов.

Другой персонаж, непримиримый правдоискатель, отвергающий любые сделки с совестью, исповедующий высокие нравственные и гражданские идеалы, объявлен, как и незваловский дядюшка Сократ, безумцем. «Муравьи и сверчки» (1943) — словацкий вариант чапековской аллегории «Из жизни насекомых». Доносы, обман, физическая расправа — вот средства, с помощью которых «сверчки» в Словацком государстве преуспевали за счет разоряемых и предаваемых ими «муравьев».

Тихой демонстрацией против националистического сепаратизма словацкой правящей верхушки явился «Домовой» (1942) Ф. Урбанека, автора многочисленных, часто игравшихся в 20—40-е годы лубочно-идиллических пьес из мещанской и деревенской жизни. Разлад двух семейств в пьесе «Домовой» разрешается сносом изгороди, воздвигнутой по наущению соседки, — акт, воспринимавшийся зрителем как намек на грядущее воссоединение двух народов, разобщенных не по доброй воле.

Писанные маслом вельможи в гротескной комедии П. Звона (1913—1942) «Танец над плачем» (посмертно поставлена в 1943 году) покидают свои рамы не только для того, чтобы посмешить зрителей комичным несоответствием старомодных представлений, манер, нарядов новым временам, но — и это главное — для того, чтобы вместе с публикой грустно подивиться живучести социальных пороков и степени падения словацких правителей. Граф Альфред сокрушается: «Казнить героев, кланяться злодеям… Не замечать нужды и строить плахи, карабкаться по трупам вверх за славой…» Ему вторит другой граф: «Героев нет, наемники остались… Политика, торговля и культура прокладывают путь вперед по трупам. Не изменился мир». Вину за происходящее, за то, что «мир нынче служит крови, не душе», пришельцы из глубины веков целиком возлагают на своих потомков, ибо от самих живущих «зависит, с кем идти». Чех по рождению, П. Звон обиняком напомнил словакам об их совместном с чехами историческом и культурном прошлом: граф Рихард шутливо представляется как «владелец Леванты и *Деветсила*»…

Фашиствующие культуртрегеры негодовали.

Пьесы Стодолы и Барча-Ивана были сняты с репертуара. По поводу «Муравьев и сверчков» официозная газета «Гардиста» разразилась погромной статьей, продиктованной самим министром внутренних дел.

Часто, так же как и чешские писатели в годы войны, словацкие драматурги обращались к исторической теме, черпая в героическом прошлом своего народа силы и мужество, веру в освобождение. Появились целых три «Яношика»[45] (Я. Бородача, Я. Поничана, М. Разусовой-Мартаковой), разных по своей идейной направленности и художественному уровню. И. Стодола написал «Марину Гавранову» (1941) — драму о временах реакции, наступившей после революции 1848 года, о продолжении борьбы словаков за «лучшую жизнь». В пьесе прозвучала тема России, к которой с надеждой обращали взоры словацкие патриоты.

Наперекор всем препонам и сложностям словацкая драма постепенно наверстывала упущенное, догоняя европейский профессио-

[45] Примечания: 1.45

Юрай Яношик (1688—1713) — национальный герой Словакии, легендарный народный мститель, «горный хлопец». На чешской и словацкой сценах часто ставился «Яношик» (1910) И. Магена (см.: *Маген И.* Избранное. М., 1982).

нальный театр. Именно в первой половине 40-х годов окрепло и возмужало дарование актеров и режиссеров Й. Будского и Я. Ямницкого. Еще в 1936 году Ямницкий побывал в Москве и возвратился оттуда страстным поклонником искусства вахтанговцев, Мейерхольда, Таирова, Охлопкова. Был ему близок и «синтетический» театр Э.-Ф. Буриана.

Вскоре после возникновения Словацкого государства гестапо арестовало ведущего актера Национального театра А. Багара, выполнявшего задание антифашистского подполья, а когда его выпустили на свободу, двери театра, в котором он проработал почти со дня основания, оказались для него закрытыми.

Друзья пристроили Багара на радио, где он сперва под псевдонимом, а затем и под собственным именем занимался редакторской и режиссерской работой, играл. В мае 1942 года хлопотами Я. Бородача ему позволили гастрольное выступление на сцене Национального в роли ростановского Сирано де Бержерака. Поставленный Бородачем спектакль с участием Багара, так же как чешская «Манон Леско», стал одной из самых внушительных манифестаций в пользу свободы и против клеро-фашистского режима. Два года

спустя Багар, пользуясь служебными, от радиоредакции командировками в Мартин, создает там Камерный театр. В окрестных горах уже шла подготовка к Словацкому национальному восстанию, когда состоялась премьера новой труппы: антирежимный спектакль по «Вильгельму II» Э. Верхарна — кульминационное событие на словацкой сцене в годы Сопротивления.

Деятельность Фронтового театра — последняя накануне освобождения и самая героическая страница истории словацкого театра военных лет. Детище А. Багара, участника Восстания, Фронтовой театр стал с сентября 1944 года верным спутником бойцов-антифашистов. Старенький автобус, на котором передвигалась актерская бригада Багара, неутомимо колесил по ухабистым горным дорогам. В солдатской землянке, на лесной поляне, в лазаретах артисты по нескольку раз в день давали литературно-музыкальные концерты, воодушевляя партизан на борьбу, поднимая их боевой дух, высмеивая врага, дни которого были уже сочтены — фронт приближался к довоенной границе Чехословакии.

Багар сам писал сценки, конферанс (к тому времени на его драматургическом счету было уже несколько радио- и театральных пьес), ре-

жиссировал. Иногда программы получались многоязычными, интернациональными: бок о бок со словацкими антифашистами сражались русские, французы, американцы. Находчивость и умение импровизировать не раз выручали артистов передвижного партизанского театра. О том, как много значило в ту трудную пору его искусство, каким «теплым лучом» вторгалось оно в жизнь сотен людей, свидетельствуют многочисленные отзывы зрителей, дошедшие до нас в актерских дневниках, в подшивках газеты «Правда» — центрального органа Компартии Словакии, руководившей антифашистским восстанием.

В мае 1945 года восстанет против оккупантов и Прага. Наступят долгожданные, завоеванные ценой стольких жертв мир и свобода. Чехи и словаки воссоединятся в народно-демократическом государстве. Снова во весь голос заговорят музы. Из концлагеря возвратится Э.-Ф. Буриан и возродит свой «дэчек». Из-за океана — Восковец с Верихом и тоже возобновят (к сожалению, ненадолго) Освобожденный театр. Продолжат режиссерскую работу И. Гонзл, И. Фрейка, Я. Бородач, Й. Будский. Братиславский Национальный возглавит А. Багар. Появятся новые произведения Ф. Лангера, И. Стодолы, Ш. Кралика. Довоенную

пьесу Стодолы «Жена пастуха» экранизирует чешский режиссер М. Фрич, и этому фильму, первому словацкому художественному фильму, будет искренне радоваться В. Незвал, тогдашний руководитель секции кинематографии министерства информации.

В творчестве нового поколения чешских и словацких драматургов, о чем бы они ни писали — о довоенных временах, о жизни в годы войны, о Словацком национальном восстании или послевоенных буднях, — отзовутся традиции передовых чешского и словацкого театров 20—40-х годов.

И тем не менее это будет уже другая драматургия, другой театр другого времени, лежащего за хронологическими рамками нашей антологии.

Пути, по которым в 20—40-е годы шли чешская и словацкая драматургия, чешский и словацкий драматические театры, сперва отставая один от другого, затем почти поравнявшись друг с другом, вывели две эти драматургии и два этих театра на просторы большого искусства, получившего европейскую, а в отдельных случаях и мировую

известность[46].

Различия и сходство исторических судеб, национальных характеров и национальных культур двух родственных народов предопределили различие и сходство двух смежных драматургии и театров: сходство духовное и стилистическое, в основе которого лежит общее стремление откликнуться на проблемы и запросы своей эпохи, знавшей взлеты и падения, победы и проигрыши.

Эпоха эта уже стала достоянием истории, но воскресает в своих героях и коллизиях здесь, в двух этих томах, а также на подмостках, где большинство предлагаемых вниманию читателя произведений, одушевленных мужественным протестом и неизбывной надеждой, по сей день живет своей второй, театральной жизнью.

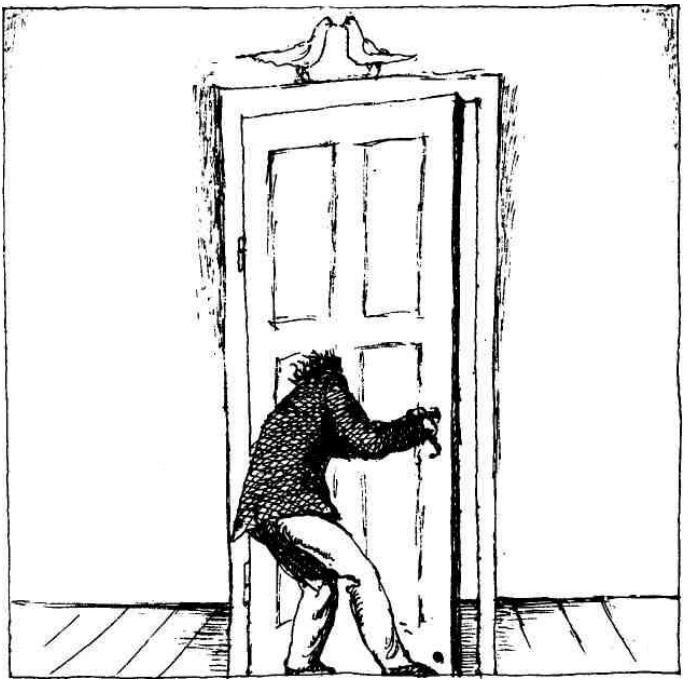
И. Инов

---

[46] Примечания: 1.46

Еще в середине 30-х годов В. Мейерхольд говорил, что «Прага вырвала сегодня художественное руководство театральной жизнью Центральной Европы из рук Вены и Берлина» (Цит. по кн.: Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970, с. 138).

Иржи Маген
МАЙСКИЙ ЖУК
Пьеса из студенческой жизни в четырех действиях



J. Mahen
CHROUST
Jiři Mahen. Divadelní hry, 2, Dílo Jiřího Mahena. Svazek šestý. Praha, Československý spisovatel, 1956.
Перевод с чешского **Н. Аросевой.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАНИ ЛИНЦОВА, хозяйка.

ТОНИЧКА, ее племянница.

ВАЛЕНТА, студент юридического факультета.

ФРАЙТ, студент философского факультета.

ЙОГАНИК, также студент философского факультета.

КРХНЯК, студент технологического факультета.

ЮЗЛ, студент Академии художеств.

БА́РАН, наборщик.

СЛАВИК, загадочная личность.

РАССЫЛЬНЫЙ.

ДОМОВОЙ.

Действие первое — сентябрь.

Действие второе — декабрь.

Действие третье — конец марта.

Действие четвертое — Первое мая.

Действие происходит в Праге примерно в 1905 году. Желательно, чтобы между первым и вторым действиями перерыв был коротким, минут пять, при затемненном зале, после второго действия — большой антракт, между третьим и четвертым действиями тоже всего несколько минут переры-

ва; все это для того, чтобы создать впечатление двух длинных действий.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

П а н и Л и н ц о в а — хозяйка дома, женщина лет пятидесяти, строгая, но болтливая.

Т о н и ч к а — спокойная девушка лет восемнадцати, боится тетки. Отнюдь не кокетка. На студентов, когда ей приходится с ними разговаривать, смотрит без робости.

В а л е н т а — тип предприимчивого студента. По воскресеньям носит цилиндр и перчатки. Красивый юноша.

Ф р а й т — сангвиник. Большой нос. Очки.

Ю з л — подвижный, как ртуть, человечек. Хватает все, что попадается под руку, вечно чему-нибудь смеется, много разговаривает. Ходит в коротком пиджачке. Хоть и художник — не носит ни длинных волос, ни экстравагантных галстуков.

Б а́ р а н — лохматая голова, отличные белые зубы, самоуверенный, веселый человек лет двадцати восьми — тридцати.

С л а в и к — ему уже лет тридцать пять.

Й о г а н и к — парень двадцати одного года,

неинтересное лицо — размазня.

К р х н я к — пожалуй, еще флегматичнее Йоганика, хотя он родом словак, которые, по слухам, обладают бешеным темпераментом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Все четыре действия разыгрываются в просторной комнате квартиры пани Линцовой. Квартира эта расположена в двухэтажном флигеле бывшего заезжего двора; соответственно выглядит и комната, которую пани Линцова сдает студентам: это старое помещение со скрипучими половицами и тараканами за печкой. Особенность комнаты — большая, широкая ниша в левом углу. Быть может, в свое время она вела на галерею, окружавшую дом со стороны двора, но галерею снесли, ниша лишилась своего назначения. В общем, этакая унылая берлога, располагающая студентов к тому, чтобы сидеть — или, напротив, не сидеть дома. Дверь в комнату одна — впереди справа. Приятели, собирающиеся у студентов, должны сперва пройти через кухню пани Линцовой, затем через маленький коридорчик, и только тогда они попадают в комнату. (Поэтому у входящих обычно на лице улыбки, если они успели перебросится с кем-то шутками в кухне; но порой гости — сама серьезность; значит, за дверью им пришлось поздороваться с самой хозяйкой.)

В комнате у правой стены две кровати, около ближней к двери — чемодан, около дальней — умывальник. По левой стене до самой ниши разместились комод, кушетка, печка; перед кушеткой — большой стол с тремя стульями. В задней стене окно справа и половина окна слева (вторую половину из зала не видно, она уже в нише). Видна спинка третьей кровати, стоящей в нише; кроме того, там шифоньер и небольшой столик с книгами. На стене справа висит изображение св. Иосифа, на левой — портрет Палацкого{1}*.*

На правом подоконнике несколько горшков с цветами.

Кровати застелены кое-как, на перинах красные наволочки, красные покрывала, да и те вечно смяты: гости предпочитают рассаживаться на кроватях, на них удобнее сидеть.

КРАТКИЙ ПРОЛОГ

Когда занавес поднимается, на сцене никого нет. Потом из левого угла неторопливо выкаты-

---

{1} Комментарии: 2.1

Палацкий Франтишек (1798—1876) — выдающийся чешский политик, историограф, автор многотомной «Истории народа чешского в Чехии и Моравии» (1836—1876).

вается большой серый клубок, подкатывается к столу и, забравшись под него, распрямляется. Показываются спина, две руки, тонкие, как палочки, и растрепанная голова. Загадочное существо медленно оборачивается, рассматривает публику.

Д о м о в о й *(фыркнул от удивления, съежился, кошачьей поступью приблизился к рампе, обежал суфлерскую будку, метнулся к кровати, остановился и, с плутоватой улыбкой, временами выражающей ехидство).* Ух, как много вас собралось! Что же вы хотите увидеть? Ах, сколько вас — и все такие нарядные, отутюженные, чистенькие! Голов-то, голов-то! Сколько голов, столько умов. Стало быть, хотите посмотреть на студенческое житье-бытье. Я-то наблюдаю его уже десять лет, и, уверяю вас, ничего в нем интересного нет: все разговоры, разговоры, споры да ссоры — чего уж тут занимательного. Поверьте мне, здесь никогда ничего не происходит, так что какой уж тут спектакль! Какому автору пришла в голову дикая мысль, будто вам это будет интересно? Ну, мне-то забавно, а вам? Слова, слова, слова — где же герои-то? *(Свистнул.)* Нет, право, удивляюсь я автору. Не показывать же вам студенческие заботы — за все десять лет этих забот только и было, что деньги, книги, девчонки, зубрежка,

трактир да еще немножко анархизм. *(Фыркает.)* Ах, я ведь тоже отчасти анархист! Бабушка моя, кикимора запечная, та была реалисткой, так что я в этом разбираюсь. А заботы — что вам до них? Или автор вздумал позабавить вас студенческими песенками? Ого! *(Вскакивает на стол, с комическим выражением.)* На песенки я мастак! *(Соскакивает, взахлеб декламирует.)*

Два диких мака рдели в волосах,
играла гибкость кошки в смуглом теле,
она фосфоресцировала вся,
глаза и жесты искрились, горели.
Ушла навек… Но в памяти моей
на миг ее струна озвучит страстно
проклятья, скорбь и ярость наших дней…
Над тронами наш флаг трепещет красный — ура, ура![47]

Ура! *(Пляшет.)* О, я студентов люблю! Только б они не болели… А то в последнее время некоторые заразились «мировоззрением», посылал я

---

[47] Примечания: 1.47
Перевод И. Инова.

кошку в аптеку, а там сказали — от этого лекарства нету...

Скрипнула дверь.

Черт возьми, мне, право, самому интересно, что вам тут покажут. Сколько же вас пришло! И такие все нарядные, отутюженные, чистенькие! *(Раскинув руки, подбегает к углу, весело.)* Эй вы, мыши с тараканами, марш по углам — нынче тут играют человеческую комедию! Сидите тихо, тихо, тихо!.. *(Свистнул, свернулся в клубок, исчез в задней стене.)*

Пауза.

I

За дверью что-то упало. Возглас хозяйки: «У, косолапая, руки дырявые!»

В комнату вбегает х о з я й к а, за ней — Т о н и ч к а. Быстро оглядевшись, принимаются за уборку: стелют и пододвигают кровать, стоящую справа, дальше от зрителей.

Х о з я й к а. Да слушай, что говорят: на меня! Еще немного! Теперь к стене! Приподыми! Наклонись же! На меня! Перины!

Т о н и ч к а убегает в кухню и моментально возвращается с перинами.

(Стелет.) Щетку! Подмети! Ой, мамочки, тут тесемка оборвалась — не видишь ничего! Щетку!

Т о н и ч к а убегает за щеткой, тотчас возвращается.

Можешь не так основательно. Побрызгай немножко, и хватит. Все равно затопчут. Со всей Праги сюда таскаются. Тем более теперь, когда тут трое поселятся! Да не пыли так, возьми ведро воды!

Т о н и ч к а убегает, прибегает.

По утрам подметешь, после обеда уберешь как следует, белье проверь. Пан Валента, тот и сам о себе позаботится, у него все вещи как новенькие. Зато пан Фрайт! А третий постоялец, гляди, вроде него будет. Валента — тот еще ничего… А Фрайт — и в прошлом году задолжал, ну, не беда, этот всегда достанет… *(Оглядывает комнату.)* Ничего, места всем хватит. Лампу! Керосина хватит?

Т о н и ч к а *(приносит лампу; поболтав ее).* Хватит. *(Ставит лампу на стол.)*

II

В а л е н т а *(сигарета в зубах, шляпа на голове)*. Готово? Ну-ка, ну-ка! Ничего получается! Да, я говорил с дворничихой. Ключ еще не сделали.

Х о з я й к а. Первая ваша забота — ключ!

В а л е н т а. А что ж, прикажете все время дома торчать? Человек — животное общественное!

Х о з я й к а. Да разве я в укор? Я, поди, тоже рада, когда все уходят. Хоть ненадолго тихо становится.

В а л е н т а. Ну, если в этом году будет, как в прошлом…

Х о з я й к а. Пан Юзл, да еще этот полоумный из Моравии с паном Ба́раном — спаси господь! Они тут такого натворят!

В а л е н т а *(придвигается к Тоничке)*. Ну как, освоились в Праге? За две недели можно бы…

Х о з я й к а. А мы с ней еще нигде толком не побывали. Да и куда сводишь девку? На бал, что ли? Нет, голубушка, сиди-ка в своем уголку…

В а л е н т а *(Тоничке)*. А вы сидеть не будете, верно?

Т о н и ч к а, засмеявшись, убегает.

Х о з я й к а. Видать, что из порядочной семьи.

Ах, кабы не это несчастье! Всего-то они лишились, а мамаша ее красавица была. Бедная покойница Марина!

Валента закуривает новую сигарету.

Опять целыми днями табак смолить станете? Пора бы и за ум взяться.

В а л е н т а. Мои легкие — мои.

Х о з я й к а. Знаю.

III

Ю з л *(заглядывает в дверь; посмотрев на хозяйку, подмигнул Валенте)*. Ах, бабушка, красавица моя! *(Присвистнул.)*

Х о з я й к а. Пан Юзл. Конечно.

Ю з л *(все еще за дверью)*. Бог в помощь! Спасибо за привет! А кто это там в кухне? Не ослеп же я — там что-то новенькое!

Х о з я й к а. А девку мою оставьте в покое.

Ю з л. Что? Она будет здесь жить? Вот это номер! *(Проскальзывает в комнату.)* Привет! Целую ручки, сударыня! Поцелуйчик!

Х о з я й к а. Вы все еще не исправились?

Ю з л. Некогда было, да и негде! Пани Линцова, кто же она? Только не рассказывайте мне сказки про это ангельское создание, лучше говорите пря-

мо, как есть. Надо же знать, как себя с ней вести.

Х о з я й к а. А прилично! Во-первых, вы еще молокосос, а во-вторых, она моя племянница.

Ю з л. Спорить готов — зовут ее Анчей.

В а л е н т а. Мимо!

Х о з я й к а. Тоничка она.

Ю з л. Ну, вот это номер! Стало быть, у нас именины в один день! Видите, я просто обязан относиться к ней совершенно по-особому, ибо, во-первых, я вовсе не молокосос, а во-вторых, я Антонин, а она — Антонина. *(Открывает дверь в кухню.)*

Х о з я й к а *(хватает его за полу)*. А в-третьих, я запрещаю, и точка!

Ю з л. Для кого ж и беречь ее, как не для меня? Через десять лет окончу Академию художеств, дадут мне стипендию пятьсот крон, и обзаведусь я своим домиком!

В а л е н т а. Вот это был бы номер.

Ю з л. А что, в хорошую семью войдет. У нас в роду все были славные люди, прямо великаны — прадедушка одной рукой вола поднимал, бабушка ковыряла в зубах алебардой… *(Смеется.)* Но вы, конечно, нацелились на пана Валенту, а? Партия-то какая! Папочка — первый советник магистрата, каждое воскресенье по триста спи-

чек на сигары изводит — то-то номер! *(Валенте.)* Не хочешь пройтись? Я подыскиваю натурщицу, сегодня явятся целых три!

В а л е н т а. Пошли!

Оба уходят.

Х о з я й к а *(выходит за ними, слышен ее голос).* Дверь-то справа! Пан Юзл!

В кухне смех. Т о н и ч к а вбегает, приносит скатерть, расстилает на столе под лампу.

Х о з я й к а *(входит следом, помогает ей).* У обоих ветер в голове, наговорят с три короба, а больше ничего! И Валента таков же. А художник-то этот *(смеется)* — вот живчик, чтоб ему пропасть! *(Вдруг серьезно.)* Не смей ни с кем из них шашни заводить! Как только замечу — собирай вещички и марш домой!

IV

Ф р а й т *(в дверях).* Добрый вечер!

Й о г а н и к входит за ним, на плече сундучок. Неторопливо ставит его на пол, снимает шапку, кланяется.

Х о з я й к а *(с некоторым удивлением).* Добрый

вечер! Уже привезли? *(По ее тону видно, что она относится к Фрайту с некоторым уважением.)*

Ф р а й т *(представляет)*. Мой приятель Йоганик — пани хозяйка — прибавление в нашем семействе, барышня Тоничка.

Йоганик безмолвно кланяется, не подавая руки.

Х о з я й к а. Все готово. Думаю, понравится. Добро пожаловать к нам! Правда, тесновато немного…

Ф р а й т. Ах ты господи, что студентам надо! *(Йоганику.)* Ну, раздевайся.

Х о з я й к а, смерив обоих пристальным взглядом, тихо выходит вслед за Т о н и ч к о й.

V

Йоганик только теперь оглядывает комнату.

Ф р а й т *(показывает)*. Вот тут комод, там *(в сторону ниши)* есть вешалка, а здесь *(показывает в сторону окна)*, кажется, ваша кровать. Об остальном я договорился, как и писал вам. Что ваш дядя — небось не хотел вас отпускать?

Й о г а н и к *(только сейчас снял старенькое пальтишко)*. Дядя?

Ф р а й т *(показывает на нишу)*. Сюда, сюда. *(Подводит Йоганика к столу, садится на стул.)* Еще кто-нибудь из студентов ехал с вами?

Й о г а н и к *(сел на кушетку)*. Что вы, я их и не знаю.

Ф р а й т. С платой за учебу и вообще с деньгами вам будет туговато, но ничего — я пробился, пробьетесь и вы. Для начала одолжили сколько-нибудь?

Й о г а н и к. Двадцать гульденов.

Ф р а й т. Я-то явился сюда с двенадцатью, стало быть, не так уж плохо. Главное — вы здесь. Удалось-таки мне вас вытащить! А то хорошенькое дело — целый год после окончания гимназии торчать дома неизвестно для чего! Нужен только вкус к жизни, тогда все получится. А я думал — вас дядя удерживал.

Й о г а н и к. Привыкнет к новому подмастерью.

Ф р а й т. Охотничьи ружья чинить! Да, чтоб не забыть: с нами живет тут некий Валента. Не вздумайте перед ним робеть — барина из себя корчит. *(Предлагает портсигар.)* Ку́рите?

Й о г а н и к. Спасибо! *(Берет сигару.)*

Ф р а й т *(закуривает)*. И тоже — виргинские?

Й о г а н и к. Мне все равно. *(Не закуривает.)*

Ф р а й т. Зачем же все равно! Я — только виргинские, и никаких других. Ненавижу людей, которые смолят сигареты. Все они или пустоголовые, или жуликоватые. Порядочные люди курят трубку или сигары. *(Сильно затягивается.)* Потом к нам ходит целая шайка — еще увидите: молодец к молодцу. В карты играете? Нет? Это хорошо. В прошлом году я этих картежников с лестницы спустил.

VI

Входит Т о н и ч к а, несет перину для кровати в нише.

Ф р а й т. Это чье будет место?
Т о н и ч к а. Это… *(Показывает на Йоганика.)*

Йоганик взглядывает на нее.

(Просто, мило.) Вы любите спать под окном?
Й о г а н и к *(себе под нос)*. Мне… все равно.

Т о н и ч к а медленно уходит.

VII

Ф р а й т. Хотел бы я знать, зачем старуха ее привезла. Могла бы и сама нас обслужить. Вроде

наполовину сирота, дочь умершей сестры или что там… Что ж не курите?

Й о г а н и к. Как-нибудь в другой раз.

Ф р а й т. Да не стесняйтесь! *(Зажигает спичку.)*

Й о г а н и к. Не хочется.

Ф р а й т. Устали с дороги? Да, далеко наши проклятые горы! Зато тут, в Праге — вольная жизнь, ребята славные — увидите, хорошо вам тут будет, еще спасибо мне скажете, что уговорил вас учиться. Хотя сам-то я мало об учебе думаю… Бегаю по урокам, даже на лекции не успеваю, денег порой и на керосин-то не хватает… *(Глубоко затянулся, посмотрел на сундучок.)* А багаж-то у вас, черт возьми, не сказать, чтоб велик! Ничего — иной студент переезжает на другую квартиру — зонтик под мышкой, абажур от лампы на голове. Задвинем под кровать, ладно? *(Задвигает сундучок раньше, чем Йоганик успевает подняться с места.)*

В кухне смех.

VIII

Входит В а л е н т а.

Ф р а й т *(представляет)*. Валента, Йоганик.

Вот, привел уже. Теперь у тебя земляк — и у меня тоже.

В а л е н т а. На философский?

Й о г а н и к. Да.

В а л е н т а. Кафедра?

Й о г а н и к. История.

В а л е н т а. Набито. Несмотря на экзамены, их там столько, что хоть на льду сохраняй.

Ф р а й т. Так везде полно. Прямо хоть вообще никому больше не учиться.

В а л е н т а. Да уж, лучше бы посылали молодежь обучаться сапожному делу — или мясницкому. От такого навала интеллигенции нация богаче не станет.

Ф р а й т *(весело)*. Что же ты-то туда лезешь?

В а л е н т а. А ты?

Ф р а й т. Да я и не лезу. Пани Линцова! *(Уходит на кухню.)*

Й о г а н и к. Что, в самом деле так плохо?

В а л е н т а. Каждый год. *(Незаметно, но внимательно разглядывает Йоганика.)* Фрайт говорил — вы не хотели в университет? *(Видно, что он уже успел оценить новичка.)*

Й о г а н и к. Я думал стать учителем.

В а л е н т а. Для этого вам нужен диплом?

Й о г а н и к. Это бы еще ничего…

В а л е н т а. Учителей уже тоже два миллиона шестьсот тысяч.

Ф р а й т *(возвращается)*. Просвещаешь?

В а л е н т а. Да вот говорю — интеллигенции уже хоть пруд пруди.

Ф р а й т *(поправляет его)*. Интеллигентного пролетариата — вот в чем дело. Учителя растут как грибы после дождя, скоро придется строить гимназии в каждой деревне, а инженеров, говорят, уже столько, что начинаем их экспортировать. Причина — все хотят выбиться в господа. А поскольку у наших папаш, как правило, не было ни гроша, то все и кинулись на юридический да на философский факультеты… *(Йоганику.)* А может, вам лучше на медицинский?

В а л е н т а *(смеется)*. Не читал послание Общества чешских медиков? Переполнено!

Ф р а й т *(жест в сторону Йоганика)*. А ему бы там самое место! Любит возиться с разными пилами, сверлами, дрелями… *(Йоганику.)* Через пять лет, глядишь, сумели бы разобрать на части хоть эрцгерцога!

В а л е н т а. В медицинском платить надо.

Ф р а й т. Бывало, что и бедняки оканчивали медицинский. На свете все возможно.

В а л е н т а. Возможно ли, нет ли, а я бы без

денег туда не совался.

Ф р а й т. Это я знаю. *(Йоганику.)* Ужинать не пойдете?

Й о г а н и к. У меня с собой есть немного…

Ф р а й т. Уж верно, совсем немного! *(Весело в сторону двери, за которой послышались голоса.)* Йожко! Наконец-то!

IX

К р х н я к *(входит, жмет руку Фрайту)*. Дай бог тебе здоровья! *(Валенте.)* Привет! *(Йоганику.)* Стало быть, прибыли? *(Подает ему руку.)* Крхняк.

Й о г а н и к. Йоганик.

К р х н я к. Имя как у нас, а вы не с нашей стороны!

Й о г а н и к. Как это?

К р х н я к. Это у нас в Моравии так сокращают. Здесь-то кто скажет: «Йоганик»? Здесь имя Ян сократят так: Яноушек или еще — Ханзлик.

Х о з я й к а *(появившись на пороге, со смехом вталкивает в комнату Юзла)*. А я говорю, в кухне болтать разрешается только приличным людям! Уж про вас-то этого не скажешь! *(Смеясь, закрывает дверь.)*

Ю з л. Что-о?! Это я-то неприличный? Да вы спросите в нашем городе! Вот черт, даже в кухне

посидеть не дают! *(Гляди на Йоганика, громко.)* Юзл!

Рукопожатие.

Ф р а й т. Не везет вам, Юзл!

Ю з л. Представляете, какой номер! Проклятая баба — никак не размякнет. И уж теперь тем более, когда такая принцесса объявилась — будет стеречь, как дракон. Ей-богу!

К р х н я к. Все тот же старый сумасброд!

Ю з л. А что ты — уже не ходишь голодный, как в прошлом году?

К р х н я к *(весело)*. В три раза голоднее! Подойди только — одни штаны от тебя и останутся!

Ю з л. От меня и так когда-нибудь останутся одни штаны. Порой, как вешаю их на гвоздь — вроде сам себя вешаю. *(Фрайту.)* Ужасно, понимаешь, худею. Еще в прошлом году весил пятьдесят девять, нынче уже пятьдесят три, а какой был аппетитный мальчик! Все девчонки на меня заглядывались.

Ф р а й т. Теперь ты сам на них заглядываешься, оттого и худеешь.

К р х н я к. Он у них детали изучает — мастером будет.

Ф р а й т. Только — в чем?

Ю з л. У всякого в жизни своя метода.

К р х н я к. Ну, твоя-то метода всем известна!

Ю з л. А что? Неужели же мне корчить из себя неведомо кого, как наши дураки? Один длинные волосья носит, другой — тросточку рококо до самого носа, а я только раз попробовал ходить без рубашки, но когда одна беззубая плюнула при виде меня — я и бросил. Нет, не желаю никакой экстравагантности. *(Голосом, как на фонографе.)* «И теперь этот дурень воображает, будто все святые — ему родные дяди, и глупеет в один миг!» Бархатная куртка! Да я бы в прошлом году за нее душу отдал! Такая, понимаешь, коричневая, с черными пуговками, и к ней широкополая шляпа — вот был бы номер! *(Ходит по комнате, передразнивает.)* Мое почтение! Ваш слуга!.. Глядишь, поймал бы на это на все какую-нибудь юную вдовицу лет сорока и мог бы послать искусство к дьяволу. Тем более что оно гроша ломаного не стоит! Старик на нас воду возит, а ты догоняй Европу! Вчера я намалевал зеленую корову с башню величиной — да пропади оно все пропадом!

Ф р а й т *(весело)*. В жизни из тебя ничего путного не выйдет!

Ю з л. Ого!

В а л е н т а. Кончится тем, что намалюешь для

нашей ратуши Жижку перед походной палаткой{2}, и точка.

Ю з л. Лучше я изображу на ратуше мэра города с его первым советником: дурачиться — так уж вовсю!

В а л е н т а. Не забудь только подписать, кто где, чтоб всем понятно было!

Ю з л. Твоего папашу сразу узнают. Я его с городской кассой в руках нарисую.

В а л е н т а. Очень остроумно! *(Ходит по комнате.)*

Ю з л. Люди-то поймут! *(Вслед Валенте.)* Я тебе над моим искусством издеваться не позволю! Я-то по крайней мере потому живописи учусь, что сам так решил, а ты бредешь, не зная куда!

В а л е н т а *(высокомерно)*. Ну что ж, ты своего добьешься, а я — нет! *(Уходит.)*

X

К р х н я к. Получил?

Ю з л. Поганый парень.

К р х н я к. А что там было, с городской кас-

{2} Комментарии: 2.2

...Жижку перед походной палаткой... — Намек на расхожие ура-патриотические изображения непобедимого гуситского полководца Яна Жижки из Троцнова (ок. 1360—1424) и других национальных героев.

сой?..

Ю з л. Да в газетах его папашу чихвостили, а он даже жалобы не подал.

К р х н я к. Ну, такова давняя традиция. У нас в деревне тоже — как пастбище делить, так только среди своих! *(Йоганику.)* Что же вы все сидите, слова не скажете?

Ю з л *(кивает на Фрайта)*. А у них там заведение для глухонемых, вот ведь и Фрайт не сразу до тебя опустился…

Ф р а й т *(весело)*. Еще бы, мы ведь с гор!

Ю з л. Ну да, у вас там Гималаи. Самая высокая кочка в округе — семьсот пять метров. Население вследствие этого суровое, характера твердого…

Ф р а й т *(тем же ироническим тоном)*. Одни чудаки!

Ю з л. Пан староста стишки пописывает…

Ф р а й т *(так же)*. …священник в социализм ударился…

Ю з л. …кухарка — режиссер любительской труппы, а главная достопримечательность — по воскресеньям все ходят в церковь.

Ф р а й т. И в трактир!

Ю з л *(кланяясь, весело)*. Точно как у нас! Ей-богу. Да оставь ты свои горы в покое, знаем мы их. Люди — они или люди, или чудаки. Большая

часть — чудаки, кто бы они ни были. Вот на чем мудрецам-то свихнуться! *(Кланяется Фрайту.)* Но — рад познакомиться! *(Обычным тоном.)* Где у тебя спички? Собственного рта не вижу! *(Зажигает лампу.)*

К р х н я к. А зачем тебе видеть собственный рот? В темноте-то тебя еще можно слушать. А вот хотел бы я тебя услышать, когда ты с девушкой!

Ю з л. Что́ женщины! Бывает, даже по-гречески говорю, а она все равно слушает.

Все смеются.

Нет, теперь уж я предпочитаю, чтоб они меня развлекали.

Ф р а й т. Стало быть, поднялся в цене. Через год тебя, гляди, какая-нибудь княгиня на содержание возьмет.

К р х н я к. Или лавочница — за это один мой приятель головой поплатился.

Ю з л *(стукнув по столу)*. Лишь бы хорошенькая была — тебе-то что? Ого-го! Надвигается ураган — к нам жалует сам Ба́ран!

XI

Б а́ р а н *(входит энергичной походкой, зубы обнажены в улыбке)*. Привет! Все в сборе? *(Пожи-*

мая всем руки, Фрайту.) Уже привез? *(Йоганику.)* Привет! Добро пожаловать. Ба́ран, типограф. *(Юзлу.)* Ну, а ты как, старый беспутник? *(Дружески хватает его за голову.)* Коли хочешь меня видеть — оставь в покое фальцовщиц в типографии, не то тебе там ноги выдернут!

Ю з л. Сам за ней ухлестываешь, поди?

Б а́ р а н. И тебе понравилась? Много ей от тебя проку! Да ты ее даже не прокормишь!

Ю з л. Ну и бери ее себе. Ты ведь у нас красавец и зарабатываешь по сорок гульденов в неделю. Сигареты есть?

Б а́ р а н. Знаешь же, что не курю. *(Протягивает сигару Фрайту.)* Бери!

Ф р а й т. Свои есть. *(Показывает свою сигару.)*

Б а́ р а н. Ну как? Когда сходим к нашим? Они ждут, скоро ли начнем. Надо бы в это воскресенье, что ли. Бакунина{3} ты проштудировал, Йозеф возьмет Штирнера{4} — и начнем. В этом году к нам много народишку набьется.

К р х н я к. Со всего города к вам бездельников

{3} Комментарии: 2.3

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, анархист. Принимал участие в революции 1848 г. в Праге.

{4} Комментарии: 2.4

Штирнер Макс (1806—1856) — немецкий философ-идеалист, идеолог анархизма. Оказал значительное влияние на мелкобуржуазную интеллигенцию в Германии и других странах в 40—50-е гг. XIX в.

тянет.

Б а́ р а н. Вот ты и приходи!

К р х н я к. Я не их поля ягода, да и не вашего. Все-то вы толкуете, как слепые о красках. А я думаю: что сказал бы о вашей болтовне насчет нового мира наш дядя Антош…

Ю з л *(Ба́рану)*. Это их местный святой. Раз как-то Антош зевнул в церкви, и теперь Крхняк утверждает, что старик — из Общины чешских братьев{5}.

К р х н я к *(смеется)*. Этот дед коров пасет, а во сто раз умней тебя!

Б а́ р а н. Вот тут ты прав — Юзл у нас всего лишь дурачок.

Ф р а й т. Все люди — дурачки…

Ю з л. …себе же в ущерб. И каждый делает карьеру, как умеет. *(Крхняку.)* Скажи, пошел бы твой дядя Антош пешком до Пршибрама{6}, чтоб с девчонкой повидаться? Знаю, у тебя не было денег на проезд, но он-то наверняка повернул

{5} Комментарии: 2.5

Община чешских братьев (основана в 1457 г.) — организация, члены которой унаследовали антифеодальный и антикатолический дух гусизма, но, в отличие от гуситов, придерживались идеи непротивления злу насилием, выдвинутой чешским философом П. Хельчицким.

{6} Комментарии: 2.6

Пршибрам — ныне районный центр в Среднечешской области.

бы домой уже от Збраслава{7}; ты же до самой Святой Горы{8} допер, только девчонки-то уже и след простыл!

Все смеются.

Б а́ р а н. А я, черт возьми, и не знал! Что ж, брат мораванин, поздравляю — вижу, ты не пропадешь.

К р х н я к. Да ну, глупость была…

Ф р а й т. Если красивая — значит, стоило.

Ю з л *(Крхняку)*. Ты ему верь, он в этом понимает — недаром из горного края.

Ф р а й т *(оборачивается к нему, задетый)*. К твоему сведению: самая высокая гора у нас насчитывает восемьсот девяносто шесть метров! *(Отворачивается от него.)* А не семьсот пять! *(Йоганику.)* Сколько в Томашевой горе?

Й о г а н и к *(слегка улыбнулся)*. Не знаю…

Б а́ р а н. Восемьсот девяносто шесть: еще сто четырнадцать — и была бы тысяча!

Ю з л. Еще четыре тысячи — и был бы Монблан, да вот черт малость не дотянул. Знал, поди, каким

{7} Комментарии: 2.7

Збраслав — старинный городок близ Праги.

{8} Комментарии: 2.8

Святая гора и, ниже, *Томашева гора* — горы Чешско-Моравской возвышенности.

людишкам там жить!

Ф р а й т *(похлопывает его по плечу).* Как же! Вот ты — другое дело. Становишься философом а-ля Славик, а у того, братцы, философия что надо! *(Передразнивая.)* «Если взглянуть с известной высоты...».

Все смеются.

XII

В а л е н т а *(входит, озирается, насмешливо).* Ну, кого не хватает?

Ю з л. Величайшего умника!

В а л е н т а. Между прочим, я все время слышал его голос из-за стенки.

Ю з л. Подслушивал, значит? О чем же ты там нынче в кухне-то говорил? Обо мне, да?

В а л е н т а. Естественно, о тебе. Ведь ничего более выдающегося здесь нету.

Ю з л. И что же дамы — заслушивались?

В а л е н т а. Еще бы: я красноречив.

Ю з л. Знаю. Ты, да еще один миноритский патер{9} — тому тоже у девчонок везет.

Ф р а й т. А тебе — нет?

{9} Комментарии: 2.9

Миноритский патер — священник нищенствующего монашеского ордена францисканцев, основанного в 1223 г. Франциском Ассизским.

Ю з л. Представь, каков номер! Мне — нет!

Ф р а й т. Ври больше.

В а л е н т а. А я бы поверил. Именно такие, как Юзл, и неприятны девчонкам. По ним сразу видно, что ждать от них нечего — разве что легкой забавы.

Ю з л. А чего можно ждать от других?

В а л е н т а. Ну, к примеру, по мне, пожалуй, сразу видно, кем я буду.

Ю з л. Доктором права?

В а л е н т а. А кем будешь ты?

Ю з л *(подходит к нему)*. Пан доктор! Я, может, буду вывески малевать, но все равно, все равно: всякий согласится сесть рядом со мной!

В а л е н т а. Да я-то не со всяким рядом сяду!

Б а́ р а н *(весело)*. Подумать только! Ребята из одного гнезда, а такие разные. Только как это ты сказал, Юзл, — рядом с тобой всякий сядет? Это уж ты, брат, глупость спорол…

Ю з л *(с внезапной запальчивостью)*. И вовсе нет! Я нарочно ему сказал, нарочно! *(Подходит к Валенте.)* И знаешь почему? *(Потянул носом.)* Гниешь ты!

В а л е н т а *(тоже потянул носом)*. Да и ты тоже.

Ю з л. Ничего подобного! Ты по-настоящему

гниешь. Наши дорожки расходятся, будь уверен.

В а л е н т а. Сейчас запла́чу.

Ф р а й т. Оба вы гниете, потому как равнинные жители…

К р х н я к. …и «у́нты». *(В ответ на вопросительный взгляд Ба́рана.)* Так у нас говорят. «Унт» — это такой человек: не сволочь, не подонок, даже, может, и умный, только узнают-то его действительно по запаху, нюхом… *(Юзлу.)* А у вас как таких называют?

Ю з л. Валентами!

Смех.

Юзл в городе только один, а Валентов — три сотни!

Б а́ р а н. В магистрате…

Ю з л. Сплошь Валенты! На почте — Валента, в ломбарде — Валента, директор школы — Валента…

В а л е н т а *(отчасти с иронией)*. В общем — аристократия.

Ю з л *(кланяется)*. Аристократия! Вот напишу как-нибудь портрет этакого пра-Валенты, как он в аристократию пролез!

Ф р а й т *(близко подошел к Юзлу)*. Это еще во времена пещерного человека было. Он воровал

кости мамонтов, выжигал известку и продавал для побелки.

Ю з л. А здорово приходилось пыхтеть, пока пещеру выбелишь!

Ф р а й т. И денег сколько стоило!

Смех. Неожиданно раздался троекратный стук в левую стену.

(Тотчас подбегает к этому месту, отвечает тоже тремя ударами в стену.) Черт возьми, оказывается, Славик дома!

К р х н я к. Все еще трудится в магистрате?

Б а́ р а н. Что ты — уже сменил лошадку.

В а л е н т а. Он теперь в каком-то музее.

Ю з л. Встретил я его как-то. Доволен: беспорядок какой-то был в конторе, так он до тех пор искал, пока не нашел причины!

Б а́ р а н. Мог бы и в магистрате остаться.

XIII

Т о н и ч к а *(тихо открывает дверь, робко оглядывается, поспешно)*. Пан Валента, тетушка…

Ю з л *(подбегает к ней, берет за руку)*. Хорошо, что пришли! Какое нам дело до тетки! Заставляет гостей знакомиться с вами в кухне. Я вам их представлю.

Б а́ р а н. Себя не забудь!

Ю з л. Пан Ба́ран, жемчужина среди пражских наборщиков. Работает, когда другого выхода нет. Денег у него довольно, но он раздает их под безбожные проценты!

Б а́ р а н. Кстати, отдай пятерку!

Ю з л *(быстро)*. Красивый парень, правда? Уже занят.

Смех.

Приятель Крхняк: дядя Антош да он — два национальных праведника Словакии. Этот тоже не про нас. У него там, где-то в Пршибрамских лесах, девушка есть.

К р х н я к *(себе под нос)*. Чепуха.

Ю з л. Барон Фрайт, голова дурью набита. Воображает, будто человечество нуждается в помощи, а кончится тем, что или он сам себя, или человечество сведет его… в могилу. Верю в оба варианта. Я — самый умный из них. Юзл. *(Шутливо кланяется.)* Вот номер, а? *(Показывает в угол.)* Пан Йоганик, тоже не про нас. Пан Валента…

Т о н и ч к а *(улыбается)*. Спасибо.

Ю з л. Знаю, этот пан у тетушки котируется, а вы посмотрите на нас и выбирайте.

Тоничка с улыбкой озирается, останавливает

взгляд на Ба́ране, который крутит ус. Все вдруг начинают хохотать.

Х о з я й к а *(входя)*. Что вы тут делаете? Еще мне девку с толку собьете!

Смех.

Марш в кухню!

Обе уходят, сталкиваясь в дверях со С л а в и к о м.

XIV

С л а в и к *(стоя на пороге)*. Почему удаляется женский пол и что ему здесь было надо? Привет! Все в сборе?

Ю з л *(отдает честь)*. Больных нет, все здоровы, к походу в трактир готовы!

С л а в и к *(идет к Йоганику, тонким голоском)*. Ой, привидение! Откуда оно взялось?

Ю з л. Так что — пополнение!

С л а в и к. Имя?

Й о г а н и к *(с улыбкой)*. Йоганик.

С л а в и к. Возраст?

Ф р а й т. Двадцать один.

С л а в и к. Профессия?

Ф р а й т. Слесарь.

С л а в и к. Как? Какой слесарь? Гм… Что? *(Прикидывается глухим.)*

Ф р а й т. Да, да, пан главный советник — был слесарем, и при этом учился в гимназии.

С л а в и к. Sonderbar![48] Отец кто?

Ф р а й т. У него только дядя.

С л а в и к. А, сиротинка. Понимаю, понимаю. Годится в рождественскую байку для календаря. *(Рассматривает Йоганика.)* Ja!..[49] *(Обычным тоном.)* Мое почтение. Добро пожаловать.

Рукопожатие.

Глядите-ка, и пан Валента тут, и пан Крхняк… Юзл, как бишь вы сказали?

Ю з л. Все здоровы, к походу готовы.

С л а в и к. Нынче суббота.

Ф р а й т. Ну и что? Вот мы все собрались, и это лучше всякой субботы.

С л а в и к. Если смотреть с известной высоты…

Все усмехаются.

…то это все равно, эффект один и тот же — двинули в трактир! Пан Валента, конечно, не

---

[48] Примечания: 1.48
Странно *(нем.)*.

[49] Примечания: 1.49
Да *(нем.)*.

с нами?

В а л е н т а. Пан Валента, конечно, «не с нами».

С л а в и к. Естественно. Веселей будет.

В а л е н т а *(пикируется)*. От души желаю господам.

Ю з л. Пан Валента посидит с дамами в кухне.

В а л е н т а. И кого же вы будете веселить?

Б а́ р а н. Сами себя.

В а л е н т а. Богатая программа.

К р х н я к. А правда, ребята, пошли! Посидим, споем — может, и наших встретим. Будем песни петь, одну за другой, как вода, что мельничное колесо подгоняет…

Ф р а й т. Тем более давно мы тебя не слышали.

Ю з л. А какой у него прорезался тенор! Вот услышишь.

С л а в и к. Как я скучал по вас, ребятишки! Ох, это лето, ужасное лето. Чуть было в Влтаву не бросился! Года мои солидные — тридцать пять, тридцать пять! — а все разума маловато. Знакомые мои хоть в картишки дуются по трактирам — ну, было бы хоть триста карт в колоде, а то — пятьдесят четыре! Любой ребенок вмиг все варианты усвоит…

Ю з л. Тебе бы в Монако!

С л а в и к. Одолжи на дорогу!

Ю з л. Сколько?

С л а в и к. Десять тысяч!

Ю з л. Не хватит тебе.

С л а в и к. Хочешь сказать — сразу спущу? Э, нет, уж я бы их поберег!

Ф р а й т. Так валяй, береги уже теперь.

С л а в и к. Ну да, а потом явитесь вы, революционеры, и все отнимете — или это уже не входит в вашу программу?

Б а́ р а н. Входит — до последней буковки! *(Смеется.)*

Ю з л. Они и до рубашек доберутся.

Ф р а й т. У тебя экспроприируем холст, нарежем на портянки — все более дельно, чем твоя мазня!

Ю з л. Вот был бы номер! *(Славику.)* Слыхал? Вот они, во всей красе: сапожник у них выше Рафаэля!

С л а в и к. А ты — Рафаэль?

Ю з л. Буду им!

С л а в и к. Не будешь — взбалмошный ты, не выдержишь.

Ю з л. А я виноват?

С л а в и к. Присмиреешь, парень, увидишь, присмиреешь — и еще в этом году. Сам удивляюсь: ты здесь уже третий год, а жизнь тебя еще

не прищемила!

Ю з л. А прищемит — и черт с ней! Еще спасибо скажу.

С л а в и к. Спасибо-то не скажешь. Прибежишь ко мне, и я тебя воскрешу…

Ю з л. …к новой жизни, что ли? Это ты-то? Воображаю, каким лекарством будешь меня пользовать! Ты ведь уже ничего от жизни не ждешь!

С л а в и к. Я не верю в жизнь, и потому мне от нее ждать нечего, а тебе — надо, надо! *(Гнусаво.)* Ты еще котенок, котеночек, играющий с клубком…

К р х н я к. А ты, как старый кот, наблюдаешь за котенком. Оба вы одной породы.

С л а в и к. Давно говорю — вы тут единственный интеллигент. Только вот в голове у вас кутерьма.

Ф р а й т. А я кто?

С л а в и к. Ты? Тебя давно пора за решетку, а то ты скоро перестанешь верить в ту чепуху, которую тебе Ба́ран в уши нажужжал.

Б а́ р а н. Это он мне нажужжал!

С л а в и к. Тем хуже. И станешь ты просто болтуном, будешь молоть вздор о каких-то там высочайших идеалах, которые преобразят мир.

Нет уж, коли идеи — так прибавьте к ним хороший пинок, чтоб почувствовать: живы они! Экзамены за прошлый год пересдал? Нет? Вот пересдай, а там хоть на голове ходи.

В а л е н т а. Пан Славик в корень смотрит!

С л а в и к *(смотрит на Йоганика)*. Вот в какую вы компанию попали! Лучше бы вам обосноваться в другом месте. В других-то местах студенты за печкой сидят, зубрят. А здесь — никогда. Здесь главное занятие — разговоры. В общем, «роскочная жизнь», только вы, по-моему, из другого теста. Впрочем, и вся-то студенческая жизнь — «роскочная». *(Иронически.)* Вокруг — свобода, воля; никто вас не контролирует, делайте что хотите, папенька с маменькой за тридевять земель, на родственников начхать, за дверью куча девчонок, а в голове — идеи, идеи… Ну, послушаешь немного профессорскую канитель — все равно что муха в окне жужжит. Ja! Великолепная жизнь! Несколько человек от нее застрелились или покалечились — вот уж этого я никогда не понимал. Бабки на рынке считают вас ангелами, а почитайте-ка студенческие журналы: нет под солнцем шишки выше студента… особенно чешского. Поздравляю, сударь! Добро пожаловать в наш круг, и послушайте: пойдемте с нами! *(По-*

дает ему руку.)

Й о г а н и к *(медленно)*. Спасибо…

Ю з л *(отталкивает Славика)*. Говорил я, не умеешь ты, нынче совсем иной подход. *(Иронически Йоганику.)* Гражданин! Если когда и стояло на повестке дня ошеломлять мещан, то нынче, говорю я, мы стали выше подобного мещанства и если идем в трактир, так только затем, чтобы ошеломляться самим. Пойдем с нами, ошеломляйся и ошеломляй!

Й о г а н и к *(с улыбкой)*. Да чем же я вас ошеломлю?

Б а́ р а н. Ну, пошли, — эти двое ненормальные, но ребята славные, так что весело будет!

К р х н я к. Пошли, попоем!

Ф р а й т. Если кто не хочет — зачем принуждать?

С л а в и к. Он — представитель чего-то нового, что вошло к нам… Видимо, потому мы так и настаиваем.

В а л е н т а. Первый вечер в Праге — да не пойти в трактир?

Ф р а й т. Мне вот тоже нынче не хочется — а кто об этом заикнулся?

Б а́ р а н. Да ладно, пойдем! У нас есть о чем потолковать. *(Играют со Славиком комедию.)* А

правда, штранный шеловек к нам прибыл?

С л а в и к *(махнув рукой в сторону Йоганика)*. Ошень штранный, шестное шлово, не нравитша он мне: тюфяк!

Юзл плутовато ему подмигивает.

Угадай, мазилка, што мне про тебя шнилось?

Ю з л. Што-то я тебе часто шнюшь.

С л а в и к. Што ты женилша…

Все смеются.

Ю з л *(просто, весело)*. Вот это был бы номер так номер! Чтоб я женился! *(Оглядывает всех.)* А по правде говоря, лишь один из нас может жениться. *(Кивает на Ба́рана.)* Этот уж как-нибудь сообразит; да еще, может быть… *(пауза, обводит всех взглядом, останавливается на Йоганике)* вон это привидение в углу! У него лицо такое. *(Славику.)* Нет, ты посмотри! Ей-богу, он — может! А мы? С нашей «роскочной» жизнью? *(Закружился.)* Черт возьми, мальчики, мне так хочется дурить, прыгать, хохотать — плясать хочу!

С л а в и к *(энергично)*. Ну, идем или нет? Раз уж вы все снова вместе? *(Хватает Йоганика.)* Идемте же с нами!

Б а́ р а н. Право, пойдемте!

Ю з л, Ф р а й т. Пойдем!

К р х н я к. Да оставьте вы его! Не пойдет сегодня — пойдет через неделю.

В а л е н т а. А если и через неделю не захочет?

Ю з л *(в лицо Валенте)*. С тобой он не сойдется, это точно! Он малый порядочный, не валентовской породы!

К р х н я к *(притопнул, гикнул)*. «Ой, влюбился я в лютеранина!..»

О с т а л ь н ы е *(подхватывают)*. «Ой, любовью мое сердце ранено...»

Г о л о с а. Ступай вперед, Славик-чародей!

— Молодость бывает только раз!

— Не задерживайся!

— Хватит философии!..

К р х н я к, Б а́ р а н, Ю з л, С л а в и к уходят.

Г о л о с а *(уже за дверью)*. Мое почтение, барышня!

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Ф р а й т *(уходя последним, оборачивается к Йоганику)*. Будь здоров! Доброй ночи!

XV

Долгая пауза.

В а л е н т а *(сунув руки в карманы, смеется)*. Пошли бы с ними, позабавились бы… Я тоже несколько раз побывал в этой многоуважаемой компании. *(Иронически.)* Ошеломляться! А у самих — пара крейцеров…

Йоганик подошел к столу, потянулся.

(После паузы, испытующе.) Вы вообще никуда не ходите?

Й о г а н и к. Никуда.

В а л е н т а. Рано спать ложитесь?

Й о г а н и к. Привык.

В а л е н т а. Не собираетесь же вы проспать, проваляться весь год?

Й о г а н и к *(криво усмехнувшись)*. Конечно, нет. *(С легкой иронией.)* Разве что три четверти года… *(Идет к кровати, вытаскивает сундучок, открывает, вынимает хлеб, мясо.)*

В а л е н т а *(прохаживаясь, наблюдает за ним)*. Такого еще не бывало! Нет, тут никогда такого не бывало, а ведь эти стены видели уже несколько поколений студентов… Чтобы студент целый

день торчал дома, и так — весь год! Прага вас выманит из четырех стен!

Й о г а н и к. Что ж, я ее посмотрю.

В а л е н т а. А потом?

Й о г а н и к *(садится на свою кровать, отрезает кусок хлеба, ест).* Я так у дяди привык. Работали — хоть до девяти, до десяти вечера — и сразу спать.

В а л е н т а. Учеба такого усердия не требует.

Й о г а н и к. Болтовня.

В а л е н т а. День-деньской дома сидеть? Я б с ума сошел от скуки.

Йоганик пожимает плечами.

(Обычным тоном.) Впрочем, ко всему привыкаешь. Вам еще тут понравится.

Й о г а н и к. Посмотрим.

В а л е н т а. Хозяйка у нас добрая, а… *(испытующе и иронически)* а барышня Тоничка… *(Долгая пауза.)* Что вы о ней скажете?

Йоганик не отвечает.

Смазливая девчонка, правда?

Й о г а н и к. Я в этом не разбираюсь.

В а л е н т а *(смотрит на него пристально).* Еще скажите, что вы ни с одной девушкой не

разговаривали.

Й о г а н и к. А если и так?

В а л е н т а. Нет, такого здесь и впрямь еще не бывало! *(Подошел ближе, рассматривает Йоганика.)* В таком случае я хотел бы тем более услышать ваше суждение о ней. Ведь хорошенькая, да? Чистейшая деревня, ей-богу!

Долгая пауза.

Й о г а н и к *(серьезно)*. У нее глаза такие… чистые.

Пауза.

В а л е н т а *(взрывается смехом)*. Что-о? Как вы сказали? Чистые глаза? Ха-ха-ха! Этого я еще ни об одной девчонке не слышал, разве что в романах так пишут, а тут — Тоничка… и чистые глаза! Ха-ха-ха!

XVI

В этот момент входит Т о н и ч к а.

В а л е н т а *(подбегает к ней, берет за подбородок, поворачивает ее лицо к Йоганику)*. Чистые глаза, ой, мамочки! Право, чистые, как… родник!

Тоничка ударяет его по руке, отталкивает.

Х о з я й к а *(появляясь в дверях)*. Пан Валента, что тут происходит? *(Входит.)*

В а л е н т а *(отпускает Тоничку, с иронической усмешкой показывает на Йоганика)*. Чистые глаза — опасайтесь его! Он опасный человек! *(Смеется.)*

Хозяйка смотрит на Йоганика, Тоничка тоже.

Йоганик смотрит на Валенту, переводит взгляд на Тоничку, роняет хлеб.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

I

Й о г а н и к сидит за столом, читает. Топится печка. Зимний день. Сумерки. На столе горит лампа. Некоторое время все тихо. Затем из кухни доносится голос Фрайта.

Г о л о с Ф р а й т а *(за дверью)*. Нет, сегодня уж не придет. Они только по утрам разносят.

Ф р а й т открывает дверь, входит.

Г о л о с х о з я й к и *(за дверью)*. Целый день никто не заглядывал.

Х о з я й к а *(появляясь в дверях, Йоганику)*. Правда ведь, не было? Почтальона с денежным переводом?

Й о г а н и к. Не было.

Ф р а й т. Да, что-то заросла его дорожка к нам. *(Смеется, закрывает дверь, подходит к печке. На нем легкое пальто.)* Вот и ссужай после этого деньги приятелям. Обещал прислать к рождеству. На дворе сочельник, а денег черт ма. Если б еще чужой… У-у! Собачья погода. К вечеру обязатель-

но снег пойдет. Ба́рана не было? Что читаешь? *(Забирает у Йоганика книгу из-под носа.)* Брось ты это! Все торчишь здесь, за порог не выйдешь! Что за радость? Прямо монах какой-то. *(Греется у печки, снимает пальто.)* Юзла тоже не было? Встретил я его — сказал, придет…

Й о г а н и к. Не было.

Ф р а й т. И где шляется? В прошлый сочельник весело было. Послали за пивом, покутили. Еще покойный Шимечек с нами был. Тоже философ. Умер — чахотка. *(Ходит из угла в угол.)* Нет, досадно, что денег не прислали. У тебя есть?

Й о г а н и к. Ни шиша.

Ф р а й т. Дожили. За переписку не получал?

Й о г а н и к. Пока нет.

Ф р а й т. И талоны на обед мы давно продали… *(Машет рукой.)* А, ладно, обойдемся! Надо мне еще хоть рубашку какую купить… *(Выкручивает фитиль в лампе.)* С уроками этими — тоже одна мука мученическая. По всему городу бегай — то в Голешовице, то в Коширже{10}, а то и вовсе к черту на рога, на один трамвай не заработаешь, когда же мне еще учиться? Занять бы где-нибудь пару сотен. Немцы в нашем университете

{10} Комментарии: 2.10
Голешовице, Коширже — районы Праги.

хорошо это дело организовали, а что ж мы-то зеваем? Ведь таких студентов, как мы, — верная половина. На разные работы зазывать умеют или на танцульки, а кормись сам, как можешь. Был у меня приятель, знаешь, чем питался? Сварит рису, размажет по газетине и ест целую неделю. Надо иметь желудок утки, а то за один год испортишь. *(Идет к двери, открывает, кричит.)* А мне дворничиха говорила, что почтальон приходил, посылочку принес!

Х о з я й к а *(появляясь в дверях)*. Принес, принес, только это маленький секрет. Ну-ка, Тоничка, похвались!

Ф р а й т. А, рождественский подарочек Тоничке?

Х о з я й к а. Не хочет. *(Скрывается, потом появляется снова, входит в комнату, в руке у нее маленькая коробочка.)* Серьги, очень красивая вещь.

Ф р а й т *(смотрит)*. От кого? Красиво.

Х о з я й к а. От кого? Сколько они могут стоить?

Ф р а й т. В жизни не покупал, не знаю. *(Вдруг.)* Уж не от Валенты ли?

Х о з я й к а. Вот именно! Пан Валента к сочельнику прислал.

Ф р а й т *(не сразу)*. Я бы тоже что-нибудь подарил, да денег нет. А вот вы бы взяли, да сделали нам тоже подарок… например, долг простили бы. А то уже до двадцати четырех гульденов вырос.

Х о з я й к а. Я вас не тороплю.

Ф р а й т. Это — чтоб мы не сбежали. Что ж, поздравляю Тоничку. *(Выходит вместе с хозяйкой.)*

Дверь остается открытой, в кухне слышен смех.

Йоганик сидит за столом, снова раскрывает книгу; потом идет к печке, помешивает угли кочергой.

II

Ф р а й т *(возвращаясь, смеется)*. Рада девчонка. Еще бы! Только мы сами должны бы ей подарить, а не он… Сколько стоят такие сережки? Гроши, наверное. Неужели б мы не наскребли? Она у нас убирает, чисто стало, как никогда прежде…

Стук в дверь.

Входи! Нечего стучать, все равно ты как медведь!

Б а́ р а н *(появляясь в дверях)*. Привет! *(Под мышкой у него сверток, кладет его на стол.)*

Вот, принес. В семь часов начинаем. Прочтешь стихи?

Ф р а й т. Естественно!

Б а́ р а н. Ребята задумали сыграть что-то фантастическое. Говорят — вечером сочинят и сразу — на сцену.

Ф р а й т. Должно быть, здорово будет!

Б а́ р а н. Мы для всех только книжки купили — достал за полцены. Чтоб не задерживаться… *(Йоганику.)* А вы что будете делать? Нас соберется человек тридцать… Весело отпразднуем рождество!

Ф р а й т. Можешь одолжить мне монет? А то я на нуле.

Б а́ р а н *(весело)*. Сколько?

Ф р а й т. Гульден!

Б а́ р а н. Погоди, я всю мелочь истратил. Крхняк не приходил?

III

В дверях появляется Ю з л.

Ф р а й т. Ты? Значит, тоже домой не уехал?

Ю з л. Вы куда?

Б а́ р а н. Свой сочельник устраиваем.

Ю з л. Будет время — загляну к вам.

Ф р а й т. Ты что задумал?

Ю з л. Так, чепуха, в общем, ничего.

Б а́ р а н. Яркая программа.

Ю з л *(весело)*. А вы опять станете декламировать всякое старье и дурака валять — знаю, знаю. Сегодня мне что-то не хочется.

Ф р а й т. Идем с нами!

Б а́ р а н. Покажешь сценку — с куклами из картофелин.

Ю з л. Да вы ничего не заплатите, а я так не могу. Я играю только для графинь и кавалеров. При них могу молоть что вздумается.

Ф р а й т *(обхватывает его за шею)*. Я давно знал, что ты аристократ духом и сердцем!

Ю з л. Бац! Вот так номер! Ступайте пока сами. Согреюсь вот и тоже приду.

Б а́ р а н *(весело)*. Значит, вдвоем остаетесь? А не станете распевать «Родился Иисус Христос»?

Ю з л *(распахивает дверь)*. Ступайте сеять разумное, доброе, вечное! *(Кланяется.)* Вас ждет весь мир! Вы — мессии. Помогли бы уж как-нибудь миру на ноги-то встать… Мое почтение! Мое почтение!

Ф р а й т *(забирает со стола сверток, смеясь, Ба́рану)*. Просить не станем! *(Кланяется, иронически.)* Мое почтение!

Ф р а й т и Б а́ р а н уходят.

IV

Ю з л *(машет им вслед)*. И ступайте, ступайте! Мне уже с вами кашу не варить, чувствую. В прошлом году — еще да. Но в нынешнем — не получается.

Й о г а н и к. А мне почему-то захотелось с ними…

Ю з л. Ну и пошли бы, многое бы повидали. Председатель их кружка — горбун, и знаете, что они читают? Индивидуалистическую литературу! *(Смеется.)* Звучит не так глупо, когда об этом говоришь. Но видели бы вы их! Все равно как если бы молочница взялась толковать о Рубенсе. По крайней мере такое у меня впечатление от их председателя. У Фрайта в голове вообще все перепуталось. Вы его знаете только с одной стороны, а я — со всех. Он, может, самый талантливый среди нас. Но как-то его все влево заносит. Сколько я думал — почему? А впрочем, что мне за дело? Он лишь недавно перестал читать приключенческие романы и хочет быть героем. Может, в этом вся и штука. Давно ли и все-то мы были мальчишками? Вчера!

Й о г а н и к. Бумм!

Ю з л. Все люди — бородатые дети…

Й о г а н и к. А женщины?

Ю з л. Бабы — те…

Й о г а н и к. Почему вы говорите «бабы»?

Ю з л. А я иначе не умею. Впрочем, «бабы» — отличное выражение, баб-то я изучаю. Мужик и баба — не мужчина и женщина. Послушайте! Может, мы додумались до того, над чем философствуют мудрецы! Мужик да баба — это комедия жизни, мужчина и женщина — что-то торжественное. И в то же время как-то это все переплетено, так что и дьявол не разберет… *(Неожиданно.)* Слушайте, пойдемте ко мне в ателье. Возьмем отсюда угля, затопим, у меня есть немного чаю, ром…

Й о г а н и к *(спокойно)*. Я углей брать не стану.

Ю з л. В этот праздник мне всегда грустно, словно старой кобыле.

Й о г а н и к. Почему вы домой не съездите?

Ю з л. Хорош был бы номер. Да я рад, когда вообще не вижу родного гнезда. На каникулы езжу, потому как иначе нельзя. Сами понимаете, что поднялось бы дома! *(С некоторым озорством.)* Ко всему прочему, у нас есть бабушка, совсем уже глухая, а меня заставляют забавлять ее.

Й о г а н и к. Ну, не очень-то вы ее можете по-

забавить.

Ю з л *(озорно).* Трубка у уха, всю семью тиранит — нет, я недруг всем моим родственникам! Шайка лжецов и лицемеров, разве что встретится хорошенькая кузиночка, а вообще — подложить бы динамит под всю компанию да шарахнуть! Они уже моего старика подзуживают, дескать, ничего из меня не выйдет… Ей-богу, за одно это взорвал бы! И потом, знаете — именно в такой праздник ввалиться к ним, ощипанному, как петух, хмельному, как старый солдат, — хотел бы я когда-нибудь так подшутить, вот был бы номер! Чертовски люблю ушибленных — с ними не соскучишься. Жизнь с ними не церемонится — стукнет человека по спине так, что тот нос расквасит и чувствует это всю жизнь. *(Усмехнулся.)* Видно, поэтому мне нравятся глаза старых дев. Поверьте, у них — самые красивые глаза. То, что в них читаешь, прекраснее всякой любви и мало ли чего еще… У этих глаз — окраска долгих лет, они совершенно черные, как жизненный опыт, и погасшие, как… Я начал было писать их, это будет вещь… *(Вдруг озорно.)* Ну что — сядем благочестиво в уголок да заведем трогательное «Родился Иисус Христос»? Шесть… Кафе открывают только в девять. Везде закрыто — открыто

только в известных заведениях. Ходили мы туда в прошлом году с елочкой — девки ревели как овцы, так я их растрогал…

Й о г а н и к. Странный вы человек. Но я верю — из вас выйдет толк. Когда вас жизнь хорошенько отлупит.

Ю з л. Славик вон предсказал, что я присмирею еще в этом году. А, черт… *(подбегает к стене, стучит)* наверняка дрыхнет дома. Где ему еще быть?

V

К р х н я к *(входя)*. Добрый вечер, ребята! *(Прямиком идет к печке, греется.)* У, холодина! Весь промерз. Проклятое пальто такое легкое… Какой-нибудь пижон выдумал, не человек!

Ю з л. А я думал, ты с Ба́раном пошел.

К р х н я к. Надо пойти, у них хоть деньги есть.

Ю з л. А у тебя?

К р х н я к. А у тебя? Черти рогатые! Веселенький сочельник! И это уже третий в Праге. Пока что ни один мне не нравился.

Ю з л. Повторяю: можно пойти ко мне.

К р х н я к. Да у тебя там, поди, собачий холод.

Ю з л. А мы щели тряпками заткнем.

К р х н я к. Уголь за один час сожжем, у тебя там

даже постели нет — замерзнем.

Ю з л. Зато в газетах сообщение напечатают.

К р х н я к *(Йоганику)*. А вы что? Все штудируете? По вас прямо видно, до чего ума накопили. *(Смеется.)* А не побрились! Бритвы, что ли, у вас нет? Я вас и намылю и обрею — будете как красна девица.

Ю з л. Пожалуй, слишком много крови потеряет.

К р х н я к. Я скольких приятелей брил!

Ю з л. И что тебе за это платят?

К р х н я к. А вот приходи, новым клиентом будешь. *(Подходит к Юзлу.)* Э, да у тебя подбородок-то гладок, как колено!

Ю з л. Не беда — послезавтра сразу такая борода вырастет, что тебе щетка!

К р х н я к. Пора бы!

Ю з л. Стараюсь как могу — и ничего. Эге, что это за фигура к нам прет?

С л а в и к входит неверным шагом, споткнулся о порог; он без пальто, без шапки, воротник пиджака поднят, руки в карманах.

С л а в и к *(недовольным тоном)*. Слышал сигнал. Ну, чего вам?

Юзл разом понял его состояние, скорчил гри-

масу.

(Смотрит на Крхняка.) Тебе чего тут? Почему домой не поехал? Или у вас в Моравии Христос уже не родится? *(Йоганику.)* Приветствую тебя, трудолюбец! *(Присаживается на край кушетки, смотрит на Юзла.)* Смотришь, да?

Ю з л. Смотрю.

С л а в и к. Что, не нравлюсь?

Ю з л. Нравишься.

С л а в и к. Правильно.

Ю з л. Это ты уже с утра?

С л а в и к. С утра. Моя обычная программа в сочельник — моя и еще одного перса. Хлещет вино, ругает гяуров, а я — буддистов, эсперантистов и кавалеристов... Ja! *(Вдруг лицо его светлеет, и он начинает обычную комедию — морщит лоб, наигранно хохочет, забывая об этом лишь изредка — опьянение дает себя знать.)*

VI

Х о з я й к а *(открыв дверь, тоже играет комедию).* И не стыдно вам? Вам это вовсе не к лицу — такой солидный пан, и так портит себе жизнь!

С л а в и к. А рюмочки можжевеловой не най-

дется? Прежде-то находилось!

Х о з я й к а. Я и ждала, что вы спросите. *(Закрывает дверь.)*

Ю з л. Доброта-то! Мне вот сроду не подносила.

С л а в и к. Ты еще юнец! Тебе еще «не следует». А как будет «следовать» — смотри, старайся быть таким же приличным человеком, как я сегодня.

Х о з я й к а при последних словах входит с подносом, на нем рюмка; ставит поднос на стол.

Х о з я й к а *(шутливо)*. Что, приличный? Я давно говорю, вы — самый приличный человек на свете! Кем бы только могли стать, коли б захотели…

С л а в и к. Раз как-то приезжала ко мне одна принцесса из Австралии…

К р х н я к. Принцесса — и из Австралии?

С л а в и к. Не порть мне шутку, даже если она глупа. *(Берет хозяйку за талию.)* Ну, как — еще одну, а? Раз уж я самый умный на свете?

Х о з я й к а убегает, скоро возвращается с второй рюмкой.

Да, детки. Я самый умный мужик на свете, только не просите, чтоб я вам это доказывал.

Pro primo[50], мне не хочется, pro secundo[51], это будет ужасающе глупо, а в-третьих, я в ваших комплиментах не нуждаюсь. Вот мамаша Линцова — другое дело! *(Выпивает рюмку.)* Она-то знает, зачем меня поит. И я говорю, слышите… *(хозяйке)* когда вам будет очень плохо, увидите, я приду вас утешать. А вы и не догадаетесь… Еще рюмашечку?

Х о з я й к а. Будет с вас. Не то еще начнете утешать меня прямо сейчас, и на потом не останется. *(Уходит.)*

С л а в и к *(протирает глаза, поправляет подушку на кушетке, растягивается).* Развлекайте меня, голубки!

К р х н я к. Вот теперь тебе хорошо, правда?

С л а в и к *(спокойно).* Хорошо. Добрые люди позаботились.

Ю з л. Интересная у тебя нынче компания: перс, старуха…

С л а в и к. Ты еще не знаешь всех! Вот возьму тебя с собой… Я теперь хожу в одно место… там собираются одни калеки да нищие — отлично там веселишься!

---

[50] Примечания: 1.50
Во-первых *(лат.)*.

[51] Примечания: 1.51
Во-вторых *(лат.)*.

Ю з л. Понял: в голове у тебя опять маячит твой роман. Что-то ты давно о нем не говорил.

С л а в и к. И вообще не буду о нем говорить.

Ю з л. Не напишешь ты его!

С л а в и к. Ого! *(Поворачивается.)* А вот же напишу, и напишу, и напишу!

Ю з л. В таком случае этот год — крайний срок, только я думаю, ничего ты не напишешь — тут, сударь, работа нужна, не одни идеи!

С л а в и к. И работа и идеи!

Ю з л. А где они у тебя?

С л а в и к. В чемодане. Целая кипа бумаги.

Ю з л. Завтра придешь домой пьяный, все сдуру в печку побросаешь, и дело с концом.

С л а в и к. А я так и сделаю.

Ю з л. Ты не художник.

С л а в и к. А ты кто? Впрочем, роман мой все равно трактует одни глупости… К чему? Завтра он имел бы еще какое-то значение, а уж послезавтра — никакого.

Ю з л. Почему?

С л а в и к. Этого ты не поймешь. Писание таких вещей не проходит для автора безнаказанно!

Ю з л. Что-нибудь криминальное?

С л а в и к. Что́ криминальное! Подобные книги пишутся так: человек напишет — и застрелится.

Ю з л. Ты никогда не застрелишься.

С л а в и к. Как знать!

Юзл пристально вглядывается в него.

К р х н я к *(тихо смеется)*. Ну и заботы у вас! Мне бы дома ничего такого и в голову не пришло. А с тех пор, как я среди вас, — уже сколько раз об этом слышу, чуть ли не сам об этом толкую…

С л а в и к. Ну, ты — исключение.

К р х н я к. Исключение — из чего?

С л а в и к. Из этих бессмыслиц. Не путайся в них! Впрочем, никто не говорит всерьез.

Ю з л *(быстро)*. А если?

С л а в и к. Да нет — ты слишком горяч. *(Повернувшись на кушетке, смотрит на Йоганика.)* А вы? Как учеба? Из всей тутошней голубятни я больше всего думал о вас, правда. Все дома сидите? Ну и характер — или черт знает что там… Как вы только можете, господи! Говорят, вы даже на лекции не ходите. Фрайт их вам приносит, а вы целыми днями перепиской занимаетесь.

Й о г а н и к. Приходится.

С л а в и к. Почему?

К р х н я к. Да деньги нужны…

С л а в и к. Деньги, деньги! Мог бы уроки давать мальчишкам-девчонкам… Впрочем, если смот-

реть с известной высоты, это одно и то же. Старая истина: новой руки никто себе не приделает, и вообще смешно, что люди иногда хотят кем-то стать.

Ю з л. Вот тут я тебе верю — твой идеал…

С л а в и к. Что ты знаешь о моих идеалах? Да и нет у меня никаких. Смотрю на вещи просто и забавляюсь. Вот и все. Для меня что люди, что огородное пугало — зрелище равноценное. Я не преклоняюсь перед ними — разве что заинтересуюсь ненадолго. Да, если смотреть с известной высоты — закрою один глаз и вижу не людей, а то, что хочу. С известной высоты — и никто пускай не болтает вздора бог весть о каких вещах, когда я вижу только движение — и ничего больше… С известной высоты глядя — нет у меня ни к кому никакого отношения, и крыса, пробегающая через двор, в моих глазах — самое красивое из всего, что я в тот день видел… если хочешь наконец понять меня! Так я смотрю на мир, на тебя и на всех в этой дыре. Фрайт давно перестал меня забавлять, все вы неинтересны, кроме вот этого господина… *(Поворачивается к Йоганику.)* Почему вы не говорите?

Й о г а н и к. О чем?

С л а в и к. Да, вам место не здесь, совсем не

здесь! *(Возвращается в прежнее положение.)* Может, место вам — под землей, потому что вы еще и не человек. *(Смеется.)* Право! Хотите проспать зиму? Как медведи и летучие мыши — они славно устроились… и жуки… жуки… Это была моя страсть в мальчишеские годы. *(Вольготно раскидывается на кушетке.)* Всех жуков знал, по лапкам мог определить — и куда все это подевалось? Между прочим, точно так же и… с людьми. Если смотреть с известной высоты… *(Юзлу.)* Видел ты голенького сверчка? Когда он меняет мундир… *(Смеется.)* А ей-богу, еще две-три недели, и ты будешь похож на него! Знал бы ты, какой он мягонький, миленький, честное слово! А голова словно налилась этакой фиолетовой мудростью… Такой, понимаешь, мудростью, которая, говорят, возвышает человека… А крылышки — как шелк, желтенькие… Схвати тебя холера или что-нибудь вроде — сразу станешь похож! А как уютно он свернулся в своей норке, и вылезать не хочет… *(Пауза.)* Один раз я тоже так вот менял шкуру… и смеяться тут нечему. Думаю — для рака, скажем, это, может быть, самые страшные минуты в жизни, для него — так же как и для других. Это пронзает до… до… *(не знает, как выразиться)* словом, до самого мозга куда-то… *(Пауза.)* А впро-

чем, все это можно понять — возьми, к примеру, майского жука — и станешь в тупик.

Ю з л. Майского жука?

С л а в и к. Да. В жизни не видел другого такого загадочного отшельника, и сколько раз по ночам смеялся над этим… Понимаешь, его бытие на воле, когда он вылетает, — это уже просто проза. Ты ведь тоже гонял их веником, правда? Но что происходит прежде, чем такая тварь выберется на свободу! Три года жрет, жрет, что попадется. Потом вдруг найдет дырку в земле, вычистит как следует, замотается в кокон — и лежит… В августе он уже готовый жук, только вылететь — а думаешь, вылетает? Говорю тебе — вполне взрослый жук, а между тем все сидит в своей норе, сидит как миленький! Рождество — он еще под землей, пасха — он еще дрыхнет, месяцев девять лежит в земле, совершенно готовый, — и вдруг как схватится, процарапается, прогрызается из-под земли — и вылетает… И вот скажи мне, что он там, под землей-то, делает? Он ведь вполне оформился! Мировоззрение свое формирует, что ли? Молится или что?

Ю з л. Молится…

С л а в и к. Но почему он сразу не вылетает? *(Пауза.)* Это — как у людей, точно так же! Только

у человека это длится порой годами, случается даже, такой человек-жук и вообще не вылезает… *(Смотрит на Йоганика.)* Вот вы и есть такой майский жук.

Й о г а н и к. Спасибо. Я-то уж вылезу.

С л а в и к. Э, нет, э, нет! Это не от вас будет зависеть, тут одно за другое цепляется. Жук-то тоже, может, когда под землей сидит, хочет наперекор пойти, вылезти раньше времени, но, думаю, он бы за это жестоко поплатился — и вообще это не выйдет, не выйдет!

К р х н я к. А я вот как думаю: заводит его господь бог, словно будильник, на лучшее время года — и жук послушно вылетает. Видел бы ты их у нас в дубраве, когда они вылетают в первый вечер! Уличная демонстрация против них — детские игрушки. Весь воздух гудит, и только слышно — шлеп-шлеп по листьям!

С л а в и к. И это есть жизнь! Понял? Не идеалы, не мечты… Юзл у нас еще в сверчка превратится, Йоганик — майский жук, а остальные… *(Машет рукой; Йоганику.)* Видел я вас во сне, будто вы с Тоничкой поженились, только происходило это где-то на небесах, ха-ха-ха!

Ю з л. Хорош муж — майский жук! *(Подсаживается к Славику.)*

С л а в и к. А ты этому не веришь?

Ю з л. Конечно, нет. Это вино в твоей голове играет.

С л а в и к. И вовсе не вино.

Ю з л. Ладно болтать.

С л а в и к. Я не болтаю, цыпленок! Впрочем *(иронически)*, ведь красиво, правда?

Ю з л. Отстань ты со своей красотой!

С л а в и к. Ты не художник!

Ю з л. Они гнусны! Не художник я!

С л а в и к *(ловит его руку)*. Ты прав, прав, но — будешь им. В тебе уже есть зародыш здорового презрения. Что нам до хорошеньких личинок? Знаем мы, что за ними кроется. Что нам до энтузиастов? Мы-то знаем, как мало в них человеческого… Земля вращается, и все остальное — следствие этого вращения. *(Смеется.)* Может, оно-то и определяет и любовь и известные моменты в жизни каждого человека — хе-хе-хе! Вращаюсь не я — но вращение земли заставляет меня что-то делать, не я приказываю — мне приказывают, не я увлекаю — меня увлекают… Неплохая философия!

Ю з л. Философия бессилия.

С л а в и к. Да? Так вот, перед тобой — майский жук. Спорим — он вылетит только в мае!

А ты поменяешь шкуру и будешь жить дальше — но увидишь, как тебе будет больно… Я все это ясно вижу. А сегодня можешь делать что хочешь — тебе и камешек под ноги не упадет. В этом известный героизм. Но мало кто его замечает…

Ю з л. Я знаю, о чем ты.

С л а в и к. Не знаешь. Это надо испытать.

Ю з л. Каким образом?

С л а в и к. По системе Лермонтова — «Герой нашего времени».

Ю з л. Что?

С л а в и к. Я уже испытал.

Ю з л. Теперь я тебя не понимаю.

С л а в и к. Хочешь, сыграй? Я сегодня все так ясно вижу. Ты висишь в воздухе, ничего с тобой не случится. *(Встает, слегка пошатываясь, вынимает из кармана револьвер.)*

Ю з л. Ты что это? *(Усмехается.)*

С л а в и к. Видишь? В барабане пять патронов. Вынимаю три — остаются два. Это уже подлинный Лермонтов, я-то пробовал с одним пустым. Теперь слушай *(протягивает ему револьвер)*: закрой глаза, поверни барабан…

Ю з л *(смотрит на Славика)*. Думаешь, испугался? *(Проворачивает барабан.)*

К р х н я к *(спокойно)*. И выстрелит.

С л а в и к. Нет!

К р х н я к. Да!

С л а в и к. Не будет выстрела! *(Юзлу.)* Не играй!

Ю з л *(весело)*. Мой привет всем! *(Славику.)* Ты прав… *(Еще раз проворачивает барабан, приставляет револьвер к виску, улыбается.)*

Славик спокойно смотрит в пол.

Крхняк смотрит на Славика с некоторым презрением.

Йоганик глянул на Юзла, вдруг вскакивает, хватает его руку с револьвером, отбивает в сторону — и тут грохает выстрел.

Юзл медленно опускает руку с револьвером, оглядывается на Славика.

К р х н я к. А пуля-то была!

С л а в и к *(с иронической улыбкой)*. Была…

Все как-то странно переглядываются.

VII

Х о з я й к а *(вбегая)*. Что здесь происходит? Что случилось? Иисусе Христе! Весь дом на ноги поднимется! Что вы делали?

С л а в и к. Так, ничего. Заряжали вот…

Х о з я й к а. Пан Юзл, немедленно уберите это!

Ю з л *(медленно кланяясь)*. Пожалуйста, пожалуйста… *(Отдает револьвер Славику.)*

Х о з я й к а. Не умеете обращаться, так нечего в руки брать!

С л а в и к. Был бы не первый случай, что кто-то бабахнул в себя в сочельник.

Х о з я й к а. Но не в моей квартире! *(С намеком на улыбку оборачивается, как если бы за спиной у нее стояла Тоничка.)* Сумасшедшие! Марш в кухню! *(Уходит, закрывает дверь.)*

Долгая пауза. Юзл смотрит на Йоганика, кажется, насвистывает; машет рукой. Славик ухмыльнулся, прищурил один глаз и посмотрел на Юзла; тот — на Крхняка, Крхняк — на Славика. Лицо у Крхняка серьезное, у Йоганика равнодушное.

VIII

К р х н я к *(резко, Славику)*. И ты взял бы это на свою совесть?

С л а в и к. Что именно?

К р х н я к. Что? Еще спрашиваешь!

С л а в и к. Да ведь ничего не случилось.

К р х н я к. Но могло!

С л а в и к. Я знал, что он *(жест в сторону Йоганика)* в последний момент вмешается. И вмешался!

Й о г а н и к. Я не хотел…

С л а в и к. Вы не могли не вмешаться.

Й о г а н и к. Мог — просто мне показалось так глупо…

С л а в и к. Это одно и то же! Потом обычно так и говорят. *(Юзлу.)* Поздравляю.

Ю з л *(чешет в затылке)*. А правда, ей-богу: с полным барабаном без одного патрона — вот бы попробовать!

С л а в и к *(Крхняку, торжествующе)*. Слыхал? Ну, плохо я его знаю?

К р х н я к. Оба вы психи, оба!

Ю з л. А ты умник-разумник.

К р х н я к. Не понимаю, как ты можешь этим шутить? Видали — «всем привет» — и бац! И ничего больше?

Ю з л. Да — больше ничего.

К р х н я к. Разве что в пьяном виде…

Ю з л. Вот и нет — тут и напиваться не нужно!

С л а в и к *(торжествующе)*. Видишь — мой человек! И оставь его мне! Зачем хочешь отнять? Ведь, может быть, я один смогу сделать из него человека, а больше никто на свете. Я, и никто

иной, быть может, проведу его по таким местам, по которым неизбежно должна провести его судьба, — а ты-то что так об этом хлопочешь? *(Юзлу.)* Пойдешь со мной?

Ю з л *(весело)*. Ей-богу, пойду!

С л а в и к. Я покажу тебе людей, каких ты еще не видывал, — у тебя от ужаса волосы дыбом встанут. Долго надо брести вброд, пока почувствуешь твердую почву под ногами! *(Шатается.)* А вы оба, что вы знаете о жизни? Ничего, как есть ничего! Дети… Майский жук еще баинькает под землей, а ты *(Крхняку)* — ты просто переодетая лирическая девушка, не более. *(Подходит к Йоганику.)* А вот вы — вроде ангела-хранителя… *(Смеется.)* Может — ангел-хранитель всей квартиры! Фигура, лицо, весь ваш облик подходит для этой роли. Не будь вас — лежал бы сейчас Юзл на полу, а послезавтра были бы похороны. Ха-ха! *(Смеется.)* Конечно! Я чуял, это висело в воздухе — наконец-то передо мной человек! Но как вы к нему бросились — прямо как в хрестоматии… Не выползай еще наружу, майский жук, рано еще! Сиди себе в своей норе, молись! Ты еще глуп, жалок и бесполезен, безымянный предмет, пан Йоганик… Йо-га-ник! Йо-га-ник! Совершенно не для мира сего… Майский жук… *(Берет Юзла за*

локоть.) Пошли, сверчок!

Ю з л *(весело)*. Вот это номер! *(Как ребенок.)* Иду! *(Смеясь, убегает.)*

С л а в и к, шатаясь, выходит следом.

IX

К р х н я к *(молча походив по комнате)*. Что скажешь? Давай-ка на «ты»!

Пожали друг другу руки.

И это они называют весельем! Идут сейчас по двору и как пить дать хохочут. Славик-то ладно, под мухой он — но Юзл! Честное слово, до чего глупо! А все — пражская атмосфера, только она. Ты тоже ей поддашься: я уже поддался. Попробовал бы кто раньше баловаться при мне револьвером! Я бы вырвал у него, да еще морду бы набил. А сейчас — что? Стою, как лунатик... *(Разозлился.)* А, черт возьми! Что будем делать?

Й о г а н и к. Не знаю.

К р х н я к *(не слушая)*. Фрайт из того же теста.

Й о г а н и к. Наверное.

К р х н я к. Точно! Все — одна шайка. Что будем делать?

Й о г а н и к. Не знаю.

К р х н я к. Дома останешься?

Й о г а н и к. Да.

К р х н я к. Прогуляться бы, например, по Градчанам{11}, какая бы ни была погода. *(Усмехнулся.)* Но, конечно, майские жуки в мороз не летают! *(Долго смотрит на Йоганика.)* Придет же такое в голову… Вот человек! *(Внезапно.)* Пальто нету? Стрела тебе в бок, сейчас бы нам батькину шубу, батькину мужицкую шубу! Завернулись бы в нее вдвоем, и пошли — хоть на полюс! Но откуда у студента шуба? И на пальто-то не наскребешь! У меня до сих пор пальто не было, и лет пять еще пройдет, пока обзаведусь.

X

Т о н и ч к а *(входя, вносит на тарелке часть рождественского пирога)*. Тетушка посылает…

К р х н я к. Передайте — спасибо, мол!

Йоганик садится на кровать.

А что вам принес младенец Иисус?

Т о н и ч к а. А вам?

К р х н я к. Мне? Точно то же, что и ему! *(Показывает на Йоганика.)*

{11} Комментарии: 2.11

Градчаны — район Праги, примыкающий к кремлю — Граду.

Тоничка, засмеявшись, уходит.

XI

Й о г а н и к. Получила она.

К р х н я к. Что?

Й о г а н и к. Серьги, от Валенты. *(Встает, прохаживается.)*

К р х н я к *(удивленно)*. Ай-яй-яй! *(Берет с тарелки кусок пирога.)* О, Валента — большой пан! По воскресеньям носит цилиндр и перчатки. Вот студент, не то что мы! Богатая семья… Его батька — второй человек в городе, мой — второй после попа: церковный сторож. Это, брат, разница! Бери же.

Й о г а н и к. Ешь, ешь.

К р х н я к. Не успеешь оглянуться — все проглочу. Тут всего три куска.

Й о г а н и к. Ешь.

К р х н я к. У нас бы не так подали! Целый бы поставили! *(Ест.)* Только… *(пауза)* будь я на месте девчонки, черт… Серьги от Валенты?.. Я-то его знаю!

XII

Х о з я й к а *(появляясь в дверях)*. Чаю не хотите?

Я вскипятила.

К р х н я к. Давайте, давайте! *(Смотрит на Йоганика.)* Да бери же!

Й о г а н и к. Что заставляешь?

К р х н я к. А то ведь сам съем!

Й о г а н и к. Ну и съешь.

Х о з я й к а вносит два стакана чаю, ставит на стол.

Т о н и ч к а приносит сахарницу.

Х о з я й к а. Вот и чай. Хороший. На Малой Стране{12} покупала. *(Тоничке.)* Ну, что рот разинула? Ложечки!

Т о н и ч к а убегает, тотчас возвращается.

(Подходит к печке.) Горит как-то не так… Уголь плохой. Золы много — тепла мало. А денег дерут столько же, как и за хороший. Жулики. *(Помешала в печке, выпрямляется.)* Ну, вот, так вроде лучше.

Тоничка переводит взгляд с тетки на Крхняка, потом на Йоганика.

Йоганик опускает глаза.

Тоничка невольно тоже.

{12} Комментарии: 2.12

Малая Страна — древний район Праги.

Крхняк, усмехнувшись, накладывает себе сахару, помешивает чай.

(Йоганику, шутливо.) На постель не садиться! Помнете! Хорошо еще, не валяетесь на кровати с башмаками, как пан Фрайт. Вот ужó поймаю его… (*Тоничке.)* Пошла в кухню! Пойдем, заглянем к соседям…

Обе уходят.

К р х н я к *(кричит от стола Йоганику).* Чай!

Й о г а н и к. Не хочу.

К р х н я к. Ну и мне не хочется.

Й о г а н и к. Да ты пей.

К р х н я к *(долго смотрит на него, внезапно).* Ты что же? Еще не сказал ей?

Й о г а н и к. Чего — не сказал?

К р х н я к. От меня, брат, не скроешь! Я уж месяц, как догадался. Любишь ты ее. Смотри, уведут ее у тебя из-под носа!

Й о г а н и к. Сдурел?

К р х н я к. Скажи, что я не прав!

Й о г а н и к. В чем не прав-то?

К р х н я к. Значит, правда. Но она о тебе и не думает.

Й о г а н и к. Пускай думает о ком хочет.

К р х н я к. О другом она думает, а тот времени

не теряет… Ты не умеешь, что ли? А жаль! Девушка доброй закваски.

Й о г а н и к. Зачем ты об этом? *(Подходит к столу.)* Сахару положил?

Пауза.

К р х н я к. Неохота мне.

Й о г а н и к. Они хорошо заваривают. Иногда приносят нам.

К р х н я к. Не надо мне было есть пирог.

Й о г а н и к. Почему?

К р х н я к *(медленно)*. Голодный я. Три дня не ел. Нет ли у тебя лучше куска хлеба?

Й о г а н и к *(медленно)*. Нету. Со вчерашнего пощусь.

К р х н я к *(саркастически)*. Прямо хоть христа-ради проси…

Й о г а н и к. Пей чай.

К р х н я к *(саркастически)*. «Роскочная» жизнь! Знаем мы это. Две булочки да сигарка на весь день. И так — уже третий год. Свалюсь когда-нибудь, и стащат меня в больницу — другого конца не будет.

Оба садятся за стол друг против друга.

XIII

Т о н и ч к а *(входит, ставит на стол тарелку с рыбой, улыбается)*. Карпа кусочек… *(Уходит.)*

Долгая пауза.

Й о г а н и к *(сдавленным голосом)*. Бери!

К р х н я к *(смотрит на него, вдруг разражается рыданиями)*. Старуха поняла! Не хочу! Ведь я так уже целый месяц! Эх, сволочная жизнь, брат, я уже сыт по горло! Ехал в Прагу, воображал… а вышло так, что и сказать стыдно! Распрекрасная студенческая жизнь! Рождество, а мы с тобой сидим голодные, а выйти не в чем, и милосердие к нам в дверь лезет… А дома у нас — хоть хлеба, да зато каждый день, и одежка приличная, и у каждого парня своя девушка, и есть к кому пойти, а мы — сидим тут как нищие… И ты со своей любовью прячешься в уголок… Ой, нет, не жизнь это! И ну их к черту с их револьверными играми, хватит с меня! Какой мне прок от того, что я студент? Утешают: мол, через несколько лет станешь барином — а доживу ли я эти несколько лет? Мол, через пару лет тебе улыбнется счастье — так чего ж оно не улыбается мне теперь? Почему оно улыбается всем, кто, к примеру, меш-

ки таскает, каждому приказчику в лавке, только не мне? Что я за обезьяна в клетке и зачем играю в эту игру? Молодость проходит, а все остается по-прежнему, скоро уж и на люди показаться не смогу, а шляться тенью по улицам?.. *(Внезапно.)* В прошлом году ставил опыт в лаборатории, нужна была платина, а где ее взять? Украл! Тот парень, у которого я стащил со стола немножко платины, что-то подозревает, в любой момент может показать на меня пальцем, крикнуть: «Вор! Вор!» Ей-богу, хоть учебу оставляй! А куда пойдешь? Домой нельзя, заедят, а так жить — не могу, не могу больше. Руки на себя наложу! Когда-нибудь найдешь меня там, в углу... *(Вскакивает, хватается за горло, вскрикивает так, словно петля уже захлестнула его.)*

Йоганик, встав, пристально смотрит на Крхняка, пока тот говорит, потом усмехается, становится серьезным, несколько раз негромко стучит костяшками пальцев по столу.

Крхняк ходит из угла в угол.

Йоганик отходит к окну, и оба останавливаются там рядом.

(Просто.) Бедняки мы, вот и все. Трудненько нашему брату до барина дорасти! А кто дорас-

тет — должен как-то за это поплатиться. Телом или душой. Не мое там место, да и не твое тоже. Ты — только начинаешь. На твоем месте я бы сбежал.

Й о г а н и к *(с тонкой иронией)*. Позволь уж и мне поплавать в этом!

К р х н я к. Хотел бы я сейчас дома очутиться! Яблоки наре́зают, орехи щелкают, старушка принесла сушеных ягод терновника… Нет, эта жизнь где-то далеко… *(Пауза.)* Бежали мы от работы, а ведь только там — наше место. Многие бегут от работы, но увидишь — придет час, и будут они кричать, как, мол, им хорошо живется, как они отлично все рассчитали и всякое такое, а в общем-то, ничего они не совершили, и жрать им нечего — ничего! ничего! И так все человечество… Зачем наши не оставили меня в старой жизни?

Й о г а н и к *(медленно)*. Я со своей старой жизнью еще крепко связан. Все еще снится мне по ночам, будто помогаю дяде в мастерской, и так хорошо мне во сне…

К р х н я к. Да, может быть, только в той жизни и был ты счастлив и не потерял ни секунды своего времени. А я уже три года убил…

Й о г а н и к *(медленно)*. Да… но чего-то тут не

хватает. Вернуться? *(Иронически усмехается, и с каким-то азартом.)* Зачем и к чему? *(Пауза.)* Ради кого?

XIV

Т о н и ч к а *(вносит блюдо с рулетом. Увидев нетронутую рыбу, удивляется)*. Почему ж вы не едите? *(Смотрит на обоих.)*

К р х н я к *(глядя на Тоничку, ласково)*. Ради кого?

Йоганик, положив руку на плечо Крхняка, смотрит в пол.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

I

Й о г а н и к сидит у стола на кушетке. Он так захвачен чтением, что почти не шевелится в течение всего последующего монолога Фрайта.

Ф р а й т *(лежит на кровати в нише, в ботинках и одетый, только пиджак снял; смотрит в потолок; поворачивается к стене, потом лицом к комнате, наблюдая за Йогаником, затем, повернувшись на живот, глубоко вздыхает).* Давно говорю — воскресенье самые дурацкие дни. Еще кто работает в поте лица — ну, тому, может, приятно, а я уже десять лет готов по воскресеньям кусаться от тоски, да еще весной! Правы были древние греки, утверждая, что весна — самое дурацкое время года. Всюду цветочки, цветочки, а на зуб положить нечего. Вероятно, все древние греки были студенты, коли знали это так хорошо... У нас, правда, еще ничего не цветет, еще только первое апреля на носу, но... *(Поворачивается навзничь, поет.)*

«Как я милушку убил,

ту, которую любил…
В крови милка утопает,
а мамаша и не знает…».

(Забавляясь.) И чего я на сцену не пошел — такой голос! *(Смотрит на Йоганика.)* А и тоска же с тобой, брат, ангелочек ты мой светлый! Все торчишь за столом, все читаешь… Дождешься, швырну я в тебя сапогом! Поумнеть хочешь за год, что ли? *(Снова ложится ничком.)* Поумнели мы! Еще парочка дурацких коллоквиумов да семинар — и прости-прощай, любимый край! Что читаешь? Я спрашиваю, что ты у меня стащил?

Й о г а н и к *(буркнул)*. «Основы социализма».

Ф р а й т. Смотри, читай как следует. Не бросай на половине! А то так все делают. Любопытно им, дразнит аппетит, как перец или черный кофе, — и больше ничего! А вещи-то куда как важные! Люди же обычно просто развлечения ищут — этого я никогда не понимал. Им бы капельку рррреволюционности плюс грамм двести анархизма — вот что им надо! А между тем есть на свете бедняги, гибнущие именно ради этих двухсот грамм, — толпы бедняг, которые и пальцем не в состоянии шевельнуть, потому что человечество — это какой-то сплав высокоме-

рия и жажды развлечений… Эй, слышь, давай подеремся! А то тут тихо, как в могиле… Будто за стенкой гладят дамское исподнее… *(Смотрит на Йоганика, потом тихонько тянется под кровать рукой, достает башмак и кидает в Йоганика.)*

Йоганик, усмехнувшись, отклоняется.

(Соскакивает с кровати.) Иди, подеремся! Давай, говорю, драться! А то тут прямо как в богадельне! *(Хватает Йоганика за плечо.)*

Й о г а н и к. Слабоват ты драться.

Ф р а й т. А увидим! Давай! *(Становится в воинственную позу.)*

Й о г а н и к. Я только двину — под кровать отлетишь.

Ф р а й т. А вот и нет!

Й о г а н и к. Отцепись.

Ф р а й т. А вот не одолеешь!

Й о г а н и к. Кой черт в тебя вселился?

Ф р а й т. И вселился, о передовая личность! Желаю драться, как дрались древние греки, римские легионеры и мальчишки на нашей улице, и вызываю тебя на богатырский поединок! *(Обхватив Йоганика, пытается стащить его с кушетки.)*

Й о г а н и к. Не отстаешь, да? *(Поднимается.)*

Ф р а й т. Хоп!

Й о г а н и к. Хоп! *(Изготавливается к драке.)*

Ф р а й т. Хоп!

Й о г а н и к. Хоп!

Начинают драться.

Ф р а й т *(наседая)*. А я еще не под столом! *(Наносит удар — драка пошла всерьез.)*

Й о г а н и к. Ах ты вот как? *(Стискивает Фрайта.)*

Ф р а й т *(отбивается)*. Пусти! Черт... Ага! Теперь уж я... Главное — за шею... И не отпускать! Что скажешь? Ага! *(Хватает Йоганика за шею, виснет на нем.)*

Й о г а н и к *(весело)*. Пусти!

Ф р а й т. Чья взяла?

Й о г а н и к *(весело)*. Твоя! *(Отшвыривает Фрайта так, что тот летит под стол, с улыбкой смотрит на него.)*

II

К р х н я к *(в этот момент открывает дверь)*. Это что?

Ф р а й т *(из-под стола, иронически)*. Не видишь — я дерусь!

К р х н я к. Странно ты как-то дерешься!

Ф р а й т. А до этого я победил! *(Вылезает из-под*

стола, смотрит на Йоганика, подает руку Крхняку.) Ну и силушка у малого — на двоих!

К р х н я к *(жмет руку Йоганику).* Здорово, малый! *(Идет к столу.)* А я из больницы.

Ф р а й т. Ну, как там Юзл?

К р х н я к. Плохо.

Ф р а й т. Уже оперировали?

К р х н я к. Как раз сегодня. Лежит теперь, как покойник.

Ф р а й т. Дорого поплатился, бедняга!..

К р х н я к. Я с врачом говорил. Он сказал — в общем, ничего особенного, просто организм совсем подорван. С таким диагнозом сотни людей таскаются по земле и как-то живут — все зависит от натуры.

Ф р а й т. Юзл — сильная натура.

К р х н я к. Собратья из Академии художеств прислали ему цветочки. И письмо. Он читал, и слезы текли у него по лицу. А письмо — сплошная галиматья, на которую только художники и способны, будто детишки малые…

Ф р а й т. Надо к нему сходить.

К р х н я к. Слушай, я его не узнал, когда его привезли из операционной. Весь белый, глаза как у мертвеца, только волосы — только по растрепанным волосам и узнать нашего Юзла! И руки

на груди — хоть в гроб укладывай. Через часок он, правда, малость очухался, и все-таки какой-то он не такой, как всегда…

Ф р а й т. Чего ж ты хочешь — уж так он загуливал, прямо не по-человечески.

К р х н я к. Да, заходил я как-то к нему еще до больницы — так он уже третью ночь не спал, и вид соответственный. А на языке одно: Славик да Славик… По-моему, этот Славик действительно такое ему показал, от чего волосы дыбом встают! Так ведь он и обещал…

Ф р а й т. Да ну, это Славик просто трепался. Тоже мне демон!

К р х н я к. Но он разбудил демона в Юзле!

Ф р а й т. У Юзла рано или поздно должно было начаться нечто подобное.

К р х н я к. У нас дома это назвали бы — «конец».

Ф р а й т. А у нас — «начало». Ведь Юзл еще и человеком-то не успел стать!

К р х н я к. И тебе его не жалко? Черт, тебя бы на его место!

Ф р а й т. Он мальчишкой был — теперь человеком станет.

К р х н я к. По-твоему, дети именно таким образом становятся взрослыми? Через туберкулез да

сифилис? Странная у тебя теория!

Ф р а й т. Я считаю — только катастрофы могут исправить человечество.

К р х н я к. А после катастрофы явишься ты и скажешь: ну, что я говорил? Теперь будьте паиньками! Как школьный учитель! Катастрофа! Нет, ей-богу, по мне, так уж лучше было Юзлу кокнуть себя тогда, на рождество! Идейки же у тебя… *(Садится.)*

Ф р а й т *(засунув руки в карманы)*. Чем богаты, тем и рады. *(Ходит по комнате.)* Впрочем, мои идеи я держу при себе.

К р х н я к *(кланяется)*. Будьте любезны, руководствуйтесь ими сами.

Ф р а й т *(кланяется)*. Увы, не представилось случая.

Пауза.

К р х н я к. Что будем делать? Собирается дождь.

Ф р а й т. Сходим в кафе?

К р х н я к. Газеты почитать? В них ничего нового. Как будет новое — куплю.

III

Б а́ р а н *(входит; заметно, что он приоделся ради воскресенья, среди студентов он кажется прямо-таки элегантным, хотя ничего элегантного в его одежде нет)*. Здорово, цыплята! *(Жмет руки.)* Ну, что?

Ф р а й т. Дождик будет.

Б а́ р а н. Неважно. Пошли куда-нибудь?

К р х н я к. Когда свадьба?

Б а́ р а н. Свадьба расстроилась. Я опять свободен, как птица!

Ф р а й т. А хороша была девчонка!

Б а́ р а н. Хороша! Вообразила, будто может меня обманывать.

К р х н я к. Какие-нибудь сплетни?

Б а́ р а н *(махнул рукой)*. Что Юзл?

Ф р а й т. Оперировали.

Б а́ р а н. И как?

К р х н я к. Удачно.

Б а́ р а н. Надо пойти к нему — всем вместе. Пускай порадуется! *(Хлопает себя по карманам.)* Ах, черт, сигары забыл! Сбегать в трактир, купить…

К р х н я к. Я с тобой.

Б а́ р а н. Пошли. Пусть нам будет хорошо! *(Фрайту.)* Мы скоро вернемся.

Уходят.

Ф р а й т *(угрюмо)*. Говорила, что любила… Куда же нам-то пойти? *(Идет к кровати.)* Пиджак на локтях продрался…

Й о г а н и к. Иголку дать?

Ф р а й т. Ну ее к черту!

Открывается дверь, входит с важным видом В а л е н т а; он в цилиндре, в перчатках.

Ф р а й т. А! Пан Валента!

В а л е н т а *(небрежно)*. Привет! *(Ставит цилиндр на кровать, стаскивает перчатки.)*

Ф р а й т. Ну, как там, на проспекте?

В а л е н т а. Приехал бы сам — увидел бы.

Ф р а й т. Мой экипаж не подали…

В а л е н т а. Видно, лакей плохо понял по телефону.

Ф р а й т *(продолжая игру)*. Я его тотчас прогнал. Прекрасная парижанка обо мне справлялась?

В а л е н т а. Как же, как же. Слыхал я — ищет тебя с полицией.

Ф р а й т. А я, неблагодарный, забыл ее!

В а л е н т а. Появись хотя бы на суаре. Ведь она уверена, что ты умер.

Ф р а й т. Может, ты за меня сходишь?

В а л е н т а. Отчего же? *(Прячет цилиндр в кар-*

тонку.) Дашь мне свой фрак, и дело в шляпе!

Ф р а й т. Мой фрак у портного: помяла она его, видно, в припадке великой любви, пришлось отдать выгладить.

IV

Входит х о з я й к а, за ней Т о н и ч к а.

Х о з я й к а *(в дверях)*. Вот это я люблю! Все дома, как миленькие. А то один ветер в голове, являетесь когда кому вздумается. Надо же ведь и учиться, правда? Пан Йоганик, пожалуй, всех вас обгонит, а вы *(Валенте)* каким франтом! Ничего не скажешь... Пан Фрайт, кто вам будет опять кровать-то застилать? *(Идет к нему, в шутку гонит его перед собой.)* Сколько раз я вам говорила, не валяйтесь в сапогах на постели, или у вас дома так принято?

Ф р а й т. Да я поверх одеяла.

Х о з я й к а. И одеяло запачкаете! Вот уж подарочек вашей будущей супруге!

Ф р а й т. Что-то вы нынче веселы. К обеду не пироги были?

Х о з я й к а. Картофельный салат.

Ф р а й т. И не позвали!

Х о з я й к а. Забыла! *(Тоничке.)* Что смотришь?

Вытри стол!

В а л е н т а. Нынче воскресенье. Работать не полагается.

Х о з я й к а *(с важностью)*. Вы в мои дела не вмешивайтесь, я же не вмешиваюсь в ваши. Слыхали про дворничиху Андулу? Скандал был — прямо стекла дрожали. Заявилась домой под утро… Вот доверяли ей все, и вдруг такой срам! *(Оглядываясь на Тоничку.)* Под столом подмети!

Т о н и ч к а убегает.

Меня не проведешь! Я все по носу угадаю, и тогда разговор короткий…

Т о н и ч к а возвращается, подметает, слушает.

Вот, скажу, твоя одежонка, рубашонка — и ступай вон, чтоб я тебя больше не видела! Ох и хитры же девки! Родная мать не уследит! Застели кровать! *(Берет с кровати пиджак Фрайта.)* Рукав-то протерся, а вы и не скажете!

Ф р а й т *(с невинным видом)*. Да я как раз собирался заштопать, но поскольку вы нынче в таком любезном настроении…

Х о з я й к а. Какое там настроение! Да и вы могли бы себя больше в порядке содержать. Я

понимаю, вы не можете быть как пан Валента, но хоть как-то надо — лишнюю работу мне задаете! *(Уходит.)*

Фрайт *(ей вслед)*. Да не нужно ничего, не горит, подумаешь, дыркой больше, дыркой меньше… И пиджак-то старый… *(Уходит.)*

V

Тоничка оправляет кровать Фрайта.
Йоганик стоит у комода.

Валента *(стоит возле чемодана у окна, смотрит на улицу, потом подходит к Тоничке, непривычно ласковым тоном)*. Жаль, погода неважная, а то взяли бы мы тетушку и пошли прогуляться…

Тоничка *(робко)*. А куда? *(Не смотрит на Валенту.)*

Валента *(не слыша ее)*. Хорошей-то погоды еще не было…

Тоничка *(взбивая подушки, тихо)*. Я на вас пуху напущу…

Валента. Ничего! *(Подходит к ней.)* Как вы сегодня хороши! Видно, выспались, да? Когда хорошо поспишь — будто заново рождаешься.

Тоничка хочет уйти.

Валента будто нечаянно загораживает ей дорогу.

Т о н и ч к а *(чуть приподняв глаза).* Пропустите…

В а л е н т а *(гладит ее по руке).* Очи мои, очи, звезды полуночи! *(Заглядывает ей в лицо.)*

Тоничка на мгновение поднимает на него глаза; есть в них что-то страдальчески покорное.

Йоганик кашлянул.

Валента смотрит на Йоганика, прищурив глаза, тот на него — гневно.

VI

Ф р а й т *(входит, видит всю сцену).* Что происходит?

Тоничка проходит через комнату к двери.

(Ловит ее за руку.) Бросьте вы их обоих, лучше на меня взгляните! Из них никто так искренне вас не полюбит, как я! А я — хороший человек, денег заработаю, сколько нам понадобится…

Т о н и ч к а, мягко высвободив руку, уходит.

Йоганик отходит к окну.

Валента насвистывает.

Долгая пауза.

(Подходит к стене, стучит.) Эй, Славик, соловей-разбойник, дома? Куда бы ему уйти? И где эти двое? Наверняка пиво хлещут… *(Валенте.)* Что пишут ваши? Говорят, у вас землетрясение было?

В а л е н т а *(ехидно)*. А пострадали Юзлы!

Ф р а й т. Да ну? Вас сторонкой обошло?

В а л е н т а *(язвительно)*. Сам знаешь, нашим всегда везет!

Ф р а й т. Это конечно. Когда нашим худо, ваши в постельке нежатся, а как вашим худо пришлось, наши их вывози, так? Ты, хорек, не пропадешь! Ты отшлифован, как драгоценный камень. Правда, не шибко драгоценный — сойдешь за булыжник, мостить дорожку нации…

В а л е н т а. Опять охота припала вздор молоть!

Ф р а й т. Стоит тебя увидеть — охота тут как тут.

В а л е н т а *(закурив сигару, ходит по комнате)*. Писали мне из дому, спрашивали — что с Юзлом.

Ф р а й т. И ты ответил?..

В а л е н т а. Не писать же, что…

Ф р а й т. Почему же? Пан староста, может, тоже через это самое прошел.

В а л е н т а. Прости, но я бы себе такого не позволил.

Ф р а й т. Прости, но если ты не позволишь себе такого, то позволишь себе кое-что похуже.

В а л е н т а. Поживем — увидим.

VII

Х о з я й к а *(сначала за сценой, потом открывает дверь, не входя, подает Фрайту пиджак).* Пиджак!

Фрайт берет пиджак, бросает на кровать.

Можете красоваться! *(Смеется, пропуская Славика.)*

С л а в и к, войдя, останавливается у двери. Костюм на нем выглажен — вещь неслыханная — и бутоньерка в петлице.

Ф р а й т. С пира или на пир?

С л а в и к. С пира. Целое блюдо лапши.

В а л е н т а. Выиграли, что ли?

С л а в и к. Как назвать. Развлекал я позавчера некого кавалера, под конец он взял меня к себе в дом, и пошли мы с ним кутить по городу. Ели, пили, потом он велел еще костюм мне сшить, и я уехал.

Ф р а й т. А служба?

С л а в и к. О, завтра там будет шуму! Однако на свое жалованье я не смог бы так одеться, а посему — пропади она пропадом. Как дела Юзла?

Ф р а й т. Не так уж скверны.

С л а в и к. Вокруг подобных дел вечно поднимают шуму больше, чем они того стоят. Особенно если это в первый раз… *(Идет к столу.)* Если смотреть с высшей точки… *(Садится, Йоганику.)* Что поделываете? Давненько я вас не видел!

Ф р а й т *(с легкой иронией)*. А что ему делать? Учится, зачеты сдает, теперь вот еще решил фокусником стать.

С л а в и к. Что?

Ф р а й т. Один такой шесть недель носил под мышкой яйца черной курицы, причем ему нельзя было ни пить, ни молиться… А Йоганик выдержал бы! Мне бы его терпение — сел бы в затвор да выдумал новую философскую систему.

С л а в и к. Уж ты бы выдумал!

Ф р а й т. Не хуже тебя!

С л а в и к. Да ты бы от скуки сдох. А вот он, пожалуй, нет!

Ф р а й т. У него это вовсе не терпение — это инерция, от бабушки передалась.

С л а в и к *(хохочет)*. Хо-хо-хо! Удачно сказано!

Бабушкина инерция! А у меня — чья? Работать люблю, идей полна голова — а достичь ничего не могу…

В а л е н т а. Этим болеет большинство человечества.

С л а в и к. И в первую голову — студенты. Впрочем, кое-кому из них гладенькую дорожку проторили, не так ли, пан Валента?

В а л е н т а. А кое-кому — нет. Это еще не значит, что один лучше, другой хуже.

С л а в и к. С высшей точки зрения все мы немного дети и жульничаем в жизни — разница лишь в оттенке.

Ф р а й т. С высшей точки зрения и оттенков никаких нет!

С л а в и к. И это любопытнее всего. Солнце светит и праведным и неправедным.

Ф р а й т *(раздраженно)*. Вот именно! *(Нахмурясь, ходит по комнате.)* Это-то, может, и есть главное во всей социальной проблеме. Ни на небе, ни на земле нет пока такой власти, которая задавала бы верное направление. Это как-то сбивает… Вот о чем следовало бы больше всего говорить! Что проку, если я схватил негодяя за руку, когда он все равно как-нибудь да вывернется в философском смысле слова? Как угорь,

как угорь!

VIII

Входят Б а́ р а н с К р х н я к о м, оба с сигарами в зубах, с видом гуляк. Фрайт расхаживает по комнате. Валента стоит у окна, остальные сидят.

Славик подмигивает вошедшим, те сейчас же садятся на кровать, ухмыляясь.

С л а в и к *(шепотом, иронически)*. Проповедь!

Фрайт останавливается возле Валенты, глядя в пол; Славик делает знак Ба́рану с Крхняком, и все трое начинают мычать церковный мотив.

Ф р а й т *(поднял глаза)*. Комедианты!

С л а в и к *(тоном проповедника)*. Евангелие от Матфея, глава шестая!

Ф р а й т. Ты старше всех, а ума у тебя меньше, чем у них.

С л а в и к. Что следует доказать, прежде чем обрушивать брань на неверующих!

Ф р а й т. И докажу! Вот: носишь в петлице цветок, словно ты юноша или, скажем, лорд, а между тем ты ни то, ни другое!

С л а в и к *(подает ему бутоньерку)*. Возьми!

Фрайт засовывает ее себе в петлицу.

Продолжайте, милорд!

Ф р а й т *(пристально глядя ему в глаза)*. Ты сказал, что с твоей высшей точки зрения, — право, пора бы уж придумать что-нибудь поумнее, — все люди — дети и жулики, а я скажу, что ты малость глуховат, если не можешь понять по их словам, кто они на самом деле. Я-то уже додумался…

К р х н я к. Воры!

Ф р а й т *(презрительно)*. Воры?

Б а́ р а н. Бездельники!

Ф р а й т. Допустим…

С л а в и к. Все носят маски!

Ф р а й т. Старая истина.

С л а в и к *(очень иронично)*. Тогда вот нечто новенькое: как слышно, люди — отчасти еще потомки падших ангелов.

Ф р а й т. Ну, нет, я ставлю их не так высоко. Ангелы? Да ты оглянись вокруг! Но — серьезно: знаешь, что такое любой человек прежде всего?

Б а́ р а н. Трус!

Ф р а й т *(поражен)*. Да! Трус! *(Становится очень серьезным.)* Видишь, видишь, мы оба это поняли, значит, в этом что-то есть, меня не разубедишь! Все люди — трусы, все мы — трусы, вот почему все на свете так торжественно тянется

ввысь… Ставят мачты, на них вешают знамена, и это — все! Спроси первого же прохожего, что он больше всего любит? Покой! Спроси нищего, почему не добивается он куска хлеба побольше? Оставьте меня в покое! Все человечество выкрикивает это, как только кому-нибудь вздумается поднять голову да оскалить зубы — соответственно выглядит и наш мир. Послушай, ведь это, в сущности, страшно… Был я недавно на Малой Стране, смотрел — улицу одну там мостят. И заметил я, что мостят-то ее впервые как следует! А Малая Страна насчитывает уже немало сотен лет. И за все это время улицы ее не удосужились замостить хорошенько, только сейчас — да и то, может, случайно! Проклятье какое-то! В переводе на наш язык это означает, что люди — такая неповоротливая скотина, что, может, и дышать-то ради них не стоит. Говорят — делу помогут темпы работ. Эдак по-американски: пишущая машина, счетная машина, двадцать миллиардов брючных пуговиц в год — и?..

С л а в и к. И?

Ф р а й т. И — что? Может быть, кто-нибудь, большой человек, сядет за свой письменный стол и скажет: «Барышня, пишите: в мире вводится новый социальный порядок…» Так, что ли?

К р х н я к. А почему бы и нет?

Ф р а й т *(с яростью)*. Потому что не будет этого! Неужели не понимаешь — нельзя, чтоб так было, потому что это равнозначно глубочайшему унижению для человечества! И — не будет этого, потому что все мы трусы с головы до ног! Все, без единого исключения!

С л а в и к *(с улыбкой)*. Так уж и все?

Ф р а й т. Мы об этом с Юзлом спорили, до того как он попал туда… Есть у них художник, пишет, как господь бог, — разумеется, в современной манере. Приходят к нему: теперь, мол, как будешь писать? — Современнее! Через год: как теперь будешь? — Еще современнее! — Но ведь ты в своем искусстве уже постиг то, чего не постигли другие, куда же ты гонишься? — Понимаешь, отвечает, надо постоянно бояться, как бы… не отстать! *(Пауза.)* Вот в чем дело! Даже такой художник — трус. Вот оно! Боится, как бы не оказаться где-то в стороне! И милостиво позволяет течению уносить себя… Ни за что на свете из лодки не выпрыгнет! Не дай бог, попадет на остров, где, может, три года голодом просидит! Хотя мы-то знаем — как-то уж всегда продержишься. Пускай бы он три года премий не получал, зато нашел бы что-то новое — так нет, трусливая душонка! И торчит дома,

догоняет всю упряжку, та догоняет какого-нибудь безумца, а безумец гонится за видением, — нет, братцы, эдак человеку не подняться! Юзл тоже уже заразился. Все твердит: надо ко всему подходить принципиально! С этого обычно и начинается. Принципов полны карманы, и за пазухой принципы, и в шапке принципы, а скажи такому «добрый вечер» — не услышит: глух из принципа. Эх, взять бы всех этих марионеток да так тряхнуть, чтоб все принципы выскочили! Кнутом, кнутом их, да не жалеть!

С л а в и к. Э, старая история: от революционера до автократа — один шаг!

Ф р а й т. Что? Да нет, я не о кнуте, не о форме — я о трусах говорю!

С л а в и к. Это я-то — трус?

Ф р а й т. Ты — тоже. А что ты за человек? В приживала превращаешься — и прощаешь себе, эдак по-студенчески. А разве ты студент? Давно перестал быть им! Шляешься к нам, тебе с нами хорошо, душенька отогревается, — мол, все на свете по-прежнему… А — нет, не по-прежнему!

В а л е н т а. По-прежнему! *(Открывает окно, чтобы выпустить дым.)*

Ф р а й т. Слыхал? Вот он весь тут. Только бы никаких перемен! Начнутся перемены — еще

неизвестно, как-то получится. Ради бога, братцы, только б поезда не ходили по траве! Несчастья — исключения, семейные катастрофы — глупости, самоубийцы и грабители — сумасшедшие, а в остальном на свете полный порядок! Только не ковыряйте вы нашу прекрасную постройку! А уж коли необходимо ковырнуть — делайте это как-нибудь романтически, не взаправду… И нам хорошо, ах, как хорошо! Господи, как свиньям в огороде!

С л а в и к. Ладно, ладно! Стало быть, все мы трусы, но кто же герой?

Ф р а й т. Никто!

К р х н я к. Ну, Фрайт, хоть ты-то! Черт…

Ф р а й т. Ты! Ты! Ты! *(Передразнивает.)* «Черт, ребята, монетки не найдется? На булку с сигаркой?»

К р х н я к *(затягиваясь сигаретой)*. Найдется!

Ф р а й т. И все, ты и доволен! Вот это и есть то самое, и жить тебе сразу приятно, и смотришь ты на меня как на дурачка и думаешь… думаешь… *(Машет рукой.)* Вообще вся наша жизнь, как мы живем… *(Снова загорается.)* Я еще как-то уважаю жизнь, понимаю ее значение, но заранее требую: чтобы я вполне ее признал, пускай ее сначала признает небо! А этого-то я пока и не

замечаю… *(Стоит посреди комнаты с каким-то действительно величественным видом.)* Вот это была бы абсолютная категория, как раз по моим силам! Но…

Со двора доносятся звуки граммофона.

С л а в и к *(встает, кладет руку Фрайту на плечо)*. Однако нет никакой необходимости, чтобы пан *(поклон)* Фрайт обзаводился такой абсолютной категорией!

Ф р а й т *(в раздражении подбегает к окну, закрывает его)*. Этого еще не хватало!

С л а в и к *(снова кладет ему руку на плечо)*. Существование граммофона, быть может, тоже оправдано, и — поскольку его заводят — он, в силу своего значения, быть может, и тебя переживет, и, если так случится, ни один дьявол не ахнет от удивления. Мы, стало быть, трусы: что же такое ты? Что такое Валента, Ба́ран или вот — Йоганик? Надо же дать им какую-то оценку?

Б а́ р а н. Фрайт, ты обвиняешь?..

Ф р а й т *(резко)*. Оценку дать необходимо. Иначе мне и жить бы не стоило! И уж если ты указал на него *(показывает на Йоганика)*, то это типичный трус, тип труса! *(Тычет в него пальцем.)* Я-то думал, это создание чего-то стоит, когда он

стоял дома у тисков, помогал дяде в мастерской, учился днем, а потом все вечера, все воскресенья гнул спину за работой. Сдал за полный курс гимназии — и остался дома. Мол, денег на учебу нет, займусь ремеслом. Это с гимназическим-то аттестатом! Меня просто зло: должен парень учиться дальше! Мы из него что-нибудь путное сделаем! Иду к нему, уговариваю, сколько труда положил, пока уломал… Привез в Прагу — и что же? Торчит в углу, наши радости ему не в радость, наши дела ему безразличны — *(яростно)* вон, сидит, в поте лица чужие бумаги переписывает! Дайте тысячу таких Йогаников — и народ может закрывать лавочку! Миллион таких — и сам ангел наподдаст по земному шару, как по футбольному мячу, потому что весь он не будет стоить и понюшки табаку! *(Идет к Йоганику.)* Да, да! *(Смотрит на него с какой-то ненавистью.)* Не они, а ты, да, ты, ей-богу, ты — трус, трус!! Трус, трусливое отродье, и я говорю тебе: теперь я жалею, что вытащил тебя в Прагу!

К р х н я к *(резко, иронично)*. «Мы из него что-нибудь путное сделаем»! *(Йоганику.)* Ты его об этом просил?

Б а́ р а н. Ты прав! *(Фрайту.)* А ты, брат, хватил через край!

Ф р а й т. Лучше через край, чем умолчать, о чем я думаю.

К р х н я к. Есть люди, которые вовсе не просят, чтоб их «чем-то сделали», потому что они — уже «кто-то».

Ф р а й т *(иронически)*. Ты, к примеру?

К р х н я к. Кто дал тебе право судить?

Ф р а й т. Сам взял!

К р х н я к. Ну и катись с этим правом в болото, а тут не очень-то ори. И тем более — на Йоганика. Я его знаю, я за него поручусь!

Ф р а й т. Уже, сошлись!

К р х н я к. Он не строит из себя бог весть что — я тоже! Вот что тебя злит! И ты, может быть, никакой не социалист, просто выискиваешь интересненькое. Через год, может, в спорт ударишься.

Ф р а й т *(почти весело, но все еще бурно)*. А, черт возьми, Йожко, давай драться!

К р х н я к. Как можно, когда пан — трус!

Все смеются.

Ф р а й т *(с неподдельной злостью)*. И трусы вы, трусы, бабы, портянки, тряпки, тряпки, не люди! И жизнь студенческая — дерьмо, комедиантство!

IX

Х о з я й к а *(входит в шляпке, одетая для выхода, полушутя, полусерьезно)*. Что за шум? Неужели, молодые люди, как сойдетесь, так сразу ругаться? Из дому уйти нельзя, не то еще разнесете мне тут все! Пан Славик, вы-то посолиднее, присмотрели бы за молодежью!

С л а в и к. Я?

Б а́ р а н. Да он порой хуже всех!

С л а в и к. Куда путь держите?

Х о з я й к а. В город собралась.

С л а в и к (*показывает на всех, фамильярно)*. Хороша компания, а? У вас, может, никогда больше такая не подберется! Но это ничего, ничего. Все равно что сороки на дубу, стрекочут — здоровье пророчат!

Х о з я й к а. А пепла-то сколько опять будет!

Ф р а й т *(коротко)*. Подметем.

Х о з я й к а уходит.

X

С л а в и к. Ну, что теперь, господа трусы?

Все смеются.

Ф р а й т. Я говорил всерьез.

Б а́ р а н. А никто и не сомневается. Говорил ты всерьез — и по-своему был прав.

Ф р а й т. А вы смеетесь!

С л а в и к. Отчего же нам не смеяться? Вступил бы ты в какую секту, что ли, — карьеру бы сделал.

Ф р а й т. О секте я подумывал, о карьере — нет, вот какое дело.

Б а́ р а н. И которую же, скажи на милость, выберешь? Ведь ты и там невдолге все разнесешь.

Ф р а й т. А вот же примкну когда-нибудь к таким и молиться с ними буду, потому что такие хоть во что-то верят. А во что верите вы, подонки? Ни во что!

С л а в и к. В собственный нос, и то не верим.

Ф р а й т. Отлично! Батраки тоже вон собственному носу не верят.

С л а в и к. Далеко ли ты от них ушел?

Ф р а й т. Пожалуй, все же на несколько километров — согласен? И разве я какой-нибудь идиотский демократ, чтоб руководиться собственным носом? Да еще ставить себе это в заслугу?

С л а в и к. Не заносись! От одного человека до другого никогда не бывает такого расстояния,

чтоб километрами мерить. Тебе стыдно воровать, но, коли прижмет, ты и воровать сумеешь. Тебе стыдно лгать, но будешь лгать!

Ф р а й т. Не буду, не буду!

К р х н я к. И все-то — слова, слова…

Б а́ р а н. Господа развлекаются.

К р х н я к. А Фрайт разошелся…

С л а в и к. Он будет лгать! Через несколько лет: это и есть развитие, ход жизни… Но он до этого еще не дорос.

Ф р а й т *(вскипает)*. Все-то ты понимаешь! Вычитал из книжек!

С л а в и к. Потому-то и понимаю все — и ничего.

В а л е н т а. Молотят солому. *(Направляется к двери.)*

Ф р а й т. Для тебя, сдается, все и всегда будет соломой! Хорош! Кому от тебя какая польза?

С л а в и к. А могильным червям?

В а л е н т а. Я велю сжечь свой труп.

С л а в и к. А, крематорий! Кто бы подумал, что ты так современен? Раз так, то я нарочно велю похоронить себя в земле, да с музыкой, с попами!

Б а́ р а н. И будет в тот день лить как из ведра…

С л а в и к. Непременно. Дождь будет моей последней радостью на этом свете.

В а л е н т а. Психи! *(Открывает дверь, но не уходит.)*

XI

Й о г а н и к *(Фрайту)*. Ты обозвал меня трусом.

Ф р а й т *(твердо)*. И настаиваю на этом.

С л а в и к *(смеется)*. Он тебя на дуэль вызовет!

Й о г а н и к *(Фрайту)*. Этого я от тебя не заслужил.

Ф р а й т. Будущее покажет.

К р х н я к. Фрайт обожает судить людей — так сразу и клеит ярлыки.

С л а в и к. Все мы хотели бы восседать судьями над человечеством!

Ф р а й т *(Йоганику)*. Что я сказал, то сказал. Свербит тебя — чешись. Ты мне опротивел, сидя в своем углу, видеть тебя не могу!

К р х н я к. Так уйди!

Ф р а й т. А по какому праву мне его морально избегать?

К р х н я к. По праву слабейшего.

Ф р а й т. По-твоему, если кто в четырех стенах сидит, тот — сильная натура? Право, впервые слышу!

С л а в и к. Да ладно, бросьте. Пойдемте куда-нибудь!

Ф р а й т *(подходит к Йоганику)*. Йоганик, бери шляпу, идем с нами!

Й о г а н и к. Не пойду.

Ф р а й т. Йоганик, говорю тебе второй раз: идем с нами!

Й о г а н и к. Никогда не ходил. И не пойду.

Ф р а й т. В третий раз.

С л а в и к. Майский жук… Как он может вылететь? Ему еще пять недель сидеть. Тогда уж и полетит.

Й о г а н и к *(невозмутимо)*. Когда захочу. Я не говорю, что не хочу, — я просто не пойду.

Ф р а й т *(плюнув)*. Пошли!

С л а в и к *(взяв Фрайта за ворот)*. Скажи, малыш, кто тебе велел разыграть эту комедию?

Ф р а й т. Какую комедию? Я что думаю, то и говорю!

К р х н я к. Ври больше! *(Подает руку Йоганику.)*

Йоганик не принимает руки, садится на кровать.

Б а́ р а н. Привет!

С л а в и к *(собираясь уходить)*. Стоит тебе разойтись, так ты уже целыми проповедями шпаришь — очень умные вещи ты говорил, голубок,

посмотрим, когда ты это бросишь. *(Уже за дверью.)* А так? Что это такое? Ничего, ровно ничего! Студенческая мешанина, и больше ничего!

Голос Бáрана *(за дверью)*. На Жижков[13]! Сходим на Жижков!

Голос Славика. Все равно куда, только без болтовни. И так уже полна коробушка!

Слышно, как оба уходят.

Фрайт. Чтоб ты знал — я еще не кончил! *(В дверях.)* Уж теперь-то я возьмусь за тебя как следует! Ты, брат, вечно заменяешь одни понятия другими… *(Уходит.)*

XII

Валента *(постояв в дверях, словно собираясь уйти, возвращается в комнату, ходит из угла в угол; смотрит в окно, закуривает; опять походив, останавливается около Йоганика)*. Здорово он вас! А в самом деле, почему вы все дома сидите?

Йоганик *(раздраженно)*. Гм…

Валента *(снова ходит по комнате)*. Все это идиотизм и комедия. Главное — жить.

Йоганик *(глухо)*. Жить… *(Ложится на кро-*

{13} Комментарии: 2.13
Жижков — пролетарский район Праги.

вать Фрайта, лицом к стене.)

В а л е н т а. Трус... Посмел бы кто мне так сказать! *(Постояв у окна, оглядывается на Йоганика, подходит к двери и медленно, осторожно как-то, выходит.)*

XIII

Йоганик, полежав немного, встает, забегал по комнате в возбуждении. Успокоившись, садится к столу. Пробует читать — откладывает книгу. Встает, подходит к шкафу, вынимает пиджак, осматривает. Берет щетку, намочив, начинает чистить пиджак. Во дворе заиграл граммофон какую-то веселую песенку. Почистив пиджак, Йоганик снимает с себя старый, надевает вычищенный, отстегивает воротничок, берет свежий, повязывает галстук, вынимает шляпу, чистит. Подходит к окну, выглядывает. Два раза пройдясь по комнате, останавливается надолго. Граммофон заиграл другую песню.

Й о г а н и к *(с шляпой в руке, вдруг рванулся к двери)*. Я? Трус? Майский жук? *(Взялся за ручку — дверь не открывается.)* Что такое? *(Пораженный, смотрит на ручку двери, дернул еще раз.)*

Дверь не открывается.

(Остолбенел. Потом вдруг понял, выронил шляпу. Пауза. Серьезным тоном.) Откройте! *(Подергав дверь, отбегает на середину комнаты. Пауза. Снова бросается к двери. Уже вне себя.)* Открывайте!

Долгая пауза.

XIV

Слышно, как с той стороны двери отодвигают задвижку, дверь дрогнула. Йоганик недвижно стоит посреди комнаты.

В а л е н т а *(входит, поправляя пиджак).* В чем дело? *(Смотрит на Йоганика с кривой усмешкой.)*

Й о г а н и к *(пристально смотрит на него, тяжело выговаривает).* Это, конечно, не в первый раз…

В а л е н т а *(медленно, с насмешкой).* А если и так?

Й о г а н и к *(тяжело).* Если и так?

В а л е н т а *(спокойно).* Баба как баба. *(Усмехается.)*

Йоганик поднимает руки над головой, он весь дрожит. Пауза.

Й о г а н и к *(вдруг рванулся к Валенте, сбил*

его с ног, начал душить, выкрикивая бессвязно, горестно, яростно). Баба как… баба! А я… тут сижу… а ты… а она… Я убью тебя! Убью как собаку! Задушу! Задушу… Господи Иисусе! И ведь догадывался… но чтоб так страшно… никогда, никогда!

Валента отчаянно сопротивляется.

(Вне себя.) За моей спиной!.. Врешь, не уйдешь! Молись… убью! Убью! Все равно… *(Издает нечленораздельные звуки.)* Аах, я тебя… хххо… хххо… а, ты…

Валента страшным напряжением сил вырывается, вскакивает, рубашка его разодрана.

Йоганик, упершись руками в пол, еще полный бешенства, смотрит на него.

В а л е н т а *(с величайшим презрением).* Сумасшедший! Нищий!

Й о г а н и к *(хрипло).* Чт-то? Что? Господи! Я — сумасшедший? Нищий? *(Задыхается.)* Что со мной? В голове что-то рвется… Иисусе Христе!..

XV

Т о н и ч к а, испуганная и жалкая, появившись в дверях, смотрит на Йоганика.

Й о г а н и к *(увидев ее, вне себя)*. Тоничка! *(Падает на пол и горько, безутешно рыдает.)*

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Чудесный день первого мая. Окно во двор открыто, весело светит солнце, озаряя в комнате все до мелочей; в такое время тысячи людей в конторах и учреждениях вздыхают, что нельзя им выйти на улицу. Й о г а н и к, как всегда, сидит дома. Трудно, когда на сцене пассивный герой! Едва он заговорит — сразу становится несимпатичным; какой-то он неприятный оттого, что ходит по дорожкам, по каким имеют право ходить только энергичные люди, а этот все сидит и сидит за столом, все пишет. В конце третьего действия в нем, правда, шевельнулось что-то симпатичное — неужели ушло бесследно? Кажется, так. Опять он сидит, уставившись в бумаги, обмакивает перо в чернила, пишет, читает, пишет, откашливается, пишет... Для зрителей это ужасно — но не для человека, понимающего жизнь. Ведь, как мы уже знаем, этот Йоганик вовсе не тряпка, и вот, смотрите: сжав зубами ручку, он таким хорошим взглядом глянул на окно... Но тут же спохватился, спокойно продолжает писать. Послышались шаги пани Линцовой, и вот она уже входит в комнату.

I

Х о з я й к а ходит по комнате, стирая пыль, разговаривает с Йогаником; видно, что такие беседы им не внове.

Х о з я й к а. Дворничиха тоже ничего про него не знает. Я так думаю — закатился куда-нибудь… А только пять дней домой не являться — пожалуй, чересчур! Здоровье испортит… *(с нажимом)* желудок! И не спорьте со мной. Мой старик тоже пил как губка, и чем же кончилось? Доктора говорили, сердце у него стало с детскую голову. Засыпал за столом. Это уже подкатывало к нему. Раз как-то лег — и больше не встал… У пана Валенты здоровье тоже не больно-то! *(У окна.)* А повезло, говорю, этим социалистам! Какое первое мая-то!

Йоганик что-то буркнул.

Говорят, вся Прага на ногах. *(Показывает куда-то во двор.)* Вон там, за сквером, тоже будет митинг… Против дороговизны. Все дорожает… *(Пауза.)* Не выходит у меня из головы пан Валента. Как бы с ним чего не случилось! Дворничиха вчера рассказывала… *(Заметив, что Йоганик*

не слушает, замолкает, махнув рукой, выходит, возвращается с половой щеткой, начинает подметать. Дойдя до Йоганика, поднимает на него глаза.) И для кого это вы все переписываете? Встаньте-ка, а то еще вас подмету — тогда не женитесь!

Йоганик встает, отходит, но, едва хозяйка подмела у стола, тотчас садится обратно.

А я все-таки схожу, погляжу на демонстрацию…

Сверху раздаются звуки граммофона — «Песнь труда»{14}*.*

Слышите, сапожник уже начал!

II

Ф р а й т *(вбегая)*. Ба́рана не было? Ну как, пани Линцова, пойдем сегодня — как в прошлом году? Тогда мы поздно вернулись, а сегодня и вовсе не вернемся с «парада», так? *(Йоганику.)* Да брось ты все это к чертям! Первое же мая! Никто не

{14} Комментарии: 2.14

«Песнь труда» — революционная пролетарская песня, написанная в 1868 г. Й. Шее на слова Й. Цапфа. Чешский перевод принадлежит шахтеру Ф. Главачеку. Русский текст см.: Поэзия западных и южных славян. Л., 1955, с. 222.

работает!

Х о з я й к а *(с укором и в то же время с восхищением)*. Бывают же такие трудолюбивые!

Й о г а н и к. При чем тут трудолюбие?

Ф р а й т. Пани Линцова права. Нечего тебе нынче пером скрипеть!

Й о г а н и к. Да я сейчас кончу.

Ф р а й т. Сейчас же! *(Хозяйке.)* А что Валента? Ничего, явится. В субботу видел я его на Виноградах{15}: шел с каким-то господином. Виноградыы — его район, там он больше времени проводит, чем здесь. Девчонок там что цветов, публика чище — помяните мое слово, на будущий год мы его в нашей дыре и не увидим. Лет через десять будет актрис содержать, вот его идеал. Я по нем не заплачу!

Х о з я й к а *(сметая мусор на совок, скорее, про себя)*. Актрисы, актрисы… *(Уходит.)*

Со двора слышится свист.

III

Ф р а й т *(подбегает к окну)*. Есть? Вали наверх! *(Бежит к двери, за которой вскоре раздаются*

{15} Комментарии: 2.15
Виноградыы и, ниже, *Либень* — районы Праги.

шаги, голоса.)

В комнату врывается Б а́ р а н в самом веселом настроении.

Готово?

Б а́ р а н. Готово! *(Бросает на стол какой-то сверток.)*

Ф р а й т *(разворачивает его)*. Славно!

Б а́ р а н. Четыре метра ушло. Хотели еще какие-то кисти пришить, да я сказал: знамя есть знамя, а не церковная хоругвь, какие кисти на красном знамени?!

Ф р а й т. А где ребята?

Б а́ р а н. Уже там.

Ф р а й т. Все?

Б а́ р а н. Пятеро наших в Либне кашу заваривают.

Ф р а й т. Там мы еще вчера заварили. Домовладелец выбросил на улицу сразу четыре семьи. Мы из квартиры речь держали, настоящий митинг. А как сегодня сделаем?

Б а́ р а н. Наши проберутся к самой трибуне. Пробежим через сквер, древко уже приготовили, гвозди есть…

Ф р а й т. Молоток надо…

Б а́ р а н. Прибьем знамя, и, как дойдет до голо-

сования резолюции, тут-то и ворвемся…

Ф р а й т. Лавиной!

Б а́ р а н. И ты сразу хватай быка за рога: «Граждане! Во времена, когда Первого мая протестуют против вздорожания пива, — стыдно жить!»… Да ты и сам знаешь. Бой будет трудный: люди хотят пива, но — надо! Четыре года ни одна мышь носа на улицу не казала. *(Иронически.)* Этак люди вовсе драться забудут… *(Йоганику.)* Эй, жук!..

Ф р а й т *(весело)*. Эх, зададим им жару! Оставь его…

Б а́ р а н. Целый месяц только знай ворчит…

Й о г а н и к. Зато вы не ворчали, — значит, мы квиты!

Ф р а й т. Ишь, черт! Кусается!

Б а́ р а н *(весело)*. У него плохое настроение.

Й о г а н и к. Вам весело — и ладно.

Б а́ р а н. Как же нам не веселиться: жизнь нам еще не обрыдла, и долго не обрыднет, правда? *(Фрайту.)* А начнет надоедать — мы ее так разделаем, чтоб пикнуть не смела!

Ф р а й т. Мы — это мы, а кто против нас, того… съедим!

Оба смеются.

Й о г а н и к. Ну, я пока только кусаюсь. *(Усме-*

хается.)

Ф р а й т. Тебе жизнь не проглотить — это она тебя проглотит!

Й о г а н и к. А что лучше?

Б а́ р а н. Наше, наше! Даже если ради этого камни на дорогах бить придется!

Й о г а н и к. Каждый устраивает свою жизнь по-своему.

Б а́ р а н. Старая истина. По вас этого не видать!

Й о г а н и к. По вас тоже.

Б а́ р а н. Ну, все-таки. Мы хоть людей тормошим, чтоб не плесневели.

Й о г а н и к *(с улыбкой)*. А я — плесневею?

Ф р а й т. Не плесневеешь — толстеешь.

Й о г а н и к. Да ведь я тут похудел!

Ф р а й т *(Ба́рану)*. Пошли?

Б а́ р а н *(взглянув на часы)*. Пора. Через четверть часа начнем. *(Берет со стола сверток, идет к двери.)*

Ф р а й т *(иронически кланяется)*. Мое почтение, сударь! И до встречи! *(Смеется, уходит с Ба́раном.)*

IV

Йоганик встает из-за стола, подходит к окну, задумывается; словно отгоняя какую-то мысль,

машет рукой, потом закрывает окно, неторопливо подходит к кровати справа, постояв, скрывается в нише; слышно, как щелкает замок чемодана. Й о г а н и к выходит с книгой в руке, садится к столу, начинает читать.

V

Х о з я й к а *(сначала за сценой, потом открывает дверь, но не входит)*. Вот это гость так гость! Но как же вас скрутило, боже мой! А бледны-то! Вот уж не обрадовалась бы ваша матушка!

Ю з л *(появляясь в дверях)*. Главное, чтоб вы были здоровы... *(Входит, закрыв за собой дверь, останавливается.)*

Этот живчик опирается на палку! Лицо изможденное, шапчонка как-то дико сидит на голове — Юзл на себя не похож. А зарос как! Щетина — прямо щетка. И голос надломленный; улыбка осталась прежней, но — что за ней кроется?

(Просто.) Храни тебя господь, Йоганик. Дома никого?

Й о г а н и к *(бросается ему навстречу)*. Добро пожаловать! А верно — здорово вас скрутило!

Ю з л. Да уж... *(Идет к столу.)* А где вся шайка?

Й о г а н и к. Сам не знаю, как-то все рассосались.

Ю з л. Что читаете?

Й о г а н и к. Товарищ книжку дал…

Ю з л *(берет книгу)*. Моторы. *(Перелистывает.)* Ваш приятель их строит?

Й о г а н и к. Да.

Ю з л. Так и торчите здесь все время? *(Оглядывает комнату.)* И в больницу ко мне мало ходили… Мне даже читать нечего было. *(Просто чтоб не молчать.)* А он откуда, этот ваш товарищ?

Й о г а н и к. У нас он жил, в Голешовице.

Ю з л *(не слушая, перебивает)*. Ателье мое закрыли. Где теперь работать, один бог ведает, и жить где — тоже не знаю. Подставку от мольберта, краски, даже ленты с гитары — все украли, струны с гитары, и те… Вот номер-то! Унесли бы уж заодно и полотна, да вот на них-то никто и не польстился! Я словно погорелец, не знаю, с чего начать — застрелиться или утопиться!

Й о г а н и к. Хорошее у вас настроение…

Ю з л. Почему вы не приходили ко мне в больницу?

Й о г а н и к. Да я собирался…

Ю з л. Все дома сидите? Крхняк приходил, а я вас обоих люблю. Вас бы не убыло, если б пришли,

сказали: не расстраивайтесь, пан Юзл, все опять будет хорошо… Что поделывает Тоничка?

Й о г а н и к. Не знаю.

Ю з л. Валента?

Й о г а н и к *(не сразу)*. Пять суток домой не показывался.

Ю з л. Ему тут теперь и не выдержать. Не подходите вы к его благородным замашкам — вместо него я тут поселюсь.

Й о г а н и к. Писать как тут будете?

Ю з л. Я на время брошу это занятие.

Й о г а н и к. Ну да!

Ю з л. Брошу, вот ей-богу. Ведь никакого смысла! Мне всего двадцать с хвостиком, под стать ли мне разыгрывать из себя какого-то маэстро? Лучше поступлю куда-нибудь сторожем, фруктовые сады охранять — да что говорить… Вот был номер — слов нет! Доктора — чистые мясники, но как раз это мне импонирует. А какую комедию разводят! Сколько, у меня на глазах, впрыснули да всыпали в пациентов разных солей и ядов, в меня тоже… Как-то сказал я доктору: или я расцвету, или у меня горб вырастет — он посмеялся и рассказал это сестрам, они меня горбатым прозвали. Есть у меня горб? Нету! Значит, должен я расцвести! Как Фрайт?

За дверью слышны шаги.

VI

К р х н я к *(входя)*. Слышь, парень… *(Оборвал на полуслове, смеется.)* А, Юзл! Выпустили уже? Ну, покажись!

Ю з л. Выпустили. Вчера, неожиданно. Палочку вот дали. Что мне было делать?

К р х н я к. Расставаясь небось плакали?

Ю з л. Все — от старшей сестры до поварихи! И чтобы я всем писал!

К р х н я к *(Йоганику)*. Как ты его находишь? Петух общипанный! И — словно мелом обсыпан. Да, деточки, вот чем забавы-то кончаются! Зато ты теперь кое-что из себя представляешь хотя бы. *(Йоганику.)* Видел бы ты его месяц назад! Краше в гроб кладут. Кажется, вдобавок ко всему у тебя и воспаление легких было, так? Все сразу!

Ю з л. Я, понимаешь, очень уж усердно за дело взялся.

К р х н я к. А глаза все еще мутные.

Ю з л. Голодный я, как волк.

К р х н я к. Ешь теперь что только можешь и держись, парень, держись! Жизнь у тебя только одна, и, коли черт тебе начихает, — плохо будет! *(Йоганику.)* Где Фрайт?

Й о г а н и к. Ушел с Ба́раном.

К р х н я к. Куда?

Й о г а н и к. К скверу.

К р х н я к. А! *(Юзлу.)* А ты куда пойдешь?

Ю з л. Прихватишь меня с собой?

К р х н я к. Мне нужно к ним. Вернусь через полчасика, тогда пойдем с тобой, погуляем на солнышке. Сигарет купишь?

Ю з л. Куплю.

К р х н я к. И не принимай ты ничего близко к сердцу, дай черту в зубы, и все будет хорошо! Привет! *(Погладил Юзла по щеке.)* Ну, милок-голубок! *(Уходит.)*

VII

Ю з л *(прошелся, садится на кушетку)*. Этот малый видит меня насквозь, как поллитровку. Зрение здоровое, вот что. Может, если рассказать ему, как это шуруют кистями да красками, он, гляди, через год парочку профессоров бы за пояс заткнул. Только он ни к чему не стремится. Сидит, бывало, у моей койки и говорит, говорит… Напомню ему: «Йожко, ведь уже четыре часа!» — «Э, подумаешь, — ответит, — час-другой не расчет…» Кто его отец?

Й о г а н и к. Церковный сторож.

Ю з л. Как-то это не укладывается в мою систему… А впрочем, именно укладывается! Я ведь теперь ничего на свете не понимаю, ничему не верю, даже собственным глазам. Они-то видят, и видят все интересные вещи, да только черт ли им поверит… Черт! *(Смеется.)* Как он сказал — дать черту в зубы? Но как? *(На секунду задумался.)* Но то, что я видел в больнице, — нарисую, никаких полотен: только карикатуры. Я уже сделал набросок: главный врач во время операции. Во будет! И еще там было жутко смешное: паралитик, согнутый в три погибели, на этакой вроде бы лесенке — не могу избавиться от этой картины, может, это и будет у меня первый лист…

VIII

Х о з я й к а *(входя, кладет на стол газеты)*. Газеты! *(Юзлу.)* Моя девчонка, и та обратила внимание, как вы похудели. А только это вам к лицу. Миниатюрненький вы, как куколка, теперь женщины на вас тем более клевать будут!

Ю з л *(шутливо)*. Ой-ой, да я-то буду ли на них клевать? Я бы сказал — мне и не хочется что-то…

Х о з я й к а. Так я и поверила!

Ю з л. Вы тоже уходите?

Х о з я й к а. Вообще-то я дома нужна… Ну ниче-

го, пан Йоганик с Тоничкой посторожат.

Ю з л. Я им помогу.

Х о з я й к а. Вам бы я не доверила — уж такой вы вертопрах! Вам теперь стараться надо, чтоб щечки поскорей зарумянились... *(В дверях.)* Побольше молока, хлеба с маслом... *(Уходит.)*

IX

Ю з л. Тоже чертов цветочек! Женщины, мол, на меня клевать будут... Мигом догадалась, что я уже прошел первое испытание! Кажется, супруг ее тоже не ангел был.

Й о г а н и к. Пил он.

Ю з л. «Миниатюрненький как куколка»... Хе-хе, ну и номер! Знаю, может, это мне и к лицу, да внутри-то у меня все будто поломано и разлажено. Выбрался из больницы — реветь хотелось, срамотища. И все же, быть может, это — единственно правильное из всего, что я мог сделать. Но все это висит на каких-то ниточках, а кто эти ниточки дергает — бес его знает. Не то чтоб я чувствовал себя марионеткой, но вот — бьется во мне какой-то другой человек и не знает, как ему себя проявить. А я не хочу выпускать его наружу, не хочу перестать быть старым шутом Юзлом, и в этом вся моя слава... Проклятая жизнь! Когда я

валялся на койке, один-одинешенек, и мысленно подсчитывал, сколько раз она меня еще обжулит, как обыкновенный жид, сколько раз укусит, как норовистая лошадь, сколько раз вытрет ноги об мои надежды, как о половую тряпку, — мальчики мои, не очень-то тогда было мне весело!

Й о г а н и к. Может, как раз в этом-то и есть ваша сила.

Ю з л. В чем?

Й о г а н и к. В том, что вы на все смотрите… как бы сказать — с интересной стороны.

Ю з л. Знаю.

Й о г а н и к. Ведь все только об этом и говорят.

Ю з л. Да, и здесь — больше всего. Но все мы, конечно, недалеко еще ушли по пути «на волю». Фрайт — нет, Валента — тем более, а вы? Мне всегда казалось, что вы уже далеко.

Й о г а н и к. Я?

Ю з л. Вы да Крхняк. Этот, может, ушел еще дальше вас, но сам об этом не знает. Впрочем, я в таких материях не разбираюсь.

Й о г а н и к. Я тоже.

Ю з л *(берет книжку)*. А в этом — разбираетесь?

Й о г а н и к *(просто)*. Порядочно.

Ю з л. Сколько тут винтиков!

Й о г а н и к. Вот где подлинная революция. *(Забирает книжку.)* Видите? Целая серия моделей, одна другой изящнее…

Ю з л. Ваш мир?

Й о г а н и к. Мой мир?

Ю з л *(не сразу)*. Бросьте философию.

Й о г а н и к *(отложив книжку, с улыбкой)*. Бросьте живопись!

Ю з л. Я ведь всерьез. Помните рождество? У-у, сколько раз я вспоминал! *(Передергивается.)* Что поделывает Славик? Куда теперь шляется привидением? Роман свой он, конечно, еще не начал?

Й о г а н и к. Нет.

Ю з л. Вечный студент, вечный дилетант. Жалко его! В чем дело?

X

Т о н и ч к а *(появившись на пороге, взволнована, не знает, как начать)*. Простите… Можно мне… пана Йоганика…

Юзл встает.

Пришел… рассыльный.

Ю з л. Что ему надо?

Т о н и ч к а. Он принес… *(Умолкает, потупившись.)*

Й о г а н и к. Да что ему? *(Идет к двери.)*

Тоничка впускает рассыльного, сама подходит, встает возле кровати, испуганно смотрит на всех.

XI

Р а с с ы л ь н ы й. Мое почтение! Мне бы пани Линцову. Я обращался к барышне…

Ю з л. В чем дело?

Р а с с ы л ь н ы й *(подает визитную карточку)*. Этот вот пан прислал деньги за май месяц и велел забрать его вещи.

Ю з л. Валента? *(Швыряет визитную карточку на стол.)*

Йоганик смотрит на Тоничку, та — на него. Пауза.

Р а с с ы л ь н ы й *(Юзлу)*. Может, пан, вы уладите как-нибудь дело, не с руки мне долго ждать. Вот конверт с деньгами, так что извольте, я возьму чемодан. Тележка у меня во дворе. Чемодан и две коробки…

Ю з л. И куда вы это повезете?

Р а с с ы л ь н ы й *(смутился)*. Это я, простите…

Й о г а н и к *(внезапно)*. Хорошо! *(Посмотрел на*

Юзла.) Что делать?

Ю з л. Съезжает.

Й о г а н и к *(резко)*. Вот чемодан! Я сам все сделаю! *(Открывает шифоньер.)* Тут две его коробки, а корзину и остальное белье вам выдадут там, в кухне… *(Помогает рассыльному вынести вещи за дверь.)*

Р а с с ы л ь н ы й *(вернувшись)*. Простите, а нельзя ли расписочку, что деньги получены? А то пан…

Й о г а н и к. Расписку? *(Садится к столу, пишет, подает рассыльному.)*

Р а с с ы л ь н ы й. Стало быть, все в порядке?

Й о г а н и к *(просто)*. Да.

Р а с с ы л ь н ы й. Тогда мое почтение. Извините за беспокойство… *(Уходит.)*

Т о н и ч к а медленно удаляется еще раньше.

XII

Ю з л. Странно!

Й о г а н и к *(стоит, потом открывает дверь, выглядывает, решительно)*. Выдайте ему все, не задерживайте зря! *(Закрывает дверь.)*

Ю з л. Что это значит?

Й о г а н и к *(холодно)*. Валента переехал на

другую квартиру. Что тут странного?

Ю з л. А Тоничка?.. *(Осекшись, умолкает.)*

Й о г а н и к *(пристально глядя ему в глаза, стоит, расставив ноги, решительный — совсем другой человек; холодно)*. Что — Тоничка?

Ю з л. Почем я знаю? *(Пауза.)* Йоганик, здесь что-то случилось.

Й о г а н и к. Ничего не случилось.

Ю з л. Случилось!

Й о г а н и к. Что именно?

Ю з л. Валента…

Й о г а н и к. Скрылся… Исчез по-английски…

Ю з л. Нет, тут что-то большее.

Й о г а н и к *(раздраженно)*. Мне какое дело?

Ю з л. Нет-нет, тут какая-то пакость!

Й о г а н и к *(отходит к окну, не оглядываясь)*. Ну и что?

Ю з л. Знаю я Валенту! *(Подходит к Йоганику.)*

Й о г а н и к *(обернувшись к нему)*. И что дальше?

Ю з л *(в упор глядя на Йоганика)*. Он и Тоничка…

Йоганик, не отвечая, опускает голову, прошелся, останавливается.

Девчонка неопытная… Бросил ее и пошел себе…

Да, брат, этот карьеру сделает! *(Свистнул.)* Это уж более, чем номер! Так я и знал, я предчувствовал! Как только она появилась, он к ней прилип. Все в кухне сидел, подарочек к рождеству — нет, карьера ему обеспечена! Станет он связывать себя с простой девчонкой! Пока диплом получит, сменит их дюжину, а заделается *(презрительно)* общественным деятелем — ого! *(Взглянув на Йоганика.)* Впрочем... *(Машет рукой.)*

Й о г а н и к *(обернувшись к нему, медленно)*. Что — впрочем? *(Смотрит на Юзла в упор.)*

Юзл только отмахивается.

(Настойчиво, четко.) Так что же?

Ю з л *(иронически повторяя свои слова)*. Жизнь кусается, как норовистая лошадь...

Й о г а н и к *(иронически)*. Вот как? И другие проходят мимо?

Ю з л *(следуя взглядом за Йогаником, который заходил по комнате, с легким намеком)*. А вы — не проходите?..

Й о г а н и к. Гм...

Ю з л. Бедная девушка!

Й о г а н и к *(с очень тонкой иронией)*. Бедная... *(У окна.)* Погода-то какая прекрасная — не хотите на воздух?

Ю з л *(поняв намек)*. Да, конечно, пойду посижу во дворе... Хотите, пройдемся вместе?.. Я вас в сквере подожду. Крхняк скоро придет. *(Идет к двери, останавливается.)* Я так радовался, что уже могу ходить, а эта комедия все испортила... *(Уходит.)*

XIII

Йоганик ходит по комнате в страшном волнении; открывает окно, снова закрывает, хватает шляпу, бежит к двери, да раздумывает, бросает шляпу на кровать, садится, уставившись на печку. Дверь медленно открывается.

XIV

Т о н и ч к а медленно входит, опирается на спинку кровати. Разговаривая с Йогаником, не смотрит на него, Йоганик отвечает ей тем же.

Т о н и ч к а. Пан Йоганик!

Й о г а н и к. Что вам?

Т о н и ч к а. Этого не может быть!

Й о г а н и к. Чего — не может быть?

Т о н и ч к а. Чтоб он уехал... *(Поворачивается лицом к Йоганику.)*

Й о г а н и к *(жестко)*. Кто?

Т о н и ч к а. Он!

Й о г а н и к. Что мне до него?

Т о н и ч к а. Он… уехал…

Й о г а н и к. Знать не хочу. *(Встает, идет к окну, делает вид, что смотрит во двор.)*

Т о н и ч к а. Почему вы на меня не смотрите?

Й о г а н и к. Незачем.

Т о н и ч к а. А я пришла…

Й о г а н и к. …чтоб я вас утешил? Ни одного слова для вас не найду!

Т о н и ч к а. Не может быть!

Й о г а н и к. Увидите.

Тоничка, пошатнувшись, ухватилась за спинку кровати; Йоганик не двигается с места.

Т о н и ч к а *(тихо)*. Вы ведь знаете: между нами…

Й о г а н и к *(с иронией)*. Ничего я не знаю.

Т о н и ч к а. Между ним и мной…

Й о г а н и к *(презрительно)*. Не знаю.

Т о н и ч к а. Я не виновата!

Й о г а н и к. Это — знаю: виноват он.

Т о н и ч к а. Вы сказали…

Й о г а н и к. …в последний раз: мне до этого дела нет!

Т о н и ч к а. Это не ваши слова!

Й о г а н и к. Я знаю, что говорю.

Т о н и ч к а. Да я и не хочу, чтоб вы меня жалели…

Й о г а н и к. Чего же вы тогда хотите?

Т о н и ч к а *(выпрямившись)*. Ничего… *(Устремляет на него свой чистый взгляд.)* Пойду я…

Й о г а н и к *(жестко)*. Идите.

Тоничка зашаталась, Йоганик, подхватив ее, усаживает на стул; она горько заплакала, он отходит к окну.

Т о н и ч к а. И отчего люди такие злые? Я еще маленькая была — мама меня била за то, что папа меня любил, а папа меня ненавидел, когда я подросла, и для тети я только обуза, а теперь…

Й о г а н и к. Ни к чему этот разговор.

Т о н и ч к а. Я думала, вы из них.

Й о г а н и к. Какой есть, такой есть, другим быть не могу.

Т о н и ч к а. Нет, вы другой! Скажите, неужели возможно, чтоб он… так вот ушел?

Й о г а н и к. Сами видели…

Пауза.

Т о н и ч к а. Тогда я пропала.

Й о г а н и к *(смотрит на нее).* Сама садик я садила…

Т о н и ч к а. Мучите вы меня!

Й о г а н и к. Да!

Т о н и ч к а. Не надо…

Й о г а н и к. Поступайте как угодно. Я вам ясно говорю, что мне до вашей истории никакого дела нет. Я все знаю, я ведь не бревно, и когда ночью… Но именно поэтому я поставил на всем крест!

Т о н и ч к а. О чем вы?

Й о г а н и к. О том, о чем я никогда не хотел с вами говорить!

Т о н и ч к а. Я тоже. Вы меня оскорбляете, как все теперь будут меня оскорблять и мучить, все против меня пойдут, и вы первый… А за что? Виновата ли я в своей… *(Вдруг встает, с достоинством.)* Да что я с вами об этом толкую?

Йоганик смотрит удивленно.

Издевайтесь! Как хотите! Знаю — небу не в чем меня упрекнуть, разве в том, что была глупа… Точите зубы на меня? А я-то про вас думала… Совсем другие глаза у вас были, не такие, как сейчас, и разговаривали вы не так…

Й о г а н и к. Да мы с вами и не разговаривали, так только, несколько слов…

Т о н и ч к а. О них-то я и говорю.

Й о г а н и к *(вдруг ледяным тоном).* Неприятная история, понимаю, но что поделаешь? Валента сбежал и не вернется, а вы?..

Т о н и ч к а. А я?

Долгая пауза.

Й о г а н и к *(заметался от окна к столу, потом рухнул на кушетку, обхватив голову руками).* А я?!.

Т о н и ч к а *(встает).* Это ведь ужасно... Ужасно! Тетка меня выгонит... брошусь в реку!

Йоганик медленно подходит к ней, смотрит в лицо. У Тонички по щекам стекают слезы.

Й о г а н и к *(яростно и вместе с тем нежно).* Послушайте!.. *(Нечаянно открывает дверь, хочет ее сразу прикрыть.)*

Т о н и ч к а, горестно всхлипнув, выбегает.

(Так захлопывает дверь, что гул пошел по дому. Бросается всем телом на дверь, чуть ли не с пеной на губах.) Сама садик ты садила, сама будешь поливать!..

Долгая пауза. В дверь стучат.

XV

Й о г а н и к *(все еще в бешенстве)*. Кто там?!

Г о л о с Ю з л а *(за дверью)*. Открой!

Й о г а н и к. Сейчас выйду!

Г о л о с Ю з л а. Открой!

Йоганик медленно отходит к столу, смотрит на вошедшего Ю з л а.

Ю з л. Что здесь происходит? Изволь объяснить! Я так и предполагал…

Й о г а н и к *(иронически)*. Мы же на «вы»!

Ю з л. Мы — на «ты»! У нас пойдет мужской разговор!

Й о г а н и к. Не суйся не в свое дело!

Ю з л. Я видел Тоничку.

Й о г а н и к. Я тоже.

Ю з л. Что с ней стряслось?

Й о г а н и к *(жестко)*. Милый сбежал.

Ю з л *(довольно резко)*. Это я уже слышал, но тут должно быть что-то еще! Девчонка сидит в кухне как мертвая, слово едва выронит — не хватает, чтоб она над собой что-нибудь сотворила! *(Выбегает из комнаты, вскоре возвращается.)* Запер я ее! Йоганик!..

Й о г а н и к. Я тут ни при чем.

Ю з л. Сказал! Я тоже ни при чем, но мне-то ты зачем так говоришь?

Й о г а н и к. Что тебе от меня надо?

Ю з л. Упрямая башка! Должны мы как-то ей помочь!

Й о г а н и к. Говорится: как постелешь, так и…

Ю з л. Мало ли что говорится! Если кто мерзавец, это еще не значит…

Й о г а н и к. Легко тебе говорить!

Ю з л. Я не позволю обижать девчонку!

Й о г а н и к *(иронически)*. Это почему же?

Ю з л. Нравится она мне, ох как нравится! В этой девушке есть что-то такое, чего, быть может, у сотни баб не найдешь!

Й о г а н и к. А нравится — ступай, утешь ее! Ему она тоже нравилась, а теперь что?

Ю з л. Ты-то что на нее так взъелся?

Й о г а н и к *(быстро)*. Потому что… *(медленно)* потому что я… любил ее! *(Роняет голову на стол, рыдает.)*

Долгая пауза.

Ю з л *(садится на кровать, смотрит на Йоганика)*. Да, паршивая история! *(Пауза.)* Говорил ты ей об этом?

Йоганик отрицательно качает головой.

Откуда же ей было знать?

Й о г а н и к *(занятый своими переживаниями, не слушает Юзла, порывисто)*. Как я мог ей сказать, когда знал про него, когда собственными глазами… *(Проводит рукой по глазам и застывает в неподвижности.)*

Ю з л. Женщинам в таких случаях всегда хуже, чем нам, сам знаешь — надо быть справедливым!

Й о г а н и к. Что ты сказал?

Ю з л. То и сказал: девчонка, говорю, несчастна.

Й о г а н и к. Не по моей вине!

Ю з л. Об этом тебя никто не спрашивает. Сделает она что-нибудь с собой!

Й о г а н и к. И в этом я не буду виноват!

Ю з л. Никто тебя не спрашивал! Вот ведь что удивительно: я вижу ее сейчас перед собой, а ты — нет… А говоришь, любил, — ошибся, верно. Да, конечно, ошибся! Это было у тебя только так — солома вспыхнула.

Й о г а н и к *(повернувшись к нему)*. Думаешь?

Ю з л. Да ты вообще уже любил кого-нибудь?

Й о г а н и к. Можешь смеяться: не любил!

Ю з л. Чего же тут смеяться?

Й о г а н и к. А коли не смеешься, скажу тебе

больше. Как-то сказал я себе, что первой, кого полюблю, останусь верен.

Ю з л. Год назад я бы так расхохотался, что стекла б треснули.

Й о г а н и к. Чего ж теперь не хохочешь?

Ю з л. Потому что… *(Пауза.)* Твой отец когда женился?

Й о г а н и к. Когда ему было двадцать два года, дед — тоже… Я понимаю, к чему ты…

Ю з л. К тому, что это и в тебе сидит.

Й о г а н и к. Признаю́. Часто по ночам думал об этом… Ты куда?

Ю з л *(открыв дверь, выходит, вскоре возвращается, сияющий).* Вроде бы уснула… Заплаканная вся.

Йоганик закашлялся, сжимает голову ладонями.

Мой отец женился поздно, я, быть может, вообще не женюсь — вот тебе результат, когда в семье интеллигент появился. С тебя же начинается какой-то распад семьи. Гимназия задержала твое развитие, работа да нужда свою долю внесли, и вижу я по твоему носу: женишься в тридцать пять лет! А между тем есть что-то прекрасное в том, чтобы свить себе гнездо, пока ты молод!

Пока еще ничего не покупаешь, пока не отравлен кучей всякой ерунды…

Й о г а н и к. Когда ты до этого додумался?

Ю з л. Теперь я это знаю.

Й о г а н и к *(машет рукой).* Пусть каждый решает, как хочет. Это такая же история, как с моей учебой. Вижу теперь — не удержусь я в студентах. Я работать хочу, по-настоящему, руками что-то делать. Не хочу красть у себя четыре года жизни, сидя в этом углу! Моторы! Сейчас я это точно знаю, а об остальном не спрашиваю. И как-то стыжусь я этого — и горжусь тоже! *(Подходит к Юзлу, кладет ему руку на плечо.)* Нет, милый мой, мне уже не хочется и минуты разыгрывать из себя барина! Я не какой-нибудь герой, но…

Ю з л. Понимаю. Хочешь быть сам себе господином. Но станешь ли им?

Й о г а н и к. Стану. В тот момент, когда найду прилично оплачиваемую работу.

Ю з л. Допустим.

Й о г а н и к. За теперешнюю свою работу я получаю гроши — как нищий! Называюсь студентом, а не могу даже книгу купить! Надо на лекции ходить, а у меня приличного пиджака нет!..

Ю з л. Постой-ка… *(Прислушивается.)* Ходит… По кухне…

Йоганик медленно садится на кровать, тоже вслушивается. Пауза.

Ю з л. Ты ее любишь…

Й о г а н и к. Корни у меня крепкие, как у отца: да, я люблю ее. Бедная девчонка! Господи Иисусе, какой негодяй, какой негодяй!

Ю з л. Она из того же теста, что и ты, — отчего же ты с ней вовремя не объяснился?

Й о г а н и к *(прошелся по комнате, презрительно)*. В этой дыре?

Ю з л. Вот видишь — а черт-то и наплевал тебе в суп!

Й о г а н и к. Сколько раз, бывало, не сплю ночью, слышу ее, слышу ее дыхание за стеной… Скажу тебе: у меня даже планы были!

Ю з л. Планы?

Й о г а н и к. Бежать!

Ю з л. Куда?

Й о г а н и к. Отсюда!

Ю з л. С ней? *(Смотрит ему в глаза.)*

Й о г а н и к *(перевел дыхание)*. Да!

Ю з л. И сегодня ты этого… стыдишься?

Й о г а н и к. Сегодня это… невозможно…

Пауза.

Ю з л. Знаешь, что ждет ее и тебя?

Й о г а н и к. Боюсь — комедия все это, жизнь меня за нос водит…

Ю з л. Если не ты ее.

Й о г а н и к *(встряхивается)*. Ах, невозможно! Хотел податься в Голешовице — да нет, не выйдет!

Ю з л *(подходит к столу, машинально берет книгу)*. Да, там где-то, в Голешовице, и впрямь начинается твой мир… *(Помолчав.)* Вот ведь какая штука: давно хотелось мне потолковать с умным человеком — отчего это люди так трусливы…

Й о г а н и к *(удивленно)*. Кто труслив?

Ю з л. Ты!

Й о г а н и к. Почему? Я это уже второй раз слышу…

Ю з л. Я не стою перед решением, ты — да, и колеблешься, уклоняешься!

Й о г а н и к. Ты бы тоже уклонялся!

Ю з л. Если б я по-настоящему любил да передо мной лежал мой мир — никогда!

Й о г а н и к. Но тут есть темное пятно!

Ю з л. Но ты — сильный человек.

Й о г а н и к *(вдруг рывком притягивает к себе Юзла)*. Ты понимаешь, что говоришь?.. И — крестить чужого?

Ю з л *(рывком притягивает к себе Йоганика)*.

Да! И это! В этом — подвиг, которого требует от тебя бог, Йоганик, ты заставил меня поверить в жизнь! Ступай же вперед!

Й о г а н и к *(помолчав, иронически)*. Ради тебя!

Ю з л *(светло)*. Ради нее — не ради себя!

Й о г а н и к *(вдруг снова заметался по комнате, как умалишенный)*. Это невозможно! Господи боже, этот… Юзл, ты не понимаешь!.. Я ее любил, любил, но уже не люблю, не могу… Это какой-то подвох, обман, мерзость! *(Яростно.)* Ох, добраться б до его горла, до горла! Юзл, ты хороший человек, но… *(Оборачивается.)*

Юзла в комнате нет. Йоганик ошеломленно смотрит на дверь.

XVI

Ю з л *(тащит за собой Тоничку)*. Идите же, вам надо это слышать!

Тоничка вырывается, остается на пороге.

Й о г а н и к *(Юзлу, иронически)*. Потолковали?

Долгая пауза.

Т о н и ч к а *(просто)*. Пан Йоганик, скажите пану Юзлу, пусть отдаст ключ.

Й о г а н и к. Зачем вам ключ?

Т о н и ч к а. Я должна уйти.

Й о г а н и к *(не сразу)*. Никуда вы не уйдете.

Т о н и ч к а. Уйду!

Й о г а н и к *(Юзлу)*. Отдай ей ключ.

Ю з л. Он на полке…

Тоничка поворачивается, чтоб уйти.

Й о г а н и к *(хватает ее за руку)*. Куда вы пойдете?

Т о н и ч к а. Не знаю… *(Внезапно наклоняется, целует ему руку.)* Вы были добры ко мне… *(Вскрикивает от боли — Йоганик слишком сильно сжал ей запястье.)*

Й о г а н и к *(вдруг просто)*. Возьму-ка я свой сундучок — и с вами!

Т о н и ч к а. Нет!

Смотрят друг на друга — глаза в глаза.

Й о г а н и к *(подходит к ней вплотную)*. Конечно, нет. Это вы возьмете ваши вещи и убежите… со мной!

Т о н и ч к а *(в смятении)*. Куда?

Й о г а н и к. На другой конец Праги.

Т о н и ч к а. А там что?

Й о г а н и к. Там нам придется кое о чем дого-

вориться…

Т о н и ч к а *(совсем растеряна)*. А тетя?..

Й о г а н и к *(кладет ей руку на голову)*. Я любил вас… люблю. *(Обнимает ее за голову, тихо.)* Знаю, вас постигла беда — нельзя вам тут оставаться. Мы оба не останемся — убежим…

Тоничка поднимает на него испуганный взор.

Бежим! Я найду работу в мастерской. Пока поживем у моего приятеля. Хотите?

Т о н и ч к а *(совершенно потеряв голову, отступает, прислоняется спиной к двери, стоит неподвижно, долго-долго смотрит на Йоганика)*. Вы мне никогда не простите…

Й о г а н и к *(видя, что игра становится опасной, резко)*. При одном условии: я беру свой сундучок, вы берете что успеете, но уйдем сейчас же, не оглядываясь! *(Подбегает к своей кровати, выдвигает из-под нее сундучок, оглядывается на Юзла.)* Видишь, вот и пригодилось, что он такой маленький!

Тоничка стоит, смотрит на Йоганика.

(Взбрасывает сундучок на плечо, Тоничке.) Ну?

Т о н и ч к а *(глядя ему в глаза, неожиданно)*. Пойду в чем есть!

Й о г а н и к *(подбегает к двери, хочет обнять Тоничку, да сундучок мешает; тихо).* Пальто-то хоть возьми — ночи еще холодные...

Т о н и ч к а уходит.

Й о г а н и к *(оборачивается, скромно.)* Ну, Юзл?..

Ю з л *(ласково).* Не надо слов. Дай вам бог счастья! *(Подает ему руку.)*

Й о г а н и к *(все же растроган; обводит взглядом комнату).* Прощай, учеба!

Т о н и ч к а возвращается в пальто.

(Берет ее под руку.) Ну, пошли!

Тоничка вдруг кладет ему голову на грудь, всхлипывает от счастья.

Чего же ты плачешь? Пошли?..

Уходят.

XVII

Едва все вышли, раздаются знакомые сигналы Славика — стук в стену, но их некому услышать. Спустя некоторое время Ю з л, проводив беглецов, медленно возвращается. Лицо его серьезно;

потом оно проясняется. Юзл смеется, подбегает к окну, машет рукой.

Ю з л. И не оглянутся! В этом, господа, целая программа! Будут счастливы.

Быстро входит С л а в и к, с сигаретой в зубах, направляется прямиком к Юзлу.

С л а в и к. Слушай, что тут происходит?

Ю з л *(весело)*. Видал?

С л а в и к. Что это?

Ю з л. Удирают!

С л а в и к. Какая-нибудь романтическая история?

Ю з л. Неважно, как назвать.

С л а в и к. Тоничка — и этот!.. *(Вдруг осекся, захохотал.)* Ну, ясно же, конечно, — майский жук! Выкарабкался из норы — и летит! Честное слово! Да уж и пора ему было!.. *(Смеется.)* И сразу — парочкой!

Ю з л. Что ты мелешь?

С л а в и к. Так оно и есть! Точно как я предсказывал на рождество. И у тебя тоже вид — прямо сверчок без панциря!..

Ю з л *(смеется)*. А я теперь сторожу дом!

С л а в и к *(с хохотом)*. Ах ты, пай-девочка, дом сторожишь? Распахни двери настежь, пускай все

разворуют! Майский жук вылетел, одна дырка должна остаться! Первое мая… Люди осмелели… *(Внезапно.)* Да, но ведь Тонка с Валентой…

Ю з л *(машет рукой)*. Э, он уже за тридевять земель. Смылся.

С л а в и к. В таком случае Йоганик или дурак, или…

Ю з л. …или всем нам, болтунам, фитиль вставил!

С л а в и к. Придется придержать старуху-то, как бы не натравила на них судейских с полицейскими!

За дверью слышны быстрые шаги.

Хелло?

XVIII

К р х н я к *(появляется в дверях, запыхавшись)*. Что вы сидите? Йоганик, где кто? *(Одним духом.)* Фрайта с Ба́раном сцапали! Народ осаждает полицейский участок, кутерьма дикая! Эх, расшевелились — щепки летят!

Ю з л *(в восторге)*. А, черт побери! Вот так встретили меня из больницы! Ну и встреча, до чего здорово! *(Убегает за Крхняком, даже не закрыв дверь.)*

XIX

С л а в и к. Ну вот, вся квартира карьеру делает, а я сторожи!

С улицы, издали, доносится шум, выкрики, что-то поют, потом на мгновение все смолкает.

Врывается х о з я й к а, задыхающаяся, встревоженная.

Х о з я й к а. Господи боже, что-то будет? Этот ненормальный художник хохочет мне в глаза, а мораванин чуть не сшиб на лестнице, через три ступеньки перепрыгивал!.. Поют!.. И квартира настежь! Где Тонка? Где пан?.. *(Не договаривает «Йоганик».)* А вы что здесь делаете? Дева Мария, еще обворуют! Поют... А вон и конная полиция... Уж она-то им покажет, почем пряники в Пардубице{16}!.. Тоничка! Тонка! *(Выбегает, за дверью слышится ее голос.)* Тоничка! Тонка! *(Вбегает в комнату.)* Что вы на меня так смотрите?

Шум на улице возрастает.

С л а в и к *(берет ее за руку)*. Да вы сядьте. У меня с вами долгий будет разговор.

{16} Комментарии: 2.16
Пардубице — ныне районный центр в Восточночешской области.

Х о з я й к а *(садится, но сидит как на иголках, смотрит на Славика).* Что?

В это время вдали наладилась знакомая песня, возникла из шума и криков. Это — «Красное знамя»{17}*. Ее энергичный ритм отчетливо слышен в комнате. Между тем сапожник с третьего этажа вносит в пение некий диссонанс, из энтузиазма поставив на граммофон пластинку «Где край родной?»*{18}*. Звуки обеих песен переплетаются, прорезают друг друга.*

(Испуганно.) Ох, что-то будет?

С л а в и к *(комизма ради шепелявит, лукаво щурит глаза).* А што ошобенного? Квартира пушта, Тонички шлед проштыл, народ тоже делает карьеру — на улице! Майские жуки роятся! Роятся майские жуки! Ха-ха-ха! *(Хохочет.)*

Хозяйка в ужасе смотрит на него.

З а н а в е с.

{17} Комментарии: 2.17

«Красное знамя» — популярная песня (1881) польского пролетариата. Слова Б. Червинского. Русский перевод Г. Кржижановского см.: Поэзия западных и южных славян, с. 148.

{18} Комментарии: 2.18

«Где край родной?» — песня Й.-К. Тыла и композитора Ф. Шкроупа, ставшая государственным гимном Чехословакии. Впервые прозвучала в спектакле по пьесе Тыла «Фидловачка» (1834).

Иржи Волькер
ГРОБНИЦА

J. Wolker

HROB

Dilo Jiřiho Wolkra. Praha — Bratislava, Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění. Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1958.

Перевод с чешского **Ирины Порочкиной.**

Посвящается моему отцу

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВРАЧ.
ЕВА, его жена.
МОГИЛЬЩИК.
СЛЕПЕЦ.
СВЯЩЕННИК.
ВЕСТНИК.
КАПРАЛ.
СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ.
СТАРИК.
СТАРУХА.
ЖЕНЩИНА С РЕБЕНКОМ.
ЮНОША.
ДЕВУШКА.
МАЛЬЧИК.
НАРОД, ВОЙСКО, РАНЕНЫЕ, ЧУМНЫЕ. САНИТАРЫ.

Место действия — осажденный город.
Время действия — вечная война.

For Jesus sake, my friend forbear
to dog the dust enclosed here.
Blessed be the man, who spares these stones
and cursed be he, that moves my bones[52].

Надпись на могиле Шекспира

Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых.

Карл Маркс. Предисловие к «Капиталу».

Храм, превращенный в лазарет. На соломе лежат р а н е н ы е. Стрельчатые окна, колонны сильно повреждены снарядами. В глубине надгробие с надписью. Двери настежь распахнуты. Слышна канонада за городом. На кафедре с в я щ е н н и к. Перед ним кучка изможденных

---

[52] Примечания: 1.52

Мой добрый друг, во имя Иисуса,
не извлекай праха, погребенного здесь.
Да благословен будет тот, кто не тронет этих камней,
и да будет проклят тот, кто потревожит мои кости (англ.).

старух, стариков, детей и раненых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С в я щ е н н и к. Это кара господня! Вы погрязли в грехах и сами из грехов своих свили бич господень. Если б не ваша гордыня, не стоял бы сейчас враг у ворот города. Если б вы не поклонялись мамоне и не предавались обжорству, жилища ваши не лежали бы сейчас в руинах. Если б не ваше безбожие, не полегли бы сыновья ваши на бастионах и у крепостных стен, не лежали бы в храме божьем, покрытые ранами, гнойными болячками и мучимые жаждой, потерявшие человеческий облик, скотине подобные.

Н а р о д. Боже, смилуйся над нами!

С в я щ е н н и к. С того дня, как почил воевода, несть числа вашим подлостям. Вы провозгласили республику и принялись бесчинствовать, как стадо без кнута и пастыря. Вы богохульствовали в застолье, в школах, с трибун. Вы на земле возжаждали рая небесного. В этом видели цель своей жизни. Но забыли о душе, которая стремится совсем к иному. Забыли, что земное бытие — всего лишь ступень к жизни вечной. Разумно ли завладеть всем миром и при этом осквернить душу?! Господь бог внимал вам долго и терпеливо. Нако-

нец, его терпение истощилось. И он обрушил на вас свой гнев.

Н а р о д. Услышь нас, господи!

С в я щ е н н и к. Бог слышит только праведников. Разве вы не видите, как оберегает он преданных ему всем сердцем? Он призвал их к себе прежде, чем ниспослал наказание на грешников. Дозволил им уйти из этого Содома, как дозволил сделать это Лоту{19} и его семье. Вспомните — в канун войны скончалось сразу девять старейшин! И среди них — сам воевода, патрон храма сего. Ныне он пребывает в сонме ангелов небесных, а его надгробный камень свидетельствует о гневе, который бог обрушил на вас. О, трепещите начертанных на гробе воеводы слов, трепещите его священной гробницы, ибо понесшие кару божью не достойны прикоснуться к надгробию того, кто сподобился милости господней!

Н а р о д. Прости нам, господи, прегрешения наши!

С в я щ е н н и к. Бог строг и справедлив. Иные из вас, сбившись с пути истинного, возомнили, будто спасут мир фейерверками и празднества-

---

{19} Комментарии: 2.19

Лот — библейский персонаж. Бог Яхве, наслав пагубу на погрязший в пороках город Содом, пощадил Лота и его семейство.

ми. Сами дерзнули вы возложить ваши жизни на весы правосудия, уравновесить добро и зло. Вообразили, будто в силах сделать то, что по плечу лишь господу богу. И чего вы добились? Громы небесные ниспослал на вас господь властью своей, спалил ваши вертепы, разогнал ваши скопища, свел на нет ваши речи и программы, вспыхнул Содом, как провеянные на ветру копны.

В погоне за лучшей жизнью на этом свете вы пожирали друг друга, и дьявол хорошо поживился среди вас. Вы хотели сделать равными всех людей — так вот же вам! Бог сам вас уравнял. Нищета — путь к равенству. Теперь вы все равны, ибо один беднее другого.

С т а р и к. Горе нам!

С в я щ е н н и к. Сейчас ты сокрушаешься, старец, — о чем же ты думал раньше! Говорю тебе: гнев божий еще не утолен. К страданиям войны прибавились новые беды.

Вас мучает жажда? Жажда вас мучает? Это бог повелел солнцу иссушить вас до мозга костей, нечестивцы, и солнце, послушное воле божьей, два месяца верно служит свою службу. Целых два месяца — ни капли дождя.

Чем напоите вы своих умирающих, дабы не

отошли они с иссохшим сердцем?

Чем напоите вы, матери, младенцев? Ваши груди иссохли.

Ж е н щ и н а с р е б е н к о м. Боже мой!

С в я щ е н н и к. Ага, теперь ты обращаешься к богу, а ведь прежде ты его не признавала. Теперь ты взываешь к нему, а раньше на каждом углу предавалась похоти, потешалась над моей сутаной и бледным лицом. Ты не признавала бога в хорошие времена, и он отвернулся от тебя сейчас.

Вот, получайте! Вы смеялись над моим предостережением. Ах, с каким нетерпением, всеми униженный, ждал я втайне знамения божьего. Как мечтал я о нем, пока вы до изнеможения предавались земным усладам. Как страдал я в своем одиночестве! О, наконец-то господь бог обрушил на нас бич свой, наконец-то!

Все это только цветочки, говорю вам, ягодки еще впереди. Тысячи вас пали на войне — сотни тысяч полягут, *когда по иссушенной земле расползется чума.*

Возжелавший рая на земле содеет ад!

Н а р о д. Горе нам, грешным!

Доносятся пушечные залпы. С в я щ е н н и к сходит с кафедры и скрывается в ризнице.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С л е п о й с о л д а т с повязкой на глазах, до сих пор неподвижно лежавший в углу на соломе, с трудом приподнимается и садится.

С л е п е ц. Где я?

С т а р и к. Неужто он снова видит?

С е с т р а м и л о с е р д и я. Он ничего не видит. Он слепой.

С л е п е ц. Не отвечают. Я спрашиваю — где я?

Ж е н щ и н а. В аду.

С т а р и к. В богом проклятом месте.

С е с т р а м и л о с е р д и я. В лазарете.

С л е п е ц *(озирается, улыбаясь)*. Это хорошо, это хорошо.

Ж е н щ и н а. Бедняга!.. Смотрит так, будто и впрямь видит.

С т а р и к. Одному богу известно, что он видит.

С л е п е ц. Отчего вы все притихли? Объясните, сестра Марта!

С е с т р а м и л о с е р д и я. Одни больны, другие напуганы.

С л е п е ц. А кто их напугал?

С е с т р а м и л о с е р д и я. Священник — своей проповедью. Он сказал, что мы прокляты богом.

С т а р у х а. Господь наказал нас.

Ж е н щ и н а с р е б е н к о м. Мы хотим пить.

Р а н е н ы й *(стонет)*. О, моя нога! Не притрагивайтесь ко мне!

С л е п е ц. Священник вас напугал?

С т а р у х а. Он сказал, что бог ниспошлет на нас еще и чуму. Бог суров.

С л е п е ц. Я бога видел. Вовсе он не суровый. Он — сама любовь. Он будет вам помогать. Он сказал мне об этом.

С т а р у х а. Он тебе это сказал? Да ты в своем ли уме?

С т а р и к. Святой отец — священнотайный, а он говорил другое.

С л е п е ц. Коли он говорил другое, стало быть, он лгал. Ведь я же разговаривал с самим богом.

С т а р и к *(иронически)*. Где ж это, голуба?

С л е п е ц. Когда кто-то выстрелил мне в глаза, а кто-то другой сказал, что я навсегда останусь слепым, меня охватила страшная боль. Меня положили на солому и оставили одного в темноте. Я слышал, как вы кричали, понимал, что вокруг кромешный ад, но то, что творилось во мне самом, было куда страшнее, потому что я был один. Я не видел вас. И тут я понял, что не видеть беды — еще мучительнее, чем познать ее.

Мне казалось, что больше не выдержать такой боли и я умираю. Я уходил в пучину, и мир надо мной смыкался. Вдруг я словно бы замер на месте. Что-то похожее на свет мелькнуло у меня перед глазами. Тусклый свет, как в больничной палате. Вокруг простирался неведомый край. Рядом, казалось, было море. Здесь дули ветры со всех концов света, и я ощутил соленый запах. И тут раздался голос, такой знакомый и ласковый, точно говорила моя мать и все женщины, любившие меня.

— Кто ты? — спросил я.

— Я Иисус Христос! — послышалось в ответ.

Меня осенило: я слеп, но должен прозреть, и потому мне явился Христос. Это было несомненно.

— Господи, — сказал я, — возложи на меня руку свою, чтобы я прозрел!

— Ты будешь видеть, Иван, — сказал Христос, — но прежде тебе надобно подняться наверх, вернуться в мир. Ты слишком погрузился в свою боль. Здесь только тень и мрак, и если я даже возложу ладонь на глаза твои, ты все равно ничего не увидишь.

Тогда я вспомнил о вас, и Христос сказал:

— Я приду к тебе и ко всем остальным, кто нуждается в помощи.

С того мгновения я начал превозмогать свою

боль. И если раньше страдание погружало меня в бездну, то теперь, превозмогая боль, я как бы начал вырастать. И дорос до вас, до ваших мук и нечеловеческих страданий, — слепой, но уверенный в грядущем прозрении. И говорю вам яко Евангелие: ждите и уповайте! Бог — это любовь.

Женщина с ребенком. И он пошлет дождь и даст напиться моему малышке?

Слепец. Даст.

Раненый. И вернет мне оторванную ногу?

Слепец. Вернет.

Подросток. И чума не придет?

Слепец. Придет Иисус Христос.

Народ. Слава Иисусу Христу! Бог поможет нам!

Старик. И вы ему поверили? Вот так, ни с того ни с сего? Стыдитесь! Ведь ему это попритчилось!

Слепец. Нет, не попритчилось! Не верьте ему! Спят только зрячие, ибо не ведают, что творится вокруг.

Старуха. Я тоже ему не верю. Он ослеп и потому отошел от нас. Ему лучше, чем нам.

Если ты, слепец, мог узреть весь этот ужас, ты заговорил бы по-другому. Да только тебе хоть бы хны — ты видишь не то, что есть, а то, что тебе

втемяшится.

С л е п е ц. Что ж, выколи себе глаза — тоже полегчает.

С т а р у х а. Типун тебе на язык!

С т а р и к. Я верю святому отцу, он священнотайный. Мы много грешили. Бог отвернулся от нас. Он нас карает, и будет нам еще горше. Бог строг, он проклял нас, несчастных.

Н а р о д. Боже, смилуйся над нами!

С л е п е ц. Так вы мне не верите? Вы мне не верите? *(Снова впадает в беспамятство.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В костел вбегают несколько с а н и т а р о в с р а н е н ы м и.

П е р в ы й с а н и т а р. Освободите место для раненых!

С е с т р а м и л о с е р д и я. Здесь уже нет места!

В т о р о й с а н и т а р. Уберите мертвых — станет свободнее!

С т а р у х а. Как распознать, кто мертв, а кто жив?

Р а н е н н ы й в н о г у. Положите меня на солому! И дайте скорее пить!

Раненный в голову. У меня голова как в огне! Утопите меня!

Оба ложатся.

Ева. Не видел ли кто из вас моего мужа, врача Петра?

Раненный в ногу. Я видел его перед атакой.

Ева. А вы не знаете, где он сейчас?

Раненный в ногу. В пять затрубили горны, и больше я его не видел. Он стоял у входа в полевой лазарет и смотрел нам вслед. Утром сегодня был туман.

Старик. А не скажешь ли, браток, как там дела?

Подросток. Верно, многие полегли?

Раненный в ногу. Генерал — сволочь, и план его сволочной. Сегодня задумал дать решающее сражение. Погнал нас вперед как стадо баранов. Побежав, я сразу упал. Мне почудилось, будто это дурацкое солнце свалилось мне на хребет, а это пуля подсекла мне ногу… Там ох как жарко!

Санитар. Место для раненых!

Ева. А Петр? Вы о нем ничего не знаете?

Раненный в ногу. Я ничего не знаю.

Е в а уходит.

П о д р о с т о к. Генералу давно уже надо было перейти в наступление. Не то вся армия разбежится. *(Шепотом.)* Слыхали, какое идет повальное дезертирство?

Р а н е н н ы й в г о л о в у. Не болтай, щенок! Куда нам драпать-то? Разве нынче где-нибудь укроешься! Сиди себе на месте и жди своей участи. Беда сама тебя разыщет. Я и подняться-то не успел — и вот уже здесь! Я был канониром. А теперь у меня дырка в голове, как в лафете. Дайте пить!

Г о л о с а. Пить!

С е с т р а м и л о с е р д и я. Не просите того, чего нет! Уже вторую неделю у нас нет ни капли воды.

Р а н е н ы й *(из другого угла)*. Небось сама всю ее и вылакала, шлюха!

Ж е н щ и н а с р е б е н к о м *(сестре милосердия)*. Сестричка, не найдется ли у вас хоть капельки воды? Хоть одной капельки? Только для ребенка. Посмотрите, какой он бледный! Ему бы немного попить, самую малость…

В т о р о й с а н и т а р. Да ведь он мертвый, мать!

Ж е н щ и н а. Заткнись, собака! О себе печешь-

ся! *(Сестре милосердия.)* Хоть капельку, ему бы только пригубить...

С е с т р а м и л о с е р д и я. Нету у нас воды, нету! Ни для себя, ни для раненых, ни для детей. Отвяжитесь от меня! *(Идет дальше.)*

С т а р и к. Вон какие дела, а они все сражаются. Не лучше ли просто лечь на землю и подохнуть? Священник прав. Это кара господня.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

На носилках вносят смертельно раненного м о г и л ь щ и к а. При нем врач П е т р.

С т а р и к *(продолжает)*. Какая разница — победа или поражение? Не все ли равно — пасть от вражьей пули или околеть от жажды. Ведь так, доктор?

В р а ч. Не называйте меня доктором. Кой прок в том, что я выучился книжной премудрости, коли нет у меня ни лекарств, ни инструмента, ни бинтов. Одни только руки. Как и у вас.

С о л д а т б е з р у к и *(на соломе)*. У тебя их больше, чем у меня, доктор!

В р а ч. Не называйте меня доктором. Я всего лишь тот, кто хочет помочь.

Р а н е н ы е. Доктор, пить! Дайте нам пить!

С в я щ е н н и к *(выходит из ризницы)*. Молитесь, и вы умрете спасенными.

Ж е н щ и н ы и д е т и. Доктор, дайте нам пить!

С в я щ е н н и к. Еще немного — и вас напоит бог!

Г о л о с а. Воды!

М о г и л ь щ и к *(тяжело раненный, с трудом приподнимается, выкрикивает)*. Я знаю, где вода!

Всеобщее движение.

С в я щ е н н и к. У него помутился разум.

Н а р о д. Дайте ему сказать!

Ж е н щ и н а с р е б е н к о м *(опускается на колени рядом с носилками)*. Говори, говори! Если мой ребенок испьет водицы, он откроет глаза.

М о г и л ь щ и к *(словно обезумев)*. Я знаю, где вода. Видите, она бьет из земли! Здесь и там. Огненные струи воды. Море разливанное. О, верьте тому, кто был могильщиком. Верьте тому, кто умирает! Вода! Источник! Родник! Для всех!

Трубят горны.

Боже, ведь я дал зарок — никому о том ни слова. Давний обет, клятва. Я поднимал два пальца. *(Испуганно озирается.)* Святой отец, святой отец.

Подойди ко мне! Освободи меня от обета. Тогда и остальным полегчает. А, может, не полегчает? *(Смотрит на гробницу.)* Неужто я навлек на себя проклятие? Неужто мы все прокляты?

С в я щ е н н и к. Раздастся трубный глас ангелов, призывающих на Страшный суд. Ты дал обет и нарушить его не вправе. Я запрещаю тебе это.

Ж е н щ и н а с р е б е н к о м. А ты помолчи, черная бестия! Дай ему сказать, пусть скажет — мы хотим пить!

Г о л о с а. Пусть говорит, пусть говорит!

С в я щ е н н и к. В такую минуту думай лучше о спасении души!

М о г и л ь щ и к. Я и думаю о спасении души — своей и вашей. Целых два месяца хранил я эту тайну, мучился, колебался! Сказать или утаить?

Я ли это крикнул, что знаю, где вода? Или кто-то из вас? Или кто-то во мне?

Думаете, я рехнулся? Нет, просто я взвешиваю, что принесет вам больше пользы. Молчание или откровение? Если я промолчу — вы умрете от жажды, если скажу — они убьют вас, а я умру клятвопреступником. Святой отец, Христом-богом умоляю тебя, вразуми, что мне делать!

С в я щ е н н и к. Ты должен молчать!

С о л д а т *(священнику)*. Скажи еще хоть сло-

во — и я прикончу тебя на месте.

Г о л о с. Он хочет нашей погибели! Прогоните его!

С т а р и к. Да ведь это святой отец, он освященный.

Ж е н щ и н а с р е б е н к о м. Ведь ты, откроешь нам, где вода, правда? Неважно, что ты дал обет!

Погляди вокруг! Видишь? Одни убогие да несчастные. Проникни взглядом сквозь стены храма! Что ты видишь? Побоище, кровь, раны. Неужели мы еще не искупили своей вины? Даже если это так — взгляни на невинного младенца. Неужто бог не сжалится и над ним? Нет, быть того не может! Иначе какой же он бог? Ну, говори, говори же!

М о г и л ь щ и к. Господи, боже мой, — подай мне знамение!

Трубят горны.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

В е с т н и к *(вбегает в храм)*. Победа!

Могильщик еще выше приподнимается на носилках. Врач поддерживает его.

(Падает, продолжая кричать.) Победа! Победа! Вы слышите, сограждане? Мир наш! Враг разбит наголову. Весь край залит его кровью. Можете разойтись по домам и спать. Спать месяцами, отсыпаться за долгие годы. Дайте мне воды!

К а п р а л. Как же это произошло?

В е с т н и к. Это все генерал! Это его победа. Он вырвался вперед, когда наступление у Зеленых Гор грозило захлебнуться, он взревел, как лев, и поднял горстку солдат в отчаянную атаку! О, страшитесь его! Он герой. Он безумец. Он бог! Пули пролетают мимо него. Шрапнель нимбом пылает над головой. Впрочем, нет, нет, больше я ничего не скажу. Он запретил мне. Я должен был сказать только одно: «Победа!» Все остальное он скажет сам. Он идет сюда вслед за мной… А теперь, черт возьми, дайте мне пить!

С в я щ е н н и к. Ты пролил столько крови — изнываешь от жажды. Искалеченные, больные, голодные, мучимые жаждой, станет ли вам легче от того, что вас будут величать победителями?! Ваша победа никому не нужна. Бейтесь и дальше головой об стену! Против вас тот, кого вам не одолеть.

В е с т н и к. Ну тебя к дьяволу, преподобный! Я изнемог, пока добирался сюда, голова кружится.

Оставь бога и молитвы и дай мне глотнуть воды!

С в я щ е н н и к. Найди ее, славный победитель! Ищи! Обшарь все и, если найдешь в какой-нибудь выгребной яме хоть каплю, — околевай от счастья!

С т а р и к. Воды нет нисколько.

Г о л о с а. Раненый могильщик знает, где вода.

М о г и л ь щ и к *(который до сих пор, вытаращив глаза, смотрел на вестника)*. Я? Я?

В е с т н и к. Ты знаешь, где вода? Дай мне воды!

М о г и л ь щ и к. Я знаю, где вода, знаю, где вода… Я умру. Я умру, и вы похороните меня так же, как я хоронил других. Увы, мои посевы не давали всходов. И все-таки… Могилы! *(Вполголоса.)* Последним я хоронил воеводу. Могила его глубока, как колодец.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

В дверях появляется никем не замеченный г е н е р а л, он прислушивается.

М о г и л ь щ и к. Семеро нас хоронило воеводу, и шестерых уже нет в живых. Один я уцелел. Тяжко, тяжко, всемеро тяжелее стало мне жить. Всемеро тяжелее будет умирать. *(Бредит.)* Мо-

гилы — это облака, плывущие под землей. Я его хоронил… Смотрите!.. Медленно движутся семеро с факелами! Была ночь, гроб тяжелый. Тяжелый и громоздкий! Казалось, он раздавит всю землю.

В е с т н и к. Старик, ты знаешь, где вода? Заклинаю — скажи!

С в я щ е н н и к. Победитель. И клянчит!

С т а р и к. Пусть спросит своего генерала. Героя, почти бога!

В е с т н и к *(трясет могильщика за плечо)*. Говори!

М о г и л ь щ и к *(словно бы с трудом припоминая)*. Когда разверзались могилы?

В р а ч. Когда пришел Христос, чтобы спасти мир.

С в я щ е н н и к. Когда сброд распинал его.

М о г и л ь щ и к. Когда сброд распинал его… О, помогите мне! Люди! Люди! Огромный гроб на четырех свинцовых ногах. Это вздувается его блестящее брюхо! Он движется сюда, идет за мной! За мертвых мстит бог. Не скажу, где вода!

Вестник обессиленно опускается на колени возле носилок.

Г е н е р а л *(внезапно подбегает, хватает могильщика, кричит)*. Где вода?!

Н а р о д. Генерал!

М о г и л ь щ и к. Не спрашивай об этом, генерал, — погибнешь!

Г е н е р а л. Трус! Мои руки — на твоем горле. Чувствуешь какая в них сила?! Разве меня может что-нибудь испугать? Говори!

С в я щ е н н и к. Ты дал обет!

М о г и л ь щ и к. Не скажу.

Г е н е р а л. Не скажешь?

М о г и л ь щ и к. Я должен молчать, как могила.

Г е н е р а л. Должен?.. Так я выдавлю из тебя твою тайну! *(Сжимает ему горло.)* Хоть два слова да просочатся через твою трусливую глотку. Где вода?

М о г и л ь щ и к. Там… в могиле… источник! *(Падает, задохнувшись.)*

Всеобщее смятение.

В р а ч. Ты убил его, генерал!

Н а р о д. Источник в могиле — какой ужас!

Г е н е р а л. Я не убивал — я оживил в нем великое слово… Убрать его! *(Оглядывает остальных, пока санитары выносят носилки с задушенным.)* Вы — трусливый, жалкий сброд! То так глотку готовы были перегрызть друг другу из-за воды,

а теперь корчитесь от страха. Ничтожества! Я пришел сюда от своих солдат, которые под моим началом завоевали мир. Посмотрите на мои руки — они залиты кровью, посмотрите на меня — я весь как в огне! О, победа! Победа! Мои голова, губы, руки, мускулы, мозг — точно буквы этого огненного слова. Я сразил сотни тысяч врагов. Потоки крови… море крови. И в то время, как мои солдаты, опьяненные успехом, преследуют и добивают последнего врага — вы скулите тут словно бабы, оттого, что у вас нет воды. О, быть дождю, быть! Море пролитой крови превратится в багровые облака. Это я пролью на вас дождь! Я наполню ваши колодцы, желудки и трусливые пасти. Своей победой!

С в я щ е н н и к. Безбожные речи ведешь. Ты — дьявол!

С т а р и к. Слушать страшно.

С о л д а т ы. Да здравствует генерал! Да здравствует победитель!

Г е н е р а л. Однако жажда мучает и меня. Страшная, вековая жажда терзает все мое нутро. Полчаса назад я утолил ее сверхчеловеческой победой, чтобы теперь она терзала меня еще сильнее. Проклятие победителей — одержать верх и над своей победой!

Я жажду. И я утолю свою жажду. Я всемогущ, и ждать, пока налакается стадо, не намерен. Источник в склепе? Вот в этом склепе?

С в я щ е н н и к. Прочти начертанное на гробнице — и побойся бога, генерал!

Г е н е р а л. На гробнице — эпитафия?.. Не вижу. Мои глаза воспалены и залиты кровью. Прочти мне, желторотый, надпись! Ты, ты, юнец!

М а л ь ч и к (читает, напуганный).

«Я жил и умер. Стой, прохожий!
И ты от смерти не уйдешь…
Прах мой не смеешь ты тревожить,
Иль, богом проклятый, умрешь!»

С т а р у х а *(бросается в ноги к генералу)*. Генерал, генерал, не гневи бога!

Г е н е р а л. «Иль, богом проклятый, умрешь!»?.. *(Смеется.)* И вы боитесь этой надписи? Этой вывески разложившегося воеводы?

С т а р у х а. Мы бога страшимся.

Г е н е р а л *(отталкивает старуху)*. Что такое бог? Где он? Видите, как разрастается мое тело, как заполняет оно своими костями и мускулами своды храма? Где вы, людишки? Где ты, бог? Здесь я. Только я. Жаждущий победитель. Ты, восковая

мумия, смеешь мне что-то запрещать? Ты, боже, обитающий в куриных сердцах пустынник, жандарм на страже разложившихся потрохов, — ты смеешь вставать поперек дороги? Я одолел сущее, я возобладаю и над тем, чего не существует. А существует лишь то, что я могу нащупать, сжать, раздавить. Мне жарко, душно, тревожно! Я — словно огнедышащая сопка.

Прочь с дороги, поп, — победитель идет утолить свою жажду триумфатора!

В р а ч. Генерал, как же ты утолишь жажду, если для тебя не существует никого, кроме тебя самого — воплощения жажды?

Г е н е р а л. Я не слышу тебя, червь, ибо я горю, жажду, я хочу пить. *(Направляется к гробнице.)*

С о л д а т ы и н а р о д. Да здравствует наш генерал, наш бессмертный герой!

Генерал поднимается на первую ступеньку гробницы и, пошатнувшись, падает с почерневшим лицом. Тишина.

В р а ч *(подойдя, склоняется над ним)*. Чума!

И с п у г а н н ы е г о л о с а. Бежим!

— Бежим!

— Зараза!

— Божья кара!

Все разбегаются. Остаются врач и лежащий в углу, всеми забытый слепец.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

В р а ч. Мертв… Дерево, сраженное молнией. Каждый его шаг, приближавший его к гибели, отдавался у меня в сердце. Я был не в силах ему помочь. Глух тот, кто заклят в самом себе. Великий полководец! Бессмертный генерал! Вот ты лежишь один, с почерневшим лицом, все разбежались в страхе. Я никогда не говорил с тобой, но могущество твое ощущал по тяжким ранам солдат. А теперь, когда мы остались одни в этом обезлюдевшем мире, твои приоткрытые губы обращены ко мне, словно на них застыло великое слово, которому уже не суждено быть произнесенным. Что хочешь ты мне сказать? Что это за слово? Губы твои возлагают на меня бремя, которое давит и которое я должен нести, ибо нет здесь никого другого. Взгляни, даже тяжелораненые выползли отсюда, обезумев от страха. Даже самые трусливые гнушаются тебя, как смердящей падали. Они говорят, что ты проклят, но я различаю только здоровых и больных. О мертвый больной!

За каждой смертью стоит предначертание божье, которое надобно постичь. Что хотел господь

сказать твоею смертью? Что я должен постичь? Может, именно твои грубые руки понадобились для того, чтобы вырвать начальную букву тайны спасения. На вторую тебя уже не хватило. У меня такое чувство, будто достижение великой цели, которой не смог достигнуть ты, завещано тобою мне. На иссушенной земле страдают от жажды миллионы. Вижу вас, ваши разверстые уста, похожие на раны, которые я перевязывал. Слышу ваши голоса, хрипло произносящие мольбы и угрозы. Вижу и слышу вас повсюду, вижу и слышу вас в себе. Вы — во мне, я — в вас, как мать пребывает в ребенке, которого носит в своем чреве, как ребенок — в матери, которая им беременна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Е в а незаметно входит в храм и останавливается поодаль от врача.

В р а ч. Боже, ты дал мне глаза и руки, чтобы я видел и работал. Чтобы я жил. Как мне поступить? Как и все, я страдаю от жажды, и моя жажда вселилась в тысячи других людей. Отныне я не врач, а лишь тот, кто хочет помочь. Отчего, боже, ты подвергаешь нас опасности, преградив мертвецом путь к единственному источнику жизни? Я

даже мысли не допускаю, будто ты хочешь, чтобы люди умирали от жажды, — жаждущий должен быть напоен. Отчего умертвил ты того, кто силой своего безверия хотел утолить свою жажду?.. Я в тебя верю… Или, может…

Е в а *(тихо)*. Петр!

В р а ч *(не слышит ее)*. Или, может, это знамение…

Е в а. Петр! Петршик!

В р а ч *(растерянно)*. Кто здесь?

Е в а. Ты уже не видишь меня? Уже не узнаешь? Ту, которая любит тебя больше всех на свете. Я — твоя жена. Твоя возлюбленная. А ты меня даже не узнал.

В р а ч. Ты — моя жена?.. Ты пришла из такой дали, из такой дали, а здесь уже сумеречно. Тебе не страшно?

Е в а. Кто любит — боится лишь потерять сердце любимого.

В р а ч. Здесь лежит труп умершего от чумы.

Е в а. Здесь ты. Я вижу только тебя. О, ты меня не разлюбил? Я так давно тебя не видала! Целых три месяца. Я думала, ты меня избегаешь. Я искала тебя на улицах, в лазаретах и даже в окрестностях города, на поле сражения. Мне казалось, что твое сердце, которое я когда-то так

крепко удерживала, теперь ускользает из моих рук, как вода из треснувшего кувшина.

В р а ч. Последние дни были страшным ударом, парализовавшим множество рук, силившихся что-то удержать. Мы потеряли самих себя. Несчастье растворило нас в толпах несчастных. Я не мог оставаться с тобой.

Е в а. Не мог? О, нет, ты должен был остаться! Если бы не война, не голод, не жажда с чумой — мы были бы вместе. Я бы лелеяла тебя в своих объятиях, любящим оком проникала бы в твою душу, угадывала бы и предугадывала все твои желания, утоляла бы их с любовью жены и догадливостью любовницы, так чтоб они никогда не простирались за пределы моих объятий. Я хочу, чтобы ты был моим… только моим, моим!

В р а ч. Между нами пролегла смерть. Война, голод, жажда и чума пролегли между нами. Раньше мы любили друг друга в розовой хижине за городом. Здесь надлежит любить иначе.

Е в а. Ты не любишь меня!

В р а ч. Люблю! И любил, потому и не приходил к тебе.

Е в а. Нет, ты не любишь меня! Почему не обнимаешь, не осыпаешь поцелуями, почему горячими пальцами не блуждаешь по моему телу,

как делал всегда, когда возвращался издалека? Я захлебывалась от счастья на твоей груди.

В р а ч. Я люблю тебя.

Е в а. Ты произносишь это так сурово, точно укоряешь меня.

В р а ч. У меня суровая жизнь.

Е в а. Не говори так!.. Я пришла сообщить тебе о важном и прекрасном, что касается нас двоих. Чтобы полонить тебя этим и увести за собой.

В р а ч. Три месяца не прикасался я к тебе, но забыть не забыл, о нет. Твое тело стало в моих глазах иным. Пылающий огонь обернулся белой повязкой. Я видел столько мучений, что иной ты не могла мне видеться. Иначе стала бы для меня не силой, а слабостью.

Е в а. Боже, ты заговорил по-другому. Я не понимаю тебя. Ты даже не спрашиваешь… не хочешь узнать… *(Плачет.)*

В р а ч. Не плачь! Ты пришла в великую минуту. Я говорил с богом.

Е в а. С богом? Ах, нет! С трупом! С чумой! С дьяволом, который начал войну, отнял мужей у жен и посеял смерть. И тебя он отнял у меня, сделал другим, погубил. Вельзевул, богохульствовавший и плевавший на могилу Христа.

В р а ч. Ева!

Е в а. Если смерть — удел человека, могила принадлежит богу. Лишь тот, кто верит, может прикоснуться к ней. Этот сдох… И поделом ему… собаке собачья смерть! Как я ненавижу его! Он все у меня отнял! *(Пинает труп.)*

В р а ч *(шепчет, как бы про себя)*. Лишь тот, кто верит, может прикоснуться к ней. Я верю!

Е в а. И любишь! Ты должен любить! Петр, Петршик, я на коленях перед тобой и хочу быть целым миром, в котором ты обитаешь. Хочу быть всем, что ни есть ты. Хочу быть тобой самим. Петр, во мне наше дитя!

В р а ч *(радостно)*. Боже мой… *(сникнув)* за что ты отвернулся от меня?

Е в а. Тебя это не радует? Ты не ликуешь? Не целуешь меня? *(Сжимает его в объятиях.)*

Врач молчит.

Мы так долго ждали его, надеялись. Позавчера он дал о себе знать, постучался в мое сердце. Вчера он вошел в него, сегодня ночью заговорил. Петр!

В р а ч. Как ты невероятно добра, женщина! Почему ты пришла сообщить мне об этом сейчас, когда все взывают ко мне и я должен идти?

Е в а. Нет, ты не уйдешь! Ты останешься со мной! Ты не смеешь уйти! Иначе ребенок погиб-

нет... и наша любовь умрет... мы станем живыми покойниками. Нет... нет... Я не выпущу тебя из объятий, прижму как большой букет! *(Страстно обнимает его.)* О, священная минута! Я тебя вижу, слышу, чувствую, осязаю. Нам может привидеться то, что мы хотим увидеть, послышаться то, что мы хотим услышать. Можно ощущать то, что мечтаешь ощутить, но нельзя осязать то, чего нет. Ты — есть! И ты мой!

Вот мои губы и груди, обними меня за талию, чтобы обнять и наше дитя! Бери меня, целуй! Я жажду, жажду! Я — та единственная жажда, которую ты должен утолить.

Снаружи доносятся голоса, это — крестный ход.

Г о л о с.

Росы пролейте дождем, небеса,
Животворной воды ниспошли нам, господи!
Мы страждем
И умираем от жажды...

Крестный ход удаляется.

В р а ч. Слышишь? Слышишь?.. Голоса. А я —

эхо, которое должно следовать за ними.

Е в а. Но ведь они тебя не зовут. Это — крестный ход, чтобы отвратить чуму.

В р а ч. Они меня зовут. Я слышу…

А у тебя ребенок. Маленький родничок в глубине тела. Капелька, которая хочет жить. Ты меня любишь, проникаешь в мое сердце. А они зовут. И я должен.

Е в а. Что́ ты должен?

В р а ч. Женщина, взгляни на меня, загляни поглубже в мою душу! Как я чудовищно одинок! И как я боюсь обессилеть! Чем больше со мной преданных мне людей, тем более я одинок и тем мне страшнее. Потому что я должен с ними расстаться. Отчего приходишь ты, сестра, в другом обличье? Ты была моей женой. Я был твоим мужем. Только в твоих глазах сиял для меня свет. В твоих глазах видел я облака, яблони, птиц, вещи простые и прекрасные, несущие счастье. И я думал: нет для меня ничего больше в этом мире. Вот моя вселенная!

Но тут началась война. Зачем предстали мне тысячи ран на завшивленных носилках? Зачем у меня на глазах несчастные калеки днем и ночью кричали о своих страданиях? Чтобы убедить меня в существовании многого помимо твоих

глаз, в которых никто и никогда не мог умереть с распоротым животом или от сифилиса?

Новый мир открылся мне, и я его познал. Мир вне тебя. Вне нас. Мир сам по себе. Мир ужасный.

Но мы должны совладать и с ним. Вот этими руками должен я завоевать его. Потому что я безумно люблю. Потому что безумно хочу жить. Потому что ко мне взывают.

Любовь двоих прекрасна, как цветок за оконным стеклом. У нее есть свои радости и горести. Но глас всеобщих бед, глас бури! Ты слышала, как этот вихрь разбил окно, выбил стекла?

Любовь не может уподобиться цветку в четырех стенах. Она жаждет выйти в бескрайний мир. Любовь — дерево на горе, дерево, растущее ввысь.

О женщина, приди и помоги мне завоевать для любви почетное место в этом мире! Не ты, а я молю тебя о любви. О любви новой, о любви бесстрашной. О любви, которая и страсть и упование. О любви, которая не довольствуется мною таким, каков я есть, а требует меня всего без остатка, со всеми моими корнями и ветвями, и, быть может, в первую очередь с теми из них, что наперекор стихиям растут на самом верху кроны.

Я затерялся в толпе. Свершение да поможет мне обрести самого себя.

Я вскрою гробницу! Высвобожу источник!

Пусть приникнут к нему жаждущие!

Е в а. Господи! Да ведь ты идешь против бога! Бог — ужасен. Бог тебя убьет.

В р а ч. Я иду вместе с богом против его запрета.

Е в а *(срывает с себя одежду)*. Петр, ты не смеешь этого делать, не смеешь! В твоих глазах — неутолимая жажда. Взгляни на мои груди. Даже в дни величайших испытаний они сохранили для тебя свою упругость и полноту. Это чудо моей любви. О, прикоснись к ним своими чудотворными руками, как Моисей к скале{20}, чтоб исторгнуть из них молоко благодатной жизни!

В р а ч. Свою жажду, Ева, мы с тобой утолим. Но страдаю от жажды я не один. Бог жаждет во мне.

Е в а. Бог получит свое. Не подходи к гробнице! Она мертва. Она не даст воды. Я — колыбель. Дотронься до меня, поцелуй, сожми в объятьях! Ты меня любишь? Люби меня!

{20} Комментарии: 2.20

…как Моисей к скале… — Согласно библейскому мифу, вождь иудеев Моисей во время «исхода из Египта» напоил своих страдавших от жажды соплеменников, ударив посохом по скале, откуда хлынула свежая родниковая вода.

Врач сопротивляется.

Война окончилась. Давай уедем. Далеко-далеко… В иные края. Туда, где растут деревья, цветы и поют птицы… Построим для себя укромный дом. Там я подарю тебе ребенка. Я буду тебя любить и угождать тебе, как весенний день. Ты будешь петь, играть с ребенком, работать в саду и растить счастье.

В р а ч. Чумные и жаждущие придут за мной.

Е в а. Нет, они не придут. Мы уедем далеко, на край света, и больше сюда не вернемся. Все беды оставим здесь. Что нам за дело до других?! Они были нечестивы, и бог по справедливости покарал их. Мы же ничем не согрешили и не согрешим. Разве этого мало… самим быть хорошими?

В р а ч. Если бы ты была мужчиной, женщина, то поняла бы: этого мало.

Е в а. Ты меня убиваешь!

В р а ч. Не убиваю, а возвращаю к жизни. Долг мужчины — подвести итог своей жизни, которая есть труд. Труд — священное преображение. Кто праведно живет — тот вкладывает в работу самого себя. Рабочий берет глину и сотворяет из нее кирпич, каменщик берет кирпич и сотворяет из него дом. А мне суждено гробницу претворить в источник.

Е в а. А как же любовь?

В р а ч. Это и есть любовь, вышедшая из цитадели сердца. Я отрекся от любви, замурованной в этой цитадели. Все великое видимо, как солнце, как бог. Труд — это любовь, которую можно видеть и осязать.

Е в а. Я не понимаю тебя, Петр. Чего ты хочешь от меня? Я могу лишь любить и беречь тебя.

В р а ч. Ребенок родится и поймет. Я иду.

Е в а. Заклинаю тебя — ради нашей любви!

В р а ч. Я иду.

Е в а. Ради нашего ребенка!

В р а ч. Во имя нас и детей! *(Оттолкнув ее, направляется к гробнице.)*

Е в а *(опережает его)*. Нет! Ты не пойдешь! Ты погибнешь! Я люблю тебя. Гробницу вскрою я! Ты должен жить. Наша любовь не должна погибнуть. *(Вскакивает на цоколь гробницы, нечеловеческим усилием сдвигает надгробную плиту, та с грохотом падает и придавливает ее.)*

В р а ч. Ева!

Е в а *(корчится под плитой)*. У меня разрывается сердце!

Крестный ход, обойдя вокруг храма, возвращается.

Г о л о с.

Росы пролейте дождем, небеса.

Животворной воды ниспошли нам, господи!

Мы страждем

И умираем от жажды…

Г о л о с а.

Мы страждем

И умираем от жажды…

Крестный ход удаляется.

В р а ч *(высвобождает Еву из-под плиты).* Ева, Евочка! Открой глаза! Тебе больно? Нет, ведь правда, не больно? Ну, не беда, не беда. Соскользнула плита. Скажи же что-нибудь! Крови ни капельки, но ты будто вся в крови. О ужас! Ну скажи же хоть слово, Евочка! Где у тебя болит?

Е в а. *Ребенок убит. (Еле слышно.)* Он мертв, мертв! Он уже не шевелит ручонками. Я чувствую, как он холодеет. Как истекает кровью. *(Выкрикивает безумно.)* Эй, эй, почему вы кричите, мамочка? Почему ты горишь, лампадка? Ты не лампадка, ты — кровавая рана, зияющая между нами и богом.

В р а ч *(в ужасе)*. Ева!

Е в а. Прочь! Не прикасайся ко мне, сатана!

Видишь бога? Он приближается. Слава богу, господи боже!.. *(Смеется.)*

(Яростно.) Ты, собака! Ты убил его камнем. Бог убил ребенка камнем. Когда я была маленькой, мальчишки попали в меня камешком. Кровь под косичкой стекала алой струйкой. Нет, даже не струйкой, а тоненькой алой ниточкой. А ты в меня — такой глыбой! Огромным, страшным, тяжелым камнем. О ужас! Спасите меня! Это не камень, это небо! *(Врачу.)* Не прикасайся ко мне. Ступай! Трудись. Ты человек дела. Преобразуешь все, что попадается тебе под руку. Ты взял женщину — и сделал из нее гробницу. Я — дело твоих рук. Я — гробница, где покоится мертвый младенец. Сделай из меня снова женщину! Ты не умеешь. О, ты — изверг! *(Бьется головой об пол.)*

В р а ч. Ева, опомнись!

Е в а. Солнце садится.

(Детским голоском.) Вслед за ним отправлюсь я в чудесную страну. Всем встречным стану говорить: за мной не ходите! Ступайте к врачу! Он нашел для вас источник в гробнице. Он напоит вас, насытит вас, исцелит. А я пойду дальше, одна-одинешенька. Туда, где солнце тонет во-тьме.

Там все поют, веселятся, танцуют. Но достигнуть этой страны можно лишь в одиночку. Тра-ля-ля, тра-ля-ля… *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Солнце садится. Темнеет. В р а ч. Лампада на гробнице.

В р а ч. Лишилась рассудка…

Не копьем и не пулей ранишь ты меня, господи, — болью других людей! Я смертельно устал. Я сомневаюсь… Сыночек мой! Жена моя! Сыны человеческие! Женщины новых поколений! Я одинок. Явись мне, боже, хоть светлой тенью, чтобы мог я в руки твои вложить всю свою слабость и укрепиться сердцем. О, молви хоть слово! Да обретут в твоем голосе исход все мои горести. Не знаю, чего еще я не испытал. Ты не являешь себя?.. Молчишь? Тишина. Наверно, бог страдает больше, чем я. О тяжкий миг! Непосильно бремя! Я падаю на колени, хотя знаю, что делать этого не вправе. Ибо когда веришь, есть вещи страшнее смерти. Я один… один… И все же не совсем. *(Опускается на колени и простирает руки к лампаде.)*

Вечный огонь.

Свидетель того, сколько тщетных усилий

Затратили люди,

Чтобы лучше жилось на земле!

Фитиль, напоенный кровью

Отважных сердец,

Ты один остался со мною

В мой трудный и звездный час.

И в тебе — все, кто пал, не дойдя до цели.

О, горящие кровью глаза

Сотоварищей!

Пусть напрасными были жертвы —

Вовек не иссякнет

Извечная воля стремиться вперед!

Вовек не иссякнет жизнь!

(Поднимается и медленно идет к гробнице.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Вбегает группа л ю д е й.

К а п р а л. Загородите вход! Заприте двери!

Живо, живо! Пока они нас не догнали!

Д е в у ш к а. Чумные идут за нами. Все предместье, чуть не весь город. Мы окружены.

С т а р у х а. Чуму принесли солдаты, которые вернулись с фронта.

Ю н о ш а. Она сразу же охватила всю округу. Словно пожар в засуху.

С т а р и к. Считай, мы все уже на том свете. Нам не спастись.

П е р в ы й г о л о с. Смерть!

В т о р о й г о л о с. Смерть?

Т р е т и й г о л о с. Смерть!

К а п р а л. Закрывайте, закрывайте!

Люди с грохотом закрывают двери.

Ж е н щ и н а. Только бы они не вошли сюда! Это будет ужасно! Вы видели их язвы? Их лица и грудь — сплошь в гнойниках. К кому они прикоснутся — тот породнится со смертью.

К а п р а л. Двери не подадутся? Проверьте хорошенько, солдаты! Воздвигнем перед ними еще баррикаду. Если станут ломиться — откроем огонь.

Д е в у ш к а. Смотрите — мертвый генерал! Ужас!.. Бежим!

С т а р у х а. Куда?

К а п р а л. Отнести покойника в придел! Эй, солдаты, сюда!

П е р в ы й с о л д а т. Я до него не дотронусь. Он умер от чумы.

В т о р о й с о л д а т. Мы сразу заразимся.

К а п р а л. Именно потому и надо его убрать! Берите!

Солдаты пятятся.

Боитесь? Кто не боится?

Все замерли.

Что ж, отнесу его сам. *(Волоком тащит труп генерала в придел.)*

Ж е н щ и н а. Какой страшный оскал!

С т а р у х а. Это врата ада.

С т а р и к. Я бы к нему ни за что не притронулся. Фу!..

Ю н о ш а. А чумные не высадят двери? Их тысячи.

П е р в ы й с о л д а т. Тысячи чумных, но ведь мы-то здоровые.

С т а р у х а. Кто из нас знает, здоров он или болен?..

Д е в у ш к а. А гробница-то, смотрите, открыта!

П е р в ы й г о л о с. Гробница открыта!

В т о р о й г о л о с. Кто же ее открыл?

Т р е т и й г о л о с. Надгробная плита лежит на полу.

Ю н о ш а. Все так странно, пугающе… Точно в бреду.

П е р в ы й с о л д а т. Черт, до чего хочется пить! Воды!..

В т о р о й с о л д а т. Или хотя бы водки!

Снаружи шум.

М а л ь ч и к. Мама, мертвые идут!

К а п р а л *(возвращается из бокового придела)*. Если они придут сюда — будем защищаться.

Ч е л о в е к у д в е р е й. Они идут сюда! Идут сюда!

С т а р у х а. Господи, прости и помилуй нас, грешных. Мы погибли!

С л е п е ц *(которого шум вывел из оцепенения)*. Люди! Люди! Вы слышите? Они уже здесь. О, славься!

Д е в у ш к а. Кажется, слепой опять что-то видит!

Ч е л о в е к у д в е р е й. Какие толпы. В глазах — огонь!

С л е п е ц. Это слава, которая сопутствует ему. Это процессия святых. О, я знал, что бог придет.

Христос придет. Он должен был прийти. Он вызволит вас. Напоит жаждущих. Он вас помилует. Перевяжет раны и утишит боль. Даст все, что нужно. Христос грядет к вам!

Первый солдат. Не мели чепухи. Хоть сейчас-то не мели чепухи!

Второй солдат *(дает слепцу пощечину)*. Вот тебе! Заткнись!

Слепец *(падает на колени)*. Иисусе Христе!.. Наконец-то мы тебя дождались! Наконец-то ты пришел! Ты стучишься в жилища обездоленных. Отворяешь скорбящие сердца, дабы войти в них и одарить своей благодатью. Возвеселимся! Возрадуемся!

Снаружи доносится шум.

Человек у дверей. Они уже здесь!

Слепец. Возвеселимся! Возрадуемся!

Второй солдат *(ударяет его по другой щеке)*. Дурак!

Слепец падает.

Старуха. Мертвые пришли за живыми?

Девушка. Что им здесь нужно?

Юноша. Мы несведущи и бессильны.

Женщина. Мы умрем!

С т а р у х а. Разве мы еще живы?

С т а р и к. Я мертв.

П е р в ы й р а н е н ы й. Я жив, потому что хочу пить.

В т о р о й р а н е н ы й. Я тоже, потому что у меня нет ноги.

Удары в дверь снаружи.

М а л ь ч и к. Мама, я боюсь!

Г о л о с а с н а р у ж и. Откройте!

К а п р а л. Не откроем!

Г о л о с а с н а р у ж и. Тогда мы выломаем двери!

К а п р а л. Зачем вам ломать двери? Зачем вам сюда? Что вам от нас нужно?

Г о л о с а с н а р у ж и. Воды!

П е р в ы й р а н е н ы й *(тупо)*. Воды… Они хотят воды.

К а п р а л. У нас нет воды.

Г о л о с с н а р у ж и. Лжешь! Жена врача сказала нам, что из гробницы воеводы забил источник. Кто напьется этой воды — тот выздоровеет. Мы хотим напиться.

К а п р а л. Да нет тут никакого источника. Клянусь! Уходите!

Г о л о с а с н а р у ж и. Мы вам не верим.

— Вы хотите пить одни.

Удары.

К а п р а л. Мы будем стрелять! Мы убьем вас!

Г о л о с с н а р у ж и. Никто не может нас убить. Мы уже мертвы!

К а п р а л *(обращаясь к перепуганным людям в храме)*. Друзья! Мы должны действовать. Мы — единственные здоровые люди в этом мире. Мы хотим жить. Должны жить. Давайте же объединимся, чтобы устоять перед натиском зачумленных. Давайте их перебьем. Перестреляем. Сотрем с лица земли. Необходимы дисциплина и мужество. Надо избрать предводителя.

Г о л о с а. Ты будь предводителем!

К а п р а л. Согласен.

С о л д а т ы. Что нам делать?

К а п р а л. Выждем, пока зачумленные умрут сами. Долго ждать не придется. Соберемся же с силами.

Ю н о ш а. А если они ворвутся?

К а п р а л. У кого есть оружие?

Выступают семеро вооруженных солдат.

Встаньте у входа. Если двери подадутся — я дам команду. Стрелять часто, один за другим, чтоб

никто не проник сюда.

В дверь барабанят.

Г о л о с а с н а р у ж и. Отворяйте! Отворяйте!

К а п р а л. Остальные — ставьте баррикаду перед входом. Тащите все, что только можно сдвинуть с места. Алтари, распятия, образа, колонны, статуи, скамьи. Речь идет о жизни и смерти.

Хоть нас и немного, но мы здоровы. Мы сильны. Мы должны выиграть. У нас все в порядке: мозг, кровь, мускулы. Они же — призраки. Одной рукой можно укокошить сотню.

Ж е н щ и н а. Тот, к кому они прикоснутся, породнится со смертью!

К а п р а л. Не они к нам прикоснутся, а мы — к ним. И не руками, а железом.

Все по местам! Никак двери подаются… Ура-а-а! Им перед нами не устоять! Мы здоровы, мы сильны, мы организованны. Да не дрогнут ваши мускулы и сердца! А ну, посмейте только, исчадия смерти, напасть на нас… Посмотрим, хватит ли у вас сил. Только посмейте… только… Ой!.. Кто схватил меня за горло? Кто меня душит?

Двери трещат.

Кто бьет меня по голове? Пусти меня! Пусти!

Это моя грудь, а не двери. Ох! *(Ноги у него подкашиваются, и он падает.)*

С т а р у х а. У него чума! У него чума!

С о л д а т ы с р у ж ь я м и. Чумной среди нас! Мы погибли! *(Бросают ружья.)*

Двери не выдерживают натиска и подаются.

К а п р а л. У меня чума? *(Орет.)* У меня чума! Почему вы бросили оружие, болваны? Сражайтесь! Бейтесь! Я вам приказываю. Я поведу вас в бой, даже если у меня чума. Нужно драться до последнего. Все сюда! Приказываю!

Солдаты пятятся перед ним.

Н а р о д. У него чума!

К а п р а л *(тихо)*. Почему вы сторонитесь меня?

С л е п е ц *(подползает к капралу)*. Я здесь. Я останусь с тобой. Мы вместе будем ждать.

К а п р а л. У меня чума?

С л е п е ц *(ощупывает его)*. Я не вижу, не вижу. Но придет господь, и мы все прозреем. Если ты болен, он тебя исцелит. Слышишь? Это он стучится в двери. Он! Отоприте ему!

К а п р а л. Ты не оставишь меня?

С л е п е ц. Не оставлю.

К а п р а л. Я был плохим христианином.

С л е п е ц. Ты был хорошим солдатом.

К а п р а л. Хорошим солдатом… хорошим христианином. Смотрите, небеса… небеса. Вперед! В атаку! Ура-а-а! *(Умирает.)*

С л е п е ц. Иисусе! Где ты? Приходи скорее! Чтобы нас еще застать!

Двери рушатся.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Входят ч у м н ы е, на тех, что впереди, — белые саваны.

С л е п е ц. Люди, люди! Грядет Христос! *(Кланяется первому чумному.)*

Здоровые в ужасе шарахаются от входа.

Иисусе Христе, я ослеп, и ты приходишь исцелить меня.

Ч у м н о й. У меня чума! У меня чума!

С л е п е ц. Боже… я вижу… и что же я вижу? Один Христос… второй Христос, третий Христос… десять… сто… тысяча… Тысяча Христосов! Тысяча ран в боку, две тысячи ран на руках. *(Обнимает чумного.)* Христосы! Я пришел к вам на небо.

Ч у м н о й *(отталкивает его)*. Где вода?

С л е п е ц. Посадите меня на трон рядом с собой!

В т о р о й ч у м н о й. Пить!

С л е п е ц. Мы будем царствовать, ангелы будут порхать вокруг нас. *(Умирает.)*

Т р е т и й ч у м н о й. У них нет воды. Горе нам!

П е р в ы й ч у м н о й. Идти дальше мы уже не в силах. Останемся здесь.

В т о р о й ч у м н о й. Умрем здесь.

Т р е т и й ч у м н о й. Где же вода? Внутри у нас все горит. Дым валит из глаз.

С о л д а т. Нет у нас воды! Вы же видите!

П е р в ы й ч у м н о й. Давайте их обыщем. Может, они прячут воду в карманах. Куда они ее дели?

Ж е н щ и н а. Не прикасайтесь к нам. Мы же умрем!

В т о р о й ч у м н о й. Мы тоже умрем.

Т р е т и й ч у м н о й *(ползет по полу посреди храма)*. Я хочу умереть, любя. Хочу, чтобы меня обнимали. Кто из женщин ляжет со мной? Мы все умрем. Пусть женщина умрет подо мной, а я — на ней.

Р е б е н о к. Мама!

П е р в ы й ч у м н о й. Воды!

В т о р о й ч у м н о й. Воды!

Ч е т в е р т ы й ч у м н о й. Ради бога, воды!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

С в я щ е н н и к, в праздничной сутане, выходит из ризницы.

С в я щ е н н и к. Кто призывал бога? Я иду молиться за отпущение грехов ваших, дабы вы не умерли без покаяния.

Ч у м н о й ю н о ш а. Но я хочу жить. Попроси бога об этом, святой отец! Я жил так мало. Хочу жить и пить…

С в я щ е н н и к. Бог ведает, что творит. Коли он определил тебе умереть — умрешь. Молись и кайся, дабы умереть в раскаянии и попасть в рай.

Ч у м н о й ю н о ш а. Рай — это стакан воды.

С в я щ е н н и к. Рай — нечто большее, дурень!

Ч у м н о й ю н о ш а. Будь он больше, он был бы ничтожно мал. Мне бы напиться — и я оживу, выздоровлю, убегу отсюда. Помчусь по аллее, обсаженной деревьями, и деревья начнут зацветать. Как это будет прекрасно. Бежать, дышать, кричать. Пить! Почему бог отказывает мне в воде? Я ли не умолял его? Где же бог?!

С в я щ е н н и к. Богохульник! Нечестивец!

Отступите все! Я буду молиться за ваше очищение от скверны. Дабы предстали вы перед богом невинные, как агнцы. Ведь ни один из вас не уходит из жизни, как подобает христианину. До последнего вздоха погрязаете вы в пороках мира сего. Но я хочу, чтобы вы все попали в рай, где обрящете подлинный мир и успокоение.

Ж е н щ и н а. Не дайте мне умереть, люди, я хочу остаться здесь… с ребенком!

С в я щ е н н и к. Слепцы! Разве вы не видите, что земная жизнь — лишь сон, которым всевышний испытывает нас перед той, истинной жизнью, надзвездной? Я хочу подготовить вас к ней, ибо люблю вас. Становитесь на колени и молитесь, немощные и жаждущие. Вместе с вами буду молиться и я за то, чтобы вы достигли пределов, где болезнь отступает и отпускает жажда. Дабы умерли вы, раскаявшись!

В с е. Мы хотим жить!

Г о л о с. Воды!

С в я щ е н н и к *(негодующе)*. Вы, богом проклятые! Даже на пороге смерти вы призываете дьявола в свои сердца. Оглянитесь вокруг! Отчего мучит вас жажда? Почему вы умираете? Почему заразились чумой? Вы согрешили. Бог наказует вас и хочет, чтобы смертью своей вы искупили

свои прегрешения. Такова его воля, и она явственнее, чем он сам. Вы требуете воды?.. Да вот она, рядом… Могильщик указал вам, где она. Что же вы медлите и не пьете? А все потому, что из самого источника бог вещает вам свой запрет:

«Иль, богом проклятый, умрешь…»

Вам мало слов. Но ведь вы были свидетелями и его деяния.

Почему он сразил генерала?

Потому что хочет покарать вас сполна. Так терпите же!

Кто из вас отважится нарушить его волю?

Безмолвие.

Кто принесет вам воды?

В р а ч *(выходит из своего укрытия)*. Я!

С в я щ е н н и к. Как? Ты, врач, пойдешь против бога?

В р а ч. Не против бога, а против мертвого слова. Бог покинул эти пределы, если он вообще когда-либо здесь был. Лишь те, чья вера недостаточно сильна, чтут его остывшие следы. Я же — сама вера, и я знаю: бог среди нас и он тоже изнывает от жажды.

С в я щ е н н и к. Бог среди вас? Ты вознамерился так его унизить? Да поразит он тебя на месте!

Н а р о д. Врач, спаси нас!

С в я щ е н н и к. Неужто не извлек ты урока из гибели генерала?

В р а ч. Извлек — и потому иду. Я извлек урок из многого, что тебе недоступно. Каждый шаг вперед оплачивается жизнью. До цели — один шаг. И поэтому я иду.

С в я щ е н н и к. Нет!

Врач направляется к гробнице.

Безумец! Ведь никто не знает, правду ли говорил могильщик.

В р а ч. Теперь ты по крайней мере это узнаешь!

С в я щ е н н и к. И ты полагаешь, земля одарит источником, которым владеют небеса, одни лишь способные напоить весь мир?

В р а ч. Бог — это Жажда. Он сошел в человека, чтобы напиться.

С в я щ е н н и к. Погляди, на горизонте туча. Подожди же, может, она прольется по воле божьей дождем!

Н а р о д. Дай нам напиться, врач! Мы умираем.

В р а ч. Еще миг промедления — и у меня остановится сердце. Человек должен принести себя в жертву, чтобы всевышний мог спасти его.

С в я щ е н н и к. Ты не вернешься, врач!

В р а ч. Может, как врач я и не вернусь. Но знаю наверняка, что вернусь. Как врач я не смог вам помочь. И потому хочу вернуться в ином, более насущном обличье. *(Становится на цоколь гробницы.)*

С в я щ е н н и к. Стой! Еще шаг — и я прокляну тебя.

Врач заколебался.

Р е б е н о к. Пить!

В р а ч спускается в гробницу.

С в я щ е н н и к. Будь проклят!

Гром, молния. Храм сотрясается. Падают изображения святых.

Ч у м н ы е у д в е р е й. Гроза приближается.

М а л ь ч и к *(девушке)*. Неужели он погиб напрасно?

Д е в у ш к а. О, нет, нет! Знаешь, у меня такое ощущение, будто я уже не хочу пить. Врач… был красивый.

Ч у м н ы е у д в е р е й. Туча закрыла все небо.

Ж е н щ и н а. Что небо! Взгляните на гробницу. Там — человек.

Что-то будет?.. Что-то будет?..

Д е в у ш к а. Врач… как бог.

Лучезарная струя забила из гробницы.

Н а р о д. Источник! Источник! Смотрите, забил источник! Вода!

С в я щ е н н и к. Я прокляну каждого, кто приблизится к ней!

Д е в у ш к а. Пейте же, пейте! Священник — дьявол! Врач был бог!

Г о л о с а. Пейте! Пейте!

Народ бросается к источнику.

Ю н о ш а. Вода бьет из гробницы, словно из скалы.

Ч у м н о й. Язвы на моем теле заживают. Это был Моисей!

Люди бросаются к источнику.

Г о л о с а. Не отталкивайте!

— Пустите и нас!

— Дайте мне тоже напиться!

— И мне!

— И мне!

Ю н о ш а. Не толкайтесь так! Подождите!

Г о л о с а. Мы не можем ждать.

— Мы должны напиться.

— Все.

— Пустите нас!

С в я щ е н н и к. Будьте вы все прокляты!

Молния. Храм сотрясается до основания. Колонны у алтаря падают и погребают священника.

Темнота.

Г о л о с а. Храм рушится!

— Бежим! Бежим!

Г о л о с а у д в е р е й. Хлынул дождь! Дождь!

— Ливень!

— Сюда!

Ю н о ш а. Мы спасены! Там тоже вода, и места хватит для всех! Мы напьемся! Скорее!

Д е в у ш к а. Врач…

Ю н о ш а. Что? Идем! Ты не любишь меня?

Д е в у ш к а. …был настоящим мужчиной.

Ю н о ш а. Скорее, храм вот-вот рухнет! *(Хватает девушку за руку.)*

Девушка повинуется.

Г о л о с а. Бежим! Бежим! Бежим!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Опоры храма с треском падают. Через распахнутые настежь двери при вспышках молнии виден город под проливным дождем. Видны тысячи л ю д е й, здоровых и больных, они стоят на коленях и, обратив лицо к небу, ловят ртом дождевые струи. В храм вбегает Е в а. Ее голос тщится перекрыть грохот земли и неба. Это голос не то безумицы, не то пророчицы.

Е в а.

Вижу привольный луг, вижу деревья, источник,

Подобный живому сердцу, что пульсирует и поит,

Вижу скитальцев толпы, стекающихся отовсюду

С пересохшим от жажды горлом, вожделеющие воды.

О, величие дня, когда камень сжал человек в ладонях,

Чтобы выпустить птицу в небо,

О, жизнь — беспредельная жажда, ко-

торую

Нам суждено утолить.

Путники, путники,

Мир наш округл и тверд.

Он — свидетельство нашей нетленности.

Наши руки, сердца наши сгнили бы,

Если б небо сошло на землю, превратив ее в вечный рай.

Что б тогда изменили мы к лучшему?

Жизнь! Любовь! Вы двуедины и всепоглощающи,

Словно жажда, которая порождает

Утоленье для всех, кто жаждет.

Вижу привольный луг, вижу деревья, источник,

Вижу мир, — никогда он не будет настолько суров,

Чтобы мы не родились снова.

Вижу скитальцев толпы, стекающихся отовсюду.

С ними иду, ибо близится

Час моего возрожденья.

(Пьет из горсти.)

Раскаты грома.

Слышите, дети поют, дети, которые нарождаются!

Это — грядущая жажда, и мечты, и любовь.

Слышите, дети поют, и могилы в источники превращаются,

Я тоже была могилой — и тоже источником стала.

Муж мой, Петр, ввысь взмываю я вслед за тобой.

Слышите, дети поют, дети, которые нарождаются,

Чтобы взрослеть, умереть, снова родиться в детях.

Я с ними, я тоже пою.

Потому что должна,

Потому что хочу!

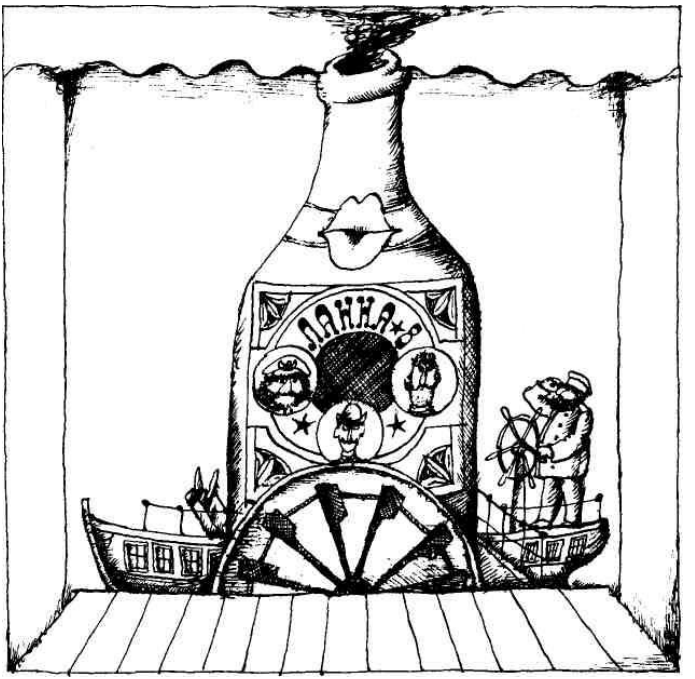
Молния. Храм с грохотом, рушится, погребая Еву под обломками. Сквозь гул слышен ее торжествующий возглас:

Я нарождаюсь!

З а н а в е с.

Эгон Эрвин Киш, Ярослав Гашек, Эмиль Артур Лонген
ИЗ КАРЛИНА В БРАТИСЛАВУ НА ПАРОХОДЕ «ЛАННА-8» ЗА 365 ДНЕЙ

Большая обстановочная феерия в четырнадцати картинах



E. E. Kisch, J. Hašek, E. A. Longen
Z KARLINA DO BRATISLAVY PARNÍKEM LANNA 8

ZA 365 DNI

Jaroslav Hašek a druzí. Větrný mlynář a jeho dcera. © Praha, Československý spisovatel, 1976.

Перевод с чешского **В. Каменской.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДИРЕКТОР транспортного агентства.

СЕКРЕТАРША.

МАШИНИСТКА.

КУМЕС, газетный репортер.

СТРУГА, капитан.

СТРУГОВА, его жена.

МИКУЛАШЕК, кочегар.

РАМПА, хозяин трактира «Золотой корабль».

ВАНЕК, шлюзовщик.

ЖЕНЩИНА из Мельника.

ГАНС, саксонский фининспектор.

РАЦУХА, чиновник чешского консульства в Гамбурге.

ФРИТЦИ }

ЙОГАННА }

ОФИЦИАНТ }

КАПЕЛЬМЕЙСТЕР } из кабаре «Blaue Spinne»[53] в Гамбурге.

---

[53] Примечания: 1.53

«Синий паук» *(нем.).*

ИВ, бретонский матрос.
СЕРЖАНТ }
СОЛДАТ } в голландской крепости Хертогенбос.
ЛАНДА }
КАЙФАШ } Футболисты из клуба «Спарта».

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В канцелярии дирекции транспортного агентства. Секретарша роется в бумагах. Машинистка ест конфеты.
Входит Кумес.

Кумес. Мое почтение. Пан директор все еще не вернулся?

Машинистка. Наверное, застрял где-нибудь в лифте. Вчера три часа проторчал между третьим и четвертым этажом, между регистратурой и экспедицией.

Секретарша *(жест в сторону машинистки)*. Не тратьте время на пустые разговоры, милочка. Лучше расшифруйте и перепечатайте стенограмму доклада. *(Кумесу.)* Что вам угодно?

Кумес. Я к пану директору по важному делу.

Секретарша. Могу я узнать, по какому?

Кумес. Простите, барышня, это разговор интимный и чрезвычайно — хе-хе — щекотливый.

М а ш и н и с т к а *(секретарше)*. Вы любите щекотливые разговоры?

Входит д и р е к т о р.

Д и р е к т о р *(не замечая Кумеса, секретарше)*. Ну и досталось нам, барышня, на правлении! Оказывается, более месяца назад мы должны были отправить буксир «Ланна-восемь», стоящий у карлинской{21} пристани, в Братиславу, и только сегодня я об этом вспомнил. С ума сойти! Месяц назад пароход должен был пришвартоваться в Братиславе. Давно мог тянуть плоты до самого Константинополя. Как вы увидите из докладных, экспортная компания «Ориент» ежедневно бомбардирует наше агентство письмами. *(С волнением в голосе.)* Бомбардирует отдел заграничной торговли в министерстве. Того и гляди, эти кретины из «Ориента» разозлятся, тиснут про нас в какой-нибудь газетенке — и прощай наша добрая репутация! *(Набрасывается на репортера.)* А вам что тут надо?

К у м е с *(испуганно)*. Позвольте представиться. Я Кумес, репортер недавно основанной газеты «Ежедневный факел», уже успевшей приобрести

{21} Комментарии: 2.21
Карлин — окраинный, рабочий район Праги.

самую широкую популярность и самый большой тираж. Мне поручено собрать информацию о работе вашего агентства. Надеюсь, вы не откажете в кратком интервью.

Д и р е к т о р. К вашим услугам. Присядьте, пожалуйста.

К у м е с *(достает из кармана блокнот и карандаш, садится)*. Не будете ли вы любезны сообщить мне, каково, собственно, назначение транспортного агентства?

Д и р е к т о р. Это очень просто. Мы транспортируем. Транспортируем пассажиров, грузы — короче, все, что поддается транспортировке в государственных масштабах. И потому наше агентство именуется транспортным. Понимаете?

К у м е с. Понимаю, но ничего не могу понять. Приведите, пожалуйста, пример…

Д и р е к т о р. К примеру, пан репортер, вы только что слышали наш разговор о пароходе «Ланна-восемь». Итак, имеется маленький буксирный пароходик, словом, жалкая посудинка, понимаете? Затем, в Братиславе имеется экспортная компания «Ориент». Уразумели? У этой экспортной компании «Ориент» в Братиславе имеется новая торговая пристань, доки, склады, понимаете? У нее есть грузовые баржи, и она

охотно вывозила бы на них товары, но у нее нет буксира, который мог бы тянуть эти баржи, понимаете? А поскольку все транспортные средства находятся в наших руках, мы вышлем им такой пароходик с карлинской пристани, понимаете?

К у м е с. Понимаю, понимаю, но позвольте…

Д и р е к т о р. Я вам поясню. Главное тут — скорость. Сейчас вы в этом сами убедитесь. *(Секретарше.)* Дорогуша, пишите. *(Диктует.)* Струге, капитану парохода «Ланна-восемь». Карлинская пристань. Транспортное агентство приказывает вам немедленно, безотлагательно и с максимальной скоростью доставить находящийся под вашим командованием пароход «Ланна-восемь» с карлинской пристани к торговой пристани братиславской экспортной компании «Ориент». *(Кумесу.)* Видите, теперь я это подпишу, секретарша поставит исходящий номер, положит депешу в конверт, вручит курьеру — и дело в шляпе. Поняли? Уразумели? *(Подписывает письмо, возвращает секретарше.)*

Та ставит исходящий номер и кладет письмо в конверт.

К у м е с. Понимаю. Полностью уразумел. Гм-гм… Но позвольте — как же вы доставите буксир

в Братиславу?

Д и р е к т о р. Это решит капитан Струга. Мы отдаем приказ, его обязанность — выполнить. А как — нас не касается. Сами понимаете, не стану же я заниматься такими пустяками, как транспортировка парохода из Карлина в Братиславу. Ответственность за это несет Струга, — кстати, один из лучших наших капитанов. Когда в прошлую войну возникла опасность, что пароходик будет использован в военных целях, Струга затопил его вместе с командой — там, где во Влтаву впадает Ботич{22}. Можете себе представить, как он находчив, решителен, умен?

К у м е с. Я искренне восхищен таким капитаном. До сих пор мне ни разу не удавалось познакомиться с настоящим морским волком.

Д и р е к т о р. Гм, если хотите с ним встретиться и написать о нем, без лишних церемоний посетите его прямо на пароходе «Ланна-восемь», что стоит у карлинского причала.

К у м е с *(записывает адрес)*. Чрезвычайно вам благодарен за обширную информацию. Представьте себе, с каким интересом подписчики «Ежедневного факела» прочтут о транспортном

{22} Комментарии: 2.22

Ботич — приток Влтавы; берет начало у Ржичан и впадает в Влтаву в черте Праги.

агентстве, которое транспортирует транспортные средства!

Д и р е к т о р. Мы транспортируем все, абсолютно все. Многие считают, что пора поставить на обсуждение в парламенте вопрос о национализации нашего агентства и превращении его в Министерство транспорта, поставок и вывоза, так называемое министерство…

К у м е с. …перевозок.

Д и р е к т о р. Вот именно. Перевозок.

К у м е с. Только этого нам и не хватало.

Телефонный звонок.

М а ш и н и с т к а *(берет трубку).* Алло, алло. Да, это транспортное агентство. Секретариат. Пан директор, вас. С вами желает говорить председатель правления.

Д и р е к т о р *(Кумесу).* Простите. *(Берет трубку.)* У телефона, пан председатель. Да, да, я добрался вчера превосходно. Да, да, было весело, даже слишком. По делу? Слушаю, слушаю. Немедленно телеграфирую «Ориенту», пускай наконец прекратят свои жалобы! Я сделал все от меня зависящее, чтобы пароходишко прибыл в Братиславу. Надеюсь, правление «Ориента» наберется терпения. Низко кланяюсь! *(Положив трубку,*

Кумесу.) Опять запрос по поводу парохода «Ланна-восемь». *(Секретарше.)* Пошлите, дорогуша, срочную телеграмму: «Братислава, Экспортная компания «Ориент». Пароход «Ланна-восемь» пути. Дату прибытия сообщите телеграфом. Капитана Стругу отправьте назад Прагу. Транспортное агентство». *(Кумесу торжественно.)* Видите, как у нас все делается? Быстро, точно, я бы даже сказал — образцово. Если б и в государственных учреждениях был такой порядок, нас всех можно было бы только поздравить.

К у м е с *(пишет)*. Если б и в государственных учреждениях был такой порядок, нас всех можно было бы только поздравить.

Телефонный звонок прерывает его.

С е к р е т а р ш а *(слушает)*. Пан директор, вас опять ругают. Это пан Вондрак, торговец из Часлава{23}. Говорит, что уже три недели ожидает товар.

Д и р е к т о р. Пошел он к чертовой матери. Где Прага — а где Часлав!

К у м е с. И верно, пан директор, далища!

{23} Комментарии: 2.23

Часлав — город, ныне — в Кутногорском районе, Среднечешской области.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Трактир «У золотого корабля».
С потолка свисает игрушечный кораблик.

М и к у л а ш е к *(пьяный сидит за столом).* Пан Рампа-лампа, налейте мне еще шкалик.

Р а м п а *(смеется).* Ха-ха, пан Микулашек, теперь нелегко стало наливать в долг.

М и к у л а ш е к. Но, пан Рампа, ради всех святых, к чему эти разговоры? Может, я когда оставался в долгу? Может, когда не рассчитался? Хожу к вам добрый десяток лет, с тех пор как «Ланна-восемь» бросила якорь в Карлине. Напивался я когда до потери сознания? Не напивался. Получал когда по морде? Получал. Устраивал дебоши? Не устраивал. Кого хошь из ваших завсегдатаев спросите. Завсегдатаи, имеете вы что-нибудь против меня?.. Никаких претензий. Так что…

Р а м п а. Опять вы нонеча несете околесицу…

М и к у л а ш е к. Чепуха, пан Рампа. Я человек сознательный. Лучше налейте мне еще шкалик. Вон того…

Р а м п а. Не лезь в трактир, коли карман пуст.

М и к у л а ш е к. Точно я не сижу тут с самого утра! У меня ж тут место абонированное — я

заплатил вам вперед, да помаленьку все пропил. *(После паузы. Про себя.)* На углу остановился автомобиль, из него вышла Добромила Реттигова{24}, а потом автомобиль поехал дальше…

Р а м п а. Ха-ха, опять допились до белой горячки? Когда уж вы возьметесь за какое-нибудь путное дело?

М и к у л а ш е к. Какое еще дело, когда и так все на мази? Больше года торчим у причала. Каждый день развожу в топке огонь, а потом она сама гаснет. Ведь коли придет какой приказ, котел должен быть под паром.

К у м е с *(нерешительно входя)*. Я не ошибся, это «Золотой корабль»?

Р а м п а. Ха-ха!.. На вывеске метровыми буквами написано!

М и к у л а ш е к *(про себя)*. Заехал за угол и воротился. Неплохо бы чуток подлакировать.

К у м е с *(тихо, стеснительно хихикает, пытаясь подладиться к Рампе)*. Скажите, ходит сюда капитан Струга с парохода «Ланна-восемь»?

Р а м п а. Капитан Струга? Каждый день является… А вот сидит пан Микулашек с этого самого парохода. Чего-нибудь налить вашей милости?

{24} Комментарии: 2.24

Реттигова Магдалена Добромила (1785—1845) — чешская просветительница, писательница.

К у м е с. Спасибо, меня вполне устроит бутылка содовой. *(Микулашеку.)* Позволите присесть за ваш столик? Я репортер популярнейшей газеты «Ежедневный факел», моя фамилия — Кумес. Изволите быть с парохода «Ланна-восемь»?

М и к у л а ш е к. Ваша милость, прикажите ему, пускай он мне чего-нибудь нальет.

К у м е с. Налейте пану Микулашеку доброй сливовицы. *(Переходит на фамильярный тон.)* Ну-с, Микулашек, как делишки? *(Хлопает его по спине.)* Как навигация? Ветры благоприятствуют?

Р а м п а. К чему им ветры, они, пан Микулашек то есть, как назюзюкаются, сами делают такие ветры, что хоть топор вешай.

К у м е с *(Микулашеку)*. Вы любите плавать?

Р а м п а *(подает Микулашеку сливовицу)*. Плавать? Да уж он свое отплавал… в рюмке водки — ха-ха…

М и к у л а ш е к. Чепуха, пан Рампа. Я человек уважаемый, интеллигентный, двадцать лет как на воде. Шли мы раз в Усти-над-Лабой{25}, ну, скажу я вам, — вот было плавание! Бочку фран-

---

{25} Комментарии: 2.25

Усти-над-Лабой и, ниже, *Мельник, Либшице, Клецаны, Малые Клецанки, Кралупы, Кокоржин, Дечин* — города и местечки, расположенные вдоль Влтавы и Лабы (Эльбы).

цовки{26} выдули. Вы пьете водку?

К у м е с. Нет, это не в моих правилах. Я член союза трезвенников, возглавляемого профессором Гоуской.

Р а м п а. Видали мы тут одного такого. Тоже все «профессор Гоуска» да «профессор Гоуска»... и, знаете, выдержал до полуночи, а потом как пошел хлестать! Так и заснул пьяный на лавке. Утром оставил нам плакат о вреде алкоголя и в придачу все, что успел съесть да выпить.

М и к у л а ш е к. Это верно. Я за свою жизнь пропил уйму деньжищ.

К у м е с *(смотрит на часы)*. Да, да. Значит, капитан Струга и правда сюда ходит?

Р а м п а. Не беспокойтесь — явится! Это один из старейших моих завсегдатаев.

С т р у г а появляется в дверях. На нем потрепанный капитанский китель, фуражка без канта.

А, пан Струга, легок на помине! Что ж, принесем пану капитану порцию доброго грогу, матросского!

М и к у л а ш е к *(толкает Кумеса в бок)*. Вот

{26} Комментарии: 2.26
Францовка — виноградный спирт для растираний.

он, старый Струга… Струга, тут тебя ищут. *(Показывает на Кумеса.)* Они.

С т р у г а *(оглянувшись)*. Ладно. *(Рампе.)* Пан Рампа, и чтобы это был грог, а не свиное пойло, как в прошлый раз. Вы уж знаете, чего мне надобно: пол-литра вина, пол-литра рому и побольше перчику. Когда целый день на воде…

Р а м п а. Ну да, на воде, ха-ха! *(Отходит распорядиться насчет грога.)*

К у м е с *(встает, учтиво подходит к Струге)*. Разрешите, пан капитан… Я чрезвычайно рад, что мне представился счастливый случай познакомиться с вами, пан капитан.

С т р у г а *(едва глянув на Кумеса)*. Ладно, ладно. *(Микулашеку.)* Как у тебя с углем? Хватает? Лопасти в порядке? Котел в порядке?

М и к у л а ш е к. А что такое? Удивительное дело — цельный год никто ни о чем не спрашивал, и вдруг… в порядке ли котел! Да в порядке! Чего ему сделается? Котел — он котел и есть. Год назад мы его скребли. Ну да. И воды хватает. Всего хватает, будь спокоен.

Кумес вынимает блокнот и записывает их разговор.

С т р у г а. Когда, по-твоему, ты сможешь разве-

сти в топке огонь и подготовиться к отплытию? Все перебрал и смазал?

М и к у л а ш е к. Ничего я не перебрал! Ни в одном глазу. Да и остальное в полном порядке. Ты меня уж сколько лет знаешь! Коли я что сказал — так и будет. Или — не будет. Пристал, как репей! *(Со слезами в голосе.)* Из-за всякой чепухи… Ведь чепуха все это!

С т р у г а. Чепуха-то чепуха, да ты погляди. *(Достает бумагу.)* Эту идиотскую писанину я получил час назад. *(Подсаживается к Микулашеку, показывает ему письмо.)* Нет, ты взгляни, что накалякали. Скоты!

М и к у л а ш е к. У меня что-то с глазами… К чему мне читать всякую идиотскую писанину! *(Про себя.)* Раз, когда мы были на мосту… Этот мост обвалился… Что же вы, так и будете лежать?

С т р у г а *(перечитав бумагу, приходит в ярость)*. О черт, болваны! Немедленно, безотлагательно, с максимальной скоростью. *(Прерывает чтение.)* Гм…

К у м е с *(весь сияя, пользуется возможностью вмешаться в разговор)*. С максимальной скоростью доставить находящийся под вашим командованием пароход «Ланна-восемь» с карлинской пристани к торговой пристани экспортной ком-

пании «Ориент» в Братиславе.

С т р у г а *(встает)*. Вы это читали? Вы из транспортного агентства? *(Сплевывает.)* Так передайте этим господам, что я все сделаю. Сделаю, хоть и считаю полнейшим идиотизмом.

М и к у л а ш е к. Я же говорю — все чепуха. А в Кобылисах{27} мы въехали в колбасную лавку прямо на мотоцикле.

Р а м п а *(несет в стакане грог)*. Ну и грог я сварил, горит синим огнем, ха-ха!

К у м е с. Пан капитан, я репортер «Ежедневного факела» Кумес. Хотел бы знать, как вы переправите пароход «Ланна-восемь» из Праги в Братиславу. Кроме того, я должен вручить вам вот это письмо из редакции «Ежедневного факела».

С т р у г а *(Микулашеку)*. Читай!

М и к у л а ш е к. Не буду, это анонимка.

С т р у г а *(Кумесу)*. Тогда пускай сам милостивый пан соизволит прочесть.

К у м е с *(читает)*. «Капитану парохода «Ланна-восемь» пану Струге. Уважаемый пан капитан, направляем к вам нашего репортера пана Кумеса, которому поручено изучить деятельность транспортного агентства, в коем вы состоите

{27} Комментарии: 2.27
Кобылисы — предместье, ныне — район Праги.

на службе. А поскольку речь идет об интересах общества, просим вас взять пана Кумеса на борт парохода «Ланна-восемь» на период транспортировки оного в Братиславу. Позволяем себе также сообщить вам, что все расходы, связанные с транспортировкой пана Кумеса, редакция нашей газеты берет на себя. Пан Кумес обязуется ежедневно посылать нам сведения о ходе транспортировки. Просим также всякий раз скреплять его репортажи вашей подписью. С глубоким уважением. Редакционный совет «Ежедневного факела». P. S. Прилагаем чек в банк «Богемия».

М и к у л а ш е к. Вот, вот, у нас внизу живет дворничиха, так ее муж тоже из банка.

Р а м п а. В Братиславе такие девочки… поосторожней с ними!

С т р у г а *(Кумесу)*. Ничего не попишешь, едем. Вот только попрощаюсь с женой, и снимемся с якоря. Что делать! Микулашек, разводи в топке огонь, смажь машину. Ровно в шесть двадцать отчаливаем.

К у м е с. Разрешите маленький вопросик. Меня чрезвычайно интересует, как, собственно, вы собираетесь попасть на пароходе из Карлина в Братиславу?

С т р у г а. По Влтаве, пан репортер *(уточняет)*,

по Влтаве, дубина вы стоеросовая…

М и к у л а ш е к. Ясное дело, по Влтаве, ваша милость, пан дубина стоеросовая…

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

На карлинской пристани возле буксира «Ланна-8».

Пароходик стоит на якоре у набережной, с которой на палубу переброшена доска. К у м е с ходит по набережной, то есть перед пароходом, на переднем плане сцены.

М и к у л а ш е к *(высовывая голову из трюма)*. Охо-хо, попотеем мы до Братиславы. Так нашуровался в топке, что вся водка выпарилась. Словно с рождения пью одну содовую. Не могли бы вы, пан репортер, сбегать за водкой, раз уж вы изволите с нами ехать?

К у м е с. Дружище, быть кочегаром — весьма ответственное дело. Что, если вы захмелеете и случайно сядете на вентиль? Пар не сможет свободно выходить — взрыв, катастрофа!.. Обезображенные трупы!

М и к у л а ш е к. Ну и влипли бы мы в передрягу, пан репортер! Да только у нас такое корыто, что у него никакого вентиля нет. А потом — с чего

бы мне садиться на горячий котел? Этак можно и окорока припалить! Однако и жарища тут, надо бы еще подложить…

К у м е с *(смотрит на часы).* Скорей бы уж капитан пришел. А то опоздаем.

М и к у л а ш е к. Не беспокойся. Коли мы цельный год с этого места на метр не стронулись, какое значение имеет лишняя минутка?.. О, черт! *(Заглядывает в трюм.)* Опять погасло? Так и есть. Придется откачивать воду. Вечно она затекает куда не след, подступает к самой колосниковой решетке! Не найдется ли у вас случаем носового платка — заткнуть дыру? *(Скрывается в трюме.)*

К у м е с *(ходит взад — вперед).* О господи, ничего себе пароходик! Я представлял все совсем иначе. Нужно записать *(достает блокнот и пишет),* что я представлял все совсем иначе.

С т р у г а приближается вместе с ж е н о й. Несет большую книгу, в каждом кармане — по бутылке водки.

С т р у г о в а. Я же тебе говорила — надо взять теплое белье, а ты вместо белья захватил атлас Европы! Никак в толк не возьму, куда ты отправляешься?

С т р у г а. Сам не ведаю. Сказали — плыви в

Братиславу, я и плыву. Будто ты меня не знаешь! Когда я прошлый раз ходил в Мельник, ты тоже болтала невесть что, а видишь: вернулся целехонек. *(Он навеселе.)* И даже трезвый. Обо мне не беспокойся, у меня на борту репортеры, порядочные люди, они вообще ничего не пьют.

С т р у г о в а. Молчи уж, врешь ты все. Я женщина слабая, нежная, а ты непременно где-нибудь налижешься. Ой, схлопочешь ты у меня, бесстыжая твоя рожа, руки-ноги переломаю.

С т р у г а. Да ведь я в рот ничего не беру!

С т р у г о в а. Молчи! Знаю я тебя. Пятнадцать лет назад отправился в Мельник, а воротился в таком виде, что собственная сука покойница тебя не признала. Хоть теперь-то постыдись! У тебя дети, жена. Или, может, я для тебя просто уличная девка?!

С т р у г а. Осторожнее на поворотах! Про меня говори что хошь, но жену не оскорбляй!

С т р у г о в а. Надо же, вспомнил через год, что отплывает в Братиславу! Так я тебе и поверила! Забавляться в Сельце с девками — это ты умеешь, это по тебе!

К у м е с. Милостивая пани, я слышал кое-какие ваши замечания и беру на себя смелость заверить вас, что речь идет о знаменательнейшем

событии. Целую ручку, милостивая пани. *(Целует ей руку.)*

М и к у л а ш е к *(появляясь из трюма)*. Едем аль нет?

С т р у г а. Едем! Погоди минутку, я попрощаюсь.

М и к у л а ш е к скрывается. Кумес переходит на палубу.

М и к у л а ш е к *(снова высовываясь)*. И так на полчаса опаздываем. Подкинуть уголька?

С т р у г а. Подкинь!

М и к у л а ш е к. У меня топка погасла, нет ли у тебя спичек?

С т р у г а *(прощается с женой)*. До скорого свидания, Мари, на днях увидимся. От Праги до Братиславы — рукой подать. *(Целует ее.)* Послушай, не забудь про одну вещь. Сама знаешь — какую!

С т р у г о в а *(плачет)*. Не знаю я, не знаю. А ты-то знаешь?

С т р у г а. И я не знаю.

М и к у л а ш е к. Прощайте. *(Поет.)* «Прощай, страна прекрасная, отчизна дорогая...».

С т р у г а *(ступив на палубу, кричит вниз)*. Не дери глотку, Микулашек, не видишь — я проща-

юсь с женой?

К у м е с *(кричит)*. Целую ручку, милостивая пани, извините, ради бога!

С т р у г о в а. О господи… ах вы, бездельники, ах шалопаи…

С т р у г а и М и к у л а ш е к *(поют)*. «Эй, на палубе, матросы, вы натягивайте тросы…».

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На пароходе «Ланна-8».

М и к у л а ш е к *(сидит возле трубы; пьет из бутылки)*. Без весла не суйся в море.

К у м е с пишет. С т р у г а листает атлас.

К у м е с *(диктует самому себе телеграмму)*. Редакция «Ежедневного факела». Репортаж номер один. Транспортировка парохода «Ланна-восемь» из Карлина в Братиславу. Ровно в семь часов в соответствии с разработанным капитаном Стругой планом мы подняли якоря и вышли на речной простор. Толпы провожающих разразились криками восторга, слышалось пение государственного гимна. Команда парохода настроена бодро. Из лиц, особо проявивших себя в момент отплытия, помимо капитана

Струги в первую очередь, необходимо назвать еще и кочегара Микулашека, который благодаря своей бодрости и предусмотрительности преодолевает все невзгоды плавания. Пароход «Ланна-восемь» принадлежит к старейшему типу судов и представляет собой точное подобие парохода Ресселя{28}, модель коего вы можете увидеть в городском музее. Погода стоит превосходная: полное безветрие, волны умеренные, небо безоблачное. Магнитная стрелка предсказывает близкую грозу. Наш репортер Кумес, nervus rerum[54] всей экспедиции, свеж и полон энергии. В следующей корреспонденции мы сообщим дальнейшие сенсационные подробности о транспортировке. Наши ближайшие стоянки… *(Струге.)* Пан капитан, будьте добры, скажите, где предполагается ближайшая остановка?

С т р у г а. Вот я как раз и ищу ее в атласе. *(Яростно листает страницы.)* О господи, где в этом атласе карты?

М и к у л а ш е к. Куда мы плывем? Куда плы-

{28} Комментарии: 2.28

Рессель Йозеф (1793—1857) — чешский изобретатель. В 1827 г. получил патент на сконструированный им пароходный винт.

[54] Примечания: 1.54

Нерв вещей, движущая сила *(лат.)*.

вем! Вниз по Влтаве. К Трое![29]

К у м е с. Благодарю вас. *(Пишет.)* Наша ближайшая остановка — древний порт Троя. Сколько исторических воспоминаний! Парис и Елена! Вдали уже виднеется очаровательный замок в старом готическом стиле, по склонам зеленеют виноградники, и леса шумят на скалах… все цветет передо мной — не земля, а рай земной… С искренним уважением Кумес. *(Подает Микулашеку исписанный лист.)* Эту срочную телеграмму, пан Микулашек, необходимо отправить с ближайшей почты. Вот вам пятьдесят крон.

М и к у л а ш е к. Не люблю выполнять поручения посторонних. Но вы уже не посторонний, вы теперь наш человек, так и быть — отправлю.

К у м е с. Простите, пан Микулашек, но… могу я на вас положиться?

М и к у л а ш е к. Если я чего сказал — как отрезано. Уж будьте покойны. Я человек надежный! Не волнуйтесь, дойдет ваша телеграмма. Вот и я… уже дошел. *(Смотрит в пустую бутылку.)* Черт, видите — опять в бутылке пусто.

С т р у г а. Странный какой-то атлас. Все слова да слова… сплошная болтовня — и ни единой

{29} Комментарии: 2.29

Троя — предместье, ныне — отдаленный район Праги.

карты! И на кой ляд они тиснули здесь Кирилла с Мефодием? О господи! Да ведь тут еще святая Людмила и святой Лаврентий! Беднягу поджаривают на масле… Что это за атлас, я вас спрашиваю? Я же трезв как стеклышко… А тут святой Катержине рвут зубы…

М и к у л а ш е к *(толкает Кумеса в бок)*. Гляньте-ка, его уже разобрало. Когда у меня была белая горячка, я заместо святых видел одних полицейских, цензоров да жандармов… еще мышей и министров…

К у м е с *(записывает в блокнот)*. Запишу, великолепная тема: сумасшедший на борту. *(Струге.)* Пан капитан, позвольте на минутку заглянуть в ваш атлас.

С т р у г а *(подает ему книгу)*. Вы тут тоже ничего не найдете…

К у м е с *(переворачивает титульный лист, рассматривает корешок)*. Пан капитан, когда наши эмигранты отправлялись в чужие края, они брали с собой Кралицкую Библию{30}… Вот и вы, пан капитан, по примеру наших предков

{30} Комментарии: 2.30

Кралицкая Библия — чешский перевод Ветхого и Нового заветов, изданный в 1579—1594 гг. Общиной чешских братьев в местечке Кралице (Моравия) и ставший в годы национального возрождения эталоном чешского литературного языка.

вместо атласа взяли «Жития святых»!

М и к у л а ш е к *(берет из его рук книгу, открывает на середине, пьяным голосом читает).* «И возговорил святой Феодосий, будучи посажен жестокими язычниками на кол: «Я счастлив, о мой Спаситель!»

КАРТИНА ПЯТАЯ

В шлюзе.

С т р у г а, М и к у л а ш е к и К у м е с сидят рядом и курят трубки. Короткая пауза. Меланхолически озирают окрестности и сплевывают на все четыре стороны — кто харкнет дальше.

С т р у г а *(смотрит на часы. Прерывает молчание).* Через восемь минут будет ровно сорок восемь часов, как мы загораем в этом шлюзе.

Остальные вздыхают и яростно плюют.

М и к у л а ш е к. Не верю я ни в какие шлюзы. На кой они? Зря только время теряем…

Остальные плюют.

К у м е с *(смотрит на часы).* Пан капитан, ваши отстают. Вы сказали — через восемь минут будет сорок восемь часов, а на самом деле мы торчим

в этом шлюзе полных сорок восемь часов да еще пятнадцать минут в придачу.

Появляется В а н е к, нагруженный бутылками и едой.

В а н е к *(Струге)*. Во всех Либшице коньяку не нашлось. Я сходил в Клецаны, но и там нету… Так я принес вам рому из Малых Клецанок… И еще смотритель шлюзов велел вам кланяться и передать: мол, похоже, сегодня вы не поедете. Этот охламон механик еще не вернулся с храмового праздника в Кралупах. Больше недели там околачивается. *(Перейдя по трапу на пароход.)* Из тех денег, что вы мне дали, я оплатил вашу стоянку в шлюзе, так что сдачи нету… Пан смотритель взял с вас, как с грузового транспорта, и велел спросить, не будете ли вы любезны оставить запись в книге посетителей. *(Подает книгу.)*

М и к у л а ш е к. Можете сказать пану смотрителю, что мы вполне довольны… Ни в чем не нуждаемся — ни в питье… ни в пище… *(Испуганно.)* Господи Иисусе Христе… как бы мое жаркое по-цыгански не пригорело! Я готовлю его из того пса, что ночью притащился к нам на палубу. Пропекается в пепле под котлом. Жирный был, собака! *(Спускается вниз.)*

С т р у г а. Послушайте, пан репортер, напишите что-нибудь в ихнюю книжку, смотрителю на память. Стишок, что ль, какой. Не люблю я сочинять этакие штучки. *(Подает Кумесу книжку.)*

К у м е с *(рифмует)*. Гм… простой — густой! Сон — вон! День… надень…

Г о л о с М и к у л а ш е к а *(он дико вопит снизу)*. Пригорел! Все сало вытекло в пепел!

К у м е с. Гм, гм… Сочинить стишок на случай… Это для меня раз плюнуть! *(Пишет.)*

Стоим мы в шлюзе
третий день.
Справа Клецаны,
слева Либшице.
С сердечным приветом команда парохода «Ланна-восемь».

С т р у г а. Это ж надо — как складно получилось. Каков стишок, любо-дорого послушать!

В а н е к. Мне бы тут у вас тоже понравилось. Только, пожалуй, малость однообразно — все берега да берега… Ваше счастье, что вниз по реке больше ни единого шлюза…

М и к у л а ш е к *(вылезает; отирает губы)*. Я всегда говорю: самое лучшее у собаки — почки. Все остальное подгорело. И не потому, что пепел

слишком горячий. Виновата бумага, которой я обернул мясо. Видать, «Жития святых» на это не гожи. Куда лучше газета. Словно какой голос мне шептал: эй, не заворачивай пса в подмоченного святого Августина, он тебе всю музыку испортит! *(Шлюзовщику.)* Раз я готовил жаркое из кошки в «Народних листах»{31}, в юмористическом приложении… ну, скажу я вам — знатно, пальчики оближешь! Так и таяло во рту. *(Передает ему бутылку.)* Выпейте!

В а н е к. Боюсь, не получилось бы как вчера… пришел я от вас только к полуночи, чертова старуха в дом пускать не хотела. *(Пьет.)* А шуму-то было, шуму! Мол, спал бы на воротах шлюза, раз торчишь там, как привязанный! *(Снова пьет.)* Дня, мол, не проходит, чтобы не накачался! Будто во Влтаве не вода, а сплошной ром! Сами знаете, служба тут не сахар. Кабы дело, а то… вроде мальчишек, что строят запруды… *(Пьет.)*

С т р у г а. Ваша правда. Мне эти новые достижения техники не импонируют. Мне наплевать, что выдумывает какой-то там инженер! Вот я

{31} Комментарии: 2.31

«Народни листы» — газета (1861—1941); орган младочехов, затем — народно-демократической партии. С 1935 гг. — фашистского Национального единства, с 1939-го — коллаборационистского Национального содружества.

читал о Панамском канале — ну и скандал! Панама — она и есть панама! Что ж, прикажете и это у нас заводить? *(Пьет.)*

Кумес пишет. Остальные курят и пьют.

К у м е с *(сам себе диктует и пишет)*. Редакция «Ежедневного факела». Репортаж номер два. Транспортировка парохода «Ланна-восемь» из Карлина в Братиславу. Как мы уже сообщали нашим читателям в предыдущем репортаже, первая остановка была в Трое, откуда мы продолжали свой путь, строго придерживаясь русла реки, с обеих сторон окаймленного берегами и восторженными толпами местных жителей, которые с необычайной симпатией следили за нашим плаванием, пока мы не скрывались за горизонтом. На борту все в полном здравии. Неподалеку от Кралуп мы попали в карантин… *(пауза)* где находимся вот уже сорок восемь часов. Все полны надежд на продолжение транспортировки парохода «Ланна-восемь» в Братиславу. Наш корреспондент Кумес по-прежнему nervus rerum экспедиции, он необыкновенно бодр и свеж. Капитан Струга…

С т р у г а. Только, пан репортер, покорнейше вас прошу, ничего компрометирующего или ще-

котливого про меня не пишите. Понимаете, вдруг прочтут в трактире «У золотого корабля», жена случайно узнает — расхлебывай потом!

К у м е с. Не беспокойтесь, пан капитан. Наоборот! Послушайте, как я кончаю свой репортаж. *(Пишет.)* Капитан Струга в продолжение всего пути проявляет исключительную выдержку, искусно ведет судно, и притом он чрезвычайно компанейский человек.

С т р у г а. Про компанейского человека, пожалуйста, вычеркните… Какой еще компанейский человек!.. Жена подумает, будто я не просыхаю от пьянства.

К у м е с. Как угодно. Вычеркнуть так вычеркнуть. *(Пишет.)* Напишем: и притом он чрезвычайно милый собеседник. С искренним уважением…

М и к у л а ш е к *(вскакивает; испуганно показывает вперед)*. Господи, да ведь мы плывем… ей-ей… кто-то открыл шлюз! Вы только гляньте, как нас несет!

В а н е к *(хочет соскочить на берег)*. Прощайте… Счастливого плавания!

С т р у г а *(хватает его за фалду, удерживает)*. Куда? Постой! Не выпрыгивать!.. За пассажиров отвечаю я! Прочтите, что написано на этой табличке: «Впрыгивать и выпрыгивать во время

движения парохода строго запрещается».

В а н е к. Господи Иисусе Христе… да ить я должен закрыть шлюз, когда вы проплывете… не то вся Влтава вытечет!

С т р у г а. Прекратить бунт на корабле, если не хотите висеть на рее! Пока не пристанем к берегу, поедете с нами! Микулашек, а ну подкинь-ка еще уголька, наверстаем время, потерянное в шлюзе!

М и к у л а ш е к *(лезет вниз; слышно, как он подкидывает в топку уголь; кричит наверх).* Еще лопату — и котел лопнет!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Мельник.
Пароход «Ланна-8» у причала. Вечер.

С т р у г а *(кричит Микулашеку, который спускает якорь).* Осторожней с цепью! Сколько раз тебе напоминать! Опять сорвешь!

М и к у л а ш е к. Зажечь на носу свет, чтобы кто не напоролся?

С т р у г а. Зажги зеленый фонарь. *(Ванеку, удрученно сидящему на корме.)* Так. А теперь можете отправляться восвояси. Да побрейтесь. За те несколько дней, что вы пробыли тут, у вас отросла порядочная борода.

К у м е с. Нижайший поклон милостивой пани супруге.

М и к у л а ш е к. Поди, совсем истосковалась. Наверняка думает: назюзюкался и свалился в реку.

К у м е с *(подает Ванеку сигарету)*. Прикурите на дорожку!

В а н е к *(не берет)*. Разве это теперь поможет? Несчастный я человек... *(Выходит на берег.)* Найду ли еще дорогу домой? Прощайте. Ох и наделали вы мне дел! *(Понуро, враскачку, как матрос, уходит.)*

М и к у л а ш е к. Хороший был человек. Терпеливый... раз только, позапрошлой ночью, вижу — плачет...

К у м е с. Для репортажа надо бы, пан капитан, выяснить, где мы находимся.

С т р у г а. Не вы один такой умник. Меня это тоже интересует.

М и к у л а ш е к *(приложив руки ко рту, кричит на берег)*. Алло! Есть тут кто? Алло! Патруль! *(Видит идущую из Мельника женщину.)* Эй, девушка, как называется это место?

Ж е н щ и н а и з М е л ь н и к а *(старуха; в руке — молитвенник и четки)*. Ты что, посмеяться надо мною вздумал, сопляк ты эдакий? Какая я

тебе девушка? Ить мне осьмой десяток! С вечерни иду… из храма… во-он оттудова, из Кокоржина. И какие-то бродяги бездомные, прощелыги, голодранцы будут меня задерживать! Где, мол, мы? Да где ж еще, как не у Мельника!

С т р у г а. Не сердитесь, бабуся. Я тут, правда, был разок, лет этак десять назад. Место показалось знакомое, да понимаете…

К у м е с. Позвольте мне вопросик, матушка. Как вы узнали, что это Мельник?

Ж е н щ и н а и з М е л ь н и к а. Да я тут родилась, сынушко мой непутевый.

К у м е с. Это необходимо записать. Позвольте еще вопросик… Мельник — это остров? Ибо я вижу там какой-то рукав, который похож на реку.

Ж е н щ и н а и з М е л ь н и к а. Так то ж Лаба, ах ты, телок-сосунок!

С т р у г а *(сплюнув)*. Лаба! Какая еще Лаба! Влтава это! Опять переименовали, супостаты!

К у м е с. Так, значит, это правда… Недавно я прочел в «Журнале чехословацких туристов», что возле Мельника Лаба впадает во Влтаву. С первой же оказией дам телеграмму в редакцию.

Ж е н щ и н а и з М е л ь н и к а. Еще что хоть спытать, бестолковая твоя головушка?

М и к у л а ш е к. Все ясно, золотце.

С т р у г а. Не знаете, бабуся, — раз уж мы так славно разговорились — далеко ли отсюда до Братиславы?

Ж е н щ и н а и з М е л ь н и к а. Да рукой подать. Коли взять тропкой через лесок — так меньше часу пути. Ну, с богом, мне пора… Ох, дурачье, дурачье! Верно говорят: от черта крестом, от медведя пестом, а от дурака ничем. *(Крестится.)* Господи, спаси и помилуй. *(Уходит.)*

К у м е с. Простые деревенские люди — истинный кладезь народных пословиц и поговорок. Нужно записать. *(Пишет у фонаря.)* Сынушко мой непутевый, телок-сосунок, бестолковая твоя головушка…

Несколько камней залетает на пароход.

М и к у л а ш е к. Это бабуся швыряет! *(Кричит.)* А вот как я сейчас сойду на берег, старая ведьма!

С т р у г а *(Микулашеку)*. Сбрось камни за борт, чтобы судно не накренилось.

Быстро темнеет.

К у м е с. В этих широтах солнце заходит удивительно быстро. Не вижу, что пишу, опять новый репортаж запоздает! Все впечатления забудутся. Прошу вас, пан капитан, напомните мне утром…

что в этих широтах солнце заходит удивительно быстро.

С т р у г а *(Микулашеку)*. Напомни ему, Микулашек. Я до утра тоже забуду.

М и к у л а ш е к. Ладно… завяжу узелок на память. *(Кумесу.)* Прошу вас, одолжите мне носовой платок…

К у м е с. Если оглядеться, господа, мы увидим перед собой всю красу неведомых земель, в центре коих мы сейчас находимся. Мысль невольно устремляется к творцу всего сущего, а потому я предлагаю — давайте споем: «Весна настанет скоро…»

Все поют.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Дечин.

Пароход «Ланна-8» стоит на якоре у причала. Указатель: зачеркнуто — «На Дечин», сверху — «Nach Tetschen»[55]*.*

М и к у л а ш е к лежит на спине, храпит.

С т р у г а и К у м е с *(оба на коленях, пытаются привести его в чувство с помощью искусствен-*

---

[55] Примечания: 1.55
На Дечин *(нем.)*.

ного дыхания; временами прерывают работу, утирают пот). Раз-два, взяли! Еще — взяли! *(Приговаривают в такт движениям.)*

С т р у г а. Вот беда! Экий невезучий. Три дня назад послали в Дечин с телеграммами, а его приносят в этаком виде! Да еще недовольны, что волокли через весь город… из «Чешского клуба»…

К у м е с. Из чего следует, что здесь чешское меньшинство в силе! Предлагаю возобновить воскрешение.

С т р у г а. А я думаю — надо передохнуть. Ведь он дышит. Зря только возимся — поглядите, как он храпит! Неправильно нам посоветовали. Искусственное дыхание делают…

К у м е с. …утопленникам.

С т р у г а. Вот именно, пан репортер. Раз как-то вытащили из Влтавы одного прилично одетого господина, нос и глаза ему успели сожрать раки и рыбы. Кликнули полицейского врача, тот сразу приказал делать искусственное дыхание. Бедняге оторвали обе руки, совсем уж истлел… *(Смотрит на Микулашека.)* Храпит — точно дрова пилит!

К у м е с. Думаю, стоит перевернуть его на живот!

Переворачивают Микулашека на живот.

Микулашек пускает ветры — сильно, с различными модуляциями.

С т р у г а. Слава богу… Возвращается к жизни!

К у м е с. Я считаю, стоит перевернуть еще разок…

С т р у г а. Перевернем.

Общими усилиями переворачивают Микулашека.

Слышь, Микулашек, это мы!

Микулашек открывает глаза.

Узнаешь нас? Что с тобою сталось, дружище? Ведь ты на чужбине. Помни это!

М и к у л а ш е к *(слабым голосом)*. Пить!

К у м е с. Чего вам дать попить, пан Микулашек?

М и к у л а ш е к. Не в… в… валяй… те… ду… дурака… ва… ша… милость… *(Снова засыпает.)*

С т р у г а. Ничего не попишешь, придется снова делать искусственное дыхание.

М и к у л а ш е к *(садится)*. Где я?

С т р у г а. Все еще в Дечине… Как мы могли без тебя уехать, когда ты три дня пропадал?

К у м е с. Не волнуйтесь, пан Микулашек. Ведь такого славного, такого добросовестного кочегара

нам все равно не найти.

М и к у л а ш е к. Вот и я… все три дня… только и думал… как бы топка не погасла… *(Плачет.)* Коли уж я такой разнесчастный… Всю-то жизнь одни напасти… За что ни возьмусь — все прахом… Дайте хоть глоток рому…

С т р у г а. Выпей, Микулашек, выпей! Выпей, друг!.. У каждого человека своя планида!

К у м е с. Вот и я недавно читал в «Народни политике»{32}, профессор Станислав Николаи{33} пишет, что все турки — фаталисты.

М и к у л а ш е к *(икает).* Не извольте нести чепуху, пан репортер. Знали бы вы, мои милые, сколько я всего натерпелся… так не стали бы надо мной смеяться! *(Пытается петь.)* «Все меня, беднягу, разлюбили, и друзья-приятели забыли…»

С т р у г а. Заткнись… Мы тебя уважаем. Мы ж тут, на чужой стороне, земляки!

М и к у л а ш е к. Ну да… а принесли меня посторонние люди… если бы хоть вы… но позволить, чтобы меня несли посторонние…

{32} Комментарии: 2.32

«Народни политика» — консервативная (формально — беспартийная) буржуазная газета (1883—1945).

{33} Комментарии: 2.33

…профессор Станислав Николаи… (1878—?) — чешский географ и публицист, один из лидеров реакционной национально-демократической партии.

С т р у г а. Не реви! Где нам было тебя искать?

М и к у л а ш е к. Где искать?! А не вы ли сами три или четыре дня назад послали меня отправить телеграммы и репортажи в газету?

К у м е с. От души вас благодарю, пан Микулашек. С телеграммами все в порядке?

М и к у л а ш е к. Черта с два — «в порядке»! На почте мне сказали, что Прага не принимает телеграмм из Дечина по-чешски. Ладно, думаю… ворочаться на судно — только зря время терять. Быстрее, думаю, сварганить это дело в городе. Найду «Чешский клуб» — ведь я же чех! — попрошу кого-нибудь из земляков перевести на немецкий, да и отнесу на почту. Искал я этот «Чешский клуб» три дня… Спрашиваю в одном трактире — говорят, не у нас… иду в другой, в третий — никто не знает. И вот на четвертый день… как по заказу… вхожу — одни чешские газеты… и в самом деле… «Чешский клуб»… Заказал четвертинку… не успел допить, а уж меня несут… по обратному адресу, указанному в телеграммах, — на пароход «Ланна-восемь»…

К у м е с. Придется нам, Микулашек, послать телеграммы со следующей стоянки. Это были воистину содержательные репортажи, их необходимо отправить как можно скорее, материал

первостепенной важности.

С т р у г а. Хорошо, что ты вернулся, Микулашек. Мы уж тут за тебя беспокоились.

М и к у л а ш е к. И я все время вас вспоминал. Вот и угольку припас. *(Выворачивает карманы.)* Из разных трактиров!

Г а н с *(приближается)*. Jawohl — wir kennen unsere Österreicher. Wo gan se her?[56]

М и к у л а ш е к *(подбирает уголь, лезет вниз)*. Надо развести огонь...

К у м е с. Entschuldigens... meine Name Kumes, Redakteur und Mitarbeiter, Journalist von die Zeitung alltäglicher Rundschau von meisten Abonnenten in Prag und Ausland in Tschechoslowakische Republik — Täglicher Fakel! Fakel! Jawohl! Also das ist gut. Wir machen alle zusammen großes Reis, um zu diesen Schief Lanna acht nach Bratislau zu expedieren. Ich muß laut der Befehls alles zu beschreiben, was uns passiert, ist, geworden wird! Verstehen Sie, bitte?[57]

---

[56] Примечания: 1.56

Да — мы знаем своих австрийцев. Откуда вы? *(Искаж. нем.)*.

[57] Примечания: 1.57

Простите... меня зовут Кумес, редактор и сотрудник, журналист из газеты, ежедневного обозрения для множества подписчиков в Праге и за пределами Чехословацкой республики — «Ежедневный факел»! Факел! Да! Итак, все в порядке. Мы совместно совершаем большой рейс, чтобы транспортировать это судно, «Ланна-восемь», в Братиславу. Согласно приказу, я должен описывать, что с нами происходит, произошло и будет происходить. Вам понятно? *(Искаж. нем.)*.

Ганс. Es ist šo a gut. Mit solchen Trotteln kaun ich doch nicht reden! Fahren sie weiter! Unser sächsisches Zollamt kann doch das Stroh im Ihre Kopf ništ tassieren. Da hamse Ihre Freikarte![58] *(Дает им бумажку и уходит.)*

К у м е с *(гордо)*. Никогда бы в жизни не подумал, что мне придется разговаривать по-немецки!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Гамбург.

«Ланна-8» на якоре. С т р у г а, М и к у л а ш е к, К у м е с, грязные, черные от угля, заросшие, ибо не брились уже три месяца. Лопатой и метлами сгребают уголь вниз, в трюм. Настроение у них угнетенное, порой прорывается сильное раздражение.

С т р у г а *(швыряет метлу за борт)*. Чихал я на них!

М и к у л а ш е к. Я тоже.

К у м е с *(после паузы)*. Однако...

---

[58] Примечания: 1.58

Это хорошо. С такими дураками невозможно говорить. Следуйте дальше! Однако наша саксонская таможня не может перебрать всю солому в ваших головах. Вот ваш пропуск! *(Искаж. нем., попытка передать саксон. наречие.).*

С т р у г а *(злобно)*. Надо написать в газеты! Как они обходятся с нами в этом треклятом Гамбурге, в этом матросском притоне… Тоже мне — Гамбург! Куда этому Гамбургу со всеми его потрохами до нашей чистенькой карлинской пристани!.. У нас все вылизано как стеклышко. Закажешь уголь для парохода — привезут тебе фуру и в корзинах снесут прямо в котельную, палуба — что паркет в танцзале! Ни тебе сажи, ни уголька… Чистота — порядок! А эти гамбургские лоботрясы напридумывали каких-то экскаваторов с четырехэтажный домино, угля — цельные горы… Раскроет этакий свою дьявольскую пасть — ну, дракон и только! Хапнет зараз центнеров триста, обернется к тебе задницей, да так быстро, что и до трех сосчитать не успеешь. Глядь — уже валится на тебя с пятидесятиметровой высоты столько угля, что наш пароход чуть ко дну не пошел! Счастье еще, что мы быстро отдали швартовые.

М и к у л а ш е к. Всюду хорошо, а дома лучше! Со мной-то вчера что случилось! Пьян не был, ни в одном глазу, как говорится… Вылезаю на набережную — подходят два господина: документы, мол. Вы что, говорю, мерзавцы, вы что, негодяи, мне — и документы? Хвать их за грудки да в канал. Вот была потеха, как стали они оттуда

выкарабкиваться по лесенке!

К у м е с. Вы правы, господа, порядки тут странные. Не скоро мы с вами к ним привыкнем. Вы, наверное, помните, пан капитан, две недели назад я направил в здешнее консульство телеграмму, что мы прибудем четырнадцатого. И что же? Прибыли мы тринадцатого, сейчас уже шестнадцатое, а приветствовать нас от имени правительства так никто и не явился. Что прикажете телеграфировать в газету? Я получил из редакции ясное указание — оповестить о прибытии консульство. Что подумает обо мне редакционный совет? Нам послали уже десять чеков! Мы все проели, а в результате — о чем писать? Что на немецких картах, которые мы купили, нет никакой Братиславы? Куда мы, собственно говоря, направляемся?

М и к у л а ш е к. В Братиславу.

С т р у г а. Ну и видок у нас!.. Теперь умыться, надеть чистые воротнички и манишки! Раз уж мы за границей, надо держать марку. У нас на Манинах{34} такими чушками не ходят даже бродячие ремесленники.

Ч и н о в н и к к о н с у л ь с т в а Р а ц у х а *(по-*

{34} Комментарии: 2.34
Манины — прежде — пустырь на окраине Праги.

является на набережной). Мое почтение, земляки. Простите за беспокойство. Услыхал чешскую речь, которая меня чрезвычайно порадовала, ибо я полагаю, у вас наверняка есть сведения о чехословацком пароходе «Ланна-восемь», который на этих днях должен был прибыть в Гамбург. По получении телеграммы консул немедленно откомандировал меня на розыски этого корабля, просил, чтобы я от его имени и от всей республики поздравил команду с прибытием и передал ей сердечный привет с родины. Четыре дня таскаю за собой оркестр… он ждет меня в отеле «Штраусенхоф»!

С т р у г а *(Микулашеку)*. Подыми флаг!

Микулашек укрепляет на трубе тряпку с подписью: «Ланна-8». Ура!»

Р а ц у х а *(дрожа от волнения, показывает на флаг)*. Так, значит, вы… вы и есть «Ланна-восемь»?

Все салютуют.

М и к у л а ш е к. К вашим услугам!

Р а ц у х а. Земляки! Приветствую вас от имени Чехословацкой республики… *(Заглядывает в бумажку. Про себя.)* Черт возьми, за четы-

ре дня, пока я таскал эту речь в кармане, все расплылось... *(К собравшимся.)* ...от имени Чехословацкой республики в главном торговом порту свободного города Гамбурга! Ура! Ура!

В с е. Ура!

Р а ц у х а. Уважаемые господа! О, если бы сбылись слова нашего великого Яна Амоса Коменского{35} о том, что и чехи будут когда-нибудь иметь большой флот! *(Про себя.)* Господи, а вдруг кто это застенографирует! *(Остальным.)* Вы, как и он, отправились за границу, чтобы повсюду прославлять свой народ...

М и к у л а ш е к. Ура!

Р а ц у х а. Подобно гуситам, нежданно-негаданно объявившимся на берегах Балтийского моря, вы появились в гамбургском порту. Ваше знамя гордо реет над Гамбургом — и... не могу кончить иначе, нежели цитатой из нашего незабвенного

{35} Комментарии: 2.35

Коменский Ян Амос (1592—1670) — великий чешский ученый, писатель, один из ведущих представителей Общины чешских братьев. Мировую известность получила разработанная Коменским демократическая система школьного образования. Перу Коменского принадлежит сатирическая аллегория «Лабиринт света и рай сердца» (самое значительное произведение чешской литературы XVII в.) и другие сочинения.

Гавличка{36}: «Да здравствует чехословацкий военный флот! Ура!»

В с е *(орут)*. Ура!

Р а ц у х а *(поднимается на палубу)*. А теперь, господа, позвольте пригласить вас на вечер в кабаре «Blaue Spinne».

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Кабаре «Blaue Spinne» в гамбургском квартале Репербан{37}. Маленький зал матросского кабачка. Возле фисгармонии сидит капельмейстер — в темных очках, лысый, с обвисшими седыми усами. На голой голове — черный парик, поверх седых усов налеплены черные. Изображает цыгана. Нос красный от беспробудного пьянства. Жует табак. Начинает играть на фисгармонии хорал, заканчивает песенкой «Hoch soll er leben!»[59].

Ф р и т ц и и Й о г а н н а, в нарядах шансонеток, играют в карты. О ф и ц и а н т спит.

{36} Комментарии: 2.36

Гавличек-Боровский Карел (1821—1856) — классик чешской литературы, поэт-сатирик, журналист, общественный деятель, разоблачавший абсолютизм и церковь.

{37} Комментарии: 2.37

Репербан — улица в Гамбурге, изобилующая увеселительными заведениями.

[59] Примечания: 1.59

«Пусть он долго живет!» *(Нем.)*

Р а ц у х а *(входит)*. Прошу вас, земляки, не стесняйтесь, заходите! Тут я как дома. Тут такой уют! Обычно у них никого не бывает, самый лучший грог и английский джин.

Й о г а н н а *(кричит капельмейстеру)*. Unser Pépischek kommt! Geh, Šandor, und spiel was…[60]

Ф р и т ц и *(кричит и вешается на Рацуху)*. Mein Pupschen, mein Pépischek… gib mein Džin![61]

Р а ц у х а. Nein, meine Damen, heute werden wir eine Flasche Champagner trinken![62]

Й о г а н н а и Ф р и т ц и *(кричат)*. Šampáner, Jessus Šampáner![63]

Й о г а н н а *(будит официанта)*. Du Áß, Du… er schläft hier wie a Schweinkerli. Auf! Auf! A Šampánerkíbli![64]

О ф и ц и а н т *(встает, сонным голосом)*. Und

---

[60] Примечания: 1.60
Наш Пепишек пришел. Иди, Шандор, сыграй что-нибудь (нем.).

[61] Примечания: 1.61
Моя куколка, мой Пепишек, дай мне джин! *(Нем.)*

[62] Примечания: 1.62
Нет, мои дамы, сегодня мы разопьем бутылку шампанского! *(Нем.)*

[63] Примечания: 1.63
Шампанское, боже, шампанское! *(Нем.)*

[64] Примечания: 1.64
Ты, падаль, ты… Он спит тут как свинья. Вставай! Вставай! И ведерко с шампанским! *(Искаж. нем.)*

Sifon auch?[65]

Струга, Микулашек и Кумес в продолжение сцены входят, с любопытством озираются.

Кумес. Ja, ja, Herr Kellner, mir nur die Sodawasser bringen Sie![66]

Микулашек. Мне бы лучше рому.

Струга. И грогу!

Рацуха. Да, да, друзья мои, будет и ром и грог. Но первым делом — шампанское. Все — на государственный счет.

Йоганна *(хватает Микулашека)*. Ja, Rum… Rum… Du… Schweinbibli…[67]

Фритци *(хватает Стругу)*. Ja, Grog… Grog… Gib mir a Cigaretl…[68]

Официант уходит.

Струга *(Рацухе)*. Пан консул, я этого не люб-

---

[65] Примечания: 1.65
И сифон тоже? *(Нем.)*

[66] Примечания: 1.66
Да, да, господин официант, мне принесите только содовую! *(Искаж. нем.)*.

[67] Примечания: 1.67
Да, ром, ром, ты поросенок *(искаж. нем.)*.

[68] Примечания: 1.68
Да, грог, грог… Дай мне сигаретку *(искаж. нем.)*.

лю… понимаете… я человек женатый, потом еще привезешь домой какую-нибудь пакость…

Р а ц у х а *(не слишком к нему прислушивается, тащит Йоганну)*. Но… земляки, все это входит в программу!

М и к у л а ш е к. Пей-гуляй, жизнь коротка, а напьешься — домой не вернешься. *(Щиплет Йоганну, севшую на колени к Рацухе.)* Как дела, перепелочка?

К у м е с. Удивительное приключение!.. Из этого мог бы получиться великолепный фельетон — «В самом большом гамбургском кабаре «Blaue Spinne».

Р а ц у х а *(Йоганне, показывая на капельмейстера)*. Wo ist der alte Kapellmeister Fritz?[69]

Й о г а н н а. Alle Noten und Klavier hat er uns heute früh verkauft und ist wahrscheinlich nach Bremen durchgebrannt. So mußte unsere Gnädige einen neuen Kapellmeister engagieren. Das ist a Zigeuner, Geigenkönig Šandor aus Agram. Leider hat er heute keine Geige und kein Klavier. So mußte unsere Gnädige a Harmonium mieten. *(Шепчет ему на ухо.)* Man sagte — er sei grade aus dem Zuchthaus

---

[69] Примечания: 1.69
Где старый капельмейстер Фриц? *(Нем.)*

heute auf freien Fuss gesetzt[70].

Капельмейстер бросает вокруг огненные взоры.

(Подходит к нему, гладит его парик.) Also, Šandor, spiel uns a Zigeunerlied[71].

К а п е л ь м е й с т е р. Bitte[72]. *(Играет «Кружитесь, фраеры».)*

О ф и ц и а н т приносит бокалы с вином и грогом и бутылку рома.

М и к у л а ш е к *(встает, выкрикивает).* Да ведь он играет «Кружитесь, фраеры»!

К у м е с. Видите, друзья… тут перед вами ярчайший пример того, что все мелодии, перенятые цыганами от венгров, на самом деле славянского происхождения, так называемый церковный дорический лад. *(Восторженно.)* И обратите вни-

---

[70] Примечания: 1.70

Сегодня поутру он продал все ноты вместе с фортепиано и удрал, вероятно в Бремен. Теперь нашей мадам пришлось нанять нового капельмейстера. Это цыган, скрипач-виртуоз Шандор из Загреба. К сожалению, сегодня он без скрипки и без фортепиано. Пришлось нашей мадам взять напрокат фисгармонию. Говорят, он только сегодня вышел из тюрьмы *(искаж. нем.).*

[71] Примечания: 1.71

Итак, Шандор, сыграй нам цыганскую песню! *(Нем.)*

[72] Примечания: 1.72

Пожалуйста *(нем.).*

мание, господа, на его прекрасную цыганскую внешность!

Р а ц у х а. Herr Kapellmeister, kommen Sie her! Spielen Sie uns čardaš[73]. *(Дает ему денег.)*

Капельмейстер возвращается на прежнее место.

(Кумесу.) В чардаше всего яснее проступает славянская основа.

М и к у л а ш е к *(подносит капельмейстеру ром).* Выпей рому, черная цыганская свинья. Ведь окажись ты со мной где-нибудь один на один, непременно украл бы вот эту серебряную цепочку!

Капельмейстер пьет.

(Удерживает его руку.) Стоп, ты и рад вылакать весь ром, обормот. *(Сплевывает.)* Цыган — он цыган и есть!

К у м е с. Что вы хотите, пан Микулашек, народ без родины. Представьте себе, никто из них не способен жить на одном месте. Взять хоть этого.

---

[73] Примечания: 1.73

Господин капельмейстер, подойдите сюда! Сыграйте нам чардаш *(искаж. нем.).*

Если бы сама императрица Мария-Терезия{38} повелела, где ему жить, все равно бы он, как говорят в народе, дал стрекача…

Капельмейстер проявляет к собравшимся все больший интерес.

Р а ц у х а. Господа, выпьем за то, чтобы сгинула вся австрийская династия. Ура!

В с е. Ура!

К а п е л ь м е й с т е р *(предлагает шансонеткам).* Bitte, meine Damen, mögen Sie höflichst unserer warmen Bitte Folge leisten und uns ein schönes Lied vortragen zu wollen zu möchten. Pardon — möchten zu wollen![74]

Й о г а н н а. Solo oder Duett?[75]

Р а ц у х а. Ein hübschesch Duett![76]

{38} Комментарии: 2.38

Мария-Терезия (1717—1780) — императрица «Великой Римской Империи». Осуществила немало экономических и социальных реформ, направленных на укрепление централизованной абсолютистской власти.

[74] Примечания: 1.74

Пожалуйста, дамы, не будете ли вы так любезны выполнить нашу горячую просьбу и пожелать исполнить прекрасную песню. Пардон — исполнить пожелать… *(Искаж. нем.)*

[75] Примечания: 1.75

Соло или дуэт? *(Нем.)*

[76] Примечания: 1.76

Прелестный дуэт! *(Искаж. нем.)*

Й о г а н н а и Ф р и т ц и (на авансцене начинают петь).

«Mit den Füßchen klap, klap, klap.

(Притоптывают.)

Mit den Händchen tap, tap, tap…

Einmal hin, einmal her,

Rundherum — es ist nich schwer!»[77]

(Прыгают туда-сюда.)

В с е *(кричат)*. Великолепно!

М и к у л а ш е к *(встает, повторяет их движения)*. Клап, клап, клап… цап, цап, цап… тап, тап, тап…

С т р у г а. Опомнись, Микулашек, не компрометируй нас за границей!

К у м е с *(по рассеянности давно уже пьет грог. Допив очередной бокал, встает)*. Уважаемое собрание! Дамы и господа! От имени неорганизованных журналистов, организованных вокруг самой популярной независимой газеты «Ежедневный факел», благодарю вас за сердечный прием. По общей просьбе, я готов добавить и свою каплю в море общего веселья… *(Встает в*

---

[77] Примечания: 1.77

Ножками — том, топ, топ… Ручками — хлоп, хлоп, хлоп. Раз — сюда, раз — туда и вокруг, это нетрудно! *(Искаж. нем.)*

позу и поет.)

«От костела по дороге —
по дороге от костела —
девушка ходила…
Про меня забыла!
Припев:
Ах, создатель, пьян я нынче,
нынче пьян я, люди…
(Про себя.)
Как там дальше?
(Поет на тот же мотив.)
Как там дальше,
я не помню…
(Вспомнив, продолжает.)
Сивая кобыла
про костел забыла,
а ты меня на дороге
тра-ла-ла-ла-ли-ла…
(Пугается, что напутал, повторяет припев.)
Ах, создатель, как там дальше,
как там дальше — сколько фальши…

сколько фальши — как же дальше?..

(Садится.)

Мой корабль идет ко дну... дайте мне еще одну».

С т р у г а. И хорошо сделали, что сели, пан редактор. Что подумает о нас здешняя публика?

М и к у л а ш е к *(встает)*. Теперь спою я.

С т р у г а *(тянет его за полу)*. Садись!

М и к у л а ш е к. Не бойся, я не опозорюсь! Да ты ведь и сам сколько раз слышал в «Золотом корабле», как я исполняю «Я и моя Барча».

Р а ц у х а. Позвольте пану главному механику спеть, коли душа просит! Пусть сегодняшний вечер напомнит нам о нашей далекой родине! Ура!

М и к у л а ш е к (поет).

«Я и моя Барча —
жених и невеста,
для любви мы в парке
подыскали место.
Тут нас и застукал
толстый полицейский.
Стал он разоряться,
поднял дикий хай.

Я — давай бог ноги...

Труба моей Барче!..

И теперь

один гуляю...

Припев:

Веселей играй,

наяривай жарче!»

(Сопровождает пение шутовской жестикуляцией, например, при словах «труба моей Барче» изображает «трубу» как музыкальный инструмент.)

Все вместе с ним поют припев, шансонетки подтягивают: «Ля-ля-ля...» Струга в такт притоптывает.

Р а ц у х а *(растроганный, встает, закладывает руку за борт жилета. Хочет спеть что-нибудь торжественное).* Земляки, земляки... «Oh Tannenbaum, oh Tannenbaum, wie grün sind deine Blätter!»[78] Земляки... *(Падает на стул.)* Дальше не знаю, земляки... *(Надрывно плачет.)* Не могу... не могу...

К а п е л ь м е й с т е р (играет на фис-

---

[78] Примечания: 1.78

«О елочка, о елочка, как зелена твоя хвоя...» *(Нем.)*

гармонии, напевая тремоло).

«Над Бероункой во садочке
роза алая цвела.
Там с солдатом
чья-то дочка
сла́вно время провела!»

Все одновременно встают; пошатываясь, окружают капельмейстера.

(Тоже встает, сдергивает черный парик и черные усы, обнимает Микулашека; орет.) Земляки… Я тоже чех!

С т р у г а *(отстранив Микулашека, орет капельмейстеру)*. Пан, вы мошенник!

К у м е с *(орет капельмейстеру)*. Вы же цыганский скрипач-виртуоз! Шандор из Загреба!

Р а ц у х а. Вы отметились в чехословацком консульстве?

М и к у л а ш е к. Откуда ты взялся, шаромыжник?

К а п е л ь м е й с т е р. Земляки… *(Дрожит от страха.)* Я из Манин… что возле Голешовице…

С т р у г а *(гневно)*. Вот как? Ты решил опозорить наши Манины? Друзья, гнать его отсюда в шею!

В с е. Вон, бандитская рожа, вон, аферист!.. *(Вы-*

ставляют капельмейстера.)

К а п е л ь м е й с т е р *(в дверях; пророчески выкрикивает).* Земляки… господь покарает вас… вы, бродяги… *(Уже из-за двери.)* Голодранцы… шкуры.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

В открытом море.

На палубе лежат К у м е с, С т р у г а и о б е г а м б у р г с к и е ш а н с о н е т к и. Головы у всех завязаны.

К у м е с *(просыпается, оглядывается по строкам).* Никогда не думал, что окажусь в открытом море! И еще — что все, кто путешествует в открытом море, подвержены морской болезни. Напишу-ка для нашей редакции новый репортаж. Репортаж номер двести шестьдесят два. Как я уже упоминал в предыдущем репортаже, ровно в двадцать три часа двадцать минут мы должны были отчалить от гамбургской пристани и отправиться на поиски нового маршрута, чтобы быстрее прибыть в Братиславу. Однако осмотр гамбургских исторических памятников, описание коих будет приведено ниже, задержало нас до пяти часов утра, после чего мы, наконец,

попали на судно, чтобы подготовиться к незамедлительному отплытию. Но тут вдруг наш пароход «Ланна-восемь» был подхвачен Гольфстримом, и его понесло в открытое море… Благодаря теплому течению мы расходуем значительно меньше угля, ибо тепло в атмосфере способствует прогреванию котла. Вследствие неожиданных невзгод вся команда больна… Лучше других чувствует себя репортер Кумес, по-прежнему nervus rerum всех начинаний. Экспедиция пополнилась двумя членами — дамами из лучшего гамбургского общества, коих капитан Струга привел утром на судно, дабы ознакомить с его оснащением и командой. Капитан Струга…

С т р у г а *(при первом упоминании своего имени поднялся и слушает сидя).* Какой еще капитан Струга! Я бы вас попросил, пан репортер, не совать меня почем зря в свою газетенку. Кроме того, женщин привел вовсе не я. Одну приволокли вы, другую — Микулашек… Вот как оно было… Вы нас опозорили. Зачем вы подрались с паном Рацухой? А потом не хотели платить… Да, да. Заладили свое: мол, вы непьющий, кроме содовой, ничего в рот не берете… А сами так надрались… да… видывал я в свой жизни пьянчуг, но этаких… не приходилось. Взять хоть Микулашека… выпи-

воха из выпивох, но против вас и он ангел.

К у м е с *(глупо смеется)*. Я ничего такого не помню. Наверное, это плод вашего моряцкого воображения.

С т р у г а. Ох, до чего вы мне осточертели!.. Я с кем угодно полажу. У меня есть дружки, с которыми я за двадцать лет ни разу не поссорился. А с вами знаком всего каких-нибудь восемь месяцев — и вы уже довели меня до белого каления!

К у м е с. Зачем вам доходить до белого каления? И вообще вы недостаточно компетентны, чтобы делать мне замечания! Вам только лишь бы жена чего не узнала. Разыгрываете невинного младенца! А сами что вчера вытворяли с барышнями Фритци и Йоганной?!. Порядочный семьянин не полезет под юбки сразу двум девицам!

С т р у г а *(скис, но еще пытается оправдаться)*. Вы наговорите небылиц!.. Это еще требуется доказать!

К у м е с *(показывает ему руку)*. А откуда этот синяк? Вчера вы ущипнули меня своей медвежьей лапой, когда пытались раньше всех расстегнуть усовершенствованные штанишки крошки Фритци…

С т р у г а. Враки… Ни у одной из девиц никаких

штанишек не было!

К у м е с *(сражен)*. Тогда прошу прощения… Возможно, у меня куриная слепота!

Ф р и т ц и и Й о г а н н а *(одновременно просыпаются)*. Ach, Gott… mein Gott… solche Kopfschmerzen! Es ist wie a Katzenjammer[79].

К у м е с *(учтиво и радостно)*. Gutes Morgen — Guten Morgen — Guter Morgen. Winše ich Inen angefligst. Sie sind villeicht nicht hundert begreifen, wo Sie gefunden sich![80]

Ф р и т ц и и Й о г а н н а *(оглядевшись вокруг, дико кричат)*. Jessus! Jessus, Maria! Mutter Gottes! Wir fahren! Je, je, je! *(Вопят, встают, каждая обнимает одного из мужчин.)* Wohin fahren wir? Sagen Sie uns. Sagen Sie uns ganze Wahrheit![81]

К у м е с. Nach Bratislava[82].

Фритци, упав на палубу, плачет.

---

[79] Примечания: 1.79

Ах, боже… боже мой… такая головная боль! Как с похмелья *(искаж. нем.)*.

[80] Примечания: 1.80

Доброе утро — добрая утро — добрый утро. Я желаю вас приветствовать. Вы, вероятно, не понимаете, где находитесь! *(Искаж. нем.)*

[81] Примечания: 1.81

Господи! Господи! Матерь божья! Мы едем! Ой-ой-ой! Куда мы едем? Скажите нам. Скажите нам всю правду! *(Нем.)*

[82] Примечания: 1.82

В Братиславу *(нем.)*.

Й о г а н н а *(как безумная)*. Nach Bratislava? Wir sind in Kupplerhände gefallen![83]

Ф р и т ц и. Sie wollen unsere Jugend auf Ewigkeit verderben![84]

Й о г а н н а *(лупит Стругу)*. Du elender Kuppler, kehr zurück! Kehr sofort zurück! Mit so einer Kafémühle am Meere zu fahren — ach, Gott…[85] *(Падает на палубу рядом с Фритци.)*

Обе рыдают.

С т р у г а. Чего хотят эти женщины?

К у м е с. Просто им у нас не нравится. Обе страшно удивлены, что вдруг пробудились на палубе нашего парохода. Обозвали нас сводниками и убеждены, что в Братиславе вы продадите их в какой-нибудь бордель. Очевидно, то же самое они изложат на ближайшем пограничном пункте, если мы их сейчас же не высадим на берег.

Снизу доносятся шум и крики.

---

[83] Примечания: 1.83

В Братиславу? Мы попали в руки сводников! *(Нем.)*

[84] Примечания: 1.84

Вы хотите навеки погубить нашу юность! *(Нем.)*

[85] Примечания: 1.85

Ты, жалкий сводник, поворачивай назад, сейчас же поворачивай назад! Выходить в море на такой кофейной мельнице — ах, боже… *(Нем.)*

М и к у л а ш е к *(вылезает на палубу, тащит за собой Ива)*. Лезь, лезь, облезлый!

С т р у г а. Кто это?! Что это значит? Как попал чужой матрос на наше судно?

М и к у л а ш е к. Просыпаюсь на куче угля — вижу: кто-то обнимает меня и храпит. Пришлось-таки потрудиться, пока я его разбудил…

Ив тем временем вылез на палубу и глупо озирается.

А как поднялся на ноги — давай что-то лопотать. Я понял только: А́мбирг, дриднó, Тулон, а потом уж только бьет себя в грудь, таращит бельма да вопит: Ив, Ив!

И в *(бьет себя в грудь и, выпучив глаза, кричит)*. Ives, Ives — ujuj! Matros de la troaziem clas du drydnó «Tulon»! Se moa, me kamarad[86].

К у м е с. Друзья, это французский моряк. Že komprán, že komprám, mosié! *(Снимает шляпу, представляется.)* Že svi ýn redaktér de la Gazette из «Novell flambon» in Prag mosié Kumes. *(Показывая на Стругу.)* Sela — se la capitene Struha dy notre-dame-šíf «Lanne le ytiém» — isi mosjé Mikulášek yn mekanýzm dy Lanna le ytiém. *(На шансонеток.)*

---

[86] Примечания: 1.86

Ив, Ив, да, да! Матрос третьего класса с дредноута «Тулон»! Это я, мои друзья *(искаж. франц.)*.

E se son notr voajažér dé dam! La Fritzi e la Žán d'ámbyrk![87]

И в *(во время речи Кумеса приходит в себя)*. Mon Dyjé, mon Dyjé! *(Кричит.)* Se ne pa mon drydnó «Tulon»? Že svi pérdy, že svi pérdy...[88]

М и к у л а ш е к. Экий грубиян.

И в. U e mon drydnó «Tulon»? Doné moa mon drydnó! Truvé moa mon drydnó «Tulon»![89] *(Трясет Кумеса.)*

С т р у г а *(обеспокоен)*. Что с ним? Уж не рехнулся ли?..

К у м е с. Маленькое недоразумение. Ночью он заблудился в гамбургском порту и по ошибке принял наш пароход «Ланна-восемь» за свой военный корабль — дредноут «Тулон». И забрался в наш трюм, чтобы выспаться!

В то время как занавес опускается, мы еще

---

[87] Примечания: 1.87

Я понимаю, я понимаю, месье! Я редактор газеты... «Новый факел» в Праге месье Кумес. Это... это Струга, капитан нашего корабля «Ланна-восемь». Это месье Микулашек, механик «Ланна-восемь». (...) Это наши путешествующие дамы! Фритци и Жанна из Гамбурга! *(Искаж. франц.)*

[88] Примечания: 1.88

Боже мой, боже мой! Это не мой дредноут «Тулон»? Я пропал, я пропал... *(Искаж. франц.)*

[89] Примечания: 1.89

Где мой дредноут «Тулон»? Дайте мне мой дредноут! Найдите мой дредноут «Тулон»! *(Искаж. франц.)*

слышим крики Ива:

«Doné moa mon drydnó «Tulon»! Truvé moa mon drydnó «Tulon»![90]

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Голландская крепость Хертогенбос на реке Маас.

На сцене все участники десятой картины, кроме Ива. «Ланна-8» только что бросила якорь у побережья.

Голландский солдат ходит по берегу в сабо и широких брюках. На плече — винтовка со штыком. Курит короткую трубку. На палубе «Ланна-8» все стоят и смотрят на солдата.

Микулашек *(бросает с палубы конец, привязывает пароход; кричит солдату)*. Черт возьми, что вы все ходите да ходите... Что-нибудь сторожите?

Солдат продолжает ходить враскачку.

Кумес *(кричит солдату)*. Verstehen sie

---

[90] Примечания: 1.90

Дайте мне мой дредноут «Тулон»! Найдите мой дредноут «Тулон»! *(Франц.)*

dajč?[91]

Солдат продолжает молча ходить.

К у м е с. Parlé vú fransé?[92]

Солдат по-прежнему молчит.

(Своим.) Господа, это какой-то особый случай.

М и к у л а ш е к. Видать, глухонемой или симулянт!

С т р у г а *(сердито)*. Куда ты нас затащил, Микулашек? Уверял, что выведешь из открытого моря в какую-нибудь реку, а сдается — мы снова на мели!

Ф р и т ц и. Das ist doch a Holländr[93].

К у м е с. Jawohl, das ist a fliegendr Holländr[94].

С т р у г а. Что говорит эта женщина?

К у м е с. Что это голландец. Наверно, она права, теперь я припоминаю: точно такого же солдата я видел на рекламе голландского какао!

---

[91] Примечания: 1.91
Понимаете по-немецки? *(Искаж. нем.)*

[92] Примечания: 1.92
Говорите по-французски? *(Искаж. франц.)*

[93] Примечания: 1.93
Это же голландец *(искаж. нем.)*.

[94] Примечания: 1.94
Да, это летучий голландец *(искаж. нем.)*.

М и к у л а ш е к. Словно его выстригли из картины Рембрандта или еще кого из старых голландских мастеров.

К у м е с. Вот-те на! Откуда вы знаете Рембрандта, пан Микулашек?

М и к у л а ш е к. Да… был у меня дядюшка с материнской стороны, инвалид, так он сторожил галерею в Рудольфинуме{39}. По воскресеньям мы, бывало, заглядывали к нему, и он всякий раз показывал нам картины какого-то там Рембрандта…

С т р у г а *(берет Кумеса и Микулашека под руки)*. Вот что, друзья, теперь бы в самый раз высадить наших дамочек на берег! Больно быстро они у нас прижились. От Ива избавиться было куда легче. Когда ночью мы наскочили на английский военный корабль, который совершал кругосветное путешествие, он преспокойно перешел к ним и поехал себе дальше…

Й о г а н н а *(понимает, что разговор касается их. Вешается на Стругу)*. Aber, Karlitschek, mach

{39} Комментарии: 2.39

Рудольфинум — здание в Праге, где первоначально размещалась Галерея патриотических друзей искусства (1884). Названо в честь австрийского кронпринца Рудольфа. Ныне — Дом деятелей искусств.

nur keine Geheimnisse vor uns![95] *(Отводит его в сторону.)*

Фрицци. Was geht los, mein Pupschen?[96] *(За ухо оттаскивает Кумеса.)*

Микулашек *(шлепает обеих)*. Что это вы опять взъерепенились, девчата?

Сержант *(входит, видит последнюю сцену)*. Haló! Haló! *(Кричит.)* Wat is hír?[97]

Кумес. Unser Dampfer Lanna acht, Herr Major![98]

Сержант. Sprechen dajč?[99]

Кумес. Jawohl![100]

Сержант. Von wo sind Sie?[101]

Струга *(гордо и торжественно)*. Aus Manina![102]

Сержант. Aus Manila? Manila? Geben sie mir

---

[95] Примечания: 1.95
Но, Карличек, никаких секретов от нас! *(Нем.)*

[96] Примечания: 1.96
Что случилось, мой пупсик? *(Нем.)*

[97] Примечания: 1.97
Алло! Алло! Что тут такое? *(Искаж. голланд.)*

[98] Примечания: 1.98
Наш пароход «Ланна-восемь», господин майор! *(Нем.)*

[99] Примечания: 1.99
Говорите по-немецки? *(Искаж. нем.)*

[100] Примечания: 1.100
Так точно! *(Нем.)*

[101] Примечания: 1.101
Откуда вы? *(Искаж. нем.)*

[102] Примечания: 1.102
Из Манин! *(Нем.)*

Briefmarken, ich hab Briefmarkensammlung[103].

С т р у г а. Что он бормочет?

К у м е с. Мол, собирает почтовые марки, просит какие-нибудь марки с Манилы.

С т р у г а. Вот скотина!

С е р ж а н т *(по-чешски)*. Очень приятно слышать, господа, что я скотина. Так часто бывает — путешествуешь по белу свету и вдруг встретишь земляков. Вы из Праги?

М и к у л а ш е к. Пресвятая дева Мария — вот так встреча! Неужто вы тоже из Праги?

С е р ж а н т. Нет, нет. Я из голландской колонии Целебес. Мои родители чехи, у них там кофейные плантации… Я голландский подданный, отбываю шестинедельную военную службу. Из Целебеса меня направили в голландскую крепость Хертогенбос, что на реке Маас, неподалеку от Роттердама. Видите ли, я уже три года как не проходил обязательной военной службы…

К у м е с *(стыдясь за Стругу)*. Непременно напишу о неожиданной встрече с вами, пан полковник, в нашу самую популярную пражскую газету «Ежедневный факел». Не соизволите ли сообщить свое имя?

---

[103] Примечания: 1.103

Из Манилы? Манила? Давайте мне почтовые марки, у меня коллекция почтовых марок *(нем.)*.

С е р ж а н т. Лойзик ван Крачмера, сержант восьмого пешего полка ее величества голландской королевы Вильгельмины.

С т р у г а *(пристыженно).* Уж вы меня простите, пан фельдфебель, за грубость. Но эта голландская образина со штыком молчит, на вопросы не отвечает и только ходит вокруг, точно мы не смеем и на берег ступить. Вот если бы вы изволили заглянуть к нам, на карлинскую пристань, — ни одного солдата не увидите, а ведь это как-никак карлинская пристань!

С е р ж а н т. Видите ли, земляки, здесь военная крепость, сюда ни одно судно войти не смеет. А вы вдруг объявились — так нельзя! Вы должны отчалить как можно скорее! Но прежде я проверю ваши документы — есть ли у вас разрешение на выход из Роттердама в реку Маас.

С т р у г а *(принужденно смеется).* Разрешения у нас, конечно же, нет — хе-хе, нигде ничего подобного от нас не требовали.

С е р ж а н т. Ага. А куда вы, собственно, направляетесь?

М и к у л а ш е к. Разве не видите? Мы транспортируем пароход «Ланна-восемь» в Братиславу.

С е р ж а н т. Так, так. В Братиславу… *(Смеется.)* Ха-ха, я как свои пять пальцев знаю все голланд-

ские колонии, а о таком порте не слыхивал. Ваше пребывание здесь, земляки, кажется мне до крайности подозрительным. А что это за дамы у вас на палубе? Ваши жены?

М и к у л а ш е к *(смеется)*. Послушай, пан фельдфебель... Этих шлюх мы высадим здесь на берег. Певички они, прицепились к нам в Гамбурге, в кабаре, и с той поры нам от них никак не отделаться. Мы уж хотели сбросить их в море.

С е р ж а н т *(очень строго и серьезно)*. Земляки, вы забываете, что вступили на территорию Объединенного Нидерландского Королевства, где по указанию королевы Вильгельмины проституция строжайше запрещена! Я вынужден, земляки, именем королевы Вильгельмины арестовать вас и препроводить в крепость на допрос! Итак, извольте сойти на берег!

К у м е с. Но послушайте, земляк... ведь мы земляки!

С е р ж а н т. Земляки не земляки, а я подданный ее величества и ради вас, земляки, не хотел бы отбывать воинскую службу в далекой голландской колонии Гвиане. У нас строгие законы! *(Солдату.)* Ols arediert[104]. Выгружайтесь, зем-

---

[104] Примечания: 1.104
Всех арестовать *(искаж. голланд.)*.

ляки!

Все, понурые и напуганные, выходят на берег.

С о л д а т *(считает по головам)*. Ons, zwoa, dri, fidri, feif[105].

М и к у л а ш е к. Но, земляк-фельдфебель, неужто и правда ничего нельзя сделать?

С е р ж а н т *(резко)*. Лойзик ван Крачмера с Целебеса не скотина! Марш, марш, земляки!

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Близ скалы Лорелей{40} *на Рейне.*

Темная, зловещая ночь. Гроза. Дождь, гром, завывает ветер, в небе перекрещиваются молнии. (Однако нужно следить, чтобы реплики не прерывались ударами грома.) «Ланна-8» плывет меж скал против течения Рейна. Сначала довольно долго слышны лишь звуки разбушевавшейся стихии, в которые вплетаются причитания и жаркие молитвы обеих шансонеток, стоящих на

---

[105] Примечания: 1.105

Раз, два, три, четыре, пять *(искаж. голланд.)*.

{40} Комментарии: 2.40

...скала Лорелей... — прибрежная скала над Рейном, где согласно старинной немецкой легенде распевала свои волшебные и пагубные для гребцов песни юная красавица Лорелей. Высокопоэтичной обработкой этой легенды является знаменитое стихотворение Г. Гейне «Лорелей», ставшее в Германии народной песней.

коленях и простирающих руки к небу.

Фритци и Йоганна. Heilige Maria, Mutter Gottes… Heiliger Jesu Kristi, unser Barmherziger… Herz Jesu… erbarme uns elender Dirnen![106] *(Повторяют молитву еще раз.)*

Тем временем мужчины поочередно прикладываются к бутылке. Молния, гром.

Микулашек. Бог милостив! Пьяного господь не оставит. Хорошо еще, что мы запаслись водкой. И так за четыре недели в этой голландской крепости не перепало ни глоточка.

Молния, удар грома.

Йоганна и Фритци. Jesu Kind, sei uns gnädig… lieber Gott… und rette uns aus allen Gefahren! Erbarme dich, großer Gott, uns elender Dirnen![107]

Молния, гром.

---

[106] Примечания: 1.106

Пресвятая дева Мария, матерь божья… Пресвятой Иисус Христос, наш всемилостивый… сердце Христово… помилуй нас, бедных девушек! *(Нем.)*

[107] Примечания: 1.107

Иисус-младенец, будь милостив… любимый боже… и сохрани нас от всех напастей! Смилуйся, великий боже, над нами, бедными девушками! *(Нем.)*

М и к у л а ш е к. Эгей, мы здесь! *(Кричит вверх, тучам.)* Ты, мазила! Метко бьешь, да редко попадаешь!

Сильный, гулкий удар.

С т р у г а. Уже проехали восьмую скалу. От нее только камни летят во все стороны.

К у м е с. Недаром говорится, что самая прекрасная природа на Рейне — у скалы Лорелей. *(Восторженно кричит.)* Лорелей, друзья! Лорелей на Рейне — это же Сцилла и Харибда!

М и к у л а ш е к. Помолчали бы, а то и грома из-за вас не услышишь! Лучше бы маленько посветили спичками — не видать, куда плывем!

Молния, гром. Громовый раскат — без молнии, в кромешной тьме. Кумес тем временем зажигает спички и светит на воду.

С т р у г а. Черт побери, ну и грозища, словно ее наслал на наши головы тот цыганский капельмейстер! Такой я еще не видывал, гром меня разрази!

Молния и гром — одновременно.

(От испуга садится.) Молчу, молчу.

К у м е с. Только нынче человеческий разум

может постигнуть тайны природы! Господа, бога нет!

Молния и гром.

(Быстро крестится.) Боже праведный, спаси и помилуй! Теперь побогохульствуйте вы, Микулашек.

М и к у л а ш е к. Я бы богохульствовал, да толку что… Гляньте — уже просветы в тучах! Вон и звезды показались. Дождь перестал. Разве ж это гроза? Плюнуть и растереть… Вроде как летом, в огуречный сезон.

С т р у г а. И верно. *(Озирается с видом знатока.)* Гроза уже позади. А все ж таки я вспотел!

Издалека доносятся раскаты грома.

К у м е с *(шансонеткам)*. Der liebe Herrgott ist mit dem Sturm beim Teufel! Всемилостивый господь вместе со своей грозой убрался к чертям.

Ф р и т ц и и Й о г а н н а *(поднимаются с колен, садятся удобней)*. Gott sei Dank. Gib mir trinken! Gib mir trinken[108].

М и к у л а ш е к. Вот и снова приятное плавание… Если бы они еще что-нибудь спели…

---

[108] Примечания: 1.108
Слава богу. Дай мне пить! Дай мне пить *(ней.)*.

К у м е с. Я знаю одну прекрасную старинную немецкую песню о Лорелей. *(Поет и жестикулирует.)*

«Ich weiß nicht, was soll es bedeuten —

daß ich so traurig bin…

(Падает в воду.)

В с е *(вытаскивая его, кричат)*. Человек за бортом!

К у м е с *(его голова показалась над бортом парохода; выплевывая струю воды, продолжает выкрикивать)*.

Ein Märchen aus uralten Zeiten,

das kommt mir nicht aus dem Sinn!

(Перелезает через борт, стоит на палубе.)

Ш а н с о н е т к и (присоединяются к пению).

Die Luft ist kühl — es dunkelt —

und ruhig fließt der Rein…»[109]

Кумес делает широкий жест — и снова летит в воду.

Ш а н с о н е т к и. Jessus!

Все склоняются над водой.

М и к у л а ш е к *(сплюнув)*. Что телеграфировать в вашу газету, пан репортер?

К у м е с *(плещет водой выше палубы)*. Телеграфируйте: в настоящий момент наш репортер Кумес при звездах и луне купается в водоворотах Рейна близ скалы Лорелей.

М и к у л а ш е к. Ишь как ухватился за канат — глаза на лоб лезут!

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Франкфурт-на-Майне.
«Ланна-8» стоит на якоре у пристани. Плакат:

---

[109] Примечания: 1.109

«Не знаю, что значит такое,
что скорбью я смущен…
Давно не дает покоя
мне сказка старых времен.
Прохладой сумрак веет,
И Рейна тих простор…»

(Г. Гейне. Лорелей. Пер. А. Блока).

«Ланна-8». Ура!»

М и к у л а ш е к *(лежит в одиночестве, читает то, что осталось от книги «Жития святых»).* Не много же осталось от этой книженции! Вчера начал читать про жизнь святого Иеронима, утром хотел кончить, а лист уж выдран. *(Откладывает книгу. Оглядывается по сторонам.)* Никого… Удастся ли им? *(Садится.)* Дай-то бог как-нибудь избавиться от этих баб! *(Осматривает палубу.)* До чего ж без них хорошо! *(Обхватив голову ладонями, задумывается; начинает петь.)* «У реки печальна я сижу…».

Входят Л а н д а и К а й ф а ш, члены футбольного клуба «Спарта»{41}*.*

Л а н д а *(во весь голос).* Какой-то дурень поет тут по-чешски… Послушай, ты обратил внимание на ноги франкфуртского левого крайнего? Экие спички — как бы не перебить их мячом…

К а й ф а ш. Но долговязый бек у них хорош.

Л а н д а. Ну и что? Видал вчера?.. Он у меня вместе с мячом влетел в ворота. А я ведь только легонечко подтолкнул мяч… Ударь я чуть посиль-

---

{41} Комментарии: 2.41

«Спарта» — один из самых популярных в Чехословакии спортивных клубов (основан в 1893 г.).

ней — они бы вместе с голкипером отправились на тот свет!

Микулашек продолжает петь, но с приходом футболистов — тише.

К а й ф а ш. Кто тут блеет? *(Обернувшись.)* Видал? Верно, какой-нибудь тихопомешанный.

Л а н д а. Ах, черт — читай! Дружище! *(Читает.)* «Ланна-восемь». Ура!»

К а й ф а ш. Господи, да это ж те самые спортсмены, что плывут в Братиславу! Ты читаешь об их путешествии в «Ежедневном факеле»? Из-за них распустили все транспортное агентство… а три месяца назад их благодарил сам президент торгово-промышленной палаты!

Л а н д а. Что ты мне рассказываешь! Как-то я читал в спортивном «Понедельнике» передовую об их плавании, ее написал сам редактор Горачек{42}.

О б а *(с авансцены, слева, подходят к Микулашеку, снимают шляпы и хором выкрикивают).* Гип-гип, ура «Ланне-восемь»!

{42} Комментарии: 2.42

…редактор Горачек… — Возможно, имеется в виду чешский буржуазный политик и экономист Ц. Горачек (1862—1938), профессор политэкономии Карлова университета. В 1919 г. — министр финансов ЧСР, затем — сенатор от аграрной партии.

М и к у л а ш е к. Вашими молитвами… Господа из Праги?

К а й ф а ш. Мы из «Спарты».

Л а н д а. Вчера накидали Франкфурту-на-Майне шесть — ноль. Завтра — реванш.

К а й ф а ш. И будет двенадцать — ноль! Эти франкфуртцы думали, что, коли будут играть головой, сразу же нас раздолбают… Но мы им показали где раки зимуют! Вы тоже играете в футбол?

М и к у л а ш е к. Пятнадцать лет назад уговорили меня в одном трактире, где собирался клуб «Манина-восемь», стать у них кассиром. Вечно приходилось докладывать из своих: то на мяч, то на душевые… А потом они разодрались, клуб развалился — и плакали мои денежки!

Л а н д а. Теперь так не бывает. Теперь мы — организованные футболисты. Вас дисквалифицировали?

М и к у л а ш е к. Ясное дело! Шутка ли — больше двухсот крон всадил в этот клуб!

К а й ф а ш. Вы капитан парохода?

М и к у л а ш е к. В настоящий момент я его замещаю.

Л а н д а. Ага, ага… так вы — пан Микулашек! Читали и про вас в «Ежедневном факеле», в ре-

портажах пана Кумеса.

К а й ф а ш. А где капитан с паном Кумесом?

М и к у л а ш е к. Да, понимаете, такая у нас неприятная история! Тут — хе-хе — замешаны женщины. Влюбчивые суки! На всех широтах! А потом порядочному человеку от них не избавиться. Вы только представьте себе, что за поганая ситуация: прилипли к нам две гамбургские потаскушки, вот мы и возим их уже целых три месяца. В Голландии по их милости нас четыре недели продержали в крепости. Тут, правда, частично был виноват капитан Струга… Он назвал одного голландского фельдфебеля скотиной. А тот, голландец-то, случайно понял, потому как оказалось — он голландско-целебесский чех.

Л а н д а. Об этом мы тоже читали.

К а й ф а ш. Что же у вас там с женщинами?

М и к у л а ш е к. В том-то и загвоздка. Капитан Струга с репортером Кумесом посулились купить им в городе платья, а сами отведут их в дом Армии спасения. Запишут — и деру! Я уж и уголька в топку подкинул — хоть сейчас отчаливай… *(Неожиданно восклицает.)* О господи! Бегут! И бабы за ними! *(Быстро поднимает якорь, отвязывает канат.)*

Л а н д а и К а й ф а ш *(кричат).* Спурт, спурт!

Наддайте!

Взмыленные Струга и Кумес вскакивают на палубу.

Микулашек *(кричит футболистам).* Приятели, ради бога, задержите этих кикимор, пока мы отчалим!

Струга и Кумес *(отталкиваются от берега метлой и зонтом. Вернее, изображают «отталкивание».)* Пронеси, господь!

Фрицци и Йоганна влетают на сцену. Поверх нарядов шансонеток накинуты пелерины, на голове — шляпы Армии спасения.

Микулашек *(кричит).* Плывем!

Ланда и Кайфаш задерживают женщин, которые дерутся с ними и кричат.

Фрицци и Йоганна. So ane Swajneraj! Gebet uns unsere Jugend zurück![110]

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Грамцельбах на канале Майн-Дунай.
У всех персонажей мало подходящая для зимы

---

[110] Примечания: 1.110
Какое свинство! Верните нам нашу юность! *(Искаж. нем.)*

одежда.

Пароход «Ланна-8» вмерз в лед у берега. Кругом снег. На трубе — снег. На берегу небольшой костер из хвороста, вокруг него, точно по тюремному двору, размахивая руками и согревая их дыханием, ходят Струга, Микулашек и Кумес. За Микулашеком на веревке тащится пес. Некоторое время все ходят молча.

Кумес. Ничего себе — канун Нового года! Разве не обидно замерзнуть возле деревни Грамцельбах в Майнском канале, как Нансен{43} на Северном полюсе! Еще и цингу заработаем!

Продолжают ходить по кругу.

Струга. А все Микулашек! В канун рождества забыть про котел! Приспичило ему, вишь, раздобыть елочку! Не успел пропеть «Народился Иисус!», а беда уж тут как тут! Котел лопнул от холода! Ничего себе, поздравил с рождеством! Воротился, как обычно, пьяным-пьянехонек, весь в грязище, а заместо елочки приволок этого пса!

Кумес. Собака не такая уж плохая вещь. Нан-

{43} Комментарии: 2.43

Нансен Фритьоф (1861—1930) — знаменитый норвежский полярный исследователь. В 1893—1896 гг. на судне «Фрам» предпринял с научными целями плавание по Северному Ледовитому океану. Лауреат Нобелевской премии.

сена, между прочим, спасли эскимосские собаки! Когда стало совсем невмоготу — запряг их в сани и отправился на сушу, а «Фрам» оставил во льдах.

М и к у л а ш е к. Хорошенькое дело, разве я виноват, что котел лопнул! Может, и в том моя вина, что полгода назад, когда были в море, соль оседала на его стенках и в Гельголанде пришлось соскребать наросты? Много ли такому корыту надо — ударил мороз, и готово. Да и вообще, что я вам — календарь? Я, что ль, делаю погоду? Я придумал времена года? Зачем зря обижать человека!

К у м е с. То, что мы замерзли, — вполне логично. Ни весной, ни летом, ни осенью этого бы не случилось! Вчера, когда я ходил в деревню Грамцельбах искать телеграф, я справлялся в муниципалитете, как долго майнский канал стоит подо льдом. Созвали совещание деревенских выборных и после продолжительных дебатов ответили, что, мол, всяко бывает. Иной раз тает раньше, иной — позже. Но обычно — в апреле.

М и к у л а ш е к. Давайте отправимся на зимовку в ихний Грамцельбах. Там три вполне приличных трактира и пивоварня. Пса оставим на палубе, пускай сторожит пароход. Раз в день

кто-нибудь из нас придет его накормить.

К у м е с *(огорченно)*. Но позвольте, о чем я буду писать в своих репортажах с борта «Ланны-восемь»?

С т р у г а. Так мы до Братиславы никогда не доберемся. *(Сердито.)* Проклятущая жизнь!

Костер гаснет.

М и к у л а ш е к. Ну и что же вы теперь собираетесь делать? Не оставаться же тут до утра — ведь замерзнем! Пошли, Амидор… *(тащит пса на пароход)* привяжу тебя к трубе. *(Привязывает собаку.)*

С т р у г а *(берет Кумеса за руку)*. Пойдемте, пойдемте! *(Смотрит на пароход, платком утирает слезы.)* До свиданья, «Ланна-восемь», до весны!

К у м е с. Успокойтесь, пан капитан. Братислава уже совсем близко. Только лед растает и природа оденется в весенний наряд — снова пустимся в путь!

Все машут пароходу платками.

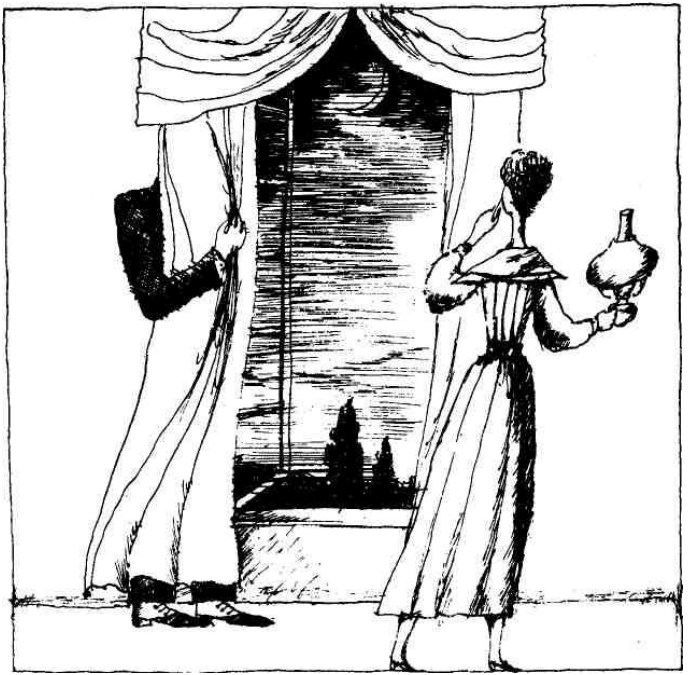
С т р у г а *(растроганно кричит)*. Пароход «Ланна-восемь», желаю тебе счастливого и веселого Нового года на твоем пути в Братиславу!

В с е (уходя, поют a tempo[111]).

Весна настанет скоро,
веселый май придет —
и Майн волною вспенится — и
«Ланна» поплывет —
эх, дальше поплывет!

[111] Примечания: 1.111
В темпе *(лат.)*.

Франя Шрамек
МЕСЯЦ НАД РЕКОЙ
Комедия в трех действиях



F. Šrámek
MĚSÍC NAD ŘEKOU
Fráňa

Šrámek. Měsíc nad řekou. Praha, Československý spisovatel, 1967.

Перевод с чешского **И. Инова и О. Малевича.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЯН ГЛУБИНА.
ЙОЗЕФ РОШКОТ.
ВИЛЛИ РОШКОТ.
ПАНИ ГЛУБИНОВА.
СЛАВКА ГЛУБИНОВА.
РУШЕНА ПАВЛАТОВА.
ПЕЧАРКА.

Действие происходит в наши дни (после первой мировой войны) в чешском провинциальном городке.

Декорация одна и та же во всех трех действиях.

Мы, несомненно, находимся в старом доме. Даже не узнав о нем никаких подробностей, вы все же согласитесь с автором. Особенно если на вас произведут впечатление окружающие этот дом развалины древних городских стен. Комнатка, в которой разыгрываются все три действия, своим несовременным видом, а возможно, и еще чем-то неуловимым напоминает келью средневековой крепостной башни, где ты, о прекрасная дама, могла вдоволь тосковать у

окна, вглядываясь вдаль. У этого окна в глубоком проеме как бы находится центр всей комнаты. Очевидно, это самое романтичное ее место. Оживляя его, все время проникают прикосновения извне, ибо створки окна распахнуты, и перед вами раскрывается широкий летний простор, прочерченный лишь верхушками двух тополей вблизи и косматыми гребнями лесов в отдалении. На окне — белые занавески, цветы; я уверен, что вы сразу же мысленно поселите здесь девушку, которая, едва проснувшись, соскакивает с постели и одним прыжком оказывается у окна, чтобы с упоением вдохнуть утреннюю прохладу. Сделать это нетрудно — постель стоит у самого окна. Где-то внизу — то глуше, то громче — шумит невидимая река. А под окном, вероятно, зияет в глубине узкая крепостная улочка — голоса оттуда доносятся как из колодца. Слева на заднем плане — выход, прямо — двери в кухню, справа — в комнату Глубины. Но главное все же — окно, окно, которое вы не должны выпускать из поля зрения; льется ли через него ровное сияние полдня, заглядывает ли серебристая лунная ночь, пусть оно, играя само с собой, все время будет для вас живым. И вы поймете, что автор, назвав пьесу «Месяц над рекой», хотел тем самым придать

трем действиям своей комедии лирическую интонацию.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Летнее утро. Солнце уже в окне. Два тополя провожают взглядом плывущее облако. Плотина что-то тихонько наигрывает, потом умолкает. Солнце по незримым ступеням спускается в комнату. То ли ему понравилось здесь что-то блестящее, то ли захотелось попускать зайчиков.

Пани Глубинова, стоя на коленях у шкафа, роется в нижнем ящике; встает, выдвигает ящик стола и снова роется; наконец бросает это занятие и сжимает руками виски, как бы раздумывая, где еще можно поискать. Из кухни доносится шипение. Видимо, что-то сбежало; это заставляет пани Глубинову поспешить туда, после чего шипение прекращается.

Раздается стук в наружную дверь.

Голос пани Глубиновой *(из кухни)*. Сейчас! Сейчас!

Пани Глубинова входит, вытирая руки о передник, открывает дверь.

Голос Печарки *(еще за порогом)*. Не извольте беспокоиться, я и отсюда могу все ска-

зать.

П а н и Г л у б и н о в а. Ну вот еще! Входите, пан Печарка…

П е ч а р к а *(входит, держа в руке рыболовную снасть)*. С вашего соизволения… *(Поводит носом.)* Я вас не оторвал от плиты? Кажется, у вас что-то…

П а н и Г л у б и н о в а. Вы же знаете, у нас, кухарок, постоянные нелады с плитой. Стоит на секунду отойти… *(Идет к окну и настежь его распахивает.)* С чем вы к нам пожаловали?

П е ч а р к а. Еще спрашиваете — я всегда с одним и тем же. Сами понимаете — рыболов! Ваш супруг в лавке?

Пани Глубинова кивает.

Вы не рассердитесь, если я попрошу вас им передать… Мол, вода сегодня после грозы уж больно хороша… и что я буду на заповедном местечке…

П а н и Г л у б и н о в а. Сегодня, право, не знаю, пан Печарка, не знаю.

П е ч а р к а. В лавке его теперь уже вполне может заменить барышня…

П а н и Г л у б и н о в а *(несколько смущенно)*. О, дело не в этом…

П е ч а р к а *(разочарованно)*. Значит, есть дру-

гая причина? Жаль, конечно… Но коли у них нет на то охоты или времечка…

П а н и Г л у б и н о в а *(прежним тоном)*. Сказать по правде, все это из-за встречи… ее давно уже хотели устроить, да откладывали, пока была война…

П е ч а р к а. Встречу?

П а н и Г л у б и н о в а. Ну да, встречу выпускников гимназии. Разве он вам не говорил?.. *(С напряженным вниманием ждет ответа.)*

П е ч а р к а. Что-то не припомню. Да и в последний раз, то бишь позавчера, тоже вроде ничего.

П а н и Г л у б и н о в а *(скорее про себя)*. Неужели он об этом не думает?.. Послушайте, пан Печарка, вы же хорошо моего знаете?

П е ч а р к а *(со смешком)*. Ну, я бы не сказал, что знаю их…

П а н и Г л у б и н о в а. Вы ведь не первый год вместе на рыбалку ходите. Вас он любит… и кому же он может пожаловаться, как не вам…

П е ч а р к а *(смеется и машет рукой)*. Э-э-э… вот тут вы ошибаетесь… Недаром у пана Глубины и фамилия такая.

П а н и Г л у б и н о в а *(голосом, затуманенным грустью)*. Вы правы.

П е ч а р к а *(сердечно)*. А кроме того, милая

пани, мы там, у воды, очень уж чудно толкуем…

П а н и Г л у б и н о в а *(с любопытством)*. Это как же?

П е ч а р к а. Молчим. *(Смеется.)*

Пани Глубинова разочарованно пожимает плечами.

У рыболовов в этом-то вся штука. Смотри на воду и молчи… А о чем вы, пани, хотели спросить?

П а н и Г л у б и н о в а. Да… об этой встрече. Не говорил ли он о ней с сожалением…

П е ч а р к а *(бросает на нее короткий, пристальный взгляд)*. Не извольте сердиться, если я вас не совсем понимаю. *(Явно замкнувшись.)* Я же сказал, что ничего о встрече не слышал…

П а н и Г л у б и н о в а *(с неожиданной поспешностью прерывает разговор)*. Так я передам мужу…

П е ч а р к а. Вы очень добры…

П а н и Г л у б и н о в а. …что вы к нам заходили…

П е ч а р к а. …и что вода страх как хороша, а я буду на том же местечке. Не сердитесь, что надоедаю. Барышне — мое нижайшее почтение. *(Направляется к дверям.)*

П а н и Г л у б и н о в а *(на прощание все же*

пытается пошутить). Как бы у вас опять щука удочку не утащила…

П е ч а р к а *(смеется).* Ну, тогда уж мне лучше вовсе не попадаться на глаза барышне, вконец засмеет… снова какой-нибудь стишок придумает… Не поминайте лихом… будьте здоровы, милая пани. *(В дверях.)* Ба, кого я вижу, барышня! Легка на помине… *(Дает Славке пройти, декламирует.)* «Загрустил Печарка — страсть…

С л а в к а *(стоя на пороге перебивает его).* …утянула щука снасть…»

Смех. П е ч а р к а, посмеиваясь, кланяется и удаляется. Славка входит в комнату, в руке у нее книга, которую она бросает на стол.

П а н и Г л у б и н о в а *(удивленно).* Как? Ты уже вернулась, девочка?

С л а в к а. Папа прогнал меня из лавки…

Пани Глубинова качает головой.

Говорит, сегодня такой прекрасный день… посиди лучше в парке… или сбегай выкупайся… или…

П а н и Г л у б и н о в а *(раздраженно).* Ради бога, будь посерьезней! Может, он не в духе?

С л а в к а. Какое там! Наоборот. Побрани его,

когда вернется. Он даже пел…

П а н и Г л у б и н о в а *(удивленно)*. Пел?..

С л а в к а. Песенку, которой уж давно не пел. Наверное, в последний раз пел ее, когда еще за тобой ухаживал…

П а н и Г л у б и н о в а. Девочка!

С л а в к а. Знаешь, эту — «Раз, войдя в Путимские ворота…»{44}.

П а н и Г л у б и н о в а *(задумывается, после короткой паузы)*. Так он эту песню пел?

С л а в к а. Да-а-а, именно эту.

П а н и Г л у б и н о в а *(опять после недолгого раздумья)*. А что ты думаешь по этому поводу?

С л а в к а. Я? Много. Все. И ничего… *(Садится, снимает шляпу, отбрасывает ее куда-то за спину.)* Фу, жарко!

Пани Глубинова качает головой, молча поднимает шляпу, вытирает с нее пылинки и кладет на место.

А что ты думаешь по этому поводу, мамочка?

П а н и Г л у б и н о в а *(колеблется, потом скороговоркой)*. Что… что он все-таки думает! Наверняка думает о встрече… Тебе он ничего не

{44} Комментарии: 2.44

«Раз войдя в Путимские ворота…» и, ниже, *«Ах ты, первый ученик…»*, *«Плотогоны плывут, плывут…»* — чешские народные песни.

говорил?

С л а в к а. Ни словечка. Только посматривал на меня весело и гордо, как на дочь, которой он очень доволен.

П а н и Г л у б и н о в а *(горестно)*. Мною он недоволен.

С л а в к а *(с наигранным безразличием)*. Этого он не говорил.

П а н и Г л у б и н о в а *(все так же горестно)*. Еще бы! Печарка верно подметил — отец свою фамилию оправдывает…

С л а в к а. Что? Ах да! *(С шутливым пафосом.)* Глубина, Глубина. Славка Глубинова! Такая красивая фамилия — и ни один молодой человек не хочет брать замуж!

П а н и Г л у б и н о в а *(со вздохом)*. По-моему, ты сама уже не раз все портила…

С л а в к а. Точнее, мы с папой. Рукой совместной и нераздельной…

П а н и Г л у б и н о в а. Я обоих вас не понимаю…

С л а в к а. И славу богу, мамочка. Было бы так скучно, если бы можно было заглянуть в душу другого, как в собственный карман.

П а н и Г л у б и н о в а. Прошу тебя, девочка, не говори со мной так мудрено. Ты же знаешь, это

не для меня…

С л а в к а. Для тебя, для тебя… Небось с Печаркой сплетничали про папу. Как некрасиво, мамочка!

П а н и Г л у б и н о в а *(в смущении)*. Что ты опять выдумываешь? Я только спросила его…

С л а в к а *(смеется)*. Знаю, знаю, как ты спрашивала…

П а н и Г л у б и н о в а *(все еще в смущении, растерянно обводит глазами комнату, задвигает ящик стола)*. Ты знаешь, никак не могу найти фотографию. Все обыскала — точно сквозь землю провалилась…

С л а в к а. Какую фотографию?

П а н и Г л у б и н о в а. Да где отец снят вместе со всем классом после выпускных экзаменов…

С л а в к а. Ну и что?

П а н и Г л у б и н о в а. Я сама ее спрятала, чтоб она не попадалась ему на глаза, не будила воспоминаний… и вот на тебе — нет как нет…

Славка пожимает плечами.

Может, он нашел фотографию и рассматривает с горечью тайком от нас…

С л а в к а. С горечью?

П а н и Г л у б и н о в а. А как же!.. Остальные

сделали такую карьеру… а он, первый ученик…

С л а в к а *(напевает)*. «Ах ты, первый ученик, пожиратель мудрых книг…».

П а н и Г л у б и н о в а *(с грустной взволнованностью)*. Когда стоишь за прилавком — тут не до пения, дочка…

С л а в к а *(декламирует)*. Писчая бумага, репродукции, рисовальные принадлежности, открытки…

П а н и Г л у б и н о в а. И все это из-за меня, из-за того, что я не сумела отступиться… *(С жалким пафосом.)* Повисла на его молодых крыльях…

С л а в к а. Мамочка, не говори со мной так поэтически. Ты же знаешь — не для меня это…

П а н и Г л у б и н о в а. Какие слова ни выбирай, все, что я говорю, — горькая правда.

С л а в к а *(неожиданно)*. А что у нас на обед, мамочка?

П а н и Г л у б и н о в а *(обиженно)*. Вот так всегда… обрываешь.

С л а в к а. Но ведь я уже наперед знаю, что ты скажешь… *(Весело.)* И не забудь про обед! У отца, по-моему, разыграется аппетит… он прекрасно выглядит, поет, шутит, прогоняет дочь из лавки…

П а н и Г л у б и н о в а. Но почему именно се-

годня?

С л а в к а *(быстро)*. Опять затянула старую песню. Если тебя не остановить, все начнется сызнова, как на репетиции.

П а н и Г л у б и н о в а качает головой, вздыхает, идет на кухню.

(С плутовской гримасой следует за ней, принюхивается.) Мамочка!..

Г о л о с п а н и Г л у б и н о в о й *(из кухни)*. Что?

С л а в к а. По-моему, подлива... того...

Г о л о с п а н и Г л у б и н о в о й *(оправдываясь)*. Это еще до тебя...

С л а в к а. Ага! *(Идет к шкафу, снимает блузку; напевая, надевает другую; подходит к окну, высовывается из него, модулируя голосом.)* «Плотогоны плывут, плывут...».

П а н и Г л у б и н о в а *(выходя из кухни)*. Что с тобой?

С л а в к а *(еще наполовину обращенная к окну)*. Что со мной? Мамочка, трепещи! У меня тайная любовь. *(Кивает с наигранным раскаянием.)* Да, да, тайная любовь! Ко всем плотогонам, которые вон там переправляются через плотину. Их всегда относит течением и разворачивает! И мне

кажется, что в этот момент они смотрят сюда, в окно, на меня, на барышню Славку Глубинову, которую мамаша никак не может сбыть с рук…

П а н и Г л у б и н о в а. Ах ты… *(Берет со стола книги, листает их.)* Ты была в библиотеке?

С л а в к а. Была. Но сегодня книг не выдают. Вероятно, тоже из-за этой несчастной встречи. А когда я проходила мимо гимназии, как раз вывешивали флаг…

П а н и Г л у б и н о в а *(испуганно)*. Господи, еще и флаг! Что, если отец пойдет мимо… поневоле вспомнит…

С л а в к а *(самым серьезным тоном)*. Может, ты сходишь к директору и попросишь, чтобы флаг сняли?

П а н и Г л у б и н о в а *(горестно)*. Почему бы и нет… Мало я наделала в своей жизни глупостей…

С л а в к а. Бедный папа!

П а н и Г л у б и н о в а. Я не меньше его достойна жалости…

С л а в к а. Бог мой, да что ты такое натворила?

П а н и Г л у б и н о в а. Несколько недель тому назад я как-то осталась в лавке одна. Пришел нотариус, тоже папин однокашник, спрашивал его. Хотел, чтобы твой отец вошел в этот… комитет

по организации встречи. Говорит, передайте все мужу — и пусть он зайдет ко мне. А я не сказала папе ни слова. Не знаю, говорил ли он потом с нотариусом… но при мне ни разу ни о чем не обмолвился. Ни о чем. Ах, дочка, дочка, если бы я могла на эти два дня увезти его куда-нибудь… Чтобы им не овладели… воспоминания, тоска, горечь. Что если приедет его самый любимый товарищ Рошкот! Сколько раз он с таким восторгом вспоминал о нем! И вот они встретятся! Рошкот, который достиг бог знает каких высот… и твой отец…

С л а в к а *(прерывает ее)*. К счастью, мамочка, у тебя разумная дочь, и она может дать тебе совет…

П а н и Г л у б и н о в а. Говори, детка, посоветуй что-нибудь ради бога… Ну, что ты придумала?

С л а в к а *(не спеша)*. Разве не случалось уже нам с папой… в субботу отправляться на реку, в Заотавье{45}, ночевать у перевозчика и оставаться там все воскресенье?..

П а н и Г л у б и н о в а *(на секунду лицо ее просветлело, но затем снова омрачилось)*. Ты знаешь, он этого не любит… Охотнее бывает там

{45} Комментарии: 2.45

Заотавье — край, простирающийся за рекой Отавой.

один или с молчуном Печаркой…

С л а в к а. Ну, один-то раз! Если в кои-то веки я его об этом попрошу, скажу, что мне ужасно захотелось, что этим он меня просто осчастливит…

П а н и Г л у б и н о в а *(лицо ее снова просияло)*. Да, конечно, ради тебя он поедет… Славка, детка, ты не представляешь, какой у меня камень с сердца свалился… И ты думаешь… ты думаешь, нужно прямо сейчас лететь к нему в лавку…

С л а в к а. Да-а-а, на крыльях моей блестящей идеи!

П а н и Г л у б и н о в а *(задыхаясь от радости)*. Запрем лавку… и прочь отсюда! Прочь! Я точно помолодела. А ты пока приглядывай за плитой, ладно? *(Бросает передник на спинку стула, срывает платье с вешалки в шкафу, устремляется с ним в кухню.)*

С л а в к а *(смотрит ей вслед, тихонько смеется, потом подходит к окну; пауза; неожиданно вскрикивает)*. Ах, упал!

П а н и Г л у б и н о в а *(вбегает, заканчивая на ходу переодевание)*. Что случилось? *(Тоже бросается к окну.)*

С л а в к а. Плотогон упал в воду!.. *(Уже с облегчением.)* Нет! Видишь? Плывет! Остальные смеются… *(С оттенком мечтательности.)*

Может быть, он и упал только для того, чтобы показать мне свою молодость и силу…

П а н и Г л у б и н о в а *(смеется)*. Не иначе как для этого…

С л а в к а *(игриво)*. Не смейся, мамочка. Я недаром говорила про тайную любовь…

П а н и Г л у б и н о в а. Главное, детка, не забудь, на плите — ростбиф…

С л а в к а *(вздыхает, с серьезным видом декламирует)*. Тогда одолжите мне, мамочка, свой рос-кошный передник! *(Надевает передник.)* Принимаю бразды! *(Кружится, держа уголки передника кончиками пальцев.)* Не благословить ли тебя, мамочка, на дорогу, чтобы все удалось? А то у меня есть некоторые опасения…

П а н и Г л у б и н о в а *(уже надела перед зеркалом шляпу)*. Боже мой, какие?

С л а в к а. Да никаких. Это я просто так… Иди уж, иди!

П а н и Г л у б и н о в а *(идет к дверям)*. Девочка, ростбиф!

С л а в к а *(подражая ее интонации)*. Мамочка, наша блестящая идея!

П а н и Г л у б и н о в а *(уже в дверях, прикладывает руку к груди)*. Веришь ли, дочка, у меня сердце так и колотится…

С л а в к а. Иди, иди…

Пани Глубинова хочет еще что-то сказать, но Славка легонько выталкивает ее и закрывает дверь. Пауза.

(Покачивая головой.) Да, да, мамочка, у меня есть некоторые опасения. Отец еще задаст нам задачу… *(Кружится, останавливается перед зеркалом в театральной позе.)* П-прилежная, почтительная, пленительная, плутовка, попрыгунья, привереда, п-ростушка-курочка… *(Еще секунду разглядывает себя в зеркале, потом куриным шажком семенит на кухню, откуда доносится ее пение.)*

Пауза. Стук в дверь. Славка его, видимо, не слышит; снова стук, молчание; затем дверь открывается и входит Й о з е ф Р о ш к о т, за ним — В и л л и Р о ш к о т; Славка выбегает из кухни; она удивлена, вопросительно оглядывает вошедших; пауза затягивается, и положение становится довольно комичным.

Й о з е ф Р о ш к о т *(наконец с шумной веселостью прерывает молчание).* Просим прощения… Добрый день, барышня…

Вилли Рошкот лишь молча кланяется, стара-

ясь скрыть смущение иронически-снисходительной улыбкой.

(Растроганный и воодушевленный, обводит глазами комнату.) Да-да, то самое жилище! Только… запах немного другой. И недостает тарахтения швейной машинки. И склоненного над шитьем узелка седых волос. Ах, все же многого, многого недостает… *(Еще более растроганно.)* Могу я, барышня, войти в эту комнату? *(Делает два-три шага по направлению к боковой двери.)*

С л а в к а *(которая, все еще ничего не понимая, удивленно разглядывала их, решительно преграждает ему дорогу)*. Нет. Это папина комната… Что господам угодно?

Р о ш к о т. Ха-ха-ха! Папина комната! Это бывшая моя комната, милая барышня…

С л а в к а. Ваша?

Р о ш к о т. В давние гимназические времена… *(Вдруг пристально всматривается в Славку.)* Но… гром меня разрази! Если торговка сушеными яблоками на улице не соврала, эту квартиру занимает пан Глубина, и, значит… значит, эти бесстрашные глаза…

Славка невольно улыбается и кивает.

Дочка?

Славка снова кивает.

Милая барышня… *(Протягивает ей руку, в которую она, словно дощечку, вкладывает свою.)* Милая барышня… да… да, в вашем лице я приветствую собственную молодость! *(Трясет ее руку и не выпускает из своей.)* Мы разлетаемся во все концы света… и после долгих лет разлуки, возвращаясь в знакомые места… жмем руку, маленькую и холодную, такую же, какие были у девушек тогда… Ах, если бы, если бы эта маленькая ручка понимала, сколь многое в ней заключено…

С л а в к а *(уже о чем-то догадывается, с озорной улыбкой)*. Как знать…

Р о ш к о т. О нет! Нет. Этого она понимать не может. И даже назови я себя, это будет лишь пустой звук…

С л а в к а *(с прежним лукавством)*. Как знать…

Р о ш к о т. Ну — Рошкот, Рошкот, по прозвищу Длинная Трубка. Вот я и назвал себя…

С л а в к а. …и это не пустой звук. Это имя здесь часто произносили.

Р о ш к о т *(растроганно)*. Часто? Милая моя барышня… *(Вилли.)* Эх, сынок, сынок… вот и размяк твой отец, совсем размяк…

В и л л и *(который все это время не спускал глаз со Славки, отбрасывает свою ироническую улыб-*

ку и, сочтя, что настала пора представиться, делает это на редкость неловко). Вилли Рошкот.

Р о ш к о т *(с шутливым негодованием).* Не слишком ли церемонно? Вилли Рошкот, барышня Глубинова. Нет, нет, нет, не так! Сейчас же поздоровайтесь по-настоящему, радушно!

Вилли и Славка смущенно протягивают друг другу руки.

Собственно, вы бы должны поцеловаться! Да, да, что вы на меня так уставились? Ваши отцы не один пуд табаку выкурили из одной трубки! Да что там табак — а все остальное? Эх-ма! Теперь, милая барышня, вы все же позволите мне взглянуть на мои бывшие владения?

С л а в к а. Разумеется... *(Сама открывает ему дверь.)*

Р о ш к о т *(проходя, указывает на место возле окна).* Здесь стоял старый секретер, разукрашенный виньетками. Хозяйка, покойная пани Свободова, звала его «дедушкой». Бедняжка! Не было на свете ничего более трогательного, чем ее подрагивающий узелок на затылке... Посмотри, сынок, из окна! Открой глаза! Если ты умеешь смотреть, тебя так и ослепит! Красотища, а?

Вилли подходит к окну, равнодушно выгляды-

вает из него.

(Тычет пальцем в стену неподалеку от дверей.) Вот сюда пани Свободова стучала по утрам прямо мне в ухо. Как раз по другую сторону стены стояла моя кровать… *(На пороге комнаты, заглянув в нее.)* Бог мой, да ведь она еще здесь. И все остальное… и стол… как будто кто умышленно оставил все на старом месте… *(Расчувствовавшись.)* Вы мне разрешите, милая барышня, побыть здесь минутку наедине?

Славка, видимо, тоже растроганная, молча кивает.

Благодарю вас, благодарю… *(Нерешительно входит, прикрывая за собой дверь.)*

В и л л и *(стоит спиной к окну, не зная, с чего начать разговор; пауза; кивает в сторону соседней комнаты).* Сентиментальное поколение — эти наши отцы! Того и гляди — слезу там пустит…

Славка, смерив его взглядом, молчит.

И на кой леший он притащил меня сюда? Это хуже, чем десять похорон. У каждого столба: ты только посмотри! И опять: ах! ах!.. Кошмар! Я кажусь себе носовым платком, в который льют слезы. После этих двух дней меня хоть отжимай!

Славка опять молча бросает взгляд в его сторону.

(Уже несколько задет этим молчанием.) Называть медвежий угол городом — по-моему, верх самомнения. Люди здесь от скуки, вероятно, носы друг другу откусывают… *(С намеком и гримасой.)* Говорить-то им не о чем…

С л а в к а *(неожиданно)*. Вы уже смотрели в окно?

В и л л и *(насмешливо)*. На эту красотищу?

С л а в к а. Взгляните еще раз…

В и л л и. Зачем?

С л а в к а *(резко)*. Если вы посмотрите и не скажете — как прекрасно! — я подумаю, что хотя нынешнее поколение и не сентиментально, но…

В и л л и *(несколько удивленный, бросает взгляд сначала на нее, потом в окно)*. Ну, смотрю… Река, какие-то луга, за ними — лес…

С л а в к а. И это все?

В и л л и *(равнодушно)*. Какая-то высоченная труба…

С л а в к а. Это пивоварня.

В и л л и *(насмешливо)*. Страх как интересно!

С л а в к а. А река!

В и л л и. Река? Ну что ж… по-моему, течет. Немного шумит.

С л а в к а. Сверкает на солнце.

В и л л и. О, вот это чудо, вроде того… что я ношу брюки.

С л а в к а. А вы уверены, что носите брюки?

В и л л и *(качает головой, удивленно-скучающим тоном)*. Здесь всегда так острят?

С л а в к а. Только когда приезжают молодые господа из Праги…

В и л л и. Благодарствую. С меня довольно. *(Отходит от окна, садится на ближайший стул, дерзко изучает взглядом Славку; грубовато.)* Отсюда вид куда лучше, чем из окна…

С л а в к а *(с холодной решимостью)*. Вы сию же минуту будете смотреть в другую сторону или…

В и л л и *(изумленно)*. Или?

С л а в к а *(хватает со стола книгу)*. Или я запущу вам в голову этой книгой.

Р о ш к о т *(входит, все еще во власти воспоминаний, и не сразу замечает остроту ситуации; его взволнованность обрела более грустный оттенок)*. Дети, милые дети, все же нам не дано безнаказанно вступать в места нашей молодости! Сразу ощущаешь все мозоли! Все ревматические суставы отзываются болью. Осенний ветер проносится по лысой прогалине, где некогда была буйная шевелюра. Нет, нет, дети, такие экскурсы

не проходят безнаказанно… *(Натянуто смеется; потом с изумлением смотрит на обоих.)* В чем дело? Почему у вас такой вид? Вам-то старые мозоли не напоминают о себе…

С л а в к а *(делает резкое движение в сторону Вилли)*. Вы сами… воспитывали этого молодого человека?

Р о ш к о т *(еще удивленнее смотрит то на сына, то на Славку)*. Ха-ха-ха!

С л а в к а. Я серьезно спрашиваю.

Р о ш к о т. Ха-ха-ха!

В и л л и *(встает, в нем все кипит; презрительно)*. Позволь, отец, ответить мне…

Р о ш к о т. Тсс! Тсс!.. *(Смеется.)* Хотя я ни бельмеса не понимаю, но дочери старинного приятеля отвечу даже… на нескромные вопросы… *(Опять короткий смешок.)* Сам ли я воспитывал этого верзилу? Нет, нет, не могу, к сожалению, похвастать. Много было разных воспитателей… и у каждого свой метод. Сперва — покойная мать. Парень, когда родился, весил восемь фунтов. Не знаю, что тут такого. Но она тысячу раз на дню рассказывала каждому встречному и поперечному об этом, и ее восторгов хватило на весь год, пока она оставалась с нами. После нее появилась какая-то тетя. Некогда она провела два года в

Опатии{46} и пережила там два романтических увлечения. Подозреваю, что десятилетний мальчуган был посвящен во все подробности. Она была большой энтузиасткой цирка. По ее адресу мальчик, вероятно, отпустил первую свою остроту. Он прозвал ее — «наш цирк Сарразани»{47}... Итак, покойница мать, тетка. Кроме того, разумеется, служанки. Потом, пражская улица. Далее... великолепно натренированная команда спортивного клуба «Чехия», где он отлично играл левого крайнего... фактор куда более значительный, чем влияние семи классов реальной гимназии, которую он иногда посещал. И, наконец, — война. Восемнадцатилетний парень идет в окопы... *(Обращаясь к Вилли.)* Может, я что-нибудь пропустил, Вилли?

В и л л и. Кое-что. Прежде всего — «Собаку Баскервилей»{48}. Я прочитал ее шесть раз. Самая

{46} Комментарии: 2.46

Опатия — город на Адриатическом побережье Югославии.

{47} Комментарии: 2.47

Цирк Сарразани — самый крупный, трехманежный цирк-шапито предпринимателя и дрессировщика слонов Сарразани, разъезжавший по Европе в 10—20-е гг. XX в.

{48} Комментарии: 2.48

«Собака Баскервилей» — роман (1901—1902) английского писателя Артура Конана Дойла (1859—1930), автора широко известных детективных произведений, в центре которых — образ проницательного детектива Шерлока Холмса.

увлекательная книга на свете!

Рошкот, указывая в его сторону пальцем, смеется.

С л а в к а *(которая во время рассказа Рошкота отказалась от своей холодной, неприязненной мины и, улыбаясь, переводила взгляд поочередно то на отца, то на сына, насмешливо восклицает).* «Собака Баскервилей», о-о!

В и л л и *(взяв со стола книгу, листает ее, презрительно скривив уголки рта).* Барышня, разумеется, читает…

С л а в к а. Оставьте мою книгу в покое. Этим фолиантом я и собиралась запустить вам в голову…

Р о ш к о т. Ха-ха-ха, значит, у вас вышел литературный конфликт?

Славка молча меряет взглядом Вилли, словно говоря: «А теперь выкладывай все начистоту, голубчик!»

В и л л и *(в смущении).* То есть… *(Мельком исподлобья бросает взгляд на Славку; внезапно.)* Прошу меня извинить…

Р о ш к о т *(победоносно).* Слышите, слышите этого молодчика? Оболочка у него малость с гнильцой, но сердцевина еще не затронута.

Сохранилась! Целый ворох добродетелей… В трудную минуту не подведет… *(Смеется.)* А теперь живо, дети, миритесь, живо! Ваши отцы поступали именно так.

С л а в к а *(смеется)*. Мы уже…

В и л л и *(бросает взгляд на окно; оправдывающимся тоном)*. Если бы не труба… то все остальное… *(Умолкает в замешательстве.)*

Славка смеется.

Р о ш к о т. Что еще за труба? И вообще, дети… *(смотрит на часы)* все это слишком затянулось. Я, правда, чрезвычайно рад, милая барышня, знакомству с вами, но этого, увы, мало. Мне до зарезу нужен мой старый товарищ Гонзик Глубина. Подайте мне его сей секунд… или хотя бы наведите на его след… не то…

С л а в к а. Он в магазине.

Р о ш к о т *(видимо, не расслышав)*. Простите?..

С л а в к а. Он в магазине. Канцелярские товары, картины, краски и кисти, открытки…

Р о ш к о т *(недоверчиво глядит на нее; с плохо скрываемым удивлением)*. А-а-а… правда, правда, я что-то слышал…

С л а в к а *(язвительно)*. Вряд ли вы что-то об этом слышали…

Р о ш к о т. Слышал, слышал. Хотя… трудно было поверить. Гордость нашего класса…

С л а в к а. Орлиные крылья, как говорит мама…

Р о ш к о т. Хорошо сказано, ей-богу, мне тоже чудилось, будто у него орлиные крылья…

С л а в к а *(прерывает его, колко)*. А вам не кажется, что эта встреча… довольно-таки сомнительная затея? Орлы слетаются… в клетки для откорма каплунов и прекрасно в них умещаются, ни одного перышка не торчит наружу!.. Надеюсь, отсюда вы отправитесь прямо на вокзал. И уедете первым же поездом, даже не оглядываясь. Это самое благое, что вы можете сделать.

В и л л и. Право, отец, тебе стоило бы воспользоваться этим советом. Здесь ты утратил свой юмор. Завтра ты будешь желтый. А высунув язык, обнаружишь на нем признаки по крайней мере семи болезней…

Славка смеется.

Р о ш к о т. Цыц, молокосос! *(Славке.)* Послушайте, умница-разумница, сколько вам, собственно, лет?

С л а в к а *(весело)*. Какое это имеет значение? Двадцать семь.

В и л л и *(как-то слишком поспешно)*. Сейчас вы сказали неправду…

С л а в к а. Поосторожней, вторично я с вами мириться не стану… *(Шутливо.)* Клянусь собакой Баскервилей — двадцать семь!

Р о ш к о т *(качает головой)*. Двадцать семь.

С л а в к а. И ни чуточки не меньше. Это вам что-нибудь говорит?

Р о ш к о т. Если бы ваш клювик прощебетал что-нибудь еще… Послушайте, вы сказали вроде бы, что имя Рошкот произносилось в этом доме не без уважения… так вот, ради этого уважения…

С л а в к а. Да, это имя здесь звучало. Звучало как… зов оттуда, снизу, с реки. Река была от него неотделима, не знаю почему. Особенно когда над ней светил месяц…

Р о ш к о т *(удивлен, растроган, смотрит в окно)*. Черт возьми, какое совпадение…

С л а в к а. Представьте себе, я знаю также, что тогда, после выпускных экзаменов, уже совсем под утро, два молодых человека поднялись наверх, на Шибеняк{49}… и дали там торжественную клятву…

Р о ш к о т *(привскакивает)*. Да, да-а-а… обратив-

{49} Комментарии: 2.49

Шибеняк и, ниже, *Стеглицкий лес, Святой Габриэль* — местные названия.

шись лицом к багряному месяцу!

С л а в к а *(взглянув на стенные часы; сухо).* Одиннадцать. Поезд на Прагу отходит в пять минут первого.

Р о ш к о т. Благодарю вас, барышня, я воспользуюсь им послезавтра.

В и л л и *(украдкой бросив в сторону Славки многозначительный взгляд).* В самом деле, отец, у тебя уже нездоровый цвет лица…

Р о ш к о т. А тебя, невоспитанный мальчишка, я выпорю еще сегодня, несмотря на твою фронтовую медаль… *(Смеясь, Славке.)* Узнаю ли я наконец, милая барышня…

С л а в к а. Я сделаю все, решительно все, чтобы обратить вас в бегство.

Р о ш к о т. Ого!

С л а в к а. Итак, вернемся к торжественной клятве на горе Шибеняк. На клятве вскоре был поставлен крест. Бесповоротно! Орла вы и клещами не отодрали бы от земли. Он прилип, как муха к клейкой бумаге. Сначала одно, через год — другое, и орел прилип окончательно… *(Обращаясь к Вилли.)* Не притворяйтесь, будто вы так проницательны, что заранее обо всем догадываетесь…

Вилли пожимает плечами.

И оставьте эти ваши ужимки…

Р о ш к о т *(смотрит на одну из фотографий, развешанных по стене)*. Это и есть…

С л а в к а. Та самая клейкая бумага. Моя мама. Мила, не правда ли?

Р о ш к о т. Очень милая дама.

С л а в к а. Она заслуживает, чтобы вы сказали о ней больше.

Р о ш к о т *(смеется)*. Дайте срок.

С л а в к а. Не дам. Взгляните немного правее. Все семейство. Орел и обе клейкие бумажки.

Р о ш к о т *(тронут)*. Боже, в самом деле, Гонзик…

С л а в к а. А вот эта кроха, от земли два вершка, — я.

Вилли тоже хочет взглянуть на фотографию, но Славка заступает ему дорогу, делая предостерегающее движение.

Р о ш к о т. Смотрю я на эту егозу, и вот что мне хочется сказать…

С л а в к а. Ничего не говорите. Слушайте дальше.

Р о ш к о т *(смеется)*. Чем дольше я вас слушаю и смотрю на вас, тем меньше опасаюсь вашей истории.

С л а в к а *(с простодушным изумлением).* Вы и вправду думаете, что в ней нет ничего стр-р-рашного?

Рошкот, смеясь, качает головой.

Тогда представьте, что орлу пришлось стать писарем у адвоката…

Р о ш к о т *(поспешно).* До меня доходили слухи. Я послал несколько писем, но не получил ответа…

С л а в к а. По вполне понятной причине… Орлу и впрямь пришлось туго, он даже начал кашлять… Теперь взгляните еще раз на мамин портрет. Вы, надеюсь, не сомневаетесь, что это женщина волевая?

Р о ш к о т. Безусловно, глаза излучают энергию и волю.

С л а в к а. Энергия тут, пожалуй, вовсе не в глазах, но не важно. И вот это маленькое, весьма энергичное существо принялось размышлять. Не тратя слов попусту, мама однажды взяла и открыла писчебумажную торговлю. Удивленный папа очутился среди чистеньких коробок, с которых она старательно стирала пыль, чтобы муж не кашлял… *(С минуту молчит; смотрит на Рошкота.)*

Р о ш к о т. Что же дальше?

С л а в к а. А дальше — ничего. Это все.

Р о ш к о т. Но тут нет ничего страшного, это трогательно, прекрасно…

С л а в к а *(удивленно)*. Неужто это не страшно? Орлиное дерзание молодости — и вдруг…

Р о ш к о т *(весело)*. Теперь я знаю, что найду своего товарища счастливым и довольным…

С л а в к а. Для того ли слетаются после долгой разлуки орлы, чтобы увидеть вместо своих товарищей каплунов, посаженных на откорм.

Р о ш к о т. Ха-ха-ха!

С л а в к а. Смейтесь, смейтесь, я-то знаю — вам не до смеху.

Р о ш к о т *(все еще смеясь)*. Глядя на вас, не скажешь, что инкубатор, в котором вы вылупились, был клеткой для каплунов.

В и л л и *(с внезапной поспешностью)*. Я бы тоже этого не сказал…

С л а в к а *(делая вид, что слова Вилли ее задели)*. Только вашего мнения мне и не хватало… Но не обо мне речь. И вообще… вы оба — ужасные тугодумы. Впрочем, под тем, что на первый взгляд кажется пустяком… скрывается еще кое-какая история… И если, дослушав ее, вы не согласитесь, что она очень грустна…

Р о ш к о т. Ну, звоночек, вызванивай уж все поскорей…

Славка хмурится.

В и л л и *(заметив это)*. Полагаю, отец… не следует называть барышню иначе, чем того требуют приличия… *(Сам смущен своим вмешательством.)*

Р о ш к о т *(удивленно)*. Ах ты, чертяка эдакий! Да замолчишь ли ты наконец? *(Улыбающейся Славке.)* А что касается вас, милая барышня…

С л а в к а. Молчок! Оставим это. Лучше послушайте меня… *(Украдкой улыбается Вилли; потом становится серьезной.)* Да, в ту пору здесь свило гнездо скромное, робкое счастье. Что скромное — так это уж наверняка. Писчебумажная торговля — работа чистая. Мальчики заходят купить солдатиков или рождественские фигурки. Девушке нужна бумага с незабудками в уголке. А за прилавком с превосходством, взрослого ухмыляется в усы мужчина. Но у мамы, когда она бывала в лавке, щемило сердце. Она вспоминала орла! Ее мучили угрызения совести. Из-за нее, по ее вине он опустил крылья. Она хотела все исправить. Ей уже мерещилось, как орел взмывает, парит над землей. Она верила в его звезду.

Человек за прилавком незаметно для самого себя был подхвачен потоком событий и вовлечен в общественную деятельность. Вроде бы теперь-то он мог бы выказать свою орлиную хватку! Но по той или по иной причине — а только все усилия закончились лишь длинной вереницей разочарований…

Рошкот хочет что-то сказать.

(Останавливает его жестом и продолжает.) Помню одну из последних маминых попыток. Я была уже достаточно взрослой, чтобы немного понимать происходящее. Попытка, видимо, была решительной и последней. Исподволь отцу начали напоминать о его литературных опытах гимназических лет. Что-то постоянно будило в нем эти воспоминания, они буквально носились в воздухе. Пошли разговоры о романе, ах, разумеется, о романе, и ни о чем другом, и уже заранее предполагалось, что это будет прекрасная книга. Но папа не ударил пальцем о палец. Казалось, он вообще ничего не понимает… Стал избегать нас, удирать на рыбалку. А роман так и не был написан…

Р о ш к о т *(давно уже не мог спокойно усидеть на месте и несколько раз обменивался с Вилли*

многозначительными взглядами). Нет, был!

С л а в к а. Что-что? Роман был написан?

Р о ш к о т. Ха-ха-ха!

В и л л и *(показывает Славке длинный нос).* Похоже, самый сильный козырь у нас на руках…

С л а в к а *(Вилли).* Да перестаньте вы… *(Рошкоту.)* А мы с мамой ничего не знали; он от нас все скрыл!..

Р о ш к о т. Ха-ха-ха, я ведь тоже случайно сунул в это дело свой нос… В Праге, знаете ли, мне приходится немало времени проводить в разных там правлениях и заниматься всякой ерундистикой. Бывал я и в одном издательстве. Как-то раз захожу, а директор — хлоп себя по лбу. Дескать, у них залежалась рукопись, автор которой не дает о себе знать. Казалось бы, что такого? Но тут выяснилась одна деталь. Рукопись была посвящена моему однофамильцу, а название ее напомнило мне что-то очень знакомое. Красивое такое название. *(Тычет пальцем в сторону окна.)* «Месяц над рекой». Понимаете? «Месяц над рекой». Ха-ха-ха!

С л а в к а *(взволнованная и сияющая).* Значит, это будет напечатано! Книга выйдет!

Р о ш к о т. То есть… видите ли… *(В замешательстве переглядывается с Вилли, которому тоже не по себе.)* Я уже говорил об этом Вилли,

не правда ли, мальчик? Они… то бишь эти редактора… твердолобые буквоеды. Придиры. Сразу сто возражений. Тут им чего-то не хватает, там, наоборот, чего-то в избытке… Словом… как бы это выразиться…

С л а в к а *(строго)*. Не трудитесь. Я уже поняла.

Р о ш к о т. Ах, милое дитя, вы все воспринимаете слишком трагически. Мы с Гонзиком над всем этим еще посмеемся. Я скажу ему: а знаешь, Гонзик, наш месяц-то оказался на поверку отъявленным лгуном… Понимаете, в его романе было одно местечко…

С л а в к а *(взволнована)*. Перестаньте же. Не говорите об этом так. Ведь… если бы роман не был написан, мы еще могли строить красивые домыслы насчет того, почему он не был и не мог быть написан… Но раз он написан, раз орел пытался взмыть в небеса и не долетел…

Рошкот недоуменно пожимает плечами.

(Трет виски.) Кажется, все мамины страхи передались и мне!

Рошкот снова пожимает плечами, вопросительно смотрит на Славку.

Да, да, знайте же, мама вас боялась. Я смеялась

над нею, а теперь поняла: и впрямь было чего бояться…

Рошкот делает жест удивления.

Съезжаетесь, словно для какой-то взаимной мести. Будете цинично пересчитывать нанесенные жизнью раны, похваляться культяпками. Вышучивать друг друга… Говорить: какая там молодость… Ничего такого не было, а если и было, то сейчас это способно вызвать только улыбку… *(В негодовании отходит к окну.)*

В и л л и *(все время, как зачарованный, смотрел на Славку).* Отец… А ведь барышня права.

Р о ш к о т *(пораженный).* Дети, дети… да вы просто рехнулись! *(С коротким, горьким смешком.)* Черт меня подери! И это называется — по прошествии долгих лет вернуться в места своей молодости?!

С л а в к а *(у окна).* Если я взгляну теперь отсюда на реку, она, вероятно, уже не будет мне петь, навевать воспоминания, обещать… Она будет только насмехаться… *(Высовывается из окна, вдруг слабо вскрикивает и отскакивает от него; задыхаясь.)* Вы должны сию же минуту уйти… сейчас же, немедленно… папа возвращается…

Р о ш к о т *(с облегчением).* Слава богу! Нако-

нец-то! Положение становилось прямо-таки… гм, гм… *(Смеется.)*

С л а в к а *(с шумной нетерпеливостью)*. Нет, нет, нет, вы должны сию же минуту уйти.

Р о ш к о т *(удобнее усаживается в кресле, хохочет)*. Вот еще!.. И посмеемся же мы с тобой, Гонзик!

С л а в к а *(все более встревоженно)*. Что скажет мама! Как мне прогнать вас отсюда?

Рошкот только качает головой и продолжает смеяться.

(В отчаянии прибегает к последнему средству.) Поймите же… папа очень болен. Его совершенно нельзя волновать. Подумайте… он ничего не знает о вашей встрече. Даже это мы были вынуждены от него скрыть…

Р о ш к о т *(перестает смеяться, испуганно)*. Что… что вы сказали? Болен?

С л а в к а. Да, да, очень болен. У него… психическое расстройство. И бог весть чем это может кончиться.

Р о ш к о т *(упавшим голосом)*. Это, стало быть, и есть то страшное, о чем вы…

С л а в к а *(перебивает)*. Да, именно это. Представляете, что будет, если он с вами встретится,

узнает вас!

Р о ш к о т. Но как это случилось? Когда?

С л а в к а. Не спрашивайте, уходите. Я вам потом напишу. Обо всем напишу. Ступайте, ступайте… *(Чуть ли не выталкивая их, приоткрывает дверь, прислушивается, испуганно закрывает опять.)* Нет, нет, теперь уже нельзя. Вы можете встретиться на лестнице. Вам нужно… вы должны…

Р о ш к о т *(в растерянности)*. Ради бога… как же мы теперь… милая барышня…

С л а в к а. Вы скажете… Нет, вы ничего не скажете. Вы будете молчать. И ни с места. Я сама все скажу…

Р о ш к о т. А… если он меня узнает?

С л а в к а. Пожмете плечами. Мол, долго ли обознаться. Мол, у вас совсем другая фамилия и вы не знакомы. Молчите, молчите, не двигайтесь… *(Прикладывает к губам палец.)*

Двери открываются, в них — Г л у б и н а, за его спиной — п а н и Г л у б и н о в а; увидев двух неизвестных, они в удивлении застывают на пороге; ситуация была бы смешной и мучительной, но Славка тут же нашлась.

(Торопливо обоим Рошкотам.) Право, господа,

это ошибка. Такой фамилии я не слыхала. Поспрашивайте у соседей. Авось…

Рошкоты косятся на вошедших и, чуть ли не подталкиваемые Славкой, направляются к открытой двери.

Г л у б и н а. Кого разыскивают господа?

Р о ш к о т *(смотрит в сторону, поправляет вдруг показавшийся ему тесным воротничок, в замешательстве)*. Прошу прощения…

С л а в к а *(тотчас же вмешивается)*. Ну что вы, пустяки, пустяки. Может, кто вам и подскажет… *(Выпроваживает их за порог.)*

Р о ш к о т ы, бормоча извинения, уходят. Славка закрывает за ними, на минуту останавливается, чтобы перевести дух; пани Глубинова вопросительно смотрит на нее, Глубина не спускает глаз с двери, словно силясь что-то припомнить.

Г л у б и н а *(помолчав)*. Кого эти господа искали, Славка?

С л а в к а *(мельком взглянув на него)*. Какого-то, какого-то… нет, уже не помню. Отродясь не слыхивала такой фамилии.

Г л у б и н а. Гм!

П а н и Г л у б и н о в а. Да ведь на тебе, дочка, лица нет!

Г л у б и н а. По-моему, мама права.

С л а в к а. Я ужасно перепугалась…

П а н и Г л у б и н о в а. Помилуй бог, чего? Говори же!

С л а в к а *(немного растеряна)*. У этого… старшего… похоже, здесь не совсем… *(Многозначительно показывает пальцем на лоб.)*

П а н и Г л у б и н о в а. Да ну? Быть не может!

С л а в к а *(утвердительно кивает головой)*. Да, да… младший подавал мне из-за его спины знаки…

П а н и Г л у б и н о в а. Всегда тебе говорю: запрись и никого из посторонних не впускай!.. Чего только не случается в наше время! *(Снимает шляпу.)*

Г л у б и н а *(все еще как бы погруженный в воспоминания)*. Этот младший… мне кого-то…

С л а в к а *(тараторит)*. Это… ну… его провожатый. За ним, верно, нужен глаз да глаз. Пожилой явно бродит по квартирам в поисках несуществующих жильцов, и молодому приходится следовать за ним по пятам. Я где-то читала про таких тихопомешанных…

Г л у б и н а. Нет, я хотел сказать… что этот

младший…

С л а в к а *(опять скороговоркой).* Он мне даже представился…

Г л у б и н а *(с неподдельным интересом).* Как же он себя назвал?

С л а в к а. Постой, постой… *(Словно припоминая.)* Вспомнила: Зденек Влах!

Глубина разочарованно пожимает плечами и кладет на стол какой-то сверток.

Тебе не нравится, как его зовут?.. Ну, предоставим этих помешанных чудаков самим себе… и… *(Подскакивает к Глубине и звонко целует его.)* Вот!

П а н и Г л у б и н о в а *(с растроганной улыбкой).* Ну и взбалмошная…

Г л у б и н а *(качает головой).* Не каждый день, Славка, ты расточаешь такие нежности…

С л а в к а *(с шутливым пафосом).* Это за то, что ты очень хороший отец и в воскресенье повезешь нас туда… где не может грусть напасть… где когда-то у Печарки утащила щука снасть…

Г л у б и н а *(смеется, отрицательно машет рукой).* Тогда… бери свой поцелуй назад. Я не могу его принять…

С л а в к а *(изумлена).* Как?

П а н и Г л у б и н о в а *(растерянно поглядывая на Глубину).* У папы… по-моему… нынче нет особого желания…

Г л у б и н а. О-го-го, напротив, у твоего отца сегодня тысячи самых разнообразных желаний…

Славка несколько раз переводит удивленно-вопрошающий взгляд с отца на мать.

П а н и Г л у б и н о в а *(со скрытым упреком в адрес мужа).* Меня, девочка, ни о чем не спрашивай, я ничего не знаю. Может, папа скажет тебе больше, чем мне…

Г л у б и н а. Ах, женщины, женщины, я ведь и сам ничегошеньки не знаю… *(Смеется и машет руками, уходит в свою комнату.)*

П а н и Г л у б и н о в а *(явно ошеломлена, поспешно Славке).* Ах, девочка, если бы ты знала…

С л а в к а. Что, мама?

П а н и Г л у б и н о в а *(у нее даже голос осекается).* Ведь он… он… он наверняка знает о встрече… и он уже что-то задумал…

С л а в к а. Ах, мамочка, а если бы ты знала…

П а н и Г л у б и н о в а. Что, дочка?

С л а в к а *(указывает на входную дверь).* Ведь это был Рошкот!

П а н и Г л у б и н о в а *(смешно пугаясь).* О

господи!

С л а в к а. И если б только он один! *(Показывает на пальцах.)* Целых два Рошкота! Старый и молодой!

П а н и Г л у б и н о в а. И что же?.. Как же ты?..

С л а в к а *(делает движение в сторону соседней комнаты)*. Тсс! *(Отскакивает от пани Глубиновой, которая поспешно уносит свое изумление в кухню.)*

Г л у б и н а, уже переодетый, возвращается.

Г л у б и н а *(бросает беглый взгляд на Славку, потом в сторону кухни; вынимает из кармана часы и с нарочитой медлительностью сверяет их со стенными)*. Гм!

С л а в к а *(заметив это, кричит в кухню)*. Мамочка, папа уже поглядывает на часы…

Глубина делает гримасу.

Г о л о с п а н и Г л у б и н о в о й *(из кухни)*. Сейчас, сейчас все будет готово, накрывай пока…

С л а в к а *(собирается накрывать на стол)*. Право же, папа, ты не можешь на нас пожаловаться. Стоит только тебе мигнуть — и мы уже забегали… *(Берет со стола книги и принесенный Глубиной сверток.)* Что это?

Г л у б и н а. Ничего особенного. Кое-что для продажи.

С л а в к а. Картина?

Г л у б и н а *(сдержанно)*. Что-то вроде этого.

П а н и Г л у б и н о в а *(высовывает из приоткрытой двери голову)*. Ах, дочка, дочка... За ростбиф папа тебя не слишком-то похвалит... *(Исчезает.)*

С л а в к а. Сегодня, мамочка, нам это сойдет с рук. Папа встал с правой ноги.

Г л у б и н а *(улыбается, удобно усаживается в кресле)*. А все из-за ночной грозы. Вовремя нагрянула, как по заказу...

С л а в к а *(накрывает на стол)*. Жаль, что я проспала.

Пани Глубинова входит с тарелками.

Г л у б и н а. Конечно, жаль. Зато я не проспал. Так красиво молнии уже давно не сверкали!

П а н и Г л у б и н о в а *(Славке)*. Ты даже не шелохнулась, когда я ночью закрывала у тебя окно.

Г л у б и н а. Да. И у меня ты тоже закрывала.

П а н и Г л у б и н о в а *(удивлена)*. Я думала — ты спишь.

Г л у б и н а. Судя по всему — нет. И как только ты вышла, снова раскрыл окно. *(Смеется.)* Поти-

хоньку, разумеется.

П а н и Г л у б и н о в а *(задета и обеспокоена)*. Видишь, видишь, Славка… папа водит нас за нос…

Г л у б и н а *(весело)*. А разве, жена, не красиво сверкали ночью молнии?

П а н и Г л у б и н о в а. Так ли уж красиво?!

Г л у б и н а. Еще как красиво!.. А утром я набрызгал возле умывальника — вот уже ты головой покачала… *(Смеется.)*

С л а в к а. Над этой лужей я тоже качала головой, папа…

Г л у б и н а *(бодро)*. Хорошо, детки, прямо с постели окунуться в этакую благодать…

Славка и пани Глубинова обмениваются тревожными взглядами.

Выйдя из дому, я сразу учуял, что денек выдастся на славу. Тут же, за порогом, я сказал себе одно слово, за углом — второе, а потом и все остальное. Не успел дойти до лавки, как уразумел: не нужно петлять… Бери быка за рога!

С л а в к а *(изумленно)*. Мама, ты что-нибудь понимаешь?

Пани Глубинова отрицательно качает головой и уже заранее страшится того, что сейчас, веро-

ятно, услышит.

Я тоже.

Г л у б и н а *(не обращает на них внимания)*. И честное слово, если бы сегодня утром я встретил двадцатилетнего Гонзика Глубину, видит бог, я бы посмеялся, а у него вытянулось бы лицо. Но я бы не уступил ему дорогу. Я бы глянул этому пареньку прямо в глаза. И к черту все его громкие, цветистые фразы, все его претензии…

С л а в к а *(печально и тихо)*. Нечто подобное я сегодня уже слышала…

Г л у б и н а. Что?

С л а в к а. Ничего. Понемногу я начинаю тебя понимать.

П а н и Г л у б и н о в а *(все больше пугаясь)*. А я никак не пойму…

Г л у б и н а *(весело)*. Ах вот оно что!.. Ну-с, а потом я отпер лавку и увидел, как там славно. Все по мне, словно перчатка, которая пришлась впору! Веселая лавочка, и — на хорошем месте… Кажется, она сама тянет тебя за рукав и говорит: я здесь! Солнце появляется в ней с самого утра, ждет меня на ступеньках, а напротив, у жестянщика, висит клетка с певчим дроздом… Видишь, говорю я себе, тысячи людей во всем мире опять пускаются в погоню за всякими химерами, а я

могу спокойно постоять у входа и послушать пение дрозда…

С л а в к а *(с горькой усмешкой)*. И уж этого-то, конечно, было вполне достаточно, чтобы запел и ты.

Г л у б и н а. Я пел? Правда? Я даже не заметил.

С л а в к а. А потом постарался как можно скорее выпроводить меня из лавки.

Г л у б и н а *(смеется)*. Это я уже припоминаю. Но… *(опять смеется)* на то была причина.

С л а в к а. Причина?

Г л у б и н а. Да! Хотелось свободно вздохнуть, развязать себе руки и… взять быка за рога… *(Смеется.)*

Пани Глубинова и Славка обмениваются недоумевающими взглядами.

Потом я вырезал из картона два аккуратных квадрата и на одном из них каллиграфическим почерком вывел… *(Делает многозначительную паузу.)*

Пани Глубинова и Славка нетерпеливо смотрят ему в рот.

(Наконец декламирует.) «Участники встречи выпускников гимназии… вероятно, не пре-

минут… осмотреть в заведении бывшего их товарища… новую серию прекрасных открыток с пейзажами родного края… которые будут для них трогательным напоминанием о днях молодости…»

Пани Глубинова и Славка сильно взволнованы.

(Ничего не замечает.) А раз я написал это на одном картоне, то, конечно, написал и на втором… После обеда я выставлю свою приманку в витрине… А это… *(Разворачивает бумагу.)* У тебя, Славка, прекрасный почерк, и ты мне здесь, внизу, напиши что-нибудь по-французски, этак покрасивей… Это групповая фотография выпускников нашей гимназии… Бе я тоже выставлю в витрине… рамка уже приготовлена… а потом, потом встану, как положено, за прилавок и буду ждать… Дверь откроется… и представьте, представьте себе, войдет, к примеру, верзила Рошкот…

Пани Глубинова, которая уже долго боролась с собой, всхлипывает; Славка горестно смеется.

(Изумлен.) Что же ты плачешь, мамочка?.. И… чему ты смеешься, Славка?

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Конец того же дня. Верхушки тополей пронизаны прощальными лучами солнца. С л а в к а стоит у раскрытого окна и, взяв бинокль, смотрит вдаль. Входит Г л у б и н а, заметно более шумный, чем всегда; его усы подстрижены и подкручены.

С л а в к а *(выведенная из задумчивости, оглядывается)*. Это ты, папа? *(Удивленно.)* Что с тобой? У тебя совсем другие усы!

Г л у б и н а *(смущенно улыбается, украдкой смотрится в зеркало)*. Да вот… малость… привел себя в порядок.

С л а в к а *(разглядывает его)*. На кончиках усов не стало проседи…

Г л у б и н а. Это по недосмотру! Как раз проседь меня вполне устраивала.

С л а в к а *(с иронией)*. Еще бы! Встреться тебе случайно двадцатилетний Глубина… ты бы козырнул перед ним усами с проседью…

Г л у б и н а *(смеется)*. Уколи больнее. Это меня не задевает.

С л а в к а *(холодно)*. Знаю… *(Снова отходит к*

окну.) Ты уже вернулся?

Г л у б и н а. Как видишь… *(Смущенно.)* Лавку я сегодня закрыл пораньше… *(Вынимает часы.)* Да и не так уже мало времени. Пока оденемся…

С л а в к а. Ну что, расхватали твои товарищи новую серию открыток? Небось, дверь не закрывалась?

Г л у б и н а *(смущенно посмеиваясь).* Открытки? Расхватали! Не ехидничай, не ехидничай! Можно подумать, что все прямо с вокзала так и бросаются к Глубине! Да и… лавка к тому же на отшибе…

С л а в к а. Помнится, ты говорил, что твоя лавочка на хорошем месте.

Г л у б и н а *(сдерживая раздражение).* Разумеется, разумеется, на хорошем…

С л а в к а. Напротив распевает дрозд.

Г л у б и н а *(так же).* Этот бездельник поет только по утрам. *(Теряя терпение.)* Но… где же мать?

С л а в к а. У нее лихорадка.

Г л у б и н а *(удивленно).* Что?

С л а в к а. Я имею в виду… предпраздничную лихорадку. С мамой творится что-то невероятное. Она прямо вся трепещет. На щеках румянец… Представь себе, побежала наряжаться к сестрам

Старковым. Хочет тебе сегодня вечером понравиться. Блистать возле тебя…

Г л у б и н а. Бедняжка!

С л а в к а *(кивает)*. Да… ее так легко обмануть.

Г л у б и н а. К счастью, ее никто не обманывает.

С л а в к а *(вскидывает на него глаза, словно желая что-то сказать, но сдерживается; после паузы)*. Почему ты не оставил маме хотя бы ее страхов? Она так боялась этого слета…

Г л у б и н а. Знаю. Именно поэтому я…

С л а в к а *(прерывает его)*. А теперь небось сестры Старковы суетятся вокруг нее с булавками в зубах, как вокруг невесты, которую обряжают под венец… Тебе не кажется, папа, что все это может кончиться большим разочарованием?

Г л у б и н а *(с оттенком досады, которую пытается замаскировать улыбкой)*. Пока что… все начинается с маленького разочарования…

Славка вопросительно смотрит на него.

Когда-то я видел здесь пару лукавых глазенок, которые умели из-за маминой спины послать отцу озорной взгляд. Они как бы говорили: мы-то, папа, друг друга понимаем…

С л а в к а *(безразличным тоном)*. Мой папа

всегда был неисправимым молчуном.

Г л у б и н а *(с коротким смешком)*. Был. Это верно.

С л а в к а. Принять таинственный вид… он тоже умел.

Г л у б и н а. А то — нет! Старый хитрец!

С л а в к а. Ну… остальное сделали сами эти глазенки.

Г л у б и н а. Что именно?

С л а в к а. Они выдумали нелепую легенду о таинственном папе.

Г л у б и н а *(с шутливым протестом)*. Ого!

С л а в к а. Якобы… лавочка под аркадой, в торговом ряду и прочая обыденщина вокруг… существуют только для отвода глаз. Сам же он с этой рутиной не имеет ничего общего. И живет где-то далеко-далеко…

Г л у б и н а. Черт возьми! Уж не на Луне ли?

С л а в к а. Может, отчасти… и на Луне. А отчасти… в шуме реки. И еще — во всем, что молодо, наполнено тоской разлуки и прекрасно…

Г л у б и н а *(натужно смеется)*. Видать, этот таинственный папа был большой оригинал!

С л а в к а *(не дает себя прервать)*. Казалось, в его душе был заповедный лучезарный уголок, где он умел укрыться от нас и где ему всегда было

двадцать лет…

Г л у б и н а *(машет руками)*. Ой-ой-ой! Давно уж не двадцать! Слава богу, давно не двадцать!

С л а в к а *(продолжает)*. Было чудесно иметь такого таинственного папу. Подражать ему. И тоже таить в себе лучезарный уголок, куда никого не пускают… Надеюсь, ты согласишься: я не слишком торопилась его покинуть.

Г л у б и н а *(удивленно)*. Так это — тоже часть… твоей легенды?

С л а в к а *(не реагируя)*. Мне казалось — ты это одобряешь. Твоя улыбка как бы говорила: держись, дочка! И дочка держалась. *(Натянуто, грустно улыбается.)*

Многозначительная пауза.

Г л у б и н а *(вскидывает руку)*. Постой! Постой! Теперь надлежит указать дочкиным глазам стезю истины.

С л а в к а *(сухо)*. Не нужно. Они найдут ее сами.

Г л у б и н а *(с неприятным смешком)*. Итак, таинственный папа спустился с Луны?

Славка, мельком взглянув на него, молчит.

Утратил таинственность? *(Смеется.)* Тут ты, по-

жалуй, в какой-то мере права. А то ходил этаким пришибленным страдальцем, самообольщавшимся идеалистом. *(Смеется.)* Да, да, мы тоже занимались самообманом, морочили себе голову разными красивыми, цветистыми словечками…

С л а в к а. Отец, это были не просто слова! От них сильнее билось сердце и становилось невыразимо хорошо, как при ожидании чего-то прекрасного… *(Печально улыбается.)* Если тебе это уже непонятно…

Г л у б и н а. Понятно, понятно! Знаю! Знаю этот обман, внушаемый цветистыми словечками, обман, который именуется молодостью…

С л а в к а. Папа!.. Ах, мне начинает казаться, что старость ужасна! Ведь… ведь ты сам не веришь тому, что говоришь. А говоришь это просто так, с отчаяния…

Г л у б и н а. С отчаяния? Чепуха! При виде вот таких сияющих, ослепленных разными там миражами глаз мне всегда хочется крикнуть: обман, обман!

Славка делает резкое движение.

Погоди, погоди, вот мы сейчас поглубже заглянем в твои глаза! Э, да они… кажется, тоже поражены слепотой!

Славка резко отворачивается к окну, молчит.

(Смотрит на нее, несколько обеспокоенный; прохаживается по комнате.) Видишь ли… я знаю, для чего пригласил сегодня маму. К этому дню я подготовился и схвачу быка за рога. Напрасно наша мама боялась. Я ни о чем не жалею. Я понял. Нужно ходить по земле, а не витать в облаках! Довольствоваться синицей в руках… и благодарить за нее судьбу! *(Не замечает изумленного взгляда Славки.)* И сегодня вечером, там, я подниму бокал и… произнесу тост. Там, в присутствии товарищей, я поблагодарю твою маму за то, что сумел это понять рядом с нею.

С л а в к а *(в отчаянии)*. Рядом с нею! О боже!

Г л у б и н а *(не понимает ее)*. Ну да! Представляешь, как она будет тронута, обрадована…

Славка смотрит на него, встает. Молча подходит к окну.

Что с тобой?

С л а в к а *(после короткой паузы)*. Ничего, папа. Ты прав. Разумеется, она будет обрадована… Пожалуй, тебе уже пора одеваться, мама все приготовила.

Г л у б и н а. Иду, иду… *(Уже на пороге своей комнаты.)* Ну… а ты, Славка, не порадуешь меня

своим присутствием?

Славка отрицательно качает головой.

(Несколько неуверенно.) Кажется, мы все-таки друг друга не поняли, Славка…

С л а в к а *(холодно)*. Нет.

Г л у б и н а еще минуту стоит в растерянности, потом вздыхает, пожимает плечами и скрывается в своей комнате. Славка оцепенела у окна. Пауза. Г л у б и н а опять появляется на пороге; он уже начал переодеваться, снял пиджак.

Г л у б и н а. Да, вот что, Славка, чуть не забыл. Днем заходили в лавку Руженка Павлатова и пан Брожик… Вроде вы договаривались о какой-то прогулке…

С л а в к а *(не оборачиваясь)*. Мне расхотелось.

Г л у б и н а. Пан Брожик очень сожалел…

С л а в к а *(пожимает плечами)*. Могли бы погулять и сами.

Г л у б и н а. Вероятно, они так и сделали. Но… уж коль скоро ты обещала… *(Поскольку Славка не отвечает, смущенно умолкает, искоса с тревогой поглядывает на дочь, бродит по комнате, видимо, что-то разыскивая.)*

С л а в к а *(оборачивается от окна)*. Ты что-ни-

будь ищешь?

Г л у б и н а. Щетку…

Славка берет щетку со шкафа и протягивает отцу.

(Помешкав, наконец решается.) Пан Брожик был явно расстроен, что ты не пришла…

Пауза. Глубина искоса поглядывает на дочь. Молчание.

С л а в к а. Ты еще что-нибудь ищешь?

Г л у б и н а. Нет, нет… *(Направляется в свою комнату.)* По-моему, он милый, порядочный человек, не так ли?

С л а в к а *(глядя ему в глаза)*. Раньше, папа, ты о таких вещах никогда не распространялся, скорее — наоборот. Но кажется, и тут назревают перемены?

Г л у б и н а. Понимаешь ли, Славка… я начинаю чувствовать нечто вроде вины и ответственности.

С л а в к а *(резко)*. Напрасно…

Оба смотрят на дверь, которая в то же мгновение открывается. На пороге — п а н и Г л у б и н о в а; на ней платье, без сомнения, давно уже вышедшее из моды; чудится, что от него так

и разит нафталином, в котором оно пролежало много лет; наметанный глаз сразу обнаружил бы в нем массу изъянов, но даже человеку неискушенному оно показалось бы жалким; излишек лент, кружев, воланов; платье висит на пани Глубиновой как на вешалке, и складки смахивают на могильные холмики; удручающее впечатление усиливается тем, что мать семейства находится в лихорадочном состоянии, словно девушка накануне первого бала; но если у вас мягкое сердце, то вы наверняка были бы тронуты.

П а н и Г л у б и н о в а *(в руках у нее сверток; позднее выяснится, что это шляпа; прямо с порога, запыхавшись).* Я не опоздала?

Г л у б и н а *(шутливо).* Что это за принцесса к нам пожаловала?

С л а в к а *(в тон ему).* Что вам угодно, сударыня?

П а н и Г л у б и н о в а. Смейтесь, смейтесь…

Г л у б и н а *(подойдя ближе).* Боже, да ведь это…

С л а в к а *(тоже подходит к матери).* Ах, мамочка!

П а н и Г л у б и н о в а. Нет, нет, не так пристально…

Наступает неловкая пауза.

(Наконец смущенно и опасливо.) Ну… как… я вам нравлюсь? *(Почти умоляюще смотрит то на дочь, то на мужа.)*

Г л у б и н а. Меня, мать, не спрашивай, это дело сугубо женское.

П а н и Г л у б и н о в а *(Славке)*. А что ты скажешь, Славка?

С л а в к а. Очень мило, мама. Очень.

П а н и Г л у б и н о в а. Старковы сказали: ого! такое платье теперь на вес золота…

С л а в к а *(поспешно соглашаясь)*. Еще бы.

П а н и Г л у б и н о в а. А сейчас я вам продемонстрирую шляпу… *(Разворачивает бумагу.)* Они соорудили это из старой, уродливой шляпы в мгновение ока! Новая лента — и все преобразилось… Вы только взгляните… *(Надевает шляпу.)* Зажги лампу, Славка, ничего не видно…

Г л у б и н а *(весело)*. Дайте свет! Ярче осветите эту роскошь! Моя экипировка будет куда скромнее. Раз — и готово… *(Идет в свою комнату.)*

П а н и Г л у б и н о в а. Еник, а как с ужином?

Г л у б и н а *(в дверях, делая жест)*. Поужинаем там, на банкете, на банкете! Сегодня… сегодня мы живем на широкую ногу! *(Смеется, уходит в свою комнату.)*

П а н и Г л у б и н о в а *(растроганно, тихо)*. Его будто подменили. Он счастлив. Я так боялась, и вот тебе… Я не хотела идти с ним и ужасно струсила, когда он меня об этом попросил… *(Все более взволнованно.)* Пришел ко мне на кухню… и так умоляюще на меня посмотрел, а потом… поцеловал… *(Со слезами в голосе.)* Представь, Славка… ведь этого с нами уже давно не бывало…

Славка поставила лампу на стол, намереваясь ее зажечь; чиркнула спичкой, но при последних словах вздрогнула и резко ее отбросила.

(Как бы пробуждаясь.) Что с тобой, девочка?

С л а в к а *(сердито)*. Обожглась.

П а н и Г л у б и н о в а. Будь осторожнее, детка, осторожнее… И вот увидишь, увидишь, все к нему кинутся, только он войдет. И опять будет первым держать речь, как раньше. И все его будут внимательно слушать.

С л а в к а *(с затаенной усмешкой)*. Наверно, он и тост какой-нибудь произнесет.

П а н и Г л у б и н о в а *(удивленно)*. Тост?

С л а в к а. Так полагается. Встанет, поднимет бокал и, глядя на тебя, произнесет тост в твою честь. Поблагодарит тебя за все… в присутствии людей… которым нет до этого ровно никакого

дела…

П а н и Г л у б и н о в а *(ошеломлена, потом совершенно счастлива и растрогана; едва не плачет).* Меня… меня поблагодарит в присутствии стольких людей?

С л а в к а *(смотрит на нее с горестным удивлением).* Ты будешь на седьмом небе… правда, мама?

П а н и Г л у б и н о в а *(ах, она не может высказать, как была бы счастлива).* Я… я? Господи! *(Тихо.)* Нет, нет, Еник, лучше не надо…

С л а в к а. Скажи ему это по дороге, мама.

П а н и Г л у б и н о в а. Но, Славка… может, ты ошибаешься… может, он и не собирается.

С л а в к а. Собирается, мама, собирается.

П а н и Г л у б и н о в а. Неужто? *(В счастливом изумлении, чуть слышно.)* Господи… такого давно не случалось…

С л а в к а *(сухо).* И скажи ему: «Если бы мы, Еник, могли сегодня взглянуть на себя глазами нас же самих двадцатилетних, то на этих глазах уже никогда не просыхали бы слезы…»

П а н и Г л у б и н о в а *(растерянно).* Я тебя не понимаю, детка… совершенно не понимаю…

Входит Г л у б и н а, уже одетый, с галстуком в руке.

Глубина *(пани Глубиновой)*. Но уж галстук, женушка, тебе придется повязать самой. А то я все ногти обломаю. Что же ты, Славка, свет не зажгла?

Пани Глубинова *(поспешно)*. Не нужно, не нужно, я и в темноте справлюсь. А то тебе Славка поможет…

Глубина. Уж лучше ты сама, женушка… Славка на меня дуется.

Пани Глубинова *(удивленно)*. За что же?

Глубина *(с напускным безразличием)*. А спроси ее…

Пани Глубинова *(завязывает галстук)*. Ты, Еник… *(Колеблется.)*

Глубина. Что?

Пани Глубинова. Да я подумала… *(Опять колеблется.)* Нет, ничего… *(Завязав галстук.)* Вот и ладно.

Глубина *(кладет ей на плечи руки)*. Тут, женушка, вот какое дело. Молодость не терпит, когда что-то берет верх над ее цветистыми, безрассудными словами… Ей невдомек, что… что истинное ядро жизни вылущивается, когда слетает скорлупа всех этих радужных словечек… *(С деланной веселостью.)* Короче говоря, женушка, мы со Славкой находимся в состоянии войны.

Боюсь, как бы не дошло до стычки. Ведь неразумная молодость складывает оружие только после многих поражений… *(Славке, бодро.)* Ну, а в остальном все вроде бы не так плохо, Славка.

Славка делает нетерпеливое движение.

П а н и Г л у б и н о в а *(беспокойно)*. Ах, дорогие мои, если б вы говорили хоть чуточку пояснее…

Г л у б и н а. Вот-вот, женушка, это и есть те самые цветистые словечки… *(Смеется, шарит по карманам, все ли взято, уходит за чем-то в свою комнату.)*

П а н и Г л у б и н о в а *(быстро подходит к Славке, тихо)*. Детка… а как же… с теми глазами, на которых никогда не просохнут слезы?

С л а в к а *(взглянув на мать, пытается скрыть свое состояние за улыбкой)*. Пустяки, мамочка, цветистые словечки.

П а н и Г л у б и н о в а *(почти умоляюще)*. Ведь это была шутка, правда?

С л а в к а. Ну конечно! Что же еще, как не шутка… *(Смотрит на мать, порывисто обхватывает ее голову руками, целует и отходит.)*

П а н и Г л у б и н о в а *(изумленная и растроганная)*. Что это с вами сегодня, золотые мои?..

Входит Г л у б и н а, на голове у него шляпа.

Глубина. Итак, Славка, ты остаешься одна. Умоляю — будь осторожнее!

Пани Глубинова. И не сиди опять до полуночи у окна.

Глубина. Да-да, никаких задушевных бесед с месяцем. Эти двое, месяц и река, такого понаплетут тебе!.. Целые романы.

Славка *(с ехидством)*. Разумеется, плохие романы.

Глубина *(не уловив сарказма)*. Молодчина, Славка, — плохие романы! *(Смеется.)* Этак, пожалуй, обойдется без стычки… Ну, будь умницей. *(Направляется к дверям.)*

Пани Глубинова *(идет следом; вдруг обеспокоенно)*. Еник, ты… *(Медлит.)*

Глубина. Что?

Пани Глубинова не может преодолеть неясной тревоги, медлит с ответом. Неожиданно раздается стук, дверь открывается.

Ружена Павлатова *(появляясь на пороге)*. Можно?

Глубина *(весело)*. Погодите, погодите, барышня, не закрывайте, мы с вами сейчас осуществим весьма ловкий маневр. Вы, прошу вас, раз! — сюда… *(Ловит ее за руку и втягивает в комнату.)* А

мы, женушка… *(хватает за руку пани Глубинову, тянет, преодолевая ее нежелание, за дверь)*… раз! — и туда… *(Смеется; с порога.)* Да как следует отчитайте Славку за то, что она не сдержала слова. И вообще… вообще… разберите ее по косточкам… *(Машет рукой, смеется и уходит вместе с пани Глубиновой.)*

Р у ж е н а *(оставшись наедине со Славкой, приходит в большое смущение; после паузы)*. Я только… на минутку, Славка…

С л а в к а *(холодно)*. Здравствуй. Садись.

Р у ж е н а. Нет-нет, даже садиться не буду…

Неловкая пауза.

С л а в к а. Зажечь лампу?

Р у ж е н а *(торопливо)*. Ради меня не нужно. Да и вообще… вообще… лучше не зажигай… Мне… мне так стыдно перед тобой…

С л а в к а *(равнодушно)*. А отец решил, что ты явилась отчитывать меня.

Р у ж е н а *(тихо)*. Славка, почему ты не пришла?

С л а в к а. Почему? Придумать какую-нибудь отговорку? Просто… не пришла и все. Надеюсь… никакого несчастья из-за этого не произошло.

Р у ж е н а. Несчастья? Нет… но…

С л а в к а. Но — что?

Р у ж е н а *(патетическая вспышка).* Я… я так… счастлива, Славка!

С л а в к а *(смеется).* Это, разумеется, большое несчастье.

Р у ж е н а. Да, несчастье, Славка… *(Проситель-ным тоном.)* Ты не рассердишься, когда я тебе все расскажу? Я ведь только для того и прибежала. Мне не уснуть, пока не услышу, что ты на меня не сердишься. Ах, ну как… как тебе это сказать…

С л а в к а *(спокойно).* Не торопись. По порядку. Но… может, ты сначала все-таки сядешь?

Р у ж е н а. Пожалуй… Можно сесть с тобой у окна?

С л а в к а. Конечно!

Р у ж е н а *(подсаживается к ней, тихо).* И… можно я буду держать твою руку?..

С л а в к а *(с едва приметной усмешкой протягивает Ружене руку).* До чего же ты сентиментальна, детка…

Р у ж е н а. Да, да… *(Сжимает ее руку.)* Вот. Теперь ты, наверно, уже знаешь мой секрет. Мне кажется, все само передалось из моей руки в твою…

С л а в к а. Пожалуй… я действительно уже кое-что знаю.

Р у ж е н а. Нет, ты не можешь знать… Все это так удивительно. Ах, если б мне кто об этом сказал еще вчера, я бы не поверила! Нет, нет, не отпускай мою руку. Прошу тебя, Славка…

С л а в к а. Я же не отпускаю.

Р у ж е н а *(опасливо)*. Ты ничего не ощущаешь?

С л а в к а *(улыбаясь)*. У меня в руке что-то трепещет. Словно я подобрала выпавшего из гнезда птенчика…

Р у ж е н а *(прежним тоном)*. Нет… я имею в виду… колечко.

С л а в к а *(несколько удивленно)*. Колечко?!

Р у ж е н а. Славка, я так счастлива… и так несчастна… *(Пауза.)* Сожми мою руку сильней, сильней, иначе я слова не выговорю — ведь еще до вчерашнего дня я думала, что барышня, к которой неравнодушен пан Брожик, — это ты, ты. Я немножко завидовала тебе и немножко… нет, зачем скрывать, не немножко, а сильно страдала. Да и могла ли я не страдать? Пан Брожик оказался в точности таким, каким я представляла себе своего суженого. И самое главное то, что он учитель музыки, а я как раз всю-всю жизнь мечтала о музыканте. Я завидовала, но могу поклясться, что ни одной травинки не положила тебе поперек

дороги… *(Испуганно.)* Зачем ты отпускаешь мою руку, Славка?

С л а в к а. Зачем? Вероятно, затем, чтобы выцарапать тебе глаза… *(Смеется.)*

Р у ж е н а. Ты смеешься?

С л а в к а. Конечно, смеюсь.

Р у ж е н а. Ах, только не сердись на меня…

С л а в к а. Я ведь все еще не понимаю — за что…

Р у ж е н а. Славка… *(Вздох упоения.)* Ах, лучше уж выложу все начистоту. Это так странно… я сама все еще ничего не понимаю…

В окне показался месяц, и теперь обе девушки озарены его сиянием.

Словом, сегодня, когда ты не пришла, пан Брожик очень расстроился. Ну, думаю, прогулка не состоится, и собралась домой. А он говорит: «Не оставляйте меня в одиночестве». На лице у пана Брожика было такое отчаяние, я так за него испугалась, что, когда он предложил пойти с ним в Стеглицкий лес, я согласилась. Мне было ужасно жалко этого человека, и я стала его утешать. Я и не знала, что умею так хорошо говорить, это было прямо чудо. Он несколько раз взглянул на меня и уже не казался таким печальным. Потом

даже улыбнулся. Пошутил. Я очень обрадовалась и начала говорить еще лучше. Не знаю, как это случилось, но вскоре мы шли по лесу, взявшись за руки. Сперва все выглядело забавой, мы оба хохотали, но потом притихли, и все стало казаться серьезнее. Я поскользнулась, пан Брожик предложил опереться на его руку. Мне чудилось, я опираюсь на все те могучие деревья, которые окружали нас. С этого и началось мое несчастье… *(Задыхаясь от сладостных воспоминаний и волнения.)* Потом… там стояли два молодых бука. Они срослись, обнявшись ветвями от земли до самого верха. Нам они приглянулись, мы остановились под ними, и он смотрел на меня долго, долго. У меня летом столько веснушек, а он глаз не сводит. Я испугалась, прямо душа в пятках, а он вдруг говорит: «У вас на носике четыре крохотные веснушки. Они мне очень нравятся». Потом… потом его губы оказались совсем близко… *(Блаженно вздохнув, умолкает, затем тихо, с наивным удивлением.)* Послушай, Славка, почему я не сопротивлялась?

Славка исподлобья смотрит в окно, на месяц. Молчит.

Потом… он надел мне на палец вот это колеч-

ко…

Славка молчит.

Потом… сказал, что… раньше играл по вечерам на флейте для другой девушки… но теперь будет играть только для меня… Ах, он так чудесно играет! Ты слышала его?

С л а в к а *(сухо)*. Да. Я всегда закрываю окно.

Р у ж е н а *(укоризненно)*. Но, Славка…

С л а в к а *(со скрытой насмешкой)*. Ты не так поняла. Флейта пана Брожика трогает меня до глубины души. Она куда-то зовет… манит… Хочется бежать за этими звуками…

Р у ж е н а *(торопливо, горячо)*. Ведь правда же, Славка, правда? *(Вдруг обеспокоенно.)* Говоришь… тебе хочется бежать за этими звуками? *(Не без злорадства.)* Но отныне… отныне они будут принадлежать только мне… *(Торопливо.)* Карел еще сказал…

С л а в к а. Карел?

Р у ж е н а. То есть пан Брожик. Видишь, даже имя подходит. Я всегда мечтала о Кареле. Так вот, он сказал, что сегодня к нему придут знакомые и они вместе сыграют квартет, который тоже будет посвящен мне…

С л а в к а *(все с той же затаенной насмеш-*

кой). Ты счастливая! Он наполнит твою жизнь музыкой!

Р у ж е н а. Он так влюблен в меня! Возможно, даже сочинит что-нибудь для меня.

С л а в к а. Несомненно, сочинит.

Р у ж е н а. Он говорит, что надеется стать регентом церковного хора…

С л а в к а. Скажите, пожалуйста… *(Затем многозначительно, отчеканивая каждое слово.)* А пан Брожик не просил тебя сообщить мне все эти новости?

Р у ж е н а. Просил. *(Вдруг смутившись.)* Вернее… он только намекнул на это, мимоходом. С улыбкой… Ты не обижайся… но мне кажется, что он, негодник, как бы чуточку подтрунивал над тобой…

С л а в к а. Да уж надо думать.

Р у ж е н а. Хочешь, я ему надеру уши?

С л а в к а. Только не увлекайся. А то сделаешь больно.

Р у ж е н а. Ну, конечно… *(Сентиментально, с пафосом.)* Разве могу я причинить Карелу боль?

Издалека доносится жалобный, тоненький голосок флейты.

Ах, это он!

Славка встает.

Нет, нет, не закрывай окно!

С л а в к а. Не бойся. Сегодня не закрою. Сегодня это… *(кивок в сторону окна)* принадлежит тебе.

Р у ж е н а. Мне! *(Поднимается со стула и, умиленная, слушает.)*

С л а в к а. Надо же. Сначала — флейта. А потом — целый квартет. И все для тебя!

Р у ж е н а. Для меня! *(Растроганно слушает флейту, которая воркует все назойливей; прижимая руки к груди.)* Ах, как обнимались в лесу эти два молодых бука! *(Поспешно.)* Побегу скорей домой. Буду слушать у окна…

С л а в к а. Беги, беги. Все эти рулады возносятся к твоему окну, а тебя там нет.

Р у ж е н а. Бегу. Надену белую блузку, пусть видит, что я стою у окна. До чего я счастлива! *(Дойдя до дверей, снова возвращается. Протягивает Славке обе руки.)* Славка, Славка, я тебя не понимаю. Как ты можешь постоянно отталкивать от себя счастье! Ведь ты пойми — годы уходят…

С л а в к а. Отталкивать? Но ты же видишь, что отталкивать нечего… Подожди, я спущусь с тобой. Надо запереть входную дверь… *(Снимает с крюка у двери ключ.)*

Р у ж е н а. А меня сегодня встретило счастье…

С л а в к а *(с более явственной иронией).* Ну, торопись, торопись. Вон как оно разворковалось! Словно голуби стаями слетаются к твоему окну…

Р у ж е н а *(уходя).* Жаль, он не увидит, как я буду плакать у окна…

Славка, смеясь, что-то отвечает, но разобрать ее слов уже нельзя, так как дверь закрывается. Сцена какое-то время пуста. Флейта не перестает объясняться в любви. Свет месяца вдруг заливает всю комнату. Под окнами слышится говор и смех обеих девушек. Вечерний ветерок вздувает занавеску. Шум плотины усиливается. Доносится обрывок песни, — вероятно, это поет на реке молодой плотогон. Наконец раздаются шаги, дверь открывается, входит С л а в к а, за ней — В и л л и Р о ш к о т. Славка подходит к столу, оборачивается, вопросительно и холодно смотрит на Вилли. Вилли останавливается у дверей. Флейта смолкает.

С л а в к а *(после паузы, строго).* Зачем вы ходили возле нашего дома?

В и л л и. Возле вашего дома я не ходил. Просто шел мимо, вы как раз стояли у дверей с какой-то барышней, и та, глядя на месяц широко раскрытыми глазами, грезила о чем-то вслух…

С л а в к а *(с прежней строгостью).* Однако, сделав несколько шагов, вы повернули назад.

В и л л и. Да, когда барышня скрылась, я повернул назад.

С л а в к а. Почему вы со мной не поздоровались, когда проходили первый раз?

В и л л и. Сам не знаю. Так, что-то взбрело. Вероятно… вероятно, не хотелось нарушать поэтическое настроение вашей знакомой.

С л а в к а. А во второй раз?

В и л л и. Во второй раз… я хотел поздороваться, но вы первая сказали мне «добрый вечер».

С л а в к а *(тише).* Это правда.

В и л л и. Это неправда… *(Отвечая на удивленный взгляд Славки.)* Во всяком случае, — не вся правда… Вся правда в том… что вы сказали это так приветливо… по-товарищески…

С л а в к а. Во-о-о-от оно что?.. А дальше?

В и л л и. Ни слова не говоря, вы вошли в дом. Я — за вами, и тоже молчком. Вы стали подниматься по лестнице, я — за вами. И вот я здесь.

С л а в к а. И что же вы по этому поводу думаете?

В и л л и. Ничего особенного. По-моему, вы достаточно благоразумны и знаете, что делаете.

С л а в к а *(с усмешкой).* Какая рассудитель-

ность! *(Недоуменно.)* Однако так все же не поступают…

В и л л и *(бесхитростно)*. Так поступают!

Славка стремительно поворачивает к нему голову.

Однажды во время войны в румынском городе Плоешти… на улице с весьма поэтичным названием… Страда Элена Доамна… летним вечером стояла рядом с виллой, у входа в ее сад, молодая, красивая женщина… Она первая поздоровалась с проходившим мимо юношей: «Bona çara!»[112] — и вошла в калитку. Затем стала подниматься по белым ступеням на крыльцо. Юноша следовал за ней…

Славка делает резкое движение рукой.

Нет, не швыряйте мне ничего в голову.

С л а в к а *(удивленно)*. Вы так меня поняли?

В и л л и. Нет. Я не могу объяснить, как именно понял вас. Бывает… не успеешь вообразить себе какие-нибудь чудеса, как они уже творятся наяву. А потому откройся вместо вашей двери где-нибудь в конце улицы райские врата — я

---

[112] Примечания: 1.112
Добрый вечер! *(Рум.)*

бы тоже ничуть не удивился и вошел в них… Сейчас вы думаете о том, что все это я вычитал в какой-то книжке. Вероятно, я кажусь вам изрядным простофилей, который, увидев реку, говорит — река…

С л а в к а *(насмешливо продолжает)*. А потом замечает еще трубу пивоварни…

Оба смеются. Пауза.

В и л л и *(неожиданно)*. Послушайте, Славка…

С л а в к а *(пораженная)*. Славка?

В и л л и *(в некотором замешательстве)*. Видите ли, ваше имя я услышал от той же взбалмошной барышни, которая декламировала месяцу. А назвать вас так я отважился потому… ну… *(Подражая Рошкоту-старшему.)* Потому, что отцы наши не один пуд табаку выкурили из одной трубки…

С л а в к а *(уже весело)*. Да, но когда меня нашли в капусте, вас еще и в проекте не было…

В и л л и. Сдается, вы уже тогда швыряли в меня книгами! Имя Славка что-то уж очень мне знакомо…

С л а в к а. Зато ваше — чересчур изысканно. Даже не запомнить…

В и л л и. Вилли. Отвратительно, правда? Этой

изысканностью я обязан тетушке из Опатии. *(Просто.)* Но… если угодно, зовите меня просто Виликом…

С л а в к а. Не вижу нужды в такой интимности.

В и л л и. Так называла меня одна девочка. Лучший друг детства… *(Просто, с чувством.)* Дочь нашего дворника. Она была горбунья.

С л а в к а *(чем-то удивленная)*. Горбунья?

В и л л и. Да… Собственно, чаще она звала меня Виличек. *(Простодушно.)* Но это, наверно, совсем не годится…

С л а в к а *(окидывает его взглядом, улыбается, тоже простодушно)*. Решительно не годится. *(Пауза.)* А что это за чепуху вы несли насчет Румынии?

В и л л и. Насчет Румынии? Нет, нет, та дама в Плоешти… была отнюдь не горбунья.

С л а в к а *(после паузы)*. Вам не стыдно?

В и л л и *(спокойно)*. Нет.

С л а в к а *(с волнением в голосе, неожиданно)*. Я зажгу лампу.

В и л л и. И оставите меня стоять у дверей?

С л а в к а. Сами пригласили себя в этот дом, сами и стул себе предложите.

В и л л и. Благодарю… *(Сделав шаг, натыкается*

на что-то.)

С л а в к а. Подождите, я сейчас зажгу…

В и л л и. Спасибо, я уже сел… *(Садится.)*

С л а в к а *(зажигая лампу)*. Почему вы сбежали от своего папаши?

В и л л и. А почему я встретил пожилого пана и пожилую пани одних, без барышни Славки?

Славка не отвечает. Пауза.

(Смеется.) Слушайте… а здорово вы осадили утром папашу Рошкота! Но как только вы заикнулись о болезни пана Глубины, я сразу же учуял подвох…

Славка ставит лампу на стол и садится в некотором отдалении от Вилли. Пожимает плечами.

Нет, что верно, то верно, папашу Рошкота вы славно образумили. И… сынка, собственно говоря, тоже. Во всяком случае, этот грубиян начал наводить порядок в собственной голове и обнаружил там мысли, каких вчера еще не было… *(Искренне.)* Вообще… я о вас колоссального мнения. И… если бы вы сегодня вечером хоть раз дружески и радушно назвали меня Виликом… я бы сумел это оценить. Ей-богу… сумел бы…

С л а в к а *(на губах ее промелькнула улыбка; прерывая гостя).* Не болтайте чепухи, Вилик.

В и л л и *(глядя на нее, растерянно улыбается, опускает голову; после короткой паузы).* Не стоило, наверно, зажигать лампу…

С л а в к а. Почему?

В и л л и. При месяце… было так чудесно…

С л а в к а *(насмешливо).* О, вам доступны даже такие вещи… как месяц и летний вечер?..

В и л л и. Иногда… Иногда… они покоряют. *(На него нахлынули воспоминания.)* Знаете… как-то раз во время войны мы сидели в окопах на Святом Габриэле… Была лунная ночь. И вдруг ни с того ни с сего слышу: звонят колокола. Все колокола мира. Хлынул такой могучий океан звуков, что захлестнул все пространство от земли до неба…

Славка сначала смотрит на него, затем в сторону.

Ни разу после войны я не вспоминал об этом. И вот сегодня… *(Пауза. Движением головы показывает на развешанные по стене фотографии.)* Нельзя ли взглянуть вблизи на эту пигалицу?

С л а в к а. Нет.

В и л л и. Жаль. Росту была, наверно, вот такого *(вытягивает руку низко над полом)*, и, поди, с

косичками… А теперь превратилась в нечто потрясающее…

С л а в к а. Перестаньте!

В и л л и. Перестану я или не перестану, а это так. Видите ли… когда я вернулся с фронта, меня можно было строгать рубанком — все одеревенело, заскорузло. И, как вы думаете, в чем я тогда нуждался? Пожалуй, только в том, чтобы кого-нибудь глубоко уважать. Вот, может, вы как раз и станете этим «кем-нибудь».

С л а в к а *(чуть обеспокоенно)*. Несете какую-то околесицу…

В и л л и. Кто знает, кто знает, может, и не такая уж это околесица. Я уже вас уважаю. Вы, черт возьми, какая-то… такая… словом, таинственная. И почему в вашем присутствии мне лезут в голову всякие чудеса: то эти колокола, то еще что-то? Никогда раньше такого со мной не случалось. А сейчас я вдруг вижу, что позади осталось нечто прекрасное и что прекрасное наверняка ждет меня и впереди. Вот вы какая… *(Неожиданно несколько бесцеремонно.)* Почему вы, собственно говоря, еще не замужем?

Славка бросает на него удивленный, строгий, отчужденный взгляд. Молчит.

Что, обиделись? Я ведь спрашиваю просто так и наперед знаю, что только презрительно махнете рукой и рассмеетесь… Ну, так почему же вы до сих пор не вышли замуж?

С л а в к а *(взгляд ее становится менее строгим, смеется).* Будешь, мальчик, много знать…

В и л л и *(тоже смеется).* Ага!

С л а в к а *(лукаво прищуривает глаза).* Терпение, мальчик, терпение. Допустим… что еще осенью этого года я выйду замуж. Допустим… жених упрямится, но с завтрашнего дня он будет засыпать меня нежными посланиями, до тех пор пока я не сжалюсь…

В и л л и *(весело, просто).* Сжалитесь? Вряд ли. Впрочем… утверждать не берусь. Кто знает, что у вас на уме… *(Улыбаясь, восторженно смотрит на нее.)* Но старикам нашим вы замечательно сказали, а? Мол, разве молодость — это всего-навсего кладбище, куда мы с годами приходим повздыхать и вспомнить былое? Неужто она проходит бесследно, как насморк?

С л а в к а. Положим… этого я не говорила!

В и л л и. Какая разница. Что-то в этом роде… *(Стремительно вскакивает, не в силах усидеть на месте.)* Словом, у наших отцов золотая рыбка проскользнула меж пальцев с такой быстротой,

что они теперь даже сомневаются, была ли она вообще! *(Бурно жестикулирует.)* Чепуха! Молодость была и есть! Есть! Вот сожму ладонь — и она в моем кулаке. Протяну руку к вам *(движение рукой в сторону Славки)* и сожму сильно, сильно…

С л а в к а. Сейчас же сядьте!

В и л л и *(оторопело)*. Я… я хотел до вас только дотронуться!.. *(Смущен. Прислушивается к шуму за окном. После паузы.)* Что это шумит?

С л а в к а *(усмехнувшись)*. Вы только сейчас услышали?

В и л л и. Нет, не сейчас. Давно. Я его постоянно слышу — этот шум.

С л а в к а. Река, разумеется.

В и л л и. Река? Знаете… у меня такое чувство, будто я мчусь, бурлю, рокочу вместе с ней… *(Уже поборол растерянность; с коротким смешком.)* А у отцов так все и проскользнуло меж пальцев. Сидят они там сейчас, смотрят один другому в лицо и словно пытаются прочесть выцветшие строчки, где уже ни слова не разберешь… *(Неожиданно.)* Да, Славка, я вам кое-что принес…

Славка бросает на него вопросительный взгляд, как бы намереваясь что-то сказать. В тот же момент издалека доносится музыка. Играют несколько смычковых инструментов. Оба пово-

рачивают голову к окну. Славка саркастически смеется.

Чему вы смеетесь?

С л а в к а *(продолжая смеяться).* Жених куражится... Так что же вы мне принесли?

В и л л и *(смотрит то на нее, то в окно; по его лицу пробегает тень; твердо и строго).* Я закрою окно.

С л а в к а. Не смейте!.. Показывайте, что принесли!

В и л л и *(еще раз взглядывает на нее, в окно; затем, махнув рукой, смеется).* Вот... *(вытаскивает из кармана тетрадь)* принес вам роман... *(На недоумевающий взгляд Славки.)* «Месяц над рекой».

С л а в к а. О! Правда? *(Поспешно протягивает руку к тетради, торопливо листает.)* В самом деле! *(Читает вслух.)* «Йозефу Рошкоту посвящается»...

В и л л и. Днем я его стащил у отца, побежал к реке, сел на бревна и попробовал читать...

С л а в к а. А тут даже что-то нарисовано... *(Поднимая глаза на стоящего рядом Вилли.)* Если вы еще раз так же ехидно ухмыльнетесь, я... Славный рисунок! О чем этот роман?

В и л л и *(смущенно).* Кажется... кажется, имен-

но о том, как золотая рыбка проскальзывает меж пальцев…

С л а в к а. Кажется, кажется! Вы же читали…

В и л л и. Видите ли… *(явно попав в затруднительное положение)* я начал читать… но потом стал думать… главным образом о вас… а потом солнце так припекало и река так убаюкивающе шумела, что я… уснул.

С л а в к а. Эх вы, соня.

Смотрят друг на друга, смеются.

В наказание следовало бы заставить вас прочитать мне вслух весь роман…

В и л л и *(горячо)*. Прикажите, и я прочитаю.

С л а в к а. А вы опрометчивы! Вот прикажу — и все тут! Смеетесь? Ну, так вот вам… читайте! Немедленно читайте!

В и л л и *(берет тетрадь, с вытянутым лицом садится к столу, медлит)*. Славка… это ведь долгая история…

С л а в к а. Читайте!

В и л л и *(лицо у него вытягивается еще больше)*. Кроме того… я охрип…

С л а в к а. Чи-тай-те!

В и л л и *(жалобно смотрит на нее, вздыхает и, откашлявшись, начинает наконец читать)*.

«Окно мое, выходящее на реку, пусть еще раз зазвучит под тобою отзвучавшая песня! И ты, река, бегущая там, внизу, возврати мне сказки моего детства...» *(Взволнованный, останавливается.)*

Пауза.

С л а в к а. Что же вы остановились?

В и л л и *(смотрит на нее, затем в тетрадь; неуверенно)*. Здесь... многоточие. И к тому же...

С л а в к а. Что еще?

В и л л и *(беспокойно озирается, бросает взгляд на окно)*. Река так шумит.

С л а в к а *(усмехнувшись)*. Да ее сейчас совсем не слышно.

В и л л и. Значит, это шумят деревья. Или...

С л а в к а *(насмешливо)*. Не музыка ли вам мешает?

В и л л и *(взглянув на нее, хмурится; твердо)*. Нет.

С л а в к а *(после напряженной паузы, во время которой их глаза на мгновение встречаются)*. Дайте, я сама. Все равно вы читаете как пономарь... *(Берет тетрадь.)*

В и л л и *(с мягкой настойчивостью)*. Не читайте, Славка...

С л а в к а *(передернула плечами, смотрит в*

тетрадь). На чем вы остановились? *(Читает.)* «…сказки моего детства». *(Поднимает глаза.)* Вы — лгун. Никакого многоточия тут нет… *(Читает дальше.)* «…и ты, лунная ночь, еще раз, последний раз очаруй меня своим волшебством». *(Встает, смотрит в окно.)*

Пауза.

В и л л и. Опять многоточие?

С л а в к а *(отзывается не сразу)*. Река сегодня действительно расшумелась… *(Внезапно.)* Расскажите, за что вы получили медаль?

В и л л и *(довольно неохотно)*. Да что тут рассказывать… Началась свистопляска, а я… вы ведь знаете, у меня крепкие нервы!

С л а в к а. Наверняка все было куда страшнее…

Вилли пожимает плечами.

Это случилось ночью?

В и л л и. Ночью.

С л а в к а. Вы очень боялись?

В и л л и *(словно вспоминая, потом — просто)*. Боялся… *(После паузы.)* Но совсем не так, как сейчас.

С л а в к а *(удивленно)*. Вы сейчас… чего-то боитесь?

В и л л и *(естественным тоном)*. Вы тоже.

С л а в к а. Ах, какой ясновидец!.. А больше вам ничего не известно?

В и л л и. Нет. Разве только, что страх этот… на редкость прекрасен.

Пауза. Славка тревожно смотрит на Вилли, затем в окно. Снова берет тетрадь.

Славка, не надо читать.

С л а в к а *(листает)*. Думаете, мне больше удовольствия доставляет ваша болтовня?

В и л л и *(простодушно улыбаясь)*. Я готов смотреть на вас молча.

С л а в к а. В таком случае — молчите… *(Кладет тетрадь, прислушивается к приглушенной музыке за окном.)*

В и л л и *(смущенный, пожимает плечами; волнение его нарастает)*. Знаете… с еще большим удовольствием я бы… *(без обиняков выпаливает)* дотронулся до вас.

С л а в к а *(изумленно)*. Что?..

В и л л и. Да, да, я хотел бы дотронуться. Чтобы разгадать тайну. Вдруг вас вообще нет. Вдруг вы хрустальная. Прикоснешься неосторожно — и разобьетесь. Или с вами произойдет еще что-нибудь загадочное…

С л а в к а *(бросает на Вилли такой холодный взгляд, что слова застревают у него в горле)*. Вы думали: напугаю, ошеломлю эту простушку… *(Протягивает ему руку.)* Дотроньтесь! Она живая. Все пять пальцев двигаются…

В и л л и *(нерешительно берет руку, смотрит на нее; растерян; как-то смешно)*. Верно — живая. Все пять пальцев двигаются. Вот мизинец…

С л а в к а. Что вы знаете о моем мизинце?

В и л л и. Ничего… *(Взгляд его тревожно блуждает.)* Почему… музыка играет? Почему река так шумит?

С л а в к а *(взглянув ему в глаза, пугается, пытается высвободить руку)*. Пустите!

В и л л и. Постойте…

С л а в к а. Пустите! *(Выдергивает руку, встает, отступает на шаг.)*

Вилли тоже встал. Не сводит с нее глаз.

Сейчас же сядьте на место!

Вилли не только не садится, но даже придвигается к Славке. В тот же миг пухлая тетрадь обрушивается на его голову. Вылетает несколько листов.

Прежде чем Вилли приходит в себя от неожиданности, С л а в к а, обогнув стол, проскальзыва-

ет в соседнюю комнату и, хлопнув дверью, по всей видимости, запирается на ключ.

В и л л и *(с до смешного недоуменным видом наклоняется, поднимает тетрадь и разлетевшиеся по полу листки, бросает их на стол. Протестующе взглянув на дверь соседней комнаты, качает головой. Ищет глазами шляпу и, схватив ее, стремительно направляется к выходу. Останавливается, видимо, пытаясь подавить негодование. Снова кладет шляпу на стул, нерешительно подходит к двери боковой комнаты).* Извините меня, Славка…

За дверью ни звука.

Если бы вы чуть приоткрыли дверь, я, прежде чем уйти, тысячу раз попросил бы прощения…

Снова молчание.

(Колеблется, потом слегка нажимает на ручку — дверь приоткрывается. Извиняющимся тоном.) Не сердитесь, я думал, вы заперли на ключ…

Славка не отвечает.

(Приоткрывает дверь шире.) Где вы, Славка? Я вас не вижу… *(Вероятно, заметив ее.)* Ой!

(Поспешно закрывает дверь, отступает на шаг, очень взволнованный.)

Пауза. Неожиданно дверь распахивается. На пороге стоит С л а в к а, залитая сиянием месяца; плотина шумит сильнее.

С л а в к а. Чего вы испугались?

В и л л и *(в замешательстве)*. Не знаю. Может быть… Вы стояли там, вся освещенная месяцем… а за окном так шумело…

С л а в к а *(улыбаясь)*. Эх, вы! Шумело! Ведь окно выходит прямо на плотину. Идите посмотрите, как красиво. Над плотиной — месяц…

Вилли, не двигаясь с места, делает отрицательный жест.

Да я вас нисколько не боюсь. Идемте.

В и л л и. Мне и отсюда видно… *(Отступает еще на шаг.)*

С л а в к а. Ничего вы не видите… *(В изумлении.)* Да ведь у вас… у вас закрыты глаза!

Вилли не отвечает. Голова откинута назад, глаза закрыты, лицо, обращенное к Славке, светится восторгом.

Что с вами? *(Обеспокоенная.)* Вилик!

В и л л и *(открывает глаза, с блаженным вздохом).* Я уже… уже открыл глаза…

Их взгляды встречаются. Оба задыхаются от волнения. Он делает шаг к ней, она — шаг назад, еще шаг и еще…

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната. Стенные часы показывают пять минут первого. Лампа едва теплится. Через открытое окно струится глубокое дыхание ночи. Кричит проснувшийся коростель. Сцена какое-то время пуста. Затем стремительно распахивается дверь комнаты Глубины, и входят С л а в к а и В и л л и. Вилли явно демонстративно придает своему лицу разочарованное выражение и держит себя с прежней грубоватостью.

С л а в к а. Боже, мы совсем забыли…

В и л л и *(насмешливо)*. Про лампу!

С л а в к а. Чуть не погасла…

В и л л и *(прежним тоном)*. Коптит!

С л а в к а *(взглянув на него мельком)*. Принесу папину… *(Снова уходит в соседнюю комнату и возвращается с лампой. Зажигает ее, а первую, задув, отставляет в сторону.)* Не легко мне было вернуть вас на землю…

Вилли молчит, отыскивая что-то глазами.

Вы что-нибудь ищете?

В и л л и. Шляпу. Вот она… *(Тяжело переступа-*

ет с ноги на ногу. Делает движение рукой, словно намереваясь надеть шляпу.)

С л а в к а *(улыбается)*. А я думала, вы ее нахлобучите прямо здесь… *(Бросает на него пристальный взгляд. Примирительно.)* Что я вам сделала, Вилик?

В и л л и *(помедлив, резко)*. Вернули на землю.

С л а в к а. Правда… К счастью, мне это удалось. *(Улыбнувшись.)* Господи, да не топайте вы так…

В и л л и *(упрямо, не обращая внимания на ее слова)*. Вы вернули меня на землю. Я только было взлетел в заоблачные выси, но вы постарались вернуть меня. Я стал чего-то бояться… так сладостно бояться — вы отняли у меня этот страх. Сначала вы были для меня песней реки, звезд, ночи, но потом я услышал от вас мудрые наставления. Вы обманули меня — вы вернули меня на землю.

С л а в к а. Это должно было произойти. Вы начали вести себя… так глупо…

В и л л и. Неправда. Нас окружала такая таинственность: река, месяц, ночь. Мне захотелось слиться со всем этим.

С л а в к а *(неуверенно)*. У вас, Вилик, глаза стали вдруг… недобрые…

В и л л и *(горячо)*. Что вы знаете о моих глазах!

Как вы можете судить — добрые они были или недобрые? Вы обманули меня, вы научили меня уму-разуму. Все таинственное исчезло, и мне уже не с чем слиться. Вокруг себя я опять вижу только серое, будничное… *(Останавливает на ней взгляд.)* У вас строго сжатые губы. Лоб математика. Всегда наготове благоразумное назидание. Вероятно, вы научили уму-разуму не одного влюбленного студента, не одного чиновника. Вы осторожная. Сухая. И замуж вы не вышли именно поэтому, а не потому, что у вас, как я думал, вольные, дикие крылья! Вот вы какая! *(Тише.)* И незачем было так долго мне доказывать, что вам действительно уже двадцать семь лет.

С л а в к а *(которая все это время смотрела на него с радостным изумлением, теперь опускает голову)*. Может быть… может быть, я доказывала это самой себе. Может быть, я перестала обманывать себя, чтобы не обмануть вас…

Вилли недоуменно пожимает плечами. Пауза.

Я подумала сейчас о той… девочке-горбунье… *(Печальная улыбка.)* Вы никогда ее не били?

В и л л и *(удивленно)*. Что?.. Почему вам приходят в голову такие мысли?

С л а в к а. Да так.

В и л л и. Ах вот оно что, просто так… *(В большом смущении.)* Однажды… *(с виноватой улыбкой)* я ее действительно побил… *(Воспоминания смягчили его. Однако, взглянув на Славку, вновь начинает злиться.)* Теперь вы победоносно взираете на меня. Еще бы! Мы так умны, мы такие сведущие, такие проницательные…

С л а в к а. Ошибаетесь, Вилик! В моем взгляде нет ничего победоносного…

Вилли смотрит на нее. Ему неловко. Он присмирел. Кажется, вот-вот последуют извинения, но в этот момент на улице веселый мужской голос затягивает: «Раз, войдя в Путимские ворота…» Другой подхватывает; сфальшивив, мужчины обрывают песню и разражаются смехом.

В и л л и *(прислушивается, в изумлении)*. Черт возьми, что это еще за дуэт?

С л а в к а *(окинув его взглядом, пожимает плечами; с деланным спокойствием)*. Видимо, кому-то хочется петь…

В и л л и *(узнав голоса, с саркастической усмешкой)*. Кому-то! *(Смотрит на Славку, качает головой, подражая ее напускному спокойствию.)* Между прочим, эта песня мне знакома.

С л а в к а. Мне тоже.

В и л л и *(тем же тоном).* Ее любит отец. Не знаю, что он в ней нашел... *(Видя, что Славка невозмутима, не выдерживает.)* Слушайте, не притворяйтесь спокойной!.. Ну и влипли мы!

С л а в к а *(улыбаясь).* Но вы сами — воплощенное спокойствие.

В и л л и. Ничего подобного, я... *(в два прыжка оказывается у двери)* ретируюсь.

С л а в к а *(беспечно).* Бежать, вероятно, уже поздно...

Снова слышится песня, теперь уже ближе: «Ах ты, первый ученик, пожиратель мудрых книг». Это голос Рошкота.

В и л л и *(застывает у дверей, с комическим отчаянием).* Вот вам папеньки. Съедутся после стольких лет разлуки и даже выпить толком не умеют!.. Как нам теперь выкрутиться? Что мы им скажем?

С л а в к а *(преспокойным тоном).* Скажите им то же, что сказали мне. Что-нибудь относительно распахнутых райских врат в конце улицы...

Вилли, жестикулируя, собирается достойно ответить, но уже поздно.

Г о л о с Г л у б и н ы *(он кричит под окном).* Эге-

гей! Славка! Ты еще не спишь? Эге-гей! Эге-гей!

Смех, говор.

С л а в к а *(Вилли)*. Не подойдете ли вы со мной к окну?

В и л л и *(делая жест)*. Воздержусь.

Г о л о с Г л у б и н ы. Эге-гей!

Славка, пожав плечами, подходит к окну.

Г о л о с Г л у б и н ы. Видали ее! Вон она! Опять полуночничала с книжкой да с месяцем! Мы тебе, девочка, ведем гостя…

Смех.

С л а в к а *(многозначительно оглядывается на Вилли, затем в окно)*. У меня для вас тоже сюрприз…

Внизу выкрики «Ого!», смех.

В и л л и *(выведенный из себя)*. Сюрприз! Ну, ладно же! *(Подходит к столу, демонстративно садится, складывает руки на груди и молчит.)*

Г о л о с Г л у б и н ы. И приготовь, дочка, рюмки!

С л а в к а *(отходит от окна)*. Так вы здесь и будете восседать?

В и л л и *(упрямо)*. Именно так.

С л а в к а *(усаживается, подражая Вилли)*. Ну, ладно же!

Секунду они молча смотрят друг на друга, затем неожиданно начинают тихо смеяться.

В и л л и. Послушайте, Славка, вы придумали, что сказать?

С л а в к а. Понятия не имею. Просто… мы здесь, и качайте себе головами, сколько угодно.

В и л л и. Восхитительно! Они, конечно, от умиления бросятся нам на шею.

С л а в к а. Или вцепятся в волосы. Последнее меня, впрочем, больше устраивает… *(Прислушивается к голосам и смеху, доносящимся с улицы.)* А давайте-ка выведем из равновесия этих самодовольных пятидесятилетних юбиляров!.. Все-таки молодость — великая штука! И разве не наслаждение еще раз скрестить шпаги в ее честь?!

В и л л и *(нерешительно)*. Гм!

С л а в к а *(передразнивая его)*. Гм!.. Господи, неужели вы не любите драться?

В и л л и *(наконец, немного ожив, смеется, сверкая глазами)*. Честное слово, глядя на вас, можно подумать, что мы готовимся к штурму крепости… *(Вдруг смутившись.)* А знаете, Славка,

у моего папаши иногда весьма странные манеры. *(В ответ на вопросительный взгляд Славки.)* Не так давно он забыл… *(в большом смущении)* что мне не десять лет, и наградил меня увесистым подзатыльником…

Славка смеется.

Вам смешно.

С л а в к а *(перестает смеяться)*. Я отомщу за вас! *(Улыбаясь.)* Мы, Вилик, поднимемся на борьбу вместе! Плечом к плечу!

В и л л и *(с веселыми искорками в глазах)*. Отомстите за меня? Поднимемся на борьбу вместе… плечом к плечу?.. *(Смотрит на нее с растущим восхищением. Понизив голос.)* Нет, ведь вам все-таки еще не двадцать семь?

С л а в к а *(с немного грустной улыбкой)*. Может, и лоб у меня не математика?

В и л л и *(шлепнув себя по губам)*. Я уже себя за это наказал!.. А знаете, жизнь больше не рисуется мне серой и будничной.

С л а в к а *(подавляя волнение, улыбается)*. Пожалуй, когда-нибудь вы вспомните об этом вечере с таким же восторгом, как о колоколах, звонивших на Святом Габриэле?

В и л л и. Да, да, как о всех колоколах мира…

(Встает. В глазах его горит воодушевление. Смотрит в окно.) Да, мир снова перестал быть для меня будничным! Смотрите, звезды! Они расселись на небе, как барышни на балу. Мне хочется отстранить локтем месяц и пригласить танцевать самую прекрасную из них. Хочется…

Славка не сводит с него глаз; что-то причинило ей боль, но она скрывает это улыбкой. Внизу хлопает дверь.

С л а в к а. Все это вы проделаете потом. А сейчас спрячьтесь там, у окна, за занавеской.

В и л л и *(недовольный тем, что ему помешали грезить).* Опять вы мной командуете… За занавеской? Зачем?

С л а в к а. Их нужно немножко подготовить к нашему сюрпризу. Скорей! Скорей!

Покачав головой и пожав плечами, В и л л и с потешной гримасой прячется за занавеску.

С л а в к а. И помните: плечом к плечу… *(Засовывает под подушку рукопись романа. Потом берет лампу и направляется к двери.)*

В и л л и *(за занавеской).* Славка!

С л а в к а. Дрожите?

В и л л и. Вот еще! Наш девиз *(восторженным*

шепотом): все колокола мира!

С л а в к а *(ее опять что-то задевает, но тут же на лице появляется улыбка)*. Тсс! Тихо! *(Открывает дверь.)*

Глубиновы и Рошкот необычайно шумно поднимаются по лестнице.

Г о л о с Р о ш к о т а. К этой винтовой лестнице я никак не мог привыкнуть… Бывало, возвращаешься домой поздно ночью, ну, конечно, немного навеселе, шляпа набекрень. И такой тарарам поднимешь, будто десять человек топает…

Смех.

А покойная пани Свободова всегда появлялась в дверях со свечой в руке и произносила свое непременное «Опять ведете медведя?..»

Смех. Рошкот появляется на пороге.

Р о ш к о т. Нет, нет, нет, барышня, стоявшая в те времена в дверях со свечой в руке, была не такой молоденькой и хорошенькой…

С л а в к а *(прерывает его)*. А вы опять ведете медведя?

Р о ш к о т. Ха-ха-ха! *(Глубиновым, входящим следом за ним.)* Слыхали? Я своего медведя все-

таки получил!.. Ну а теперь, милая девушка, живенько поставьте лампу. Я возьму вас за ушко и постараюсь подольше не отпускать.

Г л у б и н а. А когда отпустишь, примусь за нее я... *(Размахивает руками.)* Словом, дочка, — вывешивай белый флаг! Сдавайся! *(Торжественно.)* Четырнадцать умудренных житейским опытом мужчин единодушно высмеяли сегодня свою молодость, эту болтунью... эту зазнайку, эту... эту... *(насмешливо)* эту покорительницу мира... *(Разворачивает бутылку вина и ставит ее на стол.)*

С л а в к а. ...которая не виновата в том, что вы оставили ее на бобах. *(Встает так, чтобы отбрасывать тень на уязвимый пункт обороны — занавеску.)*

Г л у б и н а. Я сказал: вывешивай белый флаг — и баста! Верь многоопытным мужчинам!

П а н и Г л у б и н о в а *(от которой сегодняшний вечер потребовал большого напряжения сил, все время бросает на Славку испуганные взгляды, пытаясь без слов объясниться с нею; достав из буфета рюмки, идет с ними к столу; мягко).* Утихомирься, Еник. Вот что значит много пить с непривычки.

Г л у б и н а. Я, мамочка, пил от радости.

Р о ш к о т. О да! Мы пили от радости, милости-

вая пани.

С л а в к а. Повторите еще раз «от радости», и можно будет в этом усомниться…

Глубина снова воинственно размахивает руками.

П а н и Г л у б и н о в а *(вмешивается в разговор; примирительным тоном, но как-то неуверенно)*. Вечер был действительно чудесный… *(Рошкоту.)* За разговорами-то и стул вам забыли предложить… *(Пододвигает стул.)* Милости прошу…

Г л у б и н а *(Славке, победоносно)*. Слышишь? Слышишь? Чудесный вечер! И тост я свой произнес, если хочешь знать. Произнес или нет, мамочка?

П а н и Г л у б и н о в а *(взволнованно, смущенно)*. Произнес… только, может, Еник, не стоило…

С л а в к а *(с ехидцей)*. Вот видишь, папа?!

П а н и Г л у б и н о в а *(растерянно)*. Верней…

Р о ш к о т *(уже успел сесть; смеется)*. Ну-ну-ну, не будем идеализировать сегодняшний банкет. Кое-какая соринка попала в рюмку каждому…

Глубина, начавший разливать вино в рюмки, протестует жестами.

Не спорь, не спорь!.. И… по-моему, в этом повинен и ты, и у тебя рыльце в пушку… *(Смеется. Обращается к Славке, тыча пальцем в сторону Глубины.)* Знайте, ваш папенька лишил нас былого Гонзика Глубины, того фанфарона, в котором мы души не чаяли. Он просто поставил на нем крест, утопил его, как котенка, и нам пришлось довольствоваться всего-навсего зрелым дядюшкой, что восседал этак солидно и с высоты своих пятидесяти лет говорил, как проповедник. Впрочем… почему бы и нет? *(Не без оттенка горечи.)* Мы настолько состарились и вылиняли, что степенные речи нам вполне подходят. И все-таки… *(Многозначительно почесывает затылок и умолкает.)*

Г л у б и н а. Ты это серьезно, Йозеф?..

Р о ш к о т. Дьявольски серьезно! *(Смеется.)* Но мир от этого не перевернется. И вообще… все это было сказано не в обиду кому-нибудь… *(Чтобы перевести разговор на другую тему, Славке.)* Между прочим, милая барышня, куда-то исчез мой сынус. Ни в отеле, ни в парке… Где его нелегкая носит… *(Смеется.)*

С л а в к а *(безучастно)*. Это на него похоже.

Р о ш к о т. Что? Ха-ха-ха!

С л а в к а. Это на него похоже. Я еще утром

сказала, что вы плохо воспитали своего сына.

Глубина и пани Глубинова *(в один голос и с укоризной)*. Ну-ну, девочка! Славка!

Славка. Да, да… плохо воспитали…

В этот момент за занавеской кашляет Вилли. Все оборачиваются. Славка пытается скрыть улыбку, остальные удивлены. Пауза, вопросительные взгляды. Выдав себя, Вилли появляется из укрытия, криво улыбается, молчит.

Рошкот *(после паузы)*. Черт подери… ты… ты что тут делаешь?

Глубина. Но ведь это же…

Пани Глубинова *(уже сняла шляпу и теперь повязывает передник)*. Господи, как вы меня напугали!

Вилли. Прошу прощения. Я больше не мог оставаться в укрытии и слушать, что обо мне говорят. Это было бы неприлично.

Славка. Браво. Оказывается, он не так скверно воспитан…

Вилли хмурит брови, но, встретившись взглядом со Славкой, снова улыбается.

Рошкот *(все еще не оправившись от удивления)*. Прежде всего, нас интересует, как ты в это

укрытие попал…

Вилли, украдкой поглядывая на Славку, намеревается ответить.

С л а в к а. Ни слова, Вилик! Пусть они еще немного поудивляются.

Р о ш к о т *(удивление его нарастает)*. Вилик! Подумать только! Значит, вы… так сказать… подружились?

С л а в к а. Так сказать.

Пауза. Удивленные взгляды Рошкота, Глубины и пани Глубиновой.

Р о ш к о т *(Вилли, мягко)*. Послушай… мальчик…

Вилли молчит.

Г л у б и н а *(Славке, ласково)*. Послушай… девочка…

Славка молчит. Пауза.

Р о ш к о т *(откашливается, вынимает часы; Вилли)*. Сколько сейчас времени?

В и л л и *(посмотрев на свои часы, невозмутимо)*. Двадцать пять минут первого.

Р о ш к о т. Твои отстают. На моих без двадцати

пяти час.

В и л л и *(прежним тоном)*. У тебя пражское время. Я свои поставил по местному.

Р о ш к о т. Возможно. И все же… ты не находишь, что даже по местному… и, пожалуй, по местному особенно… двадцать пять минут первого — время мало подходящее… для подобных сюрпризов?

С л а в к а. Собственно, сюрпризом было ваше появление.

Р о ш к о т *(тараща глаза)*. Простите?

С л а в к а. Мы не ждали вас так рано.

Р о ш к о т. Вы не ждали нас так рано?.. Наш приход был для вас… для вас… неожиданностью?

С л а в к а. Совершенно верно… И кончим на этом.

Р о ш к о т *(с облегчением)*. Прекрасно. Золотые слова. Итак — исповедуйтесь… а затем продолжим наше веселье…

С л а в к а *(чуть играя голосом)*. Вам не кажется, что мы без особого труда могли бы придумать дюжину отличнейших отговорок, которые вас вполне устроят?

Р о ш к о т. Но мы не хотим, чтобы вы что-то выдумывали… мы хотим…

С л а в к а *(прерывая его)*. Но именно этого не

хотим мы.

Г л у б и н а. Не хотите?

С л а в к а. Не хотим.

Пауза.

Р о ш к о т *(Вилли)*. И ты так считаешь?

В и л л и *(колеблется, но, взглянув на Славку, произносит)*. Да.

Р о ш к о т *(после паузы, мягко, тихо)*. А ты не думаешь, сынок, что тебе пошла бы на пользу… хорошая затрещина?

Вилли стоит неподвижно и только улыбается.

Не изволит ли милая барышня на минуту отвернуться?..

В и л л и *(спокойно)*. Отвернитесь, Славка…

Славка, переглянувшись с ним и ответив улыбкой на улыбку, отворачивается.

Р о ш к о т *(встает, замахивается, словно и впрямь собираясь ударить Вилли, но рука на полпути замирает; снова опускается на стул)*. Нет, барышня, не нужно… *(Смотрит поочередно на Вилли и Славку, затем разражается смехом.)* Вам не кажется, что вы нас уже достаточно подурачили? *(Славке.)* Я же вижу, как у вас дергаются

уголки рта! Вы сыграли с нами шутку!

С л а в к а *(просто)*. Конечно.

Р о ш к о т *(Глубиновым, неожиданно приходя в восторг)*. Каковы? Ловко обвели стариков вокруг пальца! Ха-ха-ха! Ишь, плуты! А как было на самом деле?

С л а в к а *(обменявшись взглядом с Вилли)*. Все было очень просто.

Р о ш к о т *(продолжая смеяться)*. Выкладывайте!

С л а в к а. Я провожала приятельницу, встретила Вилика, и Вилик сказал…

Р о ш к о т. Стало быть, это он заводила!

С л а в к а *(копируя Рошкота)*. Наши отцы не один пуд табаку выкурили из одной трубки!

Р о ш к о т. Что? Ха-ха-ха!

Смеются и Глубиновы.

С л а в к а. Это Вилик так сказал… Ну, мы быстро нашли общий язык и… условились дождаться вас и сделать вам сюрприз…

Р о ш к о т. Ха-ха-ха!

С л а в к а *(с невинной улыбочкой)*. Пусть это будет одной из той дюжины отговорок, которые могли бы вас успокоить…

Р о ш к о т *(пораженный)*. Что-о-о?

Глубиновы тоже удивлены.

С л а в к а *(с прежней улыбочкой)*. Если нужно, Вилик моментально придумает другое объяснение…

Р о ш к о т *(Вилли)*. Только посмей у меня! Карающая длань уже нависла над тобой… *(Успокаиваясь.)* Стыдитесь, дети! Так потешаться над родителями…

С л а в к а *(Вилли)*. Скажите же что-нибудь!

Вилли только беспомощно потирает лоб и растерянно улыбается.

(Качает головой. Затем не без шутливого пафоса.) Хотя четырнадцать умудренных опытом, зрелых мужей единодушно предали анафеме сумасбродство молодости, однако нам… *(уже без пафоса, с плутовской наивностью в голосе)* вы сообщили об этом слишком поздно, мы этого еще не знали, когда…

Г л у б и н а *(словно чего-то испугавшись)*. Славка!

С л а в к а *(прежним тоном)*. Наверно, анафемы всегда запаздывают, и сумасбродство берет свое, к счастью…

Г л у б и н а. Довольно шутить, Славка. Объясни все толком…

С л а в к а. Сие невозможно.

Г л у б и н а *(проникновенно)*. Дочка…

С л а в к а. Невозможно. Потому что… *(секунду многозначительно смотрит на Вилли; весело запускает руку в его шевелюру)* потому что разве вам понять, как, например, один фанфарон умудрился увидеть в конце улицы разверзшиеся врата рая, как… *(Многозначительно умолкает.)*

Славка и Вилли заговорщически улыбаются друг другу. Для остальных эта пауза мучительна.

Г л у б и н а *(тревожно, с патетическими нотками в голосе)*. Славка… между вами что-то произошло…

Славка с шутливой медлительностью кивает головой.

П а н и Г л у б и н о в а *(Славке, с мольбой, вопросительно)*. Детка?!

Р о ш к о т *(совершенно сбит с толку)*. Черт побери! Да ведь они сегодня впервые увиделись!

Г л у б и н а *(меряет Вилли долгим, непримиримым взглядом; затем Рошкоту с горечью)*. И это твой сын…

Р о ш к о т. Да, это мой сын… Кажется, у тебя в мыслях нечто такое, чего ты не решаешься

сказать вслух?

Г л у б и н а *(не отвечает, смотрит куда-то поверх его головы)*. Славка… до сегодняшнего вечера ты была порядочной девушкой…

Р о ш к о т *(задетый этими словами, парирует)*. Должен сказать, что до сегодняшнего вечера я тоже не замечал, чтобы мой сын был негодяем…

Г л у б и н а *(недружелюбно)*. Я думаю, Йозеф, тебе не следует так упорно настаивать на этом…

Р о ш к о т. Что ты хочешь сказать?

Г л у б и н а. Не больше того, что известно тебе самому.

Р о ш к о т. Ах, так. Гм! *(Вилли, сухо.)* Будешь теперь говорить?

В и л л и *(Славке)*. Сказать?

С л а в к а *(категорически)*. Теперь уж — ни в коем случае!

Р о ш к о т *(усмехнувшись)*. Как видишь, дружище, первую скрипку тут играл не Вилли, а кто-то другой…

Г л у б и н а *(тон его становится все более неприязненным, ядовитым)*. Ну-ну-ну! Не торопись! Я буду еще более откровенным: в молодости ты тоже отличался изрядным легкомыслием. Помнится, я частенько тебе за это пенял…

Р о ш к о т *(искренно, горячо)*. Проклятие! Ты

дьявольски ошибаешься! Ни за что ты мне не пенял!

Глубина пожимает плечами. Морщится.

(Смеется.) Ха-ха-ха! Э-э, брат, в своем романе ты мои легкомысленные поступки даже приукрасил…

Глубина *(свысока)*. Они настолько неблаговидны, что их нельзя было не приукрасить. *(Подчеркивая каждое слово.)* Кстати, странно… О моем романе столько лет не было ни слуху ни духу, и вдруг… и вдруг он очутился в твоих руках…

Рошкот *(смеется)*. Сюрпризик, а?!. Но я тебе, дружище, не все еще сказал. Я привез твою рукопись. Завтра вручу ее тебе… и ты ее сожги, немедленно сожги! Они… ну, знатоки, сказали, что… *(Доканчивает фразу выразительными жестами. Смеется.)* Я говорю тебе это только потому, что и ты сам наверняка того же мнения о своем детище…

Глубина, в высокомерной позе, хмурится, молчит.

(Изумленно.) Или, может… у тебя другое мнение?.. Но, судя по тому, как ты сегодня одним махом разделался со всеми сумасбродствами

молодости…

Г л у б и н а *(высокомерно, заложив руку за борт пиджака)*. Знатоки! Столичные знатоки! Разумеется! Куда нам!.. Но… не замешан ли, часом, и ты в том, что мой роман прямо как в воду канул?

Рошкот удивлен.

Не позавидовал ли ты мне?.. Вдруг бы я, скажем…

Р о ш к о т *(ошеломлен; широко раскрыв глаза)*. Что?!. Извините, милостивая пани… *(Вскакивает со стула, готов выложить все начистоту.)*

П а н и Г л у б и н о в а *(чуть не плача)*. Да что это вы, бог с вами… Еник…

Р о ш к о т *(вовремя берет себя в руки; Глубине)*. Ты прав, я иссох от зависти… *(Протягивает руку к рюмке, но тут же резко отстраняет ее.)*

Мучительная пауза.

(Неожиданно с раздражением Вилли.) Какого лешего ты смеешься?

В и л л и *(серьезно)*. Я и не думаю смеяться.

Р о ш к о т *(успокоившись)*. Нет? Значит, мне показалось. *(Смотрит на него мгновение, затем, покачав головой, Глубине.)* Стало быть, мой сын тебе не по нутру?

Глубина не отвечает. Берется за рюмку, но решительно отодвигает ее, даже не пригубив.

Р о ш к о т. Ну, сознайся, что не по нутру. Легкомысленный в отца, испорченный и так далее. Быстро же ты вынес ему приговор… *(Пауза. Все в нем кипит; явно готовясь к новому выпаду.)* Но… обстоятельства не говорят и в пользу… *(бросает многозначительный взгляд на Славку)* другой стороны…

Г л у б и н а *(задет)*. Не понимаю…

Р о ш к о т. Поймешь, поймешь… Я не хочу идти по твоим стопам и не стану распространяться о твоем фанфаронстве. Но ты был наделен им сверх всякой меры, и кое-кто вполне мог унаследовать его от тебя.

В и л л и *(неожиданно)*. Ты, отец, вероятно, имеешь в виду барышню Славку?

Р о ш к о т. Мне кажется, я имею в виду именно ее.

В и л л и *(твердо)*. В таком случае прошу тебя переменить тему разговора.

Р о ш к о т *(готов вспылить, но овладевает собой)*. Ты бы, дурачок, лучше навострил уши! Я сейчас скажу нечто такое, отчего твоя физиономия сразу вытянется.

В и л л и *(по-прежнему твердо)*. Я серьезно,

отец. Ты не имеешь никакого права оскорблять барышню…

Славка, бросив на Вилли взгляд укротительницы, закрывает ему рот ладонью.

Р о ш к о т *(пораженный).* Ловко тебя барышня приручила! Но мы еще посмотрим, посмотрим!

Г л у б и н а. Бывший друг Рошкот…

Р о ш к о т *(не давая ему докончить).* Сейчас, сейчас все услышишь… бывший друг Глубина. Итак… *(делает паузу, словно беря цель на мушку)* когда мы возвращались сюда, на углу стоял какой-то господин…

Г л у б и н а. Это же был…

Р о ш к о т. Да… да, некий учитель музыки или что-то в этом роде. По крайней мере, ты так сказал…

Г л у б и н а. Но…

Р о ш к о т. Он был взволнован и отозвал тебя на минутку, чтобы о чем-то переговорить…

Г л у б и н а. Ну, да. Я же тебе сказал…

Р о ш к о т. Верно. Потом ты нам сказал. Следовательно… этот господин знаком барышне. По всей видимости, он допустил сегодня какую-то оплошность и завтра придет извиняться. Более того, он придет еще и по другому, очень важ-

ному делу, которое в первую очередь касается барышни…

Глубина нервно жестикулирует. Вилли испытующе смотрит на Славку, которая со спокойной улыбкой выдерживает его взгляд.

Г л у б и н а *(глухим от волнения голосом)*. Что ты хочешь этим сказать?

Р о ш к о т *(прицелившись, стреляет в десятку)*. Да… пожалуй, лишь то, что если сегодня этот дом посетили два вертопраха, то мой парень наверняка не был худшим из них…

Г л у б и н а *(со скорбной укоризной)*. Славка!

Ни один мускул не дрогнул на лице Славки. Она все так же улыбается.

Р о ш к о т *(посылая последнюю пулю)*. Видимо, барышня в канун больших событий и в промежутках между ними питает слабость к… если можно так выразиться… мимолетным приключениям…

Разгоряченные Рошкот и Глубина меряют друг друга взглядами. Мучительная пауза.

С л а в к а *(Вилли, спокойно)*. У вас сейчас мелькнула грязная мысль.

В и л л и. Мелькнула.

С л а в к а. Уже улетучилась?

В и л л и *(секунду смотрит на девушку, затем, улыбаясь, просто)*. Улетучилась.

П а н и Г л у б и н о в а *(не в силах больше молчать, выговаривает распетушившимся мужчинам)*. Стыда у вас нет. Ни у тебя, Еник… *(Рошкоту)* ни у вас. *(Готова заплакать.)*

Г л у б и н а *(игнорируя увещевания жены, продолжает в упор смотреть на Рошкота; сквозь зубы, прерывающимся от волнения голосом)*. Ты… Рошкот… такой…

Р о ш к о т *(перебивает его)*. Сейчас ты увидишь, какой я. Авось и признаешь за мной хотя бы каплю добропорядочности… *(Подчеркнуто медленно.)* Если барышня, паче чаяния, придает сегодняшнему мимолетному приключению более серьезное значение, чем завтрашнему большому событию, то я… *(приосанившись)* заявляю, что сумею заставить своего сына сделать из этого все надлежащие выводы…

Вилли и Славка обмениваются взглядами, сперва недоуменными, потом плутовскими.

Г л у б и н а *(теперь его очередь показать себя)*. Если я тебя правильно понял…

Р о ш к о т. Думаю, ты понял меня правильно.

Г л у б и н а *(свысока)*. Тогда должен сказать… что моя дочь твоему сыну не пара.

Р о ш к о т *(ошеломлен; снова готов взорваться)*. Постой, постой… смотри, как бы не просчитаться! Не пара, говоришь?

Внутри у обоих клокочет. Насупившись, они меряют друг друга взглядами через разделяющий их стол. Короткая, наэлектризованная пауза.

С л а в к а *(внезапно делает шаг вперед)*. Минутку! *(И голосом и позой тотчас приковывает к себе внимание окружающих.)* Я мигом… *(Исчезает в комнате Глубины и через секунду возвращается, пряча что-то за спиной.)*

На остальных это производит магическое действие. Все в ожидании.

Можно мне сказать?

Г л у б и н а *(взволнованно)*. Говори! Скорей!

С л а в к а *(улыбаясь)*. Только… это будет торжественная речь… эпилог вашей встречи…

Г л у б и н а. Не паясничай, дочка.

С л а в к а. Мама, прошу тебя, долей рюмки.

Все удивлены. Глубина и Рошкот делают движение, будто желая этому помешать. Пани

Глубинова, сбитая с толку, не знает, как поступить.

Тогда налейте вы, Вилик…

Вилли в нерешительности, но, взглянув на Славку, исполняет просьбу. Глубина и Рошкот смотрят в сторону.

Себе тоже налейте…

В и л л и *(растерянно улыбаясь)*. У меня нет рюмки…

С л а в к а. Вот как! До чего ж они невежливы. Даже рюмки вам не дали…

П а н и Г л у б и н о в а *(уже несет рюмку; Вилли — просто, сердечно)*. Не обижайтесь, тут не было никакого злого умысла…

С л а в к а. Ты, мама, хорошая, очень хорошая…

Мужчины еще старательней отводят глаза в сторону. Пауза.

(С некоторым пафосом.) Так вот… единодушный приговор над сумасбродством молодости, вынесенный четырнадцатью зрелыми мужами, я объявляю крайне недальновидным…

Рошкот и Глубина делают резкое движение.

…и кладу на стол эту трубку мира… *(Кладет*

на стол длинную трубку, которую до сих пор прятала за спиной.)

Всеобщее удивление.

Глубина *(смутившись)*. Зачем это?.. К чему?..

Славка *(Рошкоту)*. Присмотритесь к этой трубке повнимательней.

Рошкот *(медлит; затем нехотя склоняется над столом; пожимает плечами и делает удивленное лицо)*. Похоже, что это…

Славка. …ваша гимназическая трубка.

Глубина *(все более смущаясь)*. Она случайно осталась у нас…

Славка. И отец случайно берег ее как зеницу ока…

Глубина *(по-прежнему смущенно)*. Скажешь тоже! Стояла себе в углу…

Славка. Стояла. А кто без конца брал ее в руки? В детстве я всегда думала, что ты с ней разговариваешь. Это частенько бывало.

Глубина *(точно задыхаясь, оттягивает пальцем воротничок)*. Чепуха! Выдумки!

Пауза. Рошкот берет трубку и снова ее кладет. Еще раз делает то же самое, борясь с волнением. И он и Глубина избегают смотреть друг другу в

глаза. Напряженное молчание. Пани Глубинова отворачивается, чтобы смахнуть слезу.

Р о ш к о т *(поборов себя, после длительной паузы, Глубине)*. Ты… ты серьезно считаешь, что твоя дочь — моему сыну не пара?

Глубина ищет, на чем бы остановить взгляд. Ему не по себе. Он не отвечает.

С л а в к а *(просто, с улыбкой)*. Разумеется, не пара. Спроси вы нас с Виликом, мы бы вам сразу ответили, что мы не пара… Да и не могу я ему быть парой… *(Игриво, но в голосе ее слышится печаль.)* Потому что *(нарочито, с шутливым пафосом)* он… собирается в дальнюю дорогу за прекраснейшей из звезд… *(Вилли.)* Не дергайтесь! Я желаю вам счастливого пути!.. *(Поднимает рюмку, чтобы чокнуться с Вилли.)*

В и л л и *(в душе у него буря, ему нужен не такой тост)*. Славка…

С л а в к а *(перебивает)*. Тсс, не брякните чего-нибудь. Девиз гласит…

В и л л и *(все-таки поднимает рюмку)*. Все колокола мира!

Они смотрят друг на друга сквозь рюмки. Глубина и Рошкот наблюдают за этой сценой,

комично силясь хоть что-нибудь уразуметь. А пани Глубинова уже подносит к глазам уголок передника.

С л а в к а *(неожиданно бросая взгляд на Глубину и Рошкота).* А за что будете пить вы?

Мужчины растерянно отводят глаза. Пауза.

Р о ш к о т *(горестно).* Может, вы посоветуете… двум зрелым мужам, за что им выпить?

С л а в к а *(с минуту разглядывает их, улыбается, затем театрально, хотя и не без внутреннего жара).* «И ты, лунная ночь, еще раз, последний раз очаруй меня своим волшебством».

Непонимающие взгляды Глубины и Рошкота.

(Удивлена.) Ты, папа, уже не помнишь? *(Качая головой, подходит к кровати, достает из-под подушки рукопись романа и кладет ее на стол.)*

Глубина узнает тетрадь. Он смущен и взволнован. Рошкот вопросительно смотрит на Вилли и Славку.

Папа, ты покраснел! До чего очаровательно! Совсем не похоже на… многоопытного мужа, сломавшего шпагу над сумасбродствами молодости…

Г л у б и н а *(ему ужасно не по себе).* Глупости! Сожги это, мать!

Р о ш к о т. Нет, нет, не делайте этого, милостивая пани…

П а н и Г л у б и н о в а *(хватает тетрадь).* Сожгу! Непременно сожгу! *(Неожиданно изливает всю свою боль.)* Все равно вы сожгли за собой мосты! Словно ничего и не было! Словно… *(Всхлипывает.)*

Глубина и Рошкот смотрят на нее ошеломленно, Славка — улыбаясь.

Г л у б и н а *(взволнованно).* Тут ты, мать, по-моему, немножко ошибаешься…

Рошкот кивает в знак согласия.

П а н и Г л у б и н о в а. Если бы! Вы так далеки от всего… что когда-то исповедовали!.. Вам давно нужна была хорошая встряска! *(Указывая на Вилли и Славку.)* И если бы не эти двое сумасбродов… *(Не договаривает, готовая заплакать.)*

Пауза.

Р о ш к о т *(с горечью).* Да, да, если б не эти двое сумасбродов! Они приложили немало усилий для того, чтобы на нас пахнуло чем-то далеким-дале-

ким, и еще больше — для того, чтобы мы целый час не переставали удивляться. Мне, например, очень хотелось бы знать…

С л а в к а. …как папин роман очутился у меня? Проще простого. Его принес Вилик. Мы сидели и читали… Не хмурься, папа. Дальше первой страницы мы не продвинулись…

Р о ш к о т *(иронически)*. Ну, разумеется.

С л а в к а. Вовсе — не разумеется. Просто я вскоре запустила романом Вилику в голову.

Р о ш к о т. Ого!

С л а в к а. Потому что… *(бросает взгляд на Вилли, в некотором замешательстве)* потому что он начал зевать.

Все невольно улыбаются.

Р о ш к о т *(смеется)*. Еще один вариант правдоподобной отговорки. Но я подозреваю, причина этой репрессивной меры — в ином…

П а н и Г л у б и н о в а *(вмешивается)*. Оставьте вы их в покое! Не допытывайтесь!.. Ах, вы, мужчины, мужчины, переболели молодостью — и все забыли и ничегошеньки не понимаете…

Р о ш к о т *(робко взглядывает сначала на пани Глубинову, потом на Славку, Вилли и Глубину; наконец решительно поднимает рюмку)*. Что ж…

выпьем за то, чего в пятьдесят лет мы уже не понимаем, за то, к чему уже глухи… за то… Впрочем, разве эти два молодых фанфарона непременно должны знать, за что мы еще собираемся пить? *(Глубине.)* Может, опрокинем эту рюмочку у тебя в комнате? *(Натужный смешок.)* Так сказать, тет-а-тет с месяцем над рекой?

После некоторой душевной борьбы Глубина берет рюмку и поднимается.

Спасибо тебе, Гонзик, что не отказываешься. А вы, милостивая пани, пойдете с нами. Вы уж проследите, чтобы два старикана выпили эту рюмку по-хорошему, по-дружески. *(Обменивается с Глубиной многозначительными взглядами. Кажется, у него появилась какая-то идея. Славке и Вилли.)* А ваше, любезные, присутствие, если хотите знать, не требуется… *(Строит им гримасу, смеется, вместе с Глубиновыми уходит в соседнюю комнату.)*

Славка и Вилли секунду молча стоят друг против друга. Снаружи доносятся робкие голова пробуждающихся птиц. Молодые люди переводят взгляд на окно, за которым еще простирается ночная мгла. Затем глаза их встречаются.

С л а в к а *(после паузы)*. А не преподнести ли им еще один сюрприз?

В и л л и *(устремив на Славку долгий взгляд)*. Хотите, чтобы я ушел?

С л а в к а. О! Мы отлично понимаем друг друга. Скорей, пока они не вернулись. Я скажу, что вы… ждете внизу…

Вилли берет шляпу, встает. Он очень похож на вышколенного сурового солдата, исполняющего приказ.

Мы должны расстаться без свидетелей, правда? *(Протягивает ему руку.)*

Оба смотрят друг другу в глаза, улыбаются.

В этот дом вошел неуклюжий увалень, неотесанный солдат, казалось бы, способный только лениво зевать, — и вдруг я увидела восхитительно сияющие глаза… *(Перестает улыбаться, твердо.)* Спасибо, Вилик, за чудесный вечер…

В и л л и. Вам спасибо, Славка… *(Смотрит на нее, не выпуская ее руки.)*

С л а в к а *(теряя спокойствие)*. Идите же…

В и л л и *(продолжает держать ее за руку, порывисто подавшись к ней)*. Милая…

С л а в к а *(отшатнувшись, еще находит в себе*

силы пошутить). Стало быть, там еще имеется в наличности труба пивоварни?.. *(Выдергивает руку… Нет, нет, она ничем не омрачит это светлое расставание. Она улыбается.)*

В и л л и *(тень пробегает по его лицу, но и он улыбается).* Что ж… если не считать этой трубы… то все остальное… *(Еще раз вглядывается в ее лицо, еще раз улыбается и с застывшей на губах улыбкой направляется к двери.)* Прощайте, Славка…

Славка открывает рот, чтобы тоже сказать «прощайте», но ничего не говорит. Вилли выходит, а она, оцепенев, стоит и не сводит глаз с закрывшейся двери. Пауза. Распахивается дверь соседней комнаты.

Р о ш к о т *(входя, размахивает руками, смеется).* Извините, извините меня, милостивая пани…

П а н и Г л у б и н о в а *(выходит следом за ним вместе с Глубиной).* Я только хочу сказать, что вы их не понимаете…

Р о ш к о т *(весело, громко).* Так вот, дети… *(Удивленно озирается.)* А где Вилли?

С л а в к а *(невозмутимо).* Ушел. Он ждет вас внизу.

Все изумлены.

(Отцу и матери.) Вилли вам кланяется, особенно маме… Ну, в чем дело?

Р о ш к о т *(глядит на нее широко раскрытыми глазами, тихо).* А вы опять чем-нибудь не запустили в него?

С л а в к а. Шляпой. Он поймал ее и ушел.

Р о ш к о т *(растерянно переводя взгляд с одного на другого).* Похоже, мы действительно не поняли, что тут произошло.

П а н и Г л у б и н о в а *(подходит к Славке и гладит ее по волосам).* Да, да, вы никогда не разбирались в подобных вещах… *(Ее душит волнение.)*

С л а в к а. Ты о чем, мама? *(Оглядывая всех, со страдальческой улыбкой.)* Вот мы и остались вчетвером, четыре человека, сумасбродная молодость которых уже позади…

Р о ш к о т *(сначала не в силах произнести ни слова, потом присвистывает с комичным удивлением).* Что-о-о? Что? С чего это вы вдруг причисляете себя к нам, к инвалидам, к старым развалинам?

С л а в к а. Я делаю это не по доброй воле. Вынужденно… Живешь, живешь — и внезапно чувствуешь… что ты уже на другом берегу. Звонят все колокола мира… но ты их не слышишь.

Казалось бы, впору броситься с обрыва очертя голову… но ты не бросаешься. Вот тогда-то и понимаешь, что ты уже на другом берегу… *(Подойдя к кровати, срывает листок календаря с вчерашней датой, смотрит на него и медленно комкает. Подняв глаза, с простодушной улыбкой.)* Бедой это, пожалуй, не назовешь. Это всего лишь… разлука…

Глубина и Рошкот обмениваются испуганными взглядами.

П а н и Г л у б и н о в а. Детка… детка, что с тобой?

С л а в к а *(улыбаясь)*. Не волнуйся, мама. Теперь ты будешь мною довольна. Отец, думаю, тоже… *(Снова улыбается.)* Если сегодня, завтра, послезавтра явится некий господин… я буду само благоразумие… *(Взглянув на скомканный листок, выбрасывает его в окно.)*

Г л у б и н а *(горестно)*. Не нужно, Славка, так говорить… Никто не собирается тебя принуждать…

Славка только качает головой, улыбается.

Р о ш к о т *(у него тоже слишком много накопилось на душе, он делает несколько решительных*

шагов к Славке; громко, почти резко). Знайте же, знайте… теперь я, кажется, начинаю понимать, что означают все эти колокола, прекраснейшие звезды и тому подобное.

С л а в к а *(с улыбкой).* Это еще не повод для того, чтобы кричать.

Р о ш к о т. Не буду, не буду. Остальное доскажу вполголоса.

С л а в к а. Что ж вы еще хотите сказать?

Р о ш к о т *(опять зычно).* Что я не больно-то цацкаюсь со своим сыном…

С л а в к а. Это я заметила.

Р о ш к о т. Заметили и отлично!.. *(Слова стремительно срываются у него с языка.)* А сейчас… не знаю, что вы на это скажете… сейчас я поцелую вашу милую головку… *(Торопливо целует ее.)* Вот! И на кой черт вам знать, зачем я это сделал! *(Смеется.)* А если вам, дитя мое, угодно выслушать меня, то скажу: мне и грустно и весело, и весело и грустно… и так и эдак, и так и эдак… *(Раскатистым смехом маскирует волнение. Порывисто жестикулирует, ходит по комнате взад-вперед, поворачивается к окну и грозит месяцу пальцем.)* Э, что было — то было… Смейся, смейся, насмешник серебристый!.. Ну, мне пора! Мальчик небось заждался! *(Протягивает на прощание обе руки.)*

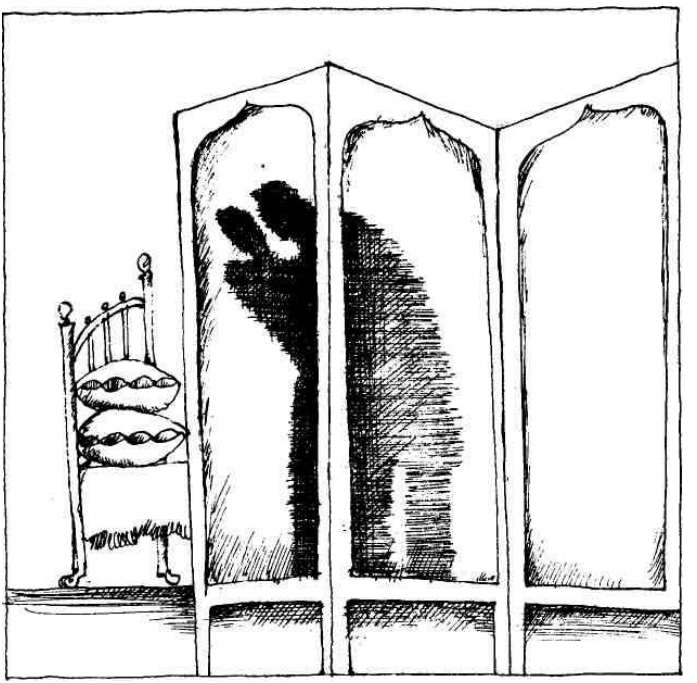
Гонзик, милостивая пани, друзья мои…

Г л у б и н а *(в большом волнении).* Может… может, пропустим еще по рюмочке?

Р о ш к о т. Нет-нет-нет, брат, боюсь. Чего доброго, в рюмку опять попадет какая-нибудь соринка… *(Протягивая руку Славке.)* Верно, мудрая головушка?

При последних словах занавес медленно опускается.

Франтишек Ксавер Шальда
РЕБЕНОК



F. X. Šalda

DITĚ

F. X. Šalda. Soubor díla F. X. Šaldy. Dramata. Praha, Československý spisovatel, 1957.

Перевод с чешского **Евг. Аникст.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАНИ ГЕЛЕНА КОСТАРОВИЧ, вдова фабриканта, 53 лет.

РИША КОСТАРОВИЧ, заместитель директора банка, 32 лет.

АЛЕШ КОСТАРОВИЧ, его брат, музыкант, 21 года.

ФРАНТИШКА ЯРЖАБАТА, служанка, 18 лет.

АЛЕКСАНДР КОСТАРОВИЧ, брат покойного фабриканта, 53 лет.

АНЧА БАРТИКОВА, служанка, подружка Франтишки, 19 лет.

Действие происходит в Праге.

Между первым и вторым действиями проходит четыре месяца, между вторым и третьим — шестнадцать дней.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая кухня с плитой. Белая мебель мягкого дерева, на стене шкаф, полный посуды, в основном алюминиевой. Кроме того, большие кастрюли и сковороды, сверкая чистотой, висят на стене. В углу, из-за бумажной ширмы, оклеенной картинками из иллюстрированных журналов, виднеется кровать. Небольшая тусклая лампочка освещает стол и на нем — ворох грязного белья, которое Франтишка, стоя, сортирует, а Алеш, сидя, записывает в тетрадь.

Франтишка. Десять мужских полотняных рубашек и две шелковые. Эти не пойдут в стирку с остальными; их надо стирать отдельно, в тазу, душистым мылом. Запишите их особо, паныч. Это рубашки пана Риши.

Алеш. Риша часто меняет рубашки и доставляет вам много лишней работы.

Франтишка. Он переодевается четыре, а то и пять раз в неделю; зато вы — только два. Но ему надо. Он много бывает в обществе, ходит на концерты, в театры, на балы... в... в... как это называется? Да, в клуб... знаю я разве, куда еще.

А вот вы все дома. Сидите за своими книгами, а еще больше стоите у пульта с нотами и скрипкой под подбородком, а *(улыбаясь)* когда сударыня уходит из дома, вам нравится проводить время со мной на кухне.

А л е ш. Да; я всегда был… как бы сказать? Как будет мужской род от Золушки? Золушек… да, Золушек. Риша в этом доме с самого детства был золотым фазаном, а я — самым обычным, серым, невзрачным, которого не показывают… *(Тщетно пытается улыбнуться)* а лишь стреляют и едят. Мать и отец им гордились, когда он был еще совсем малютка. В три года поставят его на стул, и он декламирует гостям стишки или поет песенки и при этом ручкой в такт помахивает. Ему все аплодировали и сулили великое будущее. Дамочки едва не ссорились, кому из них понянчить его, носили ему столько сладостей, что он ими объелся. Потом уж никаких сластей от них не брал, и дамочки очень огорчались.

Ф р а н т и ш к а. Теперь я понимаю, отчего он такой… как бы сказать?.. красивый и нежный, потому, что его уже в детстве любили и ласкали красивые пани. Да, он мягкий и нежный… и вместе с тем такой мужественный и суровый и… как бы сказать?.. и… и… великолепный, как никто из

мужчин. Волосы у него, как у женщины… курчавые от природы. Это случайно?

А л е ш *(продолжая свою мысль)*. Меня же всегда прятали, как тайный грех. А почему? Видно, я был им не нужен и появился на свет против их воли? Ничего не понимаю… почему мне выпала такая судьба. Стыдиться за меня они начали рано… это бесспорно, может, даже со дня моего рождения. Должен сказать, что в детстве я долго болел. Стали уже сомневаться, смогу ли я ходить. Собственно, и сейчас я хилый… да… очень, очень хилый. После скарлатины я неважно слышу, долго не говорил и сейчас немного косноязычен… вернее, заикаюсь. Да, заикаюсь… заикаюсь, лишь когда очень волнуюсь и не могу взять себя в руки. Одним словом, злой человек мог бы назвать меня уродом. Но вы, Франтишка, к счастью, не злая. Ведь правда? *(Горячо.)* Нет… нет… вы безмерно… безмерно добры, вы ангельски добры. *(Хватает Франтишку за руку, притягивает к себе и прижимается к ней головой.)* Скажите, что я вам не противен; этого мне не пережить!

Ф р а н т и ш к а *(вырывается)*. Перестаньте, паныч. Что подумала бы сударыня, вернись она сейчас… знаете, как она любит заставать врасплох. Говорит: вернусь в десять, хотя в эту

минуту уже решила быть дома в половине девятого. И входит на цыпочках, подползает, как ласочка. Дверь вдруг раскрывается — и она уже на пороге.

А л е ш. Это она переняла от покойного отца. Он любил изображать из себя императора Наполеона. Хвалился, что, как Наполеон, знает каждую пуговку на рубашке своего самого мелкого служащего — знает, когда она была пришита и когда оторвется. Он тоже любил появляться на фабрике там, где его меньше всего ждали, и в то время, когда никому и в голову не могло прийти, что он еще здесь. Отец хотел, чтобы я пошел в него, и не мог простить, что я не оправдал его надежд. Мечтал сделать из меня инженера и не мог смириться, что я выбрал искусство. Но и тут хотел, чтобы я преуспел в этом сразу. Отвернулся от меня, презирал, когда успех не пришел так быстро, как он ожидал. Он усвоил особый способ не видеть меня: поднимал брови и устремлял куда-то взгляд, хотя вроде бы смотрел на меня. Даже на смертном одре вел себя так же — в наказание за то, что я все еще не добился славы, был не известен, не знаменит! Да, он был нетерпелив, горд и приходил в исступление, когда жизнь ставила ему препятствия. Проживи он

еще лет двадцать, кто знает, может, жизнь ему и покорилась бы, а может, и умер так рано, что ему не удалось обуздать ее. Нет, нет… я не в него, я слишком убогий, несчастный, надломленный, неудовлетворенный, слабый и никчемный.

Ф р а н т и ш к а *(гладит его по голове)*. Ну, что вы говорите, паныч? Во всяком случае, вы так прекрасно играете на скрипке. У меня аж сердце разрывается, когда вас слушаю. Вы то словно жалуетесь — и тут же сразу радуетесь и ликуете… но так странно, как молодой рекрут, который за весельем скрывает свое отчаяние. Ни одна пташка у нас в горах никогда так не надрывала мне душу своим голосом из глубины леса… а может, из своего заклятия.

А л е ш *(бросается к Франтишке, всхлипывает)*. Значит, вы мне верите? Вы чистая, вы добрая! Верьте в меня… верьте, чтобы я не покончил с собой. Здесь *(показывает на лоб)* и здесь *(показывает на грудь)* что-то мечется, волнуется, хочет вырваться и обрести форму, чтобы гореть и светить людям. Верьте мне! Верьте! Не могу жить без вашей веры. Я ищу, все время ищу. Наберитесь терпения: я найду, непременно найду когда-нибудь, если только вы не разуверитесь во мне. Я… не могу… вы… вы… выразить: в этом мое муче-

ние. Я пишу трио, квартеты и квинтеты и в один прекрасный день, даст бог, — а он даст, за ним эта минута — я спою свою победную п-п-песню. Вам, только вам, моя добрая фея. Я уже на пути… о да… передо мной маячит кайма ее одеяния: надо только ухватить ее! И я, запыхавшись, мчусь следом… Ч-через камни, ухабы, канавы, п-п-пропасти… *(Глубоко вздыхает, после паузы.)* Вы не представляете, как я был несчастен полгода тому назад, пока вы не пришли к нам. Не представляете, как без вас было пусто в этом доме. Нет, это был не дом, а склеп, кладбище. Всюду тьма, стужа, распад, хаос. Не было оси, не было формы, не было света. Явились вы, тихая, покорная, лунно-прекрасная, — и сразу все обрело смысл. В глубинах ожили росточки, скристаллизовались вокруг вас, вокруг вашей оси, сосредоточились на вас, стали расти и обретать форму. Это чудо сотворили вы, Франтишка, да, вы, своей добротой, своим целомудрием и святостью, которую несете в себе… уверенностью и надежностью своего существа… Да, таков есть бог, Франтишка: тихонький, тишайший, даже ветерок в нем не повеет, и потому вокруг него вертится весь мир, и потому из него рождается весь мир… Он свернулся в нем клубочком… расположился со всеми

своими поздними чудовищными контрастами.

Ф р а н т и ш к а *(крестится)*. Не богохульствуйте, паныч! Я всякий раз стыжусь таких ваших слов. Вы путаете священные и мирские дела, а это грех!

А л е ш *(фанатично)*. Нет, не возражайте. Этим вы лишь доказываете мою правоту. Ведь и бог никогда не считал себя богом, он пренебрегает этим, не ведает этого… именно потому он и есть бог. Ваше влияние ощутили в этом доме все — даже последний камень, что лежит на самом дне фундамента. В тот миг, когда вы пришли к нам, ему сразу стало легче. И тяжко стало ему нести свой груз с той минуты, когда в этом доме вы впервые заплакали.

Франтишка пытается его прервать.

(Отмахивается, так же фанатично.) Нет, нет… оставьте меня. Я безмерно счастлив только в такие минуты. Даже самые угрюмые, древние пауки на чердаке, окутанные плотной паутиной, эти угрюмые бобыли, повеселели с той минуты, когда под нашей крышей впервые прозвучал ваш смех. И с той минуты они стали милосерднее к пойманным мухам. Во всяком случае, один из них, такой потешный, длинноногий, с пестрым

задом, который вчера вечером свалился на мою нотную бумагу в тот момент, когда я записывал бурный пассаж, поведал мне, что ради ваших прекрасных глаз он одну мушку отпустил на свободу.

Ф р а н т и ш к а *(смеясь).* Чего вы только не знаете, вам бы сказки рассказывать детям. Но в самом деле, паныч, почему вы не разрешаете мне убирать у вас в комнате? Не было бы нигде паутины — ни на потолке, ни по углам. А то, запершись, сидите там неделями. Хотя бы мне ключ оставляли, когда идете погулять!

А л е ш. Nicht diese Töne[113]. Разрешите, Франтишка, продолжать мне в том же духе. А дядя Лекса, вы даже представить себе не можете, какой он раньше, при Тоничке и Берте, был брюзга. Он вообще не спускался к нам, вниз. Просил носить ему еду наверх и даже меня к себе не пускал. А ведь, собственно, он меня… я уже вам говорил, Франтишка… он меня воспитал…

Франтишка кивает головой.

(Шепотом.) И спас от самоубийства… тогда… когда случилось то страшное… *(Пауза.)* Даже я мог

---

[113] Примечания: 1.113
Не этот тон *(нем.).*

простоять у его порога хоть полчаса и прождать зря. А сейчас дядя Лекса сама приветливость, его голубые глаза, которые было уже поблекли, вновь засветились яркой голубизной, словно впитали в себя июньское небо. Теперь он ходит к нам каждый день, и, конечно, только ради того, чтобы заглянуть на кухню, погреться минутку — как и я — в тепле, которое исходит от вас… как от пшеничного поля, зреющего под летним солнцем.

Ф р а н т и ш к а. Да, старый пан любит здесь бывать. Нередко зайдет под каким-нибудь детским предлогом, чтобы как ни в чем не бывало поболтать со мной. То придет за теплой водой помыть руки, хотя минут пятнадцать назад я отнесла ему в комнату полный кувшин, то угли у него в самоваре никак не разгораются, и я должна, как он говорит, воскресить их к жизни, а то попросит пришить ему пуговицу на пиджаке, которую только что сам нарочно оторвал — я сразу вижу по ниткам…

А л е ш. Не смейтесь над ним, Франтишка! Он, как и я, нуждается в сочувствии. Дядя Лекса всю жизнь прожил без любви, всю жизнь его угнетали. И все же: если на древе нашего рода и была нежная и чувствительная ветвь и если кто-то из нашего рода достоин солнца и света, так это

только он. Они с отцом то же, что мы с Ришей. Отец все… он ничего. Отец под солнцем, а ему суждено прозябать в тени отцовской славы. А по существу, три патента, которые принесли самый большой доход фабрике, принадлежали дяде, они родились в его голове. Отец только приспособил их к реальным условиям, утилизировал.

Ф р а н т и ш к а. Что значит «утилизировал»?

А л е ш. Использовал, Франтишка… Идею подал дядя Лекса, а в дело ее пустил отец, и денежки, которые она принесла, присвоил себе.

Ф р а н т и ш к а. Это же некрасиво, нечестно.

А л е ш. Разумеется. Но jetzt noch nicht diese Töne…[114] Разрешите мне еще немного идти своим путем. Не заставляйте меня тащиться по колее пыльной дороги. *(Пауза. Погружается в воспоминания, дрожит и закрывает глаза ладонью.)* Да… ужасно было без вас, ужасно было здесь, пока вы не пришли. Да… страшно даже вспомнить об этом. Я стоял на краю, на самом-самом краешке пропасти. Был на волосок от гибели на ее дне. Ведь я, подумайте только, себя совсем не берег. Постоянно пил, упивался всем. Да, представьте себе, я ходил в скверные места, в публичных

[114] Примечания: 1.114
Все еще не этот тон *(нем.)*.

домах бывал… хотя делать там мне было нечего. По крайней мере раза два-три напивался… с девками. Это было еще страшнее, чем пить просто одному.

Ф р а н т и ш к а *(пытается отвести его руки от лица и поцеловать его в лоб)*. Бедняжечка!

А л е ш *(сопротивляется)*. Нет… нет… пока нет! Вот когда я одержу победу. Когда стану сам себя уважать! Когда спою вам свою победную песню. Паду перед вами на колени и зацелую всю… от носка туфелек до последнего волоска на голове. Ни одного местечка не оставлю нецелованным. Клянусь вам.

Ф р а н т и ш к а *(вспыхнув румянцем)*. Паныч, опомнитесь, что вы говорите?

А л е ш. Нет, нет, он еще не одержал надо мной верх. У меня свое оружие — м-моя песня. Моя песня тоже что-то значит. Искусство — это нечто, и у него есть, должна быть, власть над чистым с-сердцем. Вы понимаете, Франтишка? Иначе грош ему цена, ведь правда?

Ф р а н т и ш к а *(задумчиво)*. Не знаю, но музыка меня печалит. Когда слышу красивую песню, хочется умереть.

А л е ш. «Печалит». Да это и есть то чистое воздействие, которое одолевает и уничтожает *его*

скверное. Запомните, Франтишка, ведь я все вижу, я наблюдаю. Вижу, что он вам нравится, что вы от него без ума. Недавно я наблюдал, как вы из окна глядели ему вслед, пока он не завернул за угол. А на днях вы вышли из его комнаты… какая-то вся взволнованная… А его дома не было. Я потом проверил: постучал в дверь, а там тихо. В комнате никого.

Ф р а н т и ш к а *(зардевшись)*. Вы правы, он мне нравится. Зачем врать и отпираться? В нем все мне нравится: и как он голову держит, и как ходит, и как сидит, закинув ногу за ногу, и как прищуривается, зажигая сигарету. А в комнате у него так красиво… красиво, как нигде. Только вхожу туда — у меня аж дух захватывает. А в тот раз, когда вы за мной следили, я и впрямь чуть сознания не лишилась… так чудесно повеяло на меня какими-то особыми мужскими духами, пролитыми на столе, запахом перчаток и дымом сигарет.

А л е ш *(горестно кивает)*. Да, так бывает всегда. Он зачаровывает своим взглядом, и никто не может на него сердиться. Кроме меня, у которого он всегда вырывал кусок изо рта. Но в конце концов и я с этим смирился и едва не стал хвалить его. Что за власть у него над людьми? Он идет по жизни,

словно по аллее, насвистывая озорной куплетик, и при этом срывает и губит все, что попадет ему под руку: цветы, плоды, улыбки, женщин. И все опозоренное и сорванное им еще благодарит его за то, что он соизволил снизойти к нему… У него есть все, чего нет и никогда не будет у меня: блеск, ореол, внешность, сила, смелость, долгий, здоровый, глубокий сон и спокойная совесть при самых отвратительных подлостях. *(После паузы, взволнованно.)* Только вами, вами, Франтишка, он не посмеет обладать, с-слышите — не смеет обладать… иначе я не с-смогу жить. *(Бросается к Франтишке, умоляюще складывая руки.)*

Франтишка отворачивается от него.

Нет, вами он не смеет обладать. Он погубит вас. Использует, высосет и затем бросит, р-растопчет и оп-оплюет. Он жестокий. Идет своим путем, словно чума… словно смерть… словно война.

Франтишка молчит, закрыв лицо ладонями.

(Хватается за голову.) О-о-о… ужас! Он уже обладает вами! Он уже взял вас!

Ф р а н т и ш к а. Нет! Что вы обо мне думаете, паныч? Нет, клянусь вам памятью своего покойного отца… всем, что мне свято: нет!

А л е ш. Хвала богу! Я защищу вас от него. Только доверьтесь мне: я все сделаю. Мне необходима ваша вера, вера ваша нужна. Ведь вы знаете, что моя комната *(показывает на потолок)* наверху, над вами. Я постоянно буду разговаривать с вами своей скрипкой. В нужный момент она зазвучит, в нужный момент подаст голос. Я проникну к вам, отыщу к вам путь, прожгу его, даже если нас будут разделять более толстые стены, найду вас даже за морем. Я люблю вас, а у любящего есть дар провидения, он знает, что и когда нужно тому, кого он любит. Истинная любовь — творческая, Франтишка. Современная философия этот дар видеть и заглядывать в душу другого называет интуицией. Поверьте в меня, я издали почувствую оп-опасность, что вам грозит, и дам о себе з-знать в нужный момент. О, я сумею охранить… сумею защитить того, кого люблю. Слышится поворот ключа и шум из прихожей.

Ф р а н т и ш к а *(испуганно вскакивает)*. Господи! Сударыня! *(Опомнившись, почти кричит.)* Пишите же, паныч! Шесть мужских кальсон…

Алеш испуганно бросается к кровати Франтишки, чтобы укрыться за ширмой.

Входит п а н и К о с т а р о в и ч, подносит лорнет к глазам и пытливо оглядывает кухню.

Целую руку, сударыня.

П а н и К о с т а р о в и ч *(увидев Алеша на пути к укрытию).* Tiens![115] Да, конечно. Где тебе еще быть. Ищу его по всему дому... и не пришло мне, глупой, в голову, что паныч любит развлекаться со служанкой. Раньше ты предпочитал кучера, но das ewig weibliche zieht uns jetzt in die Küche[116]. Теперь, значит, служанку. Делаем успехи, месье.

А л е ш *(сконфуженно идет к матери, нервно дернувшись при слове «служанка»).* Маман, ради бога, прошу вас, оставьте этот презрительный тон. Франтишка тоже женщина.

П а н и К о с т а р о в и ч. Разумеется, женщина, благородный рыцарь. На ее женственность никто не покушается, — может, вы случайно. *(Франтишке.)* Поэтому она сейчас пойдет в мою спальню и уложит в шкаф белье, которое я вытащила, когда в шестом часу одевалась и не могла найти чулки в тон туалету.

Ф р а н т и ш к а понимающе кивает и уходит.

Пани Костарович кивает Алешу на стул, сама тоже садится и мерит сына долгим ироническим

---

[115] Примечания: 1.115
Каково *(франц.).*

[116] Примечания: 1.116
Вечно женственное влечет нас на кухню *(нем.).*

взглядом.

Алеш садится, смущен, словно школьник.

Prenez place, monsieur[117]. Мне надо с вами кое о чем поговорить, молодой человек. Но прежде, будьте любезны, скажите, когда наконец вы прекратите это плебейство… вашу любовь к челяди? Шокинг, шокинг! Вы сами за себя должны краснеть. Quand allez-vous apprendre enfin les bonnes manières?[118] Зачем я держала для вас бонну с трех лет и с семи — воспитателя?

А л е ш. Прошу вас, маман, не лишайте меня единственной радости в этом доме. Я живу здесь как на северном полюсе — я замерз бы без этого теплого уголка. Столько холода, столько оскорблений и недоверия, непонимания и враждебности повсюду в этом доме!

П а н и К о с т а р о в и ч. Хи-хи-хи… Да, плебейчик всегда сентиментален. Согрей его, нежничай с ним, ласкайся, крутись возле него, согревай дыханием его ручки и ножки, а главное — сердечко, чтобы оно не закоченело. Он такой нежный, бедняжечка, насморк для него — космический

---

[117] Примечания: 1.117
Садитесь, месье *(франц.)*.

[118] Примечания: 1.118
Когда вы наконец освоите хорошие манеры? *(Франц.)*.

предел. А если нас охватывает мировая скорбь, то положите ему компрессик на животик? Fi donc! Plus de tenue[119], смею ли просить. Чуть больше дистанции между людьми и чуть меньше доверия и глупости s'il vous plaît[120]. *(Встает.)* Послушай, Алексей, серьезно: если уж ты втерся в интимную жизнь дамы, такой как я, то надо соответственно вести себя и быть сдержаннее. Запомни это раз и навсегда.

А л е ш *(удивленно поднимает голову)*. Как это? Я к вам втерся? Проник в вашу интимную жизнь? Ничего не понимаю. Вряд ли еще найдутся такие совершенно чужие друг другу мать и сын.

П а н и К о с т а р о в и ч *(жестко)*. Говорю тебе, Алексей, что ты втерся или навязался в мою интимную жизнь: что может быть интимнее материнства? Того, что я зачала и родила тебя. Пойми, Алексей. Я не хотела тебя, я не хотела второй раз стать матерью… словно предчувствовала, что после Риши все может быть только упадком. Но меня заставили, тебя навязали мне извне. Я была поставлена перед выбором: либо внутренний веред, либо второй ребенок. Я решилась

---

[119] Примечания: 1.119
Фу! Будьте сдержанны *(франц.)*.

[120] Примечания: 1.120
Пожалуйста *(франц.)*.

на тебя — и сделала ошибку. Сейчас, наученная горьким опытом, я бы сделала другой выбор. Вереда можно было бы прооперировать и удалить, а тебя — нельзя.

А л е ш *(горько смеется)*. Значит, я ваш вереда! Вереда, извергнутый, принявший человеческий образ. Философ сказал бы — субъективизированный! Ну, думаю, с ним можно справиться. Мы должны, маман, вместе придумать средство, как удалить вереда, который разросся и достиг размеров человека двадцати одного года и музыканта… Возможно, и на него найдутся хирургические щипцы, чтобы вырвать его… из чрева общества, коли он не был своевременно удален из твоего чрева.

П а н и К о с т а р о в и ч. Оставь глупые шутки. Я искала тебя не для того, чтобы слушать непристойные остроты. Мне совершенно безразлично, чем ты занимаешься или не занимаешься. Единственно, что меня интересует в этом доме, что делает или не делает Риша. Больше ничего. Он — завоеватель, надежда на продолжение рода, в нем заключена линия развития семьи, гребень ее волны. Он — множитель, он — сеятель жизни. Рядом с ним все мы, и я в том числе, дармоеды… и в первую очередь — ты. По следам льва всегда

идут гиены и шакалы. Пусть говорят, что существуют артисты, мечтатели, поэты, все едино: это только красивым словом называют мерзость. В конечном счете они-то и есть дармоеды.

Алеш пытается протестовать.

Дай мне договорить. В сущности, мне было бы безразлично, флиртуешь ли ты с Франтишкой и вообще чем занимаешься или не занимаешься. Но пока ты живешь в моем доме, то должен вести себя *корректно,* то есть в данном случае — достойно. Я не потерплю, чтобы ты стал посмешищем, ибо, пока ты мой сын — а это, увы, так, — ты сделаешь посмешищем и меня. *(Цинично.)* Пожалуйста, спи с Франтишкой…

Алеш испускает горестный крик.

(Не обращая внимания.)… если хочешь, но никаких ухаживаний, никаких цветов, не покупай ей перстеньков на ярмарке, не шляйся с ней на прогулки, не сочиняй для нее сонат, не пиши ей стихов, не люби ее, не выкидывай лирических номеров. Это я тебе запрещаю, этого я не потерплю. Если и была когда-либо просвещенная мать, то это я, если и была когда-либо мать без предрассудков, то это я. Я смотрю на вещи трезво,

по-мужски, и вижу их такими, как они есть, — редкое качество у женщин. Я всегда держала для вас на кухне красивых девочек, чтобы вы не бегали за ними по борделям. Но, насколько я знаю, этим пользовался и сохранил свое здоровье только Риша.

А л е ш. О… о… конечно, он воспользовался, и другими вещами более… более… как бы это сказать… мужскими. Он сохранял спокойствие и хорошее пищеварение даже в ситуациях весьма щекотливых.

П а н и К о с т а р о в и ч. Да, он сумел использовать все, чтобы развиваться, взрослеть и посвятить себя своей великой миссии. Ему с детства была чужда сентиментальность, и он удивительно рано созрел. Риша всегда ставил дело превыше всего, верно служил ему, а в крайнем случае мог и принести себя в жертву. Он прекрасно владел собой; не церемонился с тем, что большинство людей возносит на алтарь и перед чем лицемерно преклоняется, — свои настроения, чувства, прихоти, которые называют потребностями души, а на самом деле не что иное, как замаскированная жажда удобств, уютного местечка, лень и трусость. В случае чего он мог быть безжалостен к себе и мог беспощадно выкорчевывать и жечь

свою душу. Прирожденный повелитель! Я не встречала у людей иного доказательства силы. Только такой человек созрел для славы.

А л е ш. Возможно. Если бы только тяготы этой силы и величия не ложились на плечи другим, слабым и беззащитным. Если бы он не воздвигал памятник своей славе из чужого, награбленного им живого материала! Быть жестоким к себе — пожалуйста. В конце концов, это твое дело. Но к другим?

П а н и К о с т а р о в и ч. Как ты недоверчив! Как близорук, когда речь идет о нем. Какая лягушачья перспектива! Это все лишь ressentiment[121] малодушного. Слабый мстит клеветой сильному только за свою слабость, — он не способен на то, что легко дается сильному. Ты поносишь и унижаешь Ришу, потому что не можешь состязаться с ним.

А л е ш *(все больше распаляясь)*. Ошибаешься, маман! Я буду бороться с ним за редкостный трофей. Я покажу вам всем, кто я, я покажу, кого вы оскорбляли и унижали долгие годы. Чаша терпения п-п-переполнилась. Во мне зреет протест, и я уже не в силах совладать с ним. Вы, м-ма-

---

[121] Примечания: 1.121
Злопамятство *(франц.)*.

менька, всегда л-ломали меня, но не надломили до конца.

Пани Костаровича. Гнилое дерево нет нужды ломать, оно и так сгниет. Рано или поздно время само с ним сочтется.

Алеш. О-о-ошибаетесь! Время работает на меня, оно мой союзник, а не в-в-ваш. С каждым днем зреет во мне решение дать отпор вам и Рише, воспротивиться самому духу этого дома, что воплотился в вас и покойном отце. Это не добрый дух, маман, и новое время с ним не уживется. *(Возбужденно.)* Новое время и-и-изгонит это чудище, растворит, как в царской водке, своим с-с-солнечным сиянием.

Пани Костаровича (*цинично*). Ха-ха-ха! Веред взбунтовался! Мой веред вновь встал на дыбы! Но его бунт косноязычен — бунт заики. Научись сначала говорить, мой милый!

Алеш *(сокрушен, сквозь слезы)*. Вы так боретесь, маман? Можете быть такой жестокой! Родная мать… Ужас! *(Закрывает лицо руками.)*

Пани Костаровича. Мне не остается ничего другого. Ты навязываешь мне это оружие своей безмерной ограниченностью. Я всегда считала тебя полоумным… из породы тихих и безвредных. А сейчас вижу, что ты из племени неистовых.

Чего доброго, можешь стать и преступником… Впрочем, нет: для этого ты слишком слаб.

Алеш дергается и плачет от гнева.

А л е к с а н д р К о с т а р о в и ч *(стучит в дверь)*. Можно войти, Франтишка? *(Приоткрывает дверь.)* Уж не плачете ли вы, дорогое дитя?

П а н и К о с т а р о в и ч. Входите, пан деверь, не стесняйтесь! Дорогого дитяти здесь нет, но скоро явится. Господа, как я вижу, собираются на кухне для беседы. Осмелюсь ли спросить, это будет five o'clock или thé dansant[122].

А л е к с а н д р. Добрый вечер, пани Гелена! Это ты плачешь, Алеш? Мальчик, до чего ты дойдешь со своей проклятой чувствительностью. Художник должен быть флегматиком — оставаться спокойным, чтобы волновать других. А если он сам без конца волнуется, то быстро исчерпает себя и у него не останется сил для своего предназначения. Ты уже не ребенок. Искусство — это особое призвание, а каждое призвание требует своей гигиены. А для художника умение сохранять спокойствие, если не постоянно, то хотя бы как можно дольше, гораздо важнее, чем для дру-

---

[122] Примечания: 1.122
Пятичасовой чай *(англ.)*… вечеринка с танцами *(франц.)*.

гих. Художник должен быть наблюдательным, а чтобы быть наблюдательным, ты не смеешь становиться жертвой каждого, кому это вздумается. Какой же ты художник, если тебя любой может вывести из себя?

А л е ш. Ах, дядя, я не художник и не стану им никогда — я слаб. А маман этим пользуется и еще добивает меня.

А л е к с а н д р *(иронично)*. Ошибаешься, мальчик. Горячность вводит тебя в заблуждение: ты сразу видишь все в черном либо в красном свете… там, где всего лишь одна серость… цивилизованная серость, не так ли, пани Гелена? Твоя мать все же слишком гранд дама, чтобы иметь замашки мясника на бойне или грубого, пьяного кучера. И садизм не в ее натуре. До этого мы еще не докатились. Наше мещанство еще молодое и находится на подъеме, не так ли, пани Гелена?

П а н и К о с т а р о в и ч. Хватит острить, знаете ведь, что это меня раздражает. Жизнь не словесный турнир в трактире или в клубе. Это не шутка. Только вы, дармоеды, рады превратить ее в фарс.

А л е к с а н д р. Почему мы — дармоеды? Еще при жизни покойного брата я считал и до сих пор считаю себя продуктивным хозяйственным элементом, и прежде всего — одним из создателей

благосостояния этой семьи. Стоил я ей немного — гораздо меньше, чем дал.

П а н и К о с т а р о в и ч. На этот счет у каждого свое мнение. Насколько я знаю, вы придерживаетесь теории, что безумцы, мечтатели и утописты — самые плодотворные элементы человечества, его множители, завоеватели, я же, наоборот, считаю таковыми людей трезвых и практичных, которые знают свои возможности и свой предел. Первые для меня — дармоеды, будь то поэты, художники, музыканты или… так называемые изобретатели.

А л е к с а н д р. «Так называемые изобретатели» — это хорошо. К сожалению, не могу ответить вам такой же учтивостью и сказать о так называемых сумасбродах. Итак, сумасброды, пани Гелена, в этом явно ошибаются. Вам это может быть известно хотя бы потому, что, не будь некого безумца и мечтателя по имени Александр Костарович и его мансарды, где он предавался своим мечтам, — не было бы на вашей фабрике и его трех так называемых изобретений, а следовательно, не было бы так называемого процветания, которое они ей принесли, пока этот безумец и мечтатель сидел в каморке и вынашивал свои бредни и вздор. А когда прекратилась

деятельность или бездеятельность его фантазии, его мансардное дармоедство, — кончилось и процветание фабрики. Выходит, что эти явления как-то взаимосвязаны.

П а н и К о с т а р о в и ч. Ничего подобного! Процветание фабрики объясняется лишь тем, что покойный муж брал в свои руки бредни и вздор Александра Костаровича и превращал их в нечто практичное, разумное и пригодное для употребления.

А л е к с а н д р *(с иронией)*. В том, что он *брал* в свои руки и затем — в свои карманы, сомневаться не приходится. Однако должно же быть нечто, что можно брать. А это — идеи безумцев, мечтателей, утопистов, как вы изволите нас именовать. Без них нечего было бы реально осуществлять и практически реализовать.

П а н и К о с т а р о в и ч. Хватит об этом! А то через минуту вы еще докажете, что самым плодотворным в этом доме является не Риша, а, скажем, Франтишка. Вы всю жизнь пытаетесь вывернуть мир наизнанку, а действительность — поставить с ног на голову.

А л е к с а н д р. Да! Этот дом был на грани развала, пока сюда не пришла она. Не будь ее, все здесь давно бы передрались и выбили друг другу зубы.

Тихая, спокойная, всегда уравновешенная, терпеливо сносит вашу истеричность, нервозность остальных и сглаживает все своим глубоким гармоничным, здоровым духом. Будь этого здорового духа чуть поменьше — и здесь воцарилось бы смятение, хаос и постоянное нестерпимое напряжение, которое, того и гляди, окончится взрывом. Она — благословение этого ужасного дома, вам, пани Гелена, следовало бы утром и вечером возносить богу благодарственные моления за то, что он послал ее вам. Перед ее приходом здесь уже нечем было дышать.

П а н и К о с т а р о в и ч. Спасибо. А благодарения богу уж возносите вы с Алексеем. Ну, довольно об этом! Не угодно ли лучше объяснить, почему вы взяли его *(показывает на Алеша)* в союзники против меня? Почему вам нравится вселять в него дух противоречия? Собираться на кухне и строить козни против хозяйки дома?

А л е к с а н д р. К чему эти романтические выражения, пани Гелена? «Строить козни» не

говорят уже со времен Прокопа Хохолоушка{50}. Сейчас люди только интригуют, а не строят козни. Но, уверяю вас, что для нас, мечтателей и безумцев, нет ничего более непостижимого, чем радость интриг, и ничего более чуждого, чем пристрастие к ним. Это привилегия весьма практичных ловкачей. А настраивать Алеша против вас? Это означает вливать в него яд. Не такой уж я безнравственный воспитатель. Наоборот, я учу его скромности и кротости, учу все выносить спокойно, во имя своего искусства и благодарности за него. Ради спокойствия и безмятежности своей души, ибо душу свою художник обязан сберечь в чистоте, нетронутой и беззлобной. Я учу его в каждой драматической ситуации уподобляться фотографической или граммофонной пластинке, которая лишь внимает и хранит все, что уловила. А в крайнем случае — немедленно бежать,

---

{50} Комментарии: 2.50

Хохолоушек Прокоп (1819—1864) — чешский писатель и журналист, автор исторических романов, повестей, рассказов из жизни чехов и южных славян. В приподнятых, романтических тонах рисовал борьбу народов против иноземных поработителей. Перу Хохолоушека принадлежат также юмористические очерки, зарисовки на современном материале (восемь выпусков сборника «Коцоурков, или Достопамятные события, связанные с величайшим городом Коцоурков и его обитателями», 1847—1848). Человек радикально-демократических взглядов, Хохолоушек принимал участие в революции 1848 г., за что подвергся впоследствии репрессиям.

оставив в руках Потифарихи{51} свой плащ. Черт с ним, с плащом, лишь бы душа осталась невредима.

П а н и К о с т а р о в и ч *(взрываясь).* Fi donc! Вы старый сводник! Комедиант! Акробат! Человек-змея! Совратитель детей! Педераст! Но зато ваша душа, если она только есть, испорчена вконец. Вы развращеннее самого старого распутника!

А л е к с а н д р. Благодарствую за комплименты! Не попали в цель, как хотели: к сожалению, в искусстве я не преуспел. Вы мне льстите, пани Гелена, хотя и нескладно. *(Алешу.)* Да, мальчик, дело принимает серьезный оборот. Самое время пуститься наутек, ибо то, что исходит из прелестных уст твоей матушки, предвещает большую опасность для спокойствия и безмятежности наших душ. Но мы останемся артистами и принесем в жертву героев! Из двух выбросим за борт менее значительное! И помчимся во весь дух. *(Хватает Алеша за руку, тащит к дверям, выталкивает из кухни, возвращается и кланяется пани Костарович.)* Доброй ночи, пани Гелена! Сцена была изумительна, может, только чересчур темпераментна. В другой раз попытаемся сохранить

{51} Комментарии: 2.51

Потифариха (*библ.*) — жена Потифара, телохранителя фараона. Олицетворение легкомыслия и супружеской неверности.

артистическое спокойствие. Тем не менее сцена была великолепна. В памяти, когда резкие тона несколько поблекнут и все утрясется, она будет еще лучше. Спешу в свою мансарду насладиться воспоминанием о ней… *(Уходит.)*

Пани Костарович *(в изнеможении опускается на стул, обмахивается платком).* Фигляр! Шут! Балагур! Бесстыдник! Наглец! Он меня уморил! И на таких сумасшедших нет управы, нет закона, их даже в Богнице{52} не берут. Мир так несовершенен, а мы до сих пор не обеспечили себя от опасности на этой грешной земле.

Стук в дверь.

Голос Франтишки. Можно войти, сударыня?

Пани Костарович. Это вы, Франтишка? Входите. Пришли весьма кстати.

Франтишка входит.

Мой мигреневый карандаш, Франтишка. Живо! Этот мерзавец совсем меня уморил. На моем ночном столике в спальне!

{52} Комментарии: 2.52

Богнице — пражское предместье, где находится известная психиатрическая лечебница.

Ф р а н т и ш к а убегает и тут же возвращается с мигреневым карандашом.

(Трет виски.) Расшнуруй мне ботинки. Задыхаюсь. Кровь застоялась.

Франтишка разувает ее.

И домашние туфли! Поживей!

Ф р а н т и ш к а убегает, возвращается с туфлями и надевает их на ноги пани Костарович.

Уф! Уф! Как тяжко жить среди чужих людей. Мне, такой предприимчивой и деятельной, — жить среди лентяев, такой работящей и искренней — среди паяцев и недоносков. Риша... Риша — моя единственная надежда, кровь и плоть моя, душа моей души, рожденный повелитель и господин. Если бы не он, я не смогла бы жить в этом лягушатнике. Уф, душно, не вздохну. *(Расстегивает блузку.)* Франтишка, живо, халат!

Ф р а н т и ш к а убегает.

(Кричит ей вслед.) Не тот, что в спальне, возьми из шкафа в прихожей, направо. Зонтик не урони! Не выношу шума. Уж лучше прикончите меня!

Ф р а н т и ш к а возвращается с халатом.

Пани Костарович встает и задумчиво прохаживается по кухне.

Франтишка *(протягивая халат)*. Извольте!

Пани Костарович *(отмахивается)*. Погоди, погоди. Не надо. Приступ уже прошел. Если вещи нет сразу под рукой, то она уже не нужна. Не стоит волноваться! *(Продолжает ходить по кухне; неожиданно останавливается перед Франтишкой.)* Послушайте, Франтишка, я давно собираюсь с вами серьезно поговорить. Не смейте соблазнять Алеша!

Франтишка. Я его не соблазняю, сударыня. Я его отвергаю, не обращаю на него внимания, но все напрасно.

Пани Костарович *(словно не слышит возражений Франтишки)*. Вам, по-видимому, льстит, что он сходит по вас с ума, но не принимайте это всерьез. Так можно далеко зайти. Из этого ничего не выйдет. И вы станете посмешищем.

Франтишка. Сударыня, уверяю вас, я ни в чем не виновата… о паныче и во сне не помышляю.

Пани Костарович. Молчите! Девушка всегда виновата, если парень за ней бегает. На прошлой неделе вас видели на прогулке в Трое, мне об этом сообщили. Парень стал невыноси-

мым, а вы — смешной. Этому нужно положить конец.

Франтишка. Но если паныч иначе не может. Я не могу ему запретить. Он все время грозит покончить с собой.

Пани Костарович. Пусть грозит. Кто грозит, никогда ничего не сделает. Перестаньте о нем думать, и он отстанет.

Франтишка. Уверяю вас, сударыня, я не люблю пана Алеша, я люблю совсем другого. Пана Алеша я только жалею, он такой несчастный, как будто места себе не находит. Порой без жалости на него и глядеть нельзя: лицо такое измученное, а в глазах печаль, печаль невыразимая. Его глаза осуждают, как глаза затравленного зверька — сердце кровью обливается, как только поглядишь в них. Другого чувства у меня к нему нет. Он мне безразличен.

Пани Костарович. Ну, так тоже не смейте говорить. Мой сын и вообще любой из нашего круга не может быть вам безразличен. Его внимание все же должно вам льстить. Это для вас честь.

Франтишка. Сударыня, я его не люблю, я люблю другого пана…

Пани Костарович *(прерывает ее повели-*

тельным жестом). Мне все равно, Франтишка, кого вы любите. Из моей семьи, из моего круга вы не можете любить никого, а до остальных мне нет дела.

Ф р а н т и ш к а. Почему, сударыня, я не могу любить кого-нибудь из вашей семьи?

П а н и К о с т а р о в и ч. Потому что по положению мы стоим гораздо выше вас. Любить... понимаете, любить так, чтобы дело кончилось свадьбой и семейной жизнью, а иначе я любовь не понимаю, могут только люди одного круга. Мой сын может с вами недолго полюбезничать, но любить вас не может, а, следовательно, вы не можете любить его.

Ф р а н т и ш к а. Сударыня, я могу любить каждого человека, и каждый человек может любить меня. И молодой пан может любить меня, а я — его!..

П а н и К о с т а р о в и ч. Смешно. Вы говорите, словно белены объелись. Конечно, любить его вы можете, но безнадежно, это для вас недосягаемо. После чего вам остается только соскоблить фосфор со спичек или взять мой флакон с морфием и отравиться. Надо сказать, что сейчас из-за любви кончают с собой только служанки, женщины нашего круга себе этого не позволяют, а если и

бывают такие случаи, то, по заверению одного врача, только с сумасшедшими.

Франтишка. Сударыня, как сильно вы меня презираете. А почему? Ведь у вас нет причины. Странно, что раньше я этого не замечала, и поняла лишь теперь. *(Пауза.)* Только любезничать со мной, говорите, может ваш сын… вы серьезно сказали? Нет, это невозможно! *(Всхлипывает. Горячо.)* Нет! Он будет меня любить, как я люблю его! Он должен меня любить, моя любовь завоюет его!

Пани Костарович *(пренебрежительно)*. Ты с ума сошла, глупая шлюха? Белены объелась, что ли? Неужели мне суждено без конца препираться с полоумными? Вначале этот мальчик, затем Лекса и, наконец, ты. Надо быть железной! Мои нервы не выдержат! У меня ужасная мигрень, пойду лягу… у меня нет времени приводить тебя в чувство. Утром не буди меня до девяти! И помни: если Алеш перестанет бегать за тобой, куплю тебе на платье, а то… *(Показывает на дверь.)* Веди себя как подобает! *(Уходит.)*

Франтишка *(опускается на стул, кладет голову на кучу грязного белья на столе. Тишина сотрясается от рыданий; временами произносит почти невнятные слова)*. Ужасно… ужас… не

переживу… страшно… Неужто все богатые такие жестокие и злые?..

Слышно, как в прихожей кто-то ставит трость, снимает пальто и насвистывает избитый мотивчик; стук в дверь. Франтишка не отвечает. Стук повторяется, и в кухню входит Р и ш а, в смокинге с сигаретой во рту.

Р и ш а. Франтишка дома? А почему не отзывается? *(Увидев ее в слезах.)* Что происходит? Она дурит? Уж не плачет ли? Слезы портят кожу и глазки. *(Поднимает ей голову и поворачивает к себе.)* В самом деле? Что случилось с глупышкой? Кто ее обидел?

Ф р а н т и ш к а. Сударыня меня унижает и порочит. Никогда, сказала она, молодой пан не будет тебя любить. Мол, между вами и мной не может быть любви. *(Плачет.)* Мы можем только любезничать.

Р и ш а. Она сказала маман, что любит меня? Этого нельзя было говорить, глупая. Ты все испортила. Скверно. Лучше бы я не брал у тебя эти пять тысяч. Я уже не буду тебя так любить — я могу любить девушку, когда об этом никто не знает. Как только об этом кому-то становится известно, я сразу чувствую себя как в кандалах.

Ф р а н т и ш к а. Нет, нет, нет! Я ничего о вас не сказала, паныч. Об этом был разговор вообще.

Р и ш а. Об этом вообще не должно быть речи! Как глупа жизнь! Скучаешь в обществе, нарочно приходишь домой пораньше, чтобы немного развлечься, заранее радуешься, даже курить не тянет — и пожалуйста: дома тебя ждут одни неприятности и скандалы. Здесь еще тошнее, чем в салоне. Разве я не говорил тебе, что при маман даже заикаться об этом нельзя. Пусть говорит, что ей вздумается, пусть провоцирует и дразнит — такова у нее манера. Пусть говорит она, а ты помалкивай и думай о своем.

Ф р а н т и ш к а. Не могла сдержаться, паныч. Это было сильнее меня, моего разума и воли.

Р и ш а. Ловко же ты попалась на удочку! Проклятье! Ты все еще деревенская гусыня, хотя уже два года служишь в Праге. Толку от тебя никогда не добьешься, до самой смерти будешь пакостить и позорить того, кто с тобой свяжется. До добра это не доведет.

Ф р а н т и ш к а *(с отчаянием)*. Простите меня, паныч. Не гневайтесь! Больше этого не будет. Все снесу молча от милостивой пани, только бы знать, что вы меня любите. *(Бросается к нему в слезах.)* Скажите мне, что любите, повторите

еще раз!

Р и ш а. Хватит! Меня это раздражает. Завтра даже обычный бокал шерри не доставит мне удовольствия. Такие сцены для меня хуже горькой редьки. Comme c'est bête![123] Перестань реветь, черт побери! Замочишь мне манишку и изомнешь смокинг!

Ф р а н т и ш к а *(падает к его ногам)*. Простите меня, паныч, ради бога, простите.

Р и ш а *(сладострастно)*. Черт побери, как ей это идет. Такой прекрасной линии спины и бедер я еще не видел. Встань! Не вводи меня в грех! Еще немного — и я не поручусь за себя. *(Прижимает Франтишку к себе.)* И слезы тебе к лицу — они подстегивают меня, как шпоры — ленивого рысака.

Ф р а н т и ш к а *(со слезами на глазах, на губах мимолетная улыбка)*. Нравлюсь я вам? Вы уже не гневаетесь на меня?

Р и ш а. Помолчи. Ты не то что простого смертного — святого с ума сведешь. *(Расстегивает ей корсаж.)*

Ф р а н т и ш к а *(испуганно)*. Нет, нет, нет! Ради бога, паныч, пустите меня!

---

[123] Примечания: 1.123
Как глупо! *(Франц.)*

Наверху, над кухней раздаются звуки скрипки, словно выкрик ужаса и страха. Риша и Франтишка поднимают головы и прислушиваются в изумлении.

Р и ш а. Что это? А… этот юродивый Алеш пугает дом и по ночам. Дня ему мало — и ночью не дает покоя, дармоед, зануда. Тяжелый крест для семьи.

Ф р а н т и ш к а. Да, это играет пан Алеш. А… понимаю! Он меня предупреждает, как обещал. Чувствует опасность — и в трудную минуту обращается ко мне. *(Хочет вырваться от Риши.)*

Р и ш а. Ха-ха-ха! Значит, этот сумасшедший любит тебя. Ну… пусть любит… ты моя! Ему я тебя не отдам. Пусть играет! Сыграй мне… свадебную песню… считай, что я заказал ее тебе. Есть люди, которые поневоле должны служить другим. *(Тянет Франтишку к постели.)*

Франтишка сопротивляется все слабее и слабее. С шумом падает на пол опрокинутая ширма. Риша толкает Франтишку на кровать и склоняется над ней. Скрипка рыдает и стонет все отчаяннее.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ранняя весна, воскресенье, четвертый час дня. В кухню через окно проникают лучи бледного холодного солнца и образуют на чисто вымытом полу квадраты и прямоугольники. Ф р а н т и ш к а, с осунувшимся лицом, сидит у стола и пишет письмо, движения ее неторопливы и мягки: перед ней бутылочка чернил, перо и четвертушка бумаги, которую она за неимением линейки время от времени разлиновывает по корешку расчетной домашней книжки в переплете.

Ф р а н т и ш к а *(поднимает голову и смотрит на настенные часы).* Пять минут четвертого. Анча должна прийти с минуты на минуту, а я написала только несколько строк. Так тоскливо мне еще никогда не бывало. Не знаю, что и писать. А здесь *(показывает на грудь)* все время теснит. *(Плачет.)* Что со мной сделал город? Какая я была веселая дома! Еще два года тому назад. А если заскучаю, то поднимусь в горы… там столько неба и света… и всегда ветерок… и сразу все как рукой снимет: домой возвращаюсь легкая, как перышко, и пою, словно птичка. Боже, как давно это было, и что

легло между тем времечком и нынешним! *(Читает письмо.)* «Дорогая маменька, сообщаю вам, что, слава богу, я здорова и живется мне хорошо». Нет… ведь это неправда! Ведь я больна, так странно больна… сама не своя: то поясница болит, то ни с того ни с сего затошнит. Нет, я вру… вру маменьке первый раз в жизни, потому-то и не могу ничего больше написать… А письмо послать надо — что она подумает, когда Анча приедет и не привезет ей весточки от меня… Нет, нет… такое лучше не посылать. Лучше умереть, чем врать своей матери… *(Рыдает.)* Почему она не здесь? Обняла бы ее и рыдала бы и плакала без устали до ночи, а то и до утра. Может быть, и выплакала бы себе покой или задохнулась от слез.

Быстро входит пани Костарович.

Пани Костарович *(оглядывает в лорнет кухню)*. А… Фанда пишет… Это для тебя целый обряд… не так ли? *(Смотрит на письмо.)* Что это все размазано — окропила водой из водопровода или слезами? А, домой, маменьке. Похвально. Я уж боялась, что любовнику: не бросай, мол. *(Смеется.)*

Франтишка плачет.

Послушай, Фанда, что с тобой происходит последнее время? Прямо как с луны свалилась. Пришла поглядеть на тебя. Это до некоторой степени dégoûtant[124], но что поделаешь? Нынче госпожа должна быть своей служанке и за доктора. Да и вообще — всем: гувернанткой, профессором всех наук, целым народным университетом. Новое время диктует нам свои требования, и, надо сказать, не такие уж скромные. Стараемся по возможности их выполнять. *(Решительно.)* Подойди сюда, Фанда, — тебе случайно юбка не стала узка?

Франтишка *(разражается плачем)*. Господи, оставьте меня, сударыня, не то я с ума сойду.

Пани Костаровичч. Ну, не будь так наивна. Может, вначале я должна прочесть тебе лекцию о половом воспитании? Ведь вас этому учат в школе. Подойди ближе! *(Притягивает ее к себе и что-то шепчет на ухо.)*

Франтишка *(опускается к ее ногам и начинает горько рыдать)*. Боже мой, сударыня, что вы говорите? Не унижайте меня так, ради бога. Я не вынесу, я убью себя!

Пани Костаровичч *(после паузы)*. Да, так

---

[124] Примечания: 1.124
Отвратительно *(франц.)*.

оно и есть. В тихом омуте черти водятся. Такая девушка… на вид святая невинность… но это еще хуже. Глупы, как ангелы, а страстны, как черти, — вот такие-то и попадают в ямы, хотя другие ловко их обходят. Sacrebleu[125], вот история. *(Раздраженно барабанит пальцами по столу.)* Скажи мне, кто? *(Трясет Франтишку за плечи.)* Слышишь, кто он?

Франтишка лежит на полу, сотрясаясь от рыданий.

Уж не с Алешом ли?

Франтишка рыдает сильнее.

Нет, мой веред ее не обрюхатил. Мой веред для этого слишком робок. С него за глаза хватит того, что отравил жизнь мне. Надеюсь, что ничем больше не повредит человечеству. *(Пауза. Вновь трясет Франтишку за плечи.)* Скажи, кто же? Может, у тебя их было несколько и ты, шлюха, не знаешь, кто тебя начинил?

Ф р а н т и ш к а *(корчится в рыданиях)*. Оставьте меня, сударыня. Не оскорбляйте, не мучьте, не то я из окна выброшусь.

---

[125] Примечания: 1.125
Черт возьми *(франц.)*.

Пани Костарович *(возмущенно)*. И ты от этого не избавилась, гусыня. Да мне-то какое дело? Я-то что волнуюсь? Но говорю тебе, бесстыдница: рожать здесь я не позволю. Не позволю пачкать дом. Только этого мне недоставало. Была бы умной, доверилась мне — и я посоветовала бы, придумала, как тебе помочь.

Франтишка *(вскрикивает от ужаса)*. Молчите, сударыня, ради всех святых, прошу вас, молчите! Лучше возьмите топорик у плиты и убейте меня сразу.

Пани Костарович. Ты же была тихоней! Не устраивала скандалов. А в этом нет ничего страшного. Если уж с девушкой случается такая беда, а ее милый не может или не хочет ее взять, что остается делать? Разве это не благо для тебя и для того червя? Для чего ублюдку появляться на свет? И что из него получится, в конце концов? Станет бродягой и преступником, а то — шлюхой. Господь бог о таком выкидыше заботиться не станет. Не хватало бы ему еще с твоим отродьем возиться! Бог наделил человека разумом, дабы тот понял и вовремя свернул ему шею… когда еще не больно.

Франтишка *(затыкает уши)*. Нет, нет, никогда! Вы богохульствуете, сударыня. Вы без-

божница.

Пани Костаровичч. Так будь набожна, гусыня, и подыхай со своим ублюдком с голоду. Увидишь, шевельнет ли твой бог пальцем, чтобы помочь тебе. Ведь наука дошла до этого и рекомендует даже супругам. Иначе вы, бедняки, размножались бы, как кролики. Наверно, и в своей деревне ты замечала, что какой-нибудь бедняк, которому и куснуть нечего и который не знает куда ему податься, народил кучу ребят, а порядочный человек, состоятельный, и рад бы иметь ребенка, да у него ничего не выходит, и все его добро попадает в чужие руки. В жизни как в природе. Скажем, у слона за несколько лет родится только один детеныш, а мыши, тараканы или вши множатся, как пыль на дороге в сухую погоду. Чем беднее и слабее человек, тем больше он печется, чтобы его нищета не исчезла вместе с ним. Словно ему есть о чем тревожиться и за кого бояться… А я рассуждаю иначе: прежде всего ты обязан сам быть сильным и богатым… и только тогда думать о продолжении своего рода. А не наоборот! Если бы все зачатые дети появились на свет божий, то на земле вскоре нечего стало бы есть и люди с голоду пожрали бы друг друга. У меня есть книга об этом — я тебе ее почитаю и

просвещу тебя.

Ф р а н т и ш к а. Нет, нет, нет. Не говорите так, сударыня. Вы богохульствуете. Это тяжкий грех… на что вы меня подбиваете. А если такое советуют богатые и ученые, то тем страшнее грех. Неразумного бедняка, который идет на это с отчаяния, бог скорее простит. Уж если он заботится о самой маленькой козявке, о червячке, как же не подумать ему о человеке? Разве не он вдохнул в него бессмертную душу? Ведь человеческий ребенок все-таки дороже и ближе ему, чем детеныш лисы или барсука.

П а н и К о с т а р о в и ч. Тогда черт с тобой, дура набитая! Грех… грех! Я знаю только, единственный грех — человеческую глупость, а у тебя ее хоть отбавляй, в голове у тебя черно от нее, потому ты и не видишь вокруг себя ничего. Это все ваше дурацкое христианство — религия нищих. Все время о нее спотыкаешься. Любая глупость совершается из-за страха перед грехом. Видно, у вас иначе и быть не может, видно, вас должна истребить собственная глупость, чтобы порядочному, разумному человеку можно было жить на этой земле. Кто не слушает совета, тому помочь нельзя. Говорю тебе в последний раз: не рассчитывай, что я ночью побегу за повитухой! С

кем кашу заварила, с тем и расхлебывай! *(С силой хлопает дверью и уходит.)*

Франтишка лежит на полу и горько рыдает. Звонок в дверь. Франтишка поднимает голову и тупо смотрит на дверь. Затем с трудом поднимается, подходит к водопроводу, ополаскивает лицо и идет открыть гостю. В прихожей здоровается с кем-то и тут же вводит в кухню подружку А н ч у Б а р т и к о в у. Анча в шляпке, в туфлях на высоком каблуке, улыбающаяся, одета как ловкая служанка, пользующаяся особым доверием хозяйки.

А н ч а. Хорошее дело! Фанда, у тебя еще письмо не готово, а у меня нет времени ждать. Через полчаса у меня свидание возле «Цанзусы» *(имеется в виду Сансусси*{53}*)* с одним красавчиком… кучерявенький… я обожаю таких. Он нервный, ждать не любит. Ты, дорогая, даже не представляешь, какие теперь мужчины изнеженные… difisil[126]… говорит моя новая хозяйка. Ох, такая кокетка, она умеет с ними обращаться. Она бывшая оперная певица, пела в немецкой опере, и теперь каждым

{53} Комментарии: 2.53
«Сансусси» — название пражского ресторана.

[126] Примечания: 1.126
Трудные *(франц.)*.

пальцем водит десяток мужиков. Я с нее беру пример, от нее я многому научилась и усвоила. А столичные парни такие прожженные — бедной деревенской девушке надо кое-что знать, чтобы перед ними выстоять... Да что я тебе говорю? Ты еще младенец и даже не знаешь, как надо на мужчин глядеть. Тебе еще нужны пеленки и колыбелька, а в рот — соску...

Франтишка. Сядь, чтобы не унести мой сон, — и так мало сплю.

Анча *(садится возле плиты)*. Боюсь смять платье. Ты, младенец, не можешь себе представить, сколько нынче стоят эти тряпки. Не будь вокруг старичков, которые любят ущипнуть тебя за подбородок, а потом и раскошелиться за это, я не смогла бы их даже купить. *(Протягивает ноги к огню.)* Вот это чулочки, да? А нога просвечивает, как алебастр. Да наши бабки в Тршебани{54} даже не смогут их рассмотреть, если кантор не даст им очки. Хи-хи-хи. Но в них холодно!.. Их надо уметь носить. На такие чулочки мужчины клюют как на приманку. Ну, хватит болтать. Не стану тебя отвлекать — садись и дописывай свое сочинение. А мне дай какую-нибудь газетку, только чтобы на

{54} Комментарии: 2.54

Тршебань — пренебрежительно-искаженное от Тршебонь (город в Южной Чехии) или Тршебоунь (название чешской деревни).

последней странице были письма и предложения о браке, а эту чепуху на первых страницах я никогда не читаю.

Ф р а н т и ш к а *(подает ей газету со стола, сама садится за письмо)*. Читай. А мне надо собраться с мыслями, чтобы дописать.

А н ч а *(читает, затем поднимает голову)*. А что делает ваш паныч?

Ф р а н т и ш к а. Который? Здесь их двое.

А н ч а. Ну конечно же, старший, пан Риша. А младший — тяжелый случай — то ли он горбатый, то ли заика… толком не помню. Видно, твоя хозяйка с кем-то согрешила — впервые или по второму разу: у таких братьев не может быть один и тот же отец.

Ф р а н т и ш к а *(в замешательстве)*. Пан Риша… Последнее время он чем-то расстроен. Его словно подменили.

А н ч а. Иди ты! Наверное, плохо его развлекаешь? Я бы его, голубчика, сумела закружить. Ты понимаешь, младенец, он мне подходит. Я стрельнула в него глазами… вроде бы клюет.

Ф р а н т и ш к а *(у нее задрожали руки, не может держать ручку, кладет на стол)*. Что ты говоришь… Пан Риша? Клюет на тебя? Смешно. Закидывай удочку кому-нибудь другому.

А н ч а. А вот и клюет. Ну… а что тут удивительного? Разве я уродина? Милая… Да сколько мужчин на улице глядят мне вслед. А из тех, что ходят к моей хозяйке, каждый второй норовит тиснуть меня в прихожей. А один из них шепнул, что его дразнит моя ножка… Я не обычная служанка. По мне сразу видно, что я другого сорта — во мне есть какое-то благородство. Любую барышню заткну за пояс, во всем ее смогу затмить… и в постели…

Ф р а н т и ш к а. Но чтобы пан Риша с тобой начинал — это не правда.

А н ч а. А вот и начал, если уж тебе так хочется знать. Когда две недели назад я шла от тебя, мы с ним встретились под аркой. Он поздоровался и остановил меня — минут пять мы болтали и смеялись. Он пожимал мне руки и сказал, что хочет опять со мной увидеться… и как можно скорее. А сам с меня жадных глаз не спускал — вроде как ел меня ими. Он в этом деле мастак.

Ф р а н т и ш к а *(тревожно)*. Молчи и не наговаривай на него. Конечно, ты его не так поняла.

А н ч а *(со смехом)*. Ну и скажет! Не так поняла! Хи-хи-хи! Не так поняла! Скажи кому-нибудь другому. Я тоже в этом деле тертый калач.

Ф р а н т и ш к а *(затыкает уши и сердито кри-*

чит). Перестань смеяться, ради всех святых… или я с ума сойду. Так я никогда в жизни письмо не закончу.

А н ч а. И то правда. Чего нам ссориться? Все прояснится само собой. Скоро увидим, кто из нас прав. А ты дописывай скорее, утешь маму, чтоб порадовалась за тебя, а я могла бы уйти. Наши старушки сразу слезу пускают, если в письме их тысячу раз не поцелуешь. Они — старое поколение. Man muß sie tolerieren[127], говорит моя хозяйка, и она права. Они не прошли такую школу, как мы. Я к своей отношусь тоже снисходительно, порой на нее глядючи приходится закрывать не один, а оба глаза.

Ф р а н т и ш к а *(отбрасывает перо, хватает письмо и бросает его к плите)*. Нет. Не могу его закончить, сил моих нет. *(Начинает горько рыдать.)*

А н ч а. Что с тобой? Чего ты мечешься, младенец? Это я задела тебя за живое с этим Ришей? Поглядите-ка… уж не влюбился ли наш младенец в своего паныча.

Ф р а н т и ш к а *(яростно)*. Перестань смеяться! Мне не до шуток.

---

[127] Примечания: 1.127
Надо терпеть *(нем.)*.

А н ч а *(покачивает головой)*. Что с тобой? Такой я тебя еще не видела. *(Пристально смотрит на Франтишку.)* Ты, милая, как-то изменилась. Бледная, под глазами круги. Ты словно мученица! Вроде целый месяц не спала. Уж не он ли тебе выспаться не дает?

Ф р а н т и ш к а *(вспыхнула, смущенно)*. Ты тоже не такая, как всегда. Словно с тобой что-то случилось. Ты похожа на привидение.

А н ч а *(становится посреди кухни, самоуверенно)*. Что — я! Я — другое дело. Я попалась — и сделала аборт. А это не так просто… Ты думаешь, выкинула — и дело с концом… Ан нет — далеко не так… это, моя милая, мука мученическая. У повитухи я от боли подушку кусала и орала до хрипоты как сумасшедшая. Неделю встать не могла. Была словно побитая собака. Уж лучше у нас, в горах, целый месяц полную тачку с бревнами и хворостом из леса на вершину дважды в день таскать, чем такое дело…

Ф р а н т и ш к а. Что ты болтаешь? Опомнись. Ведь это ужас.

А н ч а. Ну, не представляйся такой уж невинной… словно с луны свалилась. Правда, ты не современная… А знаешь, так поступают две трети всех девушек. Мне посоветовала моя хозяйка,

и сейчас я ей за это благодарна. Она отвела меня в сторонку, выпытала все и сказала: «Анча, ребенок — это не пустяк. Ребенок, моя милая, — это два зуба вон и две складки на животе». Вот сегодня я была бы такая… Ну, слава богу, все позади… Страшное это дело. Брр… как только вспомню — поверь, убила бы того парня, что мне такое сотворил. Теперь у меня уже был бы большой животик — здорово бы я налетела… пришлось бы уже шить пеленки… либо искать ямку, где его закопать.

Ф р а н т и ш к а *(дрожа всем телом)*. Ужас какой! Это страшный грех, Анча.

А н ч а. Грех… грех. Черт его побери. Глупость. Это несчастье, и больше ничего. Кабы мужчины в двадцать или двадцать четыре года могли жениться, не было бы в этом нужды. А нынче двадцатичетырехлетний парень даже на уличную девку не может заработать, так и выходит — портит девушек, с которыми встречается. Одни после идут на панель, другие попадают в бордель, а третьи избавляются от этого. Хорошо еще, что можно от этого избавиться…

Ф р а н т и ш к а. А почему, если ты не хочешь иметь ребенка, почему… почему милуешься с… с… его отцом?

А н ч а. Почему? Глупый вопрос. Что я, деревянная? Когда он сожмет тебя в объятиях да прижмет к себе и из тебя душу глазами пьет… и ты слышишь ангельское пение и музыку небес, да к тому же черт в аду барабанит… тут плюнешь на все «почему» и «зачем». Господи милостивый! Ты пойдешь на все, что он захочет. И попадешься, не успев и глазом моргнуть.

Ф р а н т и ш к а *(после некоторого раздумья, решительно, вполголоса, горячо).* Нет и нет! Не смогу. Никогда на это не пойду. Даже если с голоду буду помирать! Даже если на поле или под забором свалюсь! Нет и нет. Не знаю, грех ли это перед богом. Может, бог его и простил бы! Но это истинный грех перед жизнью… перед святой, невинной жизнью ни в чем не повинного человечка. За что он, невинный, должен расплачиваться? Почему он должен расплачиваться за нас, взрослых и испорченных?

А н ч а *(испытующим взглядом окидывает Франтишку).* Что ты мелешь, младенец? Ты уж не… Нет. Смешно. Так просто наговорила, в воздух… словно проповедь прочитала на площади

перед святым Яном{55}. Да?

В дверь стучат.
Франтишка старается взять себя в руки.

(Поколебавшись.) Войдите.

Р и ш а *(в домашней куртке, с сигаретой).* Servus[128], Фанда. А-а-а… мое почтение, барышня Анча. Как поживаем? Все молодеете и молодеете, возвращаетесь назад… в детство. *(Протягивает ей руку.)* Фанда, ты нужна маме. Будь умницей, ты, чудачка. Мама свирепая… как тигр, предупреждаю. Иди и не раздражай ее: помни — у старой дамы бывают сердечные приступы. Будешь в ответе, если с ней что случится…

Ф р а н т и ш к а растеряна, медленно уходит.

(Задумчиво расхаживает по кухне.) Просто беда, милая девочка, с глупыми бабами. С человеком произошло обычное дело — все мы слабы, — а женщины расценивают это как преступление. Сразу призывают всех святых с неба, а надо про-

---

{55} Комментарии: 2.55

…на площади перед святым Яном. — Имеется в виду скульптурное изображение святого Яна Непомуцкого. Причисленный в 1729 г. к лику святых Ян Непомук (Ян из Непомук) был генеральным викарием пражского епископата (XIV в.).

[128] Примечания: 1.128

Мое почтение *(нем.)*.

сто все спокойно обсудить и взвесить. Барышня Анча, конечно, рассудила бы все мудро и разумно? Не лишайте меня этой надежды.

А н ч а. Конечно, пан Риша. Барышня Анча очень разумна, очень надежна и очень… как это говорится?.. да, очень деликатна. Все зависит от того, сможет ли пан Риша это оценить. Быть достаточно признательным и благодарным за такие свойства — они теперь очень редко встречаются… у девушек и женщин.

Р и ш а *(сидя верхом на стуле против Анчи, непрерывно курит).* Ну!.. Можете не беспокоиться. Пан Риша был воспитан как кавалер и знает свои обязанности. Пан Риша ненавидит ссоры и дрязги и больше всего любит людей, с которыми можно найти общий язык. Как, например, вы. С вами приятно поговорить. Я знаю вас всего месяц, а кажется, вот сейчас, когда сижу напротив вас с сигаретой, будто мы знакомы годы: словно говорю со старым, милым другом, от которого у меня нет никаких тайн, с которым мы совершали все юношеские сумасбродные проделки, при котором я выкурил первую сигару и первый раз напился. Мало того, этот друг еще женского пола, прелестная и красивая, словно женщина в костюме пажа… Я всегда мечтал встретить такое

существо, в котором непредубежденность друга сочетается со страстью созревающей женщины.

А н ч а *(насмешливо)*. А Франтишка? Она не соответствует такому возвышенному вкусу?

Р и ш а. Не напоминайте мне о Фанде. Это самая большая бука, которую я когда-либо встречал. Ужасно серьезная, как учитель, переодетый в женское платье, — только розог в руке не хватает. И бесконечные нравоучения — без них ни спичку не даст сигарету закурить, ни чашку черного кофе после обеда выпить. Мы знакомы уже год — и по-прежнему чужие, как в первый день. Все-таки мы вместе… *(смущенно смеется)* ты… стоит ли скрывать — вы умница и понимаете что к чему… все-таки мы были вместе и любили друг друга.

А н ч а *(задумчиво)*. С любовью не так-то просто: она либо соединит двух людей, либо разведет навсегда. Со мной тоже произошло нечто подобное.

Р и ш а. А именно? Расскажите мне.

А н ч а *(поколебавшись)*. Ну, долг платежом красен. Вы уже мне кое о чем намекнули и, конечно, доскажете до конца. Хочу… отплатить вам той же монетой… Но вначале дайте мне сигарету. Что же мне только смотреть, как вы курите? Я видела, как моя хозяйка курит… и очень мне понравилось. Она мне предлагала… но перед ней я робею.

А вас я уже не стыжусь. Даже удивительно, но это так: женщины стыжусь, а вас, мужчину, — нет…

Р и ш а. Очень рад, девочка, не будем тратить слов. Мне даже нравится, когда да… *(хотел сказать «дама», но на первом слове запнулся)* гм… девушка курит. Занятно смотреть, как она смеется, когда закашляется, а когда первый раз берут в рот сигарету — всегда кашляют. *(Подает Анче сигарету и подносит зажженную спичку.)*

А н ч а. Ну, я-то не закашляюсь. Вот увидите. Когда я была девочкой, меня на пастбище мальчишки научили курить ботву и дубовые листья.

Р и ш а. Ну а как насчет того дела?

А н ч а. Познакомились мы на танцах у Аполло{56}. Он студент-медик, с небольшими, черными как смоль усиками, а руки всегда пахли карболкой. Вначале это меня отталкивало, а затем вдруг я к нему потянулась. Карболка вроде сладостью показалась. Верите?

Р и ш а *(кивает)*. Верю. Я тоже такое испытал.

А н ч а. Он бы женился на мне, да дядя ему не разрешил, иначе лишил бы его наследства. Понимаете, он сирота, родители его умерли молодыми, а дядя одевал его с ног до головы и платил за уче-

---

{56} Комментарии: 2.56

…у Аполло. — «Аполло» («Аполлон») — название увеселительного заведения (кинематограф, дансинг) в Праге.

ние. Без дяди он не смог бы доучиться, и у меня ни кола ни двора. Пришлось ему дядю послушаться. А что мне оставалось?

Р и ш а. Как это — что вам оставалось?

А н ч а *(двусмысленно смеется, делая вид, что не понимает, почему Риша повторил ее вопрос)*. Ну да, что мне оставалось? Мы расстались. *(Пауза.)* Тут как-то я его встретила — и не узнала. Пальтишко на нем потрепанное, шел под дождем, подняв воротник. Просил десять геллеров, я чуть было ему не подала. Начисто уже его позабыла… совсем чужой стал, а еще и месяца не прошло.

Р и ш а *(кивает)*. Вы правы, так начисто может позабыть только женщина. У мужчин всегда что-то остается в памяти.

А н ч а. А что поделаешь? Такова жизнь: одно впечатление сменяется другим, бесконечные перемены. Сегодняшний день смывает вчерашний, а завтрашний день — сегодняшний. Зачем хотят ее переделывать? Как-то вечером я смотрела с моста в реку. Было ветрено. Волна шла за волной, ничего не стояло на месте, все непрестанно менялось, непрестанно куда-то проваливалось. У меня аж голова закружилась. Да, такова и жизнь. Зачем люди хотят ее переделать? Из воды ведь землю или скалу не сделаешь? И зачем что-то

громоздить на нее, когда на ней ничего не держится?

Р и ш а. Вы правы. Надо быть разумным и не требовать от яблони апельсинов или фиг. В этом и заключается жизненная мудрость.

Заплаканная Ф р а н т и ш к а вбегает в кухню, падает на постель, зарывается лицом в подушку; вначале она не в состоянии вымолвить ни слова, затем с трудом поднимается и, серьезная, приняв решение, подходит к Рише, который тем временем встал со стула и отбросил недокуренную сигарету.

Ф р а н т и ш к а *(пристально смотрит на него, тихо, торжественно, четко произнося каждое слово)*. Итак, вы знаете, пан Риша, чего требует от меня ваша мать?

Р и ш а *(испуганно)*. Знаю.

Ф р а н т и ш к а. И одобряете? Согласны с ней?

Р и ш а *(смущен, хочет превратить все в пародию)*. А зачем эти огромные, трагические глаза? К чему эта скорбная дева Мария? К чему этот пафос и торжественный тон? Прекрати — это уже не модно, даже на сцене.

Ф р а н т и ш к а *(в ее лице появляется решимость, от которой у Риши сразу пропадает*

желание шутить). Отвечайте на мой вопрос: вы хотите, чтобы я ее послушалась?

Р и ш а. Ну да. Как же быть, если другого выхода нет? Не могу же…

Ф р а н т и ш к а *(взглядом вновь заставляет его замолчать)*. Хватит. Я больше ни о чем вас не спрашиваю. Отвечайте только на вопросы. С меня достаточно одного. Это все, что я хотела знать.

А н ч а *(постепенно приходит в себя от удивления)*. Так, значит… С ума сойти. Кто бы мог подумать… такой младенец. Ну, уж если ты попалась, милая девушка, соберись с духом и избавься сразу — чем раньше, тем лучше. Это как большой, испорченный зуб… не страшнее. Надо это сделать. Вспомни, что я тебе только что рассказывала.

Р и ш а. А что вы ей рассказали?

А н ч а *(с легкой улыбкой)*. Это женские секреты. Не для мужчин. Может, и для мужчин, но тогда без дам.

Ф р а н т и ш к а *(Рише, как судья — ответчику)*. Вы все обдумали? И то, что я должна послушаться вашей матушки и убить нашего ребенка в утробе?

Р и ш а *(вновь впадает в шутливый тон)*. В утробе… нашего ребенка… Кто нынче так говорит. Сейчас уже не говорят так ни с амвона, ни

в школе.

Ф р а н т и ш к а *(вновь обезоруживает его взглядом)*. Я говорю: и убить нашего ребенка в утробе?

Р и ш а *(после колебания, тихо)*. Да.

Ф р а н т и ш к а. Спасибо. Мне достаточно. Угожу вам — исполню ваше и ее желание.

Р и ш а. Фаненка, это правда будет лучше всего. Наступит день, когда мы оба будем благодарны маман за ее совет. Она желает нам добра, поверь. Уверяю тебя от чистого сердца…

Ф р а н т и ш к а. Хватит. Молчите, ни слова больше. Я вас ни о чем не спрашивала. Мне уже не о чем с вами говорить, все кончено. Теперь уходите отсюда, быстрее. Немедленно вон! А то убью вас. *(Показывает на дверь.)* Если пробудете здесь еще полминуты — я за себя не ручаюсь.

Р и ш а поражен, послушно медленно и молча уходит.

А н ч а *(испуганно идет следом за ним; уже в дверях спохватывается)*. До свидания, Фанда. Опомнись, будь умницей. Криком ничего не исправишь. Что же сказать маме?

Ф р а н т и ш к а. Правду, только чистую правду. Все, что ты видела и слышала, и как ты это видела

и слышала. Ни больше ни меньше.

А н ч а. Ну, не очень-то она обрадуется.

Ф р а н т и ш к а. Дело не в том, чтобы она радовалась, а в том, чтобы знала, до чего докатилась ее дочь. Может, завтра я опущусь еще ниже.

А н ч а молча уходит.

Франтишка бессильно опускается на стул, дышит тяжело, руки висят вдоль тела; взгляд устремлен в пустоту. В дверь кухни стучат, стук повторяется. Проходит какое-то время, прежде чем Франтишка опомнилась.

(Безучастно.) Кто еще идет меня мучить? Я и так дух не могу перевести. Войдите!

В кухню бесшумно проскальзывает А л е ш и пытливо оглядывается. Понимая, что опасности нет, начинает, как всегда, фантазировать.

А л е ш. Мама за мной следит, но я сумел ее обмануть. Ну… все в свое время. Все — в свое время!.. Пишу последние такты своей победной песни. Как только окончу ее, стану совершенно самостоятельным. Оправдаюсь сам перед собой, стану непобедим. Посвященный для борьбы со злом во всем мире. Затем отряхну прах сего дома с ног своих и убегу отсюда, даже если придется —

из окна на улицу. Да, затем я скажу свое слово, и меня будет слышно долго и далеко. Маман и брату скажу не откровенно. А вы, Франтишка, должны уйти со мной… даже если мне придется унести вас силой. Нет… нет… вы здесь лишнего часа не должны пробыть… после того как в партитуре появится последний такт. *(Пристально смотрит на Франтишку.)* Что с вами, дитя мое? Вы плакали. Вас кто-то обидел?

Ф р а н т и ш к а *(гладит его по голове)*. Нет… нет, молодой пан. Обо мне не беспокойтесь. С вас хватит своего горя. Со мной ничего. Я просто по привычке иногда плачу. По дому скучаю.

А л е ш. О нет. Любовь не обманете, она ясновидящая. Я ясно вижу вашу душу… смотрю в нее, как в горное озеро… Вы страдаете!

Ф р а н т и ш к а. Ребенок, вы видите мою душу? *(Смеется невесело.)* И что вы там видите?

А л е ш *(медленно)*. Оплеванную, израненную душу человеческую, съежившуюся в слезах в самом темном уголке… стыдящуюся божьего света.

Ф р а н т и ш к а *(бросается ему в ноги и разражается рыданиями)*. Разрешите поцеловать вашу руку, паныч. Душу человеческую вы освободили в ту минуту, как назвали по имени ее горе. Вы добрый, вы чистый, вы единственный мужчина в

этом доме. Остальные… остальные… работорговцы и даже хуже — душегубы. Умерщвляют душу, чтобы торговать телом.

А л е ш *(взволнованно)*. Что, ч-что случилось? Мама вас мучила? К-как это произошло? И почему я не был при этом, чтобы вас защитить?

Ф р а н т и ш к а. Нет, нет, не мучила. Это не то слово. Оскорбила и унизила меня так, что невозможно больше унизить человека.

А л е ш. К-как, как… Я должен знать. Должен принять меры. Я н-не могу пройти мимо, иначе я становлюсь соучастником.

Ф р а н т и ш к а. Не надо вам знать, паныч. Это вас очень огорчит. *(Не в силах больше сдерживаться, падает к его ногам.)* Почему вы меня не уберегли? Обещали беречь меня — и не уберегли.

А л е ш *(широко открывает глаза, ничего не понимает)*. Я вас не уберег? Я… К-как? От кого?

Ф р а н т и ш к а *(едва слышно)*. От Риши.

А л е ш. Что? Я правильно слышал? Я опоздал? А ведь вы м-мне клялись, что между вами ничего нет.

Ф р а н т и ш к а. Тогда еще не было. Но через пятнадцать минут после вашего ухода пришел он. И тогда это случилось. Вы словно предчув-

ствовали, окликнули меня в ту минуту своей скрипкой, дали о себе знать своим выкриком. Но он оказался сильнее вас… и вашей песни.

А л е ш. Т-тогда это с-с-случилось? И он оказался с-с-сильнее меня и м-м-моего искусства? *(Возбужденно.)* Тогда зачем оно? Чем оно объяснит свое существование? Если оно н-не может бороться со злом, не может его п-п-поразить? Проклятье ему! К дьяволу его! Зачем тогда жили Бетховен, и Бах, и Моцарт, и Дебюсси, и все эти великие души, если такое возможно? Бесцельно жили, б-б-бесполезными умерли. Проклятье им! Р-р-разобью свою скрипку, р-р-разорву свои ноты… оболью керосином и подожгу их творения — они н-н-не нужны. *(Опускается на стул, закрывает лицо руками и горько плачет.)*

Ф р а н т и ш к а. Как мне жаль вас, пан Алеш. Выразить не могу, как жаль. Когда вижу вас рядом, убитого горем, одно человеческое несчастье… возле другого. О себе забываю, лишь бы могла вас утешить. Какие мы все убогие — мы, слабые. Взваливают на нас бремя, пока мы не падаем под его тяжестью. Чем ты слабее, тем тяжелее бремя взваливает на тебя жизнь.

А л е ш. Нет… не говорите так. Мы будем сильными, мы воспротивимся, и сразу все изменится.

Я… я вынесу этот удар судьбы… ради вас вынесу.

Ф р а н т и ш к а. И вы не гневаетесь на меня? Не вините меня? Не опротивела я вам? Не чувствуете ко мне отвращения?

А л е ш. Почему — отвращения? Люблю вас больше, чем когда-либо, больше, чем перед этим. Сейчас вы несчастнее, чем раньше, — я и за это должен любить вас больше. Но любить истинно… в душе и чистосердечно… теперь для этого есть причина, которая бывает один раз в жизни. Раньше я не любил вас искренне, настоящей, чистой любовью, ибо считал вас трофеем в моей борьбе с Ришей… и, видно, поэтому проиграл. Поделом мне это наказание. Я любил в вас себя, свою грядущую победу… а не вас. Любил в вас свою гордость, свое высокомерие. Теперь… теперь люблю воистину вас, и только вас. Бескорыстно, чисто, искренне.

Ф р а н т и ш к а *(озаренная принятым решением)*. Спасибо вам, Алеш! Настало время знать вам все — это последнее. И вы должны решить. В ваши чистые руки отдаю свою судьбу, и не только свою — больше, гораздо больше: судьбу своего ребенка.

А л е ш. Своего ребенка? Не понимаю вас.

Ф р а н т и ш к а. Сейчас поймете. Тот роковой

вечер, когда Риша приблизился ко мне, не остался без последствия. Я ношу под сердцем новую человеческую жизнь.

А л е ш *(в экстазе)*. Новую человеческую жизнь?

Ф р а н т и ш к а. Однако все: ваша мать, и Риша, и Анча — все хотят, чтобы я не доносила ее, чтобы избавилась от ребенка, лишилась его. Им так удобнее. Так им велит их эгоизм и гордость. Они хотят вычеркнуть навсегда из жизни Риши те минуты, словно их не было, чтобы о них ему никогда не напомнило и не могло напомнить их воплощение — живое человеческое существо.

А л е ш. Проклятые, подлые люди, безбожники!

Ф р а н т и ш к а. Тогда решите его судьбу вы! Должна ли я оставить его жить и расти? Должна ли потерять его нерожденным?

А л е ш. Ни в коем случае! Даже если мне придется копать землю как поденщику, таскать на стройке кирпичи, красть и разбойничать… я обеспечу вас всем необходимым в тяжелый для вас час… и в первые дни после…

Ф р а н т и ш к а. Спасибо вам, Алеш. Все решено! Я плачу от счастья, что все решено и как решено. Теперь я не имею права слушать вашу мать и Ришу. Не имею права безучастно отно-

ситься к тому, как они решили мою судьбу, не имею права разрешать им убивать и унижать меня, как последнюю скотину. Я обязана воспротивиться им. Спасибо вам за то, что вы меня на это подвигли.

А л е ш *(в экстазе опускается перед ней на колени)*. Вы обязаны быть гордой, Франтишка. Величественно, с высоко поднятой головой и с благословенным чревом должны вы ныне ходить по улицам. Вы — избранный сосуд божественности… святая жизнь вошла в вас и раскинула свой шатер. Чудо возрождения мира происходит с вами. Благословенна ты в женах — святая, неприкосновенная, неуязвимая.

Ф р а н т и ш к а. Встаньте, Алеш, встаньте. Краснею перед вами… я, недостойная.

А л е ш *(фанатично продолжает)*. Благословенна ты в женах, и благословен плод чрева твоего. Я хотел бы умереть, чтобы вновь от тебя возродиться. Как сладко было бы покоиться в лоне твоем, пока не придет час покинуть его и жить на этой суровой земле!

Ф р а н т и ш к а *(закрывает вспыхнувшее лицо руками)*. Не продолжайте, а то я захлебнусь от стыда. Не богохульствуйте!

А л е ш. Нет, Франтишка. Ты меня не поймешь.

Я должен говорить, а иначе захлебнусь от счастья. Благословенна ты в женах, говорю тебе. Чрево твое достойно доносить и дать миру нового спасителя, свет во тьме, якорь в бурном море — нового Будду, Христа, Франциска Ассизского{57}.

Ф р а н т и ш к а *(закрывает ему рот)*. Хватит, ради бога! Бог накажет нас за такое кощунство. Это тяжкий грех. Молчите, на коленях молю вас.

А л е ш *(тем же тоном)*. Красней! Запрещай мне! Унижай! Это твое святое право, но только твое. Только невинность и простота смеет и сможет это сделать; в этом — ее наивысшее волшебство и власть над нами.

Двери распахиваются, быстро входят п а н и К о с т а р о в и ч и Р и ш а.

П а н и К о с т а р о в и ч. Что здесь за шум! Кто здесь кричит? Даже ко мне в комнату проник этот гвалт. Это ты, Алексей?

А л е ш *(поднявшись)*. Да, я, мама.

П а н и К о с т а р о в и ч. А что ты тут делаешь?

А л е ш. Важное дело, мама. Предотвращаю

{57} Комментарии: 2.57

Ассизский Франциск (1182—1226) — итальянский поэт, воспевавший честную бедность, любовь к человеку и природе («Солнечная песнь»). Основатель монашеского ордена францисканцев. Причислен к лику святых.

злодеяние, которое опозорило бы нашу семью, больше чем грабеж и разбой.

П а н и К о с т а р о в и ч. Опять говоришь, словно одержимый. Злодеяние? Какое злодеяние?

А л е ш *(мерит ее гордым взглядом)*. Злодеяние, которое вы собираетесь учинить, и странно, что еще не учинили, над этой девушкой, которую раньше вы связали по рукам и ногам, заткнули рот кляпом, унизили ее любовь, преданность и безмерную доброту. Фу! Позор вам!

Р и ш а. Я вижу, Фанда призвала себе на помощь рыцаря. Чтобы он хранил ее честь… а может, невинность. Ха-ха-ха. Нашего горе-музыканта. Но ему надлежит держать в руках скрипку, а не шпагу.

А л е ш. Подлец! Зато тебе следует поставить клеймо на лбу, как злодею.

Р и ш а. Ха-ха. Наш горе-музыкант будет сейчас читать нам проповедь. Семейный прихлебатель, дармоед! Семейное недоразумение и бесполезный придаток!

А л е ш. Бесполезный — возможно! А ты — семейная подлость и мерзость. Ты — ее подлинный веред, награждаю тебя прозвищем, которым мама так долго оскорбляла меня.

П а н и К о с т а р о в и ч. Хватит, Алексей! Ты

что, шуток не понимаешь? Неужели ты настолько ограничен?.. В чем дело, я тебя сегодня не узнаю. Ты какой-то неистовый, неуемный, грубый. Не знаешь разве, что должен благоговеть перед матерью?

А л е ш. Не знаю! Ибо и она не знала и не знает благоговения перед ребенком… перед живым — и еще не родившимся. Дитя — это нечто святое, как отец и мать, а может, и святое святых.

Р и ш а. Хватит. Мир нынче перевернулся. Наш музыкантишка стал проповедником. И при этом даже не заикается! Вот что самое смешное во всей этой истории.

П а н и К о с т а р о в и ч. В самом деле. Странно. Заикания как не бывало. Какое-то современное чудо, гипноз или самовнушение?

Ф р а н т и ш к а. Стыдно вам, сударыня, говорить так о своем сыне. Разве вы не понимаете, что, издеваясь над его недостатками, вы поносите и себя? С сегодняшнего дня он нормальный мужчина — и требует вашего уважения.

П а н и К о с т а р о в и ч. Посмотрите-ка! Заговор. Кухня создала фронт против салона. Не хватает тут еще дяди Лексы, чтобы кухонное трио было в полном составе… Жаль, что именно сегодня он уехал… *(с иронией)* по торговым делам.

Р и ш а. Так, значит, ты, музыкантишка, будешь заботиться о моем ребенке, не так ли? Не сомневаюсь, он будет жить по-королевски!

А л е ш. Да, к твоему стыду, я буду заботиться о твоем ребенке, и, конечно, уж получше тебя. Ты даже не в состоянии дать ему жизнь. Хотел лишить его жизни раньше, чем он увидит свет. Фу! Позор тебе! Последний деревенский батрак не способен на такую подлость. Мерзавец!

Риша сжимает кулаки и бросается на Алеша.

(Хватает стул и размахивает им над головой.) Только попробуй задеть меня! Я разобью твою пустую, мерзкую башку.

Риша прячет голову в плечи и отступает к двери.

Ф р а н т и ш к а *(встает рядом с Алешом).* Не трогайте его! Он дал мне свет! Он вырвал меня из вашей западни и вывел из тьмы отчаяния.

П а н и К о с т а р о в и ч *(удивлена, в ужасе пятится за Ришей к дверям).* Алексей, опомнись. Ты с ума сошел? Разве так объясняются культурные люди нашего круга?

А л е ш. А что вытворяют культурные люди, что вытворяете вы? Даже зверь на это не способен, а

тем более — здоровый, нормальный человек.

П а н и К о с т а р о в и ч *(Франтишке).* А ведь вы только что пообещали Рише быть разумной… послушаться и сделать то, что я вам совет… гм… *(хотела сказать «советую» и поправляется)* что вам советуют опытные и умные люди.

Ф р а н т и ш к а. Обещала, но лишь затем, чтобы отомстить *(движением головы показывает на Ришу)* ему и загубить себя. А теперь беру свое обещание назад — я уже не имею права давать его. Я была в отчаянии, потерянная, уничтоженная — теперь я очистилась.

П а н и К о с т а р о в и ч. Высокопарные слова падают здесь как бомбы. Я, старая грубиянка, перестаю их понимать. Это ураганный огонь по моим нервам. Моя старая голова не способна на такой возвышенный идеализм. Нам ничего не остается, Риша, как ficher le camp[129], бежать со всех ног. Sauve qui peut![130]

Р и ш а. Вы правы, маман… К чему нам, хамам… этот кухонный идеализм.

Оба уходят.

---

[129] Примечания: 1.129
Убраться *(франц.).*

[130] Примечания: 1.130
Спасайся кто может! *(Франц.)*

Пауза.

А л е ш *(тихо, но подчеркнуто)*. Ребенок будет записан на мое имя, Франтишка. Окажите мне эту честь?

Ф р а н т и ш к а *(проникновенно смотрит на него)*. Мужчина! Рыцарь!

А л е ш *(целует ей руку, смиренно)*. Женщина! Мать!

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Весенний день; начало двенадцатого. Веселое, напористое солнце освещает кухню. На плите стоят кастрюли, в них что-то булькает. Кухонные часы с маятником задорно тикают на стене. Возле кровати Франтишки стоит открытый черный чемодан, наполовину заполненный вещами, кое-какие безделушки, коробочки, белье и т. п. лежат рядом на полу. К стене прислонена пустая корзина для белья.

А л е ш *(в куртке и домашних туфлях, в раздумье ходит по кухне).* Франтишки все нет, а обещала вернуться через четверть часа. *(Смотрит на часы.)* Нет, нет, она не опоздала — только пять минут тому назад вышла отсюда. Как медленно тянется время без нее. *(Продолжает задумчиво ходить, вдруг спохватывается.)* Не забыть бы подкинуть дрова в плиту, а то еще погаснет. Она так настойчиво просила: «Говядина должна вариться долго и равномерно». *(Лопаткой набирает уголь из ведерка и кидает в плиту; опять начинает ходить и мысленно пишет ноты в воздухе; опомнившись.)* Эх, черт с ними! Когда

наконец отвыкну от глупой привычки, думая о композиции, все время перебирать ноты. Черт их возьми. Никому они не нужны для спасения тела и души…

Стук в дверь.

Войдите.

А л е к с а н д р *(входя в дорожном плаще и шапке)*. Добрый день, Алеш! Куда ты подевался? Я заходил к тебе в мансарду. И позабыл о кухне. По утрам ты еще никогда сюда не хаживал.

А л е ш. Здравствуйте, дядя!

Пожимают руки, целуются.

А л е к с а н д р. Ты один? Франтишки нет?

А л е ш. Вот-вот придет. Побежала за чем-то в галантерейную лавочку.

А л е к с а н д р. А я только что приехал. И даже не умывшись и не переодевшись, бросился к тебе, чтобы не охладела большая новость. Мне здорово повезло, мой мальчик. Это как небольшой выигрыш в лотерею. Теперь можешь годами спокойно сочинять свою музыку.

Алеш улыбается с невыразимой горечью.

(Внимательно смотрит на него.) Что с тобой,

мальчик? Ты так изменился. Стал серьезнее и строже. Спокойнее и даже мужественнее. Настоящий мужчина. Что здесь произошло в мое отсутствие?

А л е ш. Ничего особенного — и все же кое-что. Кусок старой, истлевшей лжи обрушился, а кусок новой правды вырос. Дела, которые непрерывно творятся на свете, доходят до тебя лишь тогда, когда обломок кирпича стукнет тебя по башке.

А л е к с а н д р. Так. А тебя не радует, что дядя вернулся с большой добычей и что тебе не придется больше выпрашивать кусок хлеба и пристанище для своего искусства у матери и брата?

А л е ш *(горько)*. Ах, дядя, оставим искусство в покое. К чему нам искусство? Дает оно глоток воды жаждущему? Кусок хлеба — голодающему? Прольет бальзам на рану страдальца? Ныне оно мне кажется почти бесполезным и претенциозным. На свете есть кое-что несравненно более важное.

А л е к с а н д р. И что же это, по-твоему?

А л е ш. Жизнь, дядя. Простая, повседневная жизнь. Нет ничего, кроме нее, ничего выше ее.

А л е к с а н д р. Гм. Об этом можно поспорить. Но главное, сдается мне, что так говорить не при-

стало именно тебе, которому до сих пор искусство заменяло жизнь…

А л е ш. И это было заблуждение. Оно ослабляло меня еще больше. Слабый просит наркотика, больной — опиум, морфий и другие лекарства. А не усугубляют ли эти средства болезнь? Не порочный ли это круг? Я его разорвал. Мне они не нужны — не нужно ничего, что навевает сны. Я сумею встретить жизнь лицом к лицу. Эти шестнадцать дней, которые вы путешествовали, меня многому научили.

А л е к с а н д р. Что за это время случилось?

А л е ш. Франтишка ждет ребенка.

А л е к с а н д р. Что-о? Как можно! Кто тебе сказал?

А л е ш. Она сама. Об этом знает уже весь дом… и мать.

А л е к с а н д р. От кого?

А л е ш. От Риши. *(В глазах у него сверкают слезы.)*

А л е к с а н д р *(подскакивает к нему)*. А ты ее любил! Бедный парень!

Алеш кивает головой.

А теперь уже не любишь. Преодолел эту слабость. Да? Поэтому ты так окреп. Возмужал.

А л е ш. Ошибаетесь. Продолжаю ее любить. Еще больше, но иначе, лучше! Поэтому я и возмужал.

А л е к с а н д р *(после некоторого раздумья, тоскливо)*. А если они с Ришей поженятся? Если мы больше не увидим ее на этой кухне?

А л е ш *(смеется)*. Ему и во сне не придет в голову жениться на ней. Уже две недели он каждую ночь спит с другой — с Анчей Бартиковой, подружкой Франтишки. Уже две недели по вечерам она приходит в одиннадцатом часу, и утром, около шести, он провожает ее вниз и открывает ей дверь. Каждую ночь их слышу, а раза два повстречался с ними в коридоре, когда он утром выводил ее из своей спальни.

А л е к с а н д р *(от удивления раскрывает рот, затем свистит)*. Ну и ну! Вот так история.

А л е ш. Видите, дядя, в чем я вас обогнал. Как ученик превзошел учителя! Вы всегда твердили, что я не знаю жизни, и учили меня жить — хотели, чтобы я прошел суровую школу. А сейчас я должен поучить вас! *(Смеется.)* Александр Костарович, старый ученик, седой недоучка, садитесь. Ставлю вам в дневнике единицу. И оставляю на второй год!

А л е к с а н д р. Fi donc[131]. Говоришь, и мать об этом знает? И согласна с этим?

А л е ш. Ну конечно. А ты ждал от нее другого? Должна была изменить сама себе, стать сразу сентиментальной и заваривать ромашку для плебейского внука? Либо вязать для него слюнявчики и свивальники? Она, Гелена Костарович, промышленный магнат, супруга одного завоевателя, капитана индустрии, и мать другого, in spe[132] еще более значительного?

А л е к с а н д р *(с негодованием)*. А теперь, сунув ей несколько тысчонок, выгонят из дому, чтобы она устроилась в родильный дом или где-нибудь в уединенном местечке? И для ребенка положат еще несколько тысчонок на сберегательную книжку, чтобы мать имела кое-какие гроши и могла до его совершеннолетия открыть сапожную мастерскую либо гладильню?

А л е ш *(покачивает головой)*. Дядя, дядя, как вы отстали! Какой нерадивый ученик! Какой тупой ученик в школе жизни! Богатые, дядя, не такие щедрые, как так называемые изобретатели, утописты, мечтатели, люди искусства, поэты и

---

[131] Примечания: 1.131
Фу *(франц.)*.

[132] Примечания: 1.132
В будущем *(лат.)*.

прочая паразитическая сволочь. Богачи не бросаются тысячами. Тысячами, некстати и не к месту, кидаются только бедняки. Завоеватели и в таком случае поступают как завоеватели — с топором в руке и метят прямо под корень… радикально.

А л е к с а н д р. Как это? Не понимаю тебя.

А л е ш. Вижу, что не понимаете. А это совершенно просто. Пошлют девушку к подпольной повитухе — и делу конец.

А л е к с а н д р. К подпольной по-ви-ту-хе?

А л е ш. Как, вижу, вы даже не знаете, кто такая подпольная бабка? Прямо мука с этими старыми утопистами — учить их надо до гробовой доски. Тогда слушайте, отсталый дядюшка: подпольная повитуха — это воплощение старого, почтенного общественного учреждения, без нее, как и без проституции, человечество не прожило бы и недели. Повитуха — это дама, которая за умеренную плату превращает нерожденных детишек в ангелочков. Она помогает им легко и быстро взлететь из материнского чрева прямо на небеса… дабы уберечь их от жизненных разочарований, от насморка, который они в суровом воздухе земли, чего доброго, еще схватят. Две-три тысчонки — и все сделано раз и навсегда…

А л е к с а н д р. Откуда ты все это знаешь?

А л е ш. Изучаю этот вопрос уже две недели… с момента вашего отъезда. Имею специальную литературу, могу дать почитать. Нынче по всем вопросам существует литература и статистика. Она-то и открыла мне глаза. Посмотрите. *(Берет газету и показывает последнюю страницу.)* Вот тут целая колонка объявлений, и будь я проклят, если среди них нет бабы-повитухи. *(Читает.)* «Дамы, по деликатным делам обращайтесь с полным доверием к акушерке пани Катюше Петркличевой, туда-то и туда, номер и все прочее». Разве это не многообещающе?

А л е к с а н д р. Удивляюсь тебе, Алеш.

А л е ш. Скорее всего, мне следовало бы удивляться вашему неведению. Итак, не стоит попусту бросаться тысячами! Не стоит класть их незаконнорожденному ребенку на книжку. Не стоит тратиться на алименты. Таким путем можно все исправить гораздо дешевле и лучше. Никаких судебных тяжб! Никакого упоминания о внебрачном отце в судебных протоколах! Ничего! И торговые книги останутся чистыми. Наша манишка, как и фрак, не запятнаны. Мы начисто вырезали веред из жизни…

А л е к с а н д р. А Франтишка согласилась?

А л е ш. Наверное, согласилась бы… по принуж-

дению, из-за отвращения, чтобы сгубить себя и отомстить Рише. Но на этот раз я пришел вовремя и убедил, что она не имеет права пойти на такое. Я вдохнул в нее новую веру, новые силы к жизни. Сегодня я перевезу ее в комнатку, которую снял для нее — nota bene[133], на деньги, полученные за уроки музыки: впервые в жизни я стал для кого-то полезным. Какое это прекрасное чувство — оно одурманивает, и ради той минуты, когда я это ощутил, стоило родиться… и перенести все, что последовало потом!..

А л е к с а н д р. А как же я? Я здесь осиротею, буду совсем забытым и никому не нужным!.. Уже никогда не постучу в эту дверь. Уже не услышу ее нерешительное и робкое старомодное «прошу». Уже никогда она не встретит меня лучезарной улыбкой… снисходя к моему бесполезному, сумасбродному существованию. Я потерял то, что ты за это время обрел. На что мне сейчас эти деньги? Появились не вовремя… словно в насмешку.

А л е ш. Ошибаетесь — они появились как раз вовремя. Не забывайте: дело не только во Франтишке, но и в ребенке. А он потребует много денег, сам я не смогу их обеспечить. Будем опекать мать

---

[133] Примечания: 1.133
Заметьте *(лат.)*.

и ребенка вместе.

А л е к с а н д р. Ребенок… Какое святое, великое явление. Невообразимое, немыслимое. В нем заключены все чудеса грядущего, как парчовое платье Золушки — в орешке… Как хорошо, что ты сохранил ему жизнь! Это несравненно лучше, чем написать десять симфоний! И больше… несравненно больше, чем быть его отцом физически, произвести на свет во плоти…

А л е ш. Наряду с отцовством физическим существует нечто высшее… Люди этого не понимают и считают, что иметь ребенка все равно что завести домашнее животное, которое ползает, ходит, ест и пьет. А пока у тебя в жизни нет ничего, кроме сознания, что был кому-то хотя ненадолго нужен.

А л е к с а н д р. Иметь ребенка — иметь цель в жизни… смотреть, как восходит солнце, и идти за ним следом. Иметь ребенка… быть ему настоящим отцом — это значит вырастать из настоящего и неуклонно расти в будущее, чтобы соответствовать ему.

А л е ш. Вникните в эту взаимосвязь. Появился у нас ребенок — и весь наш малый мирок пустился в путь… к свету. Старая ложь трещит и отпадает, а ясное голубое небо смеется сквозь тучи.

А л е к с а н д р. Ну, для него наша прошлая

семья уже давно утратила свое значение. Это разбитый горшок, кое-как стянутый проволокой, кое-как скрепленный. Наподобие многим другим семьям нашего общества.

А л е ш. В последние дни я много размышлял об этом. Старая кровная семья, видимо, всюду отступает, чтобы на ее месте возникла новая, более свободная, более справедливая, вновь собравшаяся около своей матери… хотя бы ненадолго… как то бывало в старые времена. В данном случае это Франтишка, ее ребенок, вы и я…

А л е к с а н д р. Ну, так или иначе вокруг нас все трещит, как в старой, полусгнившей лодке, пока ее не разбили бурные волны. Sauve — qui — peut. Поэтому я всегда старался не обзаводиться лишним багажом. Для бегства он только помеха, не так ли?

А л е ш. Если это случайно не бумажник с деньгами.

А л е к с а н д р. Ах хитрец, до чего же ты изменился! Каким образом за это короткое время ты стал… таким практичным?

А л е ш. Как только я перестал быть служителем искусства, вся глупость с меня словно слетела. Теперь мне было бы стыдно за любое прежнее озорство. Раньше я считал, что все должно вхо-

дить в жизненную программу… Ныне я обрел лучшее и наиболее дешевое лечение от блажи…

А л е к с а н д р. Позволь спросить: а кто ты сейчас есть, легкомысленный хулитель своего прошлого?

А л е ш. Всего лишь пропагандист разума и трезвого подхода к жизни.

А л е к с а н д р. Ну, это не много… С этого, насколько я понимаю, не берут ни подоходного, ни индивидуального налога.

А л е ш. Больше того, я стану еще пропагандистом политическим… и социальным… Я сжег свои ноты. Не хочу больше заниматься искусством. Я хочу жизни, такой, как она есть. Может, жизни неразумной, может, политической… Хочу приносить пользу людям, а для этого надо их организовать. Равный к равному, один к одному… как мы с вами. Стану им помогать, чтобы они обрели смысл жизни. Судя по всему, это гораздо труднее, чем кажется.

А л е к с а н д р. Да, да. А пока ты создашь товарищество потерпевших крушение в старой семье?

А л е ш. Да, беру именно тех, которые как-то пришлись не ко двору и сразу, с самого начала, инстинктивно жались к стенке. И, воспользовав-

шись первой дождливой, мрачной непогодой, они сошли с лодки. И вы, дядя, временно будете председателем нового товарищества… по возрасту… пока не подыщем кого-нибудь постарше…

А л е к с а н д р. Благодарю. Ты вежлив, но, как большинство таких людей, — искренен. А я закончу свою жизнь уединенно, как тихий… а не буйный безумец.

Стук в дверь.

А л е к с а н д р. Войдите!

Входит Ф р а н т и ш к а с сумкой в руке. Увидев Александра, краснеет.

Ф р а н т и ш к а. Добрый день, пан Костарович! Добро пожаловать! *(Подает ему руку.)*

А л е к с а н д р. Добрый день, дорогое дитя.

Ф р а н т и ш к а. Не гневайтесь на меня, пан Алеш, за опоздание. Я сообщу вам такую новость… что вы меня сразу простите. Я встретила Анчу, и она мне сказала такое, что вы будете потрясены. Они с паном Ришей обручились и поженятся! Сейчас они встретятся и пойдут к сударыне… известить ее об этом и попросить благословения. *(Плачет.)* Я уже ничего хорошего не жду… ничему не удивляюсь. Но такой… пощечины, такого

плевка… я все же не заслужила. *(Опускается на стул возле стола… Рыдает.)*

А л е ш *(понизив голос, с горечью)*. Ужас! Ужас! Как она плачет из-за него! Все еще его любит.

Ф р а н т и ш к а *(смотрит на Алеша, вид у нее измученный, пытается улыбнуться)*. Простите, пан Алеш. Знаю, что я неблагодарная. Знаю, что веду себя подло. Потерпите еще немного мои слезы. Это в последний раз. Последний день здесь… Я хороню молодость.

А л е к с а н д р. Плачьте, плачьте, дитя мое! Вам станет легче. А затем поднимите голову выше и гордо! Я знаю все, Франтишка.

Франтишка вздрагивает и заливается румянцем.

Вы ребенок, вечный ребенок… Вам нечего краснеть. Наоборот. Вы совершили великое, благородное дело, Франтишка, которое не по силам тысячам женщин… Вы отстояли своего будущего ребенка.

Ф р а н т и ш к а *(показывает на Алеша)*. Без него я не сумела бы.

А л е к с а н д р. Пусть это и его заслуга. Бремя было выше человеческих сил, одному его не поднять. А кто это, черт подери, Анча Бартикова,

что сумела отколоть такой дьявольский трюк и окрутить вокруг пальца нашего завоевателя?

А л е ш. Нахальная, продувная бестия. Только такие и выигрывают. Ходила якобы к Франтишке, под видом подружки, а сама тем временем закидывала сети в мутную водичку — авось кто-нибудь клюнет.

Ф р а н т и ш к а. Может, мне и не следует говорить о моей бывшей подружке, но она поступила со мной так жестоко, что вряд ли я смогу ей когда-нибудь простить. Низкая особа. Забеременела от кого-то и сделала аборт. Сама мне в этом призналась… и не отчаивалась, а гордилась… словно совершила героический подвиг.

А л е к с а н д р. А Риша об этом знает?

Франтишка пожимает плечами, снова плачет.

Успокойтесь, Франтишка! Разве вы не видите, что он сам себя наказал? Не захотел взять вас, чистую и невинную, и теперь довольствуется бывалой пройдохой. Ему досталась еще большая пройдоха, чем он сам. À corsaire, corsaire et demi, говорят французы, рыбак рыбака видит издалека. Или — по барину и говядина. Во что превратилась бы жизнь, если бы она сама себя не исправляла?

Если бы змей не жрал змея, а дракон — дракона?

Часы отбивают двенадцать.

Ф р а н т и ш к а *(спохватывается)*. Господи, уже полдень! А мне еще надо доварить обед, снести вещи с чердака, уложить чемодан, натаскать угля из подвала — полы я еще вчера вымыла, — чтобы сударыне оставить все чистым.

А л е ш. Не будем вам мешать, Франтишка. Вы очень совестливы. Мы уходим. Около часа я приду с носильщиком, и мы отнесем ваш чемодан и другие вещи в вашу новую квартиру. *(Уходит.)*

А л е к с а н д р. Да, в новую квартиру — и, возможно, в новую, лучшую главу вашей жизни. Мы совьем новое гнездо, не только для вас, но и для себя. Благо, что нам есть для кого трудиться и о ком заботиться. Это безмерное благодеяние для незанятого чувства. Кто не получает его вовремя, тот умирает от ожирения сердца. *(Уходит.)*

Франтишка подходит к плите, пробует, готово ли мясо; подбрасывает уголь в плиту и начинает чистить картошку. Звонок в дверь. Франтишка идет открывать.

А н ч а *(в прихожей)*. Да, да… это я. *(Входит разодетая, в перчатках и в шляпе.)* Не гляди на меня

букой. Не выдержала и пришла тебя отчитать за то, что, услышав новость, ты стояла на улице, словно громом пораженная. Неужели ты считаешь, что я причинила тебе какое-то зло?

Франтишка, не обращая на нее внимания, чистит картошку.

Это все глупые предрассудки вашего Мракотина{58}. Жизнь, моя милая, — конкуренция. Выигрывает сильнейший. Борьба за существование, как назвал… и превозносил какой-то англичанин, а может, итальянец — моя хозяйка знает его имя… что-то вроде Кравин. А с какой стати я должна была тебе уступать? Я более образованна… чуть постарше, более находчива, да и красивее тебя. Я имею право на счастье, потому что от природы… гм, как это говорится… лучше тебя вооружена… да… лучше вооружена… как говорит этот Кравин… ох, нет, нет… Дарвин.

Франтишка, по-прежнему не замечая Анчи, ставит кастрюлю на плиту.

Не будь ты глупой деревенской гусыней, а образованной дамой, как я, — ты бы все поняла и

{58} Комментарии: 2.58
Мракотин — местечко в Южноморавском крае.

не злилась на меня. Разве я виновата? Не я, так нашлась бы другая… Тебе было бы еще хуже. А я, может, смогу для тебя что-нибудь сделать. Иногда пошлю тебе что-нибудь… поддержу… А может, со временем и в прислуги возьму… Нет… нет, этого я не сделаю. Из-за Риши… чтобы опять его не соблазнила…

Франтишка берет пустую корзину для белья и, не взглянув на Анчу, идет на чердак. Слышится стук закрывшейся за ней двери.

Анча *(отплевывается)*. Ну и ступай себе, дура необразованная. Сразу видно деревенщину неотесанную, такой ты и останешься до гробовой доски. И торчала бы себе в деревне и всю жизнь пасла бы коз и коров. Вот для этого ты годишься, где тебе по паркету ходить. Еще чего, поддерживать… Вот назло, назло гроша ломаного не даст тебе Риша, пока я буду хозяйкой в этом доме. А я буду здесь хозяйкой до самой смерти.

Быстро входит пани Костарович, увидев Анчу, резко останавливается.

Пани Костарович. Кто вы? Что вам здесь надо? А где Франтишка?

Анча. Целую руку, сударыня. Франтишка на

минутку вышла куда-то с корзиной. Скорее всего, — на чердак за бельем.

Пани Костарович. А почему оставила вас здесь одну? *(Подозрительно оглядывает все вокруг, не пропало ли что.)* Что вы здесь делаете?

Анча. Я Анча Бартикова из Нижней Тршебани…

Пани Костарович *(прерывает ее)*. Я не спрашиваю, кто вы, я спрашиваю, что вам здесь нужно. Предпочитаю слышать точный ответ на вопрос.

Анча. Я пришла сюда к Франтишке, но, собственно…

Пани Костарович. Ага, значит, вы та новая служанка, что сегодня должна была появиться. А рекомендовала вас пани Бурдова, да? *(Разглядывает Анчу в лорнет.)* Ну, особенного в вас ничего нет. *(Продолжает быстро.)* А где ваш чемодан? У меня служанка должна прилично вести себя. Утром первая встает, вечером последняя ложится. Я в хозяйстве толк знаю.

Анча. Я тоже, сударыня.

Пани Костарович. И главное — никаких шашней с мужчинами. Здесь их двое, и оба… влюбчивы. Из-за них Франтишке приходится уходить. Такой гадости я не потерплю.

А н ч а. Я тоже, сударыня. Сразу с двумя… нет, нет. Ваш младший — он не то горбатый, не то заика — меня не интересует.

П а н и К о с т а р о в и ч. Что? Как? Младший вас не интересует? Значит, вас интересует старший?

А н ч а. Старший уже две недели как мой.

П а н и К о с т а р о в и ч. Что? Mon dieu[134]. Как это — две недели ваш?

А н ч а. Ну… поскольку я его невеста.

П а н и К о с т а р о в и ч. Что вы мелете? Спятили, что ли? *(Меряет Анчу взглядом.)* Я все же разбираюсь в людях: вы служанка… только немножко по-праздничному одетая.

А н ч а. Сударыня не должна меня обижать и недооценивать. Ни сейчас, ни раньше я не была обычной служанкой — я всегда была помощницей хозяйки.

П а н и К о с т а р о в и ч. Но я же говорила пани Бурдовой, что мне нужна служанка на все руки… А помощницы… мне не надо — вы мне не подходите.

А н ч а. А я пришла не наниматься, сударыня.

П а н и К о с т а р о в и ч. Пришла не нанимать-

---

[134] Примечания: 1.134
Боже мой *(франц.)*.

ся?.. Так зачем, черт побери, вы сюда явились?

А н ч а. Быть хозяйкой здесь вместе с вами и после вас.

П а н и К о с т а р о в и ч. Хозяйкой вместе со мной… и… после меня? Кто из нас спятил — вы или я?

А н ч а. Ни вы, сударыня, ни я. Мы с паном Ришей обручились, через три недели сыграем свадьбу. А сегодня мы договорились представиться сударыне как жених и невеста.

П а н и К о с т а р о в и ч. С Ришей? С Ришей? Ничего не знаю, он мне ничего не говорил. Это какое-то недоразумение, милая. Мой сын Риша слишком благороден, чтобы брать такую… гм…

А н ч а. Сударыне не следует меня недооценивать. Я уже вам это говорила. Я образованна и не уступлю любой даме… ни стоя, ни лежа. Я тоже хожу в театры — и всегда при этом покупаю шоколадные конфеты. И читаю книги в красивых позолоченных переплетах. Лягу на диван… накину на голову турецкую шаль и закрываю глаза — вроде как мечтаю. А иногда курю сигарету, пускаю дым колечками… и мечтаю.

П а н и К о с т а р о в и ч *(резко)*. А может, вы что-то вроде официантки или гейши?

А н ч а. Прошу вас, сударыня. Я бедная, но обра-

зованная и честная девушка.

П а н и К о с т а р о в и ч. Ну… хорошо, хорошо. Я могла бы дать вам пятьдесят крон, чтобы вы не надоедали моему сыну… Но мы недалеки от истины. Не обижайтесь, но мой сын не для вас. Он смотрит на десять ступенек выше.

А н ч а. Так можно и шею свернуть. Риша не так уж глуп.

П а н и К о с т а р о в и ч. Зато вы, как видно, дерзкая особа.

А н ч а. Не обижайтесь, сударыня и будущая маменька, но как аукнется, так и откликнется.

П а н и К о с т а р о в и ч. Ну, с маменькой пока полегче… Полегче… Из этой тучи дождя не будет.

А н ч а. Будет! И возможно, с градом.

П а н и К о с т а р о в и ч. Но град побил бы вас.

А н ч а. Меня, а может, кого другого. Это еще неизвестно. А вам, пожалуй, не мешало бы застраховать свое поле!

П а н и К о с т а р о в и ч. По заслугам и честь. Давно уже мне не приходилось слышать такую языкастую особу, как вы. Вы могли бы выступать в варьете.

Звонок у двери.

А н ч а. Это Ришек. Мы должны были встре-

титься у него, сударыня, да из-за этой дурехи Фанды я забыла и пошла к ней на кухню. *(Бежит открыть Рише.)*

Дверь в кухню остается открытой, и слышен разговор из прихожей.

Г о л о с А н ч и. Ну конечно, я же знала… Ты умница — всегда угадываешь мои мысли раньше, чем я сама об этом подумаю.

Г о л о с Р и ш и *(в прихожей)*. Где маман?

Г о л о с А н ч и. На кухне. Иди к ней. Я ей сказала, зачем сюда пришла, но она не хочет меня понять.

Р и ш а *(входя в кухню с Анчей, которая взяла его под руку)*. Целую руку, маман. Вы уже все знаете, и мне нет нужды разглагольствовать… терпеть не могу произносить речи. Я на ней женюсь, иначе не могу. Я уже в том возрасте, когда надо остепениться и иметь в жене хорошего друга. А она будет мне прекрасным другом. Я ее проверил.

А н ч а *(хлопает в ладоши)*. Браво! Мы отлично понимаем друг друга, сударыня. Будете на нас радоваться. Мы о ним прекрасная пара.

П а н и К о с т а р о в и ч *(почти плачет)*. Но,

Риша, quelle folie. Incroyable[135]. Нет. Я этого не переживу. Я с ума сойду. Это все как страшный сон…

Р и ш а. Маман, не из-за чего сходить с ума. Люди поважнее меня женятся на более бедных, чем Анча, не говоря уже о том, что на более безобразных и глупых. Наш директор, например, женился на девушке из бара, а он — директор, столп биржи.

П а н и К о с т а р о в и ч. Вот почему! Он заразил тебя своим безрассудством. Я сразу подумала, что тебя сбил с толку дурной старик. La folie se gagne[136]. Но он же старик. Черт с ним, со старым бабником. Пусть расплачивается за свои эскапады в молодости. Но ты! Такой молодой и красивый…

Р и ш а. Ну, с красотой и молодостью дела уже плохи, маман. *(Наклоняет голову, чтобы она увидела начинающуюся лысину.)* Начинаю лысеть.

П а н и К о с т а р о в и ч *(словно не слыша)*. …Ты, такой молодой и красивый, мог бы получить за женой миллионы.

Р и ш а. Уже не получу. В Европе приданое по-

---

[135] Примечания: 1.135
Какое безумие. Невероятно *(франц.)*.

[136] Примечания: 1.136
Безумие заразительно *(франц.)*.

степенно выходит из моды, американизируемся, маман. Приданое теперь дают только женщины с изъяном, бывалые и постаревшие. Один коллега получил за женой миллион, но выяснилось, что невеста уже сделала два аборта… от одного нашего практиканта. Как ты думаешь, приятно иметь такого предшественника?

П а н и К о с т а р о в и ч. Ну, черт с ними, с деньгами. Но ты должен найти девушку своего круга. Я знаю, по тебе вздыхала дочь министра Котика.

Р и ш а. Уже не вздыхает, мамочка. Утешилась со своим шофером.

П а н и К о с т а р о в и ч. Ради бога, Риша, не говори так. Это страшный цинизм. Я в ужасе от твоих слов.

Р и ш а. Маман, как вы бестолковы… и отсталы. Да разве только я? Разве не происходит то же и в самых лучших семьях?

П а н и К о с т а р о в и ч *(сжимает кулаки)*. Но только не у нас! Я не стану следовать этой глупой моде. Quelle mésalliance. Jamais[137].

А н ч а. Сударыня, я немного понимаю по-французски. Знаю, что такое мезальянс. Я бываю в

---

[137] Примечания: 1.137
Какой мезальянс. Никогда *(франц.)*.

театрах. Мезальянс — это если старик берет за себя восемнадцатилетнюю, либо прямой — горбатую. А мы с Ришенькой очень подходим друг к другу… и по возрасту и по фигуре. Мы как будто рождены друг для друга.

Р и ш а. Маман, хватит. C'est trop pénible pour moi, vraiment[138]. Такая сцена для меня равносильна смерти.

П а н и К о с т а р о в и ч. Нет! Никогда не дам своего согласия на этот брак! Сожги наш дом! Отрави меня! Делай со мной что хочешь! Только не отнимай у меня мечту! Пойми. Мой Риша значил для меня больше бога. Не могу видеть его на земле, в грязи… затоптанного… объектом насмешек и острот. Такого зрелища я не вынесу… Я живу своими мечтами. Убей меня, но не отнимай у меня мечты о тебе! *(Плачет скупыми слезами.)*

Р и ш а. Моя мечта… моя мечта. Ты заговариваешься, мама, прости! Ведь так всегда говорил наш юродивый и дядя Лекса. Ты, насколько я знаю, хотела быть трезвой и практичной и жить настоящим. Анча — мое эротическое настоящее.

А н ч а. В том-то и дело… Не понимаю, сударыня, чего вы так упорствуете. Я вас представляла

---

[138] Примечания: 1.138
Слишком мучительно для меня, в самом деле *(франц.)*.

совсем другой — современной матерью. Воображение меня подвело.

П а н и К о с т а р о в и ч. Молчите. Не вынесу больше вашего присутствия. От вас так и разит плебейством.

А н ч а. Плебейством… Что это такое, Ришенька? С этими иностранными словами просто мука. Ага… это значит, что я низкого рода? А вы что, бароны или графья? Кровь у всех нас одинаково красная. Только я молодая и свежая, деревенская, а вы — старая, испорченная, городская. Ришенька по правде умный и знает, что делает. Я читала одну книгу… взяла у своей хозяйки… так вся книга о том, что кровь надо мешать, старые семьи с жидкой кровью надо освежать молодой, густой деревенской кровью.

П а н и К о с т а р о в и ч *(яростно)*. Не могу больше видеть эту особу! *(Рише.)* Otez moi de la cette personne, s’il vous plaît[139].

А н ч а. Опять иностранные слова. Опять про меня по-французски… Но я уже много понимаю, а остальное скоро доучу. И тогда, сударыня, вы со мной ничего не поделаете.

---

[139] Примечания: 1.139
Избавь меня от этой особы, пожалуйста (франц.).

Р и ш а. Finissons-en![140] Всем этим я уже сыт по горло! Последнее слово, маман. Вы не даете согласия на мой брак?

П а н и К о с т а р о в и ч. Мне легче видеть тебя в гробу.

А н ч а. Ну, вряд ли Риша окажет вам такую любезность.

Р и ш а. Хорошо! В таком случае поженимся без вас. Все же надеюсь, что рано или поздно вы одумаетесь и поймете, что напрасно расстраивали меня и себя. Целую руку. *(Уходит.)*

А н ч а *(льнет к нему)*. Целую руку, сударыня… и моя будущая маменька. *(Уходит.)*

П а н и К о с т а р о в и ч *(бессильно опускается на стул; закрывает лицо ладонями, содрогается от рыданий)*. Quel outrage![141] Так вел себя со мной он, мой Риша! Мой бог… мое солнце… и он под пятой у этой ужасной девки… одурманенный ею… опьяненный… ничего не видящий… слепой.

В парадных дверях поворачивается ключ, и появляется Ф р а н т и ш к а с корзиной сухого белья.

Ф р а н т и ш к а. Целую руку, сударыня. Вот

---

[140] Примечания: 1.140
Покончим с этим! (Франц.).

[141] Примечания: 1.141
Какое оскорбление! *(Франц.)*.

ваше сухое белье, которое позавчера велели мне срочно выстирать. Прокатать и выгладить его уже не успею — это сделает новая служанка. Мне еще надо сходить в подвал с ведрами за углем. Хочу оставить все в полном порядке, чтобы меня не поминали лихом.

Пани Костарович, уставившись в пол, молчит.

Франтишка, схватив ведерко для угля, стоявшее у плиты, убегает в прихожую; слышно, как она берет другое ведро и закрывает за собой входную дверь.

Пани Костарович *(думает только о Рише)*. Так меня унизить! А его дерзкая шлюха языкастее самой злобной базарной бабы. Не хватало бы еще объявить о свадьбе в газетах: Анча Бартикова, дочь батрака, а может, и пастуха из Нижней Тршебани, и Риша Костарович, заместитель генерального директора земельного банка Чехословакии, извещают о своей свадьбе. У пражского общества глаза на лоб полезут… Вот будет tableau![142]

Звонок у двери. Пани Костарович берет себя в руки, идет в прихожую открыть дверь.

---

[142] Примечания: 1.142
Картина *(франц.)*.

Голос Александра *(в прихожей).* Целую руку, пани Гелена.

Пани Костарович *(растерянно).* А, пан деверь. Добрый день, пан Лекса.

Александр *(входит в кухню).* Разрешите, пани Геленка, только на минутку. Франтишка давала мне на хранение свои сбережения — пришел вернуть их и принес, ей книжки на память — «Крест у ручья»{59}, «Букет»{60} и стихи Неруды{61} и Махи{62}... Она любит стихи. Чтобы не скучно было одной в первый день. Вы, конечно, не станете возражать.

Пани Костарович. Безусловно, нет. Я никогда не возражала против рыцарских поступков мужчин.

Александр *(склоняется над чемоданом и*

{59} Комментарии: 2.59

«Крест у ручья» — роман (1868) классика чешской литературы К. Светлой (1830—1899).

{60} Комментарии: 2.60

«Букет» — классическое произведение чешской поэзии (1853), принадлежащее перу К.-Я. Эрбена (1811—1870), писателя и ученого-филолога.

{61} Комментарии: 2.61

Неруда Ян (1834—1891) — выдающийся чешский поэт, прозаик, публицист, редактор. Автор нескольких стихотворных сборников, «Малостранских рассказов».

{62} Комментарии: 2.62

Маха Карел Гинек (1810—1836) — крупнейший чешский романтик, поэт и прозаик, автор поэмы «Май» (1836).

что-то укладывает в него). Спасибо. Так. Деньги и книжки лучше положить на дно, чтобы не выпали… Это я всегда ценил в вас больше всего. Вы хотя и не вступили в наше социальное рыцарство, не одобрили его, но по крайней мере не препятствовали нам в этом, не так ли? Ни мне, ни Алешу, ни *(подчеркнуто)* Рише…

Пани Костарович вздрагивает, как от удара.

(Укладывает в чемодан вещи с пола.) Так. Надо немного помочь этой девочке. Она заслужила. Ну а вообще, пани Гелена, дела у нас идут хорошо, не так ли? Во всем везет? Мечты о восходящей линии нашего рода, слава богу, скоро осуществятся, не так ли? Мы неустанно завоевываем новые позиции в мире финансов и экономики… и в обществе. Не так ли?

П а н и К о с т а р о в и ч *(смущенно)*. Ну, не то чтобы слишком… Жизнь всегда дает понемногу, прежде чем полностью вернет свой долг.

А л е к с а н д р *(продолжая укладывать вещи Франтишки)*. Да, чтобы не забыть: кажется, могу поздравить? Минут пять тому назад видел на улице… вернее, встретил в дверях дома Ришу с какой-то молодой дамой. Шли под руку, такие счастливые, так влюбленно смотрели друг на

друга, что я сразу подумал: это жених и невеста, которых только что благословила матушка…

Пани Костарович молчит, кровь бросилась ей в голову.

И, как я слышал, невеста Риши — землячка нашей… надо уже говорить — бывшей нашей Франтишки?

П а н и К о с т а р о в и ч *(взрывается).* Вы, всеведущий дьявол! Пришли мучить меня? Пришли полюбоваться несчастной матерью, которой сын разбил мечты всей ее жизни! *(Становится против Александра.)* Тогда глядите! Глядите на меня — униженную! Наглядитесь досыта на мое измученное лицо!

А л е к с а н д р. Ошибаетесь, пани Гелена. Я далек от этого. Если бы ваша мечта осуществилась, это было бы мне противно, а теперь, когда она разбита и перед вами лежат только ее осколки, мне ее жаль… а главное, жаль вас, ибо вы обожали свою мечту, лелеяли ее, вспоили своей кровью, как самое дорогое дитя. В конце концов, это была только человеческая мечта, хотя и не очень возвышенная…

П а н и К о с т а р о в и ч *(с искрой надежды).* Как? Вы хотите уговорить Ришу отказаться от

этого безрассудного брака?

А л е к с а н д р *(с мягкой улыбкой).* Вы меня не поняли, пани Гелена. Я не считаю этот брак неравным, как кажется вам, — наоборот. Я имею в виду нечто другое… Не думаете ли вы, пани Гелена, что кроме вас и у других есть свои мечты? И что эти мечты требовали и требуют бережного отношения со стороны окружающих… и, в частности, с вашей? Чтобы люди были взаимно внимательны к мечтам и чтобы наши мечты заслуживали такого бережного отношения… не кажется ли вам, пани Гелена, что в этом и заключается цивилизация?

П а н и К о с т а р о в и ч. Перестаньте мучить меня! Я не так виновата, как вы думаете! Видно, в моей груди торчал какой-то мерзкий шип, который я всегда чувствовала и который неустанно гнал меня все дальше и дальше, все вперед — не ради меня, а ради моих детей, моего рода!

А л е к с а н д р. Шип, который гнал вас всегда, сам по себе не был так мерзок. Мерзка низость, когда тот, которого он подгонял, идет по пути, где попирает права своих ближних. *(Пристально смотрит на нее.)* Не кажется вам, пани Гелена, что в этом доме было растоптано больше чем мечта, мечта чистой души, — ее святое право на

материнство?..

П а н и К о с т а р о в и ч *(закрывает лицо руками).* Не мучьте! Не знаю, что вы имеете в виду! Это меня не касается, но… видимо… Риши. Это его дело. Я тут ни при чем.

А л е к с а н д р. А я — тем более. Это дело вашей совести. Я склоняю голову перед вашей окровавленной мечтой и — всего хорошего. (*Уходит.)*

П а н и К о с т а р о в и ч *(в тяжелом раздумье, собираясь с силами, ходит по кухне).* Нет… пет… Не уступлю. Хотя бы отомщу им. Нет… так легко я не сдамся. Выдержу бой, который мне навязали, пока смогу шевельнуть пальцем…

Открывается дверь. Слышно, как Ф р а н т и ш к а тащит два ведра с углем, одно вносит в комнату, с другим входит в кухню.

Ф р а н т и ш к а *(ставит ведро к плите).* Вот ключ от подвала, сударыня, этот — от чердака, а тут — от главной двери. Вот и все, что вы мне давали.

Пани Костарович молча берет ключи.

(Пробует мясо и картошку на плите.) Обед готов. Подавать на стол?

Пани Костарович. Нет, Франтишка. Сегодня совсем нет аппетита.

Франтишка. А может, придет… пан сын.

Пани Костарович. Нет, с сегодняшнего дня Риша со мной не обедает. Поешь сама.

Франтишка. Мне и кусок в горло не пойдет, сударыня. Вымою руки и закончу складывать вещи. *(Смотрит на часы.)* Вот-вот придет носильщик. *(Моет руки; кладет вещи в чемодан; закрывает его на замок.)*

Пани Костарович *(молча, в тяжелом раздумье, следит за ней, вдруг)*. Подойдите сюда, Франтишка… сюда… ко мне.

Франтишка нерешительно подходит, явно удивленная.

(Берет ее за руку.) Послушайте… Может, закончим все по-хорошему? Как-нибудь уладим.

Франтишка. Что улаживать? В этом доме я потеряла все… навсегда проиграла. Как тут уладить? Вы ведь знаете, сударыня, кем был для меня Риша четыре месяца тому назад и кем он мне сейчас…

Пани Костарович. Именно поэтому. Отомстите ему! Не уходите отсюда! Не покидайте добровольно поля битвы! Я тоже хочу им

отомстить. Останьтесь — наперекор сыну, наперекор будущей снохе! *(Жмет руки Франтишке; хватается за нее, как тонущий за соломинку.)* Я к вам буду относиться совсем иначе. Вы будете не служанкой, а моей компаньонкой. Буду вас лелеять. Отомстим вместе… им, подлым…

Ф р а н т и ш к а *(печально качает головой, улыбается бледной улыбкой, из глаз катятся слезы)*. Я не умею мстить, сударыня. Не смогу сделать то, что вы желаете. У меня сердце разорвалось бы. Я простая деревенская девушка и не разбираюсь в таких тонкостях жизни. Разрешите мне уйти и в смирении, одиноко и скромно, пережить все, что мне дал этот дом.

Звонок в дверь.

Не возвеличивайте меня — я была и есть только служанка на все про все. *(Идет открыть дверь.)*

Пани Костарович бессильно опускается на стул.

Г о л о с А л е ш а *(в прихожей)*. Франтишка, я решил сам отнести ваш чемодан в новую квартиру.

Ф р а н т и ш к а. Это невозможно, молодой пан…

А л е ш *(входя в кухню)*. Нет, нет, вполне возможно, Франтишка. *(Увидев мать.)* Добрый день, мама! Видите, как я оделся? *(На нем повседневная одежда, на голове кепка, в руке лямки, на которых носильщики носят груз.)*

Ф р а н т и ш к а. Нет, нет, ни за что не позволю…

А л е ш. Не возражайте, это бесполезно. Обожаю физический труд. Он прекрасен. Тебя сразу охватывает спокойствие, и в голову приходят радостные мысли. Святое дело. Шапку долой перед ним! *(Ставит чемодан на стул, примеривает лямки на себя и на чемодан.)* Как чудесно носить бремя своих близких. Я сейчас такой здоровый, такой сильный, что мог бы взвалить на себя скорбь всего мира. Да здравствует здоровье, сила и братство! С тех пор как я перестал заикаться, я стал могучим, как исполин. *(Выпрямляется и идет к двери с чемоданом на спине.)* А ты, маман, на меня не сердись. Ничего не поделаешь. Я первый раз в жизни немного счастлив. Может, это тебя утешит?

Пани Костарович молчит.

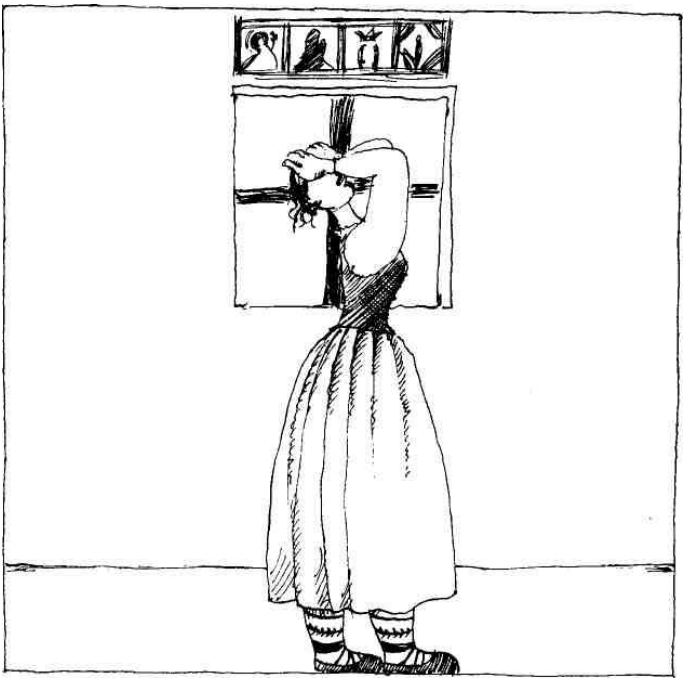
Ф р а н т и ш к а *(бежит в прихожую, распахивает перед Алешом двери, закрывает их за ним и*

возвращается в кухню. Надевает пальто, шапочку и вязаные перчатки). Прощайте, сударыня… *(Медленно уходит.)*

П а н и К о с т а р о в и ч *(сгорбившись сидит на стуле, тупо уставившись перед собой; затем вскакивает и начинает все быстрее и быстрее бегать по кухне, иногда топая ногой; подходит к шкафу, хватает стакан, бормочет).* Ришин… пил из него, когда был мальчиком… *(Бросает на пол. Хватает чашку.)* Ришина… с детских лет… *(Бросает на пол, затем вновь опускается на стул, тяжело вздыхает. Поднимает голову, по лицу ее катятся две маленькие скупые слезы.)*

З а н а в е с.

Владимир Гурбан-Владимиров
СУГРОБЫ
Драма в трех действиях



V. H. Vladimírov

ZÁVEJE

Vladimír Hurban Vladimírov. Hry. © Bratislava, Tatran. 1974.

Перевод со словацкого **Р. Тугушевой.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОТЕЦ.
МАРТИН, его сын.
КАТУША, жена Мартина.
ЯНКО, кузнец.
МАРА.
ДЮРО, слуга.

Действие происходит в доме отца, зимой, в течение восьми дней.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Богато обставленная деревенская комната. Предпоследний день года. За окном на замерзшую землю падает снег; вскоре он заносит все вокруг.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ж е н а, о т е ц.

Ж е н а сидит за столом и что-то ест; через некоторое время слышно, как в сенях кто-то стряхивает с сапог снег.

О т е ц *(входя в комнату)*. Не можешь подождать до ужина? *(Раздеваясь.)* Во дворе снегу по колено, к дому не пробраться. Другие хозяйки на улице с лопатами, а наша за столом пирует. Где Мартин?

Ж е н а. К кузнецу пошел, сразу после обеда. *(Неуверенно.)* Я не знаю, но он мне сказал, что готовит сани на Новый год.

О т е ц *(с жестом недовольства)*. Ах, у него ведь тоже на уме одни забавы. К кузнецу? Это к которому же? Неужели к Янке?

Ж е н а *(опускает глаза)*. Да.

О т е ц. Да ведь он самый дорогой мастер в деревне. И именно к нему пошел. Это ты ему, наверно, насоветовала — ну, тогда, может быть, из дружбы к тебе он сделает нам подешевле. Ах, как же нам хорошо! Ну правда, сани вот починят. Гм, будете на санях кататься! В самом деле. А у меня голова идет кругом. Правильно злые люди говорят: «Пусть лучше за своим домом смотрит, а не за округой». Вот, Дюро от меня уходит на Новый год, нужно слугу искать. А где нынче найдешь надежного слугу? Когда даже домочадцы ни о чем не беспокоятся. Все — бездельники. Только и смотрят, как бы хозяина обобрать. Подумай, просит прибавить пятьдесят золотых{63}. За пятьдесят золотых я когда-то держал слугу целый год! Да что там, все равно мне без него не обойтись. Ты ведь не можешь работать. А Мартин тебе в этом помогает. Господи, что за дом: хозяйка бездельничает, работа стоит. До каких пор мне терпеть это?

Ж е н а. Ради бога, не колите мне вечно глаза моей слабостью! Разве я виновата? *(Сквозь слезы.)*

{63} Комментарии: 2.63

Золотой — золотая монета (флорин, гульден) различного достоинства, чеканки, пробы. В Австро-Венгрии до 1892 г., когда была введена в обращение крона, — серебряная монета или купюра достоинством в один золотой; после реформы золотой равнялся двум кронам.

Я больная, вы это знаете. *(Слегка строптиво.)* Найдите себе служанку и понукайте ею!

О т е ц. А, вон оно что. Мало того, что приходится нанимать людей в страду, так еще и сейчас. Чтобы немного сгрести снег? Или, может, соседку позвать, чтобы она мне и супу наварила? Ведь в самом деле, стыдно было признаться, а пришлось. Сейчас встретил Мару и рассказал ей всю правду, что я с рождества почти ничего горячего не ел. А она, добрая душа, сразу предложила прийти нажарить пирожков. Ах, как мне хочется горячих пирожков с повидлом!

Ж е н а *(обиженно)*. Значит, вы позвали тетку Мару? Мне вы не говорили, что хотите пирожков, а перед теткой Марой вам захотелось! Теперь разговоров не оберешься. А вот видите, отец, я тоже думала об этом и приготовила немного муки. Я же знаю, что нужно на Новый год.

О т е ц. Ну конечно! Что касается еды, тут ты шустрая. А как придет страда — начинаешь стонать, кидаешься за лекарствами и к докторам, а хозяин — нанимай, нанимай. Вот я недавно подсчитал, сколько потратил в этом году на работников. Они съедают весь доход. Если на будущий год не будет лучше, пожалуй, продам все и буду жить на наличные. Как господин. Мне

уже пятьдесят, могу и отдохнуть. А Мартин пусть и дальше с тобой цацкается. Вот так, вот так. До весны еще продержусь, а там — пусть другие пашут мою землю. Зачем мне мучиться из-за чужого? И для кого, для кого?..

Ж е н а. Нет у нас никого… Все в воле божией. Разве мы виноваты?..

О т е ц. Нечего тогда было к докторам бегать, лекарства и больницы оплачивать. Доктора только деньги тянут, а помощи от них никакой. Только еще хуже — сама видишь.

Ж е н а. Я говорила Мартину: «Оставим все как есть и отдадимся воле божьей». Но он всем готов был ради меня пожертвовать. Лучше б мне было умереть, когда наш ребеночек скончался… *(Превозмогает сильное душевное волнение.)* Мартин бы женился, и вы были бы довольны. Может, и потомка бы дождались… *(Плачет.)*

О т е ц. Вот как? Я был бы доволен? Мне одному, выходит, было бы хорошо? Да неужели Мартину тоже не хочется иметь наследника? *(С грустью.)* Его единственного оставил мне господь, все остальные меня уже покинули: родители, два брата, сестры, жена, четверо детей — он у меня единственный… Ради него я мучился, копил, берег, а теперь — теперь вижу: все попадет в чужие

руки… Чужие будут пользоваться нажитым моими мозолями. Мы же помрем, будто нас никогда и не было… А кто виноват?.. Кто нам мешает?

Ж е н а *(в отчаянии)*. Я знаю, вы это про меня. Да, я наказана… Никогда мне больше не узнать радости материнства! Так сказали врачи, спасая мне жизнь. Ах, зачем они спасли меня! Но я ведь не виновата. Что я могу?! *(Кощунственным тоном.)* Не свяжи нас закон…

О т е ц. Ах, подумайте, она говорит о разводе! Ишь ты! Ну и что, в конце концов? Закон? Закон связал — закон и развяжет. Понимаешь? Ты нам не подходишь — вот тебе и весь сказ! Этого могло и не случиться. Я был против того, чтобы Мартин тебя взял. И ты знаешь, почему я был против.

Ж е н а. Мы любили друг друга, и Мартин не отступил от своей любви!

О т е ц. Ах вот как! Любовь! Может, ты по любви пошла за моего сына? По любви — ты, презренная всеми. Да ты была рада, что нашелся дурак, который дал тебе теплый приют. А то — по любви!.. Хорошо же мы за это поплатились!

Ж е н а. Да, по любви, которой вы не понимаете и не можете понять. Потому что вы скаредничаете весь свой век, жалеете даже кусок хлеба, который кладете себе в рот, и думаете, все такие.

О, не думайте, что и я такая! Я пришла сюда не ради вашего богатства! Бабушка меня тоже предостерегала, но я пришла сюда не ради теплого угла, а потому, что мы любим друг друга. И даже если вы разобьете эту любовь на мелкие кусочки, я и тогда возьму себе самый маленький из них — и отступлю перед вами.

О т е ц. Не учи меня! Я знаю, что мне делать.

Ж е н а. Выгнать меня — о, это вы можете. Знаю. Я мешаю вам. Вашему счастью. Найдите себе такую, которая придется вам по нраву. Но разве я виновата, что господь меня так наказал? О, зачем только доктора спасли мне тогда жизнь! Разве это жизнь? Разве это блаженство? Три года вы смотрите на меня волком, бросаете мне в глаза обвинения, что у меня нет детей, мучаете меня, подозреваете… Но не беспокойтесь: если вам угодно, я уйду из вашего дома, так будет лучше всего…

О т е ц. Да куда ты, нищая, пойдешь? Куда ты можешь пойти? *(Язвительно.)* Э, моя дорогая, за четыре года ты привыкла к довольству и богатству, трудненько будет отвыкать от этого да снова к нищете возвращаться!..

Ж е н а *(с надеждой)*. Свет не без добрых людей.

О т е ц. Неужто? Тех добрых людей, которые

тебя совратили. Может, Янко, кузнец, пан мастер, не забыл еще свою милую, а? Что-то он начинает сюда захаживать. Да, ему легко найти предлог, Мартин вечно что-то придумывает.

Жена хочет уйти, но сталкивается с М а р т и н о м; плача, бросается ему на грудь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, М а р т и н.

О т е ц. Пришел наконец? Видишь, как тебя тут встречают!

М а р т и н. Почему Катка плачет?

О т е ц. Прощается с нами. Хочет нас бросить. Сыта, мол, по горло, богатством. Уходит от нас. Говорит, найдутся, мол, добрые люди…

М а р т и н. Может, я в чем виноват? Или… так, все ясно. Отец, вам доставляет удовольствие без конца бередить старые раны.

О т е ц. Да, потому что у меня без конца сердце кровью обливается, сын мой. Ты не подумал, что, если здесь ничего не изменится, все наше состояние перейдет в чужие руки, что сгинет наше имя, если ты не опомнишься? Понимаешь? В конце концов, на все есть законы, и деньги у нас есть. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е, без отца.

Ж е н а *(преданно, с любовью).* Мартинко, милый, я всему виной. Отец меня выгоняет. А ты должен взять себе другую. Я знаю, что он замышляет. С тех пор как умер наш ребеночек и я пережила эти страшные минуты в больнице, он непрестанно твердит одно: «Ты не для нас, ты нам не нужна…»

М а р т и н *(вскрикивает).* Нет, нет, Катушка! Не верь ему. *(Спокойнее.)* Какое он имеет право так говорить? Пусть отвечает за себя, а не за меня. Ах, моя милая, разве ты заметила когда-нибудь, что ты не нужна мне, что ты не для меня? Я любил тебя с детства, даже тогда, когда ты согрешила, когда все отвернулись от тебя, все оттолкнули. Я любил тебя, когда ты стала моей женой и пришла в этот дом, люблю тебя и сейчас… *(Целует ее.)* Ты не виновата, что так случилось, ты не мешаешь моему счастью. Нет, ты и есть мое счастье. Я благодарю бога, что ты осталась жива, моя милая. Не бойся, никто нас не разлучит — только бог, один только бог…

Ж е н а. Но отец будет настаивать на разводе,

вот увидишь. Ты слышал, что он сейчас сказал: «На все есть законы». А когда ты был у кузнеца, он меня тоже выгонял, а я напомнила, что нас перед алтарем закон связал, а он сказал: «Закон связал — закон и развяжет».

М а р т и н. Не бойся, нас закон не разлучит.

Ж е н а. Но отец не уймется. В конце концов, зачем ему закон? У него есть другой способ. Он меня подозревает, мучает…

М а р т и н *(быстро взглянув на жену)*. Подозревать без оснований! По какому праву! И что он говорил?

Ж е н а *(сдержанно)*. Уж и кузнеца мне припомнил. Мартинко, поверь мне, я его ненавижу…

М а р т и н. Не бойся, я тебя понимаю. Я только говорю: что было, то прошло. Ах, да что там, Янко сейчас тихий и добрый мастер. Ему и в голову не придет…

Ж е н а. Вот видишь, а отец меня из-за него все время терзает. А мне больно… *(Плачет.)* И потом, скоро я никому здесь не буду нужна. Он только что сказал, что позвал тетку Мару…

М а р т и н. Как? Что ему от нее надо?

Ж е н а. Позвал, чтобы она, мол, нажарила ему пирожков. Зачем тогда я здесь нужна?

М а р т и н *(нервно)*. В самом деле? Что отец,

спятил? И именно Мару!

Ж е н а. Да, сегодня тетка Мара придет пирожков нажарить. Завтра, возможно, придет другая… Мартинко, а я уже не нужна, меня он выгонит…

М а р т и н *(в раздумье)*. Если он тебя выгонит — не бойся, ты уйдешь не одна!

Ж е н а *(с любовью)*. Мартинко!

М а р т и н. Да, не бойся, мы уйдем вместе. Мне много не надо. Дом я оставлю ему и все, что в нем, — тоже, пусть пользуется. Даст мне двадцать мерок земли, и будем мы потихоньку жить, верно, Катушка?

Ж е н а. Ох, боже мой, боюсь я этого, я тебя не уговариваю, сохрани бог! Отец тогда еще больше на меня злиться будет. Решит, что это я тебя надоумила.

М а р т и н. Ну, ну, не бойся, я его только попугаю. Он сразу присмиреет, как только я скажу об этом. Представь только, я скажу, что мы хотим отделиться. Что он будет делать один-одинешенек? Ведь и тогда, когда я брал тебя в жены, а он не хотел, я пригрозил, что отделюсь, и он оставил меня в покое. Увидишь, он отступит. Только скажи мне, когда он будет обижать тебя, я сразу отвечу — попугаю его.

Ж е н а. Эх, Мартинко, а если он разозлится и не

даст тебе ничего? Если лишит тебя наследства?

М а р т и н. Да что ты! Стоит мне уйти из дома — он тут же позовет меня. Ведь он один. Без меня он ничего не может.

Ж е н а. Сейчас-то один. А ну, наскучит ему одиночество и он надумает жениться? И оставить тебя без наследства?

М а р т и н *(вздрагивает и проводит рукой по лицу; задумывается)*. Неужели это возможно? *(Короткая пауза; садится к печи; внезапно.)* А, да что там! Ведь до сих пор не женился! Иди сюда, Катушка. *(Привлекает ее к себе и целует.)* В конце концов, тебя у меня никто не отнимет. Ну а земля, что ж — отец есть отец, не бойся.

Обнимаются и целуются.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е, о т е ц.

Входит запыхавшийся о т е ц; через минуту замечает парочку и долго смотрит на нее.

О т е ц. Так, значит. На старости лет снова пришел мой черед убирать снег…

Мартин с женой встают.

Дюро шатается по деревне. Наверняка ищет нового хозяина. А вы тут у печи милуетесь, будто вчера поженились…

М а р т и н *(шутливо)*. Ну и что из того, отец, что вам пришлось поработать? Вы же богатырь! Зато хорошо разогрелись, кости поразмяли! *(Смеется.)* Ничего! Вас разогрел снег, а нас, молодых, — любовь. *(Смеется.)* А это — матушка! *(Показывает на печь.)*

Ж е н а *(успокоенная веселым разговором, тоже улыбается; она красива)*. А если ночью снова выпадет снег, его уберем мы, правда, Мартинко?

М а р т и н. Уберем, уберем. *(Целует ее.)* А в Новый год поедем кататься на санях — уй-юй-юй! *(Разговаривает с женой.)*

Отец не спускает с молодых глаз, потом подсаживается к столу.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е, Д ю р о.

Входит Д ю р о; по нему заметно, что он испробовал не один сорт вина.

Д ю р о. О, добрый вечер, пан староста, или как там…

О т е ц *(встает; не расслышав, что ему сказали «пан староста»)*. Ну, нашел себе нового хозяина?

Д ю р о. Господин мой и хозяин мой добрый, я — нет, я — ни за что на свете. Да разве я могу вас бросить!

О т е ц. Ты мне грозил, что не останешься.

Д ю р о. Я? Ни вас, ни ваш дом я не оставлю. Люди уже знают и мне сказали. И папаша Венерский уже знает.

О т е ц. О чем это?

Д ю р о. Народ требует, понимаете, хозяин… Вы, и только вы, будете нашим паном старостой. Народ требует — и все тут. И теперь дело только за пани. Ха-ха! Ну, я пошел, лошади есть хотят. *(Уходя, сталкивается с Марой; здоровается с ней и выходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е, без Дюры; М а р а.

М а р а *(входя)*. Вы дома? Слуга весел, стало быть, и хозяева тоже.

Здороваются.

Добрый день, дай-то бог, дай-то бог! Здоровы? Ну и старательные же люди у вас в доме, коли

уже успели снег с дорожек смести!

М а р т и н. А как вы думаете, кто это сделал? Отец, право слово, он расчистил. Верно, он парень еще хоть куда!

М а р а. Неужели? Ну, на дворе — может быть, а на улице… Это был бы позор для молодой хозяйки.

М а р т и н. Для нее? Так же как и для меня. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ж е н а, о т е ц. М а р а.

М а р а. Ой, Палё мой, я знаю, ты парень еще хоть куда. Разве кто скажет, что тебе за пятьдесят. Ну, глянь-ка, мы с тобой вместе в школу ходили, ты в моих годах, а куда мне до тебя! Я уже старая бабка, а на тебя еще молодые вдовы засматриваются. Правда!

О т е ц. Глупости! Ну, Ката, готовь тетке тесто для пирожков. Хоть это… Что? Не желаешь?

Ж е н а. Ах, я как раз об этом думала. Мука готова, только вот месить мне тяжело. Поясница после болит.

О т е ц *(Маре)*. Ну, слышала?

М а р а *(внешне без злости)*. Ну, ничего. Ведь до

ночи еще далеко, день все длиннее становится. Знаешь, Палё, я б раньше пришла, да по дороге сюда встретилась с Эржой, ну и заглянула к ней на минутку. Ах, знаешь, не потому, что мы с ней двоюродные сестры, но у нее такой порядок и чистота — все как положено, на своем месте. Вот бы ты посмотрел да подивился! Нигде в доме ни соринки, юбка в складку, как с картинки, все блестит, как зеркало! И никогда она не жалуется, что у нее болит что-нибудь, — ну чисто машина. А у нее с детьми забот хватает. Янко, правда, уже взрослый, но эти два маленьких сорванца… Но никто из них не кричит, не мешает, все как надобно: дети чистые, умытые, красивые, одно удовольствие. Ах, говорю я тебе, завидная хозяйка, завидная…

Ж е н а *(во время рассказа Мары постепенно раздражается)*. Если она здоровая, сильная — чего уж тут. *(Непроизвольно.)* А что я могу? Да мне и месить-то тяжело. *(Уходит.)*

Короткая пауза; отец задумывается.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

О т е ц, М а р а.

М а р а *(доверительно)*. И знаешь, что она мне

сегодня сказала? *(Сладким голосом.)* Тебя вспоминала!

О т е ц *(в раздумье)*. Кто тебе сказал?

М а р а. Моя Эржа. Знаешь, что она сказала?

О т е ц *(выпрямляется)*. Меня вспоминала?

М а р а. Чудно и сказать-то…

О т е ц. Как?

М а р а. Да нет, ничего плохого. Удивлялась, почему ты не женишься…

О т е ц *(не понял)*. Я?

М а р а. Да.

О т е ц *(опомнившись)*. Мне — жениться? *(Смеется.)* После пятилетнего вдовства? Это она сказала?

М а р а. Да, да, видишь, как она о тебе беспокоится! Послушай, Палё мой, ты подумал о том, что в твоем доме нет наследника? Что твой род сгинет?

О т е ц *(вглядывается в Мару)*. Мара, милая, три года уже я ни о чем другом не думаю. Три года мучаюсь, ничто меня не радует — погибаю. Вот, мне предлагают быть старостой, земли прибывает — да некому будет ее обрабатывать. Вот, вокруг меня бедняки, батраки, поденщики, нищие, у них нет ни пяди земли, но у них есть надежда, есть наследники, есть сыновья, похожие на львов,

они благословенны… Да, благословенны, а у нас благословения нет! Поля без работников, а через какое-то время — и без хозяев. Придут чужие — и все разорят… Сейчас все занесено снегом. В долинах сугробы, земля спит. Но все это временно, все изменится. Появится теплое солнышко, повеют весенние ветры и сметут все преграды, земля воскреснет, раскроет свои богатства, и на нее снизойдет благословение. А у нас залегли сугробы потяжелее, у нас благословения не будет… Я вижу все это и плачу над этим, а Мартин не видит. Мартин молчит, ничего не хочет, его жена нежит себя, время летит, а надежды все меньше и меньше… Она бесплодна!

М а р а. А ты только сейчас узнал об этом? Ты знал, какая она была. Все они такие.

О т е ц *(с болью)*. Это случилось как раз тогда, когда умерла моя Юдка. От горя я смягчился, и они меня обманули — любили друг друга, наверное. Мартин и сейчас ее любит. Они все время вместе, все ласкаются, все милуются. Вон, и сейчас она пошла за ним. О тесте уж и не думает. Посмотри на них, вон они во дворе, разговаривают о чем-то.

М а р а. Стоят в снегу, вместо того чтобы расчистить его. Им это не помеха, если они любят друг друга! Видишь, Палё, ну а ты сам-то думал о том,

как помочь своему горю?

О т е ц. Да, думал, и все время думаю. *(Смотрит в окно.)* Я хочу их развести. Развод, понимаешь… Это возможно. А потом мы ее выгоним.

М а р а. Ради бога, только не это! Выгонишь ее — уйдет и сын. Ты и его потеряешь. А потом, когда они растащат твое имущество, они поделят поля, разделят добро. Да и потом — плакать будешь, когда останешься один, покинутый, брошенный. Палё мой, один ты останешься!

О т е ц *(механически)*. Один останусь…

М а р а. Не останешься, если меня послушаешь. Найди себе опору. Женись…

О т е ц *(после внутренней борьбы)*. Жениться, но…

М а р а. Да ты не бойся. Нужно только захотеть. Решиться.

О т е ц. Ну а потом что? Женись — а потом?

М а р а. А потом… Чудной ты…

О т е ц. Разве я себе тем самым помогу, скажи?

М а р а. Ах, не будь таким! *(С чувством.)* Ты еще крепкий мужчина, Палё, пойми. *(Набожно.)* А потом — все в руках божьих…

О т е ц. А кого ты имеешь в виду?

Пауза.

М а р а. Ох, не мне же тебе предлагать! Боже сохрани! Сам выбирай. Откуда мне знать, кто тебе нравится…

О т е ц. Кто мне нравится? Что я, жених, что ли, чтобы выбирать? Да ведь я, матерь божья, об этом и не думал! Значит, кто мне нравится…

М а р а. Ну да. Я знаю только, кому ты нравишься.

О т е ц. Ах, оставь меня в покое! *(Пауза.)* И кто же это такая *(как бы шутя)*, кому я нравлюсь?

М а р а. Будто ты не знаешь! Нынче в воскресенье тебя видели в костеле. Ты был хорошо одет, усы закручены, красный весь — и волосы у тебя, смотри-ка, только-только белеть начинают… а когда пан священник читал евангелие, ты поднялся так легко, словно парень какой молодой. И она все заприметила, а когда ты искал псалом в книжке, ты пару раз взглянул на нее…

О т е ц. О бабы, даже в храме божьем вы не уйметесь! *(Размышляет.)* Говоришь, нынче в воскресенье? Да, я помню, как это было. Но я в самом деле не знаю, кто это — в воскресенье, в воскресенье… *(Вспоминает.)* Ты имеешь в виду Эржу, твою двоюродную сестру? Действительно, я видел ее. *(Оживает, начинает закручивать усы.)*

Мара согласно кивает.

Эржа Барнакова? Ну, я ее знаю… *(Постепенно впадает в состояние приятного волнения.)* Стало быть, Эржа!

М а р а. Э, видишь, как ты угадал! *(Подходит к нему.)* Эржа любит тебя. Эржа многим вдовцам отказала. Ради тебя, Палё мой, понимаешь?..

О т е ц *(приходит в себя)*. Ах, да что там! Все меня на смех поднимут. Сейчас, когда прошло столько времени!

М а р а. Да что ты! Ну, не было подходящего случая. Ты тосковал по своей покойной жене, не хотел. Все тебе были не по душе, не нравились. А сейчас! Что сказать Эрже? Палё, что ей передать?

О т е ц *(не отвечает)*. Эржа Барнакова — сколько же ей может быть? Тридцать пять — не больше. Сыну ее восемнадцать, — да, правда, молодая она замуж вышла, а потом еще двое детей, двое парней. Я знаю их, хорошие ребята, живые дети. Так, а сколько же за ней числится — восемь или девять мерок земли, хорошей земли, я знаю, добрая земля… Но ты думаешь, мне нужна земля, чужая земля? Мне своей хватает! *(Короткая пауза.)* Эржа… Эржа… *(Изображает.)* Эржа моя, жена моя — так? *(В душе его рождаются прекрасные и пленительные образы. Как это будет прекрасно, когда в дом придет новая хозяйка,*

когда рядом с ним будет жена, красивая женщина! Она принесет ему потомство — родит ему сыновей! Работники, собственные работники! И ему будет о ком беспокоиться, кому оставить добро, кого одарить. И, наконец, может быть, может быть, придет и благословение, которого не было у сына… Хлопнув в ладоши, разгоряченный и счастливый, хватает Мару за плечи.) Скажи Барнаковой, что я приду сегодня вечером к ней. *(Смеется.)* Приду просить ее, понимаешь! Иди и подготовь ее, я приду. А почему бы и нет? А после крещения приведу ее сюда. Придет новая хозяйка, в доме появится сильная рука. Жена принесет мне потомство, принесет живые души, работников! И я полюблю их, как своих собственных, а потом, кто знает, кто знает — все в руках божьих…

Мара слушает все это с восторгом, у нее нет слов, глаза ее горят от радости за успех дела; она только блаженно поддакивает.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Т е ж е, ж е н а.

Ж е н а входит, явно уставшая, и засматривается на отца, пребывающего в состоянии

блаженства.

Ж е н а. Я замесила тесто для пирожков.

О т е ц *(сначала рассеянно, потом гордо)*. Благодарю покорно. Сегодня я буду есть пирожки в другом месте. В другом. В конце концов, Мара, чего нам медлить? Можно уже идти. Да, пошли вместе.

Ж е н а *(пораженная услышанной новостью)*. А тетка Мара не будет пирожки жарить? Может, завтра? Или мне самой сделать?

О т е ц. Нет. *(Одевается, чтобы уйти.)*

Ж е н а. А ужинать?

О т е ц. Какой ужин? Ты уже и так налакомилась, а Мартин — почем я знаю, что скажет, то и сделай ему.

Ж е н а *(сдержанно)*. А Мартин знает, что вы уходите?

О т е ц. А ему что до этого? Знает ли Мартин! *(Резко.)* Не знает.

Ж е н а *(спокойно)*. Я позову Мартина.

О т е ц *(вскрикивает)*. Что? Ты — мне грозить?

Мара в беспокойстве делает отцу знак, что пора идти.

(Сурово.) А что она грозит мне?

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е, М а р т и н.

М а р т и н *(входит, ничего не подозревая)*. Янко сани починил. Завтра пойду за ними. *(Удивляется, что вокруг тихо.)* Ну, что? Как там пирожки? *(Жене.)* Катка, в чем дело…

Ж е н а *(грустно)*. Отец не хочет.

М а р т и н. Как? *(Маре.)* А вы что, уходите?

М а р а *(улыбается.)* Уходим. *(Подходит к дверям и со скрипом открывает их. Чуть помедлив, уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Т е ж е, без Мары.

Ж е н а *(Мартину)*. Оба куда-то идут и не хотят сказать куда.

М а р т и н. Отец…

О т е ц *(резко, жене)*. А что я должен тебе сказать? Что тебе за забота, куда я иду? У тебя, что ли, я должен спрашиваться?! Куда иду? По делам. Вам-то что до этого!

М а р т и н. Я вроде ваш сын и потому могу знать, что вы задумали. *(Обиженно.)* Пока я был

ребенком, я вас не спрашивал. *(Как бы в шутку.)* И когда вы женились, я не мог вам советовать, а теперь — теперь мы равны.

О т е ц. Ого, ну нет! Нет, мы и теперь не равны. Потому что ты только разрушаешь то, что я для тебя создал. Ты никогда ни о чем не заботился. Но, в конце концов, верно, ты можешь знать, что я задумал… Но что вы так беспокоитесь и чего она вмешивается?

М а р т и н *(разгорячившись).* Она моя жена — жена, понимаете? Законная жена, она может, она имеет право, она тоже должна знать обо всем, что делается в доме. Отец, отец, не начинайте старую песню…

О т е ц. У нее нет никакого права, ясно? С чем она пришла — нищая… Пусть идет распоряжаться куда хочет, и с тобой вместе, но здесь, в моем доме, — нет *(кричит)*, в моем доме — нет!

М а р т и н *(резко).* Отец, не оскорбляйте! Она вам не служанка и не телка, которую вы можете обидеть. Я уже достаточно наслушался, но все терпел! А раз вы так хотите — хорошо. *(Многозначительно.)* Если уйдет она, уйду и я. Вы нас не разлучите, мы вам уступим… *(Дрожит от волнения. Через минуту, решительно.)* Я уведу ее отсюда, избавлю от этих мук, и мы будем счаст-

ливы. Да, счастливы, потому что никто нас не будет оскорблять, никто не будет на нас кричать. Да, отец. *(Спокойнее и без злобы.)* Отец, отделите нас, я от вас ухожу. Она вам не по душе, вы ее гоните — пусть так, я иду с ней, потому что я люблю ее. *(Нежно, жене.)* Пойдем, Катушка, да поможет нам бог…

О т е ц *(слушал слова сына без душевного волнения; спокойно)*. Стало быть, ты этого хочешь?! Наконец-то ты послушался жены! Ведь я давно об этом знаю. Хочешь оставить отцовский дом из-за этой… Хорошо — можешь.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Т е ж е, М а р а.

М а р а, обеспокоенная тем, что отец так долго не идет, возвращается.

М а р а *(сдержанно)*. Ну, что? Пойдем или нет? Молодые вдовы рано двери запирают.

О т е ц. Иду.

М а р т и н *(Маре)*. Что вы сказали? *(Не понимает.)*

М а р а *(насмешливо и гордо)*. Пусть тебе отец расскажет. Смотрите какой…

М а р т и н. Куда вы идете с отцом? Неужели…

Долгая пауза.

О т е ц *(собираясь уходить).* К Барнакам.

Ж е н а *(Мартину, вскрикивает).* Отец женится!..

М а р а. Да.

М а р т и н *(еще не понимает).* Но… как… отец?..

О т е ц *(легко).* А что мне делать? Ты меня покидаешь… *(Уходит с Марой.)*

М а р т и н *(стоит ошеломленный и даже не замечает, что жена ласкается к нему).* Значит, отец женится…

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В той же самой комнате два дня спустя; около двух часов дня.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О т е ц, Д ю р о.

О т е ц *(слуге)*. Не виляй, я хочу знать, как мне быть.

Д ю р о. Топольский дает мне на двадцать золотых больше.

О т е ц. А какое мне дело до Топольского. Если дает, иди… *(Как бы желая сказать: найду себе другого. Помолчав.)* Ну, так что? Останешься у меня за старую цену или нет?

Дюро колеблется.

Глядите-ка на него! *(Размышляет.)* В конце концов, раз уж так, дам и я тебе эти двадцать золотых. Возможно, будет больше работы, но тогда держись!

Д ю р о. Я ж говорил: не брошу своего хозяина. Так я остаюсь — пусть будет ровно сто пятьдесят.

О т е ц. Ого, ну уж нет! Ты получал сто двадцать пять, отныне будешь получать сто сорок пять золотых, и ни на крейцер больше. Вам лишь бы содрать с человека. И так — всюду плати! Кузнецу заплатил за мелкие починки почти двадцать семь золотых. Да еще он мне подсунул какую-то газету — два золотых. А на что мне газета? Мало того, Мартин сани отдал в ремонт. Зачем? На каких-то два-три дня? И потом, налог еще не выплачен. А тут мне опять предстоят расходы. Ах…

Д ю р о. Если б вы только знали, какой нынче спрос на слуг. Такие шалопаи, только-только из школы вышли, а уже по восемьдесят и девяносто золотых получают. Немцы хорошо платят. И я бы не пошел в другую деревню служить, но все-таки сто сорок пять…

О т е ц. Что, мало тебе? Видали какой…

Д ю р о. Ах, знаете, такое неровное число — сто сорок пять… Пойти, что ли, в Карловац{64}! А давайте так, хозяин: если исполнится то, что я сегодня слышал, вы мне дадите ровно сто пятьдесят, дадите, чтобы я не жалел, что остался здесь.

О т е ц *(сердится)*. Еще чего! Если тебе мало… *(Останавливается.)* А что ты слышал?

{64} Комментарии: 2.64
Карловац — город в Хорватии.

Д ю р о. Да вы уже знаете. Вся деревня знает, и в кузнице у Янки люди говорили.

О т е ц *(очень хорошо знает, о чем идет речь)*. Говорили? Ты слышал? А что говорили?

Д ю р о. А как же, да вот позавчера, перед Новым годом, я ходил смотреть, готовы ли сани. В кузнице было полно народу, были там и папаша Слама, и старый Венерский, оба Сладковцев, папаша Галяма и почти все из управы. Все двенадцать — за. Хотят вас, и только вас.

О т е ц *(скрывая радость)*. Мне что-то говорили, но было еще неизвестно кого. Только согласие было. А что Янко?

Д ю р о. Ой-ой, как он им все разъяснял, как поучал! И из книги им какой-то читал, что они могут выиграть, если будут держаться все вместе. Как одна стена, говорит, они должны стоять. Он написал об этом в газету, и все подписались…

О т е ц *(взволнованно)*. Янко написал? Видишь, а я об этом не знал. А разве Янко умеет?

Д ю р о. Ах, увидите, когда это появится в газете. Сегодня уже должна прийти.

О т е ц. Ну хорошо, хорошо! Но что я хотел сказать… Дюрко, ты просмотри там эти плуги под навесом, может, надо что еще отремонтировать, так занеси Янке. Лучше раньше, чем потом, когда

они уже понадобятся. И сеялку пусть он посмотрит, я знаю, он хороший мастер. *(Вспоминает о деле.)* Посмотрим, как получится. В конце концов, можно будет потом округлить тебе ровно до ста пятидесяти, только держись, хозяина слушай... Постой, кто-то в сенях, по-моему.

Прислушиваются.

Д ю р о *(открывает дверь и смотрит).* Тетка Мара пришла. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О т е ц, М а р а.

М а р а *(входит, оглядываясь).* Ты один, Палё?

Здороваются.

О т е ц *(с любопытством).* Ну, как?

М а р а. Дай сесть. Так скользко на улице, едва дошла. И холодно. *(Доверительно и тихо.)* Эх, Палё мой, ты же знаешь, такие дела быстро не делаются. Девка есть девка, но все-таки она подумать должна. Ты видел, она нас хорошо приняла в тот вечер и дала согласие. Я знала. Только с венчанием ей не к спеху. Нет, правда, женщина должна все в порядок привести. Там ведь дом,

полон дом, Яна она хочет женить, в люди вывести, и потом…

О т е ц *(нетерпеливо)*. Все устроим, только пусть уж…

М а р а *(продолжает)*. Ну и потом, знаешь, там у нее все свое, надежное, и ей бы не хотелось все свое оставить, а с чем-то неопределенным связать себя.

О т е ц. Это как же так — с неопределенным? Ведь то, что мое, будет и ее. Здесь у нее будет все. Только пусть уж побыстрее со всем заканчивает. И так по деревне полно разговоров…

М а р а. Э, э, милый, как тебе вдруг загорелось! А пять лет и не думал об этом. *(Как бы в шутку.)* Ну, вот что. Подождем, пока тебя старостой выберут, — ах, подумай, вся деревня будет любоваться! Пан староста женится! И Эржа бы потом сразу согласилась обвенчаться. Как-никак «пани староста» — это тебе не что-нибудь…

О т е ц. Ну, можешь ее успокоить и сказать, что дела с выборами идут хорошо.

М а р а *(смущенно)*. Знаешь, о чем мы с ней говорили? Она хотела бы знать, каково ее положение.

О т е ц. Пусть ни о чем не беспокоится. К ее добру я даже и не прикоснусь, и, наконец, кто мне

мешает? И свое ей отпишу.

М а р а *(как ни в чем не бывало)*. Ну, вот и хорошо. Только знаешь, она опасается… понимаешь, из-за сына, ну, из-за Мартина твоего, не будет ли он чего…

О т е ц *(вспылив)*. Ему нечего говорить. Он хочет отделиться — хорошо, пусть будет так, он получит свою долю, а остальное я отпишу на нее, на Эржу. Будем с ней совладельцами.

М а р а. Вот это хорошо, я передам Эрже твои слова. *(Собирается уходить.)*

О т е ц. Уже уходишь?

М а р а. Ой, да я ведь только так заглянула. И эти могут прийти. Зачем им меня видеть? Еще подумают, будто я тебя на что-то толкаю. Ах, боже сохрани, лучше подальше от всех. *(Уходит.)*

О т е ц *(провожает ее за дверь)*. И передай от меня Эрже привет, большой привет передай…

Небольшая пауза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

О т е ц, М а р т и н.

М а р т и н *(входит молча; через минуту)*. Ну, что? Опять она тут была?

О т е ц *(уклончиво)*. Ты видел — она была здесь,

да. Проходила мимо нас, тяжело ей было идти по скользкой дороге, ну и зашла к нам немного отдохнуть.

М а р т и н. Да? Отдохнуть? Гм, хорошо! А язык у нее что надо работал…

О т е ц *(вдруг решительно)*. Да, была здесь, она хотела прийти, я ее позвал, если хочешь. И что дальше?

М а р т и н. Она была здесь, вы ее позвали, чтобы договориться? Так? Да, красотка Эржа Барнакова — дорогой товар…

О т е ц *(строго)*. Не говори так, она будет твоей мачехой. Ты знаешь…

М а р т и н. А мне что до этого! Мачеха! У малых детей появляется мачеха, когда отец-вдовец женится. А я уже взрослый человек. Дети привыкают к мачехе, забывают свою настоящую мать, которую, может, и не знали, и начинают любить мачеху. Дети, малые дети, говорю я вам, а я уже человек, я не привыкну, и уже не полюблю. Исполнится ваше желание. Будет у вас малышня в доме, будут вас звать: «Папа, папа», а вы их будете брать на колени, будете их баловать. А я буду смотреть, как они все больше и больше отнимают вас у меня. Вы дадите им все и позволите все. Мне вы все запрещали — а им все позволите, они

будут ваши сыновья. Вы разделите все с ними, а меня забудете. Знаю я это. А они еще будут на меня коситься — они, чужие, будут стараться меня вытеснить! Ах... *(Стискивает зубы и глубоко вздыхает.)* И все потому, что мы наказаны, что у нас нет детей — нет наследника... *(С жалостью.)* Ах, Катушка, Катушка... *(Помолчав, убеждает отца.)* Ну скажите, что вы замышляете? Если хотите жениться, если вам нужна помощь, забота, — пожалуйста, кто вам запрещает? Но почему вы не возьмете тогда какую-нибудь скромную, тихую вдову, которая была бы вам ровня? Люди будут смеяться, что вы выбрали себе именно эту франтиху — гордячку Барначку.

О т е ц *(надменно)*. Хватит! Не тебе меня учить, кого мне взять! Напрасно ты меня отговариваешь от нее! *(С иронией.)* Мда! Так случилось! Видишь ли — тут любовь!

М а р т и н *(грубо)*. Ха-ха, вы говорите о любви! Какая любовь! Да, вам-то вдовушка понравилась, но будьте уверены — она вас не любит... Отец, ну вы только подумайте! Эржа Барнакова хочет стать женой старосты. Вот в чем дело! Она хочет втереться в наш дом со своей премилой Марой, хочет вас — да, нас — обмануть, обокрасть, а меня выставить из дому и пустить по миру! И вы им

в этом помогаете. Эх, потом это будет уже дом не Брезовских, а Барнаковых, увидите! Вся ее семья угнездится здесь и будет пользоваться всем, пока можно. Ах, знаю я это. *(Пугается тяжелого предчувствия и вскрикивает.)* Отец, не собираетесь ли вы отписать ей и часть нашей земли — ответьте мне…

О т е ц. И что тогда? Или я не могу со своей землей делать что хочу? Кто ее нажил? Кто о ней заботился? Может быть, ты?

М а р т и н. Но, может быть, и я на нее имею право?

О т е ц. Ну хорошо, твое право за тобой, свою долю ты получишь чистой. Пока ты жив, можешь быть спокоен за Брезовскую землю. Только что это ты сразу так о будущем забеспокоился? До сих пор тебе все было трын-трава. Что это вдруг? И потом, для кого? У тебя нет наследника — чего тебе беспокоиться?

М а р т и н *(задумавшись, с трудом выдавливает каждое слово)*. Да, действительно, это так. Что мне беспокоиться?.. *(Неожиданно.)* Где Катка?

О т е ц. Пошла к бабке за пряжей. Так она мне сказала. А откуда мне знать, где она.

М а р т и н. Вы ее ругали?

О т е ц. Зачем мне ее ругать? Со вчерашнего дня

крутится как белка в колесе. Не остановить. Не знаю, с чего бы это.

М а р т и н. Ведь пора уже угомониться. *(Без надежды.)* Я хотел бы все привести в порядок. *(Постепенно раздражается.)* Я хочу знать, каково мое положение. Мне надо знать, с чего я могу начать…

О т е ц. Понимаю. Птенец оперился, тесно ему в родном гнезде. Теперь я тебе уже не нужен… Ну, и это может случиться. Ты просил, чтоб я отделил тебя, хочешь жене угодить, знаю. Хорошо, без суда поделимся. Сколько ты хочешь?

М а р т и н *(неожиданно)*. Теперь — нисколько. Э-э, нет! *(Раздраженно.)* Я останусь здесь. Останусь на страже. Я не двинусь из дома, из своего дома. Птенец оперился, но и здесь у него кое-что есть. *(Показывает на лоб.)* Отступить перед Эржой Барнаковой? С какой стати? Чтобы надо мной все смеялись? Я должен уйти, чтобы освободить место чужим?

О т е ц. Ну, раз так получилось с Катой. Я очень страдал из-за того, что у тебя нет детей. А видишь, пришел умный человек и посоветовал. Я бы сам, знаешь, никогда бы не надумал жениться. А так…

М а р т и н *(садится и обхватывает голову ру-*

ками). Ах, жена, жена… За что ты сделала меня таким несчастным! *(Убеждает отца.)* Поверьте, если б я не любил ее, я бы пошел на то, что вы мне советовали. Закон связал — закон и развяжет… *(Тупо.)* Развод… *(Борется с собой.)* Ах, не могу, не могу… Что она мне сделала плохого, в чем провинилась?.. Я люблю ее…

О т е ц *(равнодушно смотрит на страдания сына).* Я спокоен. Мне все равно. Не послушался меня тогда — а теперь я сам себе помог. Делай как знаешь. *(Одевается.)*

М а р т и н. Значит, отец, вы сами себе помогли! *(С отчаянием.)* А я, что мне делать? Вы довели меня до того, что я уже… Куда вы опять идете?

О т е ц. Не бойся. В управу. Хочу налог заплатить. Оставайся здесь, может, кто придет. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

М а р т и н, ж е н а.

М а р т и н. Идите.

Оставшись один, Мартин беспокойно ходит по комнате, пока наконец не останавливается перед маленькой фотографией в рамке между окнами на стене, на которой он сфотографирован с мо-

лодой женщиной. Они держатся за руки, как при венчании. Снимок уже изрядно поблек, однако до сих пор на нем не стерлась красота молодой, в то время восемнадцатилетней Катуши. Он долго с болью всматривается в фотографию, и дорогие воспоминания о его горячей любви к красивой женщине наполняют его сердце. Погрузившись в это, он не замечает, как в комнату входит его ж е н а. Он не замечает также, как у нее, грустной и подавленной, вдруг проясняется лицо, когда она видит его склонившимся над фотографией.

Ж е н а *(подходит к нему)*. Мартинко…

М а р т и н. Ты пришла? *(Вешает фотографию на место.)*

Ж е н а *(всматривается в фотографию)*. Смотри, как выцвела фотография…

М а р т и н. Да, верно. *(Без злобы.)* Да и ты уже не та красавица, как тогда.

Ж е н а *(испытующе, но с жалостью смотрит на мужа)*. Ах, Мартинко, тогда мы были счастливы…

М а р т и н *(не хочет об этом говорить)*. А что твоя бабка говорит? Она уже знает, да?

Ж е н а. Жалеет меня. Говорит, что та будет мной командовать. Что я не выдержу и недели. А я утешаю себя только тем, что мы уступим,

отделимся от них, Мартинко, и будем снова счастливы…

М а р т и н. Не отделимся мы.

Ж е н а *(еще не чувствует, на что Мартин намекает).* В самом деле? А что, может быть… Да нет, я не верю, чтобы отец ушел. *(С надеждой, что так может случиться.)* Правда, это невозможно? Потому что я слышала, что не Барначка уйдет из своего дома, а отец перейдет к ней *(с легкой усмешкой)* — войдет в семью, мол…

М а р т и н. Что, что ты говоришь? Или свет перевернулся? Чтобы землевладелец Брезовский пошел к ней? Вошел в семью, как батрак, как конюх какой-нибудь?

Ж е н а *(сбитая с толку).* Ну, я не знаю, но она клялась, и моя бабушка слышала, что она не оставит свое добро, свой дом даже и за десять наделов Брезовского, пока не женит сына. Потом, может быть. И отец, мол, согласился…

М а р т и н. Нет, нет. Ката, не верь им и нигде не рассказывай. *(Строго.)* Не смей! Отец останется здесь. И мы тоже останемся здесь. Это мой долг — сберечь землю Брезовских, я единственный… *(с болью)* я последний…

Ж е н а *(разочарованно).* Так мы не отделимся?

М а р т и н. Нет!

Ж е н а *(холодно)*. И снова на меня будут кричать, снова оскорблять, подозревать, а теперь и она, гордая Барначка?.. А я уж так обрадовалась… *(Еще раз с любовью.)* Мартинко…

М а р т и н *(с беспомощным жестом)*. Не мучай меня! Откуда мне знать, как все будет!

Ж е н а. И ты станешь смотреть на все это, станешь все это слушать?..

Мартин молчит. Жена плачет.

М а р т и н *(после паузы, не выдержав плача жены, успокаивает ее)*. Ну что ты плачешь? Кто тебя обидел? Вот видишь! Не вышло по-твоему — и сразу в слезы. Ну, перестань… К чему это? Катка, ты и так слаба, Катушка…

Ж е н а. Что я плачу? Так оно и есть. То, чего я боялась. Теперь я все знаю. *(В отчаянии.)* Ты меня не любишь, вот оно что!

М а р т и н. Ах, да прекрати! Не люблю — надо же! При чем тут любовь? Речь идет о том, что наше хозяйство…

Ж е н а. Хозяйство! О, боже мой, у тебя теперь хозяйство на уме. Еще недавно ты говорил: «Тебя у меня никто не может отнять». А сегодня — уже хозяйство.

М а р т и н. Чего ты хочешь? Чтобы я пошел с

тобой, просить милостыню, как нищий, как изгнанник? *(Не без злобы.)* Хочешь, наверное, чтобы мы с тобой сравнялись? Чтобы я искал милость на стороне? Чтобы батрачил у чужих, а сюда чтоб пришли Барнаковы и стали распоряжаться на нашей земле? Ты этого хочешь от меня? Я должен оставить хлеб, а там подбирать крошки? Зачем? Ты в самом деле глупа, если не понимаешь этого.

Ж е н а *(выпрямляется)*. Что я должна понять? Что я и для тебя уже обуза *(жалобно плачет)*, и для тебя, Мартинко мой... Я мешаю тебе, я виновата, что твое добро растащат другие, моя вина в том, что твой отец возьмет к себе чужих и будет им раздавать то, что принадлежит тебе! Ах, Мартинко, моя вина в том, что я люблю тебя верно, моя любовь тебе мешает... *(Плачет.)*

М а р т и н *(чувствует себя неловко, обеспокоен; неожиданно)*. Хватит! Или ты хочешь плачем заставить меня по твоей воле покинуть дом? Из-за любви... Гм, легко сказать...

Ж е н а *(вскрикивает)*. Мартин, Мартин, что я тебе сделала, что ты так разговариваешь со мной?! И ты меня уже подозреваешь? Ты мне не веришь?

М а р т и н *(грубо)*. Не кричи! Раскричалась! *(Медленно уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ж е н а, Д ю р о.

Жена остается одна, стоит неподвижно и в остолбенении смотрит в ту сторону, куда ушел Мартин, словно не веря в то, что произошло. Затем вдруг слегка поворачивается, как бы от головокружения, падает на лавку у стола и горько плачет, несчастная, обманутая. Через минуту входит Д ю р о.

Д ю р о. Ну что, опять вы заболели? А вам велено передать, чтобы вы приготовили хороший ужин. А мне сказали, чтобы я пришел за ним, когда он будет готов, — ведь это близко.

Ж е н а *(с трудом приходя в себя)*. Это ты, Дюрко?

Д ю р о. Да что с вами, что вы такая?

Ж е н а. Больна я. А куда пошел Мартин?

Д ю р о. К Балажам, там обычно сходятся женатые. А знаете… *(в смущении)* молодой хозяин Мартин обещал поговорить с Маркой…

Ж е н а *(невольно улыбается)*. Я знаю уже, что тебе приглянулась Марка Балажова.

Д ю р о. Да, и он сказал мне, чтобы я пришел туда, когда будет готов ужин.

Ж е н а. Это ты потому такой веселый, что увидишь Марку?

Д ю р о. Эх, и еще кое-что есть. Вышла газета, в которую мастер Янко написал, — вот, здесь она. Ну, хозяйка, взгляните. *(Вытаскивает из кармана газету.)* Читайте!

Ж е н а *(берет газету, без интереса просматривает и начинает читать)*. «На сейме до-го-вори-лись…»

Д ю р о. Не там, обождите… *(Ищет в газете.)*

Ж е н а *(читает в другом месте)*. «Выпало много снега — железная дорога…»

Д ю р о. Опять не то. *(Ищет.)* Здесь, видите, вот это читайте!

Ж е н а *(читает)*. «Наши крестьяне объединились, чтобы выбрать старостой своего человека…»

Д ю р о *(гордо)*. Видите — это наш хозяин!

Ж е н а *(продолжает)*. «Они изберут человека, который не боится господских подвохов…»

Д ю р о *(восхищенно)*. Эх, как хорошо написано!

Ж е н а. А кто это написал? Янко?

Д ю р о *(берет газету)*. Да, пан мастер. В самом деле, хорошо он пишет. Посмотрите, вот здесь: «Держитесь, словаки, дружно…» Эх, и умеет же он писать… *(Смотрит на входящего Янко.)* А-а, вы

здесь, а мы как раз читаем, что вы написали.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е, Я н к о.

Я н к о *(здоровается)*. Добрый день!

Ж е н а *(сухо)*. Добрый день, пан мастер! Мартин только что ушел — он вам не повстречался?

Я н к о *(удивленно)*. Так его нет дома? Каков! А мне сказал, что будет после обеда дома. *(Шутливо.)* Надеюсь, вы не поссорились? *(Только сейчас, взглянув Катке в глаза, останавливается.)*

Ж е н а *(избегая его взгляда)*. Ушел… откуда мне знать. Вот Дюро знает. Сватать к Балажам, да, Дюрко?

Д ю р о *(сконфуженно)*. Но, хозяйка… *(Хочет перевести разговор на другую тему.)* Эх, пан мастер, хорошо же вы написали в этой газете!

Я н к о. Правда? А люди читают?

Д ю р о. Читают, когда им даст кто-нибудь.

Я н к о. Вот, в этом все наши люди. На газету не раскошелятся. Ну, хорошо, Дюрко, вот тебе несколько газет, раздай их. Кто захочет, тому и дай.

Д ю р о. А в каждой есть, что вы написали? Ну, большое спасибо, вот спасибо. Я раздам их, раз-

дам, пусть люди читают. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ж е н а, Я н к о.

Ж е н а *(стоит у окна; наконец нарушает затянувшееся молчание)*. Пойдешь за Мартином?

Я н к о. Нет. А хозяин Брезовский пошел в управу, там повеселится. Куй железо, пока горячо. Это я знаю. И потом, старосту не каждый год выбирают!

Жена вопросительно смотрит на него.

Ты удивлена, что я пришел? И что не ухожу? В кузнице никого, все с утра на рынке, смотрят, как хозяева слуг выбирают. Я думал, что и Мартин пойдет со мной.

Ж е н а. А теперь не пойдешь?

Я н к о. Нет. Охота мне стоять там на холоде и в снегу. Лучше я здесь погреюсь и подожду его. *(Садится.)* Ведь у Балажей ему нечего делать — или...

Ж е н а *(задумывается)*. Иди и ты туда.

Я н к о. А что мне там делать? Смотреть на эту шальную Мару? Пора ей под венец уже. Останусь здесь. Здесь хорошо, тепло. *(Заводит разговор.)* У

вас, я слышал, свадьба будет. Подумай, Катка, и старый пень зазеленел! Вот как. Осталась искорка в очаге, раздули ее — и вот тебе огонь! Кто бы мог подумать! Но Мартину это вроде не по душе. Злой он, даже разговаривать не хочет. Я ему сани перетянул, все подгонял меня, а сейчас они лежат там. Вы хотели в Новый год на санях кататься. Так он мне говорил. А теперь что же — нет? Как так? Ты не захотела?

Ж е н а. Не мучай меня. *(Невольно.)* Все это мелочи.

Я н к о. Значит, ты хотела? Ну, видишь, какой Мартин. Не сделал, как ты хотела. Давно не было такого санного пути. Так и хрустит под ногами. В газетах пишут, что по всему краю выпало много снегу. Урожайный год будет. По крайней мере люди мне долги заплатят.

Ж е н а *(упрямо)*. А знаешь, мы с Мартином в воскресенье будем на санях кататься.

Я н к о. В воскресенье? Когда оно будет, воскресенье-то! До той поры все может растаять. Знаешь, как недолго у нас держится зима и санный путь. Все грязь да грязь!

Ж е н а *(значительно)*. О, бог даст, еще будет снег.

Я н к о. Да, но Мартин должен был использо-

вать первую возможность. Бог знает, что будет в воскресенье. А он уже сейчас не сделал по-твоему! Странно, странно. Подумай, Катуша, а ведь когда-то! Раньше бы Мартин для тебя все сделал! Помнишь, Катуша, как Мартин тебя когда-то спас от гибели, от греха, от несчастья… Вырвал тебя из рук злых людей, которые тебя обманули… И ты из благодарности влюбилась в него. Да, когда-то, всего три года назад… а сегодня он не хочет тебя даже на санях покатать. *(С иронией.)* Да, это любовь…

Ж е н а *(гордо)*. Я люблю Мартина.

Я н к о. Так же, как три года назад?

Ж е н а. Да. И ты это хорошо знаешь. И что ты меня так расспрашиваешь? *(Хочет уйти, потому что на глазах у нее слезы.)*

Я н к о. Ну да, это каждый знает, что вы любите друг друга. Но, может, никто еще не знает, что если б тогда Мартин не вырвал тебя из рук злых людей… *(отчетливо)* если б он не вырвал тебя из моих рук, сегодня ты, пожалуй, не плакала бы…

Ж е н а *(выпрямляется)*. Я не плачу. *(Пересиливая себя.)* Мне не о чем плакать.

Я н к о *(не поддается обману)*. Сегодня ты не плакала бы, сегодня ты была бы счастлива, Катуша. Потому что никто ничем бы не колол тебе

глаза. Никому ты не была бы обязана. Никто бы тебя ни в чем не подозревал. Правда, ты была бы бедной женой кузнеца, но зато — счастливой.

Ж е н а *(ничего не подозревая)*. Откуда нам знать. Бог знает, как бы оно было…

Я н к о. Так вот, я и хотел узнать, оттого ли ты грустишь, что тебя здесь в чем-то укоряют, или оттого, что здесь что-то изменилось за три года… Потому что когда я пару дней назад был здесь и смотрел разбитые сани, ты еще ничего об этом не знала, ты была веселой, щебетала и ласкалась к мужу…

Ж е н а *(невольно начинает открывать душу)*. Ах, да что там, я ведь мучаюсь в этом доме с первого дня, как вступила в него. Отец сразу стал на меня коситься, сначала даже разговаривать со мной не хотел. Но лучше б он не разговаривал со мной и до сих пор. После моей болезни он начал на меня кричать и кричит до сих пор: «Ты нам не подходишь, мы не хотим тебя», и это я слышу каждый день. Но Мартин всегда меня защищал, и это меня утешало.

Я н к о *(с любопытством)*. А сейчас Мартин тебя больше не защищает, что ли?

Ж е н а *(вздрагивает)*. Ах, не то чтоб не защищает. Но отец меня уже выгоняет и говорит о

разводе.

Я н к о *(выпрямляется, и лицо у него проясняется)*. А если он найдет то, что ищет?

Ж е н а. Мартин не согласится, потому что он любит меня.

Я н к о. Ты уверена?

Ж е н а. Он меня не оставит.

Я н к о. Да? А почему ты сегодня плакала?

Ж е н а *(после паузы, преодолевая себя)*. Зачем ты пришел? И именно сегодня? Словно злой дух какой. Зачем ты меня мучишь? Что ты меня все расспрашиваешь? Что ты от меня хочешь? Я тебя не знаю и знать не хочу. Мы разошлись три года назад. Я хочу забыть все, что было, оставь меня!

Я н к о *(взволнованно)*. Ты хочешь забыть? Ты хочешь убить то, что живет?! Эх, Катуша, а я не хочу, и не могу забыть. Потому что в очаге осталась искра, ее раздули, и вот — огонь! Огонь, который разгорелся, когда мы полюбили друг друга в первый раз, который пылает и сейчас…

Ж е н а. Не вспоминай… я скажу Мартину!

Я н к о *(спокойно)*. Не скажешь. Пока я видел тебя счастливой рядом с Мартином, я все подавлял в себе, притворялся перед ним, перед тобой, перед всеми, но сейчас мне нечего скрывать. Я люблю тебя, Катушка, как тогда, когда мы встре-

чались за гумнами, когда мы были с тобой как одна душа… Катуша, люди нас осудили, люди возмутились, и мы позабыли, что любим друг друга. Ты испугалась позора и прокляла меня, а я ускользнул, как вор. Зачем я это сделал? Мы могли бы тогда пожениться и быть счастливы. Но случилось иначе. Люди пожалели тебя, и вскоре ты была спасена: пришел Мартин, ты ему понравилась — и он спас тебя, на удивление всему миру, дал тебе богатство, счастье, и люди тебе завидовали. Такая нищая — и вышла замуж за Мартина Брезовского! А сегодня, видишь, они тебе уже не завидуют. Люди поняли. И потому я пришел сюда, потому я осмелел и говорю тебе все это, люди снова жалеют тебя, и сейчас мы снова близки, как когда-то. Пойми — они тебя даже видеть не хотят. Отец ушел в управу, а Мартин развлекается у Балажей. *(Значительно.)* Сватает красивую Мару для… Дюры…

Ж е н а *(жалобно плачет)*. Почему я так несчастна…

Я н к о *(демоническим голосом)*. Вернись, Катуша, снова туда, где тебя любят, где тебя не будут оскорблять, где тебя не покинут. Иди ко мне, Катушка, и, если хочешь, уедем отсюда в чужие края, где нас не достанут злые языки, — там най-

дем себе кров. Эти руки нас прокормят. Помнишь, как ты мне обещала, что пойдешь со мной даже на край света. *(Склоняется к ней.)* Катушка, ведь мы любим друг друга, что же нам таиться…

Ж е н а *(встает и делает отстраняющий жест руками, как бы желая в последний раз защититься от него)*. Ты хочешь разорвать мой брак с Мартином?

Я н к о. Я его не разрываю. *(Смотрит ей в глаза, значительно и уверенно.)* Катуша, я нашел его уже разорванным — ты сама это знаешь…

Жена молчит; после долгой душевной борьбы взглядывает вопросительно на Янко.

Янко берет ее за протянутые руки и страстно обнимает.

Ж е н а *(почувствовав его горячие поцелуи, вздрагивает и стремительно отбегает в угол; после паузы)*. Что я наделала?..

Я н к о *(успокаивается)*. Теперь решай сама. Это произошло. Я не отступлюсь.

Ж е н а. Зачем только ты пришел? *(Замечает, что кто-то идет.)* Уйди, уходи отсюда — ради бога…

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т е ж е, о т е ц.

Входит о т е ц; приятно удивлен, что застал Янко.

О т е ц. Ты здесь, Янко? А я ищу тебя в кузнице. *(Здоровается с ним и раздевается.)* Прими от меня благодарность за то, что ты написал в газету.

Я н к о *(быстро находится)*. Вам понравилось? И молодой хозяйке Дюро читал…

Ж е н а *(собравшись с силами)*. Хорошо все там, отец…

О т е ц. И мы в управе читали. Власти, говорят, гневаются. Только бы наши дружно держались. Ведь нельзя поручиться за всю управу…

Я н к о. Не бойтесь, они же придут ко мне в кузницу, я их еще вымуштрую.

О т е ц *(бросает на Янко благодарный взгляд)*. Только бы все были едины. Ну, Катка, что ты такая? Принеси нам вина по рюмочке. Развеселимся. Ну что, Янко, выпьешь?

Я н к о. Что ж, попробовать можно. Жена уходит за вином.

О т е ц. Садись. *(Приносит стаканы. Радостно.)* Так, Янко, еще несколько дней — и мне не нужно

будет таскать стаканы. Придет помощь, придут люди.

Я н к о. Да, я уже знаю. Давно вам надо было это сделать. Только бы все было счастливо!

О т е ц. Ну, вот видишь, все меня понимают, только мой сын не понимает. Но он бы тоже понял, если б ему другие мозги не вкручивали. Слушает жену, соседей…

Я н к о. Ну а сейчас у Балажей ему голову морочат…

О т е ц. Мне это не больно по душе. Но мой Дюро сходит с ума по Маре Балажовой, — ну, думаю, валяй, пусть Мартин ему ее сосватает.

Я н к о *(усмехаясь)*. Это очень хорошо с его стороны.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Т е ж е, М а р т и н.

М а р т и н *(входит угрюмый и неприветливый)*. Вы здесь? Когда пришли?

О т е ц. Что тебе надо? Ни «добрый вечер» от тебя, ничего… Ну, иди, садись…

М а р т и н. Мне не до сидения. *(Всматривается в Янко.)* Я хочу знать, что здесь делает пан мастер Янко…

Я н к о. Видали его! А я хочу спросить, что с тобой? Где ты бродишь? Он, мол, после обеда будет дома, а его нет. Я уже давно тебя жду.

М а р т и н *(возмущенно)*. Даже не стыдится говорить, что он давно здесь…

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е, ж е н а.

Входит ж е н а с вином; пугается мужа.

О т е ц. Ну, давай сюда, Ката!

М а р т и н *(жене)*. Ответь мне ты, что здесь делает Янко, пан мастер, так долго, как он сам говорит?! *(Грубо хватает ее за руку.)* Посмотри мне в глаза. Ты была с ним одна. Отец только что пришел. Все ясно…

О т е ц. Не сходи с ума! *(Неожиданно.)* Это я позвал Янко. Да, на стакан вина. Надеюсь, я могу позвать пана мастера, когда захочу. И починки еще кое-какие есть. Что это ты такой? Выпил лишнего, что ли, у Балажей?

М а р т и н *(в ярости)*. Я выпил желчь, которую вы мне приготовили. Я знаю все. Вы хотите лишить меня моего права. Хорошо, мне Балажи все рассказали…

О т е ц *(строго)*. Стало быть, ты затем ходишь

к Балажам, чтобы они тебя настраивали против меня, против нас?..

Жена хочет прижаться к мужу, но замечает его холод.

М а р т и н *(дико хохочет)*. Что-что? Против нас? И вы уже с ней заодно? Вот это новость! Да, новость, новость! И я узнал новость. Что к моей жене, которая меня так любит, приходят гости — гости, когда меня нет дома! Подумаешь, время тянулось медленно, и ты позвала старинного возлюбленного. Вспомнила о Янке, кузнеце! Вот и все!

Я н к о *(вспыхивает)*. А если б и так?

М а р т и н *(хочет броситься на него)*. Значит, это правда?..

О т е ц *(мешает ему)*. Спокойно!..

Я н к о. Мартин, пять лет прошло, а я все молчал!

М а р т и н. Откуда мне знать, что у вас там было! У меня только сейчас глаза открылись…

Ж е н а *(слабым голосом)*. Мартинко…

М а р т и н. Не обращайся ко мне. Ты лезла ко мне с ласками, хотела обвести меня вокруг пальца — хотела меня из дома выгнать. Теперь уж я все знаю. Видите, отец, я плачу. Я жалею, что не

послушал вас. Она меня обманывает, она мне изменяет. Она затаилась, но старую любовь свою не подавила.

Я н к о. И ты только сейчас об этом узнаешь? Сейчас, когда твой отец женится? Сейчас, когда тебе это на руку, правда? Ты, ты…

М а р т и н *(жене, которая заламывает перед ним руки).* Уходи, уходи! Ты мне не нужна! Я положу этому конец. И отец так хотел. Пусть уходит из дома. Ведь найдутся, мол, добрые люди, которые ее примут — правда, пан мастер? *(Злобно усмехается.)*

Я н к о *(гордо).* Да, она может прийти, когда пожелает! Прощайте! *(Не давая Брезовскому задержать себя, уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Т е ж е, без Янко.

М а р т и н. И вы, отец, опомнитесь. То, что вы хотели, случилось. Говорю вам, она мне не нужна. Не женитесь, не берите эту гордячку Эржу Барнакову, потому что она вам может выкинуть то же, что и эта — мне.

Ж е н а. Боже мой, что я сделала?

О т е ц. Хватит! *(Энергично.)* Я никому не поз-

волю приказывать мне. Завтра можешь пойти в контору по делам наследства и подписать бумаги. А я поступлю так, как мне будет угодно.

М а р т и н. Нет, нет! Я не отделюсь. Я останусь тут. И приведу сюда кого захочу. Да, развод, я буду требовать развода. *(Садится, возмущенный, к столу и задумывается.)*

Ж е н а молча собирается, берет шубку и выходит.

(Через минуту поднимает голову, как бы во сне.) Ушла?

О т е ц *(подходит к дверям и выглядывает наружу; помолчав).* Ушла.

Тишина.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В той же самой комнате несколько дней спустя, в субботу. Уже горит лампа, стол не накрыт, кровати не убраны, одежда не прибрана. О т е ц погружен в раздумье; он только что привел себя в порядок, побрился, на столе лежит бритвы. Даже совсем слабый свет от закоптелой лампы мешает отцу, и он отворачивается от него. А за окном на землю уже опускается ночь; оттепель, снег с грязью.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О т е ц, М а р т и н.

Входит М а р т и н, неопрятный, грязный от работы.

М а р т и н. А вы уже привели себя в порядок? Не надо было вам торопиться. Видите, и не будет у нас завтра веселья. Напрасно вы беспокоились.

О т е ц *(машет рукой)*. Оставь меня в покое! Хватит уж. По крайней мере ты…

М а р т и н. «В покое»! Говорите о покое, а сами же его нарушили. Я бы даже сказал — не могло

это добром кончиться, понимаете?

О т е ц. Не говори так. *(С укором.)* Вышло так, как ты хотел.

М а р т и н *(отвечает словами отца)*. Вышло так, как вы хотели. И как хотели те, кто сейчас смеется. И с этой вдовушкой как все обернулось? Разве я вас не предупреждал? Видите, как все случилось? А могло обойтись без позора. Да, вы-то уже разгласили и на свадьбу уже приглашали — а она вам сегодня отказала. Убежала от вас. Да и правда, ведь она вам в дочки годится. Все смеются.

О т е ц. Я давно об этом знаю. Но она хотела, чтобы я пошел в ее дом. *(Вызывающе.)* Тебя, видишь ли, боялась! Не хотела сюда прийти, а меня звала. Но этого я сделать не мог.

М а р т и н. Да, правда. Тогда бы уж Барнаки делали с вами что хотели.

О т е ц. Да, и поэтому я вернулся с полпути. Лучше уж так, как есть…

М а р т и н. И в этом вы виноваты. Не знаю, как бы оно было, если б… Ну, да теперь все равно. *(Делает какую-то женскую работу.)*

О т е ц *(невольно)*. Эх, вот так вот! Остались мы без жены.

М а р т и н. А мне что за дело до нее! В конце

концов — по-вашему вышло. Разошлись мы.

О т е ц. А где она сейчас? Я что-то слышал, что тогда она ушла к Янко.

М а р т и н. Нет. Если б она ушла к нему! Легче было бы с процессом. У своей бабки она, бездельничает. Все только плачет и плачет. Вчера мы были у священника. Помириться, говорит, надо. А как я могу помириться с такой? И там все ныла, так что мне противно стало и я убежал. Все удивляются, что так случилось.

О т е ц. Ну, а что теперь?

М а р т и н. Ну что — еще два раза нам надо быть у священника, а потом посмотрим, сказал священник. А чего смотреть? Я не хочу видеть ее в своем доме, пусть идет к своему милому. А я себе найду.

О т е ц. Тебе, молодому, конечно, легче найти. Но когда, когда! Дело с разводом, может, и с год протянется, а что мы будем все это время делать? Вот так жить? Мара на меня рассердилась и даже не показывается.

М а р т и н. И хорошо. Ведь если б она тогда к вам не пришла… Видите, что ваши пирожки наделали!

О т е ц. Да! Кто нам сготовит, кто нам постирает, кто нам залатает? Тебе все просто! А если меня

старостой выберут, кто у меня за домом будет смотреть?

М а р т и н. Знаете, отец, что я думаю? Может, нам дать ей что-нибудь, чтобы она согласилась на развод… адвокат мне сказал, что, пока она не согласится, трудно будет развестись.

О т е ц. А сколько, ты думаешь, дать?

М а р т и н. Откуда я знаю? Сколько-нибудь дадим ей — две мерки, нет? А потом бы я уж справился… *(Смущен.)*

О т е ц. Теперь ты, стало быть, хочешь раздавать? А дальше что?

М а р т и н *(боязливо)*. Потом бы я мог уже жену привести… Может, какая и так согласилась бы… *(Опускает глаза.)*

О т е ц *(строго смотрит на него)*. Вот ты о чем думаешь?

М а р т и н. Знаете, Мара Балажова мне вчера вечером сказала, так, в шутку, что охотно пришла бы помочь нам…

О т е ц *(вскрикивает)*. Нет, не бывать этому! Дом Брезовских — порядочный дом. Только по закону. *(Серьезно.)* Выкинь это из головы. *(Назидательно.)* Ты только подумай, что бы было! Что бы сказали люди? Я и без того уже достаточно наслышан об этих Балажах. Оставь все это и не

ходи к ним. Пусть Мару берет Дюро — ведь он и так уже совсем рехнулся из-за нее.

М а р т и н *(упрямо)*. Она не пойдет за Дюру… А я и сегодня пойду к Балажам. Вы прогнали мою жену, а я не могу оставить дом без женщины. Сами видите. Что мне здесь делать, среди четырех стен? Что это за жизнь?

О т е ц *(после паузы)*. Видишь, сын мой, и я так же размышлял. Хотел оживить этот наш пустой дом, хотел ввести сюда людей, живых людей, — а ты противился. Теперь мы одни. Видишь, как получилось…

М а р т и н. Если б вы не взяли в советчицы Мару… кто ж вам мешал бы!

О т е ц. Ну, видишь, а теперь все погибло из-за тебя. В конце концов, мне что — делай как знаешь! *(Борется с собой.)* Ведь я в самом деле и сам не знаю, как быть. Только бы уж покой настал — и ты успокойся… *(Смиренно.)* И ступай за женой, за своей законной женой… *(Задумывается.)*

М а р т и н. Ах, отстаньте вы с ней от меня! С тех пор как я ее поймал, что она начинает крутить с этим Яном, я и видеть ее не хочу. Ведь у меня тоже есть сердце. Пока я ее любил и думал, что она меня не обманывает, я никому не давал ее в обиду, и от вас ее защищал, вы это хорошо

знаете. А теперь? Что ж мне ее — назад звать? Поклониться ей? А потом притворяться, ломать комедию? Нет, нет! Выбросил я ее из сердца — и все тут. Уж лучше я еще помучаюсь, а вам пускай поможет ваша драгоценная тетка Мара. Она хотела вас женить, она вас и старостой сделает, как она недавно хвалилась, — она все своим языком может…

О т е ц. Ей-то что беспокоиться из-за старосты? Однако послушай, кузнец Янко здесь не был?

М а р т и н. Вы меня спрашиваете? Не знаю. Я с Дюрой подстилал лошадям, а после обеда мы с ним перебирали кукурузу на чердаке. Если б не оттепель, мы бы и навоз вывезли. А почему вы спрашиваете?

О т е ц. Надеюсь, ты Янко не тронешь?

М а р т и н *(смеется через силу)*. Я? Какое мне до него дело? Думаете, за то, что он тогда высказался? Правильно сделал. По крайней мере мне все стало ясно. Он освободил меня от нее. Я ему благодарен…

О т е ц. Ну, и я ему об этом же говорил. И сегодня вечером он должен сюда прийти. Пойми, нам надо с ним по-хорошему, он знает людей, умеет дать совет. Через пару дней выборы. Он придет рассказать, как обстоят дела.

М а р т и н. Только бы не случилось так, как с вашей женитьбой. А, что там! Люди переменчивы и завистливы. Каждый хочет быть старостой. Теперь вы думаете, что Янко все для вас сделает?

О т е ц. Ну, только уж ты не говори ему ничего. Угомонись немного.

М а р т и н. А зачем мне вам тут мешать, Я уйду. *(Замечает бритвы на столе.)* Вы уже побрились? Побреюсь и я. А где зеркало?

О т е ц. Большое — в передней комнате.

М а р т и н. Ну, так я пойду туда. Утром некогда.

О т е ц. Будь осторожнее. Я их только что поточил, не порежься.

М а р т и н. Да я знаю. *(Берет бритвы и идет к дверям.)* Кажется, к вам уже Янко идет. *(Открывает дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, ж е н а.

Входит ж е н а, закутанная в шерстяной платок, измученная. Отец и Мартин удивлены и ошеломлены.

Ж е н а *(после минутного мучения).* Пришла просить милости. *(Мартину.)* Я пришла, чтобы

ты простил меня. Я буду вас слушать, — как ваша служанка, буду вас слушать.

О т е ц *(садится к столу и внимательно смотрит на нее)*. Почему ты ушла?

М а р т и н *(после паузы; кладет бритву на стол, холодно)*. Почему ты ушла? Что ты здесь ищешь? Кто тебя звал? Иди к Янке!

Ж е н а. Я ищу свое счастье, я ищу тебя, Мартинко!

О т е ц *(встает)*. Ты ушла от нас. Ты нас опозорила. Ты оставила мужа…

Ж е н а. И это говорите вы? Ах, нет, нет! Я слушаю. Я совершила ошибку. Слаба я была, не могла я — простите меня…

О т е ц. Ну, видишь! *(Идет к двери.)* Найди себе работу — и чтоб уж был покой. *(Берется за ручку двери.)*

М а р т и н *(внезапно)*. Куда вы?

О т е ц. Ты же знаешь. Странно, почему он не идет. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М а р т и н, ж е н а.

Ж е н а. Если бы ты заглянул в мое сердце, ты увидел бы, что оно чистое и принадлежит только

тебе…

М а р т и н. Не заводи. Ты уже говорила об этом перед священником.

Ж е н а. Да, и говорю это и сейчас и навеки. Я совершила ошибку, что ушла. Но разве я виновата в том, что злодей хотел украсть у меня самое дорогое — тебя, Мартинко. А когда я увидела, что не нужна тебе, — я ушла. В отчаянии чего не сделаешь. Но я пожалела, очень горько пожалела…

М а р т и н *(равнодушно)*. Тебе нечего было есть у бабки — вот в чем дело. Поэтому ты пришла.

Ж е н а *(пересиливая себя)*. Нет. Ты несправедлив ко мне. Я вернулась, потому что не могу жить без тебя, потому что я люблю тебя. *(Выпрямляется, гордо.)* Я вернулась, чтобы сюда не пришла другая!

М а р т и н. Не говори так! Меня уже не обманешь. Хватит и одного раза. Я верил твоим глазам, твоим словам — но в сердце ты носила Янко, кузнеца. Иди к нему, он тебя примет, а мне не мешай.

Ж е н а. Не упрекай меня Янко. Я о нем даже и не думаю. И потом, ты ведь знаешь, наверное, — он женится.

М а р т и н *(вздрагивает, потом дико смеется)*. А-а, вот оно что! И он тебя оттолкнул! И потому

ты пришла сюда! Теперь мне ясно! А отец уже думает, что все хорошо!

Ж е н а *(плачет)*. Мартинко, Мартинко, почему ты меня так обижаешь? Я не виновата…

М а р т и н. Оставь меня в покое. Много ты нам зла принесла. Отец бы и не подумал жениться, будь ты другой. А теперь все погибло. Ведь как обстоит дело? Отец не женится, он хлопочет о должности, ты ушла, и наш дом остался без женской руки.

Ж е н а *(еще раз со слабой надеждой)*. Поэтому я и пришла, поэтому и вернулась. Пусть снова будет все, как было.

М а р т и н *(с затаенной злобой)*. Ты… ты не должна была возвращаться. Ты уже не моя. *(Откровенно.)* Я уже порвал с тобой… Так почему, почему ты сковываешь меня, зачем ты здесь и мешаешь мне? Ведь подумай — я ничего не могу предпринять. Развод может затянуться и на год! Целый год ты будешь меня связывать. Ты…

Ж е н а *(стоит, словно статуя, через минуту лицо ее бледнеет, взгляд становится блуждающим)*. Я тебе мешаю… *(Отчаянный смех.)* Тем, что живу!..

М а р т и н *(не понимает значения этих слов)*. Вот видишь, ты могла бы меня понять. Не чини

напрасных препятствий для развода. В конце концов, послушай: я дам тебе, перепишу на тебя, и отец согласится — ну, сколько ты хочешь? Две мерки хорошей земли — ну, что тебе еще? Кто бы другой это сделал? *(Иронически.)* И для Янко ценней будешь… *(Берет бритвы со стола, смотрит, острые ли. Равнодушно.)* Да, а сюда придет другая… *(Уходит в переднюю комнату, чтобы побриться, потому что собирается к Балажам.)*

Жена заламывает руки и хочет идти за ним, но двери перед ней захлопываются; она падает на лавку.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ж е н а, Д ю р о.

Входит, задумавшись, Д ю р о, но, когда замечает жену, лицо его светлеет.

Д ю р о. Вы вернулись, хозяйка! *(Пауза.)* Я обрадовался, что все хорошо, а вы такая… Что говорит молодой хозяин Мартин? Он знает, что вы здесь? Или…

Ж е н а *(тяжело, вскрикнув).* Я мешаю ему, Дюрко! Наверное, у него есть другая вместо меня!

Д ю р о *(жалостливо).* Эх, хозяйка, так и вы уж

об этом знаете? Для меня искал, а для себя нашел… Но мне кажется, не может так быть, чтобы при живой жене он привел другую! Ах, хозяйка, останьтесь здесь. Пока вы здесь, Мара Балажова не придет в этот дом. Только вы мне можете помочь… Эх, а я-то мечтал!.. После пасхи, думали, обвенчаемся… А когда страда подойдет, уйдем на заработки… Заработаем, а осенью начнем на своей земле… Эх, как я надеялся… *(Задумывается.)*

Хлопает входная дверь. Мартин привел себя в порядок и выходит из дома. Через минуту слышно его пение, пение свободного, ничем не связанного человека. Голос его доносится все тише и тише, пока не смолкает совсем. Дюро и жена сидят молча и напряженно слушают пение Мартина. Тишина.

Ушел к Балажам… Слышали, как затянул? Ах, он уже там, она, Мара, уже его встречает… Уже подсаживается к нему… ах, как она смеется, как сверкает зубами… Как она смотрит на него и все-все ему обещает… Вот-вот договорятся… А платим за все мы с вами… Хозяйка, мы платим своей кровью… *(Вспыхивает.)* Хозяйка, я пойду туда… я… *(Судорожно рыдает.)*

Ж е н а *(хватает его за руку)*. Дюрко, Дюрко,

успокойся! Зачем тебе это надо? Ты молодой, найдешь себе девушку еще красивее, не такую, как Мара, ты будешь еще счастлив…

Д ю р о. Ведь если б это кто другой сделал, мне было бы не так больно. Но хозяин, мой хозяин, при живой жене!

Жена смотрит в пространство, как статуя.

(Ищет ее взгляд.) Почему вы так побледнели, хозяйка? *(Тихо.)* Будто в вас ни кровинки не осталось…

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е, о т е ц.

О т е ц *(неожиданно входя).* Ну, что? Другого дела не можете найти? Слышь, Дюро, сходи к Галямам, пусть молодые хозяева сразу идут к кузнецу Янко. И Венерский пусть придет. Да поторопись!

Д ю р о *(недовольно идет; в дверях).* Мне надо переодеться. Я уже сапоги вычистил, а по такой грязи…

О т е ц. Видали его! Недоволен! За это я тебе плату прибавил?

Д ю р о уходит.

А ты что? Останешься здесь? Или в другом месте будешь ночевать? Я ухожу, и Дюрко запрет дверь. *(Ищет тулуп.)* Так что, остаешься?

Ж е н а *(холодно)*. Нет! *(Быстро выходит.)*

О т е ц *(нашел тулуп, одевается и идет. В дверях обнаруживает, что что-то забыл, и возвращается. Ищет какие-то бумаги за потолочной балкой, в столе, в шкафу — и вдруг слышит в сенях какой-то шорох. Прислушивается, зовет)*. Дюрко, идешь?

Никакого ответа. Отец хочет выйти, но тут вбегает Д ю р о.

Д ю р о *(страшным голосом)*. Боже мой, хозяин, идите… молодая хозяйка лежит во дворе в крови… мертвая, мертвая…

Отец застывает в оцепенении, непонимающе смотрит на Дюру.

Жилы себе перерезала…

Павол Орсаг-Гвездослав
ИРОД И ИРОДИАДА
Трагедия в пяти действиях

P. O. Hviezdoslav
HERODES A HERODIAS
Pavol Országh Hviezdoslav. Herodes a Herodias. Upravil Janko Borodáč. Bratislava, 1950.
Перевод со словацкого **Игоря Инова.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИРОД АНТИПА, тетрарх.
ТАМАР, его жена.
ФИЛИПП, богатый землевладелец и негоциант.
ИРОДИАДА, его жена.
САЛОМЕЯ, их дочь.
ИОАНН.
АХИСАР, главный военачальник.
ОМРУ, предводитель.
ПЕРИТ, царский письмоводитель.
ТРЕБОНИЙ, царский советник.
ВТОРОЙ СОВЕТНИК.
МЕНАХЕН, домоправитель.
ХУЗА, страж.
ОБАДЬЯ, казначей.
ЗАМИРА }
ИОАННА, жена Хузы } наперсницы царицы Тамар.
КАСТЕЛЯН.
АБДА }
МЕЛИТА } наперсницы Саломеи.
ПЕРВЫЙ СОЛДАТ.
ВТОРОЙ СОЛДАТ.
ЦАРЕДВОРЦЫ, ПРИСЛУЖНИЦЫ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Терраса, выходящая во двор царской резиденции. Вдали виднеется море, с одной стороны — главные ворота, с другой — вход во дворец. Три кресла. На сцене ц а р е д в о р ц ы.

М е н а х е н *(разворачивая свиток)*. Оглашу вам послание с той же поспешностью, с какой его доставил крылатый гонец. Достославный Перит, письмоводитель при особе нашего всемилостивейшего господина и царя, любезно мне сообщает… «Наш всемилостивейший господин и царь движется семимильными шагами, и мы едва за ним поспеваем. Воистину — ретивый олень впереди стада своего. Но не преследуемый, а тот, что, гордо откинув ветвистые рога к напрягшейся струною шее, прытко несется к водам шумящей поодаль реки. Столь же резво пересек он вчера благословенную равнину Завулонову{65}… и вне себя от нетерпения нагрянул в приветли-

{65} Комментарии: 2.65

Равнина Завулонова — равнина на севере Древней Палестины, в округе, доставшемся при разделе завоеванных иудеями земель потомкам родоначальника одного из тринадцати израильских племен — Завулона.

вый Сефорис{66}... Отсюда он уже в четвертую стражу ночи намерен снова отправиться в путь, дабы поскорее вернуться в свою излюбленную Тивериаду. Что и произойдет — слушайте внимательно! — всенепременно завтра под вечер...» То бишь — сегодня. Слыхали? Все ли готово, как я распорядился, к достойной встрече царя в его твердыне?

Ц а р е д в о р ц ы. Все, все, господин домоправитель!

М е н а х е н. Только прошу — без препирательств и ссор! Досточтимые Хуза и Обадья, не связывайтесь с вертопрахами, им рта все равно не зажмете. Настроение сейчас должно быть праздничное.

Х у з а. На равнинах иорданских неслыханное доселе брожение идет. Сын Захарии и Елисаветы усиленно подливает масло в огонь: того и гляди, вспыхнет пожар, охватит весь народ, и примется он орудовать, как хозяин на собственном гумне...

О б а д ь я. Э, в лжепророках никогда не было недостатка!.. Священное писание и катехизис,

---

{66} Комментарии: 2.66

Сефорис и, ниже, *Акко, Дан, Вирсавия, Петра, Хеврон, Сарепта, Рамоф (Галаадский), Яффа (Иоппия), Ен-Геди, Гадара, Самария, Сокхоф* — города в Древней Палестине.

как в незапамятные времена, и впредь не дадут нам сбиться с пути истины.

Х у з а. Не принижай, Обадья, этого человека! Я тоже себя обуздываю, разубеждаю, но, сдается, зов, слетевший с пророческих уст нашего великого Исайи{67}: «Глас вопиющего в пустыне: Приготовьте путь господину!..» — относится именно к нему, и это как нельзя более соответствует чаяниям, которые питает наш народ со времен Малахии.

М е н а х е н. К счастью, Иоанн искренне предан очагу нашего великодушного властелина. Сей ученый, безупречный и в высшей степени справедливый муж не раз восседал в государственном совете и проницательностью своей помог царю вовремя разоблачить немало злокозненных умыслов, вескими доводами восстановить справедливость, любезным посредничеством даже самые острые разногласия обратить в братское единодушие. Такой человек опасным быть не может. Напротив, своими благими и благородными поступками он способен принести только пользу.

Х у з а. Что еще, Менахен? Не сказано ли в

{67} Комментарии: 2.67
Исайя и, ниже, *Малахия* — библейские пророки.

посланию о пурпурной мантии для нашего всемилостивейшего властелина?.. Ни о чем не умалчивай! Не зря же царь проделал такую дорогу до Рима…

О б а д ь я. Неужто нам и впредь влачить позорное ярмо, сгибаться под бременем унизительного опекунства?! Неужто Иерусалиму еще долгие годы скорбеть, словно одинокой вдове?

М е н а х е н. Пусть царь, бесценный брат мой молочный, вдоволь насладится изысканными почестями, которые будут ему воздавать благодарные толпы возвеличенного народа!..

Слышатся звуки трубы с башни.

Х у з а. Пойду извещу милостивую государыню-царицу.

М е н а х е н. Я это уже сделал, идучи сюда. Как ни странно, услыхав радостную весть, царица не вспыхнула, словно роза, а, напротив, стала белой, как лилия, и глаза подернулись мглой, которая того и гляди, обернется слезами. Меня это удивило.

О б а д ь я. Что бы это могло значить? Как-никак, радость выражается иначе…

Х у з а. Я видел, как из ее покоев выходил халдейский прорицатель, — не он ли смутил ее

безмятежную душу? Жаль, если столь чистое небо заволокло чадом суеверия…

М е н а х е н. Не время разгадывать загадки! Пора, господа, приниматься за работу.

Т р е б о н и й. Царь по дороге в Рим весьма мило развлекался в Сефорисе…

М е н а х е н. Почему бы и нет? В своей стране царь всюду дома, где бы он ни находился…

Т р е б о н и й. Вот именно! Чувствовал он себя как дома и у богача Филиппа, воистину — как дома!.. И представь, любезный Менахен, на обратном пути он опять остановился у Филиппа. Не знаю только, был ли дома хозяин… Да к тому же с поклажей самых дорогих украшений для его жены…

М е н а х е н. Для жены Филиппа, говоришь? О, это наверняка ошибка, недоразумение! Ведь у Филиппа, как известно, обширные владения по всей Палестине, он ведет торговлю с Тиром, Дамаском. Ему принадлежат леса в Ливане, прииски в Дедане… Так что ему есть чем одарять жену, даже по-царски!

Т р е б о н и й. А что, как царевы подарки ей милее, дороже мужниных? Поразмысли-ка об этом, мудрый Менахен. Недаром все драгоценности, какие только сыскались у наших прославленных

золотых дел мастеров, умельцев римских, были приобретены за большие деньги, тщательно упакованы, бережно доставлены и в знак почтения сложены к стопам красавицы Иродиады.

М е н а х е н. Быть того не может! Ведь царь женат и любит свою красивую подругу, а она — его. Это примерные супруги! Кроме того, Филипп доводится царю двоюродным братом, и Иродиада тоже с ним в родстве.

Т р е б о н и й. Царь всегда был неравнодушен к женскому полу и чересчур пылок, разве не так?

М е н а х е н. Нет, этого не допускают уже хотя бы их родственные узы, тем более — наши строгие брачные узаконения! Да и Филипп, пока жив, добровольно от своих прав не откажется. Сие невозможно, Требоний, невозможно!

Т р е б о н и й. Где власть — там возможно все. Кроме того, царь мечтает о наследнике, а его все нет и нет…

М е н а х е н. Бедная наша царица, верно, тоже что-нибудь прослышала. Поспешим отсюда, нужно быть начеку — вдруг еще прибудут гонцы!

Оба удаляются. Из покоев выходит Т а м а р в сопровождении З а м и р ы, И о а н н ы и д р у г и х п р и б л и ж е н н ы х.

Т а м а р (останавливается на краю террасы).

Здесь буду ждать. На море погляжу…
Проворно, словно золотые рыбки,
Несутся стаи волн издалека.
Их подгоняют ветры, что похожи
На рыбарей влюбленных, и вот-вот
Загонят их в объятия залива.
Щетина камыша и тамариск
На миг уйдут под воду, чтоб опять
Взметнуться, распрямиться… И на этих
Коварных удочках взблеснет улов
Продолговато-удлиненных капель,
На радость рыбарям, и, трепеща,
Сорвутся друг за дружкой им в колени.
В пучину загляну… Отрадна гладь,
Но не лежит душа к покою глади.
Все тянет вглубь… Здесь буду ждать, глядеть
Во мрак воды пытливо и печально,
Пока не различу в потемках дно…

З а м и р а.

Но, повелительница, жаркий пламень
Своих зрачков ты устремить должна
В иную сторону — туда, где солнце,
Наш лучезарный, наш исконный бог,
Дневной свершая путь, спешит к закату.
А вон ему навстречу и твое
Восходит солнце — столь же величаво,
С такою же улыбкой на устах,
Но с утренним румянцем и росистой
Посулою лобзания… А с плеч
Подир{68} *такой же алый ниспадает.*
Оно торопится тебя обнять
И озарить лучами после долгой
Тоскливой ночи, одинокой тьмы.
О, несравненное блаженство встречи!
Возрадуйся, царица, предвкушай!

Т а м а р.

{68} Комментарии: 2.68
Подир — длиннополая одежда иудейских священнослужителей и царей.

Свой взор все глубже, глубже погружаю
На дно своей души, в пучину сердца.
Ах, сколько там переплелось теней!
Распутать, отвести бы эту тину...
Что кроется под нею в тайниках?
Томит меня предчувствие какой-то
Неведомой беды... Как заглушить,
Любезные наперсницы, дурное
Предчувствие, задобрить, обмануть?..
Хочу послушать ваше пенье, щебет
Саронских роз — певуний здешних мест.
Так пойте же! Настала золотая
Пора любовных, брачных игр — весна.
И может, мрак предчувствия растает,
Как тает сумрак ночи поутру,
И небосклон души заголубеет.
Утешьте песней!

И о а н н а.

Мы твою печаль
Развеять, повелительница, рады.

О, да ведь это — наш почетный долг
И сладкая обязанность... Ты только
Скажи, какой из песенных венков
Тебе милей, и эти молодицы
Его сплетут из нежных голосов,
Чистейших, как у жаворонка, звонких,
А я как старшая перевяжу
Веночек лентой, молодицам вторя.
У Халкол — целый песенный букет,
В котором есть и песня о голубке,
Тоскующей и ждущей голубка.
Цветет миндаль, она сидит на ветке,
И в клюве у голубки лепесток.
Вдруг встрепенулась, крылышками машет —
Он! Дождалась! И голубок летит
И держит в клюве ягоду для милой...
А вот — о том, как лань на водопой
Отправилась и, повстречав дружка,
Две жгучих жажды утолила разом...

Т а м а р.

Они милы мне как воспоминанье

Счастливейшей девической поры.
Но если я их светлою вуалью
Прикрою лик сегодняшнего дня,
Тем явственней души проступит бледность...
А! Поглядите, поглядите — рыбку
Схватил баклан противный. Как мне жаль!
Не для того ж ты выплыла, бедняжка,
Из тихой заводи, чтоб умереть!..

И о а н н а.

А может быть, тебе псалом Давида
Своею величавостью милей?
Псалом из тех, где глубина доверья
С высотами надежды заодно, —
Ведь наши силы укрепляет небо!
Приободрись, царица, распрямись,
Как кипарис, низринув бремя бури!
Не придавай значенья пустякам!
Будь гордою, и твердой, и отважной,
Какою ты была всегда с тех пор,
Как наш народ назвал тебя своею...

С какой бы радостью перелила я
Надежду из своей груди — в твою!
Ее поток влечет меня, уносит.
Да, да, предчувствие мне говорит,
Что к лучшему изменится наш старый,
Порочный мир, что станет он светлей
И целомудренней. Помолодеет
И воспарит орлицею… Бог весть,
Откуда эта благостная вера.
Ну, пойте!

Трубит труба.

Т а м а р.

Что это?

И о а н н а.

Оповещенье
О приближении царя. Когда
Труба взыграет в третий раз — владыка
Уже прибудет во дворец. Менахен
Всю стражу поднял на ноги…

Т а м а р.

Не пойте!
Не по себе мне. Страх меня объял,
Наперсницы любезные... Иначе,
Иначе как-нибудь мою тоску
Попробуйте развеять. Я от страха
Тростинкою под ветром трепещу.
Преданье лучше расскажите! Только
Чтоб длинным-длинным было, словно сеть,
И я в ней всеми остьями вниманья
Застряну, всею памятью прильну,
Приникну всем своим воображеньем,
Забудусь, потеряюсь и... очнусь,
Вернусь к действительности и увижу
Себя женой, царицею, что ждет
Супруга с нетерпением, владыку.
О, горе мне! О, я сойду с ума!

З а м и р а.

Да что с тобой, пресветлая царица?

Т а м а р.

Моя душа мятется, как ладья,
Когда с вершины Аэрмона{69} злобно
На озеро наскакивает шквал,
Взрывая гладь воды.

И о а н н а.

Да что с тобою?
Нам, преданным прислужницам, откройся!
Признанье, как дыханье, замутит
Поверхность зеркала — мы сплошь и рядом
Наводим тусклость на себя самих! —
Но отвернись — и пятнышко исчезнет!
Ты думаешь — пристанет, не сойдет?..

З а м и р а.

Владычица, вот-вот вернется царь,
Твой любящий супруг.

Т а м а р.

Какой?.. Откуда

{69} Комментарии: 2.69
Аэрмон — горный кряж в Палестине.

Тебе известно это? Где тому
Свидетельства? Ведь он меня покинул…

И о а н н а.

Свидетельства он привезет с собой.
Смотри — дымы вокруг Тивериады
В лучах заката светятся, струясь…

Т а м а р.

Глядите — ворон! И второй, и третий!..
Зловещую отбрасывая тень
И на море и на душу, нависли
Над бедной жертвой, каркают, почуяв
Добычу… Ой! Они, они!..

З а м и р а.

Кошмар
Тебя преследует — кошмар, который
Минувшей ночью воронов наслал.
Три ворона кружили над тобою,
Что предвещает, как сказал халдей,
Большую неожиданность.

Т а м а р.

Еще бы!
Я скрыла от халдея, что в одном
Из воронов я Ирода узнала,
Его оскал зловещий... А в другом...
О, этот крик, пронзительно-истошный!..

И о а н н а.

Тебе все это притчится, поверь!
Не вороны кричат — прибой рокочет,
Сбивая пену! Это — сон, игра
Воображенья... Так воспрянь же духом
И успокойся! Мужественной будь
И сильною! О, если б зачерпнула
Ты из горячего ключа моей
Надежды, веры!..

Трубит труба.

З а м и р а.

Царь уже въезжает
В ворота! Всюду толпы, давка, гвалт,
И город словно подожжен закатом.

На торжище смятенье, все спешат…

Т а м а р.

О, как заколотилось сердце!.. Мука,
Название которой я не знаю…
Мне худо, я должна побыть одна
И душу облегчить слезами. Разве
В таком расположенье я могу
Принять царя? Скорей же отведите
Меня в укромный уголок, чтоб я,
Увядшая былинка, освежиться
Могла росою слез, поплакать всласть.
Оправившись, я выйду. И надеюсь
Муж извинит, что мешкает жена.

Все, кроме Замиры, уходят.

Входят М е н а х е н, Т р е б о н и й, Х у з а, О б а д ь я и п р о ч и е ц а р е д в о р ц ы.

М е н а х е н. Становитесь рядом, все, все, не чинясь! Царь прибывает, и мы, верные его подданные и слуги, встретим его елико возможно смиреннее и, разумеется, со всеми почестями…

О б а д ь я. С величайшим почтением.

Х у з а. С глубочайшей любовью. А где же мило-

стивая царица?

З а м и р а. Она долго ждала здесь. Потом вдруг ей стало дурно, и она на минутку удалилась, чтобы оправиться.

Входят царь И р о д, И р о д и а д а, С а л о м е я, П е р и т, А х и с а р и с в и т а.

В с е. Осанна! Приветствуем тебя! Слава тебе!

И р о д.

Расположимся в этих креслах, дабы
Полюбоваться пышностью торжеств.
Благополучно прибыли мы в наши
Владенья, в милую Тивериаду,
Исполненные самых добрых чувств.
Мы по морским просторам пролетели,
Снискав благоволение ветров.
И, крылья парусов сложивши в Акко,
Опять ступили твердою ногой
На сушу, и на всем извилистом пути
Народ нас обступал, не зная, чем бы
Нам услужить. И лица у людей
От радости и возбужденья
Пылали, озаряя нам сердца,

Как факелы кедровые. И всюду
Нас кликами приветствовал народ
И потчевал с усердьем беспримерным,
И полог славы воздвигал, и грел
Теплом сердец, и овевал нас лаской
Души благой. Забуду ль Сефорис,
Особенно радушный?!. Там источник
Восторга мириадами лучей
Исторгся, наполняя нас блаженством.
А здесь мы видим как бы апогей
Счастливых странствий и венец усла-
ды…
Благодарим! Мы посетили Рим —
Неколебимую столицу мира,
Кометой прилетели, чтоб отбыть,
Оборотясь сверкающей звездою.
При этом мы заботились не столько
О собственном тщеславии (хотя
Тщеславье — тоже добродетель!), сколько
О благе нашей родины, о том,
Чтобы ее, разъятую на части,

Срастить, объединить, став пестуном
И лекарем заботливым. Согласно
И благолепно наш народ свести
В единую семью, вдохнуть в него
И жизненные силы и желанья,
И в Иерусалиме на престол
По праву возвести, возвысить в нашем
Лице… Добыть и возвратить сполна
Достойное наследье славных предков.
Чтоб наши соплеменники опять
Могли бы благоденствовать под сенью
Родной лозы и финиковых пальм
От Дана до Вирсавии! Однако
Нам замыслы свои осуществить
Пока не удалось. Не потому, что
Мы были недостаточно усердны
И плохо подготовились. Отнюдь.
В охоте изощрись, мы были метки,
Хватало нам и оперенных стрел,
И тетиву мы вовремя спустили.
Но в Риме нынче неисповедим
И чрезвычайно странен ход событий…

Не так ли, дорогой Перит?

П е р и т.

О да,
Сиятельный мой господин!

И р о д.

Тиберий{70} —
Великий властелин, владыка мира, —
Подвластный мир лишив своей любви,
Остался на Капреях{71} *и Сеяну*{72}
Бразды правленья передал. А тот
(К нему закрыло доступ наше званье)
Державой правит, словно Фаэтон{73} —
Небесной колесницей, повинуясь

{70} Комментарии: 2.70

Тиберий Клавдий Нерон — римский император (14—37).

{71} Комментарии: 2.71

Капреи — древнее название острова Капри.

{72} Комментарии: 2.72

Сеян Луций Эллий — временщик (26—31) при римском императоре Тиберии, фактически управлявший государством. Организовал заговор против Тиберия и был казнен.

{73} Комментарии: 2.73

Фаэтон — персонаж греческой мифологии. Юноша Фаэтон упросил отца, бога солнца Гелиоса, дать ему на один день управление солнечной колесницей, но не сумел справиться с упряжкой. Колесница ринулась к земле, и там стали пересыхать от жары реки, гореть леса.

Чтобы спасти землю, Зевс поразил Фаэтона молнией. Миф о Фаэтоне обработан Еврипидом, Овидием.

Лишь мимолетным прихотям. То вдруг

Из головокружительнейшей выси

Нагнется за каким-нибудь земным

Цветком, блестящим камешком… А то вдруг

Вслед облаку помчится, как шальной,

И молнию Зевесову исторгнет…

Но, к счастью, нынешних событий ход

Молниеносен, ибо огненосен:

Огонь, глядишь, взметнулся и погас,

И в бездну прошлого бесследно канул…

Вот потому-то будущее нам

И видится отрадным, лучезарным.

(Иродиаде.)

Не скучен ли тебе наш разговор,

Голубушка?

И р о д и а д а.

О нет, мой повелитель!

И р о д (продолжает).

К тому же по прибытье в город нам

Оказан был торжественный и лестный
Для нашего достоинства прием.
Патрицианские семейства, словно
В намеренье друг друга превзойти,
Нам воздавали почести. А власти
Приветствовали нас на свой манер.
И триумфально с Форума, который,
На удивленье нам, был запружен
Необозримою толпой народа,
Мы вслед за строем ликторов прошли
В сопровожденье высшего синклита
На знаменитый Капитолий, где
Достигло чествованье высшей точки.
В сенаторские тоги облачась,
Почтенные старейшины все разом
С мест поднялись и пылко, как один,
Провозгласили «Ave[143]*, царь! Будь гостем!»*
Не так ли, мой письмоводитель?

П е р и т.

---

[143] Примечания: 1.143
Приветствую тебя *(лат.)*.

Так,
Светлейший царь и господин!

И р о д.

А все ли
Благополучно в нашем доме?

М е н а х е н.

Все,
Все, государь. Как будто строгим оком
Ты надзирал за ним издалека.
Твои прислужники и царедворцы
Держались безупречно и тебя
Не посрамили.

И р о д.

Что ж, весьма отрадно.
Любезный мой Менахен. Ты всегда
Мне был не только близнецом, но как бы
И двойником, рачителем моих
Надежд, ревнителем моих стремлений.
Недаром нас одна вскормила грудь, —

Отсюда наша близость… И поверь мне,
Я не забуду верности твоей
И прочих преданных мне приближенных.
А в крепости и войске каково?

А х и с а р.

Да тоже все в порядке, все отменно.

И р о д.

Рад слышать. Ну а как велись дела
Высокогосударственные? Долго
Отсутствовали мы…

Т р е б о н и й.

О, властелин,
Во всем предначертаньями твоими
Руководясь, вершили мы дела.
Спор с финикийцами благоприятно
Для нашей Галилеи разрешен.
Изрядно потеснили мы соседа.
Наместник римский в Сирии Вител-

лий{74}

Решительно признал твои права.

И р о д.

Мы сами убедились, возвратись,
Как присмирел он... Ну а что с Дамаском?

Т р е б о н и й.

Дамаск стоит, как прежде, на своем
И не желает властью поступиться.
Вителлий тут ничем помочь не мог:
Сирийский царь противится и даже
К угрозам прибегает.

И р о д.

Милый тесть!..
Рычаг авось отыщется, которым
Мы сковырнем означенный оплот.
И засверкает нам Дамаск однажды
Своею белокаменной красой!
А много ли посланий, донесений?

{74} Комментарии: 2.74
Вителлий (15—69) — римский консул, в 69 г. провозглашенный императором.

Т р е б о н и й.

Остановлюсь на самых важных. Вот
Послание из Иерусалима.
Синедрион{75} *потребовал от нас,*
Поддержкою Пилата{76} *заручившись…*

И р о д.

Ах вот как! Значит, и сюда клешню
Протягивает выкормыш Сеяна?

Т р е б о н и й.

Потребовал, чтоб мы тотчас узду
Накинули на Иоанна, дабы
Его усердью положить предел,
То бишь — сгубить, сжить со свету… Однако
Мы не придали этому значенья…

И р о д.

{75} Комментарии: 2.75

Синедрион — древнееврейское высшее государственное учреждение и судилище в Иерусалиме.

{76} Комментарии: 2.76

Пилат (Понтийский) — римский прокуратор в Иудее (26—36). Согласно евангельской легенде, под давлением еврейской знати выдал Иисуса Христа на расправу.

И правильно. Ведь Иоанн — наш друг,
Он — светоч духа, наши взоры будут
Устремлены к нему и впредь. Он свят,
Он справедлив и сделать зла не может,
Творя добро. И натиск отразить
Сумели вы искусно. А в народе
Какие настроения?

О б а д ь я.

Народ
Исправно платит подати, владыка,
Возросшая взыскательность властей
Способствовала этому немало.
Однако же дозволь правдивым быть,
Как то и подобает верным слугам.
Народ заждался. Нужно облегчить
Согнувшее его на пашне бремя.
Оно повинно в том, что все скудней
Ломоть в горсти и все бедней одежда
На изможденном теле. Словно раб,
Трудясь на царских нивах подневольно,
Ярмо повинностей влачит народ.

Вдобавок он нуждается в защите
От разных вымогателей — своих
И чужеземных, пришлых, особливо —
От пограничной стражи.

И р о д.

Погоди,
И без того сказал уже немало.
Тебе, Обадья, ведомо, что я
Пекусь о благоденствии народа
Отечески и буду печься впредь,
Радея о народе всей душою.
Но и народу следует понять:
Его мозоли — царское богатство,
Сокровища, защита, сила, власть,
Преумножающая состоянье.
Пот хлебопашца — это жемчуга
В короне, что венчает государя
И радугой преуспеянья всем —
И венценосцу, и народу — светит.
А кровь народа — пурпур на плечах
Царя, заря величия и славы,

Что над земной юдолью занялась.
В толпе глухой ропот.
Что значат эти вздохи, этот ропот?
(Иродиаде.)
Довольна ли ты мной, моя краса?
Шепни, Иродиада...

И р о д и а д а.

Очень, царь мой!

И р о д.

Мы всей душой печемся о народе!
Так будет, разумеется, и впредь.
Мы чувствуем свое сродство с народом
И пряжу жизни, коли порвалась
В ней ниточка какая, будем вместе
Чинить и восполнять на свой манер,
Оберегать обычаи и нравы
И ревностно заботиться о том,
Что именуют нивой просвещенья.
Мы эту ниву окропим росой
И опылим пыльцой всего, что сделал
Блестящий римлянин и тонкий грек,

Дабы она цветами запестрела
Искусств и образованности. Мы,
Из странствий возвращаясь, не забыли
О наших подданных. Бесценный дар
Мы приготовили для них. Пусть нынче
Венцом успеха царское чело
И не украшено, зато корона
Венчает сердце государя — он
В отчизну триумфатором вернулся,
В любви триумф одержан им. И вот —
Супруга государя, мать народа!..
Голубка, подтверди мои слова,
Кивни своим сатрапам благосклонно!..

В толпе движение и возглас: «Боже правый!» Царедворцы ошеломлены.

Т р е б о н и й (вполголоса Менахену).

Ну, каково?..

М е н а х е н (так же Требонию).

Я просто поражен...

И р о д.

Что за галдеж? Кто смеет нам перечить?

А ну-ка, Севна, живо навести

Порядок!.. Кто взывает к богу? Знайте:

Наш выбор, наша воля тут — закон!

Ведь это нас касается, и только.

Да, да! И кончено… А это — дочь

Иродиады, стало быть, и наша.

Возлюбленное чадо, улыбнись!

О, Саломея, золотистый лучик

На оснеженной крутизне Аэрмона.

Быть матерью народа и тебе!

Ты, кажется, спросить о чем-то хочешь,

Прелестная подруга?..

И р о д и а д а.

Лишь о том.

Единственная ли твоя подруга —

Иродиада? Помни, лишь вдвоем

Связуют нить любви. Вдвоем…

И р о д.

И верно.
Но где Тамар? Где бывшая царица?
Менахен, Хуза!..

Х у з а.

Вот она идет.

Входит царица Т а м а р со своей свитой.

Т а м а р.

Я здесь, мой царь! Прости великодушно,
Что так замешкалась... А впрочем, я
Пришла, как только осушила слезы,
Должно быть, слезы радости... Но кто,
Кто занял место подле государя,
Мое по праву место?

И р о д.

Подле нас —
Царица и супруга наша. Верно,
Прекрасная моя Иродиада?
А это Саломея, дочь ее
И наша дочь отныне.

Т а м а р.

Сон зловещий!..

Слетелись вороны, чтоб исклевать,

Чтоб растерзать мне сердце… Пусть терзают!

Слыхала карканье, но не оглохла.

Утóк предвестья черным червяком

Сквозь пряжу чувств, сознанья извивался,

Но не ослепла я и, видишь, пью

Полынь, которую великодушно

Ты уготовил для меня, и вспять,

К истокам скорби истекают слезы.

Но раз она твоя жена, о царь,

И стало быть, законная царица,

То кто же я, злосчастная?

И р о д.

Не то

И не другое с этого мгновенья.

Ты не нужна нам боле.

Т а м а р.

О творец,

Ты слышал эти речи? Не нужна я…

И как не помрачатся небеса,

Как не померкнут звезды?!. Тот, который

Перед лицом твоим давал обет

И свято клялся в верности до гроба,

Мной помыкает… Что творишь ты, царь?

Что за нужда тебе повелевает

Взять на душу неискупимый грех?

Да разве я Агарь{77}*? О нет! И разве*

Тебя я стала недостойной вдруг?

Была ль я непокорною, неверной?

Луну и звезды, солнце призови,

Пусть в душу мне посветят — ни единой

Зазорной мысли не увидят в ней.

Люблю тебя доселе! Так за что же

Меня ты гонишь, венценосный муж?

И р о д.

{77} Комментарии: 2.77

Агарь — египетская рабыня, наложница библейского патриарха Авраама, впоследствии изгнанная им по наущению жены.

Ты чужестранка и к тому ж бесплодна.
Закон не возбраняет покидать
Подобных жен. Не так ли, книгочеи,
Советники? Менахен, подтверди!
Ты сведущ в уложеньях и законах.

М е н а х е н.

Не гневайся, владыка, но слуге
В подобных случаях молчать пристало,
Хоть сердце разрывается...

О б а д ь я.

Ты прав,
Мой повелитель!

Т а м а р.

Змий, хамелеон!..
Царь, я свою свободную отчизну,
Свой царский род, богов своей страны —
Все, чем жила и дорожила прежде,
Беспрекословно в жертву принесла
Тебе, стремясь приноровиться, сжить-

ся.

И словно персик, словно деревцо,

Я, пересаженная на чужбину,

Пустила корни, свыклась, привилась.

И видит бог — шесть лет над кровом наших

Надежд и чувств прошли, как светлый сон.

Ах, нет, еще шести не миновало!..

И р о д.

Мы каждою минутой дорожим,

И бесполезны эти проволочки.

Уймись, Тамар, и покорись судьбе!

Т а м а р.

Не замолчу, пока послушен голос,

А станет глохнуть — шепотом весь мир

Оповещу о страшном злодеянье.

Лети по белу свету, мой укор!

Душа, рыдай, оборотившись ветром,

Не знающим, откуда и куда

Несется он! Беспечно же, владыка,
Меня ты предал!.. А ведь я ни в чем
Перед тобой не виновата, нет!
О, вопиющая несправедливость!
Неужто твой рассудок заодно
С истекшим днем не помрачен? Неужто
На месте сердце? Загляни в себя!
Угасла совесть… Тлеет ли хоть искра?
Так оскорбить, унизить, пренебречь!..

И р о д.

Молчи! Не то…

Т а м а р.

Кто, кто тебя похитил?
Исподтишка… Я знаю кто. Она!
Завистница. Злодейка. Губы лживы.
И глаз дурной. Верни мне то, что мне
Принадлежит по праву! И немедля!
Иль заповедь забыла «Не кради!»?
Ужо господь за это покарает!

Ты и шестой пренебрегла...[78] *Стыдись!*

Бесстыжая, покайся!

И р о д и а д а.

Повелитель,

Вступись же, от гадюки защити!

От этой гадины арабской! Жалит

И пышет лютой злобой василиск...

А впрочем, нет, постой! Сама с ней справлюсь,

Я за себя сумею постоять

И прогоню ее в пустыню, в камни,

Где вылупилась эта тварь. Ступай!

Да знаешь ли ты, пришлая, что внучка

Я Ирода Великого? Престол

По праву мой. И ты должна отречься

И уступить Иродиаде трон,

Куда тебя вознес всего лишь случай.

Тем более что Ирод, царь, меня

В своем лелеет сердце августейшем,

{78} Комментарии: 2.78

Ты и шестой пренебрегла... — Имеется в виду шестая из десяти библейских заповедей, которая гласит: «Не прелюбодействуй!»

Тебя изгнав оттуда. Преклони ж
Колена перед нами в знак смиренья!
Пока ты здесь — ты в подданстве у нас!
И благодарность за гостеприимство,
За все, чем пользовалась, — соизволь
Нам выказать! Довольно, погостила!
Колена преклони и уходи!
Ступай, исчезни с наших глаз, бродяжка!

Т а м а р.

Перед тобой колена никогда
Не преклоню! И знай, что в этой тяжбе
Я призываю в судьи весь народ.
Ты заришься на то, чем я владею
С его благословенья. Услыхав
Мой зов, народ рассудит справедливо
И вынесет достойный приговор.
И — горе вам!

И р о д и а д а.

Что?! Воля властелина
Превыше дел и помыслов людских!
Она — закон, который правит миром.
Известно ли тебе о том, змея?

И р о д.

Ты так и брызжешь яростной слюной!
Довольно бесноваться и злословить...
Советую: покуда не постиг
Тебя нещадный град царевой кары,
Вполне тобой заслуженной, Тамар, —
Уйди с дороги подобру-здорову!
Ступай-ка с богом, устранись, не то
Мы сотню стражников — опору власти —
На помощь кликнем...

Т а м а р.

И от них народ
Свою царицу защитит! Он чуткий
И благодарный. На мою любовь
Он отвечал любовью. Я склонялась
Над ним, спеша помочь ему в беде,

Утешить в горе и пролить на раны
Целительный бальзам. Пеклась о нем,
Как мать — о дитяти...

И р о д.

Иродиада,
Пойдем, голубка! Нынче — пир горой
В честь моего и твоего приезда,
А завтра — свадебное торжество,
Веселое, блестящее, как слава...

И р о д, И р о д и а д а, и х с в и т а и в с е ц а р е д в о р ц ы удаляются во внутренние покои; остаются лишь царица Тамар и Замира с Иоанной.

Т а м а р.

Прелюбодействуйте, чтоб довершить
Свое паденье! Погрязайте в блеске
Разврата, кутежей!.. Я знаю: бог,
В которого уверовала свято,
Не станет снисходительно взирать
На ваши оргии. Кошмар Содома
Обрушит он на вас громами туч

И молнией летучею и в клочья
Тенета непотребства изорвет!

Х у з а *(выбегая из внутренних покоев)*. Не мог я больше оставаться в этом вертепе!.. О, милостивая государыня-царица! Не подслушивают ли нас фискалы?.. Какая неслыханная несправедливость! Слов не нахожу! Однако ж утешься, царица, коли можешь, в горе своем, ибо вот оно, возмездие, — всеобщий ужас, изумление, растерянность вызвал безрассудный поступок царя! Тяжелый удар нанес властелин народу, а народ не прощает кровавых злодеяний. Всем честным соплеменникам нашим царь нанес удар в самое чувствительное место. И у меня сердце доселе кровоточит. Все, конец моей службе при дворе!

И о а н н а. Хуза, царица будет нашей гостьей, нашей заступницей… И поразмысли, Хуза, посоветуй, что делать дальше?

Т а м а р. Благодарю вас. Я уже знаю, как поступить. Мой добрейший отец, царь арабский, помимо прочих городов владеет еще и древним Дамаском. Там его наместник и множество должностных лиц. Я отправлюсь туда в ближайшее время. А оттуда — в Петру.

Х у з а. Кто-то скачет по торжищу прямо ко

дворцу. Видно, издалека. И очень торопится. Соскочил с коня, привязал его под фонарем к кедровому столбу и, шарахаясь из тени в тень, крадется, точно коварный хищник.

Появляется Ф и л и п п.

Кто ты?

Ф и л и п п. Чуть потише, дружище… Я — Филипп, ограбленный горожанин из Сефориса. *(Распахивает свою накидку.)* Не узнаешь меня, Хуза? Под покровом ночи прискакал я, как тайный злодей, чтобы схватить злодеев явных… Ба, да здесь и ее величество царица? О, прими мое искреннее соболезнование! В столь поздний час, под открытым небом… Догадываюсь, что с тобой произошло. Это ужасно! Я — муж несчастной Иродиады… И несчастный отец единственной моей дочери, прелестной Саломеи. Ее увлекла за собой на погибель эта ветреная женщина! О, скорей бы вырвать ее отсюда!

И о а н н а. Как могли они это сделать против твоей воли?

Ф и л и п п. Я ни о чем не догадывался. Когда царь по дороге в Рим, к величайшему моему изумлению, остановился у меня, чтобы развлечься, я, поглощенный обязанностями гостеприимного

хозяина, не заметил никаких признаков сговора. Но несомненно: они уже тогда поладили, а возможно, и условились обмануть и обесчестить меня, нанести мне тягчайшее оскорбление. Бесстыдники так и поступили, выставив меня на посмешище. Все это время я находился по торговым делам в Тире. До дому добрался только сегодня под вечер. Перепуганный домоправитель, ни жив, ни мертв от страха, рассказал, что случилось в мое отсутствие, и тут же протянул мне послание царя, где злейший мой враг в довершение всех бед без зазрения совести объявлял, что изгоняет меня с родины и присваивает себе мое имущество. Что было делать?.. Будто укушенный змеей, я, как только пришел немного в себя, решил действовать не мешкая — снова собрался в путь, прихватил с собой оружие, вскочил на огненного скакуна… и вот я здесь, готовый на все, готовый жестоко отомстить негодяям за их вероломство, а главное — вызволить свое дитя!

Х у з а. Филипп, погоди! Не рискуй головой понапрасну. Храбростью тут ничего не добьешься, телохранители совладают с тобой в два счета. Лучше дождись удобного момента, когда обстоятельства будут тебе благоприятствовать. Слушай, Филипп! Ее величество царица намеревается

отбыть в Дамаск, а оттуда — в Петру. И уж коли ты все равно изгнанник, лишенный права проживать в царстве Ирода, — сопроводи царицу в Дамаск, а потом…

Т а м а р. И я прошу тебя о том же, Филипп. Только до Дамаска…

Ф и л и п п. Любая твоя просьба, царица, для меня — повеление моей царицы. Благодарю тебя, Хуза, за проблеск света во мраке… О, дочь моя! О, день возмездья, прилетай скорее на огненных крылах!..

Х у з а. Тсс!.. Идет стража… Соблаговоли, царица! Нам лучше уйти…

Все удаляются.

З а н а в е с.

И о а н н (выходит на просцениум).

Меня с простым народом породнила
Еще и бедность. Я по доброй воле
Бежал в пустыню, ибо, потакая
Своим тщеславным прихотям, мы словно
Откармливаем скакунов, и те
Мчат седока к хоромам, где насилье

Над ближними — настил для скакунов.
Гордыня служит кровлей, норовя
Затмить достоинство, заслуги чести
И светозарность духа. Небесам
Смешно глядеть, как эта кровля, пы-
жась,
Вздувается и тщится прободать
Рогами башенок лазурный полог.
Обжорство и разврат — вот чем жи-
вут
В таком вертепе… И приспело время
Его порушить! Я употреблю
Для этого все силы, что обрел я,
Припавши к высохшей груди пустынь,
Влекомый к ним неизъяснимой стра-
стью.
Устои низменные расшатать,
Повергнуть твердолобые опоры
И превратить хоромы непотребств
И подлости в развалины, как в Газе

Герой Самсон{79} когда-то учинил.
Себя сгубил, зато погреб в руинах
И Дагона и записных гуляк…
Все помыслы мои и все усилья
Устремлены к тому, чтоб сокрушить
Обитель зла, где подлые вельможи —
Пособники грабителей живут,
Охотники до взяток, подношений,
Глухие к горю и мытарствам вдов,
На сиротах готовые нажиться, —
Сановники, князья и их рабы…
Мне предлагают помощь бескорыстно.
Признателен весьма. Но я даров
Не принимаю. Мне вполне достанет
И шерсти на одежду, что дает
Линяющий верблюд, и пропитанья,
Которое искусная пчела
В дупле готовит — в очаге дубовом.
А то так под открытым небом стол,

{79} Комментарии: 2.79

…в Газе герой Самсон… — Мстя филистимлянам за причиненные унижения, библейский богатырь Самсон разрушил в палестинском городе Газе храм бога Дагона, погреб под его руинами себя самого и три тысячи пирующих врагов.

То бишь пустыню, падшая кобылка
Накроет для меня и угостит
Свежатинкою, лакомством — собою.
Сегодня мне подушкой — мягкий мох,
А завтра — твердый камень. Чистый воздух
И чувства освежает и бодрит.
Из недр скалы ударит ключ, коль скоро
Сам жаждущий тверд в вере, как скала...
И для любого, кто бы ни нуждался
В подмоге ваших рук, тепле сердец, —
Добро творите, защищайте грудью
Того, кто беззащитен! А потом
Да снизойдет покой в мою и вашу
Кипящую негодованьем душу!
Мир и покой да осенит вас всех!
Покой, который величав, как небо,
И, как оно, превыше всех скорбей,
Окутавших юдоль земную мраком.
Превыше бездн коварства, и вершин
Гордыни, и насупившихся дебрей

Звериной ненависти, и пустынь
Тупого равнодушия. Превыше
Зарниц ума, что хитростью своей
Взор простоте слепит и затмевает
Сиянье честности. Превыше бурь
С мечами молний, выкованных местью,
Репья злорадства — этого бича
Для всходов благородного порыва.
Превыше всякой скверны, всех невзгод.
Мы все землей земными рождены
И говорить способны лишь земное.
Я — глас, который возвестил свое.
Пойду туда, где все еще пустыня,
И глухомань, и толпы диких скал,
И там останусь до тех пор, покамест
Шершаво-хмурый кряж вблизи Хеврона
Навеки не сомкнется надо мной.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Двор замка Макор. В укромном месте каменная скамья, над нею зарешеченное окошко. Под дворцовым порталом спуск в подземелье и потайной ход. М е н а х е н.

О б а д ь я выбегает из внутренних покоев.

М е н а х е н. Что, уже, Обадья?

О б а д ь я. Еще минутку-другую. Ее величество царица тоже пожелала принять участие в охоте, поэтому вышла небольшая задержка… Она прямо-таки новоявленная воительница Дебора{80} или Юдифь{81}! Мне это по сердцу… А ты не в духе, Менахен. Что с тобой? Или плохо спал? Но, помилуй, что еще остается делать в этой сумрачной берлоге, как не спать?

М е н а х е н. Спал, как спалось… Все это уже давно меня мучит, гнетет. Тяжко на душе, но кому

{80} Комментарии: 2.80

Дебора (*библ.*) — пророчица, поэтесса, ревностная служительница иудейского бога Яхве. Подняла свой народ на борьбу с захватчиками, которая увенчалась победой.

{81} Комментарии: 2.81

Юдифь — молодая вдова-еврейка, отрубившая голову Олоферну, военачальнику ассирийцев, осадивших иудейскую крепость; после этого охваченные паникой ассирийцы были разбиты.

какое до этого дело?

О б а д ь я. Да я и не собираюсь лезть тебе в душу, боже сохрани, досточтимый начальник, соперник наших придворных мудрецов. Замечу только, что царь в своем государстве повсюду дома. О, когда-то я слышал это собственными ушами! Хе-хе-хе…

М е н а х е н. Чтобы чувствовать себя повсюду дома — для этого надобно завоевать сердце народа! И прежде всего снискать любовь простого люда, ибо он несет на своих плечах тяжкое бремя, ибо он — основа всех основ, опора власти и славы мирской. Нужно уметь склониться над ним, посочувствовать ему в его страданиях. У нас же дело обстоит иначе. Царь в мнимой своей недосягаемости благоденствует на некоем воображаемом Олимпе и, упиваясь праздностью, отплясывает, топочет. А когда наперекор этому бешеному топоту из недр Олимпа доносятся рыдания и страдальческие вопли, венценосец начинает метать громы и молнии, точно обезумевший от ярости Юпитер!..

О б а д ь я. Эдак ты, чего доброго, бунтовщиков станешь превозносить до небес! Может, прикажешь наградить этих смутьянов, отметить, возвысить злодеев? Наказать их следует, Мена-

хен, покарать! Чтоб другим неповадно было. Так поступил бы любой разумный правитель, это на пользу и царю и самому народу…

М е н а х е н. Враки! Напротив, гораздо больше пользы принесло бы милосердие.

О б а д ь я. Никогда! О милосердии не может быть и речи, Менахен… Безжалостно покарать виновных, уничтожить, и в первую очередь устранить источник всех зол, источник недовольства!.. Ты отлично знаешь, о ком я говорю. Надеюсь, на сей раз Иоанн не ускользнет от погони. Его схватят, доставят в крепость, и все успокоится.

М е н а х е н. Бессердечный ты человек! Самый ярый из фарисеев…

О б а д ь я. Но разве сам ты не нанес жестокого оскорбления царю и в особенности ей, царице? Разве не слыхал ты чудовищного обвинения, предъявленного иерусалимцами в Декаполисе{82}? Отчего ты не заткнул им рот, когда они клеветали на Ирода и поносили его?.. Но не будем горячиться, Менахен! Не знаешь ли, чем кончился вчерашний совет? Меня это очень занимает.

М е н а х е н. Скоро узнаешь об этом из уст са-

{82} Комментарии: 2.82

Декаполис (Десятиградье) — конгломерат десяти палестинских городов к юго-востоку от Генесаретского озера.

мого сведущего. Не волнуйся, тебе, толстосуму казначею, тоже будет чем поживиться…

О б а д ь я. Не сердись, приятель, не сердись… *(Уходит.)*

М е н а х е н. Сумасбродный упрямец! Не видит дальше своего носа… Ох, это змеиное гнездовье!.. *(Уходит.)*

Входят И р о д, И р о д и а д а, С а л о м е я, ц а р е д в о р ц ы и п р и с л у ж н и ц ы.

И р о д.

Освободясь от бремени забот,
Мы распрямимся, наподобье древа,
Выпрастывающегося весной
Из-под сугробов снега на Аэрмоне.
Напружится и зазвенит! Вот только
Расправим плечи, обретем размах,
Натянем тетиву и спустим, тенькнув, —
И прямо к цели полетит стрела
Надежд и замыслов… Так на охоту!

П е р и т. Дозволь, сиятельный царь! Нужно еще дать распоряжения галилейским гонцам… Им пора отправляться, время не терпит…

И р о д. Ах да!.. Это бремя надобно не только сбросить с плеч, но и отшвырнуть его ногой, когда оно падет, столкнуть в пропасть!.. Наше решение мы обдумывали даже ночью, то и дело пробуждаясь ото сна, обдумывали, но не изменили ни на йоту… Каково же оно? Огласи, прилежный письмоводитель! Изложи! Но только кратко, самую суть…

П е р и т *(читает)*. «Полномочному военачальнику Ахисару повелеваем: бунт, в каком бы месте Галилеи он ни вспыхнул, беспощадно подавить, опираясь на помощь римских гарнизонов. Под началом Севера{83} в нашем стольном городе, в Сефорисе…»

И р о д. И прочая и прочая!..

И р о д и а д а. Беглых бунтовщиков преследовать и за кордоном!..

И р о д. Разумеется. Записано ли это?

П е р и т. Да, мой повелитель. Кроме того, об этом же будет сказано в особом послании Вителлию.

И р о д. Превосходно. Читай дальше, да побыстрее, любезный Перит!

П е р и т. «Второе. Схваченных бунтовщиков

{83} Комментарии: 2.83

Севе́р Юлий — римский полководец, усмиривший восставшую Палестину (136).

по причине тяжких злодеяний строго наказать, особливо тех, кто напал на наш дворец Тивериадский и причинил ему ущерб, замыслив в него проникнуть и подвергнуть разграблению. И поелику покусились они на камень недвижный — побить их всех камнями…»

И р о д и а д а. На торжище перед дворцом. Камнями из его стен…

П е р и т. Так и записано, милостивая царица. «А тех, кто сжег и разграбил усадьбу царицы в Сефорисе, распять на пепелище друг подле друга, а буде огонь еще не утих — на нем их и сжечь…»

И р о д и а д а. Предварительно подвергнув пыткам, Перит…

М е н а х е н. О, карай милосерднее, любезный царь мой! Дай хотя бы в последнюю минуту проникнуть моему воплю в тайники сердца твоего! Смилуйся, на коленях тебя молю… Ты только подумай…

И р о д и а д а. Сие невозможно!

И р о д. Сие невозможно, сердобольный Менахен…

П е р и т. «А тех, что в Сарепте разорили виноградники царские, — повесить на тамошних шелковицах. Тех, кто спустил воду из царских прудов, — до конца их дней не выпускать из

темницы. Тех, что корабли царские потопили в нашем море, — там же и утопить самих. Тех, кто в краю, находящемся за этим морем…»

И р о д. Все записано, как решено! Слово в слово.

И р о д и а д а. А сказано ли о возмещении убытков?

П е р и т. По вашему велению. «Всех, в том числе и наследников, заставить возместить причиненные убытки».

И р о д и а д а. В семикратном размере!

И р о д. Благо «семь» — наше священное число. Читай дальше…

П е р и т. «Третье. Набирать войско не только за мзду, но и принудительно…»

И р о д. Определена ли численность войска? Чем больше, тем лучше! Войско — это самые надежные доспехи, самая крепкая крепость. Живем мы в трудные, неспокойные времена. Что там еще, велеречивый наш письмоводитель?

П е р и т. Упорядочение податей, великий царь.

И р о д. Храброе войско и полная казна, кровь и пот народные вместе… вот почва, на которой царский вертоград поднимется не по дням, а по часам. Будь же краток!

П е р и т. «Повелеваем прежние подати увеличить и ввести новые. Повысить пошлину за проезд и провоз. Вдвое продлить срок принудительных работ и таким путем ускорить строительство...»

И р о д. То, чему нанесло урон сумасбродство подданных, поневоле приходится исправлять царскому благоразумию. Так уж ведется на белом свете, увы!.. Царь есть царь, его голова полна блестящих мыслей и замыслов, его сердце жаждет осчастливить других и самому чувствовать себя поэтому счастливым. Ведь так и должно быть, премудрая Иродиада? Стало быть, Перит, с этим покончено? Все правильно. Не будем же терять времени понапрасну.

Так на охоту! Видишь, дорогая
Супруга, — аваримские леса{84}
Опушкой окоема протянулись.
От них отходят клином два мыска,
Как будто две внушительные ветви.
И все еще заполнен этот клин
Тенями — повседневная одежка,

{84} Комментарии: 2.84

Аваримские леса — леса на Аваримских горах, близ Соленого (Мертвого) моря, в Палестине.

Которую, должно быть в нашу честь,
Леса снимают, облачаясь в роскошь.
Двукрылье это Фасгою{85} зовут,
И там сегодня зазвучит охота,
Неслыханною музыкою гон
Взыграет по окрестностям… А правда ль,
Начальник крепости, что вепрь туда
Полакомиться желудем заходит
И землю роет рылом?..

К а с т е л я н.

Да, мой царь.

И р о д.

Вообрази, премудрая подруга
(Воображенье — это чародей,
Ему пространство, время — не помеха,
Куда угодно нас перенесет), —
Вообрази, что это густогривый
Лес в Калидоне, где кабан шалит
И вспарывает страшными клыками

{85} Комментарии: 2.85
Фасга (Нево) — горная гряда в Палестине.

Жизнь на земле, принадлежащей нам!
Где б ни пришел с ней в соприкосновенье, —
Опустошая нивы, губит хлеб
В зародыше… И мы, затеяв нынче
Охоту, этот знатный гон, хотим
Настигнуть чудище. О, я желал бы
При сем быть Мелеагром{86}*, ну а ты,*
Царица, будешь истою Атлантой.
Метнешь копье и ранишь кабана,
Стрелу пошлешь в зрачок его горящий,
Когда кабан из чащи напролом
Помчится. Ну а я… я… если счастье
Мне улыбнется, — чудище добью.
В путь, господа! Вы нынче все, наверно,
Суть витязи охоты. Пусть же все
Сопутствуют нам, кроме тех, конечно,
Кого удерживают в сих стенах

{86} Комментарии: 2.86

Мелеагр — герой древнегреческих сказаний, участник похода аргонавтов и Калидонской охоты, во время которой возлюбленная Мелеагра охотница Атланта ранила чудовищного вепря, насланного на калидонские поля мстительной богиней Артемидой. Добил зверя Мелеагр. Вспыхнувшая из-за добычи распря стоила герою жизни.

Обязанности. Женщин приглашаем.
О женщины, жемчужины!.. А где
Загонщики? Где гончие собаки?
Оруженосцы?

К а с т е л я н.

Все уже внизу,
Готовые по твоему приказу
Отправиться в поход.

И р о д.

Носилки, эй!
Носилки пурпурные для царицы!..
Да где ж они, носильщики рабы?..
Ах, боже мой, какая нерадивость!

И р о д и а д а.

Не нужно, дорогой супруг, носилок.
Пусть лучше оседлают мне коня,
Взнуздают вихрь!..
И р о д.

Да ты же — Ипполи-

та[{87}],

Ты — гордость амазонок! Я — Тезей[{88}]*...*

Нет, мы сегодня калидонцы... Может,

И у прекрасной Саломеи есть

Какие-либо пожеланья? Верно,

Хотела б ты на крыльях полететь.

Но на каких, скажи?! На мотыльковых?

Сейчас навряд ли сыщешь мотыльков.

На птичьих уж тогда... На крыльях чайки?

Или на соколиных? Те быстрей...

Ты — дочь богини красоты, и крылья

Тебе даны с рожденья. Кыш, Эрот!..

С а л о м е я.

Я не поеду.

И р о д.

Как? Но отчего же?

{87} Комментарии: 2.87
Ипполита — царица амазонок, мифических женщин-воительниц.

{88} Комментарии: 2.88
Тезей — легендарный афинский царь.

С а л о м е я.

Не хочется.

И р о д.

Отказ слетает с уст
С такою легкостью!.. Да ты крылата
Крылатостью строптивой стрекозы!
Не хочется? Возможно... Обладаешь
Ты собственною волею уже,
И, стало быть, не все тебе по вкусу.
Но рассуди: еще ты молода,
И для того, чтоб что-то значить, воля
Твоя должна сомкнуться с волей тех,
Кто старше и сильнее. Плющ недаром
Вкруг дуба вьется, связывая с ним
Свое благополучье, процветанье
И доверху карабкаясь, — не то
Он будет стлаться и его растопчут.
Хотя он и нахлебник — не беда!
Зато здоровьем пышет, процветает
И лоснится улыбчивостью щек.

И льнет его листва к листве дубовой,
Как к близнецу близнец... Бери пример!
На древо нашей воли, что доныне
И зелено и крепко, ты навей
Свою лозу, непрочную покуда,
И венчиками расцвети для нас!
Гранатовыми чашечками — ну же!

С а л о м е я.

Нет, не поеду.

И р о д и а д а.

Вижу, ты опять
Капризничаешь, гадкая девчонка,
Ослиное упрямство, прихоть, блажь!..
Вон сколько глаз таращится, и в них
Читаю порицанье. Разве можно
Вести себя, как ты?!

С а л о м е я.

Царица, мать,
Сама ты говорила, что мой возраст —
А мне уже пятнадцать полных лет! —

Предполагает большую серьезность,
Решительность и постоянство... Я
Все это обрела уже и знаю,
Ты мне простишь, что на своем стою,
Отказываясь ехать...

И р о д и а д а.

Отговорки!
Поедем, торопись и знай, что мать
И почитать и слушаться пристало!

С а л о м е я.

О боже!..

И р о д.

Ну а если царь велит?
Так как же?

С а л о м е я.

Не хочу.

И р о д и а д а.

Ну и сиди!
Упрямица, строптивица!.. Ступай-ка

В каморке самой дальней потомись
И в наказанье поскучай! Мелита,
Семпрония и Абда, вам стеречь
Мы поручаем узницу!

Саломея с несколькими наперсницами удаляется во внутренние покои.

Ирод.

Досадно,
Весьма досадно…

Иродиада.

Злюка!.. Ну, так в путь!

Ирод.

Ее норовистость и та прелестна!
Цветок, что гневно выставил шипы
И полностью раскрылся воплощеньем
Редчайшей, совершенной красоты…
Итак, мы выступаем. Гон! Охота!..

Все уходят.
Саломея в сопровождении наперсниц выходит из внутренних покоев.

С а л о м е я.

Нет, в этой отвратительной дыре
Я не останусь больше ни минуты —
И что угодно делайте со мной!

А б д а.

Принцесса, дорогая, ради бога!..
О, если матушка узнает — нам
Несдобровать, нам всем, ведь ты же знаешь,
Царица так строга, что не простит
Малейшего проступка.

С а л о м е я.

Будь что будет!
Мне, Абда, нужен воздух, нужен свет,
Я не сова — страшилище ночное.
Я — птица, что взмывает над гнездом,
Как пущенный пращою камень или
Мяч, брошенный рукою игрока,
И тонет и теряется в лазури...
Вбираю с наслажденьем синеву,
Изжаждавшимися губами воздух —

Нектар души, разлившийся во всю
Ширь поднебесья. Пью его глотками,
Огромными, как волны, а зрачки
Затмившиеся жадно поедают
Хлеб солнышка, ломоть... еще ломоть...
Краюха золотиста, словно сдоба.
Как эта пища здорова, вкусна!
Как сладостно питье!

М е л и т а.

Оно, пожалуй,
Застрянет в горле, причинит нам вред...
Остерегись, принцесса!

С а л о м е я.

Ах, Мелита,
Какая ты смешная, у тебя,
Наверное, желудок никудышный...
Да был ли вреден хоть когда-нибудь
Свет солнца — дню? Вот мрак — другое дело.

По вечерам недомогает день
И голову тяжелую склоняет
В зеленую подушку на горах.
По телу судороги пробегают,
И что ни вдох — то вздох, и что ни взгляд —
То лихорадочное полыханье.
А если что-то силится сказать —
Стон из груди, громоподобный рокот…

А б д а.

Но все сильнее будет он горчить,
Напиток этот…

С а л о м е я.

Что, он — яд смертельный?..
Ха-ха! Не пей, голубушка, не пей,
А то еще отравишься, бедняжка,
Умрешь!.. Глаза у страха велики.
Но даже ваш веселый бард Гораций{89}
Не пил такой амброзии, когда

{89} Комментарии: 2.89
Гораций Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) — классик древнеримской поэзии; автор сатир, од, стихотворной «Науки поэзии».

Слагал стихи блистательной Гликере{90} —

А ведь фалернское поэт любил!..

А что любил Анакреон{91}*, Мелита?*

Какое, Абда, пил вино Давид{92}*?*

А впрочем, все равно... Я — о напитке,

Которым опьяняются с утра

Все трезвенники, чтоб еще яснее

Стал разум, — ведь случается, что сном

Он затуманен с ночи...

М е л и т а.

Ах, пойдем же!

Мы — люди подневольные... Пойдем!

А б д а.

{90} Комментарии: 2.90

Гликера — имя возлюбленной Горация, встречающееся в его лирических одах.

{91} Комментарии: 2.91

Анакреон (ок. 570—478 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт, воспевавший чувственную любовь, вино, праздную жизнь.

{92} Комментарии: 2.92

Давид (*библ.*) — пастух, ставший величайшим иудейским царем; победитель филистимлян (легендарный поединок Давида с Голиафом), военачальник, поэт, арфист.

Не будь жестокосердной! А иначе
Пропали мы… несдобровать…

С а л о м е я.

Эх вы,
Трусихи и кукушки, у которых
Дрожат ресницы, крылышки дрожат.
При виде пугала готовы порскнуть
Из собственного закутка… Ну, ну,
Воспряньте духом! Я за все в ответе.
Есть ключик у меня, да, да, есть ключ
От сердца материнского! Умелец,
Которого Пройдохою зовут,
Мне выковал его, снабдив бородкой
Испытанных уловок и зубцом
Умильно улыбающейся лести.
Я ключик вставлю, поверну в замке —
И сердце отворяется, воркуя
И привечая собственную дочь
Как дорогую гостью… Вы не бойтесь!
И что нам делать в комнате?

А б д а.

А здесь?
Тут даже холодочка не отыщешь,
Растет один лишь чахлый кипарис...

С а л о м е я.

Мне нравится на лицах смуглость так же,
Как и румянец розы. Я люблю
Сиянье на небе... О, здесь мы можем
Побегать взапуски по крепостным
Стенам, по этим галереям. Гляньте!
Там что-то шевельнулось. Чья-то тень.
Да это, кажется, Менахен. Кудри
Блестят и отливают серебром.
Наверно, наблюдает за охотой
И этим развлекается — чужим
Досужим развлеченьем. И не так ли
Весь белый свет развлечься норовит?
Так развлечемся же и мы! Кто первый
Проворство явит и на кипарис
Вскарабкается, наподобье белки?

А б д а.

Одумайся, принцесса, это все
Забавы неуемных ребятишек,
Мальчишеские игры, озорство...
И царскому дитяти не зазорно
Побегать, порезвиться, но ведь ты
Уже не маленькая — повзрослела.

С а л о м е я.

Я — падчерица, Абда, а не дочь,
А это не одно и то же.

А б д а.

Полно!
Ведь сразу видно: ты царю милей,
Дороже, чем отцу родная дочка...

С а л о м е я.

Благодарю. Но что мне, Абда, в том?

М е л и т а.

О да, ведь ты на выданье, ты — роза
В расцвете благовонной красоты,
Очарованья, неги средоточье...

О, счастлив тот жених, кому женой
Ты станешь.

С а л о м е я.

Замуж никогда не выйду.
Любезные подружки, никогда!
Хотела б стать я храброй, стойкой девой,
С воинственной отвагою в груди.
И чтобы все опасности, преграды
Мне были нипочем, чтоб я не зналась
Со страхом бледнолицым. Я хочу
Стать героиней, вроде тех, которых
Народ наш в прошлом славою венчал.
И если нужно — послужить народу.

А б д а.

Давайте силой меряться, бороться!
Э, то ли дело битвы в Колизее...
Я там не раз бывала, и всегда
В кругу придворных женщин, заодно

С женой Германика{93}. Вот состязанья!

Вот зрелище! Как будто бы клубки

Гигантских змей, сплетенных в поединке,

Вонзившихся друг в друга, по песку,

Перетирая в пыль его, метались

Тела бойцов в сверкающей броне.

Рабы, но что ни гладиатор — витязь!

Щит загудит, преломится копье,

Треск, хруст — и то восторженность, то ужас

Владеет зрителями... Много раз

Увенчан пальмой первенства был некий

Проворный гладиатор. Видно, он

Добыл себе свободу на арене.

Под стать сосне самнитской статен. Грудь

Широкая, а ноги мускулисты.

Откинутая гордо голова

Красива. И не сходит с губ улыбка.

{93} Комментарии: 2.93

Германик (15 г. до н. э.—19) — римский полководец, племянник императора Тиберия.

Весь в напряженье и настороже,
Наносит ли удар иль отражает.
Он, кровью истекая, вел борьбу
С коварным барсом. Руки и лодыжки,
Все тело в ранах… Но в конце концов
Брал верх и, мертвой хваткою вцепившись
В загривок зверю, волочил его
Вдоль по арене. Зрители все разом
Вскочивши с мест, неистовый восторг
И одобренье бурно выражали,
Бросали победителю дары…
И мы из ложи, убранной нарядно,
Гирлянды роз бросали. Я сама
Снимала золотистый венчик, чтобы
Вручить почтенной Ливии, и мы
Цветами засыпали паладина…
Вот это были поединки, да!

М е л и т а.

А видели б вы истмийские игры!..
У моря, там, где две струи в прибой
Сливаются, напористый, гремящий,

Стоит задумчиво священный бор.
Там посреди лужайки, что привольно
Простерлась в окружении дерев, —
Огромная фигура Посейдона,
Которую Пракситель{94} изваял.
И грозный бог с трезубцем заостренным
Ристалище собою осенил.
Там вихрем пролетали, состязаясь,
И всадники, и сонмы колесниц
С четверкой скакунов, да так, что спицы
Сливались в колесе, рождая гром.

А б д а.

Ну будет вам, подружки, перестаньте
Бахвалиться! Уже довольно с нас
Диковинных, волнующих рассказов.
Нет, состязанья — это для мужчин.
Метание копья, бросанье диска,
И скачки, и бог знает что еще…

{94} Комментарии: 2.94
Пракситель — великий древнегреческий скульптор середины IV в. до н. э.

Они судьбу испытывают всяко,
Жестокими проделками подчас,
А то — головоломным ухищреньем.
Но не для женщины все это — ей
Смиренные пристали развлеченья,
Они слегка рассеивают нас,
Неистовства и сумасбродств чураясь.
Вот так же расправляет лепестки
Цветок в своем пристрастье к сладкой неге.
Тебе же — воплощенью красоты
И средоточью редкостных достоинств —
Такие развлечения вдвойне
Пристали. Скажем, пение. Я арфу
Из дерева альмугим принесу,
С серебряными струнами. Сыграй нам!

С а л о м е я.

Известно ли тебе в пустыне этой
Занятие такое, что могло б
Тоску и скорбь преобразить, как будто
По волшебству, в веселую игру,

А каменное равнодушье — в чуткость?
Скажи, Мелита!

М е л и т а.

Музыка! С тех пор
Как прибыли из Рамофа сюда мы,
Ты семиструнной лиры не брала.
Смотри, она совсем истосковалась!

С а л о м е я.

Я не хочу.

А б д а.

Ну, спой хотя бы песнь,
Которая слывет царицей песен
И схожа с дуновеньем ветерка,
Донесшего благоуханье клумбы.
Прозрачен, словно мед, фригийский строй
Пленительнейшей песни, что Парфений{95}
Исторг из сердца, дабы, описав

{95} Комментарии: 2.95
Парфений (I в. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор сборника «О любовных страданиях».

Сладчайшую кривую, эта песня
Вошла в другое сердце, отомкнув
Его врата пронзительностью чувства.
Себя развесели, утешь царицу…

С а л о м е я.

Она вполне утешилась с царем.

А б д а.

Тогда спляши под музыку, в которой
Все молодечество воплощено!..
Веретеном по комнатам! А ну-ка!
Разнузданность вакхическая!..

М е л и т а.

Нет,
Исполненный очарованья танец,
Спокойный, плавный — вот что хорошо!
Тот, что танцуют в одиночку. Правда,
И в нем огня достаточно, ведь он
Бравурной молодости порожденье.
Но жар его умерен, приглушен,
Как жар уже подернутого пеплом

Заката. Жар не страсти, но тоски,
Однако же рожденной сильным чувством.
Все тело начинает трепетать,
Не нарушая, впрочем, впечатленья
Гармонии. И чувства, словно кровь,
Пульсируют и выдают себя
Изгибом талии — тростинки хрупкой,
Наклоном томным головы, под стать
Склоненной чашечке цветка. Волною,
Вздымающею горделиво грудь,
Движеньем рук, похожих на гирлянды, —
Их расплетают и сплетают вновь,
Улыбкою горячих губ, манящим
Сияньем глаз, мельканьем, дрожью ножек…
Потоком льется музыка — и вдруг,
Исход предвосхищая, со стремниной
Встречается, и ну в обнимку с ней
Кружиться хороводом, освящая
Брод как исход, как торжество любви.

Любовная тоска и жажда счастья
Утолены.

А б д а.

Сапфическим зовут
Описанный тобою танец?

М е л и т а.

Верно.
Тебе, принцесса, он знаком. Не раз
К шажкам, прыжкам, наклонам
Ты приноравливалась, и тебе
Понравилось. Сапфо{96}*, полубогиня,*
Во время игр пифийских{97} *надевала*
Блистательный наряд, венком украсив
Чело, душистой амброй умастив
Свободно ниспадающие кудри,
Взяв лиру, танцевала на скале,
На острове родном, и в пену моря

{96} Комментарии: 2.96

Сапфо (первая половина VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса с о. Лесбос.

{97} Комментарии: 2.97

Пифийские игры — празднества (соревнования поэтов, музыкантов) в память победы Аполлона над чудовищным змеем Пифоном.

Слетала, как лебедка, на крылах
Чарующей музыки.

С а л о м е я.

Я топиться
Не собираюсь. Ох, невмоготу.
Назойливы донельзя в уговорах!
Ступайте лучше в комнаты, к моим
Любимым вазам, амфорам, кувшинам,
Которые я из дому взяла.
Ах, отчий дом!.. Большой искусник делал
Сосуды эти. Пусть же не стоят
Порожними! Как часто я дивилась
Красивым выпуклостям и резьбе.
Реликвии, которые давно
Разлучены с цветами!.. Так ступайте ж!
Меня Менахен, может, развлечет.

Н а п е р с н и ц ы удаляются.

Менахен, эй!.. Услышал... Обернулся.
Идет сюда... И долго ж он стоял

На башне, как на страже. Этак может,

Пожалуй, закружиться голова.

Врос, будто столб, похожий вон на этот…

М е н а х е н *(торопливо возвращается из своего уединения).* Эта охота, этот гон!.. *(Страже на башне.)* Стерегите, стражи, стерегите крепость! *(Саломее.)* Ты звала меня. Я пришел. Что прикажешь, милая принцесса?

С а л о м е я. Ты так долго стоял над пропастью, даже страшно стало, закружится голова — и упадешь в бездну. Ты примеривался, глубока ли она, или наблюдал за доблестной охотой царской? Сопутствует ли им удача? Этому лису с луком и волчице с душой-удавкой, ха-ха-ха? Настигли они добычу?

М е н а х е н. Не знаю, принцесса, ветер донес шум, крики, больше я ничего не слышал и не видел. А пропасть глубокая… Кто и как ее преодолеет? Тут годится только радуга примирения, этот небесный мост… Кто и как? Ах, эта охота, этот гон!..

С а л о м е я. Поди сюда, дорогой Менахен, сядь подле меня на цоколь колонны — столбик к

столбику! Ведь эта химера с разинутой пастью не укусит, правда же? Будь моим собеседником, даже наперсником, искренним, откровенным! Говори со мной без бахвальства, без утаек, без околичностей, и я тоже не буду хитрить, как лисенок, и показывать зубы, как волчонок. Сдается мне, ты — не обманщик, единственный в толпе придворных лицемеров и лжецов! Давай же немного побеседуем наедине. Ах, Менахен, мне так здесь тоскливо, что хоть беги! Так противно в этих стенах, среди вечно насупленных лиц, чудищ с облупившимися мордами… Мне страшно, я вся дрожу… Настоящее узилище, дьявольское логово!.. А ты как чувствуешь себя здесь?

М е н а х е н. Примерно так же, но что делать? Царская свита должна быть довольна, даже когда ее заставляют продираться сквозь тернии…

С а л о м е я. И это говоришь ты, верный слуга царя? Давно я, Менахен, заметила, как ты содрогаешься, мечешься, бьешься и увязаешь в колючих зарослях…

М е н а х е н. Ты полагаешь?

С а л о м е я. И все же ты не увязнешь, не застрянешь, хотя и приходишь в отчаяние. Вижу я и то, как ты хмуришься, негодуешь, перечишь, противишься царскому произволу. Ты был недоволен,

когда царь составлял свой указ.

М е н а х е н. О, как много, принцесса, этих впивающихся в тело терниев, вонзающихся колючек, много! И колют они всех — направо и налево, виновного и безвинного, без разбору и оглядки… Но молодость — это радость! Зачем тебе из-за этого мучиться, принцесса? Порхай себе и впредь беспечным, счастливым мотыльком, веселой пташкой!

С а л о м е я. В этих терниях, в этой клетке?.. Не забывай, Менахен, молодость — это еще и стремление. И я стремлюсь, хочу узнать, почему мы скитаемся по всему царству, нигде не находя постоянного крова? В чем доподлинная причина, растолкуй!

М е н а х е н. О, жаль омрачать тенью твой ясный лик!..

С а л о м е я. Не льсти мне, Менахен! Я сильно изменилась…

М е н а х е н. Ты хочешь, чтоб я тебя не щадил, принцесса? Грубой рукой разорвал пряжу твоих весенних грез? Ничтоже сумняшеся лишил тебя радости сегодня и радужной надежды на будущее, отравив его нагромождением ужасов?.. Нет, на это у меня не хватит духа, быть столь жестоким я не могу. К тому же, как ты ни молода, разуме-

ния у тебя достанет, чтобы самой с легкостью разглядеть, понять причину. Да ты ее наверняка уже знаешь…

С а л о м е я. Боюсь, на совести у царя много всего… А какова была прежняя царица?

М е н а х е н. Не могу не отдать ей должного. Сущий ангел, принцесса, сущий ангел!

С а л о м е я. И все-таки царь ее отверг! Какой кошмар!.. А чем с тех пор стала для него моя мать?

М е н а х е н. Не обессудь, принцесса, но это не моего ума дело. Сама проникни, загляни в материнское сердце…

С а л о м е я. А моего отца, Менахен, ты знал?

М е н а х е н. Очень хорошо, принцесса. Богатый, но достойный человек…

С а л о м е я. И любящий отец!.. Думаю, что и муж — тоже. О, если б ты знал, как он радовался при виде меня! И я тоже. Мне его очень недостает, Менахен, очень. Мир без него опустел! Доколе мне жить без отца? О, Менахен, скажи, где он, где?

М е н а х е н. Если б я знал, дорогая принцесса!.. Увы…

С а л о м е я. Увижу ли я его еще когда-нибудь?.. Как мне хочется его увидеть!.. Буду молить бога, чтоб он вернул мне отца!..

М е н а х е н. Идут! Ох, эта охота!.. Возвращается царь с советниками!

С а л о м е я. Куда же ты, Менахен? Опять к тому обрыву? Не дам тебе ступить ни шагу, ты нужен мне здесь.

А б д а и М е л и т а возвращаются.

А б д а. Что это за сигнал, досточтимый Менахен?.. О чем он возвещает? О возвращении царя с охоты? Уже?

М е н а х е н. Да, царь возвращается.

М е л и т а. Ой, скорее в комнату, дорогая принцесса! Идем, идем!

А б д а. Идем! Ах, идем!.. Подумай о нас!.. Ведь нам не поздоровится…

С а л о м е я. Я уже сказала — бояться вам нечего, забыли вы, что ли? У меня хватит сил вас защитить.

Появляются И р о д и И р о д и а д а со с в и т о й.

И р о д.

Немного преждевременно с охоты
Вернулись мы, не правда ль, господа?
Вы к вечеру нас, верно, поджидали,

Когда светило скроется — дневной
Охотник золотистый. В эту пору
И нам вернуться надлежало в наш
Полночный замок, так ведь? Но случилась
Беда, которую из небольшой
Большою сделал наш испуг… Скажи мне,
Голубушка, прошла ли боль в ноге,
Не чувствуешь ли ты недомоганья?

И р о д и а д а.

О нет, мой царь! И даже вспоминать
Об этом незачем. Прошу — не надо…

И р о д.

Ну, слава богу!.. Ошалелый конь…
Он тут же поплатился за строптивость…

И р о д и а д а.

Жаль скакуна. И выучка, и стать,
И умница… А вместо ног — четыре
Упругих молнии, во весь опор

Прыжками поглощавшие простран-
ство.
Дугою шея выгнута, мягка
И шелковиста грива под ладонью.
Снопами искры брызжут из ноздрей,
Звезда во лбу, что сумеречен, словно
Гнедой соперник ночи, и глаза —
Два звездчатые сполоха, ревниво
Свои лучи метнувшие к звезде...
Ах, как мне жаль!

И р о д.

Теперь уж ничего
Нельзя поделать... Не печалься! Руку
Подать мне соблаговоли!

Приближаются к дворцу.

С а л о м е я (сбегая с террасы).

О царь,
Отец мой милый, матушка-царица,
Добро пожаловать! Я всей душой
Своей отроческой вас привечаю.
Дозвольте руку вам поцеловать...

Я так без вас томилась, так скучала,
Что места не могла себе найти
В твердыни этой неприступной, втайне
Желая вам — простите мне мою
Корысть!.. кто упрекнет любовь за жажду
Доступными ей средствами привлечь
Все то, что ей принадлежит по праву? —
Желая вместо радостной удачи,
Которая привязывает нас, —
Нескладицы, которая отвадить,
Отбить охоту может, или даже
Беды — не странно ли, что из любви
Мы зла желаем? — но беды, конечно,
Серьезной лишь настолько, чтобы вас
Вернуть в объятья той, кому вы оба
Принадлежите, стало быть, — в мои!..
И вот вы здесь!..

И р о д.

Отрадно слышать эти,

Конечно же, из глубины души
Идущие слова...

И р о д и а д а.

Я вижу снова,
Что у меня есть дочь. Отныне будь
Всегда такою кроткою, и наша
Любовь, сплетая ветви, вознесет
Дочерней жизни деревце до неба...

С а л о м е я.

О радость!..

И р о д.

Но пойдем наверх! Твоя
Крылами плещущая юность будет
Нам сказочной упряжкою, сродни
Тем голубкам, что в скорлупе улитки
Венеру возят. Правда, о вожжах
Должны мы позаботиться... Присядем!
Нам после этой скачки отдохнуть,
Пожалуй, не мешает. Что ты скажешь,
Наш резвый ветерочек, егоза?

Охота удалась...

И р о д и а д а.

Все ожиданья
Охота превзошла! На высоте
Была вся свора гончих.

И р о д.

Помраченье,
Но сладостное!.. Уши навострив,
Собаки брали след. Визг, лай! Борзые
Показывали просто чудеса
Охотничьей сноровки — самой высшей
Из всех собачьих доблестей. Они
В слух обратились, в нюх и нетерпенье,
И тщетно вдоль прогалины олень
Летел веретеном, рога откинув,
Взбегал, отфыркиваясь и сопя,
На крутизну. Ему не удавалось
Уйти от нас! А молодица серна.
Красавица дубрав...

С а л о м е я.

Ах, боже мой,
Неужто и она, бедняжка?

И р о д.

Ладно,
О серне умолчу… Но, как назло,
К большому огорченью и досаде,
Охота калидонская пошла
Довольно вяло, потому что вепря
Мы так и не приметили…

И р о д и а д а.

О нет,
Ничуть не вяло шла охота, ибо
Я вепря заприметила: трусил
Он по оврагу и в мгновенье ока
В тенета угодил. Вот почему
Велела я трубить конец охоте,
И грянули победные рога.

И р о д.

Как? Где? Когда? Убей — не понимаю
Твоих речей! Откройся, объяснись,

Кудесница охотница, чья тайна
Подобна тайне сфинкса…

И р о д и а д а.

А! Как раз
Его ведут, сюда ведут, взгляни-ка!
Вон, видишь, это он и есть, тот вепрь,
Который перерыл всю нашу землю,
Сад нашей чести, славы повалил…
А ты роптал…

И р о д.

Глазам своим не верю.

Входит И о а н н К р е с т и т е л ь с горсткой у ч е н и к о в и к о н в о й с о л д а т.

И о а н н.

Пустите! Издавна я безвозбранно
Являлся ко двору.

И р о д.

Ах, Иоанн!..

И р о д и а д а.

Ну чем не вепрь, уже в тенетах, правда!..

М е н а х е н.

Он божий человек, ему с небес
Благоволенье пролилось лучами
И благость волхованья снизошла!

И о а н н.

Немедля должен я предстать пред очи
Царя, царицы. Ну же, я спешу.
(Подходит к лестнице, ведущей на террасу.)

Следом за ним придвигается и конвой.

Глас вопиющего в пустыне — вот он!
Я здесь и обращаюсь ныне к вам:
Покайтесь, ибо, знайте, царство божье
Уже грядет!..

И р о д.

Ах, боже, Иоанн,
Да ты ли это? Рубище…

И о а н н.

Я чист,
Явившись в незапятнанных покровах,
Что дышат чистотою естества.
Душа облачена в них!.. И почел я
За долг людские души приодеть —
Я, скромный ваш слуга. Другой, другой,
Мне не чета, уже неподалеку.
Придя, он обрядит весь род людской
В покровы святости!..

И р о д.

Хочу просить я
Совета твоего...

И р о д и а д а.

Опомнись, царь!
Просить у злоязычного смутьяна
Совета?!. Обойдемся без него!..
Мы знаем, как нам поступить. И, кстати, —
Как обойтись с самим бунтовщиком!..

И р о д.

Нет, пусть он даст совет нам, столь

же мудрый,
Как прежние советы!..

И р о д и а д а.

Но зачем?

И о а н н.

Я слышал, государь, что для того лишь
Меня ты и призвал...

И р о д.

Я, Иоанн?
Я?.. Ну, допустим...

И о а н н.

Лучший из советов.
Какие я когда-либо давал, —
Прислушаться к советам бога, это —
Совет и суд господен. Я и впредь
Намерен будоражить вашу совесть,
Будить и понуждать, взывать, взывать:
Раскайтесь, обуянные гордыней,
В содеянных грехах, пока звучит

Струна господней снисходительности,
Пока не поздно!.. Даже царь — простой,
Обыкновенный смертный в этом мире,
Отнюдь не бог, а тот же божий раб,
Как и последний нищий. Пред законом
И подданные и цари равны.
Не могут безнаказанно владыки
Нарушить десять заповедей, нет!
Да и следить за подданными — тоже
Их долг святой, чтоб те не преступали
Законов божьих... Вы же, что ни день,
Грешите против всех без исключенья
Заветов божьих — тяжкие грехи!
Одумайтесь, покайтесь!

И р о д и а д а.

Сколько злобы
В его хуле! Меня бросает в жар...

И р о д.

Да знаешь ли, с кем говоришь ты?

И о а н н.

Знаю.

С царем и самым главным в этом царстве

Безбожником!

И р о д и а д а.

Ах, он меня сведет

В могилу… О, неслыханная дерзость,

Кощунство!.. Вы слыхали?

Ц а р е д в о р ц ы.

Где предел

Разнузданности?!.

И р о д.

Право, это слишком.

М е н а х е н.

Не придавай значения словам,

Их горькой оболочке, суть важнее,

Благие побужденья в ней сквозят,

Так вылущи же ядрышко, владыка!

И р о д.

Молчи, Менахен!.. Значит, это правда,

Что говорил ты, Иоанн, о нас,
Когда был в Иерусалиме? То-то
Нам жаловались на тебя…

И о а н н.

А я
И не скрываю ничего.

И р о д и а д а.

Вот видишь,
Он даже не скрывает ничего,
А ты все терпишь!..

И р о д.

Откажись немедля
От слов, столь оскорбительных для нас,
Помазанников божьих!

И о а н н.

Отказаться?
Да никогда!

И р о д и а д а.

О, неужели, царь,

В потоке слез должна я захлебнуться?
Ты видишь — я рыдаю...

С а л о м е я.

О, и я,
Я тоже плачу, матушка!..

И р о д.

Оплошность
Исправить ты обязан!.. Отрекись!
Так царь велит.

И о а н н.

Но бог повелевает
Иное! Вам исправиться пора,
Вам надлежит с сомнительной дороги
Свернуть на путь и честный и прямой.
Чтоб уступила место злая воля
Блаженному приволью, злодеянье —
Высокому деянью, пятна крови —
Покойной кровле... Это ли не цель,
Достойная любых трудов, усилий,
Противоборства?.. Так начни же, царь,

С опочивальни очищенье, ибо
Развратом осквернен чертог любви...

И р о д.

Наш брак с Иродиадою законом
Скреплен и освящен!

И р о д и а д а.

Я со стыда
Сгорю, сойду с ума от боли!.. Долго ль
Еще терпеть мне эту муку, царь?
О ужас! Покарай его, владыка!

М е н а х е н.

Не забывай, ты сам его признал
Святым и справедливым!

И р о д и а д а.

Твой любимчик.
Заступник лиходея, ха-ха-ха!
Воздай ему хвалу! Ну, что ж ты медлишь?

И р о д.

Менахен, осторожен будь!.. А ты...

Ты, Иоанн... тебе я запрещаю!..

И о а н н.

Начни с опочивальни, а затем
Стол опрокинь, ломящийся от мяса,
Хмельных напитков — это ведь навоз!
Так сваливай же наземь! Двери настежь!
Пускай продует ветерком насквозь
Хоромы! Пусть божественная свежесть
Изгонит сатанинский дух и смрад!
Потом ступай на торжища, где, сидя
Рядами, Нищета наперебой
Толкует о чудовищных обидах.
Купи и заплати ей... не скупясь,
Вознагради за многие убытки,
Наполни обездоленный подол,
Верни награбленное! Исцели
Все то, что искалечил! Дай веселье
Всему, что опечалил, омрачил!
Избавь от мук подавленных рыданий,
От бремени кровавых слез избавь!

Все, все исправь! Раскайся, воздавая
Хвалу господней правде и себя
Всецело посвятив служенью людям!

О б а д ь я.

Неслыханно!

И р о д и а д а.

В темницу бунтаря!..

М е н а х е м.

Яви благоразумие, владыка,
И пощади пророка!

И р о д и а д а.

Слушай, царь,
Изменника, змею, что отогрел ты
На собственной груди! А то еще
Отдай ей сердце на съеденье!

И р о д.

Экий,
Однако, натиск!.. Нужно рот зажать
Обоим...

И о а н н.

Возврати, владыка, чадо,
Которому доводится отцом
Другой! Верни дитя!

И р о д.

Ты спятил, что ли?..
Ах ты!..

И р о д и а д а.

Презренный!

С а л о м е я.

Возвратить меня...
Кому? Кому же?

Ф и л и п п (протиснувшись сквозь толпу).

Мне!.. О, неужели
Я после стольких ужасов, мытарств,
Ночей и дней, исполненных терзаньем,
Опять увидел дочь мою — тебя?
Я — твой отец, приди в мои объятья
И обними отца!..

И р о д.

Да как ты смел
Вернуться из изгнанья; и к тому же
Стакнувшись с этим ярым бунтарем?

И р о д и а д а.

Он, Саломея, просто лжец! Ни шагу!..

С а л о м е я.

О нет, чутье подсказывает мне,
Что он отец мой! Не держи, пусти
Меня к отцу!.. О, помоги, Менахен!
Отец, на помощь! Вызволи, спаси!..

Ф и л и п п.

Пустите!..

И р о д.

Взять его! Обезоружить!

И р о д и а д а.

Закройте ей глаза, зажмите уши!..

С а л о м е я.

Спаси!..

И р о д и а д а.

Девчонку уберите прочь!

Н а п е р с н и ц ы уводят С а л о м е ю.

А этого немедля заколите!..

Ф и л и п п.

Не женщина, а изверг! Убивай!
Нет! Приласкать хочу я напоследок
Свое дитя... Пустите! Все равно
Я вырвусь, вырвусь! Никакое пекло
Меня не обуздает! Прочь! Ну, вот...
(Падает в стычке, заколотый солдатами.)
И вырвался...
(Умирает.)

И о а н н.

Убийцы! Ваши руки
Обагрены невинной кровью!.. Вы...

И р о д и а д а.

А этого — в железа и в темницу!
Да в самую глубокую!

И р о д.

В острог!

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация та же. Накрытый на двоих стол, на нем яства, питье, фрукты. М е н а х е н.

О б а д ь я *(вбегает и смотрит по сторонам)*. Излишества, излишества, излишества! Дошлые римляне скоро окончательно приберут нас к рукам, проглотят вместе с потрохами! Уф, ну и жарища, и это — осенью. Не успеваю пот утирать…

М е н а х е н. Но ведь ты сам всегда ратовал за то, чтобы жить на широкую ногу, роскошь льстила твоему тщеславию, ты ею бредил…

О б а д ь я. Бредил — не бредил, какая разница, старина!.. Всюду излишества, одни излишества: дворцы, ларцы, пиры, дары, корабли, наемники, охота, бог весть что еще! Бесконечные расходы, да еще какие… подумать страшно! Последнее золотишко утекло в Яффу в уплату за лакомства препакостные, в Хеврон — за цветы — никакой красоты! — в Ен-Геди — за фигляров… Жуть! Голова кругом идет, прогорим, рухнем… Поддержите, подоприте!.. Уф, отвел душу… А скажи мне, прямодушный Менахен, позволил ли тебе царь допустить в темницу к Иоанну этих пресловутых

учеников?

М е н а х е н. Позволил.

О б а д ь я. Странно. Ведь сегодня должен был заседать совет, чинить суд над Иоанном. Может, уже вынесен приговор.

М е н а х е н. Ложь!

О б а д ь я. Спорить я не стану, тебя ведь не переспоришь. Лучше держаться от тебя подальше… Излишества, мотовство, мотовство… Ах, боже! *(Убегает.)*

Входит с о в е т н и к.

С о в е т н и к. Что это он все об излишествах? Ему бы следовало говорить о нехватках и недостачах…

М е н а х е н. Пусть его! Отведет душу и опять будет завзятым эпикурейцем… Поторопитесь лучше с приготовлениями!..

С о в е т н и к. Все уже готово, господин домоправитель.

М е н а х е н. Возможно, царь или царица сами захотят проверить, все ли в надлежащем порядке. Да вот они уже идут!

Входят ц а р ь И р о д и П е р и т.

И р о д.

Перит любезный, на сегодня хватит!
Совет уже пора бы завершить.
Пускай соображенья, коих столько
Мы слышали, птенцами из гнезда,
Оперившись, летят, чтоб примененье
Себе найти… Особенно — поправки,
Что предложил достойный Ахисар.
Любому надлежит до самой смерти
Быть сыном осмотрительности, стар
Иль молод ты, ну а царю — тем паче.
Он — средоточье, солнечный венец
Премудрой осторожности. Однако
Огонь уже почти заглох, опал…
Что скажешь дорогой Перит?

П е р и т.

Кострище
То разгорится, государь, то вновь
Угаснет. И, подернутые пеплом,
Уголья тлеют, чтоб опять взметнуться
Багровым языком…

И р о д.

Мы втопчем в грязь
Огонь, чтоб даже искры не осталось...
А со строительством поторопись!
Я о дворце, что возле Иордана,
В том месте, где усталая река,
Как будто искупавшись в нашем море,
Стремится вдаль, как путник, освежась...
Какие открываются там виды!
И крепость вознесется на скале,
Волшебный замок! У его подножья
Плескаться будут волны. Я б хотел,
Чтоб он ко дню рождения царицы
Уже стоял во всей своей красе —
Подарок наподобие букета...
Там в виде изваяния двойник
Предстанет ей, и, поразившись сходству,
Она его ощупывать начнет,
Оторопев и словно усомнившись
В том, что она — прообраз, а не он...

Ваятель — чудодей, большой искусник,
Он самую природу обмануть
И обольстить способен. Первым делом
Дострой мне в срок невиданный чертог.
Хлопот, как видишь, у тебя немало…

П е р и т. Готов служить тебе, милостивый царь, не за страх, а за совесть. *(Уходит.)*

И р о д. А что скажешь ты, брат заоблачных высей?

М е н а х е н. Покорно благодарю тебя, милостивый царь, за то, что ты допустил учеников к Иоанну. Он тоже признателен тебе…

И р о д. Я сделал это только ради тебя, только ради тебя!.. Стало быть, это доставило радость и ему?

М е н а х е н. Великую, царь мой! Он словно бы ожил, приободрился, воспылал, готовый на любую жертву…

И р о д. Стало быть, и к тому, чтобы раскаяться в поступке, который нас так глубоко оскорбил?

М е н а х е н. Прости его, милостивый господин мой, верни ему свободу, которой так жаждет даже неразумная птаха в клетке! Позволь ему снова заниматься его богоугодным делом, возврати его ученикам, бедному народу, который так его

полюбил! Право, прикажи его выпустить… О, услышь и эту мольбу! Этим ты расположишь к себе господа, заслужишь его любовь, о царь!

И р о д. Отчего ты так хлопочешь за него? Когда он успел покорить твое сердце?

М е н а х е н. Я убедился, царь мой, что он — провозвестник божий, что он воистину пророк! Будучи источником мудрости, опорой справедливости…

И р о д. В то же время своими действиями он причинил нам и очень большой вред: привлек на свою сторону народ, обещая наставить его на путь истинный, и тот осмелел, обезумел, разленился, стал пренебрегать своими обязанностями, вышел из повиновения, взбунтовался. А главное — Иоанн обесчестил нас в глазах народа.

М е н а х е н. Наказание, которому он подвергся, может взбудоражить народ еще больше, этого не следовало бы упускать из виду…

И р о д. Мы все учтем, дорогой мой Менахен, все до мелочей, и только тогда сделаем выводы. Они тебя удовлетворят.

М е н а х е н. Ах, затепли хоть искорку надежды, что ты его помилуешь!..

И р о д. Однако, ты умеешь упрашивать, Менахен, — настойчиво, назойливо. Ну, да от этого не

избавлен ни один властелин в мире… Ладно, будь по-твоему! Вот тебе царское мое слово: завтра, как только солнце проглянет из ночной темени, выйдет из темницы и он, дабы уже вольным человеком встретить восход. А, царица с принцессой пожаловали! Видно, тоже решили взглянуть, как идут приготовления…

Входят И р о д и а д а и С а л о м е я. М е н а х е н удаляется.

И р о д и а д а. Ты здесь, мой царствующий супруг?.. Когда ты уже прогонишь со службы этого искусителя?.. Даже в его отсутствие ты весь как бы во власти его мнимых чар, и все ждешь от него не то утешения, не то откровения.

С а л о м е я. Право, любезный отче и царь, чары давно уже рассеялись, пыльца новизны облетела…

И р о д. О, это ты, наш звонкоголосый жаворонок! Кудри твои — словно нивы на рассвете, очи — звезды под темными дугами…

А что до откровений новизны…
Есть у судьбы подарки для тщеславных
Людей, для честолюбцев всех мастей,
Что не гнушаются ничем и ловко —

Пролазы и проныры! — лезут вверх,
Карабкаясь по лестнице почета.
Сии подарки тоже кое-что
Среди житейских ценностей да значат.
Они подобны гривне серебра,
Пригодной для того, чтоб отчеканить
Монету и увековечить в ней
Событье достопамятное. Или —
Крылу замашек дерзких, что сулит
Поднять честолюбивого пройдоху
Над скукой повседневности, пускай
Хотя б на пядь, но честолюбцу мнится,
Что он уже, захлебываясь, пьет
Хмельной лазоревый напиток славы,
В клубах тимьяна видит облака
И ореол орлиного полета.
Разноголосье торжища внизу
Почудится желанным отголоском
Музыки, льющейся из горних сфер.
Вот как подарки эти обольщают,

Обманывают зрение и слух,
Вкус извращают, будучи никчемной
Поживою для чувств, обманом чувств!
Но для души подарок и для сердца —
Лишь тот единственно, что из души,
От сердца чистого исходит, чуждый
Пристрастий родственных и шелухи
Того, что долгом именуют, пены
Завистливых восторгов, чепухи
Оглядок и расчета… Тот подарок
Всего дороже мне, что теплотой
Доверчиво, бесхитростно излился
Из сердца твоего, моя жена,
Из твоего, о, дочь моя, сердечка
В мое большое сердце, что сродни
Сосуду, вечно жаждущему влаги.
Такой подарок — почести под стать,
Нестершейся монете, золотому,
Что не захватан пальцами. Он — клад,
Который для меня лишь и припрятан,
Сокровище царя, бальзам любви,
Лишь для меня излившийся, душистый,

Кристально чистый. Ухвати тайком
Всего талан из россыпей несметных —
И я богач! Наперстком зачерпни
Чудесного бальзама — и повеет
Небесной благодатью!

И р о д и а д а.

Рада слышать…

С о в е т н и к *(входя)*. Нижайше докладываю тебе, светлейший царь: прибыли новые поздравители.

И р о д. Откуда же, любезный?

С о в е т н и к. Из Гадары, Самарии, из Галилеи, из Финикии.

И р о д. Пусть проведут их в нашу тронную залу, мы не заставим себя ждать. О, сколь радостен день нашего рождения! Несмотря на то, что еще один годик — фьють, словно пташка, я вне себя от восторга, право!.. Соблаговоли, царица, и ты проследовать в тронную залу, и ты, дорогая Саломея…

И р о д и а д а. С твоего дозволения, ласковый супруг мой, мы задержимся здесь еще ненадолго.

И р о д. Ишь ты, ишь ты!.. Верно, хотите удивить меня чем-нибудь еще? Ну, ну!.. Я в долгу

не останусь, кое для кого припасено кое-что и у меня… *(Уходит.)*

И р о д и а д а.

Неужто он заметил что-то? Вряд ли
Он что-нибудь заметил и прослышал.
Сюрприз сюрпризом будет для него!..
Он этого заслуживает, право.
Хороший муж, и равного ему
Не сыщешь в целом мире. И отец он
Заботливый и щедрый. И чего б
Ни пожелал он, мы должны стремить-ся
Ему доставить радость исполненья
Любых желаний. Да, мой голубок,
И этому пособствовать должна ты
Со всею расторопностью!.. Тебя
Природа наделила и уменьем
И обольстительностью.

С а л о м е я.

А скажи,
Какая будет музыка сегодня?

И р о д и а д а.

Хоть и старинная, зато весьма
Торжественная. И как только звуки
Очнутся, уплывая по волнам
Клубящегося фимиама, — зала
Преобразится в величавый храм,
А царь как бы жрецом верховным станет.

С а л о м е я.

О, дорогая матушка, и мне
Хотелось бы сыграть ему на арфе.

И р о д и а д а.

Какая в этом надобность? Хорал
И певчие споют искусным хором,
И этого достанет нам вполне.

С а л о м е я.

Так, значит, будет музыка и пенье?

И р о д и а д а.

Да. А потом... Что будет, угадай?!

С а л о м е я.

Не знаю, матушка...
Возможно, пляски?

И р о д и а д а.

Они, они... Ах, резвое дитя,
И тут уж твой черед явить искусство,
Жемчужиной жемчужин заблистать
В прекрасном ожерелье!.. Редкий случай,
Какого не представится вовек,
Приятный долг исполнить, одаряя
Нечаянною радостью царя.

С а л о м е я.

Устала я отплясывать, поверь!
Я правду говорю. Затейлив очень
И сложен этот танец, кровь к лицу
Так и прихлынет...

И р о д и а д а.

Неженка ты — вот кто!
Знай — девушка румянцем и красна!
Она — как защищенная шипами
Алеющая роза, как заря

В недосягаемой небесной выси...
И ты должна, пойми — должна сплясать
Во что бы то ни стало!

С а л о м е я.

Как?! Должна я?..
Да разве я рабыня, что должна
То исполнять, чего я не желаю?
Рабыня... Хуже! С некоторых пор
Я словно узница, за мной шпионит
Друг Иоанна, стережет, следит
За каждым шагом!

И р о д и а д а.

Полно, полно, эко!
И выдумщица ты! Как видно, дух
Противоречия в тебе устойчив.
В своей стихии ты и, как всегда,
Перечить матери — твоя отрада.
Так огорчает и кусает мать
Щенок неблагодарный... Одиноко
На белом свете, пусто, я одна,

Дочь рядом, но ее как будто нету,
И радость материнства отошла.

С а л о м е я.

Царица-матушка, в твоей я власти
И, словно кукла, слепо подчиняюсь
Веленью, воле рук твоих. И мною,
Как хочешь, матушка, распорядись!

И р о д и а д а.

Опять не то лепечешь, Саломея!
При чем тут кукла? Ты спляши с душой
И отличись, дабы снискать награду!

С а л о м е я.

Я отличиться вовсе не стремлюсь,
И ничего мне, ничего не надо!..
И чем бы вы могли вознаградить,
Порадовать меня? Ничто не может
Заставить биться сердце веселей,
Вот разве что отца мне возвратите!

И р о д и а д а.

Я, я его верну тебе, склонив
Цари к счастливой этой мысли.

С а л о м е я.

Правда?..
Так, значит, это был тогда не он?

И р о д и а д а.

Но ведь не раз тебе я говорила:
Тот человек — обманщик. Твой отец
Живет у моря, в Тире, и, как прежде,
Стихию моря взнуздывает, чтобы
Благополучно плыли по волнам
Суда с дорогостоящим товаром.
Когда мы возвратимся в стольный град,
То и к отцу наведаемся вместе...

С а л о м е я.

О, как я рада! О, бесценный дар!
Теперь-то я спляшу со всей душою
И все свое уменье приложу!..

И р о д и а д а.

И царь тебя вознаградит по-царски!
Размякнет, умилится — и тотчас
Тебя вознаградит он. Знай, что это —
И от меня подарок! В торжестве
Есть и моя не то что лепта — жертва!..

С а л о м е я.

О чем это вы, матушка, о чем?

И р о д и а д а.

Сокровище мое, пока что это —
Заведомая тайна, тайна дня,
Хоть и темна она, как если б ночи
Сестрою доводилась... Но зато
Все разъяснится ночью. О, как только
Плясать начнешь, тебе я на ушко
Шепну, открою тайну. Ты же мигом
Шепни царю...

С а л о м е я.

О да! Шепну, шепну.
Я вне себя от радости заране!
Мой дорогой, мой золотой отец!..

Несколько наперсниц входят с венками, букетами, лентами и т. п.

Иродиада.

Мне кажется, смеркаться начинает.
Достаточно ли кудри у тебя
Увлажнены бальзамом? Так ли дерзок
Бровей изгиб?.. И под рукой ли твой
Столь драгоценный ониксовый пояс,
Усыпанная блестками фата?
Богиней красоты предстать сегодня
Должна принцесса! И об этом все
Извольте позаботиться!.. Где ж Псекас
С маслами благовонными для нас
И притираньями?.. Пойдемте! Ваши
Услуги окажите нам скорей!

Все уходят.

Некоторое время спустя слышатся звуки фанфар. Царь Ирод, Иродиада, Саломея, гости, вельможи и наперсницы движутся неспешной торжественной поступью.

Ирод.

Немало в нашей жизни тусклых дней,
Немало — так давайте же в покровы
Унылой повседневности вплетем
Нить понарядней, алую, чтоб тусклость
Багрянцем озарилась, будто ночь —
Рассветным полымем... Прошу к столу!..
(Обращается к гостю.)
Я вижу, как сейчас, края родные.
По-прежнему ли весело шумят
Столпившиеся вековые кедры?
А что, еще не высохла вода
В источнике Иакова? Прекрасна
Самария — мое гнездо!..

Г о с т ь.

Шумят!
И плещется источник, о котором
Ты спрашивал, о достославный царь!
Недавно объявился там какой-то
Отшельник и настойчиво просил
Самаритянку дать ему напиться,

Коль скоро по воду пришла, а он
Ей, дескать, даст живой воды в награду,
От жажды избавляющей навек.

И р о д.

Ха-ха! Откуда он?

Г о с т ь.

Из Назареи,
Как говорят...

И р о д.

Наш подданный! Гм, гм...
Что ж вы его с собой не прихватили?
Имея воду, вашу вздумал пить?..

Звучит торжественный хорал.

Хорал хорош на диво! По наследству,
Должно быть, он достался нам от тех,
Кто в давние века — ведь за плечами
У нашего народа сотни лет! —
В хорале пылко выразил все чувства.

В нем свет и тьма, дерзание и страх,
Отчаянье, надежда, пораженье,
Победа, радость, скорбь, и не понять,
Что в нем преобладает: гордый вызов
Иль жалоба? Неволи стон и плач
Или восторг высвобожденья?.. Все же,
Я чувствую, что побеждает в нем
Отрадное и светлое начало.

Хорал смолкает.

Ручаюсь, что барашек мягок, свеж.
Прошу отведать, дорогие гости,
Молочного мясца! Мы сохранить
Стараемся что можно. Ну а если
Отпало что-то на манер листвы —
Мы не стремимся удержать, припрятать...
Обычаи, и те, как ни прочны
И как ни цепки, тоже вроде листьев,
Что отрастают каждою весной
И опадают осенью, чуть только
Прохладою повеет...

И р о д и а д а.

А теперь
Испить, супруг мой, соблаговоли...

И р о д.

Поднимем кубки! Сладостный нектар!
А что это так сладко зажурчало?

И р о д и а д а.

О, это песнь в твою, владыка, честь.

Х о р д е в у ш е к.

Милостивый повелитель, нынче ты празднуешь
День своего рожденья, памятный день, осиянный
Громогласием величаний.
Празднуй его торжественно, многие лета тебе!
Букет с цветника души преподносим тебе, владыка.
Пряный жасмин восхищенья, лилию почитанья,
Розу любви и фиалку

Признательности — насладись!

Наши чувства чисты, как снег.

Любовь — жар алтаря, признательность — пламя сандаловых веток,

Глаз не сводит с тебя, восхищенье...

Оцени и воздай по заслугам!

Повелитель великодушный, нынче ты празднуешь

День своего рожденья, памятный день, осиянный

Румянцем веселья и радости.

Празднуй его беззаботно, многие лета тебе!

И р о д.

О, благодарствуйте!.. И знайте — я

Не позабыл о предопределенье.

Я жажду целым светом завладеть.

Бери меня, швыряй, ввергай в пучину,

Стремнина крови, огневой прибой!

А где же Саломея? Иль она

Метнулась птицей вкруг стола и трона,

Дабы вспорхнуть на ветки царских рук?

И р о д и а д а.

Взгляни на возвышение, что слева!..

Неподалеку от царя, на помосте, С а л о м е я начинает свой танец в сопровождении лиры и приглушенного пения на галерее.

И р о д.

Она танцует? В нашу честь? Для нас?..
Взгляните, господа, она танцует!
Такого не увидите вовек.
Очарованье, грация, истома,
И обольстительность, и красота
Пронизывают каждое движенье,
И сочетанье этих совершенств
Ввергает в изумленье, чтобы тут же
Нас вывести опять из столбняка,
Разжечь, да так, что мы при виде чуда
Чуть не подпрыгиваем... Волшебство!
Похлопайте плясунье!.. Грациозней
Склоняться бы не смог и кипарис,

Когда бы ветер, гибкий стан обвивши,
Увлек его в свой хоровод. И нет
Подобной неги ни в одном движеньи
У гиацинта, если он в кругу
Других цветов свои склоняет кудри,
Благоговея пред самим собой.
Зефир, и тот не так игрив, порхая
По волнам пышных трав. А тут и впрямь
Захватывает дух!.. Сколь прихотливы
Извивы рук, и не предугадать,
Как и когда они переплетутся.
Улыбка — распустившийся бутон
На розовом кусте, и новизною
Своих волшебств пленяет всякий раз.
Две молнии, два Сириуса — очи,
Два факела у ночи на плечах
Перед вратами рая — отворить бы!..
Пыланье щек затенено слегка
Кудрями, что благоухают амброй.
Гранатовые яблоки в листве!
Так червячком бы и вонзился... Пышны

Охваченные колыханьем груди —
Подушки свадебные, наяву
Дарящие сладчайшие мгновенья,
А в забытьи — божественные сны.
Дыханьем жарким облачко развеять —
Завесу белоснежную — да снять
Окружья пояса… Огня подайте,
Что именуют массийским![98] Запить
Изысканные лакомства истомы
И прелести, которые вкусить
Нам довелось, и те, что предвкушаем.
Насытившись телесностью лепной,
Приправленною пряностью томленья,
Тебя я, Саломея, проглотил
Уже наполовину!.. Пить желаю,
От жажды умираю… Подойди,
Красавица, другую половину
Я выпью залпом, жажду утолю…
Иди, склонись, позволь пригубить чашу
Сладчайших уст!.. А ты все пляшешь,

{98} Комментарии: 2.98

Огня подайте, что именуют массийским! — Вероятно, речь идет о вине из виноградников Массы — южной области Палестины.

ах,
Проказница!.. Чаруешь, будто ладишь
Тенета, и капканы, и силки,
Прельщаешь грацией телодвижений,
Похожих на движения души,
И распаляешь, дразнишь... Чаровница,
Да кто же научил тебя плясать
Столь обольстительно? С чего бы это?
Какой тут умысел? Околдовать
И превратить нас в кровожадных тигров
И, может быть, заклятьем укротить,
Ягнятам несмышленым уподобив?..
То чувствую я хищником себя,
Изнемогающим от жгучей жажды,
То прирученным ласковым зверьком,
Податливым и мягким. О, не бойся,
Порхни ко мне и делай все, что хочешь!
Повелевай! Люблю тебя, люблю...
Достоин всяческих похвал твой танец
И более того — любых наград.
Проси чего угодно! Подойди же!

Чего б ни пожелала ты — я все
Исполню. Вы ж свидетелями будьте!
Клянусь — исполню, ибо ничего
Нет невозможного… О да, сначала —
Нежнейший материнский поцелуй
Как знак любви и щедрый дар царицы.
Ты, Саломея, — радость для нее.
Теперь и мой черед… Ах вот как! Хочешь
Мне что-то на ухо шепнуть? Изволь!
О нежность щечек, о блаженство, манна!..

Саломея что-то шепчет Ироду на ухо.

Ты вот чего желаешь?..

С а л о м е я.

Да, мой царь.

И р о д.

Нет, это невозможно. Я, наверно,
Ослышался, наверно, язычок
Тебя подвел и ты оговорилась.
Шепни еще разок!

Саломея шепчет опять.

Так ты опять?
О том же?..

С а л о м е я.

Да, о том же.

И р о д.

Боже правый,
Нет, никогда!.. О ужас! Для чего
Тебе, дитя, понадобилось это?..
Однако царь поклялся и готов
Сдержать свою, столь пагубную, клятву.
Эй, кастелян!

К а с т е л я н.

К твоим услугам, царь.

И р о д.

Ступай...
(Шепотом отдает ему приказание.)

Саломея шаловливо схватывает со стола серебряное блюдо и протягивает его кастеляну.

К а с т е л я н.

Исполню мигом повеленье,
Светлейший царь!
(Уходит.)

О б а д ь я (Менахену).

О чем они, о чем?
Узнать бы, что еще нас ожидает…
Что он затеял?

М е н а х е н.

Не терзай мне душу!
И так я словно на иголках…
Смотри, еще вопьются… Лучше следуй
Совету Демокрита{99}*, он гласит:*
Nil admirari![144]

В т о р о й г о с т ь.

{99} Комментарии: 2.99

Демокрит из Абдеры во Фракии (ок. 460—370 гг. до н. э.) — великий древнегреческий философ-материалист.

[144] Примечания: 1.144

Ничему не удивляйся *(лат.)*.

Это Пифагором{100}

Когда-то было сказано...

Т р е т и й г о с т ь.

И наш
Улыбчивый Гораций молвил так же.

И р о д.

Ах, боже! Сумасбродство, ты — дитя,
На свет произведенное поспешно
Распутным неразумьем заодно
С продажной ветреностью-потаскухой!..
Ублюдок, недоносок, у тебя
Ни капли рассудительности! Если б
Не ты, то этот мир таким шальным,
И взбалмошным, и суетным бы не был!..

И р о д и а д а.

Супруг любезный, что это с тобой?
Чело омрачено, как будто тучка

{100} Комментарии: 2.100
Пифагор (ок. 580—500 гг. до н. э.) — древнегреческий математик и философ-идеалист.

Внезапно набежала. Прочь! Долой
Незваную чужачку! Ну-ка, ветер
Впустите, сотворите сквознячок!
Не страшно даже, если вихрь ворвется,
Прогнать бы только гостью, ха-ха-ха!..
Но не беда, печаль твою развеем.
Эй, виночерпий!

И р о д.

Нет, я не могу,
Я больше не могу! Я отвращенье
Испытываю… к самому себе.
Какое омерзение, паденье,
Возмездие, неслыханный позор…
Еще не поздно… Поспеши, Менахен!

И р о д и а д а.

О чем ты беспокоишься? Я здесь.

С а л о м е я.

Ах, я устала, матушка, дозволь мне
Передохнуть под крылышком твоим,
Сесть рядышком с тобой, к тебе прижаться,

Мне что-то зябко, бьет меня озноб...

И р о д и а д а.

Садись, коли желаешь, вот трусиха!..

И р о д.

Пить, пить... До дна осушим, други, кубки!
Единственно веселие души
Еще чего-то стоит в этом мире,
Об остальном не стоит говорить!
Пить, пить... И всякий раз — единым духом,
До бесконечности, пока во тьму
Бездонную не погрузимся... Ну же,
Твое, жена, здоровье! Опустись
На душу, мгла благого помраченья.
Окутай сердце пеленой густой!..

К а с т е л я н приносит на блюде голову Иоанна Крестителя.

Г о с т и (отшатнувшись от стола.)

О!.. Ах!.. У-у-у!..

М е н а х е н.

Что ты наделал, вероломный царь?!
Ах, так-то ты исполнил обещанье,
Которое мне только что давал!..
Едва произнеся, нарушил слово,
Не дожило оно и до утра...
Вы в сговоре друг с другом, не иначе!
Ах боже, боже, твой пророк, и то
От кровопийц не в силах уберечься,
Избегнуть их безжалостных когтей!..
Но будет, будет причитать! Как стольник,
Невиданное яство поднесу...
О кушанье священное!..
(Берет блюдо и протягивает его царской чете.)
Отведай,
Шакал в короне!.. Ешь, волчица, ешь!

И р о д и а д а.

Проваливай, негодник!

М е н а х е н.

Саломея,
И ты, и ты вкуси!.. Так молода —
И так жестокосердна!

С а л о м е я.

О, мой добрый
Менахен, ты меня не осуждай!
Я не виновна, я, поверь, всего лишь
Орудие в чужих руках, меня
На этот шаг толкнули… Если хочешь,
Могу оповестить весь белый свет,
Кто наущал меня… Царица!

М е н а х е н.

Верю.
Нет ни души, ни сердца у нее!

И р о д и а д а.

Молчи, незваный лжесудья, безумец!..
Не он ли оскорбленье нам нанес?
Вот и понес за это наказанье!
Недаром говорится: зуб — за зуб…
Сидите, гости, празднуйте, пируйте!

Миг — и забыто все!..

М е н а х е н.

Господь зачтет
И это злодеянье!.. Неподкупен,
Непогрешим всевышний судия
Людских поступков. Все зачтет и взвесит!..
Как? Вы пренебрегаете такой
Бесценной пищей?! Ты им не по вкусу,
Хоть их же кухнею порождена!..
Зато по вкусу мне, при том, что руку
Здесь приложили горе-повара.
И Ненависть, и Низость. Дай прильнуть мне
К твоим устам!
(Целует голову в губы.)
О, если бы хоть искра
Огня, что пламенел в твоей душе,
Передалась мне, с губ твоих слетела...
Не мишура, не плевелы — зерно,
Вот истинная ценность!.. Не устану
Изобличать. Долой обжор, кутил,

Купающихся в роскоши, погрязших
В разврате, процветающих за счет
Чужого пота и чужих мозолей!..
Тиранам воспротивиться, чинить
Расправу над взъяренными быками,
Что норовят свободу прободать,
Глумясь над богом и топча посевы,
Взращенные трудами бедняков!
К возмездью призываю громогласно!

И р о д и а д а (царю).

И ты его не укротишь, смолчишь?

М е н а х е н.

Потоки крови сотен ваших жертв
Вас выплеснули к трону, на котором
Вы разлагаетесь, вы — плесень, прах!
Потоки той же крови вас подхватят
И, свергнувши с престола, унесут!

И р о д и а д а.

Вели, чтоб замолчал он навсегда!

И р о д.

Он пользуется тем, что мы с ним братья
Молочные, и это лишь, поверь,
Его оберегает, только это...
Ах, почему его не придушил
Я во младенчестве! Уже тогда он
Старался оттеснить меня, злодей,
И завладеть кормилицыной грудью,
И с той поры всечастно мне вредит...

М е н а х е н.

Мы погребем его, устлав, омыв
Слезами свежую могилу подле
Могилы, где покоится Филипп,
Отец, отец твой, Саломеи, слышишь?!.
Он тоже ею, ими умерщвлен!

С а л о м е я.

О, что я слышу!.. Боже!..

И р о д и а д а.

Уведите
Докучливую плакальщицу! Вон!

С а л о м е ю уводят.

Опомнись, царь, проснись, очнись!.. Упала

Бессильно голова, он побледнел…

Эй, лекаря! Да уксусу живее!..

К а с т е л я н *(врывается).* Всемилостивый царь, худые вести, ужасные вести! Царь арабский пошел на нас с превеликим войском! Враги наводнили всю округу, их передовой отряд у крепостного рва… а может, уже у ворот!

И р о д. Что?.. Как?.. Этот… Так близко? И никакого отпора? А что делала стража ни башнях, на стенах? Повесничала, дрыхла? Ленивое, подлое отродье! Пьяницы, обжоры!..

М е н а х е н. Вот она — кара божья огненной тучей с юга! Погодите, гроза надвинется на вас со всех сторон, и уж тогда… Горе вам!..

И р о д. Проклятый изменник! Может, это он… Живо на бастионы! Ворота как можно прочнее укрепить, подпереть!.. Живо, живо! Э, они словно пробудили нас ото сна!..

К а с т е л я н. Ни свет ни заря, благородный повелитель! Гарнизон, к сожалению, слишком слаб, чтобы выдержать штурм, а тем более — длительную осаду.

И р о д. Да еще, наверно, мертвецки пьян, ха-ха-ха! Ни смелости, ни задора! Так то вы печетесь о безопасности царя.

С о в е т н и к. Они таранят, выламывают ворота! Многие уже забрались на крепостной вал!.. Наши гибнут один за другим… Яростный натиск! Спасенья нет! *(Убегает.)*

И р о д. Жалкое гнездо, жалкое, пригодное только дли сов!.. Не сдержать натиска, не отбиться от этого задиры!.. Неужто даться ему в руки, выставить себя на позорище? Никогда!.. Бежать, бежать без оглядки!.. Подземным ходом… Прочь из крепости! К кораблям, что в Соленом море!.. Скорей в Иудею! А где же Саломея, дочь моя, драгоценнейшее мое сокровище?!.

Все в панике бросаются прочь.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Шатер на поле боя. Несколько деревьев, на заднем плане горы. Перед шатром скамья, на которой сидит И р о д. Перед ним в о е н а ч а л ь н и к и, с о в е т н и к и.

И р о д. Мы счастливо завершили совет, господа, в общих чертах и подробностях договорились накануне решающего сражения о том, как нам действовать. Благодарю вас за ваше прилежное и просвещенное участие. Пристальным оком будем мы наблюдать с этого холма за ходом сражения и, если понадобится, — впрочем, вряд ли это понадобится! — давать через нарочных необходимые указания, подбадривать, воодушевлять.

А х и с а р. Соблаговоли нас отпустить, любезный наш властелин, долг повелевает нам не мешкать. *(Удаляется.)*

Вместе с ним уходят большинство в о е н а ч а л ь н и к о в, о р у ж е н о с ц ы и к о н ю х и.

И р о д. Вей врага, горящее нетерпением юношество наше! Вперед!.. Пускай, подобно лучам

восходящего солнца, сверкают над головами врагов ваши мечи и разят их, сразят их!

Как величаво всходит солнце, словно
Карабкается сказочный паук
Из-за вершин понурых гор Хеврона.
Сверкающими ножками сучит,
Как бы спрядает паутину света,
Но не затем, чтоб замер белый свет,
А чтобы оживить его. Взгляните!
Веление слетело с наших уст.
Достойны ль мы, однако, послушанья?
Достойны ли?.. В ту памятную ночь
Мы были несколько несправедливы,
И может воздаянье нас постичь…
Мы долго в юных небесах витали,
Чтоб заручиться помощью. Пора
На землю возвратиться, призывает
На поле брани жаркий ратный труд…
Никак сражение уже в разгаре?
Взгляните, левое крыло влачится,
Бессильно поникает… Разве так
Летает птица! Нарочный, скорее!

Однако, милые други, у вас, насколько мне известно, множество спешных, не терпящих отлагательства государственных дел. Ступайте же, трудитесь не покладая рук, действуйте… Война разверзла свою алчную пасть и пожирает не только человеческие жизни, но прежде всего и главным образом — деньги. Слышите — деньги!.. Так идите же, добудьте их хоть из-под земли! Сыщите новые источники доходов! Пусть они взбурлят, растекутся реками!..

Военачальники и советники удаляются.

Мне, Ироду, пристало, словно солнцу,
Все выше подниматься, чтоб достичь
Зенита славы, чтобы предо мною
Моим величьем пораженный мир
Склонил главу, как пред лучами солнца.

Иродиада и Саломея выходят из царского шатра.

А, с добрым утром, звездочки мои!
Как почивали в нашем главном стане,
В прекрасном Сокхофе, на поле брани?
Быть может, страх подушкой вам слу-

жил,
Тревога — покрывалом? И ресницы
Пугливо трепетали?..

И р о д и а д а.

Нет, мой царь.
Хотя всю ночь безумствовала буря —
Повздорили стихии, на шатер
Обрушились потоки, словно небо
Земным раздорам тщилось подражать! —
Пуховым изголовьем нам служило
Доверие, покойно нам спалось
Под сенью царской бдительности, мощи.

И р о д.

И Саломея сладко почивала?

И р о д и а д а.

Конечно, царь. Как только уняла
Сумятицу пустых воспоминаний,
Которую в принцессе пробудил
Тот лживый переметчик…

И р о д.

А, Менахен!..
Что снялось вам отрадного?

И р о д и а д а.

Мне снилась
Победа, торжество.

И р о д.

Все впереди,
Любезная подруга, вот увидишь!
А что тебе, принцесса?

С а л о м е я.

Ничего.

И р о д.

Как — ничего? В твои-то лета? Полно...
Ну кто тебе поверит? Ничего...
Неужто же души твоей дощечка
Еще чиста, как снег, и нет на ней
Ни черточки единой? Неужели
Игривый и улыбчивый школяр,

Который сном зовется, братец грезы,
Не вывел розового завитка?..
Ах, не морочь, прелестница, не надо
Обманывать того, кто для тебя
Гораздо больше, нежели родитель!
Вот видишь, ты румянцем залилась,
Порозовела, словно зрелый персик!..
Девической стыдливости наряд
Облек тебя, прекрасное виденье!
Но мы его попробуем совлечь,
И обнажится истинная сущность
Твоей души, что страждет от любви
И жаждет быть любимой... Мне приснился
Чудесный сон. Как будто я божок
Любви, горячий, юный... Но не крошка,
А рослый, как сейчас я, наяву.
Я — Купидон, вооруженный луком!
Стрелу на шелковую тетиву
Я возложил и выпустил, прицелясь,
И золотое веретенце — вжик!
Попало... Угадай куда?!. Неужто

Не чувствуешь?.. Конечно же, в твое,
Твое, голубка, сердце…

И р о д и а д а.

О, владыка!

И р о д.

Пронзив его, стрела вернулась вспять
И сердце лучника пронзила тоже!..
Кровь из обоих брызнула сердец,
Взметнувшись, обе струйки породнились,
Соединились, радугой сплелись
И потекли, согласно напевая
И лепеча… О, этот лепет!..

И р о д и а д а.

Царь,
Взгляни на поле брани! Ты ведь нынче
Сражаешься, на злобу ополчась,
А не любовным играм предаешься…

И р о д.

Там Ахисар, наш полководец, он

Сообразит, как поступить со злобой,
А я любви предамся. О, любовь!..
Что есть любовь? Сумеешь ли, голубка,
Дать ей определенье, изъяснить?..
Любовь — оковы, говорят. Но это
Придумал некий лжец и клеветник.
Прислушайся, как сердце куролесит,
Резвится жеребенком на лугу.
Да, да, насмешница, удостоверься,
Ладошку приложи, а то — так я...
Ну, нет так нет! Сама... Ну что, играет?
Другие говорят: любовь — огонь.
А разве обожгло тебе ладошку,
Когда ее ты к сердцу поднесла?..
Есть в этом доля истины, однако
Огонь любви приятен, это он
Петь побуждает кровь на соловьиный
Манер. И стоит ей заклокотать,
Взыграть — любовь стремниной обернется,
Все чувства вовлекая в хоровод, —

Всего верней назвать ее стремниной!..
Соединимся же скорей, возьмись
За ветку дуба, я — за ветку розы!
Пускай подхватит нас теченьем, пусть
Кипит водоворотами стремнина!
К друг другу тесно, крепко мы прильнем,
Прижмемся к розе — дуб и роза — к дубу
И тем спасемся...

И р о д и а д а.

Полно, не смущай
Девичью душу, царь! Оставь в покое
Царевну!.. Всей душою устремись
На поле брани, где должна решиться
Твоя судьба!

И р о д.

О, дрогнули ряды!..
Немедля выровняйте середину!
Эй, нарочный! Скажи, что я велю

Продвинуть середину!.. Если ястреб
Вступает в поединок с сарычом,
То он не только крыльями заплещет,
Но ринется всем телом на врага
И вцепится в него когтями! Так-то...
Там смерть обильной жатвой занята,
А здесь любовь свои побеги холит,
Соседствует с косьбой посев и жизнь —
Со смертью! Но они друг другу чужды,
Не примиряясь ни на миг, всегда
Враждуют меж собой... Да будет жатва
Твоим уделом, смерть! А ты, любовь,
Расти и пестуй!.. Любишь ли, признайся,
Скажи мне, Саломея! Если да, —
Не ведаю, кого ты полюбила,
Не ведаю, кого люблю я сам...
Кого ты любишь? Ну, шепни, шепни мне!
Ты — мастерица на ушко шептать...
О, если ты и впрямь кого-то любишь,

Не выразишь словами никогда
Всей неохватности, всего величья,
Всей глубины того, что мы зовем
Любовью… Нет, она непостижима.
Мы можем лишь почувствовать ее
И выразить в поступках…

И р о д и а д а.

Ах, опять ты?..
К наперсницам ступай-ка, Саломея!
Живей!

С а л о м е я скрывается в шатре.

И р о д.

Зачем же ты услала дочь?
Уж не из ревности ли?.. Вот потеха!
Выходит, побеседовать нельзя
С наследницей и пожурить царевну
Отечески… Ну, посуди сама,
Жена возлюбленная наша!.. Искус,
Которому подверг я нашу дочь,
Был, что ни говори, весьма отраден,
Он подтвердил блистательно, что мы

Доселе, слава богу, остаемся
Питомцами любви… Сотри, разгладь
Морщинки эти хмурые! Царице
Моей души досада не к лицу.
Я не позволю мять прелестным зубкам
Отаву губ, которой услаждать
Привык отару царских поцелуев…

П е р и т (внезапно представ перед Иродом).

Известие из Рима, государь!

И р о д.

Благоприятное?

П е р и т.

Сеян спроважен…

И р о д.

А далеко ль?

П е р и т.

В могилу. Он убит…

И р о д.

И поделом жестокому спесивцу,
Тщеславному, продажному плуту
И сластолюбцу! Наконец отброшен
Как сгнивший плод… Тиберий совершил
Великое, на благо и на радость
Людскому роду, вырвавши из лап,
Отвратных лап, кормило высшей власти!..
И мы его поздравить поспешим…

И р о д и а д а.

Не забывай о прочем, царь…

И р о д.

Вестимо!
Как можем из виду мы упустить
Цель ратоборства нашего!

П е р в ы й с о л д а т (вбегает).

Владыка,
Ты обо всем велел нам доносить!
Сдается мне, что наши отступают…

И р о д.

Э, что за вздор несешь ты!..

С о л д а т убегает.

Но и впрямь
За это время наглый аравиец
Нас потеснил и рвется все вперед...
Должно быть, это козни... злого духа...
Какая перемена!.. Эй, Перит,
Скликай придворных, этот сонм премудрых
Голов! Пускай заискрятся умом
И скажут, как нам быть!.. Бегут в смятенье
Отряды наших воинов!.. Позор!..
Подобно ракам, пятятся... На что им
Мечи и копья с луками, когда
Ногами злоупотреблять горазды!
И колесницы покатились вспять,
Как будто бы нагружены не смертью, —
Мякиной!.. Да и конница жалка,
Как будто бы от шершней удирает...

Да кто же так воюет?.. Где он, строй?
Где боевой порядок — цепи, клинья,
Норовистые дуги?.. Все вразброд!..
Коней седлайте! Щит и меч подайте!..
Возденьте знамя царское, хоругвь!

Вбегает в т о р о й с о л д а т.

Ну, как там? Говори, коль не задохся!

В т о р о й с о л д а т.

Военачальник Нахат повелел
Сказать, что он смиренно и прискорбно
Владыку извещает о беде:
Отряд наемных воинов отборных,
Опора войска, гордость и краса —
А чем гордиться?.. — в первом же сраженье
На сторону врага переметнулся
И охладил изменой ратный пыл
Тех, кто сражался посередке...
(Убегает.)

И р о д.

Подлый,
Трусливый сброд!.. Ах, да уже само
Прозвание «наемный» не внушает
Доверия!.. Отвага и корысть
Вовеки несовместны. Жизни мало,
На то, чтоб это зло искоренить...
Порочная расчетливость наемных
Солдат недешево нам обошлась!..
Но почему стоявшие за ними
Удара в спину им не нанесли?
Позволили удрать с изрядным кушем
И страх посеять в нашем войске?!

И р о д и а д а.

Царь,
Сейчас не время для упреков! Тщетны
Слова... Садись живее на коня!
Поверь мне — если царь возглавит войско,
Оно воспрянет духом и опять
Отвагой запылает. О, я тоже
Готова за собою повести
Отряд и меч скрестить с мечом Аре-

та!..

Не мешкайте!..

И р о д.

Не торопись, царица!

Опять вбегает п е р в ы й с о л д а т.

С тебя ручьями пот течет, солдат!
С какою вестью на устах ты прибыл?
Какою бы худою ни была —
Выкладывай! Мы в трудном положенье,
И недомолвки — прочь! Ну, говори!

П е р в ы й с о л д а т.

О милостивый царь, отряд повстанцев
Напал на нас внезапно во главе
С Менахеном и Хузой. Сотник Лотан
Их опознал. И оба привели
Наемников, тех, кто еще когда-то
Филиппом завербован был. Они
Нагрянули со стороны Дамаска
И в сговоре с Аретом состоят.
Прокрались Ярмуцким ущельем, в спи-

ну
Ударили и смяли правый край.
(Убегает.)

И р о д.

Ах, подлые изменники!

И р о д и а д а.

Тем боле —
Не мешкай, царь!

И р о д.

Арет наверняка
Их помощь примет, помощь этих тварей
Продажных! Это он и подкупил
Отряд наемных воинов коварно!
Нет чтоб в открытом встретиться бою
И силами померяться достойно!..
Какая подлость — эдак воевать!..

И р о д и а д а.

Не мешкай, царь! Веди в сраженье вой-

ско!

И р о д.

Да, да, конечно… Ба, опять гонец!..

В т о р о й с о л д а т ковыляет с поля брани.

Какой удар нам нанести намерен
Ты, воин окровавленный?

В т о р о й с о л д а т.

Арет
Собственноручно ранил Ахисара,
И дочь арабского царя Тамар
За раненым ухаживает нежно
С наперсницами вместе. Ахисар,
От боли изнемогши, надоумил
Пойти на мировую…

И р о д.

С кем? С врагом?!.
Ты слышала, царица? Замириться?

И р о д и а д а.

Нет, никогда!

И р о д.

Но войско, погляди,
Бежит, бежит… Все прахом!.. Аравиец
К нам на гору взбирается, сюда,
Чтоб нас унизить и рабами сделать…
Скорее на коней — и прочь, и прочь!

И р о д и а д а.

Короны ради, в Рим скорей скачи!..

И р о д.

О, горе, горе!.. Золотое солнце,
Ты светишь в вышине, но не для нас…

И р о д и а д а.

Опять мы удираем без оглядки…
Что может быть позорнее!.. Ах, царь,
Вели пииту, чтоб увековечил
Твое единоборство! Наутек?..
Великолепно! Ха-ха! Саломея,
Ты где? Идем со мной! Скорей, скорей!

Уходят среди невообразимой сумятицы.

В т о р о й с о л д а т.

Один как перст... На муки и погибель
Я обречен...
(Сникает у шатра.)
Скажите мне, за что
Я должен жизнь отдать, еще не жив-ши?..
Чем провинился я?.. Теки, теки
Из раны, кровь, и угаси навеки
Мучительное пламя... И — конец,
Конец всему, страданиям и жизни...
(Умирает.)

Вбегают О м р у, М е н а х е н, Т а м а р, З а м и р а и Х у з а.

М е н а х е н.

Опять он спасся бегством... На сей раз
Мы проучили Ирода, однако...

О м р у.

Да как еще, любезный! Ей-же-ей,
Он этого урока не забудет!..
Вот и еще свидетельство его
Разгрома!..

(Показывает на труп солдата.)
Унести!..

Труп уносят.

А беглецов
Преследовать? Лишь прикажи, царица!

Т а м а р.

Покрыв себя позором, пусть бегут,
Спасают шкуру! Когти затупив
И крылья измочалив, эта свора
Низвергнулась на землю… Нет, с меня
Достаточно и этого…

О м р у.

Настигнем
В Тивериаде их наверняка.

Т а м а р.

Обширно поле брани, и серпом
Все срезано под корень, кроме щуплых,
Сухих былинок… Поленился серп
Смахнуть их тоже… Наняли мы жницу

Отменную
для этой жатвы — Смерть.
Работала недолго, но усердно,
Кося ряды и проливая пот,
Кровь проливая… Что ж, и вам спасибо,
Любезный Хуза и Менахен, — вас
Обоих я благодарю сердечно!

Х у з а.

Однако мы верны своей отчизне,
И ты об этом соблаговоли
Не забывать, мы не чета презренным
Изменникам, хотя нас и клеймят,
И пуще всех — убийца тот матерый!
Защитники отчизны — мы, не он!

Т а м а р.

Как не любить тот край, где мы впервые
Прекрасный мир увидели, тот край,
С которым узы кровные связуют
И сладостных воспоминаний нить?..
И как не чтить заветные пределы,

Где мы, однажды к праотцам уйдя,
Почием вечным сном бок о бок с ними?..
Предать отчизну может только тот,
Кому неведомы святые узы,
Чье волшебство связует нас навек
С отчизною. И если кто продаст
Ее на торжище всемирном — проку
От этого не будет ни на грош,
Какую мзду торгаш ни заграбастай!

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Тивериада. Зала в царском дворце.
И р о д, П е р и т, ц а р е д в о р ц ы.

И р о д.

Нередко тот, кто обманулся трижды, —
О, не подумайте, что о себе
Я говорю! Нет, нет, неиссякаем
Запас надежды у меня в душе!.. —
Кто обманулся, разочаровался,
Тот, голову понуро опустив,
Становится задумчив, словно туча,
Поникшая на скалах, ибо ею
Благие ветерки пренебрегли.
Другой, стряхнув оцепененье долгих
Раздумий, разражается смешком:
Тьфу, уходи Фортуна-вертихвостка,
Глаза бы не глядели на твое
Обманное лицо!.. Я с Неудачей —
Девицей бледнолицей породнюсь.

Мы сядем с ней на гордом Арарате
Напастей, бед и до скончанья дней
С подружкой верной будем миловаться...
А третий, будто взнузданный скакун,
Почуявший, что он оседлан Роком,
Мотнет в ярме проклятом головой,
Но всадника не сбросит. Не наездник —
Скакун себе же шею и свернет,
Храбрец отчаявшийся иль безумец!
А этот... Впрочем, нам-то что до них,
Завзятых горемык? Что нам за дело?
Мы не из их числа. Над головой
У нас вечнозеленая надежда
Шумит, припрятав зори лепестков
Под оболочкой множества бутонов.
Едва подарит солнце поцелуй —
Они распустятся и улыбнутся!..
Вы здесь еще?! Я думал, господа,
Что вы уже изволите трудиться...
Вы слышали уже из наших уст,
Каков итог последней, то бишь тре-

тьей,
Поездки нашей в достославный Рим?
Мы не достигли цели. Цель маячит
Извечным побужденьем впереди,
Приманкой, но не той, что, ускользая,
Лишь дразнит голодающих собак, —
Нет, нет, отнюдь! Цель труднодости-
жима,
Но далеко не так уж далека.
Чтоб не достигнуть этой цели вовсе…
Перит, не так ли?

П е р и т.

Так, мой государь

И р о д.

Не коротки у нас к тому же руки,
И с высоты престола мы вполне
Дотянемся до егозы строптивой —
Я говорю о цели! — чтоб схватить
Ее за косу, блещущую златом!..
Ступайте, ибо нам наедине
Угодно поразмыслить, погрузиться

В морскую глубь высоких наших дум!..
Безбрежны будут наши думы, словно
Туман осенний, и заволокут
Не только душу, что сродни долине,
Но и вершину разума заткнут
Непроницаемою пеленою,
Стремнину совести затмят... А что
Такое совесть? Кто из вас ответит?
О, не ломайте голову! Небось
И сами знаем, чувствуем, что это —
Кромешная расселина, куда
И солнышко заглядывать не любит,
И мы, мы тоже... Ну, пора, пора!
Ступайте же и помните: коль скоро
Желаешь мира — надобно к войне
Готовиться... Исполнено ли все, что
Я вам велел перед отъездом, а?..
Не ведаешь, откуда ждать удара, —
Царят на свете злоба и корысть...
Ну, что стоите, будто соляные
Столпы?.. Или хотите дать совет?
Мы слушаем. Молчите?.. Я вас знаю!..

Ступайте!

Ц а р е д в о р ц ы удаляются.

Никанор, мудрец, постой!
Хочу порассуждать с тобой немного.
Скажи не мудрствуя, как бы деля
Полоску шелка надвое, — какое
Различие меж стоицизмом и
Эпикурейством?

Ц а р е д в о р е ц.

Наш александрийский
Мудрец Филон{101}*, стремясь истолковать*
Многосторонне…

И р о д.

Хватит о Филоне!..
Вот посмотри, перед тобой весы —
Я то бишь. Справа — стоицизм, а слева —

{101} Комментарии: 2.101

…*мудрец Филон*… — Филон Александрийский (ок. 25 г. до н. э.—40) — еврейский философ, сочинения которого явились одним из источников раннехристианских представлений.

Эпикурейство. И одно плечо
К спокойствию взывает, а другое
Стремится к удовольствиям. Скажи —
Куда весам клониться? Влево? Вправо?
Не знаешь? Так ступай же!..

Ц а р е д в о р е ц уходит.

А теперь,
Державные раздумья, оплетите
Меня своею пряжей, словно тьма,
Густеющая час от часу, дабы
Прикрыла ночь зиянье наших бездн.
Все чувства обострились, обретаю
Себя в себе, себя же потеряв...
Ты благодатна, дума, ты — сестра
Видений, грез!.. Какой наглец, однако,
Спугнуть решился наш блаженный сон?!

Входит И р о д и а д а.

Ах, это ты, милейшая царица,
Прекрасная подруга наша?! Рад!..
Дивиться впору: мы еще друг друга

Не поприветствовали, как велит
Союз наш сладостный, как подобает
Двум любящим супругам…

И р о д и а д а.

Да, мой царь,
Но я не виновата в этом. Ты же,
Сославшись на усталость, сам ушел
В свои покои, а супругу в жертву
Принес ночным тревогам и шипам
Нещадно колющего любопытства…

И р о д.

Об этом буду сожалеть всю жизнь!
Ах, как я сожалею!.. Но быть может,
Ты не поверила, что я устал,
Нет, изнемог? Само житье в столице
Империи способно истощить
Все жизненные силы, даже если
Они бурлят, клокочут, словно Тибр.
Такое бремя как, скажи, осилить,
Не выкуешь из мускулов рычаг
И не совьешь каната из шутейных,

Бодрящих слов... А к этому прибавь
Еще дорогу и морские бури...
Однако же иди ко мне, иди!
Опять мы вместе — голубь и голубка...
О, как я тосковал по твоему
Воркующему голосу, румянцу
Твоих ланит и сполоху очей,
Покуда на холодной был чужбине!..
И вот я снова дома!.. Как жилось
Тебе в мое отсутствие? Наверно,
Как быстрокрылый сокол, пронеслось,
Промчалось, пролетело время? Ну же,
Рассказывай, сокровище мое!
Мне интересно все!

И р о д и а д а.

Коли супругу
Сопутствовал успех, то и жене
Сопутствовал он тоже. Тут прямая
Зависимость и связь. И если ты
Разгрыз орешек, стало быть, удача
Нам выпала обоим. Любопытство

Сюда твою супругу привело
И требует немедля утоленья.
Голодного сначала надлежит
Попотчевать… Советников, я вижу,
Ты отпустил уже… И, верно, все
Поведал им касательно поездки.
И мне, супруг, не терпится узнать.
Мы здесь одни, так сделай одолженье,
Все по порядку расскажи, прошу!
Каков итог твоих далеких странствий
Среди мирских водоворотов, бурь?
Надеюсь, в третий раз ты не напрасно
Стучался в дверь, и дверь перед тобой
Раскрыли как перед желанным гостем?..
И после прожитых в довольстве дней
Как равного, конечно, проводили,
Как божьего помазанника, как
Наследника великого престола?..

И р о д.

Быть по сему! Надеюсь, что потом
И ты со мной поделишься вестями

И наблюденьями... Могу сказать:
Нас приняли по-царски, что, конечно,
Само собою разумелось. Рим!
На этом фоне выпуклей фигура
Гостящего царя. Великий Рим!
И ныне был он тем же, что и прежде,
И все же... все же изменился фон...

И р о д и а д а.

Каким же образом? Надеюсь, к пользе
И вящему величию царя —
Портрета... а не рамки?

И р о д.

Угадала!
Не рамки. Но и рамка не пустяк!
Она такой должна быть, чтобы всеми
Цветами радуги играл портрет,
Чтоб даже тени светом озарились,
Повеявши на зрителей теплом.
А нынче рамка словно расшаталась...
Переменилась власть, и, как всегда,
Напоминала эта перемена

Тайфун, землетрясение… Валы,
Что вынесли когда-то на поверхность
Тиберия, опорою служа,
Попятились под стать тщедушным волнам,
Пошли на убыль, сникли, отступив
Перед другими, что на гордых выях
Другого властелина вознесли…
Но Рим по-прежнему владычит миром,
А в Риме властвует… Кто? Угадай!
Разнузданная знать, преторианцы,
Блюстители беспутные — они
Переворот нежданный совершили!..
Когда я сравниваю с ними наш
Синклит придворный, злость меня берет
И стыд одолевает…

И р о д и а д а.

Да неужто
И ты хотел бы видеть вкруг себя
Злокозненную челядь? Ненавистны
Мне имена крамольников былых…

И р о д.

Не о таких веду я речь, царица, —
О тех, кто был бы в силах нам помочь
Осуществить намерения наши
И с колеи наезженной свернуть…
А от бездельников тупоголовых
Чего нам ждать!..

И р о д и а д а.

Не уклоняйся, царь!
Жду не дождусь, когда о главном скажешь…

И р о д.

Как раз до главного я и дошел…
Властитель новый — молодой Гай Цезарь
Калигула. Не кажется ль тебе
Чудным такое прозвище? Забавно,
Ей-ей, кроить ярлык из сапога

Солдатского!..[{102}] *Так вот, сам император*
Был чрезвычайно благосклонен к нам.
Собою видный, сразу скажешь — сын
Германика, в котором уживались
И добродетели и красота
Любимца плебса. Это, как наследство
Богатое, могло ему снискать
Престол. Но вместе с тем мне показалось,
Что он слабохарактерный, легко
Становится добычей настроенья,
Робеет, неуверенный в себе...
От досточтимой яблони далеко
Упал он в этом смысле. Может быть,
Виной тому влияние дурное
Среды иль воспитание — как знать!
Во всяком случае, таилось нечто
В его душе, чего никто не мог

{102} Комментарии: 2.102

...ярлык из сапога солдатского!.. — Имеется в виду прозвище римского императора Кая Цезаря Калигулы (12—41), происходящее от названия солдатских башмаков (лат. caligula, уменьшит, от caliga — башмак), которые Калигула носил в детстве, когда жил в рейнских лагерях, среди солдат.

Ни уловить, ни разгадать. Когда он
Давал нам заверенья, у него
Один глазок прищурен был, и нервно
Подергивалась нижняя губа
Припухлая, и складки залегали
На подбородке, будто он глотал.
И это было маскою — сдается,
Он лицемерил…

И р о д и а д а.

О, да из такой
Отвратной скорлупы ничто другое
И не могло бы вылущиться, кроме
Горчащего ядра, а от него —
Оскомина!..

И р о д.

Не торопись, голубка!
С изъяном скорлупа, зато внутри
Сокровище… Он в гости нас позвал,
Не отпускал ни на минуту, словно
Судьба, неумолим, притом — судьба,
Которую могу назвать я Счастьем.

Он справа от себя нас посадил
За трапезой и здравицы усердно
За нас провозглашал, да так умно,
Красно, что, тронутый его словами,
Я душу изливал свою, в ответ.
И между наци с той поры, как только
Почтил я властелина, возложив
К подножью трона лавры, — протянулась,
Привязанности золотая нить,
Как мостик, по которому назавтра
Знакомство наше в дружбу перейдет,
А через день-другой, глядишь, и в братство...
Но, к сожаленью, слева от него
Сидел с самонадеянной ухмылкой,
А может, и злорадной, главный наш —
Племянник, сибаритствовавший...

И р о д и а д а.

Ирод

Агриппа?{103} *Этот мерзкий приживал?*

И р о д.

Еще почище! Раб, холуй…

И р о д и а д а.

И что же?..

И р о д.

Да ничего… Но правда такова:
Они друг с другом неразлучны, словно
Два пальца на одной руке. Всегда
Вдвоем, под стать влюбленным. Волочится
Агриппа за Калигулой, как шлейф.
А императору сие по вкусу,
Он тешит самолюбие свое
Угодничеством льстивого сатрапа…
И вместе предаются кутежам,
Утехам и, похоже, делят ложе…

{103} Комментарии: 2.103

Ирод Агриппа. — Существовало два иудейских царя, носивших это имя: Ирод Агриппа I (10 г. до н. э.—44), Ирод Агриппа II (27—100).

И р о д и а д а.

Языческая извращенность, фу!..
Все это подозрительно, и очень!

И р о д.

Опять досужий домысел! Скакун
Тебя помчал в обгон событий. Полно,
На свой сучочек, горлинка, вернись!..
Когда мы наконец в садах Лукулла{104}
Остались с кесарем наедине —
Агриппа в это время увивался
За цесаревнами, — я изложил
Свою безотлагательную просьбу,
Происхожденьем нашим подкрепив
Прошение, и долгим пребыванием
У власти, и доказанной не раз
Неколебимой преданностью Риму,
Подвел устои всех заслуг, и он…

И р о д и а д а.

{104} Комментарии: 2.104

…*в садах Лукулла…* — Имеются в виду роскошные загородные парки, где давал свои знаменитые «лукулловы пиры» Лукулл Луций Лициний (106—56 до н. э.), римский политический деятель и полководец, славившийся богатством и расточительством.

Не просто обещал тебе, а тут же
И даровал просимое?.. Нужны
Дела, а не пустые обещанья!
Уж сколько этих мыльных пузырей
Полопалось!.. Так как же? Ты и вправду
Теперь единовластный царь?

И р о д.

Прости,
Но ты нетерпелива, вроде смерти,
Однако смерть прелестная… Такой
Охотно покорюсь… Расположила
Калигулу ко мне весомость слов,
Что были мною сказаны. И руку
Он протянул мне, просветлев лицом…
Агриппа это издали заметил
И, словно выросши из-под земли,
В мгновенье ока кесареву руку
Он вырвал из моей, поцеловав…

И р о д и а д а.

Он ею завладел?.. Какая низость!
И все, что было в ней, теперь ему,

Разбойнику, досталось!

И р о д.

Нет, ручаюсь!

И р о д и а д а.

Отторгнув часть подвластных нам земель,
Сегодня он наместник Итуреи{105}*.*
А завтра?..

И р о д.

Что же?..

И р о д и а д а.

Иудейский царь
На троне в славном Иерусалиме…
О ужас!

И р о д.

Нет, остался он ни с чем!
Отличия и титулы на Тибре
Не сыплются, как сладость шелковиц,

{105} Комментарии: 2.105
Итурея и, ниже, *Батанея* — северные области Древней Палестины.

Когда их потрясешь... Остался с носом
Агриппа, на посмешище всему
Честному миру!.. Так что знай: во-первых,
Мы нынче в выигрыше. Во-вторых,
Достойные возвыситься, мы в силах
Добиться возвышенья. Наконец,
Рим дорожит благополучьем нашим.
Ты помнишь, сколько приложил он сил,
Чтоб разрешить наш спор с царем Аретом?

И р о д и а д а.

Не выставляй позора напоказ!

И р о д.

Так неужели нас теперь он бросит
На произвол судьбы, чтоб наш сосед,
Почти союзник Рима, раздраженный
Надкушенной ковригой, проглотил
Нас целиком, прирезал наши земли...
У нас немало преимуществ, и,
Поверь, они укоренились прочно

В сознанье кесаря. Я убежден…
Сенат — иное дело…

И р о д и а д а.

Много ль значит
Могущества былого тень?

И р о д.

За ним
Решающее слово, дорогая!
Сенаторов, достойнейших мужей,
Я лично знаю издавна. К тому же
У них воспоминанья обо мне
Весьма благоприятные. Недаром
Они меня златым лучом зовут,
Лучом зари… А во главе сената —
Валерий Азиатикус{106}*. И если*
Не ошибаюсь, он правопреемник
Лукулла, не запятнанный ничем,
И неизменный друг наш непреклонный.

{106} Комментарии: 2.106
Валерий Азиатикус… — Титулом Азиатикус награждали римских военачальников (Валерий — один из них) и сановников, отличившихся в Азии.

Он вместе с кесарем нам оказал
Широкое гостеприимство. Впрочем,
И времена меняются и мы —
Седая истина!..

И р о д и а д а.

Ага, в сенате
Решилось все не так — наоборот?!.
Я знаю этот Рим как воплощенье
Корыстолюбия. Грести — гребет,
Но ни вот столечко не даст задаром!

И р о д.

Зачем ты так, голубушка, о них...
Я думаю, что это старость, старость...
И неизбежны следствия ее:
Рассудочность, медлительность, опаска...

И р о д и а д а.

В твоем повествованье много мглы
И недомолвок, что подобны ямам.
Темно — и я проваливаюсь в них...

И р о д.

Ах, в этом незадачливый рассказчик
Повинен — деревянный мой язык!
Я ни при чем тут, извини, царица...
Но впечатленье общее мое,
Которое я вынес из поездки,
Играет сочной гаммою цветов,
Поет отрадным отзвуком удачи...

И р о д и а д а.

Что впечатленье! Что мне до него!

И р о д.

Как?! Нет, позволь, ведь впечатленье — это
Нектар пережитого, это — весть
О столь желанных нами переменах.
Так будем же всем сердцем предвкушать
То, что уже не за горами... Мыслью
Грядущему навстречу улетать...
Ну а теперь, любезная супруга,
Вознагради меня за мой рассказ!

Он изнурил меня, а ты умеешь
Заворожить словами и увлечь.
Твои уста ласкают слух, воркуют,
Как горлинка, что села на плечо.
Так что же нового за это время
Произошло?..

И р о д и а д а.

О, ровно ничего!
Обыденные вещи не способны
Былинки всколыхнуть, не то что мир!

И р о д.

Однако и они — частица жизни,
И пусть себе вершатся что ни день!..
Не прибыло ли сумасбродов, часом?

И р о д и а д а.

Не знаю, не вникаю, недосуг.
Хватает мне своих забот.

И р о д.

Конечно,
Воображаемых, поскольку въявь

Заботы не осмелятся тревожить
Цариц, — над венценосным цветником
Земного бытия беспечность вьется,
Порхает пестрокрылым мотыльком.
Итак, наш брат четверовластник,
Преставился… Об этом я узнал
Еще на Тибре. Такова людская,
Природою назначенная, дань…

И р о д и а д а.

И Саломея тотчас возвратилась.

И р о д.

Ах, Саломея здесь? Как хорошо!..
Бедняжка овдовела… Почему же
Ее не видно?.. Жаль, что старику
Она досталась в жены, право слово…
И как я ни противился — увы!..

И р о д и а д а.

Она была на выданье.

И р о д.

Сначала

Тебе претило имя жениха…

И р о д и а д а.

Но это был твой брат и, пересилив
Себя, я согласилась наконец…
В твоем рассказе множество утаек
И много темного. Тревога, страх
Меня гнетут. Как тяжело!.. Я места
Себе не нахожу… Ты запретил
Еще с дороги праздничную встречу
Обыкновенью вопреки и тем
Меня поверг в растерянность. С чего бы
Такая скромность? Почести отверг!..
Нет, не иначе как поникли крылья
Тщеславия, предвозвещая крах.

И р о д.

Да был ли я когда-нибудь привержен
К шумихе, блеску? Это чтоб тебе,
Царица, угодить, я то и дело
Бросался в расточительство — поток,
Что берега умеренности рушил.
Чтоб угодить тебе, я распускал

Павлиний хвост роскошества... Чего бы
Не отдал я, чтоб только видеть, знать:
Ты счастлива, довольна... Я бы в жертву
Принес державный Рим, простерший власть
На целый мир и звездный свод в придачу!
Моим стремленьем было искони
Твоим всемерно угождать желаньям,
Не связывать, а расправлять крыла
Твоих мечтаний, дабы на вершину
Недосягаемую вознесли
Тебя под стать орлице — на вершину
Блаженства, славы!

И р о д и а д а.

Все это — слова,
Румяна, вызывающие только
Усмешку горестную, но меня
Они уже не могут в заблужденье
Ввести... Нет, я дознаюсь, каково

Действительное наше положенье.
И пусть разверзнется передо мной
Зияющая чернотою бездна —
Все лучше, чем плутать, сбиваясь с ног,
Вслед за блуждающими огоньками
В потемках неуверенности… Царь,
А не дозволишь ли ты мне Перита
С пристрастьем допросить?

И р о д.

Ну что ж, изволь!
Он — наш слуга, а ты — царица. Правда,
Оттенок недоверия ко мне
Сквозит в твоем намеренье, и это
Досаду вызывает и печаль.
Но ежели холодный иностранец
И верно знает больше моего —
Быть по сему! Он — римлянин и, значит,
Находка для дознательницы. Пусть
Откроется тебе Перит, а после
Ты мне сюрприз преподнесешь, сюр-

приз...

И р о д и а д а.

Пойду, пойду!
(Уходит.)

И р о д.

Иди, иди... О боже,
Я весь в испарине, как хлебороб.
Тщеславье женщин безгранично! Знает,
Что звезды в полуночной синеве
В недосягаемых пылают высях,
И все же дотянуться норовит,
Чтоб нанизать их вроде ожерелья...
Тянись, тянись, о женщина, кради
Алмазы из подола спящей ночи,
Коли способна!.. Мне на пользу... Эй,
Осекшаяся нить моих раздумий!
Свяжись и заслони меня, как щит,
Непрочный щит!.. Опять нагрянул кто-то?..
Да это Саломея!

Входит С а л о м е я.

С а л о м е я.
Я, отец.
Разыскиваю матушку.

И р о д.

Пожалуй,
Ты не сказала б матери вот так, —
Мол, я отца ищу?.. Хотя пристало,
Коль скоро ты опять под отчий кров
Пожаловала, выказать вниманье
Тому, кто дочь лелеял и ласкал...
О, юная вдова, на щечках розы
Еще не тронуты, еще пыльца
Не стерта с них, еще свежи росинки.
Рвать розы не под силу старикам,
Дрожат у патриархов руки, шаря
В листве роскошной, ибо нет у них
Былой сноровки, страх перед шипами
Владеет ими. Сник лихой клинок.
Отгарцевал и даже на коленях
У женщин дремлет среди бела дня,
Расслабленный, с отвисшею губою.

Ах, как мне жаль тебя, я всей душой,
Поверь, тебя жалею, сокрушаясь,
Что воспротивиться тогда не смог
Столь горестному брачному союзу...
Зато когда мужчина бодр, здоров
И полон сил, как я, он склонен розы
Срывать и днем и ночью, и тогда
Уже иной приобретаешь опыт.
Он сладок, и тебя я одарю
Сей сладостью, как никого другого
Еще не одарял я никогда...
Прижмись ко мне, целуй...

С а л о м е я.

Твою десницу,
Столь щедро расточавшую дары
Благодеяний, я, о царь, готова
Поцеловать с признательностью...

И р о д.

Нет,
Не руку — в губы поцелуй! Мечтаю
О крепком, долгом поцелуе... Жгуч

Сей ободок, связующий тела
И раскаляемый в горниле страсти.
О нем, возлюбленная, говорю.
Ты понимаешь? Так соединим же
Уста в предвосхищении услад,
Которые пророчит пир лобзаний.
Ну а пока вознагради за жизнь,
Крушенье потерпевшую, за славу,
Погибшую с погибшим кораблем,
За обольщения любви, удары
Судьбы и за испытанный позор!
Блаженства кубок поднеси в награду!
О, наконец-то случай порадел
О том, чтоб эта ведьма отлучилась!..
Ты в нерешительности? Как?! Опять?..
Неблагодарная, ты не желаешь!..
Или робеешь? Робость ни к чему!
Смущенье — в сторону!.. Я поцелуя,
Я поцелуя, Саломея, жду.
Хотя б один... А нет — так поцелую
Тебя я сам, принужу разделить
Со мной, пригубить сладостный напи-

ток,
К душе прихлынуть паводком души
И слиться воедино... Вот...

С а л о м е я.

На помощь!
Пусти, насильник!.. Царь, пусти, отец!..

И р о д.

Нет, не пущу! Люблю тебя и этот
Миг золотой, блаженнейший из всех,
Не упущу... Ты млеешь, обессилев...
О сладкая, тебя я унесу
В опочивальню — самой драгоценной
Добычею в сокровищницу грез
И наслаждений!.. Там почиешь сладко...

И р о д и а д а (появляется в дверях).

Распутник под личиною отца!
Прелюбодей, отвратный совратитель!
А ты... ты... потаскуха!

С а л о м е я.

Это ложь!

И р о д.

И впрямь ты оговариваешь дочку.

И р о д и а д а.

О лицемеры, нет у вас стыда!
Ужо обоим вам, ужо!.. Ответствуй,
Зачем сюда пришла, кто звал, чего
Тебе здесь надобно? Никак решила
Совсем покоя мать свою лишить,
Той капли счастья, что нашла я в этом —
Уж лучше б не искала никогда! —
Бесстыднике!..

И р о д.

Он собственной персоной
Перед тобой!..

И р о д и а д а.

Я знаю, вы давно
Затеяли все это, и сегодня
Вам удалось укрыться наконец
От бдительного моего надзора...

С а л о м е я.

Не оскорбляй безвинную!..

И р о д.

И впрямь
Она не виновата.

И р о д и а д а.

Помолчите.
Вы, греховодники! Я отплачу
Сторицею, да так, что мед прогоркнет
И кровь у вас простынет сей же миг!
Ведь это он, ты слышишь, Саломея,
Он, он — убийца твоего отца!

И р о д.

Не ты ли заколоть его велела?!

И р о д и а д а.

Я? Трус презренный! За моей спиной
Ты прятался, но не спешишь сознаться!..

С а л о м е я.

Ах вот как, вот как!.. Изверги! Теперь
Вы догола передо мной разделись,
Личина лжи слетела с ваших душ!
Вы... вы... пускай господь вас покарает
И по заслугам вам сполна воздаст!..
С меня довольно... Знайте, что для вас
Я более не существую!
(Уходит.)

И р о д.

Видишь,
Ты оскорбила дочь, и дочь ушла...

И р о д и а д а.

И ты не воспрепятствовал ей в этом?
Отец и царь и... кто ты там еще!

И р о д.

Препятствовать? При том, что Саломею
Ты из дому сама же прогнала?
Зачем же дочке изнывать под гнетом
Твоей любви?..

И р о д и а д а.

Зато твоя любовь
Могла б ее утешить... О злодейство!

И р о д.

Как ты жестока! Право, я могу
Поступок Саломеи лишь одобрить...

И р о д и а д а.

Меня нисколько это не волнует.
Послушай лучше, что сказал мне твой
Советник! Ох и лжец!..

И р о д.

А что такого
Тебе сказал он? Римляне приврать
Умеют...

И р о д и а д а.

Будто сделался Агриппа
Владыкой Батанеи...

И р о д.

А, так он

Не Итуреей правит!

И р о д и а д а.

Ну, не все ли
Тебе равно!

И р о д.

И верно, — все равно.
И р о д и а д а.

Я знаю, все равно ты равнодушен.
Но знай, что мне отнюдь не все равно!..
Царем себя считаешь, а ведь нету
В тебе ни грана царственности — клок
От мантии, перо из оперенья...
Вот чем довольствуешься, ибо ты
Был, есть и будешь лишь четверовластник!..
Как непомерна жертва, посуди,
Что принесла я ради зыбкой чести
Тобою приобщенной быть к твоей
Судьбе, с твоею помощью подняться
На столь высокую ступень!.. Ужель
Делиться яблоком удачи, славы

Должна я с кем попало?!

И р о д.

Целиком
Оно не каждой Еве достается!
Ты не в раю, гордячка…

И р о д и а д а.

Свой порок
Ты обратить не прочь, я вижу, в шутку?
Какой ты царь? Ты — тряпка, вертопрах!

И р о д.

Ты довести до белого каленья
Могла б кого угодно, ей-же-ей!..
Однако — руку на сердце! — признайся,
Какая польза от твоей красы?
От прелестей твоих, от наших брачных,
Довольно странных, уз и от любви,
Столь пылкой?.. Где наследник?..

И р о д и а д а.

Ха, на это
Способна ли такая рохля!

И р о д.

Змея!.. Смягчись, царица, успокойся,
Прошу тебя, ну, тише, вот… вот так!..
Сесть рядом соблаговоли! Нам вместе
Обдумать нужно, что и как. Судьба
Не легкая у нас, и властелинам
Пристало призадуматься подчас,
И крепко призадуматься, о тяжких,
Суровых временах… К тому ж причин
Для размышлений есть у нас немало,
Насущных, жгучих. Ты уж мне поверь!
По крайней мере мне порою мнится,
Что наступил канун конца…

И р о д и а д а.

Канун
Конца? Как понимать тебя прикажешь?

И р о д.

То бишь канун каких-то перемен —

Вот что хотел сказать я... Сам не знаю,
Как это «нечто» поименовать...
Но я чутьем угадываю, слышу
Событий надвигающийся гул.
Быть может, это колесница славы
Гремит издалека, а может быть,
Огрузлая повозка громыхает,
Везя поклажу бедствий...

И р о д и а д а.

Ах, опять
Меня пугаешь, царь?! Нам помириться,
Поладить нужно, злость нам не к лицу.
Она роняет нас в глазах обоих
И трезвой рассудительности нас
Лишает!.. О, не отнимай надежды,
А я — твою сумею воскресить...
Ты знаешь, что задумала я?

И р о д.

Что же

Измыслил твой проворный, острый ум,
Царица, наша гордость?

И р о д и а д а.

Я решила
Нагрянуть собственной персоной в Рим
И на коленях умолить, как бога,
Уговорить Калигулу, чтоб нас
Он оделил воистину по-царски
И властью и величием. Ты сам
Говаривал: его растрогать можно
Проникновенной просьбой. Мол, легко
Порывам поддается он и чувствам.
И мысленно с Агриппою сравнив —
Тот как-никак мужчина и развратник! —
Он предпочтенье женской красоте
Отдаст, конечно, женским чарам...

И р о д.

Полно!
Не выставлять же, право, напоказ
Мои сокровища, чтоб возвратиться

С постыдным барышом!.. О, горе мне!
Но вижу, что гордыня и тщеславье
Тебя в свою упряжку завлекли...
Так торопись на торжище, не мешкай!

Входит с о в е т н и к.

Что надобно?

С о в е т н и к.

Светлейший государь,
К нам прибыли гонцы царя Агриппы!

И р о д и а д а.

Подумай только — назвался царем!..
Да он тебе на пятки наступает...

И р о д.

Пускай войдут!

Ц а р е д в о р е ц удаляется.

И р о д и а д а.

Ха, самозваный царь!..
Откуда взял он этот титул? Верно,
Присвоил самочинно, как цветок,

Растущий у обочины...

И р о д.

Быть может,
Он в самом деле стал царем...

И р о д и а д а.

И ты
Об этом говоришь так равнодушно,
Не возмутясь до глубины души?

И р о д.

Любое пламя, даже если к небу
Простерлись языки, обречено
На угасание...

И р о д и а д а.

А я, отчаясь,
Готова руки в гневе заломить!..

И р о д.

Ах, не разумнее ли, дорогая,
Все принимать как есть?

Входит к а с т е л я н.

К а с т е л я н.

Агриппа-царь,
Что поспешает к собственным куртинам,
А ныне приближается к твоим,
Велел тебя приветствовать, осмелясь
Пожаловать к тебе, дабы почтить
Царя сиятельного самолично.

И р о д.

Мы дорогому гостю рады — честь
Великая!

И р о д и а д а.

И ты Агриппу примешь?

И р о д.

Ведь он племянник мой, к тому ж царю
Другим царям оказывать пристало
Гостеприимство...

И р о д и а д а.

Но ведь ты... ведь ты!..

Ах, под твоим расположившись кровом,

Рассядется он за твоим столом,

Разляжется в твоей постели, станет

Указывать, во все совать свой нос.

И р о д.

С меня довольно! Поступай как хочешь!

Агриппе я ни слова не скажу

О замысле твоем. И — хватит, хватит!..

Входят П е р и т, Т р е б о н и й, О б а д ь я, с о в е т н и к и и ц а р е д в о р ц ы обоего пола.

А вам... что вам угодно?

П е р и т.

Господин,

Мы более высокому приказу,

Чем тот, который скрыт в твоих словах,

Послушны... Все переменилось разом,

И нам теперь пополнить двор царя

Агриппы надлежит... Повиновавшись,

Покорные, пришли мы, чтобы вас
Уведомить об этом напоследок…

И р о д и а д а.

А ну-ка, царь, смутьянов припугни!
У, челядь непокорная!..

И р о д.

Терпенье,
Царица! Жизнь из колеи подчас
Выходит, чтобы вскоре возвратиться
В наезженную колею…

П е р и т.

Наш царь
И новый господин уже въезжает,
Приветствуемый шумно у ворот,
В свой стольный град — в Тивериаду то есть,
Ключ золотой приняв от Севны…

И р о д.

Царь?
А кто же я?

Т р е б о н и й.

Низложенный властитель...

И р о д.

Как смеешь ты владыку поносить?!
Да я тебя велю казнить! Кто может
Лишить меня короны, трона?!

Т р е б о н и й.

Рим,
Рим всемогущий!

И р о д.

Вот как?

И р о д и а д а.

Неужели
Ты веришь им? Ловушка и обман!

Т р е б о н и й.

Таков указ. Однако же, пойдемте
Встречать царя!

Г о л о с а.

Пойдемте!.. Да хранит

Господь царя Агриппу!..

И р о д.

Свора псов!

И р о д и а д а.

Вот как тебя Калигула вознес?..
Куда же вы, наперсницы, постойте!

Ц а р е д в о р ц ы уходят.

Расправу учинить, и беспощадно,
Над челядью! Кнутом ее, кнутом!..
Я тотчас кликну стражу!

И р о д.

Не препятствуй
Течению событий! Схлынет муть
И… Как, и ты, Обадья, самый верный
Из верных?..

О б а д ь я.

Да, я тоже, господин.
На царской службе поседев, хочу я,
Царю служа, свои окончить дни.

И верю я, что при царе Агриппе
Мечте давнишней сбыться суждено,
Осуществятся чаянья народа.

И р о д.

Мираж... Однако окажи царю
Последнюю услугу, принеси мне,
Голубчик, меч...

И р о д и а д а.

Зачем тебе он?!. Нет!

И р о д.

Чтоб умертвить больное и гнилое,
Уже наполовину из земли
Нещадно вывороченное древо.
Мы умертвлять умеем как-никак...
Ты помнишь?

И р о д и а д а.

Ах, умолкни!..

О б а д ь я.

Нет, отныне

Тебе я не слуга и, уходя,
Вот что еще скажу я на прощанье:
Кто слишком ненасытен, тот ни с чем
В итоге остается.
(Уходит.)

И р о д.

Пустомеля,
Ступай себе, коли не пожелал
Такой пустячной оказать услуги!..
Услужливость тобою предана…
О, вероломство челяди!.. Но разве
Хозяин был намного лучше? Нет!
И вот повержен… Все!..

И р о д и а д а.

Поверь, супруг,
Мы вновь поднимемся и, словно Феникс,
Из пепла возродимся. Мир велик,
И мы найдем пристанище, в котором
Нас ожидает счастье… Но скажи,
Что делать нам сейчас?.. Постой! Быть

может...

Входят О м р у, М е н а х е н, Х у з а.

И р о д.

Они подскажут, что нам делать... С чем
Пожаловали нынче?

О м р у.

С повеленьем,
Которое печатью скреплено,
Имперской, августейшею: немедля
Тебя, подозреваемого в том,
Что козни строил, замышляя втайне
Предательски пойти на Рим войной,
Тебя, который недостоин трона
И неблагонадежного, — тебя...

И р о д.

Ах, кто оклеветал меня?..

О м р у.

Не знаю.
Но, видимо, донесшие уста

Доверие внушали… Словом, сударь,
Мне велено за эти злодеянья
Тебя лишить свободы и тотчас
Доставить к морю, на корабль, который
Тебя в изгнанье увезет, во мрак
Унылой Галлии. Бесповоротно
Сие решенье. Так поторопись!
Уж лучше по-хорошему.

И р о д и а д а.

О горе!..
О римская гордыня, произвол!..
Презренный лжец Калигула, который
Ничтожнее последнего раба!..
Злокозненный Агриппа — наш губитель!
Спешите донести ему! Ату!
Проклятье им обоим!..

И р о д.

Это — воля
Господня, перст судьбы… Все! Нам —

конец.
Нам или мне, супруга дорогая?
Конечно, мне. Прощай! И позабудь...

И р о д и а д а.

Нет, нам обоим! Нам обоим!

И р о д.

Значит,
Грешили вместе — этого ни скрыть,
Ни извинить нельзя или загладить! —
И вместе наказанье понесем?

Снаружи доносятся зычные звуки труб и приветственные возгласы.

И р о д и а д а.

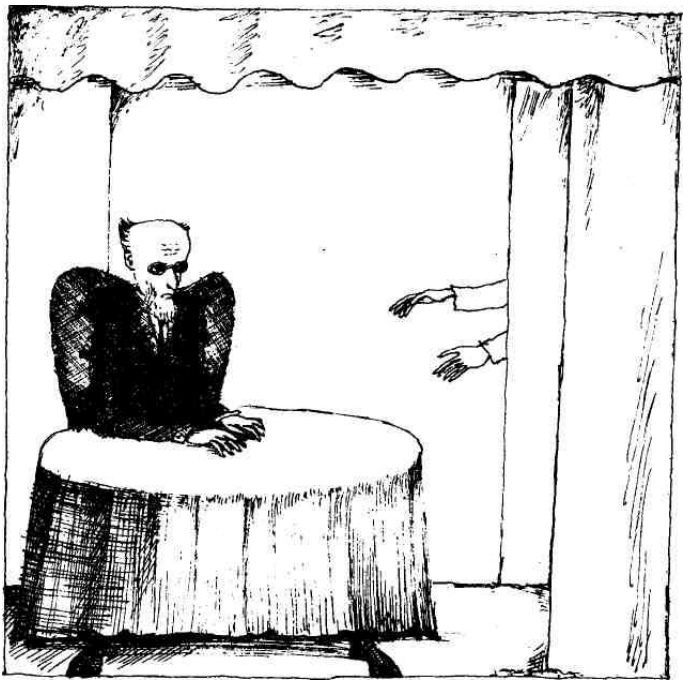
Ох, вместе, вместе!.. Только бы скорее
Нам расплатиться за свои грехи!

Уходят.

З а н а в е с.

Ян Бартош
БУНТ НА СЦЕНЕ
Философия
Драма

Действительность



J. Bartoš
VZBOUŘENÍ NA JEVIŠTI
Jan Bartoš. Vzbouřeni na jevišti. Praha, DILIA,

1973.

Перевод с чешского **Ил. Граковой.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИНЖЕНЕР ГЕРЖМАН.
КОМИССАР ВАРНА.
ДОКТОР ПРОКОП.
ПАВЕЛ СТРАНСКИЙ.
ИЗА СТРАНСКАЯ.
ИРЖИ ДОНАТ.
ВИТ ЛАМАЧ.

ПРОЛОГ

Кабинет Гержмана; под вечер. У стола сидит Г е р ж м а н, напротив него — В а р н а. Д о к т о р П р о к о п расположился неподалеку от них на диване.

Г е р ж м а н *(встает, раскуривает сигару и ходит взад-вперед)*. Вообразите, доктор. Наш комиссар боится сегодня идти на ночное дежурство.

В а р н а *(вскочив)*. Кто вам сказал?

П р о к о п. Вы в самом деле боитесь?

Г е р ж м а н. Дорогой мой, да это по вашему лицу видно.

В а р н а. Вы за мной следите!

Г е р ж м а н. Послушайте! Да зачем мне это? Ну признайтесь, боитесь?

В а р н а. Если и боюсь, у меня на то есть определенные причины.

Г е р ж м а н. Вам кажется. Думаю, вы с самого утра взволнованы.

В а р н а. Пытаетесь выведать?

Г е р ж м а н. Что за фантазия!

П р о к о п *(Варне)*. Но признайтесь, вы весь

день находитесь во власти собственного раздражения.

Г е р ж м а н. Вас до такой степени испугал сегодняшний сон?

В а р н а *(вскочив)*. Черт подери! Что это значит? Что вам может быть известно о моем сне?

П р о к о п. Объясните мне.

В а р н а *(Гержману)*. Похоже, вы работаете не по специальности.

Г е р ж м а н. Вероятно, мне тоже следовало бы пойти работать в полицию?

В а р н а. Думаю, полиция о том не пожалела бы.

Г е р ж м а н. Но я бы жалел, мой дорогой. Предпочитаю философские размышления.

В а р н а *(садится)*. Думаю, вы и там могли бы ими заниматься, проявляя свои явно незаурядные способности. Могли бы ввести новый метод расследования. Чтение мыслей на расстоянии, угадывание тайн с одного взгляда или бог знает с помощью какого колдовства.

Г е р ж м а н. Метод слишком старый, хотя у вас он неизвестен.

В а р н а. Как это? А вам он известен? Может, вы увлекаетесь магией?

П р о к о п *(Варне)*. Дружище!

Г е р ж м а н. Повторяю, хотя, впрочем, вы это давно знаете, что единственным занятием, поистине достойным человека, я считаю метафизические размышления.

В а р н а. Но как это связать…

Г е р ж м а н. С тем, что я уловил ваше душевное состояние и причину его? Не думайте, будто это столь существенно. Понимаете, тут в необычном освещении возникает начало…

В а р н а *(снова вскочив)*. Слушайте! Прекратите! Что ж это такое? Опять мой сон?

П р о к о п. Стало быть, правда вас расстроил какой-то странный сон.

В а р н а *(Гержману)*. Ну, коли вы такой ясновидец, может, истолкуете мне его. Вы наверняка умеете толковать подобные сны. Это, вероятно, тоже связано с вашими, как вы называете, метафизическими размышлениями.

П р о к о п. Но что, собственно, вам приснилось? Расскажите.

В а р н а *(встает и осматривается)*. Как? На глазах у всех, кого вы сюда созвали? *(Испуганно.)* Разве я в театре? Я как на сцене.

П р о к о п *(встает и отводит Варну на диван)*. Что с вами, дружище?

Г е р ж м а н. Что вас так удивило?

В а р н а *(стискивая голову руками)*. Странно, что там тоже было так.

П р о к о п. Где именно? Говорите яснее.

В а р н а. Да во сне. Только там было еще страшнее. Там на меня тоже смотрело множество людей. Как в театре. На меня и на вас.

П р о к о п. Выходит, вы видели во сне нас?

В а р н а. Собственно говоря, смотрели на главных действующих лиц. Но и мы там присутствовали.

П р о к о п. Тоже смотрели?

В а р н а. Вам непонятно? Мы были участниками всего происходящего. Вы *(Прокопу)* приехали в автомобиле, быстро поднялись по лестнице и вошли в комнату. В незнакомую комнату. Но эта комната была двойной.

П р о к о п. Что значит — двойной?

В а р н а. Одновременно все как бы происходило здесь, в соседней комнате, — безусловно.

П р о к о п. А там?

В а р н а. Там уже ждал я. На кушетке лежал молодой мужчина, он был мне знаком, но не могу припомнить, кто он. Лежал в крови, рядом с ним — браунинг.

П р о к о п. Застрелился?

В а р н а. Вас туда вызвали для оказания первой

помощи. Разумеется, поздно.

П р о к о п. Он был мертв!

В а р н а. Вокруг толпились его родные. Все бледные, дрожащие, заплаканные. На столе лежал запечатанный конверт, на нем было написано имя девушки. Незнакомый молодой человек склонился над ним, взял его и ушел. Но письмо это было двойным.

П р о к о п. Письмо тоже? Что вы под этим подразумеваете?

В а р н а. Под ним лежало еще одно письмо. На котором девичьей рукой было написано имя мужчины. Но писала его не она.

П р о к о п. Кто его не писал?

В а р н а. Девушка, которой было адресовано верхнее письмо. Не она его писала. Я знаю это совершенно точно.

П р о к о п. Кто она такая?

В а р н а. Молодая девушка, тоже находившаяся среди участников. Красивая молодая печальная девушка, любившая мужчину, которому было адресовано нижнее письмо. И хотя это было ее письмо, не писала его она.

П р о к о п. Кто ж в таком случае его написал?

В а р н а. В том-то, понимаете, и крылась ужасная тайна.

Г е р ж м а н. Вы хорошо разглядели письмо?

В а р н а. Я не мог оторвать от него глаз. Утром, проснувшись, я помнил, чье имя было на нем написано.

П р о к о п. Выходит, не имя самоубийцы?

В а р н а. Вы меня совсем не понимаете.

П р о к о п. Признаюсь, я тщетно пытаюсь это сделать.

В а р н а. Молодой человек, который застрелился, был таинственным образом связан со вторым письмом. Этого письма все боялись. В том числе и я. Мы с вами оба стояли там и в то же время, поймите, сидели в канцелярии. Звонили по телефону.

П р о к о п. В «скорую помощь»?

В а р н а. Имя, улица и номер дома. Утром я бы мог все точно назвать. Я не мог найти машину. В панике звонил всюду. Потом выбежал из комнаты.

П р о к о п. Как так? Вы же находились в канцелярии!

В а р н а. Но одновременно и в том доме. На улице было пустынно. Только за углом стояла незнакомая печальная девушка и держала в руках письмо. Письмо, адресованное ей, которое лежало на столе сверху и которое унес неиз-

вестный молодой человек. Она была бледна и неподвижна.

П р о к о п. Значит, это была она?

В а р н а. Я видел ее, видел вас, но вместе с тем видел и себя. В канцелярии — и в то же время в незнакомом доме. Но одновременно все происходило и здесь, в соседней комнате. Как в театре. Множество людей смотрело на всех нас.

П р о к о п. Вы и это помните?

В а р н а. Совершенно отчетливо. Все было как сейчас. *(Встает.)* Послушайте, может, именно это сейчас и происходит?

Г е р ж м а н. Пока нет, мой дорогой.

В а р н а. Но когда же это начнется? *(Хватается за голову.)* Это начнется! Вот увидите!

П р о к о п. Господи! Успокойтесь!

В а р н а *(вскочив)*. Если можете, умоляю вас, предотвратите это. Пусть этого не произойдет.

П р о к о п *(усаживает его)*. Да вы бредите.

Стук в дверь.

В а р н а *(вскакивает)*. Слышали?

В комнату входит Д о н а т и осматривается. Гержман идет ему навстречу. Прокоп тоже взволнованно встает.

Д о н а т. Не сердитесь. Его еще нет?

Г е р ж м а н. Вы кого-то ищете?

Д о н а т. Павла. Своего приятеля Странского.

Г е р ж м а н. Мне неизвестно, что он собирался сегодня прийти ко мне.

Д о н а т. Его отец сказал, что он пошел к вам. С Изой.

Г е р ж м а н. В таком случае они, вероятно, придут.

Д о н а т. Разрешите заглянуть попозже, чтобы повидать его?

Г е р ж м а н. Буду рад вас видеть.

Донат кланяется и собирается уйти.

В а р н а *(вскакивает и подходит к нему)*. Не приходите сюда! Предупреждаю!

П р о к о п *(подбегая к нему)*. Ну, дружище, что вы себе позволяете?

Донат снова кланяется и молча уходит.

В а р н а *(подбегает к дверям)*. Заклинаю вас! Не приходите! Берегитесь сегодняшнего вечера!

П р о к о п. Да что с вами, собственно говоря, происходит?

В а р н а *(опускается на диван)*. Спросите *(указывает на Гержмана)* у него! Пусть признается,

что он тут с нами затевает. И не только с нами!

Г е р ж м а н. Кого еще вы имеете в виду?

В а р н а. Ответьте мне прежде всего, кто этот молодой человек, который только что приходил.

Г е р ж м а н. Признаться, я его не знаю. Вы могли это заметить.

В а р н а. Но — он вас интересует! Не скрывайте!

Г е р ж м а н. Если он меня и интересует, то лишь в связи со знакомой девушкой. Вы уже поняли, он искал тут ее брата — но в первую очередь, вероятно, ее. Ясно, что его приход — чистая случайность.

В а р н а. Лжете!

Г е р ж м а н *(строго)*. Что вы хотите этим сказать?

В а р н а. Могу вас уличить. Я знаю этого молодого человека.

П р о к о п. Откуда же вы его знаете?

В а р н а. И вы оба притворяетесь, хотя не понимаю почему. Вы оба его знаете, возможно, даже лучше меня. Мы все его видели, я в том уверен, в ужасной роли.

Г е р ж м а н. Надо полагать, в вашем сне?

П р о к о п. Я не понимаю ни вас, ни вашего сна. Кого, собственно, вы узнали в молодом че-

ловеке?

В а р н а *(вскочив)*. Я пойду за ним. Найду его. Помогу избежать ваших козней.

Г е р ж м а н. Но каким образом мы связаны со всей вашей воображаемой историей?

В а р н а *(взволнованно)*. Этот чудовищный случай, это ужасное несчастье для вас, выходит, воображаемая история?

П р о к о п. Господи! Разве вам все это не приснилось? Вы же сами говорили, что рассказываете сон.

Г е р ж м а н. Кажется, вы уже верите, что все произошло в реальной жизни!

В а р н а. Нет, это вы хотите, чтобы мой сон свершился наяву!

Г е р ж м а н. Вы становитесь занятным. Вы уже почти подозреваете меня в том, что я хочу завладеть сюжетом вашего сна и, быть может, обработать его?

В а р н а. Вовсе нет. Вы сами знаете, что он готов, четко и бесповоротно.

Г е р ж м а н. И следовательно?

В а р н а. Хотите, чтобы я говорил откровенно? Ну, вы собираетесь продемонстрировать мой сон.

Г е р ж м а н. Дорогой мой, то, что вы рассказа-

ли, извините, столь обыденно.

В а р н а. Вы и в этом хотите убедить?

П р о к о п. Откровенно говоря, дружище, я с ним согласен. Это заурядная история. Мы с вами из собственной практики знаем сотни таких случаев. Самоубийство — от несчастной любви.

В а р н а. А кто вам сказал, что это было самоубийство?

П р о к о п. Может, я что-то не так понял?

В а р н а. И почему такая уверенность, что это всего лишь драма несчастной любви?

П р о к о п. Мне это казалось ясным.

В а р н а. Но откуда появляется таинственная фигура, стоящая посреди комнаты, в неприступной отчужденности, с жестоким вопросом во взгляде?

П р о к о п. Об этом, по-моему, вы до сих пор вообще не упоминали.

В а р н а. И объясните мне тайну письма, которое не она писала.

П р о к о п. Его содержание, вероятно, можно себе представить.

Г е р ж м а н. Но мне кажется, вы продолжаете умалчивать о чем-то еще, что было в вашем сне.

В а р н а *(вскочив)*. Наконец я вас поймал! Вы уличены! Вам все известно!

Г е р ж м а н. Я высказал лишь догадку: то, что вы нам рассказали, — это еще не все.

П р о к о п. До сих пор я улавливал смысл…

В а р н а. Но теперь! Вы по-прежнему намерены называть эту ужасную драму заурядной историей?

П р о к о п. Пока…

В а р н а. Выходит, вы все еще не поняли, что это только с виду любовная трагедия, каких ежедневно разыгрываются в мире тысячи? И что смысл ее абсолютно иной?

П р о к о п. Так какой же? Говорите яснее.

В а р н а. Спросите… *(указывает на Гержмана)* его. Ему лучше всех известно, что произошло потом.

П р о к о п. Выходит, вы все время о чем-то недоговариваете!

В а р н а. Вы узнаете, как он использует любовную трагедию для поистине дьявольских замыслов.

П р о к о п. Но он-то — каким образом?

В а р н а *(распаляясь)*. Сами убедитесь! Ему мало кровавой трагедии разбитых сердец. Печаль любви для него лишь повод к его чудовищной диалектике. Отчаявшиеся молодые люди, измученные любовным горем, — всего лишь фон

адской картины, освещаемой пугающим потусторонним светом, так что человек с его болью, столь безыскусной и душераздирающей, превращается просто в ничто. Его холодный ум, его бесстрастный интеллект хочет заставить эти измученные человеческие существа, чьи глаза полны слез, продемонстрировать и правоту его философских тезисов.

П р о к о п. Вы теряете рассудок.

В а р н а *(лихорадочно).* Я видел, как он стоял там в стороне, а все являлись по первому зову его мысли и покорно выполняли его волю. Это он нас всех расставил так, что, участвуя в событиях, мы одновременно видим себя со стороны. Это ужасно! Ужасно!

Г е р ж м а н. В чем вы меня подозреваете?

В а р н а *(взволнованно).* В том, что вы хотите завладеть моим сном, настолько кошмарным, что, пробудившись, я дрожал всем телом. Но вы хотите им воспользоваться, чтобы наглядно доказать кощунственную мысль, высказанную вами в моем сне. С тем ледяным спокойствием, которое характерно для вашего бессердечия.

П р о к о п. Вы можете повторить эту мысль?

В а р н а. Никогда! Не требуйте, чтобы я произнес это вслух. Уверяю вас также, что я не лгу и

сознание мое не затуманено. Я вам о ней напомню — когда он ее выскажет.

Г е р ж м а н. Но вы в нее уверуете?

В а р н а. Я? Никогда. Хоть вы и станете добиваться, чтобы в нее уверовал не только я, но и все, кто будет смотреть на нас и на тех, кого вы сюда созвали.

П р о к о п *(Гержману)*. Вы действительно позвали кого-то?

В а р н а *(Гержману)*. Теперь запираться бесполезно. Вы подыскали себе тех, в чьих сердцах разыгрывался мой сон. Вы почувствовали их метания. И вы заставляете их…

П р о к о п. Значит, вы в самом деле думаете…

В а р н а *(удрученно)*. Что я на сцене. Так же как и вы. И совершенно бессилен. А вскоре придут остальные, они не подозревают, какой кошмар их тут ждет, — ведь, переступив этот порог, они идут на верную гибель.

Г е р ж м а н. Значит, вы боитесь, что ваш сон…

В а р н а. *Будет тут показан на самом деле* — в театре.

П р о к о п. Как? В театре? На самом деле? Так чего же тогда бояться. В театре нет ничего реального.

В а р н а. Но в том-то и заключается его бесчело-

вечное намерение, чтобы показать это в театре не как пьесу с выдуманным содержанием. Поэтому он и искал не актеров, которые каждый день разыгрывают новую драму и которым, поскольку они утратили человеческие чувства, безразлично, что они играют, а нас, реальных людей, которые представлять никогда не учились, нас, живых людей, которые болезненно переживают свою судьбу, которые не утратили еще способности чувствовать и не умеют лгать, оставаясь равнодушными к тому, что исполняют.

П р о к о п. Но ведь это смешно. Он бы потерпел фиаско. Мы же вообще не умеем играть.

В а р н а *(лихорадочно).* Но именно потому он нас и нашел, чтобы мы здесь, в театре, по-настоящему переживали эту ужасную драму. Наша судьба, а вовсе не заученная роль, которую мы будем исполнять, отдается на суд зрителей, привыкших к актерскому комедиантству. А они, может, даже не поймут, что на сей раз играют не загримированные лицедеи, а мы, простые обыкновенные люди, которые тоже ходят в театр на спектакли и имеют совершенно иную профессию.

П р о к о п. Вы — полицейский комиссар. Я — полицейский врач. Неужели вы не понимаете,

что нас с вами для драмы недостаточно?

В а р н а. Потому он и созвал еще несколько человек, почуяв, что эта ужасная драма и есть их жизненная судьба. Вернется молодой человек, который только что был. Придет его друг со своей сестрой…

Г е р ж м а н. Это был бы слабый состав исполнителей.

В а р н а *(неистово)*. Конечно! Для вас! Нас хватило бы для любовной трагедии, которая хотя и является повседневной, но все же по-человечески жестока и бесконечно мучительна для любого, кто ее переживает. Но вас она оставляет холодно равнодушным, как и все, что является просто человеческим. Поэтому вы вызываете еще существо с того света, чей покой для каждого должен быть священным. Поэтому вы вытаскиваете…

Стук в дверь; входит П а в е л С т р а н с к и й. Все встают.

Видите! Он уже здесь! Бедный, наивный, ничего не подозревающий…

Г е р ж м а н *(представляет)*. Мой друг Странский, техник…

В а р н а. Вот, он не актер. Мы тоже. Мы полицейские служащие.

Г е р ж м а н. Никто в том не сомневается.

В а р н а *(Странскому)*. Предупреждаю вас, сударь. Мой сон слишком ужасен, чтобы его разыгрывать на театре. А если нельзя избежать его постановки на сцене, пусть играют профессиональные артисты. Только не мы! Пойдемте со мной. Уйдем отсюда! *(Берет фуражку.)*

П р о к о п. Куда вы хотите идти?

В а р н а *(собираясь уходить, смотрит на часы)*. Пора. Мы опаздываем.

П р о к о п. На службу? В таком состоянии?

В а р н а. Я знаю, что должен находиться там. Это неизбежно.

Г е р ж м а н. Доктор извинился бы за вас.

В а р н а. Не беспокойтесь. Я буду сидеть в канцелярии и вместе с тем находиться здесь, у вас, в соседней комнате. Как во сне. Там и здесь одновременно. Я уж знаю.

П р о к о п. Ваше состояние серьезнее, чем вам кажется.

В а р н а *(лихорадочно)*. Еще не поздно! Клянусь вам! Запретите это играть!

П р о к о п *(уводит его)*. Пойдемте, пойдемте.

В а р н а *(идет с Прокопом, но в дверях останавливается и кричит)*. Мой сон слишком ужасен, чтобы его играть на сцене. Но мы не актеры. Это

будет не театральное представление. Запретите это играть! Случится несчастье!

З а н а в е с падает.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Другая комната в квартире Гержмана; посредине стол и несколько кресел. Слева задернутая портьера. Г е р ж м а н сидит за столом. П а в е л С т р а н с к и й осматривается.

П а в е л *(садится за стол)*. Объясните мне, что тут произошло.

Г е р ж м а н. Он пугал нас всех тем, что это правда. Поверьте, его душевное состояние в последнее время тревожит меня. Все эти призраки, связанные с его службой. Представьте, о скольких трагедиях туда ежедневно сообщают: несчастные случаи на улице, неожиданная смерть, самоубийства. Его канцелярия — центр несчастий.

П а в е л. Думаю, он человек незаурядный.

Г е р ж м а н. Но его нервозность в последнее время несколько неприятна. Все, с чем он ежедневно сталкивается на службе, находит отражение в его весьма причудливых снах, он же убежден, что, наоборот, — его сны оживают наяву. Сон и явь столь тесно сливаются в его сознании, что из их переплетения вырастает некая новая, абстрактная действительность, которую,

впрочем, не назовешь ни полностью абстрактной, ни достаточно реальной. Таким образом, он теряет способность отличить воображаемое от действительного, а его расстроенная фантазия все время рождает драматические комбинации, и он подозревает жизнь в преднамеренной театральности.

П а в е л. Что за мысль! Он думал, тут разыгрывается пьеса.

Г е р ж м а н. Жизнь для него превращается в театральную иллюзию — вот он и ищет театральные замыслы там, где жизнь просто-напросто идет своим чередом.

П а в е л. Признаюсь, я чувствовал бы себя в его присутствии неспокойно. Он в самом деле ушел?

Г е р ж м а н. Вы сомневаетесь? Думаю, он уже в канцелярии.

П а в е л. Могли бы вы в том убедиться?

Г е р ж м а н *(встает и идет в соседнюю комнату)*. Я могу туда позвонить. Если это для вас важно. *(Уходит.)*

Павел снова беспокойно осматривается, потом раздвигает портьеру. Возвращается Г е р ж м а н. Павел задвигает портьеру.

(Снова садится.) Неосмотрительно, что он не

пошел домой и не лег. Доктору не удалось его заставить. К счастью, он рядом с ним. У обоих сегодня ночное дежурство.

П а в е л. Но что, собственно, он имел в виду? Здесь — театр! А кто бы в нем играл? Разве мы театральные герои? Или театральные персонажи?

Г е р ж м а н. Да и драма, в которой нам надлежало бы играть, не написана.

П а в е л. Но послушайте: если бы мы действительно находились на сцене…

Г е р ж м а н. Здесь? Да вы что!

П а в е л. Понимаю, что это не так. Но все же: если б мы были на сцене. Ну, если б мы тут встретились не просто так, а по замыслу пьесы…

Г е р ж м а н. Уж не в качестве ли театральных героев?

П а в е л. В выдуманных ролях сочиненной пьесы.

Г е р ж м а н. Если б мы умели это делать.

П а в е л *(смеется)*. Сколько невероятных предположений! Но представим себе, что это так. Вам не кажется, что лучше бы обойтись без комиссара?

Г е р ж м а н. Как вы себе это мыслите? Даже если бы он был втянут в эту драму? Скажем, в качестве комиссара полиции. В роли комиссара

полиции.

П а в е л. Все-таки я бы его исключил.

Г е р ж м а н. И как бы вы восполнили его роль?

П а в е л. Просто выбрал бы для этого какого-нибудь другого артиста.

Г е р ж м а н. Вы хотите сказать — другого комиссара полиции?

П а в е л. Безусловно!

Г е р ж м а н. Выходит, наш комиссар не вызывает у вас большого доверия?

П а в е л. Просто он мне не нравится. А для драматического произведения он вообще бы не годился. Особенно если б его играли мы.

Г е р ж м а н *(смеется)*. Ну, вообразим, что это так.

П а в е л. Ваш комиссар на сцене вообще невозможен.

Г е р ж м а н. Кажется, я понимаю: вы хотите сказать, что человек, воспринимающий жизнь как театр, не может играть в спектакле.

П а в е л. Разумеется. Ведь спектакль с виду не похож на спектакль. Это смерть для него, все бы кончилось, не успев начаться.

Г е р ж м а н. Зрителя обманывают. Желая вызвать ощущение реальности, делают вид, будто

это не спектакль.

П а в е л. А теперь представьте своего полицейского комиссара с его навязчивой идеей театрализации жизни. Да он бы разрушал театральную иллюзию. Какая уж после этого может быть реальность?

Г е р ж м а н. Думаете, он попытался бы затормозить, запутать и нарушить естественный ход событий?

П а в е л. Еще того хуже. Он объяснял бы это с театральной точки зрения. Отвлекал бы героев от реальности и втягивал в теоретический анализ.

Г е р ж м а н. Но если бы замысел театральной пьесы, в которой он играл, заключался именно в том, чтобы проанализировать драматическую композицию, наглядно разобрать на глазах у зрителей театральное произведение, а наш комиссар со своей неизменной манерой театрализовать жизнь был бы связан с развитием реальных событий именно в силу своей разрушающей роли?

П а в е л. Обождите. Тут я уже почти не понимаю. Ведь игралась бы действительность.

Г е р ж м а н. А он, такой, как есть, со своим стремлением театрализовать, являлся бы реальным героем этой действительности.

П а в е л. Но в таком случае это, вероятно, кон-

чилось бы столкновением, конфликтом…

Г е р ж м а н. Между ним и остальными героями. Бесспорно.

П а в е л *(встает и стискивает голову руками)*. Знаете, я рад, что я не на сцене.

Г е р ж м а н. Уверяю вас, так оно и есть.

П а в е л *(ходит взад и вперед)*. Что я просто нахожусь здесь, в вашей комнате.

Г е р ж м а н. Я забыл сказать: недавно заходил ваш друг Донат.

П а в е л *(удивлен)*. Вы что, его приглашали?

Г е р ж м а н. Да я вообще его не знаю.

П а в е л. Тогда что ему тут было нужно?

Г е р ж м а н. Он искал вас.

П а в е л. С ним я тоже не хотел бы встречаться.

Г е р ж м а н *(смеется)*. Вероятно, вы и его исключили бы из числа участников, если бы мы и в самом деле находились на сцене и играли пьесу?

П а в е л *(взволнованно)*. О чем вы?

Г е р ж м а н *(смеется)*. Можете мне поверить. Мы не на сцене и не играем. Но признайтесь! Исключили бы вы его из числа участников?

П а в е л *(садится)*. Для этого у меня были, бы иные основания.

Г е р ж м а н. Не связанные с театром?

П а в е л. Вы же, наверное, знаете?

Г е р ж м а н. Я многое о нем знаю. Но что вы против него имеете? Я думал, вы близкие друзья.

П а в е л. Давно уже нет.

Г е р ж м а н. Вы меня удивляете. С каких пор?

П а в е л. Вы же, наверное, знаете, что Донат сватается к Изе.

Г е р ж м а н. Я слышал, что он безумно влюблен в вашу сестру.

П а в е л. Но вам, должно быть, неизвестно, как он на каждом шагу преследует Изу, не давая ей покоя.

Г е р ж м а н. Значит, неправда, что ваша сестра с ним помолвлена?

П а в е л. Кто вам сказал?

Г е р ж м а н. Признаться, я сразу не больно-то в это поверил.

П а в е л. Почему?

Г е р ж м а н. Так, может, это все-таки правда?

П а в е л. На это вам могла бы ответить только Иза. Но не спрашивайте ее об этом.

Г е р ж м а н. Поэтому я спрашиваю вас.

П а в е л. Иза вконец измучена. Она без сил от ужасных несчастий, которые ей пришлось пережить.

Г е р ж м а н. Все еще не забыла Вита Ламача?

П а в е л. Вы совсем ее не знаете, если могли

предположить подобное. Она думает о нем непрестанно, так, словно он жив. И чем дальше, тем все более поддается воспоминаниям. Временами она все еще не понимает, что он умер. Иной раз мне кажется, она сойдет с ума. Это было так ужасно.

Г е р ж м а н. Прошло уже три года, как Вит застрелился.

П а в е л. Почему? В чем причина? Что его побудило покончить с собой?

Г е р ж м а н. Я часто над этим раздумывал.

П а в е л. Вы наверняка слышали массу толков. Изу обвиняли. Естественно. Они были помолвлены. Все знали, что он безумно ее любил и жил только ее любовью. Где же еще искать объяснение неожиданной катастрофе? Вся ответственность легла на нее, а она, понятное дело, не могла защищаться. Впрочем, к чему защищаться? Разве мало случившегося несчастья? Что после этого значит вся эта клевета и ложь, распространяемая вокруг Изы? Уверен, вы тоже немало наслышались. Но клянусь вам, Иза абсолютно не виновна в смерти Вита.

Г е р ж м а н. Никогда в том не сомневался.

П а в е л. Но когда я видел, как она измучена, когда знаю, что с его смертью и ее жизнь кончена, когда чувствую, что жизнь для нее превратилась

в нескончаемую муку до конца ее дней, — я почти готов поддаться горькому чувству и упрекать Вита за то, что он сделал не только с собой, но и с ней. И спрашиваю, имеет ли право на смерть тот, кто связан с кем-то любовью.

Г е р ж м а н. Вопрос слишком сложный.

П а в е л. Я много об этом думал. Но в таком случае насильственная смерть казалась мне безжалостным, жестоким и безответственным поступком. А особенно несправедливо казалось мне то, что Вит мог покончить с собой без единого слова прощания, ничего не объяснив.

Г е р ж м а н. Действительно загадочная история.

П а в е л. Ведь вы с ним были давними друзьями, вы знали Вита дольше, чем я, и, вероятно, ближе. Я никогда не решался вас спросить. Но, может, вам известно что-то, что позволяет понять его внезапное решение?

Г е р ж м а н. Для меня это было столь же неожиданным, как и для всех.

П а в е л. И все-таки, насколько я знал Вита, не могу допустить, чтобы он поступил так просто из своеволия. Как бы он ни был импульсивен, как бы ни был всегда поспешен в своих решениях, — уверен, его довело до самоубийства нечто очень

серьезное.

Г е р ж м а н. Скажите, у вас перед смертью Вита не произошло ничего особенного?

П а в е л. Не припоминаю. Разве вот только у Изы исчезли письма Вита.

Г е р ж м а н. Письма Вита? Как они могли исчезнуть?

П а в е л. Из ее секретера. Совершенно необъяснимо.

Г е р ж м а н. И так и не нашлись?

П а в е л. Нет. По сей день загадка. Это произошло незадолго до самоубийства Вита. Иза усмотрела в том дурное предзнаменование, которое сбылось слишком быстро.

Г е р ж м а н. Вит знал об этом?

П а в е л. Иза от него скрыла. Впрочем, тогда она полагала, что письма отыщутся.

Г е р ж м а н. Скажите мне вот еще что: Донат знал вашу сестру, когда Вит был еще жив? Уже тогда любил ее?

П а в е л. Виту о том было известно, но как он мог воспрепятствовать, да и Иза тоже. Но ему было известно и то, что в ее любви он может быть уверен. Это несомненно. У него никогда не могло возникнуть подозрений. Он не раз убеждался, что Донат всегда был Изе антипатичен.

Г е р ж м а н. Донат и тогда уже часто бывал у вас?

П а в е л. Я не видел в том ничего дурного. Я его любил. Мы были закадычными друзьями. К тому же мне было немного жаль его.

Г е р ж м а н. Вит никогда не ревновал?

П а в е л. Это было бы безумием.

Г е р ж м а н. Странно только, что Донат и сегодня еще способен…

П а в е л. Постоянно тревожить Изу! Преследовать ее! Но вы его не знаете. Один бог ведает, на что он способен.

Неожиданно дверь со стуком распахивается, и в комнате появляется И з а, одетая в черное; она бледна и дрожит.

(Вскакивает.) Иза! Что случилось?

И з а *(показывает на дверь)*. Заприте! Спасите меня! Не пускайте его сюда!

Г е р ж м а н *(уходя в соседнюю комнату)*. Разве я мог предугадать?

П а в е л *(ведет Изу к креслу)*. Иза! Не понимаю. Вероятно, Донат?

И з а *(садится)*. Я шла домой. Он подстерегал тут, за углом. Мне было все равно где укрыться. Он бежал за мной даже по лестнице.

Г е р ж м а н *(возвращаясь)*. Успокойтесь. Вы в полной безопасности.

И з а *(все еще испуганно)*. Он умолял меня. Грозил!

П а в е л. Это уже подлость. Вы сами видите.

И з а *(лихорадочно)*. Я больше этого не вынесу. Уступлю ему.

П а в е л. Но тут еще можно помочь.

И з а. Павел! Помочь нельзя! У меня нет больше сил. Я беззащитна.

П а в е л. Но тут мы, и мы сумеем тебя защитить. А в худшем случае…

И з а. Ты не знаешь. Не можешь себе даже представить. Его глаза так ужасны.

Г е р ж м а н. Я никогда не предполагал.

И з а. Таким я его еще не видела. С ним происходит что-то страшное. Убеждена: он единственный, кто…

Г е р ж м а н. Знает все?

П а в е л. Он единственный? Что он знает?

И з а. Теперь я уверена: он единственный, кто…

Г е р ж м а н. Знает тайну…

И з а. Почему… Вит…

П а в е л. …Застрелился!

И з а. Спасите меня!

П а в е л. Иза, не может быть, чтобы он… Откуда

ему это знать?

И з а *(лихорадочно)*. Заставьте его сказать, что́ ему известно.

Г е р ж м а н. Может, этого и не потребуется.

И з а. Да и он уже не в силах скрывать тайну. Я поняла по его глазам.

П а в е л. Он тебе что-нибудь сказал?

И з а. Если б ты его слышал!

П а в е л. Должно быть, всего лишь новая хитрость.

И з а. Вы не заставите его говорить откровенно. Я тоже. Никто из нас.

Г е р ж м а н. И я так думаю.

И з а *(встает в величайшем волнении)*. Но и молчать он уже не в силах. В этом я твердо убеждена.

Г е р ж м а н. Думаю, он будет изобличен.

И з а *(лихорадочно)*. Скажите, ведь смерть — еще не конец?!

Г е р ж м а н *(взволнованно)*. Почему вы меня об этом спрашиваете?

И з а *(лихорадочно)*. Вы должны мне сказать. Поймите, насколько это для меня важно. Скажите, ведь смерть… Что такое смерть?

Г е р ж м а н *(спокойно садится)*. С таким же успехом вы можете меня спросить, что такое

жизнь.

И з а *(лихорадочно)*. Жизнь — это жизнь. А смерть…

Г е р ж м а н. И то и другое лишь различные состояния нашего сознания.

И з а *(лихорадочно)*. Стало быть, смерть не гасит сознания?

Г е р ж м а н. Как не гасит его жизнь. Оно лишь видоизменяется.

И з а. Я все время это обдумывала. Стало быть, сознание продолжает существовать и после смерти?

Г е р ж м а н. Только в иной форме.

И з а. Значит, если кто-то умрет…

Г е р ж м а н. В первое время после смерти, он даже не сознает, что он мертв. Не понимает, что с ним произошло. Думает так, как если бы был жив. Его чувства, стремления, страсти остаются неизменными. Он подвержен, как и при жизни, всем индивидуальным наклонностям.

П а в е л *(взволнованно)*. Что такое вы говорите?

И з а *(лихорадочно)*. Его любовь…

Г е р ж м а н. Развивается, как при жизни: растет или исчерпывает себя, согласно законам, которые смерть не в силах затронуть. Равно как и

его злоба, вражда и ненависть. Как весь его характер, эгоистичный либо жертвенный, правдивый либо лживый, как и все его способности, — все в нем продолжает развиваться и медленно меняется благодаря приобретаемому опыту, в ином состоянии сознания.

П а в е л. Но в таком случае, собственно…

Г е р ж м а н. Между жизнью и смертью не было бы разницы. Ее и нет. По сути дела, жизнь и смерть, являющиеся лишь нашими понятиями, есть одно и то же.

В эту минуту в дверях появляются В а р н а и П р о к о п.

В а р н а. Это метафизический тезис, высказанный вами в моем сне!

Гержман, Павел и Иза удивленно смотрят.

Г е р ж м а н *(встает)*. Ко всем чертям ваш сон! Я запер дверь на ключ. Как вы сюда попали?

В а р н а. У вас, безусловно, достаточно оснований для того, чтобы запираться. Значит, несмотря ни на что, хотите поставить на своем?

П а в е л. Вы нас прервали… как раз…

В а р н а. Полагаю, как раз вовремя. Почему вы мне не поверили? Неужели мои предостереже-

ния оказались тщетными?

И з а. Скажите, кто это?

Г е р ж м а н. Полицейский комиссар, которого мы хотели исключить из числа участвующих.

В а р н а. Но вам это не удалось! Вы хотели меня исключить? А в чьей голове родилась мысль вашей драмы? Кто первый вас увидел, когда вы сами еще не предугадывали событий данной минуты? И кто первый заметил вас здесь, куда вас заманил театральный импровизатор, который сам ощущает недостаток творческого воображения и руководствуется лишь моим вдохновением?

П р о к о п *(указывает на Варну)*. Его состояние с каждой минутой все хуже.

В а р н а *(возбужденно)*. Но для меня мой сон не был сумбурной фантазией, манящей к поэтическому претворению ее в жизнь, потому что я с первого мгновения понял, что мог бы сделать это лишь ценой человеческих жертв. А тут подлинное, несозданное — или созданное, — произведение было бы бог весть каким волнующим откровением.

И з а. Откуда вы пришли?! О чем вы нам тут говорите? Разве вы понимаете, что тут с нами происходит?

В а р н а. Только я и понимаю. Я это увидел — и

содрогнулся от ужаса перед таким зрелищем. Думаете, у меня температура? Не удивляйтесь! Все по той же причине. Думаете, я дрожу от ужаса? Еще бы не дрожать, когда я вижу, что мой сон должен исполниться и что вы — те, кто позволил себя завлечь на столь ужасные роли!

Г е р ж м а н *(Прокопу)*. Почему вы не отвели его домой? И даже привели сюда!

П р о к о п. Разве вы не видите, что с ним уже невозможно договориться и что он слепо следует за своей фантазией?

В а р н а. Не я, а вы за ней следуете! Вы хотите зла! Вы хотите несчастья!

П р о к о п. Бог весть откуда в нем берется такая страшная сила, что его не остановить.

В а р н а. Чтобы спасти вас, пока еще возможно. Бог не допустит, чтобы мне не удалось отвратить вас от намерений, последствия которых вы даже не можете представить. Потому что он *(показывает на Гержмана)* задумал разыграть с вами пьесу, которая увлекла его в сумбурных видениях моего сна, куда он коварно проник.

П а в е л. Ошибаетесь, сударь, мы, стоящие здесь перед вами, не являемся наемными исполнителями некого непонятного драматического произведения. Мы реальные люди, без масок и

без грима. Мы не знаем ролей, которые, как вы полагаете, мы играем, и не учились специально жестам и мимике. Мы оказались тут случайно или в силу неизбежности собственных судеб.

В а р н а. Вы обмануты! Вас сюда заманили!

И з а. Так, как мы тут стоим, еще никто никогда не стоял. И стоим мы тут так впервые.

П а в е л. И не знаем, какое движение сделаем в следующую минуту. Куда посмотрим.

И з а. Мы не заучили на память готовые тексты ролей и не ожидаем знака, когда наступит наш черед говорить.

П а в е л. Мы тут не на сцене.

И з а. Вы безумец, если полагаете, что мы тут играем спектакль. Может, для нас было бы лучше, если б то, что тут происходило, было всего лишь пьесой. Как бы мы ни играли, хорошо или плохо, разве это было бы для нас важно, если б мы только играли? Если б были уверены, что только играем, если б мы просто изображали драму, которая — пусть бы даже она нас захватила — нас лично все же не касалась и по окончании которой мы вышли бы и вновь стали самими собой. И продолжали жить своей жизнью, совершенно отличной от пьесы.

В а р н а. Я пришел поздно? Вы уже отож-

дествили себя с персонажами, которые мне приснились?

П а в е л. Мы вовсе о них и не думали!

И з а. Мы вообще их не знаем.

Г е р ж м а н. Да их просто и не существует.

В а р н а *(Гержману)*. Вы так далеко зашли за это время в развитии своего дьявольского намерения? До такой степени их одурманили, что они уже не распознают, кто они такие, и полагают…

И з а. Поймите, если у вас есть сердце, и не касайтесь наших душ. Здесь решаются наши судьбы.

П а в е л. Ваша театрализация жизни кощунственна. Мы тут ничего не выстраиваем в соответствии с театральными приемами. Стоим тут такими, какие мы есть, не обманывая и не притворяясь, хоть это, может, и вопреки всем театральным законам.

И з а. Бога ради! Не мешайте нам! Ведь мы даже представления не имеем о том, что с нами произойдет через минуту.

В а р н а *(подходит к Павлу)*. Я понимаю вас.

Г е р ж м а н. Он говорил, что, разыгрывай мы тут и впрямь пьесу, вас бы из числа участников он исключил.

В а р н а *(пристально смотрит на Павла)*. Не

только меня! Еще кое-кого!

П а в е л *(отступает)*. Что вам известно?

В а р н а. Потом вы, конечно, могли бы исключить и меня, если б сумели исключить из числа участников его. Хотя его вы пожелали бы исключить по другим соображениям.

П а в е л. Кого вы имеете в виду?

В а р н а. Того же, кого и вы. Молодого человека, который сюда недавно заходил.

П а в е л. Вы его здесь видели?

В а р н а *(Изе)*. Вы от него убежали сюда!

И з а *(отступает)*. Я убежала от того, кого вы вообще не знаете.

В а р н а. Вы заперли от него дверь. Боретесь. Вы хорошо защищаетесь.

П а в е л. Откуда вам это может быть известно?

В а р н а *(стискивая лоб руками)*. Стало быть, та же последовательность, что и во сне. Потом… потом, в таком случае вам от него уже не защититься!

П а в е л. Не надо уверять, будто это не в нашей власти.

В а р н а. Защищайтесь! Защищайтесь изо всех сил. Только — он знает все!

И з а. Что он знает?

В а р н а. Вы сами это почувствовали. И недавно

о том сказали.

И з а *(испуганно)*. Что он знает…

В а р н а. Отчего ваш жених три года назад застрелился.

И з а *(взорвавшись)*. Вы подслушивали!

В а р н а. Доктор может засвидетельствовать.

П р о к о п *(удивленно)*. Мы вместе находились в канцелярии. Уверяю вас. Можете сами убедиться.

И з а. В таком случае что это значит?

В а р н а. Что это уже началось. Я стараюсь припомнить, далеко ли вы зашли. Неужели все мои усилия напрасны?

Г е р ж м а н. В таком случае ваша роль, вероятно, окончена.

В а р н а *(удивленно)*. Разве я тоже тут играю?

Г е р ж м а н. Коль скоро мы не можем вам в том помешать. Коль скоро вы тоже в этом участвуете.

В а р н а. И я? Вплоть до этой самой минуты?

Г е р ж м а н. Полагаем, только до этой минуты. Вы нашли применение своим поразительным способностям, даже чрезмерно, на мой взгляд, и это оказалось сверх ваших сил.

В а р н а *(непонимающе)*. Но моя роль совершенно иная.

Г е р ж м а н. Какой бы она ни была — заметьте, для нас она не особенно желательна. Полагаю, теперь вы перестанете нам мешать.

В а р н а. Думаете, я уже сдаюсь?

Г е р ж м а н. Но раз уж это началось! Вы, мне кажется, хотели это предотвратить.

И з а. Что — уже началось?

В а р н а. Я вас понял. Напрасно я вас предостерегал! Напрасно призывал вас помешать этому.

Г е р ж м а н. Что в таком случае вам еще угодно?

В а р н а. Вы уже думаете о дальнейшем! Спешите!

И з а. Господа, почему вы нас мучаете?

В а р н а *(Изе)*. Вам тоже не терпится узнать эту тайну.

И з а *(кричит)*. Это интриги Доната! Вы с ним заодно!

В а р н а *(обхватив голову руками)*. Я оказался бессилен… Но я все-таки спасу вас! Спасу иным путем!

П а в е л. Вы хотите нас уничтожить.

В а р н а *(резко Гержману)*. Для вас важен лишь метафизический тезис, который вы желаете тут продемонстрировать. Я опровергну его, прежде чем вы до него дойдете. Итак, в бой! Что вы соби-

раетесь показывать?

Г е р ж м а н. Вероятно, мы все же подойдем к интересной теме.

В а р н а. Не радуйтесь, что это уже началось. Я все-таки помешаю вашей пьесе. Разрушу ваше драматическое произведение.

И з а *(отворачивается от него)*. Все это фиглярство! Отвратительное фиглярство!

В а р н а *(подходит к Гержману и пристально смотрит ему в глаза)*. Минуту назад вы заявили, что жизнь и смерть всего лишь различные стороны человеческого сознания и что, стало быть, между жизнью и смертью нет существенного различия.

Г е р ж м а н. Я в этом убежден.

В а р н а. В таком случае я утверждаю, что ваша мысль не только ложна — это кощунство!

И з а *(кричит)*. Мы не собираемся тут кощунствовать!

В а р н а. Я не говорю, что вы. Но — *(указывает на Гержмана)* он! А вы слепо следуете за ним, бездумно и покорно. Но чувствуете ли вы, куда он вас ведет и что для него важно? Туда нельзя вторгаться ради одного холодного любопытства. Там запрещено глазеть по сторонам и искать тех, кто ушел, это влечет за собой наказание, которое

трудно даже предугадать!

Г е р ж м а н. Выходит, и вы — верите!

В а р н а *(резко)*. Не так, как вы — холодно и бесстыдно. Вам мало играть с живыми! Вы готовы дерзнуть поставить кулисы и в царстве теней, с кощунственным бесстрашием исполняя смертельные номера под куполом цирка!

Г е р ж м а н. Вы уклоняетесь от нашего вопроса.

В а р н а. Что жизнь и смерть лишь различные состояния человеческого сознания? Нет, с этим я не согласен! Между жизнью и смертью существует непреодолимая пропасть расстояния, отчужденности и вражды. Тщетны попытки живых увидеть мертвых. Что им откроется? Лишь обманчивые тени, блуждающие в вечности. Тщетно живые взывают к загробному миру! Туда не долетает живой человеческий голос. Там нет человеческого взаимопонимания. Там в хаосе бродят лишь личины человеческих существ, лишенные сознания и воли, которых швыряет то туда, то сюда, и там бродит лишь мертвое эхо восклицаний, давно, много веков назад отзвучавших в безмолвии.

Г е р ж м а н. Значит, вы утверждаете, что со смертью личность исчезает?

В а р н а. А вы, значит, хотели бы, чтобы кошмары человеческого сознания не кончались никогда?

Г е р ж м а н. Я говорю лишь то, что есть. Мои желания все равно ничего не стоят рядом с законами действительности.

В а р н а. Кому вы это объясняете? Им или мне? Лжете! Лжете всем нам! Их обмануть вам уже удалось. Хотите и меня втянуть в это.

Г е р ж м а н. Вы пытаетесь отвлечь меня от нашей темы. Итак, я вопреки вашему мнению утверждаю, что сознание человека не исчезает с его смертью, что с последним его вздохом память не улетучивается, что его личность, с сознанием и памятью, продолжает свое существование и после смерти, живя в иной сфере, и что все его индивидуальные черты продолжают существовать в ином обличье и его отношения с живым миром, из которого он ушел, сохраняются.

В а р н а *(стискивая руками лоб)*. Подождите! Сейчас вы все высказали очень ясно! И это, от слова и до слова, вы произнесли тогда — во сне.

Г е р ж м а н. Помните, что вы мне ответили?

В а р н а *(удивленно)*. Что вы — опаснейший шарлатан.

Г е р ж м а н. В таком случае, докажу вам на

примере…

В а р н а *(хватает его за руку)*. И это вы тогда, во сне, сказали!

Г е р ж м а н. Но здесь мы не во сне.

В а р н а. Здесь мы на сцене!

И з а *(лихорадочно)*. Вы… вы фигляр! Вы шарлатан!

В а р н а. В таком случае я точно знаю, как далеко вы зашли. *(Изумленно.)* Сейчас вы и в самом деле собираетесь приступить к доказательствам!

Г е р ж м а н. Так я и сделаю!

В а р н а *(подбегает к нему)*. Не сделаете!

Г е р ж м а н. Кто же мне помешает?

В а р н а. Я! Я вам помешаю! Я сорву вашу затею!

Г е р ж м а н. Кажется, вы пытались это сделать и во сне!

В а р н а. Мне все понятно. Сейчас вы *(Изе)* уже не думаете о молодом человеке, от которого убежали и который ходит вокруг дома.

И з а *(удивленно)*. Пусть ходит! Я действительно о нем больше не думаю.

В а р н а. Вы уже не боитесь, что дверь отперта. Наоборот, вы открыли все двери.

Г е р ж м а н. За вами их и в самом деле не заперли.

В а р н а *(испуганно)*. Теперь… теперь вы уже только ждете, когда появится…

П а в е л. Кто тут может появиться?

В а р н а *(Изе)*. Ваш жених, который несколько лет назад застрелился.

И з а *(как во сне)*. Он появится?

В а р н а *(Гержману)*. В доказательство вашего тезиса. Чтобы случилось то, что я предвидел с самого начала.

П а в е л. Что же случится?

В а р н а *(Павлу)*. Не притворяйтесь, будто вам это неизвестно. *(Гержману.)* Вы точно все повторяете, шаг за шагом. *(Всем.)* Сейчас вы еле дышите от напряжения — когда же умерший постучит в дверь. *(Подбегает к двери и налегает на нее.)* Но я помню, каким образом он сюда вошел. *(Кричит.)* Как он сможет войти, если я встану тут?

П р о к о п *(подходит к нему)*. Это просто невозможно!

В а р н а *(прижимается к двери)*. Я не впущу его сюда!

И з а *(вскрикивает)*. Оттащите его! Он хочет помешать…

Прокоп и Павел хватают Варну и оттаскивают его от двери.

В а р н а *(кричит)*. Не приближайтесь ко мне! Я не хочу, чтобы драма продолжалась.

В этот момент стучат. Все, оцепенев, смотрят на дверь.

И з а. Это — он!..

В а р н а. Не впускайте его! Заклинаю вас! Прекратите спектакль!

В дверях появляется В и т Л а м а ч.

И з а *(лишается чувств)*. Вит!

З а н а в е с падает.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация первого действия; только портьера отдернута. Там сидят И з а и П а в е л. П р о к о п стоит возле дивана, на котором лежит В а р н а. За столом сидит В и т Л а м а ч; против него — Г е р ж м а н.

П р о к о п. Снимите с меня эту ответственность.

И з а *(Прокопу)*. Сударь! Тише, бога ради! Неужели вы не понимаете, что тут происходит?

Г е р ж м а н *(встает и подходит к Варне)*. Уснул наконец?

П р о к о п. Повторяю: снимите с меня эту ответственность. Я врач. Сейчас вам лучше его не будить.

Г е р ж м а н *(Прокопу)*. Что вы, собственно, хотите?

П р о к о п *(раздраженно)*. Я его усыпил. Насильно. Вы меня вынудили.

Г е р ж м а н. Радуйтесь, что вам это удалось.

П р о к о п. Вы и меня в это впутали. Бог знает, что вы тут замышляете.

Г е р ж м а н. Я оставляю его под вашим при-

смотром.

П р о к о п. Но мой долг, собственно говоря…

Г е р ж м а н. Позвонить на службу. Полагаю, представителей полиции здесь достаточно. Но взвесьте все. Поступайте, как считаете нужным.

П р о к о п. Но что у вас тут происходит? Эти двое там… *(показывает на Павла и Изу)* сидят.

П а в е л *(раздраженно)*. Сударь, оставьте нас в покое.

П р о к о п. Вы и об этом заранее подумали. Чтоб и это здесь было.

Г е р ж м а н. Как на сцене? Вы это хотели сказать!

П р о к о п *(раздраженно выпаливает)*. Но ведь вы тут, по всей вероятности, в самом деле играете спектакль!

И з а *(в отчаянии)*. Бог мой! Теперь еще он! В такую минуту!

Г е р ж м а н *(Прокопу)*. И вы уже заразились? Как врачу, вам следовало бы знать, что это серьезный симптом. Пощупайте пульс.

П р о к о п *(разозлившись)*. Тут меня учить нечего. Объясните лучше, кто этот молодой человек…

Г е р ж м а н *(показывая на Вита)*. Пусть он вас не особенно беспокоит.

П р о к о п *(испуганно)*. Но ведь это… где я его ви-

дел и при каких обстоятельствах? Я же его знаю.

Г е р ж м а н. Допускаю, что такое могло быть. Не исключено, что вы познакомились с ним при достаточно скверных обстоятельствах. Не исключено, что три года назад вы по долгу службы… констатировали… его смерть.

П р о к о п *(испуганно отступает)*. Это в самом деле покойник?

И з а. Сударь! Опомнитесь! Прошу вас, сжальтесь!

Г е р ж м а н *(Прокопу)*. Может, вам угодно еще раз удостовериться? Или проверить, правильно ли вы тогда констатировали его смерть?

П р о к о п *(испуганно отступает)*. Пустите меня! Что у вас тут творится? Я не могу здесь оставаться.

Г е р ж м а н. Вас никто не принуждает.

П р о к о п *(в дверях)*. Я, я не буду… играть… подобные ужасы.

Г е р ж м а н. В таком случае вы идете смотреть.

П р о к о п уходит.

И з а. Ушел? Наконец-то теперь, быть может…

П а в е л *(взволнованно)*. И он говорил то же. А что, если в самом деле…

И з а *(закрывает ему рот рукой)*. Павел! Молчи! Молчи!

Г е р ж м а н. Ну вот, полная тишина. Слава богу. *(Садится к столу.)* Наконец-то наступил покой. Мы одни.

В и т *(который до сих пор сидел словно в оцепенении)*. Мы действительно тут одни?

Г е р ж м а н. Вы имеете в виду — только мы с вами? Не хочу вас обманывать.

В и т. Но вы сразу меня узнали?

Г е р ж м а н. Вас это, кажется, удивляет?

В и т. Значит, я вовсе не изменился?

Г е р ж м а н. Вы об этом догадываетесь?

В и т. Должен признаться. С тех пор как со мной произошло то, чего я до сих пор не понимаю.

Г е р ж м а н. Вы застрелились!

В и т. Чуть не застрелился. Действительно, по-видимому, еще немного — и я бы не очнулся. Возможно, я уже находился на волосок от смерти, и мне почти известно, что такое смерть, я дошел до самых врат царства теней и, должно быть, уже никогда не смогу вернуть ясность сознания.

Г е р ж м а н. Почему вы так думаете?

В и т. Мои чувства словно парализованы. Я постоянно пребываю как во сне. Не распознаю вещей, как прежде: все как бы нематериально и

серо. Временами я утрачиваю чувство равновесия. Словно я не сам хожу, а меня несет неведомая сила. Похоже, я подчиняюсь чужой воле. Не могу идти туда, куда хочу, как прежде, часто, сам того не желая, оказываюсь там, где не предполагал. Нередко мое тело кажется мне нематериальным. Это как ночной кошмар. Протягиваю руку, но вокруг меня — ничего, к чему бы я мог прикоснуться. Это бывает страшнее всего.

Г е р ж м а н. Расстройство сознания.

В и т. Несомненно. Но еще хуже, что иной раз я теряю ощущение времени, часы в моих мыслях превращаются в столетия, в тысячелетия, в бесконечность. Нередко за секунду я переживаю события, на которые на самом деле потребовались бы миллионы лет, целые циклы жизни с сотворения мира. Они стремительно развертываются и вылетают из мрака на свет и вновь исчезают во мраке, а я мечусь в них, растоптанный и вновь поднимающийся, и чувствую все — безграничную боль, все ужасы, которые только возможны, и меня приводит в трепет нескончаемое познание и постижение сверхъестественной силы и блаженства, которое немыслимо себе представить.

Г е р ж м а н. Вы постоянно пребываете как во сне?

В и т. Верно. Весь мир представляется мне призрачным. В тишине, которая приводит меня в ужас, я слышу лишь как бы эхо жизни. Пристально вглядываюсь, но не различаю. Слушаю, но не понимаю.

Г е р ж м а н. Такое со многими случается.

В и т. Значит, вы полагаете, это не слишком опасно?

Г е р ж м а н. Может, вы боитесь?

В и т. Не стану скрывать. Часто — страшно боюсь. Нередко готов кричать от ужаса. Мне кажется, меня уносит в безвоздушное пространство и я ни за что не могу ухватиться, или что я упаду в какую-то пропасть и разобьюсь вдребезги. Нигде не видно света! Нигде не слышно голосов! Нигде нет ни единого существа! Тщетно пытаюсь я остановиться. Меня шатает в тучах мрака. Хочу крикнуть. Но из моего горла не вырывается ни звука. Я низвергаюсь из тьмы во тьму, никого не дозвавшись.

Г е р ж м а н. Но ваша память не нарушена?

В и т. Никогда прежде не была она столь ясной. Я вспоминаю каждое событие жизни до мельчайших подробностей. Начиная с первых проблесков детского сознания вся жизнь предстает передо мной в четких картинах. Лишь теперь я ясно

понимаю все, что когда-то узнал, смотрю на это с другой стороны и воспринимаю все с удивительной непосредственностью. Вижу дальше, чем прежде, и вникаю во все, чем я когда-то, пусть даже невольно, увлекался, с поразительной легкостью.

Г е р ж м а н. Это не так плохо.

В и т. Если б только я не чувствовал себя таким одиноким. Иногда у меня ощущение, будто никто меня не видит и не слышит. Мне кажется, будто никто меня не может понять. А в болезненном состоянии, когда возникают кошмарные видения, меня охватывает отчаяние, что никто мне не может помочь.

И з а *(стонет)*. Боже! О боже!

В и т *(растерянно встает)*. Кто это вскрикнул?

Г е р ж м а н. А как по-вашему?

В и т *(неуверенно)*. Мне показалось, что тут Иза.

Г е р ж м а н. Вы до сих пор о ней помните?

В и т *(оглядывается, точно слепой, и делает несколько шагов по направлению к Изе)*. Она здесь! Не говорите, что ее нет!

И з а *(испуганно отскакивает)*. Будьте милосердны!

В и т *(опускается в кресло)*. Вот так всегда. Я уже совсем близко от нее. Но вдруг между нами

пролегает неприступная даль. Я протягиваю к ней руки. Но вокруг лишь пустота. Что же это такое, чуждое и леденящее, что стоит между нами? Что это за сила, могущественнее всех сил мира, которая мешает мне к ней приблизиться?

Г е р ж м а н. Вы пытались это сделать?

В и т. Поймите, ни о чем другом я не думаю. Одна лишь эта мысль владеет мною. Я неустанно размышляю над тем, как сделать, чтобы я мог наконец с ней объясниться. Разве вы не знаете, как я ее люблю, разве не знаете, что ее любовь для меня — вопрос жизни или смерти.

Г е р ж м а н. Что, собственно, между вами произошло?

В и т. Не понимаю. Я перебирал в уме все возможные причины, почему она убегает при моем появлении. Кто стал между нами, почему, как только я к ней приближусь, она останавливается с недоуменным видом, а затем, ни слова не говоря, медленно исчезает на моих глазах? Куда она пропадает в бесконечности, бесследно? Кто и что мешает ей наконец выслушать меня? Открою вам…

Г е р ж м а н. Откройте мне все.

В и т. Ну, открою вам, что мне нередко приходило в голову: может, она мертва!

И з а *(шепчет)*. Господи, спаси меня!

Г е р ж м а н. Что за мысль!

В и т. Значит, я ошибся! Скажите! Она не умерла? Жива?

Г е р ж м а н. Неужели вы можете сомневаться?

В и т. Я не находил иных объяснений тому, что она не может подойти. Мне казалось, только смерть могла бы нас так разъединить. Какой ужас! Значит, по-видимому, говорил я себе, я простираю руки лишь к ее тени. А она, из бесконечной дали, не может меня понять и сжалиться надо мной. Это уже лишь призрак, и мне до него не дотянуться.

И з а *(стонет)*. Я больше этого не выдержу.

В и т *(снова беспокойно встает и, как слепой, осматривается)*. Опять мне показалось…

Г е р ж м а н. Что вы ее слышите?

В и т *(опускается в кресло)*. Но прежде ее голос был живым. Теперь же он звучал, словно загробная жалоба. Как из могилы, где спят вечным сном.

Г е р ж м а н. Задумывались ли вы над тем, что бывает после смерти?

В и т. Я уверен, что ничего. Это конец всему. Отчужденность. Холод. Злоба и враждебность к жизни.

Г е р ж м а н. Не понимаю, почему именно вы так рассуждаете.

В и т. Потому что я находился на волосок от смерти? Ничего не помню. Лишь грохот выстрела. Словно молния. Неожиданная глухота! Ощущение пролитой крови. Потом я проснулся. Но именно с той поры Иза замкнулась. Сколько раз я писал ей! Но ни разу не дождался ответа. Сколько раз приходил к ней, падал перед ней на колени и умолял помириться. Стоит, смотрит холодно, не отвечает. И в мгновение ока исчезает от меня… *(Встает.)* О, объясните мне, что же нас, собственно, разделяет? Возможно ль, чтоб она относилась ко мне столь непримиримо враждебно? Не верю. Не могу поверить, что нам невозможно понять друг друга.

Г е р ж м а н. Но что именно тогда произошло между вами?

В и т. Все случилось неожиданно! Без всякой причины! Меня это просто ошеломило. Я не понимал ни слова. Тщетно пытался понять взаимосвязь. Что мне еще оставалось, скажите, что я мог поделать? Я жил только ее любовью. Весь мир разом потерял для меня смысл. О, в тот миг, когда дрожащей рукой — ибо для меня уже ни в чем не было утешения, нигде больше не светила

надежда, которой я мог бы жить, преданный и покинутый, — я прижал ко лбу браунинг, чтобы лишиться сознания, ничего не знать, не видеть, не слышать, не чувствовать, я надеялся, что одновременно с грохотом выстрела наступит конец, конец всему и навсегда, что я перестану существовать и провалюсь в покой небытия.

Г е р ж м а н. Вы ошиблись!

В и т *(взволнованно)*. Но я не верю, что не объяснюсь с ней. Не успокою ее. Не может быть, чтобы ее письмо, такое непонятное, было ее окончательным решением.

И з а *(вскакивает и подходит к нему)*. Вит? О каком письме ты говоришь?

В и т *(взволнованно встает)*. Я тебя узнал. Ты меня видишь и слышишь. Твой голос отвечает мне. Ты позволишь наконец сказать тебе все?

Г е р ж м а н. Вы хорошо помните содержание того письма?

Вит *(вытаскивает письмо из кармана)*. С тех пор я ни на минуту не расставался с ним. Я неустанно склоняюсь над ним, пытаясь понять его смысл, столь зловещий… *(Изе.)* Скажи же, что все случившееся еще можно изменить!

И з а *(берет в руки письмо)*. Бумага, на которой я тебе писала. Мой почерк! Моя печать! Датиро-

вано в канун…

В и т. Пойми, что мне оставалось? Мне казалось, когда я его прочитал, что этого пережить невозможно.

И з а *(читает письмо)*. Неужели и это призрак?

Г е р ж м а н. Значит, все-таки правда то, о чем говорили! Ваше письмо толкнуло его на этот шаг!

И з а *(падая в кресло)*. Я этого письма не писала!

В и т *(стискивает голову руками)*. Выходит, ты не настаиваешь на том, что мы расстаемся навсегда!

И з а. Что ни слово — подлая ложь, изощренный обман!

В и т. Выходит, ты наконец успокоилась. Я никогда не переставал верить: то, что встало между нами, рассеется. Конец твоему ледяному молчанию. Ты больше не убегаешь от меня. Ты сжалишься над моей отчаявшейся любовью. И ты до сих пор любишь меня.

И з а *(рыдает)*. Несчастный!

В и т. Я был несчастным. Но теперь это не так. Все, что нас разделяло, было лишь недоразумением. Моя мука оказалась сном. Ты вернешься ко мне. Ты вновь такая же, как прежде. Теперь ты

выйдешь за меня замуж.

И з а *(испуганно встает и отступает)*. Поздно.

В и т. Может, я так постарел за это время? То лишь следы горя на моем лице, они быстро исчезнут вблизи тебя.

И з а *(испуганно отступает)*. Вит! Тебя нет в живых!

В и т *(растерянно)*. Я до такой степени изменился, что ты меня не узнаешь?

И з а. Ты умер!

В и т. Опомнись! Разве я не спасся? Не пробудился вновь к жизни?

И з а *(стонет)*. Ты мертв! Ты никогда больше не пробудишься к жизни.

В и т *(садится, удрученно)*. Стало быть, я! Я думал — ты мертва. Значит, я больше не живу. Не дышу! Сердце мое остановилось! Я окоченел! Значит, это случилось! Потому ты в ужасе убегала от меня и у тебя не находилось слов для ответа. Отсюда мои вечные сны! Мои жестокие видения! Беспрестанные провалы в сознании! Состояние ужаса, которое я прежде никогда не испытывал! Я, значит, мертв!

И з а. Давно! Уже почти три года!

В и т. Но в таком случае почему я не перестал существовать? Не утратил сознания? Не уснул

в тишине небытия? Я такой же, как прежде. Я мыслю и чувствую. Продолжаю любить тебя.

И з а. Но я живая!

В и т. Выходит, ты иная, чем я? Ты теплая! Дышишь! Выходит, это ты изменилась!

И з а *(в отчаянии)*. О, пойми, что ты…

В и т. Ты видишь меня по-иному. Я для тебя чужой и далекий. Все-таки, значит, правда то, чего я боялся, — ты не хочешь изменить своего решения. Мне уже нельзя к тебе приблизиться?

И з а. Никогда больше!

В и т. Значит, это смерть!

И з а *(причитает)*. Вит! Почему ты мне не верил? Как могло тебя сбить с толку письмо, которое я никогда не была бы способна написать? Как ты мог не почувствовать, что это уловка, чтобы разлучить нас!

В и т. Как тут не поверить? Ведь одновременно ты вернула все мои письма.

И з а. Твои письма! Значит, они были у меня украдены!

В и т. Теперь тебе понятно, почему я впал в отчаяние?

И з а *(рыдает)*. Зачем ты это сделал? Зачем покончил с собой?

В и т. И это невозможно исправить?

И з а *(стонет)*. Неужели ты не понимаешь?

В и т. Теперь уж мне все ясно. Ты до сих пор живешь, а я давно мертв. Что толку, что я люблю тебя так, как любил с самого начала, что ищу и зову тебя! Безответно. Я боюсь тебя — ты так далека, и холодна, и недоступна. А ты полагаешь, будто говоришь с призраком. Теперь мне понятно, почему ты убегаешь от меня. Я пугаю тебя, словно могила, в которой из-за любви к тебе я не могу спать спокойно. Выходит, нас разделяет жизнь!

И з а. Смерть!

В и т. Жизнь или смерть. Не вижу разницы. Чувствую лишь, что для каждого из нас это означает одно и то же. Пропасть расстояния, отчужденность и взаимный ужас. Выходит, жизнь — вот что окончательно разлучает нас. *(Кричит.)* Почему в таком случае ты не мертва, как я?

П р о к о п *(появляясь перед рампой возле сцены, кричит)*. Хватит! Опустите занавес!

На сцене и в зрительном зале возникает смятение; на сцене все, оцепенев, смотрят туда, откуда послышался крик.

П а в е л *(подбегает к рампе)*. Это крикнул кто-то…

П р о к о п *(поднимаясь на просцениум)*. Я! Отту-

да! Оглянитесь по сторонам. Я смотрел на вас. Я вышел из кулис. Вы все еще не верите, что играете спектакль?

П а в е л *(осматривается)*. Мы на сцене?..

П р о к о п. Наконец-то вы поняли! Вот здесь — рампа! Искусственное освещение! По сторонам — кулисы. На нас театральное тряпье! Все это — ложь! Комедия!

И з а *(растерянно)*. Значит, мы играем!

П а в е л. Значит, все обман! Мы на сцене! На глазах у зрителей. *(Кричит.)* Погасите свет! Опустите занавес!

Г е р ж м а н *(взволнованно)*. Обождите минутку!

П р о к о п *(Гержману)*. Вы все еще намерены запираться? Вам не стыдно?

В и т *(растерянно)*. Значит, неправда то, что со мной происходит? Это всего лишь пьеса?

И з а. Павел! Уйдем! Я сквозь землю готова провалиться от стыда.

Г е р ж м а н *(удерживает ее)*. Не уходите! С ума вы посходили!

П а в е л *(накидывается на него)*. Вы лжец! Обманщик!

В и т *(поворачивается к Гержману)*. Что вы со мной сделали?

П р о к о п *(Гержману)*. Это противоестественно!

П а в е л *(Гержману)*. Заманить нас сюда! Злоупотребить нашим доверием! Вы подлый негодяй!

И з а *(закрывает глаза)*. А мы тут жили! На глазах у зрителей!

Г е р ж м а н *(раздраженно)*. Да опомнитесь же!

П р о к о п *(Гержману)*. Кто вы такой, что смеете продолжать даже тогда, когда маска с вас сорвана?

И з а. Я больше не выдержу! Пусть дадут занавес!

Г е р ж м а н. Клянусь вам! Успокойтесь! Поймите…

П а в е л. Что вы еще не придумали конца!

П р о к о п. Такого конца вы, надо полагать, не предвидели! Он вам кажется мало театральным!

П а в е л. Но мы пришли к вам не играть.

И з а. Павел! Пойдем скорее отсюда!

П р о к о п *(хватает Гержмана и ведет его к рампе)*. Я изобличаю его! Перед вами, перед всеми, кто пришел посмотреть спектакль. Мы не отвечаем за то, что с нами происходило. Он злоупотребил нашим доверием. Все это — действительность. Это не театр!

Г е р ж м а н. Заклинаю…

П а в е л *(Гержману)*. Мне стыдно за вас. То, что вы устроили, подло.

П р о к о п *(обращаясь к зрителям)*. Нам и в голову не приходило, что мы тут играем. Нас обманули.

Г е р ж м а н. Но поймите…

П а в е л *(мечется по сцене)*. Да погасите же свет! Уберите кулисы!

П р о к о п *(кричит)*. Опустите занавес!

В эту минуту в комнату входит Д о н а т, бледный и взволнованный.

П а в е л. Все кончилось!

Д о н а т. Вы ошибаетесь! Это еще не конец.

И з а *(уже одетая)*. Павел, выведи меня отсюда!

Д о н а т *(становится в дверях)*. Теперь я вас не пущу.

И з а. Неужели мне никто не поможет?

Д о н а т. Прошу вас остаться. Всего на минуту! Вам больше нечего меня бояться.

П р о к о п *(приближается к Донату)*. С ума вы сошли? Поймите, где вы находитесь!

Д о н а т *(спокойно)*. В данный момент мне безразлично, где я нахожусь. Для меня важно, что здесь находитесь вы. *(Изе.)* Я ищу вас вовсе не

для того, чтобы преследовать и мучить. *(Павлу.)* И вас — вовсе не для того, чтобы иметь возможность сблизиться с вашей сестрой.

П р о к о п *(хочет уйти)*. Неслыханно! Выпустите в таком случае меня!

Д о н а т *(не позволяя ему пройти)*. И вас прошу еще ненадолго задержаться и быть вместе с остальными присутствующими свидетелем…

П р о к о п. Да поймите же, что вы на сцене. Здесь играют спектакль!

Д о н а т *(строго)*. Извините, сударь, но ваше подозрение необоснованно. Я пришел не для того, чтобы играть тут спектакль.

П р о к о п *(кричит)*. Но вы его играете, раз вы находитесь на сцене. Как и все мы тут играем.

Д о н а т *(строго)*. Не знаю, что тут делаете вы, меня это не интересует. Да это для меня и не важно. Но ваша насмешка мне кажется незаслуженной. Я не разыгрываю спектакль. И думаю, вы могли бы сохранять в такую минуту больше серьезности. Я не заслуживаю ваших усмешек. Но даже они не смогут меня отвратить от моего незыблемого решения.

Все удивленно смотрят на Доната, замешательство растет.

Г е р ж м а н *(Донату)*. Вы застали нас в момент странного недоразумения, вызвавшего весь этот переполох, который еще требует объяснения. Но уверяю, никто не собирался задеть вас.

П р о к о п. Он пытается дать новую завязку. *(Кричит.)* Мы больше не дадим сбить себя с толку. Мы не позволим…

Д о н а т *(строго, спокойно)*. Разрешите мне произнести всего несколько слов, которые я больше не в силах сдержать. Немыслимо дольше терпеть муки совести, преследующей меня упреками, — что греха таить, совершенно справедливыми. И я — я не могу больше жить, скрывая свершенное мною преступление.

И з а *(рухнув в кресло)*. Что тут творится?

Д о н а т *(возбужденно)*. Нет, я не могу больше жить, мучимый сознанием собственной вины. Поймите меня! Не могу! Я должен признаться. Открыть вам все подлости, которые я совершил, — не для того, чтобы вы судили меня, и не для того даже, чтобы просить прощения у тех, кому причинил горе и довел до несчастья, ибо они никогда не смогут меня простить. Но *(все более возбужденно)* для того, чтобы облегчить свою совесть. Чтобы прекратить свои нечеловеческие страдания. Останьтесь еще на минуту! Сжаль-

тесь! Я должен высказаться. Я не могу больше…

Г е р ж м а н. Успокойтесь. Поверьте, мы поймем вас, Донат. Быть может, вы меня и не поймете. Но дело не в том, чтобы вы меня поняли. Мне просто необходимо…

П а в е л *(тянет Прокопа за руку к Варне)*. Разбудите его! Скорее!

П р о к о п *(склоняется над Варной)*. Если удастся. Я уже ничего не понимаю.

Д о н а т. Я полагал, что справлюсь с этим. Я безоглядно следовал своему замыслу. Для меня было важно лишь, чтобы она меня любила.

Г е р ж м а н. Что вы сделали?

П а в е л *(Прокопу, который будит Варну)*. Доктор! Скорее! Умоляю вас!

Д о н а т *(стараясь перекричать его)*. Сжальтесь надо мной! Выслушайте! *(Кричит.)* Я признаюсь, что виноват в смерти невинного человека, который ее любил и которого она любила, и разбил их счастливую любовь.

И з а *(вскакивает, с письмом в руке)*. Это вы написали письмо!

Д о н а т. Я разузнал, какой почтовой бумагой вы пользуетесь, каким сургучом запечатываете, научился копировать ваш почерк.

И з а. Вы украли из моего секретера письма

Вита!

Д о н а т. Да, когда заходил к Павлу. В ваше отсутствие. Украл и послал вашему жениху, вроде бы это вы их вернули.

П а в е л *(трясет Варну)*. Да проснитесь же, бога ради!

Д о н а т. Я полагал, что обману его — и он не вынесет разлуки. Я рассчитал правильно. Он застрелился.

В и т *(подходит к Донату)*. Почему вы это сделали?

Д о н а т *(испуганно отступает)*. Спасите меня! Он здесь! Он постоянно меня преследует.

П а в е л *(будит Варну)*. Вмешайтесь! Откройте правду происходящего!

П р о к о п *(подхватывает пошатнувшегося Доната)*. Вы обмануты. Как и все мы.

Д о н а т. Я полагал, что смерть навсегда разлучит их. Она забудет о нем. Полюбит меня.

П а в е л *(поддерживая проснувшегося Варну)*. Рассейте его заблуждение, — он считает, что все происходит на самом деле! Спасите его!

П р о к о п *(Донату)*. Все это ложь! Обман!

Д о н а т *(с жаром)*. Подите прочь! Я не лгу! Не обманываю вас! Клянусь, все это я совершил.

В а р н а *(подходит к Донату)*. Все-таки это вы?

Признались уже?

Д о н а т *(отскакивает в сторону)*. Вы — полицейский комиссар! Я буду защищаться!

В а р н а *(Изе)*. То самое письмо. Ждите второго!

В и т *(в дверях, шатаясь, словно тень)*. Это театр! И меня вытащили на сцену!

П р о к о п *(Донату)*. Слыхали? Все, что тут происходит, — ложь! Комедия!

Д о н а т *(возмущенно)*. Вы еще способны подозревать меня во лжи?

В а р н а *(подходит к Донату)*. Все это случилось в моем сне. Вы всего лишь разыгрываете мой сон!

Д о н а т *(возбужденно)*. Значит, вы не верите, что меня привели сюда реальные муки совести?

П р о к о п. Поймите! Здесь всякая реальность исключена.

П а в е л. Спасите его! Объясните ему, где мы находимся.

Д о н а т *(возмущен)*. Моя искренность вас не убедила? Вы считаете меня комедиантом!

П р о к о п. Здесь театр! Здесь правда вообще невозможна.

В а р н а *(вскочив)*. Еще не поздно! Еще можно помешать несчастью. Поймите, что вы не актеры! Взбунтуйтесь против его замысла хоть в послед-

нюю минуту! Перестаньте играть!

Д о н а т. В таком случае я вам докажу… *(Вынимает пистолет и подносит к виску.)*

Выстрел. Все, оцепенев, смотрят, как Донат падает на пол.

И з а. Он застрелился… На самом деле!

П а в е л *(выбегая)*. Позвоните в полицию!

В а р н а *(кричит)*. Я предупреждал, чтобы вы тут не играли!

Д о н а т *(с усилием приподнявшись)*. Видите… я… не играю. *(Падает.)*

Прокоп склоняется над ним.

З а н а в е с падает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация та же, только портьера задернута. И з а сидит на диване, возле нее стоит П а в е л. Г е р ж м а н в оцепенении одной рукой опирается о стол, другой сжимает лоб. С минуту тишина. Входит П р о к о п; он бледен и взволнован. Все напряженно ждут, что он скажет.

П р о к о п *(садится)*. Слишком точный выстрел.

И з а *(встает)*. Значит, надежды на спасение нет?

П р о к о п. Он умер сразу же. Мгновенно.

П а в е л *(стискивая лоб руками)*. Выходит, все кончено?

П р о к о п. И с официальными формальностями и — тут.

Г е р ж м а н. Застрелиться здесь! В моей квартире!

П р о к о п. Похоже, это вас мучит больше всего. Боитесь быть скомпрометированным.

Г е р ж м а н. Все произошло на ваших глазах.

П р о к о п. Даже в присутствии полиции.

Г е р ж м а н. В таком случае не знаю, у кого

больше причин быть скомпрометированным.

П р о к о п. Вот вы как думаете! Мы все — свидетели того, как это случилось.

Г е р ж м а н. Может, вы намерены отрицать, что находились здесь?

П р о к о п. Никоим образом. Но я — свидетель всего, что тут произошло.

И з а *(садится)*. Виновата я.

П р о к о п. Это весьма проблематично.

Г е р ж м а н. Он оставил какие-нибудь письма?

П р о к о п. Вот что вас интересует! Все же побаиваетесь!

И з а. Значит, он ни с кем не простился?

П р о к о п. Подобные розыски не в моей компетенции.

П а в е л. Такого я от него не ожидал. Он, несомненно, совершил это в состоянии невменяемости. Наверное, сам до последней минуты не предполагал, что так поступит.

П р о к о п. Напротив, думаю, мысль о самоубийстве занимала его довольно долго. Все основательно продумано. И выполнено мастерски.

Г е р ж м а н. Может, по-вашему, он продумал даже все обстоятельства?

П р о к о п. Конечно. В том числе и то, что застрелится здесь. В вашей комнате.

И з а. На наших глазах, на глазах у всех?

П р о к о п. Это важнее всего.

П а в е л. Но ведь все произошло так неожиданно.

И з а. И вообще, он случайно всех нас тут застал.

П р о к о п. Я, в общем-то, не верю в случайности. Но даже верь я в них, я и тогда задумался бы над странным стечением обстоятельств, свидетельствующим о том, что в данном случае все с самого начала было продумано и точно разработано.

Г е р ж м а н. Во всяком событии есть естественная логическая неизбежность.

П р о к о п. Но вы умеете как-то буквально сверхъестественно постигать мотивы событий еще до того, как они произойдут.

Г е р ж м а н. Что вы этим хотите сказать?

П р о к о п. И умеете просто артистически соединить воедино мотивы надвигающихся событий. И проявляете удивительный интерес к тому, чтобы эти собранные воедино мотивы привели затем к катастрофе.

Г е р ж м а н. Вы приписываете мне фантастические способности предугадывать события.

П р о к о п *(встает)*. Признайтесь: вы давно

предвидели все, что здесь произошло.

Г е р ж м а н. Вы теряете здравый смысл.

П р о к о п. Не забывайте, что я внимательно за вами слежу, с той самой минуты, как забежал сюда по пути на службу.

Г е р ж м а н. Вариант театрального образа мыслей вашего коллеги, подозревающего меня в том, что я проник в его сон и, вдохновленный им, сочинил драму наяву. Кто в таком случае является ее автором? Вы же меня обвинили в том, что я являюсь ее режиссером.

П р о к о п. Вы были и тем и другим одновременно. Более того, в то же самое время вы были самым рафинированным зрителем этого драматического произведения, безразличным к тому, что речь шла о жизни реальных людей. Лишь бы удовлетворить свою жажду сенсаций. Вы холодно следили за ходом интриги и добивались, чтобы она спокойно развивалась вплоть до трагического конфликта.

Г е р ж м а н *(раздраженно)*. Если уж я был столь рафинированным зрителем несчастья, которое тут произошло, мне, очевидно, лучше всех известно, чем вызвана его подлинная кульминация.

В а р н а *(войдя, прислоняется к двери)*. Это было не самоубийство.

Г е р ж м а н *(раздраженно)*. Вы! Что вам тут еще нужно? Может, вы пришли по долгу службы? Допрашивать?

В а р н а. Допрашивать придут другие. Но мое свидетельство не оставят без внимания. А я свидетельствую, что это было — убийство.

Г е р ж м а н *(в бешенстве)*. В таком случае — его выдумали вы!

В а р н а *(Прокопу)*. Вспомните, как точно я предугадал его дьявольские намерения. Я предупреждал его, угрожал, умолял отказаться от драматического замысла, опасность которого я чувствовал. Мой сон еще не был реальностью. Он мог служить предостережением.

Г е р ж м а н *(резко)*. Убирайтесь отсюда! Во что вы меня впутали!

В а р н а. Но его мой сон вдохновил на бесчеловечное злодеяние, которое он осуществил, сделав нас своими орудиями, несмотря на наше сопротивление, — насильно и безжалостно. Он превратил нас в соучастников преступления, но я покажу, что это было сделано помимо нашей воли. Что он, только он один является инициатором зла, которое тут свершилось. Что он разработал план несчастья и, не дрогнув, осуществил его вплоть до кровавых подробностей. Так хитро

подстроил заранее обдуманную ситуацию, что, разумеется, никто не мог спастись. И следовательно, — он его убил.

Г е р ж м а н *(резко)*. А кто первый появился тут, словно коварный суфлер драматического произведения, о котором никто из нас и понятия не имел? Кто первый оглядел мою квартиру и против нашей воли осветил ее искусственным, обманчивым светом? Это моя частная квартира, реальная комната, куда вы пришли в качестве моего гостя. Но вы выдумали, будто я устроил тут театральную сцену. Здесь могли протекать лишь простые, обычные реальные события, которые естественно возникают и естественно развиваются. Но вы, одержимый навязчивой идеей, сумели внушить всем остальным, будто здесь сцена, на которой не живут, а только играют. Вы предательски осветили искусственным освещением эти обычные, настоящие стены и создали впечатление кулис. И, одержимый самообманом, искусственно осветили и наши человеческие лица, превратив нас в нереальные театральные фигуры. Вы породили эту иллюзию театральной атмосферы. И после этого действительно простая частная квартира превратилась в некую абстрактную обстановку, а мы, кто

сроду не помышлял о театре, мало-помалу из реальных людей превращались в театральные персонажи. Произошло нечто чудовищное. Ваше болезненное воображение изгнало отсюда живую действительность. Театральная ложь отравила здесь живой воздух. Мы постепенно теряли чувство реальности. Мы сопротивлялись и опровергали ваше безумное подозрение, будто мы актеры. Доказывали, что мы настоящие, живые люди и живем здесь естественной, реальной жизнью. Но вы все яростнее подозревали нас в обмане, которому сами поддались. И мы все покорнее подчинялись вашему театрализованному взгляду на жизнь.

В а р н а. Вы признаетесь!

Г е р ж м а н. Коль скоро вы так упорно желали этого, коль скоро насильно заставляли играть мрачные роли своего сна, в том, чего на самом деле не было и что существовало лишь в вашем болезненном воображении, то заблуждение, далекое от жизни, к нашему ужасу, и в самом деле стало представать перед нашим взором, чудовищно медленно затмевая живую действительность, которая, словно тень, постепенно бессильно рассеивалась перед ним. Вы вбили себе в голову, что здесь будет разыграно драма-

тическое произведение, и упорно доказывали нам, что мы станем его исполнять. Вы втянули нас в театральное действие, и мы, истерзанные вашим театральным неистовством, бессильно покорялись.

В а р н а. Вы играли!

Г е р ж м а н. Мы подчинились вашей театральной абстракции, мы утратили искренность, и наши слова, взгляды и жесты приобрели ложную неестественность. Нас захватила театральность.

В а р н а. Я уличаю вас!

Г е р ж м а н. Это были уже не мы. Мы не понимали, кто мы. Тщетно метались в заколдованном круге вашей болезненной театральной фантазии. Мы возражали, протестовали, бунтовали против вашего театрального насилия. Но бессознательно устремлялись туда, куда вы заставляли нас идти. Драма, превратившаяся тут из вашей фантазии в реальность, завладела нами и стала нашей реальной судьбой.

И з а. Но мы не притворялись.

П а в е л. Мы не лгали.

Г е р ж м а н. Теперь вы понимаете, что вы натворили? Вы ответственны за все дурное, что тут произошло. Вы насильственно спровоцировали эту драму!

В а р н а. Я хотел отвратить вас от нее.

Г е р ж м а н. Но на самом деле — вы ее тут создали. И внушили нам, что мы ее играем. Здесь, в моей квартире. Здесь, в моей комнате вы воздвигли сцену. Здесь не театр. А мы не актеры.

П а в е л. Что мы могли поделать?

Г е р ж м а н. И вот когда вы втянули нас в неразбериху своих фантазий, явился этот молодой человек. Реальный, живой. Его сознание было ясным и нетронутым. Он пришел сюда, в мою квартиру. Но вы и остальные, сбитые с толку вашим домыслом, кричали, что тут театр. Он пришел к нам, живым людям, которых знал, но вы и остальные, поддавшиеся вашему заблуждению, хотели и его ввести в заблуждение и доказывали, будто мы здесь всего лишь играем.

В а р н а. А вы не играли?

Г е р ж м а н. Но он, серьезный, измученный совестью, понятное дело, чувствовал себя оскорбленным, считая, что его подозревают в неискренности и манерности. Он не был захвачен вашей театральной одержимостью. Он тщетно пытался вывести вас из заблуждения. Не пытаясь смягчить свою вину, с достоинством доказывал он вам, что пришел из искренних побуждений. Но когда вы яростно на него накинулись, желая и его втянуть

в свое безумие, он, чтобы убедительно доказать, что здесь не театр и что его слова — истинная правда, — только чтобы доказать вам, что он не играет, застрелился на наших глазах. *(Варне.)* Вы виновны в его смерти! Вы — его убийца!

В комнату неслышно входит Д о н а т; он бледен и испуган.

Д о н а т *(останавливаясь в дверях)*. Не бойтесь меня. Я больше не буду кричать, как недавно.

Все испуганно отступают.

Д о н а т. Ведь мы уже кончили играть.

Г е р ж м а н. Что — кончили играть?

В а р н а. Я вас понял! Вы полагаете, что мы еще не кончили играть.

Д о н а т. Все еще не кончили?

В а р н а *(набрасывается на Гержмана)*. Вы лгали! С самого начала! Хотели свалить на меня ответственность за свои фокусы. Ваша защита, высокопарная, манерная, вымученная, тоже входила в драматическое произведение. Намерены продолжать лгать? Еще не кончили играть! И поскольку для вас нет ничего невозможного, вы вызвали сюда несчастную жертву и после смерти. Ну, так как? Что вы еще задумали?

Д о н а т. Не кричите. Я не за этим пришел. Я прошу вас о помощи.

В а р н а *(Донату)*. Уходите! Скорее уходите отсюда! Хоть теперь-то не позволяйте ему проводить с вами эксперименты.

П а в е л *(хватая Варну за руку)*. Сударь, вы не отдаете себе отчета.

И з а *(Варне)*. Что вы делаете? Это же кощунство.

Д о н а т. Только вы можете все объяснить. Вы все — свидетели. Вы знаете, как это произошло.

Г е р ж м а н. Я вас не понимаю.

Д о н а т. Вообразите! Моя семья считает, что все это случилось *на самом деле.* Думают, будто я *действительно* застрелился.

В а р н а. Вы в этом сомневаетесь?

Д о н а т *(Варне)*. Да прекратите. Вы невыносимы. Видеть вас не желаю!

И з а. Вероятно, он полагает…

Д о н а т. Вы только подумайте: все верят, что я мертв. Обращаются со мной, как с мертвым. Я задыхаюсь. Похоже, меня собираются похоронить.

В а р н а *(Гержману)*. Все еще продолжаете? Чего вы еще хотите? Вы ни перед чем не остановитесь?

Д о н а т. Не ссорьтесь, пожалуйста. На это нет

времени. Кто знает, что они со мной могут сделать. Они словно обезумели. Ни я их, ни они меня не могут понять. Плачут и причитают. Вы должны объяснить им, что со мной ничего не случилось. Что я застрелился — *только в театре.* Что все это была лишь *пьеса.*

В а р н а *(Гержману)*. Ответьте мне! Хоть теперь скажите правду!

П р о к о п *(подходит к Донату)*. Вы ведь застрелились *на самом деле.*

Д о н а т. С ума вы сошли? Так же, как мои родители? Почему я никому не могу втолковать? Ведь я застрелился *только на сцене.*

П р о к о п. Но здесь не сцена.

Д о н а т. Разве вы меня в том не убедили? Разве не кричали, чтобы опустили занавес? Разве вы все тут не играли?

П р о к о п *(растерянно)*. Но вы отрицали это. Доказывали нам, что мы не в театре. Кричали, что вы — *не играете.*

Д о н а т. Но ведь так было по пьесе. В этом заключалась моя роль. Разве я плохо сыграл? Ведь мой выстрел был так театрален.

В а р н а *(Гержману)*. Ответьте теперь ему.

П р о к о п *(Донату)*. Мы не собирались тут играть. Мы не знали ролей, на которые были

назначены. Все это не было выдуманным драматическим произведением, которое тут разыгрывали. Ваша реальная смерть — убедительнейшее тому доказательство.

Д о н а т *(кричит)*. Спасите меня! Помогите! Я думал, я на сцене. Старался играть как можно лучше.

П р о к о п. Именно поэтому вы мертвы.

Д о н а т. Вы безумец. Разве на сцене что-нибудь происходит на самом деле? Вы потеряли разум. Кто же это в театре умирает по-настоящему?

П р о к о п. Здесь — особый случай. Здесь театр возник непроизвольно, вопреки нашему желанию — из реальной действительности.

В а р н а. Здесь играли — *на самом деле.*

Д о н а т. Но поэтому-то я — не мертв.

П р о к о п. Могу вас твердо заверить в обратном. Я официально констатировал вашу смерть.

В а р н а. Я при том присутствовал. Могу подтвердить.

П а в е л. Этого уже не исправишь.

Г е р ж м а н. Вы *в самом деле* мертвы.

Д о н а т. А кто, собственно, вы такие, чтобы присваивать себе право судить об этом?

Г е р ж м а н. Мы — живые.

Д о н а т *(выпрямившись)*. Но откуда в вас такая

уверенность? Где доказательства того, что все именно так, как вы себе представляете? В чем отличие между вами и мной и в чем в таком случае отличается смерть от жизни?

В а р н а *(Гержману)*. Понимаю. Вам еще хотелось, чтобы эти слова были произнесены.

П р о к о п *(Донату)*. Если вы полагаете, что стоите среди нас, — это лишь обман вашего сознания. На самом деле вы лежите, хладный и недвижимый…

Д о н а т *(угрожающе)*. А может, скорее, ваша уверенность в том, что вы тут стоите, является обманом вашего сознания? Позвоните в полицейское управление, если не боитесь *(поворачивается к Варне)*, что ваш собственный голос ответит вам, будто вы сидите там в канцелярии.

П р о к о п *(испуганно идет к двери)*. Что такое вы говорите?

В а р н а *(следует за ним)*. Пойдем скорее отсюда.

Оба уходят.

Д о н а т *(обращаясь к Павлу)*. А куда побредете по темной улице вы, дрожа от страха — что таит в себе запечатанный конверт, который вы сжимаете в руке?

П а в е л *(испуганно уходит).* Иза, я скоро вернусь.

Д о н а т. Где уверенность в том, что мертвы *не вы,* а *я?* Кто из нас призрак? Где граница, отделяющая игру заблуждений от несомненной реальности? *(Обращаясь к Изе.)* Скажите, прекрасная, которую я тщетно любил, кто для вас более живой — они, живые, как они доказывают, или ваш жених и я, которые, по всеобщему утверждению, мертвы? Угадываете ли хоть вы тайну, которая, в силу несчастной любви к вам, приоткрылась тут перед вами?

Занавес начинает опускаться.

Занавес, к которому вы взывали, тогда не шелохнулся. Но сейчас — взгляните, он падает! Значит, все-таки это был всего лишь театр... *(Уходит.)*

Иза и Гержман с удивлением смотрят вверх на опускающийся занавес.

З а н а в е с падает.

ЭПИЛОГ

Когда поднимается занавес, на сцене темно. Потом слышатся шаги, и в комнату входит Г е р ж м а н; зажигает свет. И з а, сидящая за столом, пробуждается и растерянно смотрит на стоящего у дверей Гержмана.

И з а *(взволнованно встает и осматривается)*. Это ваша квартира!

Г е р ж м а н *(осматривается)*. Это моя квартира. Полагаю, вы в том не сомневаетесь.

И з а *(растерянно)*. Что я делаю в вашей квартире?

Г е р ж м а н. Вы собирались уходить. Я знал, что вы не уйдете, не поговорив со мной.

И з а *(пятится)*. Мне страшно!

Г е р ж м а н. Неудивительно. Но чего, собственно, вы боитесь?

И з а *(кричит)*. Где Павел?

Г е р ж м а н *(стискивает лоб руками)*. Бредет в ночи. Одиноко идет по пустынной улице. Приближается.

И з а. Почему я еще жду здесь?

Г е р ж м а н. Думаю, вы ждете его. И дожде-

тесь.

И з а. И вы его ждете! И не только его!

Г е р ж м а н. Вы хотите сказать, что я жду комиссара и доктора. Они тоже явятся с минуты на минуту. Как раз сейчас они выходят из канцелярии.

И з а. Вы напряженно ждете!

Г е р ж м а н. В самом деле… Признаюсь… С нетерпением.

И з а *(вскрикивает)*. Все это продолжается!

Г е р ж м а н. Вы еще рассчитываете на неожиданный поворот! И что все еще раз вывернется наизнанку. Приведя к непредвиденной, ошеломляющей развязке?

И з а. Но ведь немыслимо…

Г е р ж м а н. …Чтобы то, что здесь произошло, произошло на самом деле? Я вас понимаю. Страшно подумать.

И з а. Вы хотите сказать…

Г е р ж м а н. Вам желательно от меня услышать, что все это был лишь болезненный мираж, дьявольский обман, муки творчества. И что теперь мы очнемся и с облегчением вздохнем после тяжкого кошмара. Будь это возможно! Будь это возможно, вы даже не представляете, какой ценой я был бы готов купить подобный финал!

И з а. Значит, все произошло на самом деле?

Г е р ж м а н. Бесспорно.

И з а *(испуганно)*. Почему ж тогда мы не разбежимся и не скроемся, чтобы никто нас не увидел!

Г е р ж м а н. Куда бежать? Безумная! Где скрыться?

И з а *(падает в кресло)*. Оставьте меня! Прошу вас! Дайте мне побыть одной! Замолчите, умоляю!

Г е р ж м а н *(взрывается.)* Не требуйте от меня этого! Я не могу быть один! Не могу молчать! Почему они не идут? Ваш брат! Комиссар Варна! Доктор Прокоп!

И з а *(вскочив)*. Я вас не узнаю! Вы взволнованы!

Г е р ж м а н *(резко)*. Вас это удивляет! Не шелохнуться, что бы ни происходило, и молчать, ни малейшим движением не давая понять, что я думаю и чувствую, — вот моя роль! Смотреть оцепенев и не иметь права даже пикнуть! Я больше этого не выдержу! Я взбунтуюсь и закричу!

И з а *(растерянно)*. Я не предполагала…

Г е р ж м а н. …Что я тоже человек и что есть предел того, что я по-человечески могу вынести. Хватит с меня беспомощно смотреть, тщетно

пытаясь распутать узел, который тут, в действительной жизни, запутался. По моей воле, говорили вы! В соответствии с моим обдуманным намерением, как вы меня обвиняли. Вследствие нездорового любопытства моего холодного ума!

И з а. Я думала о вас…

Г е р ж м а н. Ну, скажите, что вы обо мне думали: что я человек, погрузившийся в мертвые абстракции, ненормальный индивид, фантаст, безумец или изощренный фокусник, бездушно играющий с самыми опасными понятиями, а то и шарлатан, подталкивающий людей к гибели да еще получающий наслаждение от несчастья. Но зачем люди провоцируют меня, когда я давно уже всячески даю им понять, что мне безразличны их взгляды? Зачем они с любопытством касаются тайны, которую не могут без ужаса постичь? Зачем вы спросили меня, что такое смерть?

И з а. О, поймите, как мне было это важно! Разве я спросила из пустого любопытства? Разве можно жить, не задумываясь над смертью?

Г е р ж м а н. И поэтому я должен был вам лгать или говорить с вами, как с ребенком, неспособным к логическому мышлению? Или, для того, чтобы вы жили спокойно, отвратить вас от малейшего намерения размышлять о сущности

смерти? И все же, поверьте, будь я убежден, что всего этого могло бы не произойти, — мне меньше всего хотелось бы высказаться столь ясно.

И з а *(удивленно)*. Вы… вы хотели бы, чтобы этого не произошло!

Г е р ж м а н. Ловлю вас на слове. Вы подозреваете, будто я, напротив, хотел и добивался, чтобы все это произошло. Стало быть, я желал несчастья и вашего ужаса от познания! Я, который дрожал от страха за вас и всех остальных, который с ужасом следил, как здесь претворяется в жизнь кровавая драма, и тщетно пытался воспрепятствовать этому и предотвратить боль, которую она вызовет.

И з а. И что же — вы не сумели этого сделать?

Г е р ж м а н. Конечно. Хотя меня считают безумцем, тем не менее от меня только и требуют, чтобы я творил чудеса. Разве я всевластен, чтобы предотвратить логические последствия причин, порожденных не мною? Если б я мог! Ах, если б я мог, — будьте уверены, я бы сделал это и охотно довел бы до абсурда свое величайшее убеждение в том, что жизнь, не только на земле, но и во всей вселенной, подчинена непреложным законам, которые математически точны, и которые можно постичь, и которые необходимо понять, для

того чтобы убедиться, что вся вселенная и наша жизнь, как бы нам ни казалось истиной обратное, следуют законам четкой и определенной логики.

И з а *(взволнованно)*. Кто вы, собственно?

Г е р ж м а н. Такой же человек, как и вы, всего лишь человек, который мучается так же, как и вы, и нередко хотел бы, как и любой другой, опрокинуть все законы, которым следует жизнь со столь неизменной точностью. Чтобы не было, скажем, боли, которая так часто кажется напрасной! Чтобы не было, скажем, страданий, которые нередко кажутся ненужными и бессмысленными! Сколько раз хотел я вопреки всем законам превратить, скажем, несчастную судьбу в радужное счастье! Если б я только мог! И если б не знал, что это безусловно вызовет несчастье, еще страшнее прежнего, потому что сие противоречило бы высшей фатальной справедливости.

И з а. Выходит, мое несчастье…

Г е р ж м а н. Если б оно не произошло! Почему оно постигло вас, очаровательная? Почему постигает стольких несчастных? Зачем оно нужно? Почему столько мук? К чему столько боли, губящей самых благородных людей? Этого вам не понять на опыте лишь вашей собственной жизни.

И з а. Справедливо…

Г е р ж м а н. До этого вы можете додуматься, исходя лишь из вечной жизни своей души, которая не умирает, а бесконечно живет во все новых и новых формах. Исходя из логики путей, которыми она шла когда-то, в давние времена, и из тех целей, к которым она стремится.

В комнату входят В а р н а и П р о к о п; Гержман испуганно отступает.

В а р н а *(садится)*. Не зря я боялся сегодня идти на ночное дежурство. Сроду не забуду этого ужасного самоубийства.

Г е р ж м а н *(вскрикивает)*. Я не виноват! Клянусь вам, я не виноват в его смерти!

В комнату тихо входит П а в е л и подает Изе запечатанное письмо.

И з а *(бледная, с дрожащими руками)*. Да ведь я все знаю.

Г е р ж м а н. Значит, он все же оставил письмо! Не ушел из жизни, ничего не объяснив!

И з а *(распечатывает письмо и подает ему)*. Если вас это может успокоить.

Г е р ж м а н *(берет письмо и взволнованно читает его)*. Признается, что покончил с собой

вследствие угрызений совести. *Отрицает, что он здесь всего лишь играл.*

П р о к о п. Кажется, он сделал это слишком серьезно.

В а р н а *(взволнованно встает)*. Если он отрицает, что всего лишь играл здесь, когда же в таком случае он написал это письмо?

Г е р ж м а н. Вам все еще непонятно?

В а р н а *(подходит к нему)*. Да кто вы такой, чтобы все понимать?

П р о к о п. И что, собственно, в таком случае здесь происходит?

Г е р ж м а н. Вы полагали, будто очутились тут на сцене и сыграли спектакль. Играйся подобная пьеса в театре, все сказали бы, что пьеса сумбурна, противоестественна и патологична. Что это — театральная истерия, наполненная отталкивающими вещами и ненужными страданиями, плод больной фантазии и опасного умопомешательства. Не разбираясь толком в понятиях, ее, возможно, назвали бы и спиритической и оккультной пьесой. Думаю, пьеса была бы освистана публикой и критикой.

В а р н а. Тем самым вы не опровергаете того…

Г е р ж м а н. Что все случившееся здесь с виду похоже на театральную пьесу. Это вызвало у вас

подозрение, будто я поставил тут драматическое произведение.

В а р н а. Использовав действительность!

Г е р ж м а н. Если б действительность не была гораздо драматичнее театра.

П р о к о п. Не уверяйте нас, будто то, что здесь произошло, было всего лишь действительность.

Г е р ж м а н. Не хотите ли вы тем самым сказать, что действительность естественнее, конкретнее и жестче? Или, быть может, — что она менее естественна, более абстракта и не столь прямолинейна, как событие, которое произошло тут при нашем участии? Быть может, вам кажется, что действительность в нем была упрощена и подтасована? Или, напротив, что с нами тут случилось нечто выходящее за рамки реальности и нарушающее ее естественные законы? Вы полагаете, действительность не столь стихийна, не столь строго непреложна и не развивается так грубо драматично?

В а р н а. Но мой сон!

Г е р ж м а н. Это был не сон, ваше сознание было совершенно ясным, когда в неожиданно резком освещении вы увидели действительность с пронзительной отчетливостью. В вашем сне, по сути дела, было все, что тут произошло, только

вывернутое наизнанку и внешне нереально и нелогично скомпонованное.

В а р н а. Но кто перенес мой сон в реальность и, придав ему стройную форму, создал из него житейскую драму?

Г е р ж м а н. Поставьте вопрос яснее и спросите, какая сила разрушила тут заблуждения нашего смутного сознания и показала нам четкое подобие не вызывающей сомнения реальности? Как случилось, что обманчивость внешнего, поверхностного мира иллюзий, в котором яркая отчетливость жизненного события почти всегда остается неясной для наших чувств, рассеялась и мы неожиданно очутились в мире сил, формирующих жизнь? Словно освобождаясь от не вполне осознаваемого трехмерного восприятия, мы ощутили бы себя в неком четвертом измерении. Мы не узнавали друг друга и участвовали в событиях, наводивших на нас ужас. Как будто это были не мы, а нас вынуждали прожить драму, как на сцене.

П р о к о п. Значит, мы с самого начала находились в вашей квартире?

В а р н а. Но одновременно мы были на службе, в канцелярии.

И з а. Мне кажется, то, что случилось, произо-

шло когда-то давно, за пределами памяти.

Г е р ж м а н. Где это произошло? И когда? Здесь, в моей квартире, или где-то в ином месте? Может быть, давно, столетия назад, или в далеком будущем? Не знаю. Вы не понимаете, сколь бессмысленно локализовать событие, пережитое нами, во времени и пространстве, коль скоро оно произошло в абсолюте? Существует лишь один-единственный бесспорный факт: все — исключая пространство и время — произошло, можно сказать с уверенностью, *на самом деле.*

П а в е л. В силу какой неизбежности?

Г е р ж м а н. В силу той, которая всегда драматичнее, нежели искусственно созданная театральная необходимость, потому что она неопровержимо логична и неизменна. В силу *метафизической* необходимости.

В а р н а. Я кричал: не позволяйте это играть!

Г е р ж м а н. Бегите куда угодно, и кричите на жизнь, и кричите на смерть, чтобы это не играли. Бунтуйте против того, что это играется! Вам кажется, что вы кричали этой ночью. А это как много веков назад или невесть когда в будущем, — быть может, через тысячу или через миллионы лет. Вы думаете, что бунтовали здесь или на сцене. Кричите и бунтуйте где угодно во

вселенной, как вы это делали в своем сне, вне времени и пространства. Вы потерпите поражение, как во сне, как здесь, как потерпели поражение все мы, не знаю когда и где, в этой истории. Одно знаю точно — мы были беспомощны и потерпели неизбежное поражение в *действительности.*

Софиты на сцене медленно, строго соблюдая интервалы, гаснут.

П а в е л *(вскакивает)*. Что происходит?

П р о к о п *(вскакивает)*. Остановитесь! Не гасите! Еще не конец!

П а в е л. Вы кончаете без нашего ведома! Вопреки нашей воле!

В а р н а *(кричит)*. Скажите! Все, что туг произошло, была философия!

И з а. Это была драма!

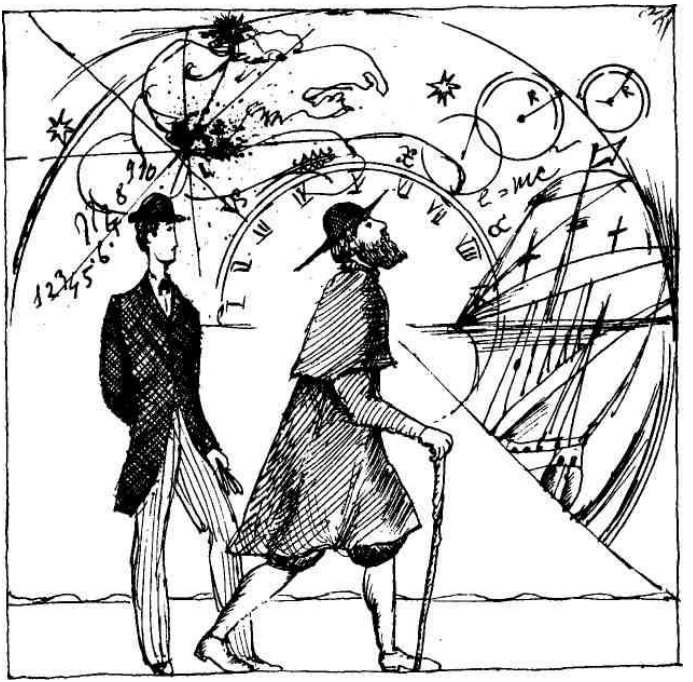
Г е р ж м а н. Это была действительность!

На сцене совсем стемнело.

В а р н а *(кричит)*. Горе нам! То, что здесь произошло, уже непоправимо. Случилось несчастье!

З а н а в е с.

Владислав Ванчура
УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК
Сценическая поэма



V. Vančura
UČITEL A ZÁK
Vladislav Vančura. Hry. Spisy Vladislava Vančury. Svazek XIV. Praha, Československý spisovatel, 1959.
Перевод с чешского **О. Малевича.**

Витезславу Незвалу

DRAMATIS PERSONAE[145]

МАГИСТР, 50 лет.
ЯН, 20 лет.
ДЯДЯ, 70 лет.
ПЕРВЫЙ ВОР.
ВТОРОЙ ВОР.
ТРЕТИЙ ВОР.
ЛЕКАРЬ.
СУДЬЯ.
ПЕРВЫЙ РОДСТВЕННИК.
ВТОРОЙ РОДСТВЕННИК.
ТРЕТИЙ РОДСТВЕННИК.
МАЛЬЧИК.
ТЕТЯ.
АННА.
МАРИЯ.
ДЕВОЧКА.

Loci[146]

I Лестница перед домом. II Та же лестница.

---

[145] Примечания: 1.145
Действующие лица *(лат.).*

[146] Примечания: 1.146
Обстановка действия *(лат.).*

III Комната с постелью. IV Городская окраина. V Терраса. VI Ночь. VII День.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Я н *(стоит, будто на носу галеры, с командой из Робинзонов и других схожих героев)*. Роза ветров кольцами обвила землю. Восход встретился с закатом в блуждающей точке, которая, подобно кораллу, нанизанному на нить меридиана, проскальзывает меж пальцев. Девять Индий было открыто, но какой в этом прок! Земля, что не доросла до безумия отваги, дика. В плаще, вздутом злой непогодой, одетый по-домашнему, я буду плыть над страшным перепутьем бумажного листа, наблюдая жестокую схватку бесконечных чисел.

Т е т я. Осторожность никогда не помешает, дорогое дитя! Твой отец поранился острием веретена и умер от заражения крови, как умирали пряхи еще двести лет назад. На что ему веретено? Зачем он его брал?

Я н. Отцу надо было одним махом рассечь ладонь, отрубить себе руку, истечь кровью, — тогда бы он не умер столь недостойно.

Т е т я. Ах, он умер примиренный. Но я хотела предостеречь тебя, чтобы ты не был слишком

любопытен и не разговаривал сам с собой. Это тебе не к лицу.

Я н. Приложу все усилия!

А н н а *(с сачком для бабочек)*. Махаон и роза — слышишь, книгочей!

М а р и я *(с флажком)*. Знамя и девушка — слышишь, вертопрах!

Я н. Бабочка-сфинкс и роза. Знамя и девушка. Блудница и госпожа. Проснись, лежебока! Вставай! Прибаутки да старые куплеты, околевавшие на оси времени, не забудутся, воскреснут под рождество. Они возвращаются каждую весну в тысячный раз и впервые. И повторяться им часто, как былям о дамах. Как небылицам о потаскушках. А девушки будут руководствоваться песнями и пословицами.

М а р и я. На темени библейской горы — гнездо голубки. В этом нет сомнения, ибо высокие лестницы заканчиваются низким порогом, за которым — жилище. Ложе и стол, вертопрах!

А н н а. Вы трудитесь с примерным усердием, но без толку.

М а р и я. Буду говорить и говорить — до первых петухов. А там — не раскрою рта год и еще день.

А н н а. Ладно, от вас не дождешься ничего, кроме глупых банальностей.

М а р и я. Шлюха!

М а г и с т р. Добрый вечер! Добрый вечер, Ян! Пока вы тут резвились, помышляя лишь о забавах, настал час заняться астрономией. Я пришел. Я сыт. Трезв. Вот она — кромешная чернота времени, исписанная молниями имен. Вот вечерняя звезда Кассиопея. Вот Большая Медведица.

М а р и я. Я вижу тьму, а посреди нее — звезду.

А н н а. Я вижу звезду.

Я н. Я вижу неведомое и ненареченное созвездие.

М а г и с т р. Неверно!

Я н. Одни слова! Стихи, лишенные смысла!

М а г и с т р. Могучие слова. Поэма, ограничивающая бесконечность. Последовательность чисел. Обозримое множество. Звездная система! Мой мальчик, будь настороже. Учись, дабы не остаться дураком, ибо люди при рождении лишены ума! Вот они, вечерние звезды, — Кассиопея, Медведица, Близнецы.

А н н а *(курит)*. Медведица и Близнецы.

М а г и с т р. Ладно! Будем друзьями. Дайте мне розу, простите, я хотел сказать — огонь. В минуту отдыха, ибо нельзя учиться без передышки, я буду рассказывать вам о властителях, которые были и которых уже нет. О великих любовниках,

о завоевателях. Обо всем том, про что девушки слушают затаив дыхание.

Ян. Сумасброд!

Магистр. Я не спешу. Я снисходителен, ибо я стар.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Тетя. Настоятельно прошу вас, господа, помогите мне, ибо я уже сыта по горло. Ян делает вид, будто у него нет родных. Часами молчит или, наоборот, говорит слишком много и дерзко.

Магистр. А я уж испугался, что на кухне произошла катастрофа. Что служанка разбила миску.

Тетя. Ничего подобного, магистр, вся посуда на месте, но ваш горе-ученик решил уйти из дому. Говорит об океане и о каком-то грозовом рае. Эта последняя бессмыслица, милостивый государь, напоминает мне ваши уроки.

Магистр. Выражение и впрямь довольно удачное.

Ян. Я говорил об университетском городе.

Дядя. Вы слышали? Молодой господин, который еще вчера был на побегушках у парней постарше, покидает дом. Далек ли путь?

Ян. Не из самых дальних. Впрочем, в наши

просвещенные времена можно путешествовать без помех.

Д я д я. Какой невыразительный ответ! Какая жалкая отговорка!

Т е т я. Он ведет себя ужасно, он несносен.

М а г и с т р. Вот она — любовь ростовщиков! Сколько процентов вы с него запросите и долго ли он будет вам выплачивать?

Т е т я. Он груб.

Д я д я. Пока твои выходки были хотя бы разнообразны, я еще не терял надежды. Но упорство, с которым ты повторяешь одно и то же, меняет дело. Ты неисправим! Вы видите эти оленьи рога безобразия и неразумия! Видите эти взгляды, обращенные к дверям, словно у хищника в клетке!

М а г и с т р. Ничего, тут нет ничего нового. Я без опасений наблюдаю за беспокойством, обуявшим Яна, для меня это гарантия высокого духа.

Д я д я. Извините, не понял.

М а г и с т р. Дубы безумства покрываются новой листвой. Ах, милостивый государь, какие это старые деревья! Весна и лето. Осень и зима. Вечная смена декораций, согласно установленному распорядку. Я убежден — гражданские добродетели начинаются с юношеского безрассудства и опрометчивых поступков.

Т е т я. В наши времена на вопросы следовали ответы и люди одевались прилично. Я говорю вам, у Яна ничего не приготовлено в дорогу. Он гол как сокол, а в кармане — блоха на аркане. Потому что, как я опасаюсь, на авантюры дядя не выбросит и ломаного гроша.

Д я д я. Вы одобряете это безрассудство, магистр?

М а г и с т р. Если бы время его не было столь ограничено. Время роз, время жатвы. Время измороси и вьюг. Если б оно длилось дольше, у него и название было бы достойное.

Т е т я. Право слово!

Д я д я. Сомневаюсь.

Я н. Прошу вас, разрешите мне отправиться во Францию.

Д я д я. Вот что, магистр, поменьше снисходительности, ибо нет ничего опаснее легковерия глупцов.

М а г и с т р. Париж ныне обезлюдел.

Д я д я. Запрещаю тебе думать о странствиях, Ян! Пора слезать с коня иллюзий! Не подражай безумцу, которого ты видел на дороге у опушки леса. Расседлывай! Посмейся вместе с нами! Я же говорю, магистр, мне безразлично, как выглядит отвращенный от нас лик луны. Мне безразли-

чен румянец на щеках ревнителей идеи и тем большая бледность нищеты. Мне дела нет до громыхания проплывающей тучи или дырявого барабана. К чертям! Кому, кроме сидящего в котле котельщика, понравится несуразная пестрота пустопорожнего грохота?

М а г и с т р. Шелест страниц в библиотеках. Гул труда. Рокот мира.

Нарастающее громыхание.

Прислушайтесь!

Т е т я. Пожалуй, я знаю, чего ты хочешь, Еник. Близ гаснущей лампы слышнее голоса ночи. Эти звуки еле различимы, но внушают нам тысячи разных идей. Я готова побиться об заклад, что ты хочешь неожиданно вмешаться в историю, придуманную от начала до конца. Для тебя это игра. Как детство, как свидание с возлюбленной, как всадник, тень которого безмолвно пересекла спальню.

М а г и с т р. Этого я и ожидал! Женщины всегда говорят о своих болячках. Жаль, мы зря потеряли время, а ведь сейчас речь идет лишь о сумасбродстве Яна, ни о чем другом.

Я н. Вы говорите обо мне как о больном.

М а г и с т р. Да, потому что ты слишком здо-

ров.

Д я д я. Вы преувеличиваете.

М а г и с т р. Это необходимо, чтобы меня поняли.

Я н. Мой учитель и вы, дядя, дали мне столько знаний, что я не боюсь очутиться один в чужом городе и даже в местах не столь безопасных, как это предместье. Наш дом — правильный куб, и четырежды одинаковый пейзаж четырежды повторяется в его окрестностях. Вечно одно и то же. Перед рассветом вы возлагаете надежды на грядущий день, а с утра уже ждете ночи. Вечно одно и то же. Ваши книги, магистр, вы меня простите, непомерно растянуты и нелепы.

Т е т я. Если хорошенько подумать, если правильно подойти к делу, то, собственно, все это — лишь твоя размолвка с магистром. Магистр, вы были к нему чересчур строги!

Д я д я. Боюсь, что именно строгости и не хватало.

Я н. Брань — плохая утеха.

М а г и с т р *(смеется)*. Ладно-ладно, Еник. Не читал ли ты историю про одного чудака, который мог по желанию становиться быком или цыпленком? Это неважный рассказ. Фу-ты, принимать всерьез такую низкопробщину! Да еще

превращаться в персонажа подобного сочинения! Неужто ты совсем лишился вкуса? Хочешь со шпажонкой на боку, в плаще странника таскаться по мостам и дорогам, чтобы в конце концов добраться до ступеней какого-нибудь захудалого театрика? Хочешь в сотый и в тысячный раз нашептывать рослой актрисе, что она достойна любви? Очевидно, ты собираешься слагать стихи о дурно пахнущей и засаленной песнями перчатке. Черт бы побрал весь гомеровский эпос с его размеренным солдатским шагом! Размечите аттические колоннады, сорвите розу с готического кафедрального собора! Будем создавать новые системы и новые слова вместо привычных наименований. А все прочее — к лешему! Ночь, кровь, буря! Любовные утехи, вздутый живот роженицы и могилы. Рифмуйте без устали. Устанавливайте новую связь между вещами. Они пребудут такими, какими в древности увидел их пещерный человек. Меняйте их последовательность — и все равно они будут выстраиваться в том порядке, в каком узрел их младенец через край своей колыбели. Ян, Еничек, разве ритм песни не воспроизводит дыхание спящего и телодвижения любящих? Разве повествование не устремляется вперед под топот копыт дикого

коня?

Я н. Ну и что?

Магистр кашляет.

Д я д я. Вы в свободное время сочиняете, а в Яне нет ни йоты поэтического дара. Вся ваша речь — впустую.

Т е т я. Бог с вами, магистр, неужто вы так и не излечитесь от своей учености?

М а г и с т р. Я хотел сказать, что новизна самой наиновейшей сомнительной песенки сомнительна. Не пожимай в ответ на мои упреки плечами, Ян. Черт подери! Слушай, что я тебе скажу: если ты останешься здесь, ты не так много потеряешь.

Д я д я. Это уже было сказано более категорично. Ян остается.

М а г и с т р. Следовало бы немного больше доверять.

Т е т я. Яну?

М а г и с т р. Нам обоим, сударыня.

А н н а. Как поживаете?

М а р и я. Добрый день, сударыня. Добрый день, господа.

Т е т я. Добрый вечер. Эта девушка приходит слишком часто и всегда в сумерки.

М а г и с т р. С подружкой-соседкой.

Д я д я. Тем хуже.

Т е т я. Я их толком даже не знаю.

М а г и с т р. В обеих нет ничего таинственного.

Т е т я. Вы их исповедник?

М а г и с т р. Чуть меньше.

Д я д я. Чуть меньше и одновременно чуть больше. Сударь, в вашей профессии главное — знать меру.

М а г и с т р. У меня она выше иных на две пяди и напоминает пугало посреди ржаного поля.

А н н а. Я хотела бы, Ян, побудить вас к мужеству. Магистр говорил, что вы собираетесь в дорогу и вам предстоит сделать выбор. До сих пор вы весьма равномерно оказывали внимание нам обеим, а ждать впустую — слишком жестокое наслаждение.

М а р и я. Прошу вас!

А н н а. Барышня собирается шить с утра до ночи, а я буду высматривать вас из окошка, пока не воротитесь.

М а р и я. Пожалуйста, не принимайте ее слова близко к сердцу, она говорит только за себя.

А н н а. К чему околичности! Выкладывайте начистоту, кто выиграет эту тяжбу?

Я н. Я очень рад, что могу с вами проститься,

ибо в самом деле рано утром покидаю дом.

М а р и я. Не хочу! Я остаюсь. В отличие от вас я не нахожу наш город таким уж плохим. Здесь вполне подходящее общество.

А н н а. И к счастью, это общество никогда не сходит с правильного пути.

Я н. Это необходимое правило, и оно не знает исключений.

А н н а. Исключение — вы, настоящий мужчина, который посмеется над правилами и выйдет на перепутье, нимало не заботясь о будущем и ничуть не интересуясь завтрашним днем. Вы правы, Ян, бегите, я бы хотела ждать вас где-нибудь у дороги, ибо сгораю от нетерпения, целыми днями торчу в окне — а вижу какую-нибудь чушку, догоняющую свое стадо.

М а г и с т р *(на заднем плане)*. Смотрите-ка, интерес пробудился, хвост кометы пылает, а мы все ни с места. Подобный переполох стоит целого стада наставлений и воспитательных бесед. Дух Яна, которому, как и положено в двадцать лет, так многого недостает, того и гляди, снова здесь приживется.

М а р и я. Нечем хвастать, барышня, нечем хвастать, а намерения Яна отнюдь не похвальны.

А н н а. Знаю, где вам жмет башмачок! К сожа-

лению! К сожалению, вы не Золушка.

М а р и я. Не нуждаюсь ни в сказочных чарах, ни в вашем одобрении.

А н н а. Кроме признания кухонных заслуг. Вот ангельская простота, весьма пригодная для уборки и прочих домашних работ.

М а р и я. Фи!

А н н а. Я не хотела вас задеть. И право, не могу придумать, что бы вас порадовало.

Я н. Позвольте. Позвольте сказать несколько слов на прощание. Я знаю нечто такое, Мария, о чем вы никогда не узнаете. Вы погружены в свои заботы и всегда будете казаться меньше, чем на самом деле. Будете вдыхать страхи этого закутка, взбесившуюся пустоту, существующую вне мира. Будете стареть, покорствуя и послушествуя, и эта бесцветная заслуга разрастется так, что хоть плачь. Будете жить, не ведая и не подозревая о спорах, решаемых кровью, о поражениях и победах, о деянии, которое грохочет и сверкает, подобно молнии. Ах, не могу отказаться от упрямой веры в отвагу, что поведет меня в даль. Я не разделяю намерений моей семьи. Я не унаследовал ни страха, ни терпения. Прощайте, завтра утром я ухожу. Ах, любой пригорок стоит на пересечении бесчисленных дорог и бесчисленных

приключений.

М а р и я. Вы говорите как разбойник. *(Отходит к тете Яна.)*

А н н а. Вы говорите как примерный ученик.

Я н. Как вы сказали?

А н н а. Как мальчишка! Хотела бы я знать цель вашего странствия. Куда вы направитесь?

Я н. Прежде всего — во Францию.

А н н а. Ну, еще бы!

Я н. Париж — имя далекого края грез.

А н н а. Нужно знать время отъезда.

Я н. Отъезда?

А н н а. Разумеется, ведь скорые поезда останавливаются не каждый час. У вас хватит денег?

Я н. Денег? Нет, для меня это нечто невозможное! Я пойду пешком и буду работать.

А н н а. На свете так мало невозможного. Будьте только решительней, сударь, будьте решительней! Разве мы не полны отваги, которая не остановится перед сундуком старого дядюшки? Ах, вы колеблетесь? Хотите вернуться, не успев высунуть из дому носа? Ну-ну, скорей же, принимайтесь плакать и рыдать. Кайтесь!

Я н. Никогда.

А н н а. Осленочек. В три часа утра я буду ожидать тебя на пути в город. До встречи у фонаря,

который называют Хохолком ветряка.

М а р и я *(на другом конце сцены).* Сударыня, я наблюдаю за окном Яна — и ощущаю страх всякий раз, когда оно светится после полуночи.

Т е т я. Да, ему следовало бы читать свои книги с удобством и при дневном свете. Тем не менее это хорошие книги, магистр выбирает их очень тщательно.

Магистр в это время беззаботно смеется, беседуя с Анной.

М а р и я. Полюбуйтесь своим магистром. Боюсь, его нравственность не отличается излишней строгостью. Он путается с Анной, и его книги небезупречны.

Т е т я. Ах!

М а р и я. Это не вызывает сомнений.

Т е т я. Вы не правы. Это старый человек, чудак. Свои назидания он привык произносить под занавес. Не клевещите, дитя мое, часто ученых трудно понять, тем не менее они имеют успех в обществе. Магистр повсеместно пользуется уважением! Право, я знаю, что приличествует и что нет. Знаю, как он заботится о Яне!

М а р и я. Уж эта мне забота! Скорее, — подзуживание! Думаете, Ян сбежал бы из дому, если бы

его учили благонравию?

Т е т я. Пока он еще не сбежал.

М а р и я. Но завтра, завтра утром…

Т е т я. Вы хотите сказать, что магистр в сговоре с Яном?

М а р и я. Боюсь, магистр поддерживает его.

Т е т я. Вы оскорблены и разгневаны.

М а р и я. Да, и тем не менее я знаю, что говорю. Минуту назад Ян попрощался с нами.

Т е т я. Он останется. Я побеседую с ним сегодня вечером. Жаль, мы все еще с вами не породнились, жаль, до сих пор никто не сказал решительного слова. И все же! Склонности, подобные зябким росткам, предвещают помолвку, которую мы от души приветствуем. Что останется от всего этого, если один из вас заартачится? Что останется, если вы поссоритесь и Ян уйдет? Ничего — ни дуновения ветерка, ни миртовой веточки. Яну двадцать лет, барышня.

М а р и я. Я моложе на два года — и все-таки разумнее его.

М а г и с т р. Вот-те на! Я потерял очки.

А н н а. Вы заложили ими книгу!

Т е т я. Говорить с людьми слишком доверительно — дурная привычка.

М а г и с т р. Это делает честь моему возрасту.

А н н а. У магистра слух истинного пастыря, сударыня. Он глуховат.

М а г и с т р. Святая правда. Со времен широких поясов я сохранил шумные, грубые, безвкусные и простые привычки тучной деревни.

А н н а. Даже если идет дождь, если кругом слякоть, а урожай не стоит и полушки.

М а г и с т р. Понятное дело.

Т е т я. Не понимаю. Мужчина в ваших годах, подобно щеголю, затягивает ремень на последнюю дырку! Старый учитель в новенькой шляпе набекрень! Слава богу, мудрые люди до сих пор обходятся одеждой из доброго домотканого полотна. Мы еще проживем без прикрас. Мы еще нравимся людям с устойчивым вкусом, мы еще можем довольствоваться лицом, сотворенным по воле провидения.

А н н а. С вашей стороны это большая заслуга, но с тех пор, как зима прочно встала на все четыре, в городе носят жакеты, напоминающие рыбий хвост.

М а р и я. Ах, все новое так неустойчиво!

Т е т я. А старую преданность отправляют на свалку!

М а г и с т р. В монастырском уставе мудрости об этом нет ни слова. Делайте что хотите.

Т е т я. Вы говорите на ветер.

М а г и с т р *(зевает)*. И то правда.

М а р и я *(на другом конце сцены)*. Не может быть.

Д я д я *(который читал газету большого формата)*. Вы ошибаетесь. Он образумится. Я серьезно поговорил с ним.

М а р и я. Так или иначе, все кончено, ибо Ян плохо скрывает симпатию к Анне. Его намерения меня больше не интересуют, но я привыкла не только к послушанию, но и к вежливости.

Д я д я. Я несу ответственность за Яна и прошу извинить его. Ему двадцать лет. Я помогу ему сделать выбор. Нельзя допустить, чтобы он принимал решения скоропалительно и безрассудно.

М а р и я. А если он уйдет?

Д я д я. Я пойду за ним.

М а р и я. В таком случае я хотела бы вас сопровождать. Это было бы поистине забавно.

Д я д я. Я своевременно поставлю вас в известность.

А н н а. До свидания!

М а р и я. Доброй ночи!

Д е в у ш к и уходят.

Д я д я. Сестричка, поговори завтра с этой

девушкой и с Яном. Тебе известны причины, вынуждающие нас позаботиться, чтобы разрыв между ними не затянулся. Я хочу, чтобы они поженились. Магистр, мне кажется, вы найдете с барышней Анной общий язык. Дайте ей понять, чтобы она к нам больше не ходила.

М а г и с т р. Я сделаю это без особого восторга. *(Показывает пальцем на звездное небо.)* Вот созвездие Близнецов, Еник. Дружеские союзы, заключенные под его знаком, оказываются непутевыми. То есть влекутся вдоль путей, на которые ты так и не вступишь.

Т е т я. Это пророчество?

М а г и с т р. Поучение из календаря.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Т е т я. Все на своем месте. Только и остается, что закрыть окно и спать. Спи, Ян! Будь я красноречивей, сказала бы это лучше.

Я н. Ах, значение имеют лишь тени и шум, о которых вам ничего не известно.

Т е т я. Ну, ладно. В полусне тебе пригрезится грохот, а может, все эти звуки или гул тишины, что бродит по дому около полуночи, словно привидение, — от неудобной кровати. Спи! Печаль — привилегия старых женщин. Ты, право,

смешон, Еник. Какая из твоих воздушных фей русоволоса и у какой каштановые волосы? Кто из них будоражит кровь? Магистр прав. Ты выражаешься неточно, и это не делает ему чести и не доставляет удовольствия. Он сам не свой, он печален.

Я н. Ха, магистру нет дела до моих забот.

Т е т я. Почему ты так думаешь, Ян?

Я н. Он ничего не знает, ничего не значит, ничего не понимает. Он доволен.

Т е т я. Ты в этом уверен?

Я н. Да. Может, ты полагаешь, он знает что-нибудь о дымящихся далях? Слушает по ночам часы, которые отбивают раз, другой, третий, пока не наступит рассвет?

Т е т я. Вздор! Не ждешь ли ты, что он будет повторять твои безумства? Не думаешь ли, что глупые мечтания посещают людей и после поры несовершеннолетия? Томное воодушевление, дрожащий голос, топот слов, не поспевающих за мыслью, — все это чуждо умудренному опытом духу. Боже мой, но тем лучше. Ты сказал, он доволен. Мы еще можем хоть немного нравиться. Нас еще не отправили на свалку, Еник. Спи, спи! Ни о чем не думай и, если на память тебе приходит какое-то смутное и нереальное происшествие,

которое надо оплакать, поплачь под одеялом.

Я н. Жалкое сравнение! Сколько оговорок в мое оправдание!

Т е т я. И что такого? Облегчение приходит лишь с покорностью. Жди. События приближаются как большие праздники, и нельзя торопить их. Ах, пасха, которой ты ожидаешь так нетерпеливо, в конце концов, не более чем два торжественно поименованных дождливых дня. Да, Еничек, слово — венец поступка. Увы, всегда будничного. Как бы ты относился к постройке, если бы она не звалась твоим родным домом? Чего бы стоила отвага, называйся она безумием? Поверь мне, обладая всем, что не названо, ты не будешь иметь ничего. Одним криком можно открыть врата. Ах, если бы они были здесь, если бы у меня был крошечный ключик, чтобы открыть их тебе! Если бы скрипнули вереи и позволили мне войти.

Я н. Имена, которыми исписаны углы улиц, которые вырезаны на деревьях в лесах. Скалы, многократно испещренные буквами, весь край, исписанный как тетрадь школьника, и девизы, красующиеся на фронтонах вилл! Какая безвкусица — преумножать речь порывов, осевших на щипцах крыш! Речь экспедиций в одни и те же географические широты. Эхма! Выродившиеся

языки, не способные хоть что-нибудь рассказать.

Т е т я. Ну-ну-ну! Говорят, утро вечера мудренее. Ложись-ка ты спать.

Д я д я *(в крылатке и цилиндре прохаживается по спальне)*. Ты ведешь себя как подонок, Ян! Что же мне вечно извиняться за твои непристойности, вечно просить за тебя прощения? Приготовься! Завтра в половине двенадцатого я провожу тебя к Мариной матери. Надеюсь, ты отрезвел. Ложись спать!

Я н. Да.

Д я д я. Спокойной ночи!

Я н *(один)*. Спокойной ночи! Спокойной ночи! И ничего, ничего более! Они говорили со мной, а я отвечал им наугад и бестолково, как отвечают, стоя на пороге и собираясь уйти. Сгустилась тьма, и разговоры отзвучали. Все заманчивые и зловещие звуки вступают в эту тишину. Все дороги ложатся к ногам тьмы. Эй, выйди из пустоты ночи в многолюдные дни. Иди — и встретишь ребенка, светскую даму и поденщиков, спешащих на работу. Пройдешь с ними часть пути — до самого города, дымы которого в небесной вышине подобны плюмажу над печальным гробом. Они еще не договорили, еще обращаются к тебе,

но взгляни: вот пегая упряжка в узкой борозде. Деревенская упряжка и девять серых в яблоках коней под цирковым шатром. Девять коней, согласно кивающих головами в ответ на вопрос, девять коней, решающих арифметическую задачу перед увенчанной короной волос девушкой. Девять крылатых коней, которых не оседлает никто. Конец развлечениям на завалинке. Прочь, первые признаки старости, примешанные к вечному лету молодости! Великолепная сверкающая пропасть мира разверзлась. Я вижу посыльного, спешащего с кипой богато иллюстрированных журналов, и узнаю собственный портрет. Вижу сверкающие городские сады и в пивнушках — старцев, облысевших от горя. Вижу поля сражений и городской квартал, вытоптанный убийством. О бесчувственные страсти, о бесчувственный взлет!

Слышна насмешливая музыка.

Несметное богатство, так быстро утраченное! Мне предстоит вновь преодолеть все препятствия, с которыми люди давно справились. Буду выдалбливать первый челн и добывать огонь, ударяя кресалом о кремень. Растрачу все стихии, отданные под заклад, и ступенька за ступенькой,

год за годом буду подниматься по лестнице Иакова{107}. С обочины истории зазвучат непонятные напевы и слова старческой мудрости, склоняющей свою шишковатую голову в небесных высях. Зазвучит все, что возвращается, все, что умирает. Вещи сверхъестественно ничтожные и великолепие, в которое слишком легко поверить. Иду, не владея ничем, что мне хотелось бы повторить напоследок, кроме сожаления, которое я изливал. В этом доме я похоронил мертвых и горько плакал на их погребениях. С челом, опущенным на камень надгробия и на траурный стол, я ел хлеб, смешанный со слезами, и вкушал яства на пирах, устроенных в честь мертвецов. Я плакал грустно, без жалости, как плачут в мои годы. И ангел, летящий в небесной сердцевине, спустил к рукам моим спасительное древко хоругви, как будто знал меня. Возрадуемся и возвеселимся! Ночь кончается. Бьют часы. Деревня во чреве города, деревня без петуха, подожжена и сгорит дотла. Прощайте! Прежде чем вам понадобятся ваши шлепанцы, дядюшка, я буду в десяти милях отсюда. О снега России! О романские страны! О

{107} Комментарии: 2.107

Лестница Иакова — лестница от земли до небес, которая якобы привиделась во сне библейскому патриарху Иакову. По ней восходили и нисходили ангелы.

вагоны, которые, подобно спутникам Сатурна, вращаются вокруг Земли!

Бьют часы.

Один, второй, третий! Пора. Посох. Шляпу. Плащ и книгу моей юности!

М а г и с т р *(входя)*. Ого, сколько шуму посреди ночи. Что с тобой? Собрался ловить рыбу или ставить силки на зайцев?

Я н. Вы не угадали, сударь, но для разговоров нет времени. К вечеру я хочу добраться до границы.

М а г и с т р. Ты проявляешь непомерное постоянство в своей игре, Еник. Твое усердие чрезмерно, коль скоро оно затянулось до ночи. Гм, я совсем сонный.

Я н. Я не избежал бы упреков самому себе, если бы стал задерживать вас, магистр.

М а г и с т р. Что ж, договорились, оставим позднюю болтовню, пойдем спать.

Я н. Я собрался в дорогу.

М а г и с т р. Как? Ты настаиваешь на своем намерении?

Я н. Можете меня задержать, можете устроить переполох — поступайте как вам угодно: ударьте тростью об пол, разбейте кувшин. Меня уже ничто не страшит. Так или иначе уйду сегодня,

завтра — когда захочу.

М а г и с т р. Какого черта, Еник! Мне кажется, ты торопишься и не уйдешь дальше садовой калитки. Кто тебя ждет, кто тебя ждет на условленном месте? Буду держать язык за зубами.

Я н. Это не обычное свидание.

М а г и с т р. Я прекрасно знаю, Ян, что ты дурачок, знаю это уже много лет. Может, ты наелся диких ягод или мяса бешеного кролика, и потому не хочу упрекать тебя. Даже не хочу разжигать твою детскую любовь, ибо ты отпускал язвительные замечания, но ведь мы были друзьями! Ну-ка, дружище, что должно произойти сегодня ночью?

Я н. Я вам уже сказал.

М а г и с т р. Опять ты за свое? Хочу, чтобы ты говорил разумнее.

Я н. Иначе говорить не стану.

М а г и с т р. Смотрите-ка! Поговорим серьезно, Ян. Ты ведь не способен уйти.

Я н. Я покончил со своей нерешительностью. Добрые влияния исчерпали себя, магистр. Ваши содержательные рассуждения, невеста с печкой и пуховыми перинами, дядюшкин зловещий фрак, побуждавший вас к насмешкам, и тетушкина кладовка, питавшая меня без дурных последствий, — всего этого как не бывало.

М а г и с т р. Ха, вот нелегкое чудо! Но ты же вернешься домой от первой канавы, и придется тебе выслушать кое-какие попреки. Вернешься — и будешь встречен чертовски скромно. Над тобой будут смеяться.

Я н. Не вернусь. Лето не станет дольше от песен, а речь правды слишком кратка. Я слушал всех вас и верил словечкам и игре, ибо вы играли. Все неожиданное и необычное вы именовали безумием и, если не считать доброй пощечины, вели меня от покорности к молчанию, не веря ни во что, кроме поражения. То вялые, то взбешенные, вы дергали из стороны в сторону маленького мальчика, который не умел подражать вам. Я боюсь вашей роковой порчи, ваших роковых историй, не имеющих конца. Боюсь историй, забытых вами прежде, чем я родился. Вы сочинили устав из запретов на все, что вам напоминает деятельность, которую вы наполнили пустотой. Дождливые дни и безлунные ночи, ночи, когда все храпят с открытыми ртами, ткут ваше ничтожество. Прощайте, я расстаюсь с вами! Дама с попугаем. Дама, на руку которой садятся чужие пронзительные воспоминания о рае, заботьтесь о своих горьких лекарствах, заботьтесь о стакане воды на сердцевидном столике! И о картах! О

картах, непрестанно и лживо пророчествующих о том, чего не было. Прощай, болезненная госпожа! Прощай, слишком назойливая в своей заботливости! Прощай, ремесленница пыли, прощай, скорбная основательница слова, которое не выскажет тень, проходящая через твою ночь!

М а г и с т р. Ладно, это звучит как прощальное послание, изуродованное восклицательными знаками. Что ты скажешь дядюшке?

Я н. Ничего, он до сих пор весь в заботах, не знает, чем поразить окружающих — фраком, новым пальто или стеклышком, которым пользуются близорукие на один глаз. Он до сих пор не может отдышаться. До сих пор готов с руганью подобрать собственный плевок. Он был для меня пугалом, творцом ужасов, по приказу которых я плакал.

М а г и с т р. Это были хорошие взбучки.

Я н. Все одно, магистр. Осмеяние и позор — что в них! Я ухожу.

М а г и с т р. Думаешь, я отпущу тебя?

Я н. Уверен.

М а г и с т р. Что ж, увидим! Твой посох! Называешь его костылем или шпагой?

Я н. Как вам будет угодно.

М а г и с т р *(переламывает посох)*. Безделушка.

Я н. Мне он не нужен, не нужна мне и книга.

М а г и с т р. Ах, мои эклоги!

Я н. Да, ваши эклоги, поэт.

М а г и с т р. Что ж, этот непроглядный бред не развеется? Неужто ты и в самом деле не болтаешь попусту? Это не дурацкая игра, в которую я влип, как последний осел?

Я н. Нет, вам не удастся запугать меня.

М а г и с т р. Плевать мне на все мои обязанности, упрямец.

Я н. Прощайте!

М а г и с т р. Гордец! Постой же! Я свяжу тебя как безумца.

Ян борется с магистром, повергает его наземь и уходит.

М а г и с т р. Возмутительно! Тебя повалили как валуха, повалили, а ты должен опять подыматься, чтобы следовать за своим обидчиком! O tempora, o mores![147] Фу-ты, вот оно, право посредственности! Наименьший из малых, смиреннейший из смиренных превращается в свою противоположность — и смотрите-ка, куда только девались его мелкие пристойности! Его лоб сразу становится

---

[147] Примечания: 1.147
О времена, о нравы! *(Лат.)*

широким и бычьим. Лицо обрастает бородой. И айда — в мир! Ха, как быстро гаснет эта щепоть пурпура, а ты живешь пятьдесят лет. Мне она по вкусу, но мой Ян будет таить память о ней от дочерей и сыночка, когда им захочется подобных же развлечений. Ах, он дословно повторит потрепанную историю блудного сына, ибо, кроме этого рассказа, ничего не знает о заблуждениях. Готов побиться об заклад, что мой гуляка без гроша. У него пустой карман, и уже вечером он будет протягивать руку, взывая о господнем подаянии. *(Пересчитывает свои деньги.)* Ах, ах, ах! Потрушу рядом с Еником, впав в детство слишком позднее и слишком раннее. Будем спорить, где заночевать, и я уверен, что Ян, руководствуясь примером бульварной литературы, выберет дубовую рощицу. Будем спать как бродяги и жить впроголодь. На нас станут показывать пальцем, и всякий раз при входе в деревню мы будем вспугивать крикливое стадо гусей. Право, вот прекрасная перспектива — воскрешать пришедшее в упадок странничество почти босиком и в скудной одежде. *(Поднимает эклоги.)* Моя книга, несомненно, никуда не годна, не вызывает сильного волнения и лишена мятежного духа. Посох Яна не окован моим стихом. И все же каким-то

кружным путем стих мой ведет к той же цели. О дьявол, это овчарня безумцев! Да что там! В конце концов, еще ничего не потеряно. Когда надо, я умею быть красноречивым и, если не ошибаюсь, приведу Яна назад. Ну же, левой, левой!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

П е р в ы й в о р. Черт возьми, что это тут такое мокрое?

В т о р о й в о р. Роса!

П е р в ы й в о р. Бесово семя!

Т р е т и й в о р. Псарня тебе тут, что ли? Что ты сыплешь проклятиями, как священник в людской? Ложись и спи!

П е р в ы й в о р. Не могу-у-у-у.

Т р е т и й в о р. Голос, ей-ей, шакалий. Ну, парень, тебя нам только и не хватало!

П е р в ы й в о р. У, тут жаба.

В т о р о й в о р. Осел, не можешь отличить жабу от квакши. Откуда тут взяться поганой жабе?

Т р е т и й в о р. Признаюсь, я бы лучше дрых, чем слушать вас, духи скал. Духи с Еврейских Печей{108}.

{108} Комментарии: 2.108

Духи с Еврейских Печей. — Еврейские Печи (Очаги) — в 20-е гг. XX в. — пустырь в рабочем предместье Праги — Жижкове.

Второй вор. А кто начал? Я, господа, молчу, как в темнице.

Третий вор. Ни слова больше! Давайте спать! Фу, черти проклятые, не могу заснуть.

Второй вор. Ты прав, приятель, кто будет валяться за печкой, когда уже утро? Утро, утречко, встанем, умоемся и почнем бочонок. Распечатаем день. Ну, что нового? Что вы нам несете, миленькие полицейские?

Первый вор. Оставь! Не каркай. Не наводи тень на плетень.

Второй вор. На плетне или на заборе, на городских укреплениях или на стене у окна, где висело полотенце, которое ты украл? Бедняжка, дурные воспоминания терзают тебя с такой же остротой, с какой мне хочется позавтракать!

Третий вор. Завтракать! Этим искусством я не владею. Разучился за долгие годы. Да и вы отучитесь от чрезмерного казакования.

Первый вор. Сдается мне, горемыка, что твоя бутылка еще не совсем пуста. Сдается, ты завтракаешь тайком, в печальном одиночестве. Сдается, ты не веришь в благотворительность.

Третий вор. Ничего не осталось.

Второй вор. Семь раз отмерь — один отрежь! Посмотрим.

Т р е т и й в о р. Пошел прочь! Что ты делаешь, парень!

П е р в ы й в о р. Готово.

Т р е т и й в о р. Какого беса, караул, грабят! Мои капли для успокоения испарились, мой резерв на черный день приказал долго жить!

В т о р о й в о р. Фу-ты, у твоей водки вкус, словно это смесь уксуса с солью. Болтает о добром вине для судного дня, а оставил себе каплю яду.

Т р е т и й в о р. Ха! Поговорим об этом с глазу на глаз.

Борются.

В т о р о й в о р. Хотел бы я видеть, как у вас полетят из карманов часы и, конечно же, — стеклом вниз. Вот смеху будет!

Т р е т и й в о р. Эх, ты, ловец либушских уток да гусей! Ты, куроцап, исповедующий робкую поспешность. Вы бы только посмотрели, люди, как он с живым селезнем за пазухой задирал нос перед полицейским патрулем и как крутил пальцами, сложенными на животе! С селезнем за пазухой, с селезнем, который щипал волосы на его груди, оттопыривал куртку и, наконец, опершись перепончатой лапой о его сердце, закрякал. А потом вы оба улепетывали в курятник,

спереди — селезень, сзади — Йоган!

В т о р о й в о р. Пропади все пропадом.

Т р е т и й в о р. Хватит, ребята! Тихо! Я вам кое-что скажу.

П е р в ы й в о р. Выкладывай. Что там у тебя?

В т о р о й в о р. Ничего, ровным счетом ничего толкового.

Т р е т и й в о р. Мудрость приходит с годами, а я жить не спешу.

В т о р о й в о р. Ну, говори.

Т р е т и й в о р. Неделю или две назад иду это я мимо дома с часами. Знаете, где он. Ну, скажу я вам, сад отменный, калитка настежь, и нигде не души. Господи, вот, думаю, привалило счастье! Прикидываюсь дурачком, так, на всякий случай, раскрываю торбу пошире — и на тебе: передо мной старый господин. Прислушиваюсь — храпит, дорогуша, как Христос в яслях. На колене книга, палец между страницами, а на столе — белая посуда и белое вино. Проклятие, выпил-то он всего одну рюмку, а бутылка — с бабью ляжку. Постоял я возле него минутку и цап все, что глаза видят. Вино, кусок солонины… Только это я, голубчики вы мои, взялся за серебро — бах-тарарах! Мой священник — потому как смахивал-то он на аббата — дал мне такие три затрещины, что

в глазах потемнело. Три затрещины книгой — и при этом не шевельнул засунутым в нее пальцем, не потерял своей страницы.

В т о р о й в о р. Надо же!

Т р е т и й в о р. Этот человек гнал меня до забора, и лупил, и смеялся, и гоготал, как дикий вепрь. Вот что я вам скажу, господа, не стоит ли нам эту посуду и этот дом обработать по второму разу, да получше.

В т о р о й в о р. Почему бы и нет, коли рука господа отверста.

Т р е т и й в о р. В крайнем случае — замок там висячий, дужку можно перекусить кусачками, а щеколду вырвать.

П е р в ы й в о р. Что ж, договорились. Завтра в пять у дома с часами.

В т о р о й в о р. В саду.

Т р е т и й в о р. В малине.

П е р в ы й в о р. В самом дальнем углу.

Т р е т и й в о р. Я войду со стороны реки. Ты — справа, а ты — слева.

П е р в ы й в о р. Только тихо.

В т о р о й в о р. Как привидения.

Появляется м а г и с т р с Я н о м.

Т р е т и й в о р. Мы тут стоим слишком близ-

ко.

В т о р о й в о р. Э, чего там, горожане возвращаются после выпивки.

Т р е т и й в о р. Сдается мне, это и есть мой читатель, тот самый, что расплачивается книгой. Ясно — он. Пора смываться, ребята.

В т о р о й в о р. Напротив, я хотел бы познакомиться с ним поближе.

В о р ы скрываются.

Я н. Пустошь, пыль и пепел. Городская свалка, обгоревшие кости. Молчаливые архивы смерти или голода.

М а г и с т р. Ты у цели, Ян. Где-нибудь здесь наверняка лужа крови или по крайней мере кровавое пятнышко. Ты нашел что искал. Дело сделано. А теперь поспешим домой. Идти нам далеко, ибо эта навозная куча находится не меньше чем в часе быстрой ходьбы от дядюшкиного сада.

Я н. Хорошее начало. Мы под Хохолком ветряка, магистр, мы там, куда я спешил прежде всего. Отсюда мы уже пойдем не одни.

М а г и с т р. Хочешь позвать тетю или дядю?

Я н. Минутку подождем.

М а г и с т р. В этой чертовщине замешана

Анна!

Я н. Она будет здесь с третьим ударом.

М а г и с т р. Дальше в лес — больше дров. Того и гляди, я впутаюсь в историю с похищением жениха.

Я н. До трех осталось недолго. Мы на перекрестке всех дорог. Тут миля громоздится на милю, и каждая соринка, которую мы переступаем, означает потерю времени.

М а г и с т р. Не хочу перечить тебе в вопросах, которые ты считаешь принципиальными. Лишь бы нам вернуться — хоть с Анной, хоть задом наперед…

Я н. Мы еще только на берегу города. Кто это, магистр? Он приближается.

Появляется в т о р о й в о р.

М а г и с т р. Откуда мне знать? Нищий, грубиян, тот, кому не спится. Впрочем, он идет к нам напрямик, как добрый сосед.

В т о р о й в о р. Извините, вы не скажете, сколько времени?

Я н. Поздно.

М а г и с т р. Скоро утро. Вот-вот пробьет третий час.

В т о р о й в о р. Так! Надеюсь, мы поладим.

Я н. Сударь!

В т о р о й в о р. Некоторые юнцы имеют забавную привычку бродить по лесам с молодыми девицами. При этом они бывают исключительно вежливы. Увы, любой из них прекрасно знает, что запрещено, и мне это известно не меньше, чем остальным. Главное, чтобы вы хорошо себя чувствовали. Но что это? О дьявол! Я потерял кольцо. Потерял обручальное кольцо и деньги! Вот когда я вижу, как вредно идти на уступки, сколь мало ценится доброта! Это месть за то, что я помешал вашей мерзкой забаве.

М а г и с т р. Полюбуйтесь возмущением честного человека!

В т о р о й в о р. Вы думаете, я могу примириться с потерей своих денег?

М а г и с т р *(смеется)*. Каких денег?

В т о р о й в о р. Тех, которые у вас в кармане.

М а г и с т р. Что вы сказали, вымогатель?

В т о р о й в о р. То, что вы слышали.

Я н. Прочь с дороги! Сматывай удочки!

В т о р о й в о р *(борется с ним)*. Ах ты, гусенок! Ах ты, хиляк! Вот сволочь! Бандит! *(Падает наземь.)*

Я н. Еще слово!

В т о р о й в о р. Ни в коем разе, сударь, мне вам

больше нечего сказать. Вы разгневаны! Хо-хо-хо, очевидно, вы действуете по заранее продуманному плану. Ну, да ладно, балбес с карманом на пуговицах, точно это ширинка, ладно, вышибала из борделя, я еще тебя найду. До скорой встречи! *(Уходит.)*

М а г и с т р. Отлично, Еник, бедняга обращен в бегство, а ты вышел из битвы без потерь.

Я н. Я так легко поверг его.

М а г и с т р. Все это баловство, не более чем детские игры. Боюсь, из-за этой истории с грабителем ты начнешь переоценивать себя, впадешь в наивные мечтания. Боюсь, скоро ты набросишься на стражника и уложишь его ударом кулака. Ах, я устал и измучен больше прежнего. Я охотно бы выспался. Идем, покинем этот сад подражателей и дома, в прекрасной тишине, выкуем более оригинальный стих, которым мы настолько посрамим снобов и дохляков, что от них и собака корки хлеба взять не захочет. Выбьем пыль из шкур всех воров, криворожих и подлецов. Будем в свое удовольствие восхвалять рыцарственные натуры и деяния молодого века.

Я н. Возвращайтесь, магистр, если брезгуете тем, что я делаю. Возвращайтесь, если вас чрезмерно взволновало общение с этими несдер-

жанными господами.

М а г и с т р. Кажется, ты грешишь бесстыдным хвастовством! Трудно ли свалить с ног человека, возвращающегося с попойки!

Я н. Это был злодей.

М а г и с т р. Ну, ну, ну!

Я н. Я победил убийцу. Невеста, супруга, дети в постельках, робкие любители сна — не бойтесь, я стою под окнами. Под вашими окнами, перед шатром, в леденящем одиночестве. Я хочу быть повсюду, на всех постах и караулах. Хочу шагать от земли к высям, в ширь и даль, дремучими лесами и закоулками, где бьют ключом человеческие страсти.

М а г и с т р. Ты хочешь слишком многого, а не умеешь ничего. С раннего утра размахиваешь поднятыми над головой руками и орешь на все предместье. Эх, рабочие выходят из домов молча, их руки свисают вдоль тела, кулаки чуть разжаты. Без воодушевления, без гнева, с творческими замыслами. На работу не отправляются, как в странствие, Еник, — на работу просто идут.

Я н. Да.

М а г и с т р. Ты этого не поймешь, не познаешь. Минуешь раненого и не заметишь еще не просохшей слезы на дергающемся лице нищенки.

Вернись, ты все еще маленький мальчик.

Я н. Я походил на безумца среди взрослых, на старца среди молодежи, на пугало среди птиц, на девушку среди девок. Я поочередно становился похожим то на одно, то на другое. Я испытывал страх и облегченно вздыхал лишь с наступлением сумерек, когда вокруг сгущалась тьма и я был там, куда никто не заглядывает. Я клал голову на холодное стекло окон, ожидая смены часов, которые точны, как мои патрули, как вооруженные дозоры, следующие за мной. Хватит уговоров, хватит! Я точу нож.

Нужно, чтобы нож сверкал и звенел.

Я точу нож, который звенит, как шпага, как молот котельщика, как нож Робинзона. Открою Лондон и все прочие города по пути на запад. Буду размахивать клинком на страх крохоборам! Мой нож! Мой нож! Мой нож!

М а г и с т р. С этой минуты я становлюсь всеслышащим.

Я н. Вы глухи.

М а г и с т р. Утихомирься, глупец, разве ты не видишь: дама! Или, точнее, — господин с дамой!

Появляются д я д я и М а р и я.

Я н. Мужчина, одетый как бандит, — островерхая шляпа, крылатка тайного убийцы. А лицо! Лицо графа и отвратительные когти ворона. Это злодей, похищающий девушку! Мерзавец!

М а г и с т р. С таким же успехом я мог бы сказать, что это темнокожий. До сих пор как следует не рассвело, и не исключено, что ты постыдно ошибаешься.

Я н. Разве вы не видите — барышня плачет, а он сжимает ее руку? Не слышите ее полуобморочный плач? Она рыдает. Слышите крик, разверзающий ночь! Она зовет меня. Зовет меня по имени.

Д я д я. Гром гремит. Слышите, барышня?

М а р и я. Ах, не вымокнуть бы нам.

Д я д я. Я ощущаю какую-то слабость. От этой ночи у меня кружится голова. Порой мне случалось услышать то или иное слово из монологов Яна. Оно звучало безрассудно и прекрасно. Ах, похоже, оно звучит и до сих пор. Ян говорит, обращается ко мне. Чувствую, как в моей голове завершается его убогое и незаконченное стихотворение.

М а р и я. Жаль, вы понапрасну препятствовали ему в этих разговорах ни о чем.

Д я д я. То была и моя игра, мой счет.

М а р и я. Я не знала, что вы так чувствительны

к непослушанию Яна. Разумеется, он ушел, даже не простившись.

Д я д я. Больше не хочу, чтобы соседи говорили о его непослушании. Мои советы были не из лучших. Их подсказывал чрезмерный страх. Я одобряю его уход. Пусть же он вернется со славой! Пусть его отвага насыщает мою вялость! Я стар, я болен, я ничего не совершил и умру. Иди, Ян, иди вместо меня!

М а р и я. Ой, начался дождь. Настоящий ливень!

Д я д я. Дуновение ночных небес. Трепет лунного сияния. Ветер, летящий с конца света. Последнее дыхание.

М а г и с т р. Господи, если я не ошибаюсь, это ваш дядя.

Я н. Какой ужас, я вижу руку, которая тянется к девичьему горлу.

Д я д я. Помогите! Боже мой! Умираю.

Я н. Стон! Причитания, крик о помощи. Мой нож. Мое войско! *(Ударяет старца в грудь.)*

М а р и я. На помощь! На помощь!

М а г и с т р. Безумец! Безумец!

Я н. Дядюшка! Мой дядя!

Д я д я. Прощай, Ян, мое дитя! Мой мужественный мальчик!

Я н. Он убит. Я по рукоять вонзил в его сердце свой нож.

М а г и с т р. Безумие ссужает под кровавый процент. Пожалуй, будь у тебя нож, ты бы и впрямь его ранил.

М а р и я. Позовите лекаря, сударь. Скорее!

М а г и с т р. Конец. Он мертв. Это случайность, которая свершается непроизвольно, но всегда основательно.

Я н. Какой кошмар!

М а р и я. Ах, перестаньте упрекать меня. Я не видела предостерегающих знаков, у меня не было никаких мрачных предчувствий. Мы шли занятые разговором о будничных предметах и под конец упомянули о вас. Ваш дядя лишь вскользь коснулся своей болезни. Сказал, что ему нехорошо, что у него кружится голова, что ему трудно дышать. Вот и все.

Я н. Кошмар, кошмар, кошмар!

М а г и с т р. Несчастье!

Я н. Ярость затмила мой разум своим крылом, я ничего не видел, ничего не слышал, кроме того, что мне нашептывали страшные грезы. Я не видел ничего, кроме темного туловища и почерневшего лика. Ничего, кроме опущенных девичьих рук. Все было так непохоже на дядю,

на вас. Я прибежал, ибо мне казалось, что кто-то звал на помощь. В руке у меня был кинжал. Где он, где мой кинжал?

М а г и с т р. У тебя ничего не было, путаник.

Я н. Горе мне, детские и страстные вежды сияли так близко и так далеко. В их защиту я раскроил тьму искрящимся взмахом. Ах, неизгладимая линия, неизгладимый шрам.

М а г и с т р. Не преувеличивай. Разве не видишь — на трупе нет раны, а у тебя нет ножа. Достаточно того, что случилось. Это естественная смерть от апоплексического удара.

М а р и я. Несчастный человек. Он так по-отечески к вам относился. Я уважала его больше, чем кого-либо из своей родни.

М а г и с т р. Трезвый дух. И все же он не раз принимал участие в божественном веселье. В подходящее время и в подходящем месте смеялся от всего сердца. Он был веселым малым, хотя вы этого и не знали. Честный муж, может быть, строгий, но не без высоких порывов и любви. Он умер легко и почти весело. Это тоже кое-что стоит.

М а р и я. Ах, сударь, я думаю, что он долго страдал от недуга и переносил жестокие боли. Без помощи, без жалоб.

М а г и с т р. Пожалуй. Кто знает. Уже третий

час пополуночи, Ян. Ты тешил свое воображение бурной отвагой и дорогами в неведомые земли. Теперь постоишь на страже еще более жуткой, чем те, что тебе грезились. Неси караул возле трупа, на пороге ада, на пороге бесконечного времени, отвергнутый родом человеческим и всем на свете. Идемте, барышня, я отведу вас домой. Позову врача и поставлю в известность власти.

Магистр и Мария уходят.

Я н. Лицо без движения, убывающий лик, подобие, отмирающее час за часом, — и так до самой вечности. Когда я был маленьким, жестокая и неизбывная тоска отгораживала меня от всех радостей. Я испытывал страх, куда бы ни шел. Вздыхая во время работы и стеная во сне, я ощущал веяние воскрылий и слышал хлопанье крыльев мятежного ангела. Я точил нож преступника во всех играх своего детства. Увы, колеблясь между слабостью и гордостью, я десять лет подготавливал это отцеубийство. Оно свершено. Мой дядя убит, а ничтожный злодей потихоньку плачет, уподобляясь агнцу божию. Мой дядюшка, мой дядюшка Ян. Милый товарищ! Мое сердце слабеет, и глаза тонут в желтоватой мгле. Мертвый, слушай звон открывающихся врат, грохот барабанов. Все

отзвучало. Раз и навсегда. Эй, скелет, расцветут ли будущей весной в далеком саду деревья, — все в белом великолепии от вершины до подножия? Будут ли под вечер, подходя к купальне, смеяться девушки?

В т о р о й в о р. Ребята, это он! Вас ругательски ругал, а мне нанес удар кулаком.

Т р е т и й в о р. Ага, молодой господин из дома с часами. Исполосуем за тебя его спину!

П е р в ы й в о р. Как пить дать исполосуем! Первый раз — здесь, а второй — в доме с часами.

В т о р о й в о р. Научишься у нас вежливости.

Т р е т и й в о р. Повалим его сзади.

Набрасываются на Яна.

Я н. Что вам нужно, господи, что вам от меня нужно?

В т о р о й в о р. Око за око!

Я н. Воронье! Неужели даже труп вас не остановит?

Т р е т и й в о р. Разве здесь кто-нибудь умер?

В т о р о й в о р. Вот беда, вот напасть.

Я н. Я убил его.

Т р е т и й в о р. Святые угодники, что ты теперь, парень, делать будешь, куда денешься, что предпримешь?

Я н. Не знаю.

В т о р о й в о р. Как это случилось, почему ты это сделал?

Я н. Из гордости! Из сумасбродства!

Т р е т и й в о р. Боже правый, это ужасный грех. Ты так молод. Ах, что тебе остается. Улепетывай как можно дальше. Туда, где нет ни людей, ни правосудия.

В т о р о й в о р. Еще дальше, еще дальше! Беги на край света. Спрячься в тюрьме. В каземате, на дне камеры.

П е р в ы й в о р. Все попытки бежать напрасны. Ни в пустыне, ни в темнице ты не обретешь покоя. Не скроешься. Не избавишься от голоса, заставляющего содрогаться убийцу.

Я н. Надо идти до конца печали, до конца, испытаний, до пристани в царстве теней.

В т о р о й в о р. Да, парень, на пристанях дали мешаются с толпами чужеземцев. Среди множества людей тебя никто не найдет. Будешь там трудиться с рассвета до заката. Будешь трудиться, как вьючное животное, и сон вернется к тебе.

Т р е т и й в о р. Есть у тебя деньги на дорогу?

Я н. Спасибо. Вы слишком добры.

В т о р о й в о р. Надо помогать друг другу.

Т р е т и й в о р. Ночью, которую мне напо-

минает это несчастье, я стоял с топором перед приоткрытой дверью. Слава всевышнему! Вдруг послышался детский плач, спящие проснулись и зажгли свет. Слава, слава всевышнему, я не взял на душу греха! С тех пор я избегаю искушений, с тех пор, обретший искупление, я свободен от кровавой вины. Могу смеяться, стою с вами на этом вечно цветущем лугу. В таком прекрасном крае, с прямодушными парнями, в дружеском согласии.

Второй вор. Какой в этом толк? Болтовня ему не поможет.

Первый вор. Менее всего ему поможет судейская петля.

Третий вор. О, жуткое правосудие!

Второй вор. Ну, мальчик, вставай! Выше голову! Отправляйся на станцию железной дороги. Беги, пока есть время, пока тебя не схватили, пока тебя не связали.

Первый, второй, третий воры *(вместе)*. Беги! Вот немного денег! Ладно, не трать попусту слов и беги во всю мочь.

Третий вор. И нам, товарищи, тоже пора. Не то в конце концов нас схватят. И то сказать, не хотелось бы мне предстать перед судом по обвинению в убийстве! Кто мне поверит, если я бродяжничаю тридцать лет.

В т о р о й в о р. Ах, преступления так правдоподобны. Все еще ночь, а мы в лохмотьях. Итак, в дорогу.

Воры уходят.

Я н. Все течет! Все возвращается, и этот череп — затычка мира, затычка ужаса. Вихри и сырые ветры наполнят череп убитого завываниями. Они будут звучать в нем и под землей, я услышу их, где бы я ни был. Руки, которые вот-вот превратятся в когтища, одержимые страшной пляской святого Витта, в миг успокоения будут трясти мою дверь. Я безумствовал, доверяя дерзкому отсвету ада, который принято называть зарницей, пределом отваги, вспышкой поэтической мудрости. Ворчливый чудак в темной комнате громоздил бессмыслицу за бессмыслицей, а я выкрикивал слова безрассудства, веря каждой букве. Я грезил — и до крови поранился о мечты. Будь они прокляты! Да падет эта кровь на головы поэтов!

Входит с у д е б н а я к о м и с с и я.

М а г и с т р. Вот мы и на месте. Доброе утро, друг.

Я н. Вы ищите убийцу? Арестуйте меня!

С у д ь я. Отойдите, пожалуйста.

Я н. Нет нужды в долгом разбирательстве.

Л е к а р ь. Не вмешивайтесь в ход следствия. Лучше погуляйте. Успокойтесь!

Я н. Сударь, я убил своего дядю.

С у д ь я. Ну, ну, ну. Чуть побольше спокойствия, мальчик. Прошу вас, господин магистр, уведите его!

М а г и с т р. Идем, Еник.

Я н. Это произошло неожиданно. Собственно, по чистой случайности.

М а г и с т р. Он несет околесицу. Он слишком удручен. Без конца повторяет, что убил дядю.

Л е к а р ь. Ничего, ему скоро станет лучше.

Я н. Я точил нож на этом камне, и, увидев человека, который, как мне показалось, силой тащит куда-то девушку, не удержался и ударил его. Увы, слишком метко.

Л е к а р ь. Он не пьян?

С у д ь я. Ха, дурак.

Л е к а р ь. Это положение тела характерно для апоплексического удара. Носовой платок. Мокрота. Пишите, судья. На земле нет следов борьбы. Труп лежит естественно, лицо спокойно. Одежда в целости и сохранности. Черт возьми, кто он? Одет, словно на бал. Перчатка без ссадин. Можно сказать — «перчатка без ссадин»?

М а г и с т р. Ужасное ремесло.

Л е к а р ь. Поторопитесь, пожалуйста, разденьте труп, переверните его! На коже никаких повреждений.

Я н. Удар ножом в сердце.

С у д ь я. Умерьте свою скорбь.

Л е к а р ь. Моя работа слишком ответственна. Я хотел бы заниматься ею в спокойной обстановке. Вы готовы? Тогда продолжим. Между сжатыми зубами немного пены. Взгляните, какие прекрасные зубы.

М а г и с т р. Еще раз повторяю — у тебя не было ни ножа, ни топора, ни даже булавки. У тебя не было ничего, чем бы ты мог его ранить. Очнись наконец от своей глупости.

Я н. Ах, не верю. Я держал нож. Острие царапалось, сталь звенела и сверкала.

Л е к а р ь. Нет никаких следов, свидетельствующих о попытке удушения. Случай ясный. Apoplexia cerebri[148]. Это все. Протокол готов, господин судья. Я подпишу его завтра в одиннадцать. Черт возьми, хорошая смерть — смерть без лекаря.

Я н. Я во всем признался и хочу повторить свои

---

[148] Примечания: 1.148
Апоплексия мозга *(лат.)*.

показания.

Л е к а р ь. Замечательная — просто чертовски — смерть. Перестаньте, пожалуйста.

М а г и с т р. Бедное, глухое, немое и бесчувственное сердце.

Л е к а р ь. Знаете, чего я себе желаю? Хоть бы и мой сифилис кончился так же! Что поделаешь. Как правило, мы не выбираем себе болезнь.

М а г и с т р. Эдемы печали.

Л е к а р ь. Недуг как недуг. Не подцепи я его, это еще не сделало бы меня намного счастливее.

Я н. У меня все руки в крови, а мой нож еще валяется неподалеку. Вы ничего не хотите видеть, вы слепы.

С у д ь я. Осторожнее, осторожнее, молодой человек! С властями шутки плохи. Мне следовало бы счесть ваши слова неудачной попыткой острить, что могло бы дорого вам обойтись.

Я н. Значит, я не виновен в этой смерти?

Л е к а р ь. Мой милый, идите прилягте, идите спать. Можете прикрыть труп, можете унести его. Это все, до свидания. Иду пускать на ветер деньги.

С у д ь я. Следствие закончено. До свидания, магистр!

С у д е б н а я к о м и с с и я уходит.

М а г и с т р. Поминай как звали. Что я тебе сказал о дружеской встрече в небесных высях или под треск костров? Что я сказал, что я без конца повторял? Какое отвратительное утешение я придумал? Острие, воткнувшееся в землю, не переступить никому. Из мертвого тела вырастет куст ужаса, и тот, кто пройдет мимо, не узнает привидения. Похоронный ритуал без ворона, но отнюдь не без лекаря и судьи.

Появляется А н н а.

А н н а. Ого, я опоздала. Ты, должно быть, уже давно ждешь меня, Еник. Смотрите-ка, и вы, магистр, тут. Тем лучше. Тем лучше. Будем странствовать втроем, как в былые времена.

Я н. Я возвращаюсь домой.

А н н а. Что вы там забыли?

М а г и с т р. Не шутите.

А н н а. Ой, труп. Ваш дядя!

М а г и с т р. Он умер.

А н н а. Здесь?

Я н. Я излечился от мятежности духа и возвращаюсь на свое место.

А н н а. Что случилось? Что произошло?

М а г и с т р. Люди умирают. Истории подходят к концу.

А н н а. Отвечайте, Ян!

Я н. Магистр и судебная комиссия говорят, что все совершилось иначе, чем это выглядело с моей точки зрения. Я стоял, играя воображаемым ножом. Мне чудился звон стали, но все утверждают, что его не было. Дядя с Марией поднялись на этот пригорок, а я не узнал их. Они стояли под луной, похожие на тень злобного исчадия ада и отчаявшейся девушки.

А н н а. Они следовали за вами.

Я н. Да.

А н н а. Они хотели, чтобы вы вернулись.

Я н. Да.

Магистр выражает несогласие.

А н н а. Уж эти мне старожилы!

М а г и с т р. Ты болен, Ян.

Я н. Увы, я никогда не был так здоров.

М а г и с т р. Он бредит.

Я н. Мой бред кончился. Ах, никак не могу вспомнить, что это был за кинжал? Что за оружие? Господи, да это же был ваш нож, магистр!

Это был героический меч Аякса{109}! Это был нож, который вы мне описали столь подробно! Нож, которым вы разрезаете листы своих книг!

А н н а. Он по-прежнему у тебя, Ян. Я вижу его!

Я н. Этим ножом я размахивал в судороге бешенства и беспамятства. Этот нож я вонзил в сердце дяди. Я сделал это по подсказке безумца. Я сделал это ради спасения девушки или просто из буйства. Ради вящей славы. Безо всякой причины. Во имя кривой, по которой поднимается и опускается вооруженная рука. Я сделал это из безрассудства, а мне сказали, что все неправда, что я и пальцем не шевельнул, что в моей руке не было оружия. Ах!

А н н а. Это правда! Ты сделал это!

Я н. Нет! Нет!

А н н а. Чего же ты хочешь? Во что веришь? В слабость или отвагу?

Я н. Мир. Покой. Спать. Плакать.

А н н а. Не пугайся так, Еник. Я знаю — ты не убивал. На трупе нет ни ран, ни крови. Это было лишь предвосхищением того, что ты свершишь.

{109} Комментарии: 2.109

Меч Аякса… — Аяксы (Эанты) — герои греческой мифологии. Большой Аякс сразился с троянским героем Гектором. Боги прервали поединок. Герои обменялись подарками: Аякс преподнес Гектору пояс, а взамен получил меч.

И. Инов.

Это была лишь зарница, которую в нашем крае называют предвестницей лучших времен.

Я н. Не понимаю.

М а г и с т р. Не здоровье и не сумасшествие! Не поражение и не героическая победа!

Я н. И все же. И все же я не уверен, что не совершил этого.

А н н а. Вечно сомневающийся.

Я н. Я хочу вернуться, хочу быть подобен тем, кто не уходил.

А н н а. А путь?

Я н. Пройден.

М а г и с т р. Можете, барышня, поставить на Яне крест. Ищите другого попутчика. Ян сделает лучше, если останется. Видите, он болен и слаб.

А н н а. Где те слова, магистр, что его вдохновляли? Где ваша поэзия?

М а г и с т р. Ее предали. Роза ветров кольцами обвила землю, и все пути возвращаются к ее центру. Восход встретился с закатом в блуждающей точке, которая, подобно кораллу, нанизанному на нить меридиана, проскальзывает меж пальцев. Ах, ты не увидел различия в двух дорогах. В дороге налево и дороге направо. В том, что есть и чего нет. Установилось безветрие, и ты не выплывешь. Останься и, одетый по-домашнему, над страш-

ным перепутьем бумажного листа наблюдай за жестокой схваткой бесконечно малых чисел.

Я н. Повержен?

А н н а. Еще нет!

Я н. Еще нет, еще что-то остается!

М а г и с т р. Не надейся, вернись. Не довольствуйся половинчатостью. Желая всего, ты не хочешь ничего. Не выбрав дороги, никуда не дойдешь.

А н н а. Прочь отсюда! Вперед! Днем и ночью!

Я н. Я не могу покинуть мертвого. Он говорил мне что-то на прощание. Увы, я опять не в силах вспомнить, что именно. Это звучало как напутствие.

М а г и с т р. Он приказывал тебе сделать выбор. Он все чаще повторял одно и то же, но ты не понимал его.

Я н. Он никогда ранее не побуждал меня к деяниям, не звал в дорогу — лишь в последнюю минуту, в миг смертельного хрипа.

М а г и с т р. Деяние есть труд. Не больше и не меньше.

А н н а. И слава.

М а г и с т р. Мы плывем к одному берегу. Взгляните на кормчего, который пристает.

А н н а. Это смерть. Я страшусь ее.

М а г и с т р. Быть может, вы сгорите, быть может, упадете. А может, вам позволят разменять эту золотую монету на полушки болезней и вы будете умирать постепенно, день за днем, орган за органом. Но так или иначе вы умрете.

Я н. Все уже не имеет значения.

М а г и с т р. Имеет значение все. Для тебя и для меня нет ни больших, ни малых дел, ни славы, ни отчаяния.

Я н. Останусь!

А н н а. Пойду.

М а г и с т р. Дойдете — совсем одна?

Я н. Мне грустно. Ах, не слышу никаких звуков. В серой повседневности — ни проблеска! А мой нож сверкал.

А н н а. Блеск, который не гаснет. Вот то, что не умирает.

М а г и с т р. Он вспыхнул в час смерти. Это заслуга мертвого, который в тебя поверил. Он вспыхнул в час его смерти и погас раз и навсегда.

Я н. А что, если вы ошибаетесь, если это не так?

М а г и с т р. Минутку терпения, минутку чистоты, о скорбная ночь! Ледяной рассвет! Гроза без признаков грозы!

Я н. Не знаю. Я ощущал в пальцах сталь.

М а г и с т р. Не кричи! Не выкрикивай хвалебные гимны тому, чего не было. Не говори о ноже. Не говори об ослабевшей деснице. Ты достаточно жесток, чтобы убивать, если б было из-за чего, если б ты отстаивал какую-нибудь правду. Если бы ты был разбойником, если бы ты был мужчиной. Но ты ничто. Этот старичок умер, наполнив дни свои старостью и болезнями. Он жил и скончался, как скончаемся ты и я. Умер от ничтожной и скрытой причины, набиравшей силу изо дня в день. Возьми его бумаги, его кошель, его пальто и шляпу. Родственники ждут тебя дома. Что будет дальше? Как ты поведешь себя? Прими свою долю и не кричи над могилой, пусть тихо пройдут три дня, которые должны последовать.

А н н а. Вы плачете?

М а г и с т р. Лицом к лицу с сонмом ангелов, седлающих быстрых скакунов будущего лета. Лицом с лицу с перепутьями, исполненными ожидания. Лицом к лицу с тенями, чьи дырявые уста все молчат и молчат.

СЦЕНА ПЯТАЯ

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Давайте же ударим по рукам, чтобы не было споров.

Второй родственник. Какое миролюбие, милый дядюшка!

Первый родственник. Я зря не болтаю.

Третий родственник. Совершенно правильно. Так бы и дальше.

Второй родственник. Ну и что? Ты, кажется, натура всесторонне одаренная. Вспоминаю, ты часто с нами вздорил и приводил необычные доводы — то путаные, то лживые.

Третий родственник. И вправду, тебе выпало счастье защищать одни только прибыльные дела, — как на грех, среди них встречались и сомнительные.

Первый родственник. Ха, вы человек без фантазии. Разве это такая уж невидаль — возвращаться ни с чем, уходить с носом?

Третий родственник. Как же! А фамильное имущество?

Первый родственник. Покойный проглотил его без остатка. Я просмотрел все бумаги — похоже, он не оставил ни гроша.

Третий родственник. Промотать отцовское состояние!

Второй родственник. Я имел все основания не доверять ему.

Первый родственник. Вы еще молоды,

дядюшка, вам не пристало хныкать. Вы не рассчитывали на эти деньги, и они минуют вас, не вызвав бедствия.

Т е т я. Боже мой, то, о чем вы говорите, далеко не самое важное. Предстоит расплатиться с долгами.

Я н. Ну конечно. Как выясняется, дядя не сумел выполнить всех своих обязательств.

Т е т я. Кроме того, немалых денег потребует ремонт дома, ибо он уже наполовину развалился. А нужно еще и есть. Изрядную сумму мы должны также магистру.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Это слишком жестокий счет.

Я н. Огромные деньги!

Т е т я. Жалованье за два года!

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Думаю, он не будет слишком настойчиво требовать уплаты.

Т е т я. Было бы бесстыдством полагаться на его деликатность. Магистр беден. Мы с Яном настаиваем, чтобы ему выплатили все до последнего гроша. Мы и после этого останемся перед ним в долгу.

В т о р о й р о д с т в е н н и к. Вы так рьяно защищаете его интересы!

Я н. Не хочу быть неблагодарным. Тем не менее

нужда наша столь велика, а магистр не торопит.

Т е т я. Ты стал говорить совсем не так, как прежде.

Т р е т и й р о д с т в е н н и к. Более трезво.

В т о р о й р о д с т в е н н и к. Лучше.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Ян возмужал. Похоже, он не так уж неисправим. Кто знает, не станет ли он добрым хозяином.

Т е т я. Так быстро, так безоговорочно!

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Извините, не понял.

Т е т я. Ян все забыл.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Ну да, он заметно поумнел.

Входит м а г и с т р.

В т о р о й р о д с т в е н н и к. Ба, магистр, мы как раз говорим о долгах и о вашем жалованье.

М а г и с т р. Ах, я спешу, господа, мне еще надо составить надгробную речь.

Т е т я. А для чего этот топор?

М а г и с т р. Не топор — молоток. Гроб заколочен. Крышка накрепко прибита. Катафалк готов.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Тем лучше. Я хотел сказать, что у вас, вероятно, есть кое-какие имущественные претензии к покойному. Но его

семья в стесненных обстоятельствах.

М а г и с т р. В более чем стесненных, сударь. Его семья на похоронах.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Разумеется, но нам нужно договориться.

Я н. Мертвый мертв.

М а г и с т р. Ты взываешь, Ян, как тонущий к удаляющейся лодке.

Я н. Ах, я только хотел сказать, что и дядя просил бы вас об отсрочке.

М а г и с т р. Ты говоришь о деньгах?

Я н. Да.

М а г и с т р. Какая заботливость! Ну же, выше голову! Не скорби столь чрезмерно.

Я н. Это лишь серьезность, к которой я до сих пор не привык. Ах, магистр, последние три дня были суровой школой, но я вылечился от всякой блажи и ныне здоров. Дальняя дорога забыта, нож отброшен. Раз и навсегда.

М а г и с т р. Небеса мечтаний слишком высоки — журавль в небе, а с малыми делами никто за тебя не справится. За нас с тобой, Еник.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Хорошо сказано.

М а г и с т р *(недовольно)*. Я растратил свою мудрость.

Я н. Примите искренние изъявления благодар-

ности, магистр.

М а г и с т р. Жаль, что нет более убедительных наглядных пособий, чем взбучка, поражение или смерть. Когда пройдет первый порыв печали, ты займешь пустующее место во главе стола. Скоро тебя будет не узнать.

Я н. Я вступил на обыденный путь, и, кажется, все вы сделали то же.

М а г и с т р. Кроме того, кто мертв.

Т е т я. Ах, вы плохой утешитель.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Не пристало шутить над разверстой могилой.

Т е т я. Все, что у меня есть, все, что я теряю…

М а г и с т р. Сударыня! Исстрадавшаяся и озабоченная! Что вас ждет завтра? Обыкновенный день. Ток времени не остановится из-за печалей и траура, из-за денег Яна. Постепенно все станет легче, все станет проще, и мертвый, преданный забвению, не перевернется в гробу.

Т е т я. Горе мне!

М а г и с т р. Любые нелепости прощаются, за исключением постоянства. Остерегитесь излишне длить свою печаль. Остерегитесь плакать дольше, чем положено.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Вы говорите так, словно прощаетесь.

М а г и с т р. Я это и делаю.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Вы даете нам понять, сударь, что Ян достаточно взрослый и может позаботиться о себе сам?

В т о р о й р о д с т в е н н и к. Считаете его образование законченным?

М а г и с т р *(удивленно)*. Еник временами, отнюдь нерегулярно, примешивал к своим ученическим ответам немного тоски. Немного тоски по прекрасным ненужностям, которые я не перестаю любить. Он был мне дорог благодаря этим недостаткам, и у нас оказывалось все больше общих тайн. Мне подобало заботиться, чтобы он стал серьезнее. Произошло нечто большее. Теперь он мудр. Похож на всех вас.

П е р в ы й,
в т о р о й, т р е т и й р о д с т в е н н и к и. Так, значит, вы уходите?

М а г и с т р. С вашего позволения — лишь вечером, после траурного обряда.

Я н. Если бы вы знали, магистр, как глубоко я сожалею о вашем решении!

М а г и с т р. Я провел здесь десять лет. Это были прекрасные годы, но сейчас самый подходящий момент расстаться.

Я н. Я вам стольким обязан! Надеюсь, вы будете

заглядывать к нам и мы вспомним старые добрые времена, времена моего покойного дяди.

М а р и я *(на протяжении всей сцены державшая Яна под руку).* Я так ему благодарна. Он вложил мою судьбу в ваши руки.

Т е т я. И все же как пусто! До чего страшно оставаться одной!

М а р и я. Ужасно.

Р о д с т в е н н и к и неподвижно стоят у траурных дрог.

М а г и с т р. Ведь это всего лишь слезы, ведь вы всего-навсего плачете. Немного слез над разверстой могилой. За порывом шквального ветра, который раздувает мой плащ, — вздох. По праву поделимся с мертвым.

Т е т я. Останьтесь!

М а г и с т р. Задача выполнена, но не льстите мне — кто знает, какой была моя работа. Сносный рассказчик и сносный слушатель, я грелся у очага на рубеже тепла и холода, я был не более чем гидом в чужом городе, от бульваров которого осталась одна-единственная улочка. Ян познал многое и тих, как старец. Я не могу вступать в спор с неверием, я не священник. Я искал нить смысла в несоответствиях. Таково содержание

книг старинных поэтов, которых я полюбил так же, как старинные яства и вина.

Т е т я. Жаль, что вы без конца отпускаете шуточки.

М а г и с т р. Это шутки на скорую руку.

Т е т я. И все одни и те же.

М а г и с т р. Разумеется, одни и те же, коль все остальное меняется.

Т е т я. Так ничего мне и не скажете? Совсем забыли? Однажды, когда я возвращалась домой, мне надо было пройти мимо вас. Вы стояли на последней ступеньке возле самых дверей, а я поднималась по лестнице.

М а г и с т р. Я коснулся вашей руки, и вы не отдернули ее. Я обнял вас — вы не закричали.

Т е т я. Не закричала.

М а г и с т р. Запоздалая история. Запоздалая и чересчур старая. Незавершенная история, напоминающая мимолетные и безвестные поцелуи несовершеннолетия. Поцелуи на перекрестке. Быстротечные и, увы, слишком вольные мгновения.

Т е т я. Какой невыразительный ответ!

М а г и с т р. Когда я разговаривал с Яном, мне приходилось быть то мужчиной, то женщиной, а то и ребенком. Я учитель, сударыня, даже того

меньше — учитель странствующий. Безработный.

Т е т я. Я пойду с вами.

М а г и с т р. Слишком поздно. Слишком рано. Я пойду один. По сердцевине мира. Пойду как творец. Читая по слогам систему, в которую уверовал.

Т е т я. Все ваши речи — чепуха. Нет ничего на свете, чего бы мне хотелось, нет ничего, во что бы я могла уверовать, кроме преданности, кроме верности.

М а г и с т р. Правильные слова.

Т е т я. Ха, слова! Мне нужно другое. Испытывать страх, до поздней ночи чистить острые инструменты усталого рабочего. Я хочу быть свидетельницей поступков, которые следуют один за другим. Деяние за деянием. Этот дом, казалось, куда-то шел, но теперь, когда он остановился, здесь нет нужды ни в ком, кроме служанки. Я не служанка. На вашем плаще не будет ни единого пятнышка, штиблеты каждое утро будут до блеска начищены. Я стану удерживать вас всякий раз, когда нужно будет принять решение. Так надо.

М а г и с т р. Ищите более правдоподобные похождения, чем мои. Мы слишком разные люди. Мы не совпадаем, даже печалясь по одному

поводу.

Родственники возвращаются.

Первый родственник. Ого-го, ну и затянулась эта церемония! Как много мы мешкаем, как много плачем! Скажите на милость, в чем дело? Покойник есть покойник, его не разбудить.

Магистр. Ступайте своей дорогой!

Первый родственник. Хорошо, очень хорошо, магистр. Может, это вы двоюродный брат покойного?

Магистр. Я не состою с вами в родстве.

Первый родственник. Ну, ну, ну!

Ян. Извините, магистр, но во время этого обряда мои родственники обладают правом первенства, они незаменимы.

Первый родственник. Ого!

Второй родственник. Честное слово, когда я его слушаю, кажется, будто говорит старый хозяин дома.

Третий родственник. Разумеется! Даже магистру не удалось искоренить фамильные черты. Любовь к порядку, чувство реальности.

Второй родственник. А скажите-ка мне, сударь, столь легко впадающий в гнев, зачем вы тащили Яна к Хохолку ветряка, что вам понадо-

билось на этой свалке?

Третий родственник. Любопытно, что вы ответите?

Второй родственник. И верно — загадка! Что вы там делали, на этой пустоши?

Мария. Магистр был без шляпы, брюки в обтяжку да рубаха, хорошо еще, что накинул плащ.

Появляется Анна.

Без вашей вылазки и смерть дяди не была бы такой страшной.

Первый родственник. Умереть у Хохолка ветряка, на месте, которое хуже, чем постель проститутки!

Третий родственник. Если кто и виновен в этой смерти, так не я и не вы, мой дядюшка.

Тетя. Ян!

Ян. Вы ошибаетесь, господа, я сам избрал это злосчастное место, магистр лишь следовал за мной.

Первый родственник. Учитель и ученик!

Ян. Я помню, вы первый произнесли слово «нож»! Нож и записи лекаря! То был прием наглядного обучения. Ах, если бы вы отказались от

этого урока! Если бы помешали мне уйти!

А н н а. Вы рассеянны или трусливы, Ян? Это я, я позвала вас к Хохолку. Это со мной вы сговаривались о совместном странствии или, точнее, — о бегстве.

М а р и я. Неправда!

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. В красивых же делах вы участвовали, магистр!

М а г и с т р. Ловлю вас на слове! Да, в красивых. О, старые вымыслы, полные высокого духа! Весны, мечты, все материки и все красоты мира! Бесконечные, бессмертные! Пусть же вновь настанут, пусть вернутся дни давнего безрассудства, почти безумия! Пусть вернутся сумерки, когда под густыми зарослями чесмины и розовыми кустами ты, Ян, отбросил свои порывы вместе с орудием, столь безвкусно надрывным. О глупость, которая мне стократ милее мудрости остолопов! Твое странствие, Ян, было как притча о деянии. Из страха я наставлял тебя на путь разума, из страха удерживал. Я боялся, что ты ничего не свершишь. Мне хотелось, чтобы ты стал настоящим мужчиной прежде, чем успеешь состариться. Какое это имеет значение, если я скажу, что твоя решимость была единственно правильным поведением. Какое это имеет значение, раз ты

вернулся, раз ты смирился и обнаружил все невыгоды отваги. Ты дома, тебе хорошо. Ты прав. Тем не менее эти седовласые, эти знатоки кухни, которым ты так поспешно уподобляешься, эта смрадная пустота стократ хуже твоего безумия. Брат мой, не бросай столь решительно свой посох. Не радуйся столь неумеренно тому, что тебя отвратили от бегства. Да, юноша, неразумно было полагать, что ты идешь на край света, неразумно верить, что ты вооружен, и хвататься за нож, которого у тебя нет. Все это сплошное безрассудство, но ныне тебе остается одна старость. Старость, которой не предшествовала зрелость мужа. Тебе остается ожидание смерти. О мечта, небесный луч, таинственная чудинка, что дороже пурпура! Беги из неистребимых сетей небытия, Ян! Беги! Мне дурно от этих бледных лиц, от мертвенных фигур, гремящих костьми над своим сундуком, пересчитывающих монету за монетой, меж тем как над хищными их мордами сияют звезды.

А н н а. Да, да, да!

Т е т я. Да, да, да!

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Неслыханно!

В т о р о й р о д с т в е н н и к. Сумасшедший дом!

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Возьмем свои

торбы, господа, и прочь отсюда!

А н н а. Наконец ты это сказал, магистр!

М а р и я. Ах вы, путешественница от дерева к дереву, от фонаря к фонарю, с места на место! У меня всегда были известные сомнения относительно вашей нравственности.

А н н а. А я была уверена, что вы гусыня.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Позвольте, кто вас сюда приглашал, барышня?

А н н а *(кудахчет)*. Простите, голубушка, вы так живо напомнили мне курицу, что я не удержалась.

М а р и я. Слышите, слышите, что она говорит?

А н н а. И еще! У вас девичьи плечи.

Мария трогает свои лопатки.

Выше… ниже… Там, где у ангела вырастают крылья, а у девки — корзина с младенцем.

М а р и я. Ян, Ян!

А н н а. А знаете — отчего это? Вы оперлись о столб на Ветряке. О столб, который прозван райским и несет перекладину, облюбованную вороньем. Когда вы пришли, на табличку с надписью как раз опустился ворон.

М а р и я. Потаскуха!

Я н. Дорогая моя!

М а р и я. Я думала, вы онемели и оглохли. Почему вы не прогоните эту грубиянку!

Я н. Бога ради, будьте снисходительны, зачем столько крика! Вы видите — церковный обряд подходит к концу, вот-вот начнутся похороны. Нельзя же именно сейчас поднимать шум.

А н н а. Больше рвения в странствиях и супружестве!

Я н. Наденьте черное платье и идите в костел, потом погуляйте по городу и под вечер вернитесь в свою улочку на окраине. Мы уже дома. Раз и навсегда. Раз и навсегда у своих инструментов, на рукоятях которых от пальцев образовались вмятины.

М а г и с т р. Такая вмятина, Ян, — это все, что у тебя теперь есть.

А н н а. От первого же путевого столба, от первой тропки юноша, едва овеянный ветрами, возвращается домой. Теперь, Ян, вы уже никогда не поймете, куда идти.

М а р и я. Противно слушать — только зависть да колкости.

П е р в ы й р о д с т в е н н и к. Вы обратили внимание, что говорила эта девица? Ей-богу, в сравнении с ней я по части ругани начинающий школяр.

Второй родственник. Все ссоры, все соперничество!

Магистр. Куда вы смотрите, сударыня?

Тетя. Смотрю как покойник, что лежит в морге со скрещенными на груди руками.

Магистр. Грозная астрономия! Он спит. Спит яростным сном. Его лицо избавилось от страданий, а волосы побелели при свете множества ламп. О землистая рука смерти, обратившая его лик к звездному небу!

Третий родственник. Ты слышишь магистра? Тебе бы никогда не дождаться сочувствия этого нюни, ибо все твои невзгоды он счел бы вполне закономерными происшествиями.

Второй родственник. Полагаю, он тайный прелюбодей и пьяница.

Третий родственник. Жертва порока.

Первый родственник. И за все это старый дурак еще платил ему!

Второй родственник. Этакому развратнику.

Первый родственник. А тетушка полна жизненных сил.

Третий родственник. Старая сумасбродка.

Первый родственник. Надень, Ян, плащ

и шляпу. Идем, пора. Поднимите носилки. С дороги, барышня.

Натягивают на Яна одежду его дяди и уходят.

М а р и я *(Анне)*. Выметайтесь!

Я н. Прощайте. Раз и навсегда.

А н н а. Наседка! Старые пни! Обжоры! Мы идем, магистр?

М а г и с т р. Я не спешу.

Т е т я. Так как же?

А н н а. Я не боюсь глядеть ни в даль, ни на горные выси, ни в глубокие пропасти.

Т е т я. Я знаю все, что было.

А н н а. Дороги, на которых можно подохнуть с голоду, города, окутанные дымом, волны, уносящие призрак корабля, призрак завоевателя.

Т е т я. Мы зачарованы стародавней колдовской песней, скучными днями без всякого выбора, дешевыми подвигами. Да вернется воскресенье, пережитое мною пятнадцать лет назад! Да вернется вечерняя встреча на лестнице! Да вернется все прошлое — день за днем, до самого начала!

А н н а. О гнилостные краски времени!

Т е т я. О безумцы с окровавленной головой!

Колокольный звон.

М а г и с т р. Время. День. Смерть. Время, день, смерть. Ах, лезвие кончается непостижимым острием!

Т е т я. Вы опять проявляете склонность к шуткам?

А н н а. Начинаете одну из своих длинных речей?

М а г и с т р. О, права посредственности и права героизма одинаково не затрагивают меня. Я сделал удачный выбор. Ни одно событие не совершается на обочине жизни, ни одно не лишено значения. Я простился, и я пойду. Дорога узка, Анна, мир широк, сударыня. Прощайте, оставляю вам все, что заслуживает любви и что не вместилось во мне. Прощайте!

Т е т я. Раз и навсегда!

А н н а. До свиданья!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

М а г и с т р. Ах, доверительные отношения, обреченные на скорую кончину, дружеские узы, разорванные с грустью, которой я не скрываю! Увы, я одинок. Люди протягивают руки для приветствия, но мои разговоры с ними не клеятся. Мне тоскливо. Иду, не владея ничем, что бы мне хотелось повторить в свою последнюю минуту,

кроме сожаления, которое я изливаю. В этом доме я похоронил мертвых и плачу на погребении. Чело опирается о посох, в суме — хлеб. Почему ты меня покинул, Ян, почему тебе надоели распри тех, кто любит, и перебранки, прекраснее которых нет ничего на свете? Почему ты бросил нашу игру в школу? Взгляни, в небесной сердцевине удаляется ангел. Молча. Не приглашая следовать за ним. Ты видишь это, лентяй? Надо бы повздорить с тобой, да все равно ты потерпел поражение, ты состарился. Нам остается лишь несчастная любовь.

Доносится крик петуха.

Тьфу, тьфу! Я здесь, ты слышишь, деревенский петух, я голоден, я немного навеселе — и все же я шагаю, все же тороплюсь. Я верю! О кромешная чернота времени, напоминающая грифельную доску со знаками зодиака! Моя утренняя книга, моя поэзия, мои слова, ограничивающие бесконечность! Звездная система! Ночь, подобная собранию образцов красоты! Я вижу, я узнаю — вот Большая Медведица, вот Кассиопея, вот Близнецы!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

М а г и с т р. Прекрасный день, прекрасный день. *(Спотыкается.)* Этот утлый посох мне только мешает. *(Разламывает его пополам.)* Вот так! Прочь, первые признаки старости, примешанные к вечному лету молодости! Прочь, назойливые советы болезни! Однако дорога тут прескверная. Как бы не порвать сапоги. Э, да дела еще не так плохи. Подошва прочная и топает что надо. Левой, левой, левой!

М а л ь ч и к. Эй, сударь, куда вы лезете?

Д е в о ч к а. Простите, но так вы разрушите наш домик.

М а л ь ч и к. Ну вот, уже растоптали одну стену.

М а г и с т р. Ой, что я наделал!

Д е в о ч к а. Осторожность никогда не помешает, сударь.

М а г и с т р. А знаете, дети, построим-ка мы что-нибудь получше. Сызнова. Начнем все сначала. Сызнова и лучше.

М а л ь ч и к. Хорошо.

М а г и с т р. Дайте мне лопату!

М а л ь ч и к. Да, да, да!

Д е в о ч к а. Но у нас нет лопаты.

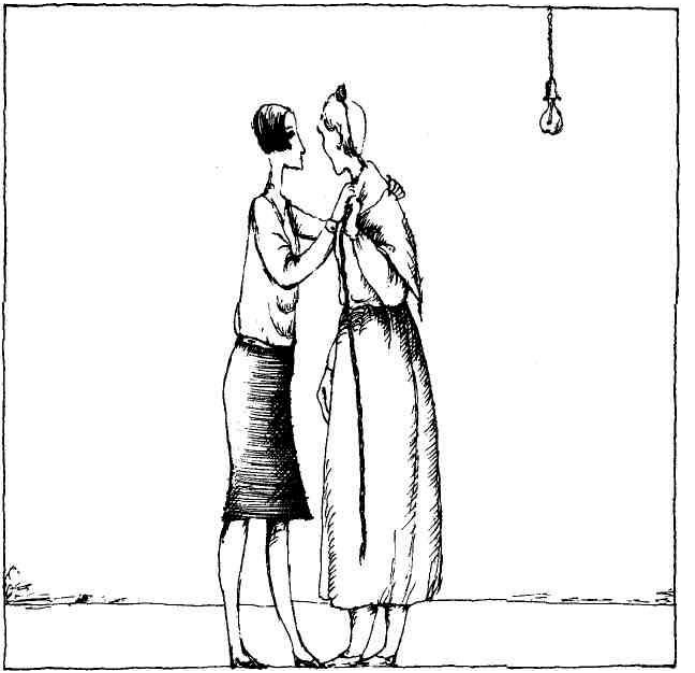
М а г и с т р. Тогда дощечку, которую ты держишь в руке.

М а л ь ч и к. Давайте строить!

М а г и с т р. Соединим эти две точки прямой линией. Экий ты неловкий, она у тебя неровная! Так. Это, дети, прямоугольный треугольник, видите, квадрат, который я рисую на гипотенузе, равен сумме квадратов, нарисованных на обоих катетах. Запомни, Ян, это теорема Пифагора. Ах, господи! Как тебя зовут, мальчик?

М а л ь ч и к. Ян.

Лев Блатный
СМЕРТЬ НА ПРОДАЖУ
Трагикомедия в трех действиях



L. Blatný

SMRT NA PRODEJ

Lev Blatný. Smrt na prodej. Praha. Časopis Plán, 2, 1930—1931.

Перевод с чешского **Ил. Граковой.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАМАША ГАЛДАКОВА.
ГЕРМИНА, ее дочь.
СКЛЕНЯЧКА, их соседка.
КОМИССАР.
ДОКТОР.
ДВА ПОЛИЦЕЙСКИХ.
КОРЧАК, дворник.
ИНДРА ВОБИШЕК, приказчик.
РАХ, веревочник.
ДВА СЛУЖИТЕЛЯ.

I

Бедное жилище — кухня; дверь выходит в коридор. Левая дверь в соседнюю комнату открыта. Г а л д а ч к а стоит, растерянная и испуганная, у плиты. Дверь из коридора открывается, появляется голова С к л е н я ч к и.

С к л е н я ч к а. Ушли уже?

Галдачка делает испуганный жест, чтоб она не входила.

Ну, что? *(Входит в кухню.)*

Г а л д а ч к а. Тут они, одни полицейские.

С к л е н я ч к а. А чего ждут?

Г а л д а ч к а. Пана комиссара и доктора. *(Вздыхает.)* Доктор ему уже не поможет. Помилуй его, господи… *(Крестится.)*

С к л е н я ч к а. Что за церемонии…

Г а л д а ч к а. Тсс! Дверь открыта.

С к л е н я ч к а. А вы закройте.

Г а л д а ч к а. Боюсь. Пошевелиться боюсь. Мне сказали, чтобы я ни до чего не дотрагивалась, чтобы все оставила, как есть. Стою тут, а ноги у меня дрожат. Даже к советнице не смогла сегодня

пойти стирать. Двадцать крон потеряла. Наняли кого-то другого.

С к л е н я ч к а. Ну, это только на сегодня.

Г а л д а ч к а. Как знать, Скленячка.

С к л е н я ч к а. А где Гермина?

Г а л д а ч к а. Там — с ними.

С к л е н я ч к а. И не боится... А зачем это все? Повесился — и нет его. Лучше б уж его унести из дому.

Г а л д а ч к а *(крестится)*. Бог с ним!.. Не говорите так, Скленячка.

С к л е н я ч к а *(махнув рукой)*. Ладно, ладно... говорить не будем, а думать будем свое. Кто как живет, так и помирает, а ежели я плачу, так не о повесившемся, а о пропащей жизни. Вашей и Гермины... Вот так, а теперь можете заткнуть мне рот. Уж я-то про ваше житье знаю, да и все мы знаем.

Входит к о м и с с а р с д о к т о р о м.

К о м и с с а р *(доктору)*. Это факт, говорю вам, доктор: нужда — мать всех грехов, а не праздность. Праздность — мать гениальных идей. Это факт.

Д о к т о р. Я бы с вами согласился лишь постольку... пардон! *(Галдачке.)* Выражаю свое

соболезнование.

К о м и с с а р. Вот мы и пришли, пани Галдакова. Мы с вами прекрасно знаем друг друга, верно?

Г а л д а ч к а *(как-то стеснительно).* Я…

К о м и с с а р. Ну-ну-ну-ну — и не с плохой стороны. *(Как бы поясняя остальным.)* Уж эта женщина натерпелась, поверьте мне. Из-за него и к нам приходила… мы знаем.

С к л е н я ч к а *(поддакивает).* Я знаю… Когда вы его посадили за пьянство.

Д о к т о р. Где он?

Галдачка ведет его к двери. Д о к т о р уходит в комнату.

К о м и с с а р. Обождите, пани Галдакова. *(Скленячке.)* Родственница? Хотите дать показания?

Г а л д а ч к а. Это соседка. *(Умолкает, испуганно поглядывая на дверь.)*

С к л е н я ч к а. Да что говорить… Прохвост он был, что заслужил то и получил.

Г а л д а ч к а *(с горестным упреком).* Ну, Скленячка…

К о м и с с а р. Ну-ну-ну, не надо так выражаться, даже если… Ну ступайте, ступайте, пани соседка. Показаний тут и в самом деле не требу-

ется… *(Любезно, но решительно выпроваживает Скленячку.)*

С к л е н я ч к а *(пятится)*. Я одно хотела сказать: если у Галдачки могут быть какие неприятности, так Христом-богом…

К о м и с с а р. Верю, полностью верю вам…

С к л е н я ч к а *(в дверях)*. Клянусь, спасением души своей клянусь, прохвост он был… *(уходит, продолжая браниться и за дверью)* прохвост…

К о м и с с а р. Vox populi, vox dei…[149] Выше голову, пани Галдакова, я вас знаю, мы все вас знаем как порядочную женщину. À propos[150], жена просила передать вам — завтра можете прийти к нам стирать.

Г а л д а ч к а. Целую руку.

К о м и с с а р. А это чистая формальность, потому что нам все прекрасно известно. Ничем иным и не могло кончиться. Факт. Теперь по крайней мере заживете мирно.

Г а л д а ч к а. Нет… не говорите так. О покойнике нужно говорить только хорошо.

К о м и с с а р. Покойник, покойник… это факт. А какой он был при жизни?!

---

[149] Примечания: 1.149
Глас народа — глас божий *(лат.)*.

[150] Примечания: 1.150
Кстати *(франц.)*.

Г а л д а ч к а. Должно быть, несчастный. Нужда была.

К о м и с с а р. Нужда была, потому что он пил.

Г а л д а ч к а. А может, он пил, потому что жил в нужде да надрывался на работе.

К о м и с с а р. Ну, нет. Пил — это факт. То, что он пропил, мог бы сэкономить. Факт. Теперь вам будет лучше.

Г а л д а ч к а. Ах, мне уж все равно… Только бы Гермине было лучше.

К о м и с с а р. Гермине! Барышне Гермине! Видите, как вы правильно рассуждаете. Это ваша дочь — факт. И этим все сказано… Она, конечно, возле покойного… Ну, покончим с этим. Покончим быстро и просто. Очистим у вас атмосферу. *(Уходит в комнату.)*

Галдачка удрученно садится у плиты.

Г о л о с к о м и с с а р а. Готово, доктор? Смерть наступила три часа назад… Ну, разумеется, в состоянии сильного опьянения — белая горячка… иного конца и быть не могло… Какое тут расследование. Это факт… Все ясно…

Д о к т о р *(входя)*. Могу я где-нибудь вымыть руки?..

Галдачка наливает в жестяной умывальник

воду и достает полотенце.

И правильно поступил. Знаете, очень часто бывает, что в минуту расстройства берут веревку, а она не годится — или рвется, или узел не затянут как следует.

Г а л д а ч к а. Ах, боже мой!

Д о к т о р. Но он припас новехонькую, отличную веревку.

Г а л д а ч к а. Новехонькую…

Д о к т о р *(моет руки)*. Вообще-то… подобное самоубийство — безумие. Тем более удивляешься, когда все сделано безупречно.

Входят Г е р м и н а с к о м и с с а р о м, за ними — д в о е п о л и ц е й с к и х.

Безупречность в безумии, безупречность всех приготовлений, чтобы не оборвалось, чтобы все произошло своевременно и быстро. А здесь все произошло своевременно. Взгляните — шея! Он даже не мучился.

Г а л д а ч к а. Даже не мучился…

К о м и с с а р *(Гермине)*. Да что там, барышня! Это пустяки. Хотел бы я, чтоб вы присутствовали при расследовании того случая на прошлой неделе… на этой… *(Поворачивается к полицейским.)*

П о л и ц е й с к и й *(почтительно)*. На Нижней

улице, номер пять, четвертый этаж налево, Рейтаржик…

К о м и с с а р. Да, да, правильно… Рейтаржик… Тоже самоубийство. Говорят: самоубийство. Вроде ничего особенного… А я задумался и говорю дома жене: Рейтаржик? Кто такой этот Рейтаржик, с чего бы ему покончить с собой? Рейтаржик, у которого были деньги, положение, почет, к ответственности не привлекался. И нате вам! Выходит, он пошел на кухню, открыл краны, лег и отравился…

Г е р м и н а. Интересно. Почему он это сделал?

К о м и с с а р. Почему он это сделал?.. Да он вообще этого не делал. Его убили.

Г а л д а ч к а. Бог ты мой!

Г е р м и н а. Но как такое возможно?!

Д о к т о р. Мне этот случай известен. Пан комиссар отличился. Но не будь медицинской науки…

К о м и с с а р. О, медицинская наука!.. Она отвечала лишь на наши вопросы. Но кто эти вопросы задал? Юрист. Извините, пан доктор… Короче говоря…

П о л и ц е й с к и й *(отдает честь)*. Пан комиссар… *(Хочет уйти.)*

К о м и с с а р *(не обращая на него внимания)*.

…никакое не самоубийство, а убийство. Его напоили, как следует напоили, пока он не перестал соображать, заманили или затащили в кухню, а когда он, пьяный до бесчувствия, валялся на полу, открыли краны…

Г е р м и н а. Кто открыл краны?

К о м и с с а р. Прежде всего, его жена. Кто еще… увидим…

Галдачка молитвенно складывает руки.

П о л и ц е й с к и й *(снова отдает честь)*. Пан ко…

К о м и с с а р. Супруга арестована… А потом говорят — Рейтаржик! Самоубийство! Но семейные отношения так и остаются тайной, то-то и оно.

П о л и ц е й с к и й. Пан комиссар…

К о м и с с а р. В чем дело?.. Ах, это вы?! Что вы тут торчите? Вам давно уже следовало уйти. Идите.

П о л и ц е й с к и е уходят.

Поразительно, до чего эти люди бестактны. Вы рассказываете, а они смотрят вам в рот, будто вы рассказываете для них. Но так уж водится у малообразованных людей. Пойдемте, доктор. Протокол составим у себя, здесь это *(осматрива-*

ется) даже… как-то…

Г е р м и н а. А теперь уже можно им заняться? Можем мы его уложить как положено?

Д о к т о р. С точки зрения медицины возражений не имеется.

К о м и с с а р. С точки зрения криминалистики — и подавно. Известное дело. Чего иного тут можно было ожидать? Все ясно. Так что можете его уложить и приготовить…

Галдачка начинает тихо плакать.

Ну-ну-ну, пани Галдакова. Я вам верю… и в конце концов, какое тут горе? Вы можете радоваться, только радоваться. Это факт. В конце концов, вам повезло. *(Уходя.)* Вскрытие — это факт. Оно необходимо… Ну-ну, не надо удивляться или сокрушаться. Уложите его как вам угодно, но подготовьте, чтобы его можно было увезти на вскрытие. Таков приказ. Честь имею кланяться.

Д о к т о р. Мое почтение… И не забудьте проветрить!

К о м и с с а р и д о к т о р уходят.

Г е р м и н а *(проводив их за дверь, возвращается. Спокойно, с какой-то циничной деловитостью).* Теперь его отвезут на вскрытие. Но это же иди-

отизм… *(Направляясь к левой двери.)* Вы мне поможете, мама? Надо его подготовить. *(Оглядывается на мать, которая снова удрученно опускается на скамейку у печки.)* Или нет. Лучше оставайтесь здесь. Удивляюсь, что вы так близко принимаете это к сердцу. *(Уходит налево.)*

Г о л о с Г е р м и н ы. Я думаю, оставим на нем одежду, какая была — все равно она никуда не годится… А вот на ботинках только недавно новые подметки поставлены.

В кухню вылетает сначала один, потом другой ботинок.

Жалко. Спрячьте, мама, их еще может кто-нибудь поносить.

Галдачка с трудом поднимается, подбирает ботинки, с минуту смотрит на них с каким-то молитвенным выражением лица, потом ставит под скамейку.

А собственно, какая тут подготовка? И готовить-то нечего.

В кухню вылетает веревка.

Г а л д а ч к а *(тихо стонет, пугается, таращит глаза. Чувствуется, что сердце у нее колотится,*

горло перехватывает, она задыхается. Протягивает руку к веревке, и снова ее охватывает страх). Что… что… что это?.. *(Боязливо и с ужасом подходит к веревке, движимая скорее энергией Гермины, нежели собственной волей.)*

Г о л о с Г е р м и н ы. В карманах пусто.

Галдачка наконец подходит к веревке, смотрит на нее, видя, должно быть, в ней суть и итог жизни — настолько сосредоточен ее трагический взгляд. И с той же сосредоточенностью, пугливо оглядываясь, поднимает веревку, целует и быстро прячет ее за пазуху.

Г е р м и н а *(входя).* С похоронами, полагаю, нам возиться не придется…

Г а л д а ч к а *(испуганно).* С похоронами… *(И удрученно идет к скамейке.)*

Г е р м и н а. Его наверняка повезут из морга… Схожу завтра узнаю толком… А с работы отпрошусь… Не знаю даже, как мне это сказать хозяину, чтобы не очень стыдно было.

Галдачка тяжело качнула головой.

А в той комнате потом наведем свой порядок, совсем по-другому. Повесим красивые занавески, постель и стол накроем… со временем накопим и

на красивую кушетку и на подушечки… ой, мне так нравятся подушечки. Как у Клары Отагаловой… Теперь все получится. Теперь тут никто не насвинячит и ничего не продаст.

Г а л д а ч к а *(с горечью, но твердо)*. Нет, я уж останусь здесь.

Г е р м и н а. Но, мама!.. Ты меня удивляешь. Комиссар сказал: «В конце концов, вам повезло»… И это истина, святая истина. Все же лучше, чем умереть в кутузке.

Г а л д а ч к а. Гермина!..

Г е р м и н а *(несколько раздраженно)*. А что его еще ожидало, как не тюрьма? Чем он мог еще кончить в своем распутстве, пьянстве и хамстве? И ты способна так быстро забыть, как мы ходили, опустив головы и не смея глаз поднять, — ведь так мы жили до сего дня, словно заклейменные, заклейменные позором его… его… брр, мерзости?!

Г а л д а ч к а. Ничего я не забываю, но не забываю и того, что он был моим мужем, данным мне от бога, и твоим… *(подчеркнуто)* твоим отцом, Гермина!

Г е р м и н а. Для меня это слово чуждо, мама!.. И в данной ситуации — старомодно слезливо!

Г а л д а ч к а *(с возмущением)*. Боюсь, Гермина, что тебя постигнет кара, великая кара. И поде-

лом!

Г е р м и н а *(довольно безучастно).* Но, мама… думаю, мы друг друга не понимаем.

Г а л д а ч к а. Ох, понимаем, понимаем. То-то и ужасно, что понимаем.

Г е р м и н а. Тогда ты должна видеть, какая я стою — ободранная, сгорбившаяся, пережившая столько сраму, бессильная, сама себе опротивевшая дочь своего отца, который пил, бил и повесился. Я пряталась от людей, словно обовшивевший ублюдок, заплеванная слюнявым милосердием бестактных людей, желающих купить себе вечное блаженство идиотским покровительством взрослеющему человеку, которого нужно спасать! От кого? От чего? От собственного отца, память которого я должна чтить! Почему? Почему я должна чтить его память? Что он дал своей дочери, какие радости, разве он научил меня уважению и любви? Что он мне оставил?

К о р ч а к *(постучавший в дверь, пока Гермина говорила, просовывает голову, быстро).* Веревку…

Германа и Галдакова ошеломлены. Разве это ответ?

(Входя, продолжает.) Да, веревку, говорю вам,

черт подери, веревку он вам оставил или нет?.. А если нет, черт подери, я сам повешусь, чтобы меня оставили в покое… Простите, что в доме, где все опечалены, я так говорю, но иначе дело не пойдет… Я видел, что они ушли.

Г е р м и н а. Ушли… Вам что-нибудь нужно?

К о р ч а к. А раз я видел, что они ушли, хочешь не хочешь, должен был прийти, иначе, черт подери, хозяйка меня замучила бы.

Г а л д а ч к а. Хозяйка, говорите? Да разве мы виноваты?

К о р ч а к. Да ничуть, сохрани и помилуй бог, черт подери! Тут совсем другое.

Г е р м и н а *(чуть иронически).* Ну, раз другое, то присядьте.

К о р ч а к. Какой тут присядьте, когда хозяйка ждет!.. В общем, так. Зовет она меня и спрашивает: «Ушли уже?» «Не ушли», — говорю, — это насчет комиссии из полиции. «Ну ладно, — говорит, — как только уйдут, сейчас же сообщите мне — я должна вам сказать нечто важное». «Ладно», — говорю и гляжу, когда же, черт подери, эта комиссия выкатится. А хозяйка вскорости зовет меня. «Ну, что, ушли?» «Нет», — говорю. «Вы хорошо видели?» — спрашивает. «Хорошо, с вашего позволения, черт подери». Вот какая на-

пасть: дворник, бездетный, только жена и ость… Извините, что я так в доме, где траур…

Г е р м и н а. Ну а что, собственно, было нужно вашей хозяйке?

Г а л д а ч к а. Не хочет ли она отказать нам в квартире? Мы ведь не виноваты!

К о р ч а к. Нашли о чем говорить, черт подери!.. *(Подчеркнуто.)* Веревка ей нужна! Кусок веревки! Кусок веревки удавленника на счастье!..

Г е р м и н а *(иронически смеется)*. В таком случае нас это счастье не минует! Оно уже на пороге!.. Куда ты дела эту веревку, мама?

Г а л д а ч к а *(испуганно прижимает руки к груди)*. Я… я… не знаю о веревке!

К о р ч а к *(Гермине)*. А кто знает, барышня, кто знает, может и ждет… Ваш покойный отец всегда говорил: «Когда я умру, к Гермине придет счастье». Ну конечно, при этом он плакал, потому что у него уже… понятное дело, но я вам говорю: в этом что-то есть. Я был, так сказать, его приятель — разумеется, приятель, который его бранил и наставлял на путь истинный. Но есть такие люди, и это уж не их вина, для которых все добрые слова бесполезны.

Г а л д а ч к а. Не ваша вина, верно, верно, пан Корчак.

К о р ч а к. И когда он так говаривал, похоже было, что он хотел умереть, чтобы не мешать вам. Он знал, что мешает любому счастью, он не был в том виноват, это понятно только человеку опытному. И коли он решился на такой шаг…

Г е р м и н а. Какое там! Он повесился, сам того не сознавая. У меня свое мнение, а у вас свое. Не пытайтесь здесь кого-нибудь разжалобить, напрасный труд.

К о р ч а к. Извините, барышня. Не хочу мешаться в личные дела, но повторяю: я его бранил и наставлял на путь истинный: не то чтобы у меня рыльце в пушку, или я хочу снять с него ответственность, или, скажем, вас обидеть — нет, в таком случае я не был бы честным и порядочным дворником. Но, говорю вам, он очень много о вас думал, даже если спьяну и не плакал и вел себя мирно. Он только вздыхал, но мне-то было ясно, что хоть у него нет сил справиться со своими страстями, его все время гнетут тяжкие мысли о вашем будущем. Вот я и говорю, бывают люди, которые поддаются страстям, хотят они того или не хотят, и таким людям лучше уйти, чтобы не мешать другим… И с моим приятелем та же история, дай ему бог… это… как говорится… вечное блаженство… Так вот! Кто знает, что он задумал.

К примеру: хозяйке нужен кусок веревки на счастье. Понимаете, она хочет сделать на него ставку, как в ярмарочной лотерее. Понятно, я говорю это просто так, потому что таких лотерей уже не существует, есть только лотерейные билеты.

Г е р м и н а. Так пусть выиграет, если ей мало ее богатства… *(Ищет веревку.)* Куда ты ее дела, мама?

Г а л д а ч к а *(уклончиво, но с оттенком тревоги, смирения и стыда)*. Оставь, Герми, нельзя быть такой бессердечной! Оставим веревку в покое… ты же знаешь… на ней повесился твой отец, а кто это может понять — из тех людей… за нашим порогом.

Г е р м и н а *(строго)*. Мама, ты ее спрятала?!

К о р ч а к. Спрятали — и хорошо сделали.

Г а л д а ч к а *(быстро)*. Видишь, Герми, я хорошо сделала… Можно сказать хозяйке, что она куда-то подевалась, или мы ее сожгли, или комиссия унесла, или еще что-нибудь… и… нас оставят в покое.

К о р ч а к. А вот тут вы не правы, пани Галдакова. Отказываться не след, и покоя вам все равно не будет, да я бы его и не искал. Если вы спрятали веревку — хорошо сделали, но только не для того, чтобы она сгнила у вас где-нибудь

в сундуке — на память… Ну, что вы смотрите на меня с таким недоумением. Дальновидность, дальновидность, осторожность и благоразумие должны быть во всем.

Г е р м и н а *(иронический укол).* Слово мужчины — скалы пробивает.

К о р ч а к. Не знаю, барышня, о чем это вы… но послушайте: вон Микулка — тут, по соседству — предлагает двадцать крон за кусок. Но — не отдавайте, с него можно содрать и больше. А есть господа и дамы, которые охотно дадут и сто и тысячу.

Г е р м и н а *(прислушивается).* Да бросьте! Что вы говорите?

К о р ч а к *(горячо и убедительно).* Богом клянусь! Веревка удавленника — это богатство. Веревка удавленника приносит счастье. И если кто даст вам за нее десять тысяч — он тут же найдет на дороге пятьдесят. Известное дело… иначе, думаете, кто-нибудь гонялся бы за куском такой веревки? А тут — пожалуйста: наша хозяйка ждет не дождется, Микулка желает быть первым со своими двадцатью кронами, пока другие не узнали, — такой плут, хитрый малый, чтоб вы знали, хочет опередить конкурентов. Ничего бы я ему не давал, потому что вдова, которая живет

напротив, — я имею в виду вдову судебного советника — прибежит со своими сотнями — и еще упрашивать станет. Да что вдова! У этой в кармане не густо, ее в расчет принимать не стоит. Но есть другие, для которых и тысяча роли не играет, а они все недовольны и мечтают о счастье. А веревка удавленника, говорят, приносит счастье и исполнение желаний, вот они ее и ищут. Мне это известно.

Г е р м и н а. Но не стану же я их искать и предлагать?!.

Г а л д а ч к а. Да вообще — бросьте вы это, у меня сердце, того и гляди, разорвется.

К о р ч а к. О чем я и говорю, барышня. Такое дело нужно организовать. И главное — рассчитать как следует… Сердце от этого не должно разрываться, говорю честно, ко всем чертям. Домовладелице дадим кусочек бесплатно, по доброте душевной, чтоб не ругалась, когда повалит народ.

Г е р м и н а. Какой еще народ?

К о р ч а к. Где торговля, там и народ — разве не так? А хозяйка может начать ругаться, что грязь несут, лестницу затоптали.

Г а л д а ч к а. Бога ради, какая торговля?

К о р ч а к *(укоризненно)*. Как вы можете спра-

шивать? Что же я — столько времени говорил впустую? Неужто у старого поколения полное затмение в мозгах? А вы, пани Галдакова, честное слово, уж такого старого поколения, что не способны следить за нашими мыслями. Вот смотрю я на барышню Гермину и вижу — она меня понимает. *(Гермине.)* Я говорю — организовать! Организовать, ко всем чертям! Вот вам моя рука, и как я сказал: толпы будут сюда ходить — только нужно договориться. А тогда можете выбирать и назначать цены.

Г е р м и н а *(деловито)*. В таком случае — договоримся!

К о р ч а к *(хлопает себя по ладони)*. Вот это разговор!

Галдачка, пошатнувшись, опускается на скамейку.

Ну-ну, вам немного не по себе. Верю… отдохните… А мы, барышня, договоримся. Из одного метра выйдет десять кусков, а если спрос будет большой, то и двадцать, а если очень большой, — может, и все сорок.

Г е р м и н а. Там, пожалуй, больше метра. Это была прекрасная, новая, длинная веревка.

К о р ч а к. Тем лучше, тем лучше. Может, и

пятьдесят кусков получится. А это принесет несколько тысяч. Голову даю на отсечение, что утром у вас будет десять тысяч.

Г е р м и н а. Десять тысяч… тут вы переборщили.

К о р ч а к. Да что я говорю — десять. Если я за это возьмусь как следует, можно и на двадцать надеяться. Известное дело, разбрасываться не след. Если вы доверите мне организацию, явится столько покупателей, что сможете выбирать. Главное — спрос, а спрос будет такой — устанешь отказывать. Это уж моя забота.

Г е р м и н а *(чуть задумчиво, как бы про себя)*. Десять, двадцать тысяч. Сроду таких денег не видела. Сколько ж можно на них всего накупить!

К о р ч а к *(поспешно)*. Все, что нужно для счастья… Он это знал! Знал! Смотрите-ка! Хе-хе! Говорю вам, ко всем чертям: он это специально подстроил, сделал так, чтобы оставить вам приданое.

Г е р м и н а. Мое приданое!

К о р ч а к. Приданое, приданое и еще раз приданое! Недаром же он, не зря говорил: «Когда я умру, в дом к Гермине придет счастье». *(Галдачке.)* Ну, видите, вам и полегчало. Вы уже отдохнули. И не смотрите на нас, ко всем чертям, такими глазами,

скажите хоть слово. Подтвердите Гермине то, что знаю я, знаете вы и чего не знает она. Что отец любил ее так, как может любить только отец, даже если он и пьет…

Г а л д а ч к а. Любил, Гермина, это правда… Но что вы тут говорили?

К о р ч а к. А раз любил, так только о ней и думал да голову ломал, как он, слабый человек, может принести ей счастье… *(Галдачке.)* По-вашему, это неправда?

Г а л д а ч к а. Бог мой, правда, правда… Но…

К о р ч а к. А думаете, человек после этого с отчаяния не может запить?..

Г а л д а ч к а. Может, конечно, может…

К о р ч а к. И все же думать о дочери и ее приданом?!.

Г е р м и н а *(про себя)*. Мое приданое… Десять, двадцать тысяч разом…

К о р ч а к. Э, ко всем чертям, пани Галдакова, как вам растолковать! И вы думаете, он не может покончить с жизнью ради приданого для дочери? Что он мог оставить из любви к ней больше этой веревки?..

Г а л д а ч к а *(встает, как в дурмане)*. Нет, что вы говорите?! Я не могу поверить в то… что только ради этого… ради этого он сделал такое? Он

вам говорил? Вы сами слышали?

К о р ч а к. Слышал — не слышал! Мы с ним были приятели, а приятелю ничего не надо говорить. Я по его глазам читал. Насквозь его видел, ко всем чертям, как чистый родник. Боже ты мой, только теперь я все толком понимаю, и никто меня не собьет. Замечательный человек, скажу я вам! Замечательный! Когда, бывало, на него взглянешь, так и читаешь просьбу в его глазах: дружище, ты же знаешь. И когда я это сделаю, не откажи вдове и сиротке в своем совете и помощи. Ты знаешь, как тебе поступить… Я это знаю и потому даю вам добрый совет и хочу помочь. Нет, тут меня никто не переубедит, ко всем чертям. Благородство есть благородство… Так где эта веревка? Погляжу на нее — и примусь организовывать сбыт. Как только договоримся…

Г е р м и н а *(матери)*. Где она?

Мать опускает глаза.

(Испытующе смотрит на нее, потом подходит, вглядывается и уверенно вытаскивает у нее из-за пазухи веревку.) Так я и думала.

К о р ч а к. Ой-ой-ой-ой! Вот это веревка так веревка! На ней вчетвером можно повеситься. И пусть мне после этого кто-нибудь скажет, что ваш

папа… дай ему бог этого самого, ко всем чертям, не знал, что делал. Позвольте, я пощупаю. Ой-ой-ой-ой-ой, сколько кусков из нее выйдет! Он думал об этих кусках. Ой-ой-ой-ой-ой, э-э, хм… *(Цокает языком.)* Он нарочно взял такую большую, чтобы у вас приданое было как положено, Герминка.

Г е р м и н а. Так, вы думаете, может получиться?..

К о р ч а к. Ждите.

Г е р м и н а. Я почти начинаю вам верить… А может… *(мягче)* может, у папы все же было сердце…

Г а л д а ч к а *(тронута)*. Было, Герминка, было. У него было доброе, беспокойное сердце… Наш папочка… *(в слезах приближается к Гермине)* понимаешь, да иначе и быть не может — только так, как говорит пан Корчак, и даже… *(Тихо рыдает, хочет спрятать лицо на груди у Гермины.)*

Г е р м и н а *(отстраняет ее)*. Ну ладно, ладно, мама.

Стук в дверь.

Войдите.

К о р ч а к. Войдите.

Появляются д в о е с л у ж и т е л е й из больницы с носилками.

О д и н и з с л у ж и т е л е й. Мы пришли за телом. Отправим его в прозекторскую. На вскрытие… Где он?

К о р ч а к *(с готовностью).* Тут он, тут. Пройдите.

Г е р м и н а. Вон туда.

С л у ж и т е л и уходят налево. Корчак рассматривает и измеряет веревку.

Так вы думаете, сорок? Или пятьдесят кусков?

К о р ч а к. Пятьдесят, ко всем чертям, пятьдесят… Обегу весь квартал и спущусь вниз, к городу. Зайду в пивную «У льва», к «У семи дев» — сразу посыплются предложения. Вскоре тут начнется давка, говорю вам, давка…

Г е р м и н а. Ну и сколько вы хотите?

С л у ж и т е л и выносят носилки, м а т ь с трудом плетется за ними; выходят.

К о р ч а к. «Сколько», «сколько», «сколько»! Вы продадите тому, кто даст больше… ну, а мне… скажем… ну, по-христиански — десять процентов. Это не много, говорю вам. Ноги собью, время потрачу, красноречие употреблю, лучших заказчиков приведу, честное слово… Так идет? Десять процентов!

Г е р м и н а *(с минуту раздумывает, протягивает ему руку).* Идет. Десять процентов.

З а н а в е с.

II

Комната у Галдаков, в которой повесился старый Галдак. Бедная, но по мере возможности дешево приукрашенная. Посредине стол, без скатерти, вероятно, вытащенный откуда-то из угла: на нем письменные принадлежности. Наверное, на нем писала и работала Гермина. Выглядит это как-то по-купечески.

И н д р а, скромный на вид и со скромными надеждами в жизни, стоит справа у двери, ведущей в кухню; Г а л д а ч к а озабоченно снует по комнате, наводя где возможно порядок.

И н д р а. Думаете, я дождусь Герминку?

Г а л д а ч к а. Ничего не могу вам ответить, пан Вобишек… Если у вас есть время, присядьте. Расскажи я вам, сколько сейчас у Герминки хлопот, вы бы даже не поняли.

И н д р а. Как это — не понял бы! Что ж, по-вашему, у меня сердца нет?.. И как все это тяжело и мучительно, эти ужасные приготовления к похоронам и… и… поэтому, пани Галдакова, я и пришел. Да что там, пришел. Я чуть из лавки не убежал! Уж как я просил, пока хозяин не отпу-

стил меня. А не отпусти он — честное слово, я бы сбежал. Ведь в такие трудные минуты я обязан быть рядом с Герминкой…

Г а л д а ч к а *(протяжно).* Ну-у… говоря по правде, ничего вы не обязаны. У нас с похоронами и всем прочим никаких забот. Боюсь, вы только рассердили своего хозяина.

И н д р а. А, пустяки!.. Знаете, пани Галдакова, меня просто обидело, что Герминка не прибежала ко мне сразу же, как это случилось… Я узнал обо всем лишь сегодня утром — и места себе не находил. Я знаю, сколько Герминка страдала из-за отца. А когда еще происходит такое скверное дело, как после этого на люди показаться.

Г а л д а ч к а *(выпрямляется, обиженная до глубины души; строго, чуть ли не кричит).* Пан Вобишек, как вы разговариваете?!

И н д р а *(успокаивающим тоном).* Ну-ну, пани Галдакова, не думаете же вы, что я сам принадлежу к числу подобных людей?.. *(Радостно.)* А знаете, я получил прибавку!.. Ну да, три дня тому назад. Верите, я чуть ли не молился, чтобы это произошло. Набрался храбрости и сказал хозяину: «Послушайте, пан Зильберман, мне уже пора жениться, а как я могу это сделать, раз вы мне так мало платите?»

Г а л д а ч к а. Стало быть, вы думаете о женитьбе?

И н д р а. Не будь я Индра Вобишек, приказчик, если не думаю об этом с тех самых пор, как ухаживаю за Герминкой. Ну, не смейтесь. Я бы еще обождал, пока придет время, но, думаете, меня не мучали угрызения совести, когда я видел, как Герминка страдает?

Г а л д а ч к а. Ишь ты! И отчего же?

И н д р а. Это был ад! Форменный ад — жить под одной крышей с опустившимся, пьяным человеком, с пьяницей отцом!

Г а л д а ч к а *(взрывается)*. Я запрещаю вам говорить здесь подобным тоном!

И н д р а *(озабоченно)*. Но ведь… Герминка сама так говорила!

Г а л д а ч к а. Говорила!.. Говорила, потому что не знала, какое у него сердце! Никто из нас не знал, насколько он благороден. Все мы были слепые, недалекие, жестокие эгоисты! Что вы знаете, молокосос, а еще осмеливаетесь порочить память такого хорошего отца! Вы ничего не знаете и знать не можете, потому что даже мы до последней минуты не знали, каков он… Но теперь нам это известно, и я могу плюнуть в лицо любому, кто вздумает бранить моего мужа,

который жизнью заплатил за свои прегрешения да за счастье своей дочери, потому что обеих нас любил, как редко кто любит.

И н д р а *(безмерно удивленный)*. Я… я… я этого не понимаю, пани Галдакова.

Г а л д а ч к а. Да, не понимаете, почему я высоко держу голову, не опускаю глаз и не сгибаюсь перед людьми. Сколько лет весь мир топтал меня за то, что мой муж — пьяница. Но теперь — теперь я горжусь своим мужем, потому что он за все заплатил сполна и никому ничего не остался должен. И знайте: теперь нам плевать на ваши сочувственно вытаращенные глаза… Если это все, что вы хотели сказать, могли бы оставаться в лавке вместе со своей сотней прибавки.

И н д р а *(смущенно)*. Но… я… пани Галдакова… я ничего такого не думаю… Я… я… поверьте… с самыми лучшими намерениями. Я вымолил эту прибавку ради Герминки.

Г а л д а ч к а. Нас это не заботит.

И н д р а. Ну нет, мы только о ней и заботимся. Мы с Герминкой уже все рассчитали. И эта прибавка входит в бюджет. Мы ждали ее. Теперь, пани Галдакова, мы можем пожениться, а когда мы поженимся, никто не посмеет ни на вас, ни на Герминку взглянуть косо. Только тогда мы все

заживем прекрасно.

Г а л д а ч к а *(ледяным тоном).* Да, заживем. Но обойдемся без вашего великодушия. О том, чтобы мы теперь прекрасно зажили, позаботился мой муж и отец Гермины…

И н д р а *(непроизвольно).* Этот пьяница?

Г а л д а ч к а *(оскорбленная, яростно хватает об стол первым попавшимся под руку предметом).* Да, этот пьяница!.. Но с меня уж довольно! Довольно этих оскорблений и этого нахальства. Мне надоело!! О нас позаботился этот пьяница, а не вы!

И н д р а. А как? *(Наивно.)* Разве он вам что-нибудь оставил?..

Г а л д а ч к а *(язвительно и торжествующе).* Ну, наконец-то вы поняли, наш ангел-хранитель!.. Оставил, оставил, дорогой пан приказчик. И столько, что вы сроду такого богатства не видали… Теперь уж вы не станете задирать нос. Ах, с какой радостью я говорю вам эти слова в лицо. Какое это удовольствие за все унижения, выпавшие на мою долю. Какая ненависть меня точила, а я вынуждена была молчать. Но теперь… теперь… увидите, нахалы, сколько всего я смогу вам наговорить! Плевать нам на вас, плевать! Теперь — теперь извольте обращаться

к Герминке с подобающим смирением, а не с той снисходительностью, за которую мне хотелось вас удавить. Вам понятно?

И н д р а *(отступает).* Я… я… не знаю… Но если она получила такое наследство… *(неуверенно)* тогда она вправду, наверно, за меня не пойдет. Но я… я… пани Галдакова, я так ее люблю… так люблю… и я думал, что раз она… бедна…

Г а л д а ч к а. Ха-ха!.. Бедна!.. Было, было!.. Только теперь, нам со всех сторон потечет. А мы еще даже не начали делить… Пока записываем… Герминка здесь *(указывает на стол)* записывает заказы и заявки…

И н д р а *(качает головой).* Я… я… не знаю, понимаю ли я… но Герминка… она… наверняка обо мне не забудет…

Г а л д а ч к а. Ну что ж — «не забудет», «не забудет». Может, и не забудет. Может, вспомнит и о вас. Только и вы запомните мои слова: шваль те, которые думают, что ежели кто повесился, то опозорил свою семью. И шваль те, которые думают, будто окажут милость, ежели женятся на его дочери… И вот что я вам скажу: мой муж пил и повесился. Но коли он повесился, то знал, что делает, чтобы сохранить добрую память о себе в душе дочери… и выкатывайтесь отсюда, коли

не понимаете. Если б он сделал не так, как он сделал, я бы уж никогда не оправилась и никогда не смогла бы указать вам на дверь… Убирайтесь, глупец!..

И н д р а. Вы на меня сильно рассердились, пани Галдакова, но я знаю, как вам больно, я не хотел вас обидеть, я желал лишь добра, Герминка это знает, и она вам объяснит. *(Исчезает.)*

Г а л д а ч к а *(делает глубокий выдох)*. Впервые! Впервые в жизни я вздохнула и смогла высказаться как свободный человек… *(Принимается за свою работу, спокойно и тихо напевая.)*

Торопливо входит К о р ч а к.

К о р ч а к. Кто это был?

Г а л д а ч к а. Да так!..

К о р ч а к. Кусок веревки ему понадобился, верно?! Послушайте, пани Галдакова, как бы вы не натворили глупостей! Даже не беритесь за это и не впутывайтесь в наш гешефт и организацию дела! Вы ничего не знаете… ничем не занимаетесь… вот как вам следует отвечать, если не хотите разориться. Таких, кто не прочь бы одурачить старую женщину, ой сколько найдется.

Г а л д а ч к а. Не тревожьтесь, пан Корчак. Я знаю, что мне делать.

К о р ч а к. Вот именно! У нас с Герминкой договоренность на десять процентов, и, голову даю на отсечение, мы все будем довольны… Вот тут… *(вытаскивает листок бумаги)* у меня клиенты и заказы за сегодняшний день. Двенадцать заказчиков. Каждый — что алмаз. Вчера было девять. Да они уже записаны… Где Герминка?

Г а л д а ч к а. Пошла на работу. Отпроситься.

К о р ч а к. А веревку… спрятала? Знаете, народишко скверный, могут и к рукам прибрать.

Г а л д а ч к а. Спрятала… Да, сегодня мы получили несколько писем. Из деревни. Чтоб и для них оставили кусок… это… ну, знаете, о чем я.

К о р ч а к. Еще чего! Разве что наложенным платежом. Говорю вам, ко всем чертям, — разве что наложенным платежом. Этим людям доверять нельзя. А впрочем, головой ручаюсь, и на своих-то не хватит, на знакомых, про которых мне все известно. С вывозом у нас ничего не получится…

Г а л д а ч к а. Не бойтесь, пан Корчак… Я в Герминкины дела не мешаюсь. Я знаю, ежели она что делает, то делает хорошо, и наследством своего отца распорядится как надо. Какой это был отец, пан Корчак! Вы даже не представляете! Мир видел только его слабые стороны, но мир видит

лишь одним глазом. Гляди он в оба — увидел бы и его силу и доброе сердце. Да, теперь он видит, но едва ли может понять, как у нас тут все засияло, когда мы поняли, каким он был отцом. *(Утирает слезы.)* В самые дурные времена он знал, что нужно сделать, чтобы снова было хорошо. Чтобы Герминке было хорошо… Я что! Мне-то уж все равно! Но Герминке!..

К о р ч а к. Верно, верно, ко всем чертям! Мне об этом можете не рассказывать.

Г а л д а ч к а. И потому пусть Герминка все устраивает сама. Ведь это было для нее — и завет ей и такое великое покаяние, — это должно принести ей счастье. Сохрани меня господь вмешиваться и расстроить Герминкино счастье. Знаете, у меня здесь, на сердце, так хорошо, что он все искупил, и мы не должны больше унижаться, и обе — и я и Герминка — можем поминать его добром. Господь за это наверняка ему все простил.

К о р ч а к. Так. Но теперь нам снова пора за работу. Нечего тут зря тянуть. Вот заказчики — вот веревка. Спрос велик. Нужно хорошенько выбрать, назначить цену, разделить веревку… и… О!..

Входит Г е р м и н а, в пальто и скромной

шляпке.

Г е р м и н а. Добрый день!

К о р ч а к. Наконец!.. Наконец-то вы пришли. Где вы так долго пропадаете? Сейчас этак дело не пойдет, ко всем чертям, вы должны заниматься торговлей, пока люди прямо рвутся. Чтоб не раздумали или чтоб кто-нибудь в ваше отсутствие не отнял все у старухи матери, этой наивной души.

Г е р м и н а *(раздевается)*. Да что вы боитесь… Нужно же мне было сходить на работу… отпроситься.

Г а л д а ч к а. Ну и как? Что сказал хозяин?

Г е р м и н а *(со смехом)*. Представь, ему тоже нужен кусок.

Г а л д а ч к а. Чего?

К о р ч а к. Веревки!.. *(Поспешно.)* Ну и как? Вы его записали… Задаром — ничего! Предупреждаю! Прин-ци-пи-аль-но! Никому — ничего! А то обид не оберешься. Каждому захочется… Вот посмотрите… *(Достает списки.)* А теперь садитесь и пишите: Алоизия Копистова…

Г е р м и н а *(садится к столу)*. Обождите… сначала подсчитаю, что у меня уже есть…

Г а л д а ч к а. Только хозяина не забудь. Советую тебе — не забудь… Он сам попросил у тебя кусок?

Г е р м и н а. Да. И еще добавил: только не задаром. *(Живо, обоим.)* А знаете, что он еще сказал? Я с ним поделилась, как мы расцениваем поступок отца и какой большой спрос на счастье от удавленника…

К о р ч а к. Счастье от удавленника — это хорошо, я тоже буду так говорить…

Г а л д а ч к а. Обождите… *(Гермине.)* Ну, а он что?

Г е р м и н а. Вы, говорит, должны этим воспользоваться. И совершенно по собственной инициативе — вы должны этим воспользоваться. Это исключительная конъюнктура…

К о р ч а к. Ишь ты, ишь ты — конъюнктура. Видали?

Г е р м и н а. А он в таких вещах разбирается!.. Но это не все. Ой, говорю, пан хозяин, можно бы и воспользоваться, да хватит ли нам вообще веревки. Ведь у нее два конца, и мы даже не можем поделить ее на всех, кто предлагает тысячи крон.

К о р ч а к. Браво! Это вы очень хорошо сказали. Вот тут *(указывает в свои списки)*, к примеру, двенадцать новых заказчиков, а это, почитай, еще только начало… и…

Г е р м и н а *(перебивая его)*. …и что вы скажете?

Он задумался, улыбнулся и хлопнул себя по лбу: «Но, черт подери, — говорит, — понимаете: по собственной инициативе — ведь это великолепно! Вы можете продать несколько веревок».

Галдачка и Корчак с минуту непонимающе смотрят на нее.

Ну, понимаете?.. Найти еще какую-нибудь веревку, как он считает… разделить и продать ее, будто это та самая…

К о р ч а к *(взрывается)*. А, проклятье!.. *(Хлопает себя по лбу.)* Только и остается, что хлопнуть себя по лбу!.. Проклятье! Вот это идея, ко всем чертям!

Г а л д а ч к а *(озадачена)*. Как так?!. Что… что… *(растерянно)* но это было бы жульничество!.. Грех это! Папа этого не хотел! Да как он посмел! Как ему только в голову могло прийти осквернить память отца… *(Искренне возмущена.)* Герминка, ведь ты этого не сделаешь? Это же никуда не годится!

К о р ч а к. Ко всем чертям! Почему — не годится? Что тут плохого? Разве отец не пожертвовал жизнью ради будущего своей дочери? Не хотел обратить свою смерть в наследство для дочери? И чтобы наследство было как можно больше?..

Ну, так вот, ко всем чертям! Если б он мог, он повесился бы на двух веревках. А будь у него под рукой веревка вдвое длиннее, он наверняка взял бы ее, тем самым вдвое увеличив наследство. Все дело в том, какова была его воля, а воля его — вот она, и это дает нам право на все. Не две, а три веревки можно взять, и на всех на них бедняга Галдак повесился! Раз у нас есть заказчики, которые обеспечат Герминке приданое согласно воле удавленника. Проклятье, великолепная идея, она может возникнуть только у такого человека, как твой хозяин, Герминка. *(Потирает руки.)* Это, Герминка, сам дух отца подал твоему хозяину, черт бы его подрал, такой знак.

Г а л д а ч к а *(опускается на стул)*. Господи, что вы такое мелете, пан Корчак, просто страх берет.

К о р ч а к. Потому что вы старуха, у которой в голове одни ужасы… Но мой приятель Галдак знал, что делает, и мы должны быть послушны его воле.

Г а л д а ч к а. Нет, нет!.. Я никогда вам не поверю и никогда не соглашусь с подобным мошенничеством.

К о р ч а к. Вот тут двенадцать новых, хороших, повторяю — хороших заказчиков: Алоизия Копистова, вдова управляющего… управляющего…

это… какого-то управляющего… Ружова улица, восемь, сорок лет, имеет денежки, хотела бы выйти замуж. Чиновник Жабигоудек, не женат, старый холостяк, имеет желчные камни и играет в лотерею, но еще ни разу не выигрывал и от этого вечно брюзжит… Каролина Якшова… ну, нет, эту лучше сразу вычеркнем…

Г е р м и н а. Дайте сюда, я перепишу… *(Переписывает.)*

Г а л д а ч к а. Нет, нет! Я до сих пор не могу прийти в себя — неужто вы могли бы так поступить? *(Волоча ноги, подходит к столу.)*

К о р ч а к *(заглядывает в записи Гермины)*. Вот к этой, Лауренцовой, меня послал угольщик. Но туда нужно было пойти, когда мужа нет дома. Она мне тут же стала совать в руку две сотни, чтобы быть уверенной. Но…

Г е р м и н а. …вы их не взяли, не так ли?

К о р ч а к. Как вы могли подумать, барышня?! Я сказал: «Ко всем чертям, сударыня, я похлопочу, чтобы вас включили в список, но никакого аванса взять не могу».

Г а л д а ч к а *(гладит Гермину по голове)*. Ты этого не сделаешь, Герминка. Как я после смогу смотреть людям в глаза! И опять, как прежде, было бы тяжело, все было бы погублено, и так

ужасно, если бы я не смогла смотреть людям в глаза. Если б ты знала, как все это угнетало меня, и если б слышала, как недавно я от этого освободилась, от всего сердца гордо высказавшись и облегчив душу, — тебе такая мысль и в голову не пришла бы.

Г е р м и н а *(рассеянно)*. Какая?.. Да о чем ты говоришь, мама?..

К о р ч а к. Не мешайте нам, пани Галдакова. Видите, у нас важный разговор…

Г а л д а ч к а *(Гермине)*. На одной веревке висел твой отец во имя твоего счастья, а не на двух и не на трех. Вот о чем я говорю. О том, чтобы не замарать обманом ни смерть твоего отца, ни твое приданое. О том, чтобы мне до конца жизни не приходилось стыдиться ни за своего мужа, ни за себя и свою дочь… У меня тоже важный разговор, пан Корчак, коль вы собираетесь осквернить память отца, который знал, что делает.

Г е р м и н а *(коротко смеется)*. Успокойся, мама. Я уже об этом забыла. Да это и не понадобится. Посмотри, сколько их!..

Г а л д а ч к а *(в приливе радости)*. Как… конечно… не понадобится! *(Смеется и плачет одновременно.)* Извините… извините… я была глупа. Все во мне оборвалось, я будто рухнула

в пропасть от этой дурацкой выдумки. Дорогая Герминка! Что за мысль! Ведь это и не нужно! И я смогу… снова… с поднятой головой… потому что… потому что… это… будет так, как хотел он… он не хотел… никого обманывать… *(Поворачивается и уходит в глубь сцены.)* Теперь… теперь… я уж не буду вам мешать…

К о р ч а к *(сухо)*. Я только говорю, что два или три больше, чем один… но если вы полагаете… *(Пожимает плечами.)* Все это бабское суеверие… Но что поделаешь, как посеешь, так и… давайте лучше считать…

Г е р м и н а *(смотрит в записи)*. Вот тут не могу разобрать… Ко… Ка… ну и каракули у вас, дружище! Ко… Ка…

К о р ч а к. Это? Да это же Гарванкова… Бывшая мельничиха. У нее тут замужняя дочь, сама она с деньгой и уж до того суеверна! Этой дешево не отдадим.

Г е р м и н а. Значит, Гарванкова. *(Записывает; мечтательно.)* Шляпка от мадам Пихаловой… видела у нее в витрине. Когда я проходила мимо, у меня было такое чувство, будто эта шляпка уже у меня на голове, так она мне нравится, мама.

Г а л д а ч к а. И она у тебя будет — папочка тебе ее купит.

Г е р м и н а. И как-то приодеться. Знаешь, мама, крепдешиновое платье… а к нему шелковые чулочки и открытые туфельки, ну, такие, без задника.

Г а л д а ч к а. На все тебе папочка приберег, и на наряды, чтобы ты могла в люди показаться.

К о р ч а к. Или, черт побери, посидеть после работы в кафе, у широкого окна, посмотреть на людей, полистать журналы, послушать музыку… а это, ко всем чертям, может себе позволить лишь человек, которому за капиталом стоит только руку протянуть.

Г а л д а ч к а. Одним словом, если человек прилично одет, он во всем начинает разбираться, и люди его замечают. А если тебя замечают — ты уже на полпути к счастью.

К о р ч а к *(снова погрузившись в бумаги)*. А что… вот эту пани Брадачову с супругом… уже записали?

Г е р м и н а *(мечта перемешивается с деловыми суждениями)*. Мама, ты даже не представляешь, насколько ты права. Я оденусь как девушка из приличной семьи, и соответствующим образом со мной станут обходиться. А коли со мной будут так обходиться, я соображу, что надо делать, чтобы не сидеть на одном месте, поверь. Буду

продвигаться все выше и выше. Стану бывать в обществе и найду применение своим способностям. Сумею добиться того же, что Отагалова. Она вечно бывает то на танцах, то на загородных прогулках, и у нее такие знакомства, что стоит ей захотеть — она тут же получит место на почте. Только ей это ни к чему.

Г а л д а ч к а. И главное дело: тебе не нужно гнуть спину, стыдиться, сторониться людей, ты можешь всем смотреть прямо в глаза. В чем будешь, в том и будешь — в своем, в своем, честно унаследованном после доброго отца, а не в украденном или вытянутом обманным путем. Это самая большая радость и удовлетворение, говорю тебе, — то, что можешь гордиться собой и своим отцом. *(Гордо.)* Да, у него были ошибки, но он все искупил. Он думал о своем единственном ребенке и оставил приданое, чтоб ему хорошо жилось.

Г е р м и н а *(выдвигает ящик и достает веревку).* Да, вот мое приданое *(прижимает ее к груди)* и мое будущее.

К о р ч а к. Раз уж вы ее вынули, можно и измерить... Постойте! *(Прислушивается.)* Кто-то стучит?

Г а л д а ч к а. Вроде нет... Но погляжу. *(Уходит.)*

К о р ч а к. Я бы не хотел, чтоб нам сейчас кто-нибудь помешал. И так уж мы заболтались и потеряли время. Торговлю не откладывают.

Г е р м и н а. А может, это какой заказчик.

К о р ч а к. Возможно… Как по-вашему? Позвать его лучше сюда? А то старая нам всю торговлю испортит.

Г е р м и н а. Взгляните…

К о р ч а к *(открывает дверь)*. А… в чем дело? В чем дело? Барышня говорит, чтоб вы проводили этого господина в комнату, пани Галдакова.

Г а л д а ч к а *(входя)*. Да я не понимаю, что, собственно, ему нужно!.. Входите, вот моя дочь Гермина и пан Корчак. Скажите это им, я ни во что не вмешиваюсь.

Входит веревочник Р а х, неопределенного возраста, спокойный, с профессиональной улыбкой торговца.

Р а х. Мое нижайшее почтение… Я правильно попал, к Галдакам? То есть к наследникам пана Галдака?

Г е р м и н а. Да.

Р а х. Да… вот что важно. Я веревочник Рах… Ну, вы же понимаете: веревочник Рах…

Все вопросительно смотрят на него.

Г е р м и н а. Ну и что?..

Р а х. Ну… и это все. Думаю, для вас тем самым все сказано.

Г е р м и н а. Нам это ничего не говорит.

Р а х. Не говорит? В самом деле?.. Я пришел за той веревкой!

Г е р м и н а *(машинально хватает веревку и прижимает ее к себе)*. За какой веревкой?

Р а х. Позвольте… *(Подходит к ней и разглядывает веревку.)* Да, это она! Пеньковая, дважды моченая, полутора метров. Первоклассная! Другой толщины я не делаю. Это она.

К о р ч а к. С ума вы сошли?

Г е р м и н а *(взволнованно)*. И вы пришли за этой веревкой? По какому праву?.. Ведь это мое приданое!.. Ничего я вам не дам, наглец! Уходите!

Р а х. Приданое? Да не нужно мне вашего приданого, барышня! Мне нужна только эта веревка, вот что важно. Только та веревка, на которой повесился… то есть… на которой окончил свою жизнь пан Галдак. Та самая веревка, вот что важно.

Г а л д а ч к а. Простите, пан. Я простая женщина, но поднимать меня на смех не позволю… Верю. Этак каждый может: прийти, взять да ута-

щить все наследство.

Р а х. Вижу, вы не информированы. Это мне неприятно. Ну, что поделаешь… Не сердитесь, я не шибко образован, чтобы растолковать вам все как следует. Но зато у меня способности к торговле и осмотрительность. Вот что важно… Мне известно, что вы подыскиваете заказчиков на эту веревку, и потому я себе сказал, что должен своевременно прийти, чтобы прекратить это. Да, вот что важно. А то вы продавали бы в мою пользу.

Г е р м и н а. Говорите, говорите! Почему — в вашу пользу?

Р а х *(оглядывает всех)*. Дело в том, что он… пан Галдак… мне за нее не заплатил… Вот что важно.

Все изумлены.

К о р ч а к. Как… не заплатил?!.

Р а х. Вот что важно…

Г е р м и н а *(вдруг решительно)*. Ну, если он не заплатил — заплатим мы. Сколько разговоров!.. Завтра же заплатим!..

Р а х *(почесываясь)*. Ну что ж!.. Эта веревка не просто веревка. Вот что важно. Эта веревка очень дорого стоит.

Г е р м и н а. Ага! Вы хотите, чтобы мы дали вам больше? Ну, нет! Получите столько, сколько она

стоит в лавке.

К о р ч а к. Известное дело. Нас не проведешь, пан веревочник, ко всем чертям.

Р а х. Ну, что ж!.. Только я эту веревку не продам!.. Вы и заплатить за нее не сможете.

Г е р м и н а. Ишь ты! Он не продаст!.. Поздно, любезнейший, вы ее продали, она уже не ваша. Не ваша, даже если вы дали ее в долг. Долг наследники вам уплатят, и дело с концом…

Р а х. Ну, что ж, как бы вам это сказать: за веревку не заплачено, но веревка и не продавалась. Даже в долг. Вот что важно… Она остается моей, потому что пан Галдак просто одолжил ее…

Все не сводят с него удивленных глаз.

Взаймы. Вот что важно.

Г е р м и н а *(срывается)*. Лжете! Обманщик! Негодяй! Ничего не дам! Можете рассказывать эти байки кому угодно! Мой отец покончил со своей жалкой жизнью — и думал обо мне. О моем будущем! Вот свидетели! Вот пан Корчак, который вам подтвердит, что вы — мерзавец. Вы хотите заработать на смерти моего доброго отца. Я, только я имею право на цену его смерти — на эту веревку, которая сегодня стоит пятнадцать тысяч и которую отец завещал мне…

Р а х. В таком случае, раз вы так расстроены, я буду говорить с пани Галдаковой. В торговле нельзя расстраиваться, вот что важно… Что она дорого стоит, я знаю, и потому вынужден защищаться. Я не шибко образован, но зато у меня способности к торговле и осмотрительность… Вот *(вынимает из кармана бумагу)*, пани Галдакова, моя осмотрительность и доказательство, что я не лгу. Доказательство! Это, с вашего позволения, важно для всех судов на свете… И если вы не отдадите веревку и станете ее продавать по кусочкам, вам это ничуть не поможет. Все придется вернуть. Вернуть мне… Ну, пожалуйста, вот оно! Читайте.

Все трое приближаются к нему с каким-то ужасом. Гермина, протягивает дрожащую руку к бумаге.

Нет, я буду держать, а вы читайте. Осмотрительность мне, слава богу, никогда не изменяет.

Г е р м и н а *(смотрит в бумагу, читает)*. «Удостоверяю собственноручной подписью, что пан Рах, веревочник, сегодня, двадцать первого марта тысяча девятьсот двадцать девятого года, одолжил мне для определенной цели полтора метра конопляной веревки, и обязуюсь возвратить ее

в течение двадцати четырех часов. Если же я вовремя этого не сделаю, пан Рах сам зайдет за ней, и любой член моей семьи тотчас обязан вернуть ему веревку. Эмиль Галдак — собственноручно. Свидетели: Карел Янеш, подручный пана Раха, Йозеф Лебеда, городской посыльный номер пятнадцать».

Корчак тихонько протяжно свистит, отворачивается, чтобы осмыслить создавшееся положение.

Гермина, устремив дикий взгляд в пустоту, пытается уцепиться за что-нибудь бессильными руками.

Г а л д а ч к а *(всхлипнув возле Гермины, непроизвольно обнимает ее одной рукой, как бы желая ухватиться за нее)*. Двадцать первого марта!

Р а х *(складывая бумагу)*. Подписано собственноручно… Я знал пана Галдака и дал ему взаймы полтора метра конопляной веревки — под расписку. Вот что важно. Для определенной цели. Меня не касается, для какой, разве не так? Я веревочник и забочусь о своей торговле и ее процветании. Для этого нужна реклама. Но дарить — дарить я ничего не могу. Даже кусок веревки… Кто меня может упрекнуть, что я по-

ступил неправильно? Я же не говорил ему, чтоб он повесился! Я только одолжил ему веревку для определенной цели. Вот что важно. Одолжил. Веревочник — бедный человек. Он никогда ничего не имеет от удавленников. Несправедливо. Но эта веревка — моя. И если вы не захотите мне ее отдать, суд вас заставит. А если тем временем вы обратите ее в деньги, то сделаете это для меня. Вы продали мой товар, и то, что за него выручили, — выручили для меня. Я в статьях разбираюсь. Вот что важно. *(Заметно самоувереннее.)* Ну, что?

Г е р м и н а. Бог мой! Бог мой! Зачем вы пробуждаете меня ото сна?.. Я снова вижу отвратительного, пьяного, грубого и эгоистичного отца. Где мы, мама? Мы провалились во тьму, в которой пребывали. *(Отстраняет мать.)* Нет, уйди от меня… Это был всего лишь опустившийся человек, который повесился в состоянии белой горячки. Ему и в голову не пришло подумать о дочери и жене. Как жил, так и умер, ничего не искупив.

Г а л д а ч к а. Твое приданое! У тебя нет приданого, бедняжка. Нет памяти об отце, доченька моя. А мне остается прежний стыд, невыразимый стыд и жалость. *(Убитая, уходит в глубь сцены.)*

Гермина, униженная, идет к столу, тупо, покорно складывает бумаги.

К о р ч а к *(незаметно приблизившись к веревочнику).* Тут у меня список… Все идет прекрасно. Я уже все устроил, обо всем позаботился. Сменю фирму — и дело с концом. Десять процентов мне — и можно начинать торговлю, ко всем чертям… «Только у Раха настоящая, с полной гарантией веревка самоубийцы…» Можем поместить такую табличку в вашей витрине. Впрочем, не беспокойтесь. Я уж сам постараюсь, чтоб это всем стало известно, и разрешите — на ушко: веревка может оказаться длиннее — не полтора, а три, пять, шесть метров! Хе-хе! За сбыт ручаюсь…

Рах понимающе подмигивает.

З а н а в е с.

III

Декорация первого действия. Сцена какое-то время пуста. Потом дверь отпирается и входит Г а л д а к о в а; очевидно, она выходила за покупками и потому надела лучшее свое платье. Но это ей не помогает. Перед нами снова удрученная, запуганная, покорная и униженная, измученная заботами старуха, как в начале первого действия. Только, быть может, в ее смирении ощущается большая трагичность и решимость. Войдя, она первым делом заботливо осматривается, все ли в порядке. Затем поднимает свою сумку с покупками и задумывается. Вероятно, размышляет, куда положить, потому что через минуту принимает решение и семенит с ней в соседнюю комнату. Оставив ее где-то там, возвращается и только тогда снимает с головы платок, который аккуратно складывает и убирает в шкаф. После чего некоторое время осматривает себя, словно желая убедиться, что все в порядке. В этот момент кто-то стучит.

Г а л д а ч к а *(быстро приглаживает волосы).* Войдите.

Входит К о р ч а к.

К о р ч а к. Наконец я вас дождался, пани Галдакова.

Г а л д а ч к а. Вы ждали меня?

К о р ч а к. Известное дело, ждал, ко всем чертям.

Г а л д а ч к а. Странно, что вы не сидите у веревочника Раха.

К о р ч а к *(наивно)*. Господи, а что мне там делать?

Г а л д а ч к а. Зарабатывать на смерти моего мужа.

К о р ч а к *(жалобно)*. Как вы можете так язвить по адресу невинного и бедного человека!.. Все мы хотели заработать, все хотели исправить и улучшить свое положение, и те десять процентов, что я получил бы, клянусь честью, были бы заслуженными. Все бы мы их заслужили... но этот... этот... эгоист и жмот ничего не заслуживает. Гроша ломаного... и то ему не пожелаю...

Г а л д а ч к а. Это кто ж — не заслуживает?

К о р ч а к. Разве я неясно говорю? Веревочник Рах.

Г а л д а ч к а. Ишь ты! Так быстро рассорились?

К о р ч а к. Ну... рассорились — и не рассо-

рились… Просто я говорю, что веревочник Рах — эгоист, рвач и жмот. Я к нему со всем расположением, а он все подмаргивает, подмигивает, а под конец: нет! Ничего, мол, не дам. Сам все сделаю. Никаких десяти процентов! Что, мол, это такое. Если я согласен на скромное вознаграждение — ладно. Но десять процентов?.. Вот видите. Пусть подавится… Только говорю вам, пани Галдакова: он сам себе вредит!

Г а л д а ч к а. Ну что ж, он ведь торговец, сам все понимает… Зачем ему вредить себе?

К о р ч а к. Лавочник он, а не торговец… *(Загадочно.)* Вредит он себе, честное слово, вредит. Ему никто не верит. Известное дело — веревочник! Веревок полна лавка, а все теперь боятся, как бы их не надули. Кто может поручиться, что ему продали именно от той самой веревки?.. И чтоб вы знали: я ему тоже подставляю ножку где могу. С вами было лучше.

Г а л д а ч к а *(вдруг безучастно и с некоторым несогласием)*. Вы думаете?.. Да что толковать! Было — и нет, больше мне о том не говорите. Меня не интересует ни пан Рах, ни все ваши заботы. Пока веревка была у нас, здесь был такой… такой… ореол вокруг нашего папочки, нам казалось, что он поднимается на небо… Нет, не говорите мне

больше об этом, у меня сердце разорвется прежде… прежде времени.

К о р ч а к. Боже мой, пани Галдакова, как вы огорчены!.. А я скажу… только о том и речь! Может, придет хорошая мысль, идея какая, не надо терять надежду. *(Значительно и подчеркнуто.)* Разве этот капиталец не стоит того, чтобы договориться? У Раха дело не выгорит, да и вы ничего не можете. Рах не получит ничего или очень мало, поверьте мне, вы не получите ничего, я не получу ничего. А капиталец — вот он… и если мы срочно не договоримся, он растает у нас на глазах, как снег на солнце.

Г а л д а ч к а *(чуть внимательнее)*. Не хотите ли вы сказать, пан Корчак, что мы еще могли бы получить каким-то образом наследство нашего папы?!

К о р ч а к. Вот видите: почти это я и хотел сказать, ко всем чертям… Если не целиком, то хоть что-то.

Г а л д а ч к а. Да?.. И тогда ореол снова…

К о р ч а к. Слушайте, пани Галдачкова, неужели нельзя как-то договориться, чтобы каждый получил свое?.. Вы кое-что уступите, без этого нельзя, — но лучше что-то, чем ничего.

Г а л д а ч к а. Как вы себе это представляете?

К о р ч а к. Я представляю это так: объединимся с веревочником. На паях — пополам. Веревочник дает веревку, вы — патент и все, что к этой веревке относится, я — свой список, организацию и сбыт. Все должно исходить от вас, а не из лавки веревочника. Веревочник не сдвинется с места, говорю вам, а тысячи висят в воздухе, ваши, веревочника и десять процентов моих, — и все из-за глупости. Знаю, Рах поступил некрасиво, и стоило бы ему пожелать, чтоб он погорел… только какая нам польза от его урона? Никакой. Да и нам самим урон.

Г а л д а ч к а *(на минуту оживляется от вспыхнувшей надежды)*. Думаете, после этого вернулась бы слава отца и у нас снова было бы так же хорошо на сердце, как тогда, когда мы считали, что он все сделал ради нас? И… вы думаете… думаете… *(буквально умоляюще)* что Герминка снова могла бы сказать… что у отца, пьяницы и опустившегося человека… все же было доброе сердце?.. И думаете, что я… я бы… снова могла… пусть даже это будет лишь половина тысяч, тех тысяч, что мы могли бы получить, не будь этого проклятого веревочника… что я снова могла бы ходить с поднятой головой и до конца своих дней радоваться и быть довольной, что Герминка не

смеет проклинать отца?

К о р ч а к. Ну, о чем вы! Какой тут ореол и тому подобные разговоры про сердце и не знаю, про что там еще. Будут тысячи — будет все, и голову можно будет держать высоко. Вот как я скажу.

Г а л д а ч к а *(бросив на него короткий испытующий взгляд).* Так, значит… Только если будут тысячи… *(Серьезно.)* Ах нет, пан Корчак. Тут нечто иное, нечто совсем иное. Не деньги — нечто иное. Меня интересовали не деньги, а память о добром отце, который ошибался, а потом заплатил за все. Дорогой ценой заплатил, чтобы быть чистым в глазах своей дочери… Но нет. Я ведь уже знаю, прекрасно знаю, что моя мечта была глупой и все в моей голове смешалось из-за этой красивой выдумки. Теперь уж это будет не заслуженное наследство после отца, который благодаря этому в глазах своей дочери и всего света окажется чист. Теперь… теперь… это будет гешефт, жульничество, хамство, а на это мне, пан Корчак, с позволения сказать, — тьфу, хоть я и не смею ходить с поднятой головой, как надеялась…

К о р ч а к *(даже рот раскрыл от изумления).* Нет… Странный вы человек, пани Галдакова. Тут тысячи на пороге, а…

С к л е н я ч к а *(просовывая голову в дверь).* Я так

и думала, что вы торчите у Галдачки… *(Входит.)* Пан Корчак, хозяйка вас ищет и зовет уже чуть ли не полчаса.

К о р ч а к. Ну-ну… бегу уж, ко всем чертям. *(Уходя, Галдаковой.)* Не может дождаться веревки, знаю я… Поразмыслите, пани Галдакова. Я зайду узнать, как вы решили. Не могу, не могу поверить, что это было ваше последнее слово. *(Идет, но от двери возвращается.)* Или хотя бы обещайте, что не будете мешать Герминке, если она согласится.

Г а л д а ч к а. Ох нет… Герминка этого никогда не сделает!

К о р ч а к. Не говорите так. Разрешите ей действовать по своему усмотрению — и увидите. Герминка — практичная, трезвая девушка и сумеет все взвесить и рассчитать. Только оставьте ее в покое и не портите торговлю. Видите, как я играю вам на руку!

Г а л д а ч к а *(почти весело)*. В другой раз, пан Корчак, в другой раз. Чтоб это не было обманом…

К о р ч а к. Ну, только не пожалейте, ко всем чертям. *(Уходит несколько рассерженный.)*

С к л е н я ч к а *(кивает в его сторону)*. Понятно! Торопится, а? Насчет гешефта с веревкой… угадала?

Г а л д а ч к а. Вам тоже это известно?

С к л е н я ч к а *(точно рассчитывает свои вроде бы невинные фразы; и ехидства в ней предостаточно).* Да какая же тут тайна! Когда идет торговля, без людей не обойтись. А Корчак умел поворачиваться, что правда то правда, он был живая реклама. Известно, нам — маленьким людям — он не больно-то много дал, но хоть не скрывал от нас ничего, это так. *(Помолчав.)* Ну, не беда, что все расстроилось и вам снова придется остаться среди нас, маленьких людей.

Г а л д а ч к а *(пытаясь возразить).* Да ведь я бы…

С к л е н я ч к а. Ну-ну-ну, не оправдывайтесь. Я знаю, вы с Герминкой видели себя уж бог знает где. Такое может вскружить голову, и сам не заметишь, как задерешь нос…

Г а л д а ч к а. Но…

С к л е н я ч к а *(быстро).* Я вас ни в чем не упрекаю. Сохрани бог. Эка невидаль, — ну, несколько поспешили. Вы были в таком раже, что мы могли казаться вам недостаточно благородными… но, эка невидаль, я не обиделась, как видите.

Г а л д а ч к а. Нет… вы, Скленячка, пришли не с хорошим намерением… Не с хорошим…

С к л е н я ч к а. Что?.. Я пришла не с хорошим намерением?.. И это мне за то, что я не обиделась

и дружески протягиваю вам руку?! *(Собирается уйти.)* Да ведь я, глупая женщина, могу и уйти… Гордыня — тяжкий грех, а злость — еще больший. Верю, что вы сейчас злы на весь мир. Ну что ж, не удалось вам на нас — маленьких людей — смотреть свысока. А что вы бы тому радовались — верю… Когда этот пьяница жил в вашем доме, вы были вот какие маленькие. И вдруг: видали, ведь он позорил нас только для того, чтобы повеситься и обеспечить нас до конца жизни, — не так ли. Мы ведь сроду были люди деликатные… нам бы только деньги — мы бы вам показали. Мы бы вас послали ко всем чертям… не правда ли, так вы думали? Но у вас ничего не вышло, и теперь я, глупая женщина, по крайней мере узнала, что вы за люди. Теперь можете зазнаваться и задирать нос, коли мы для вас грубы, увидим, к лицу ли это всяким нищим. И не забудьте этому своему… поставить памятник… Вот вам ваше «хорошее намерение»!..

Г а л д а ч к а *(с трудом)*. Да, да… Теперь я вижу и слышу, зачем вы пришли: увидеть меня уничтоженной, обворованной, вдвойне униженной, лишенной последних сил. Так полюбуйтесь и посмейтесь над этой наивной женщиной, которая хотела увидеть свою жизнь совсем новой, в

чистоте и сиянии... Но зачем я вам об этом говорю — вы бы ничего не поняли, у вас в душе, кроме злобы да ехидства, ничего нет.

С к л е н я ч к а. Известное дело! Где уж мне — глупой и грубой женщине!

Входит Г е р м и н а.

А вот и барышня пришла. Ну, не буду мешать господам. Барышне... ну, где там! — даже него-же сказать мне «добрый день». *(Ухмыляется и уходит.)*

Г е р м и н а *(вслед ей).* Змея!.. И вот так мне ухмыляется весь дом, вся улица. За то, что мы могли уже... могли уже разбогатеть, а очутились снова там, где были. *(Зло швыряет шляпу и пальто.)* Занятые тупой, каторжной работой, лишенные уважения, убогие. Это их месть за то, что мы отважились поднять голову.

Г а л д а ч к а *(собирает и приводит в порядок одежду Гермины).* Не обращай, Герминка, внимания, на злобу людскую. Сама успокойся, перестань беситься.

Г е р м и н а. Дождалась... Теперь будет еще хуже, чем прежде, когда был жив... этот... наш...

Г а л д а ч к а *(идет к Гермине, ласково берет ее за руку, хочет отвести на скамейку).* Ну, Гер-

минка… не надо сетовать. Отдохни хорошенько, ты за день устала, вот тебе и лезут в голову тяжелые мысли. Но не надо больше о том говорить, забудем обо всем, снова возьмемся за работу, ограничим себя… и увидишь, как быстро появятся у нас занавески, кушетка и подушечки…

Г е р м и н а *(спокойно высвобождается и садится на стул, словно желая быть подальше от материнской нежности; горько).* …и я могу привести сюда пана приказчика Индру Вобишка с восемью сотнями в месяц, делать влюбленные глаза и лгать себе, что мы, лучшие прачки, — самые счастливые люди на свете.

Г а л д а ч к а *(запинаясь).* Индру… не знаю… он уж, думаю…

Г е р м и н а. Но ты ошибаешься, мама. Это совсем другое дело. Теперь уж это совсем другое дело. *(С горьким возмущением.)* Я была на пороге счастья. У меня возникла такая неожиданная надежда, что я стала совсем иной. Собственно, я никогда не знала, что такое надежда, я не думала, что может случиться нечто удивительное, что разом превратит нищету и гнусность в благосостояние и красоту. Это ужасно — вкусить однажды надежду. Я никогда по-настоящему не понимала, в каком, собственно, животном страхе

мы постоянно пребываем и что нигде не написано, что мы вечно должны так жить. И вдруг случилось поразительное. Вдруг — мой отец! Я впервые услышала, как по-настоящему звучит слово «отец»! В душе я умоляла его простить меня, словно тяжко провинилась. Мне казалось, я обижала его, потому что не понимала. Это было настолько поразительно, мама, что у меня нет слов выразить. Я просила у него прощения и сама его простила. Все его гнусности казались мне лишь испытанием неразумной дочери, а его смерть — великой, небывалой любовью, которая, по крайней мере в душе, толкает ребенка в объятия отца. Я никогда не знала, что отец может принести себя в жертву, поэтому была просто ошеломлена. Этот чужой, пьяный человек стал вдруг для меня действительно отцом, и этот мой отец в моих глазах и в моем сердце был героем. Героем — понимаете, мама, что это значит?

Галдачка *(кивает).* Герой, который освобождает…

Гермина. Да, герой, который освобождает свою дочь. Герой, который приносит себя в жертву ради ребенка. Герой, который своей смертью наполняет протянутые пустые ладони ребенка, которому жизнь ничего не хотела дать. *(Опуска-*

ет голову на ладони; быть может, она впервые подавлена массой причудливо перемешавшихся чувств.)

Г а л д а ч к а *(гладит ее, задумчиво кивая)*. Никто тебе ничего не давал в протянутые ладони, никто…

Г е р м и н а *(опомнившись, спокойно)*. А было уже больше пятнадцати тысяч. Пятнадцать тысяч давал мне в руки отец, и количество денег должно было еще возрасти… Я все время держала ладони открытыми, пятнадцать тысяч — только сжать пальцы и мысленно поцеловать отца, которого я никогда в жизни не целовала… это была чудовищная надежда, которую в качестве приданого дал мне своей смертью отец… И вдруг я сжимаю пальцы… и все исчезает. Надежда, отец, герой… Ах, мама, никогда, никогда мне не освободиться от этого ужаса разочарования, никогда уже я не увижу отца-героя… Лишь какой-то безобразный удавленник станет пугать меня во сне, и всю жизнь я не смогу избавиться от стыда и животного страха тех маленьких людишек, которые боятся посмотреть другим в глаза.

Г а л д а ч к а *(подойдя близко к ней)*. И все-таки он любил тебя. Я это знаю… Он ушел, чтобы не мешать тебе, чтоб тебе не приходилось за него

стыдиться. Только он не умел рассчитывать. Поэтому не оставил приданого. Не сумел рассчитать, что и смерть мог бы обратить в деньги. Он сроду не умел рассчитывать… Когда ты родилась, он истратил все наши сбережения на твои детские вещички. Накупил всяких кружев, ленточек, чепчиков, распашонок, пеленок — и чуть с ума не сошел от радости, когда тебя в это наряжал. А на другой день нам даже не на что было купить приличную еду… Видишь, как плохо он умел рассчитывать.

Г е р м и н а. К сожалению, мне об этом ничего не известно.

Г а л д а ч к а *(как бы вспоминая).* Но мне известно, Герминка, верь своей старой матери… Я знаю также, как он тебя нянчил, щекотал своими усами, и вы оба умели смеяться. Тогда мы все умели смеяться… А потом… потом… не знаю, как это произошло. Не знаю, откуда родилось пьянство. Его глаза горели огнем, — может, в них родится пьянство, в таких глазах, которые жаждут жизни… Наш отец был жаден до жизни… ну а если эта жизнь проходила мимо и все время нас отталкивала. При его жадности ему этого было мало. Я могла бы быть довольна… но он… у него были великие замыслы и планы… а ты росла, и он

смотрел на тебя и на ту жизнь, которая проходит мимо, и ничего из нее не удается для тебя урвать. Возможно, потому он и начал пить — ведь выпив, так красиво мечтать, все кажется таким легким и простым… Тебя он видел принцессой или знатной дамой, а сам был помещиком, депутатом, министром и бог знает кем, и, казалось, все это должно произойти прямо завтра. Вначале я смеялась над тем, как он приходит, покачиваясь, и бормочет… счастливо смеялась, потому что радовалась, мне это нравилось, и я готова была поверить… ради тебя готова была поверить в это вместе с папой.

Г е р м и н а. Но, мама, у вас хоть что-то есть, вы вспоминаете о чем-то хорошем. А я ничего не знаю… кроме грязи и стыда… *(Вскипев.)* Не могу вас понять — не надрывайте душу, не вспоминайте, не расслабляйте меня. Я пойду своей дорогой. Она вдруг передо мной открылась, и я по ней пойду… пойду! Без оглядки. Пойду — да еще буду над всем насмехаться. Глупо было бы оглядываться.

Г а л д а ч к а *(с затаенным страхом)*. Храни тебя бог, Герминка… только… хорошо ли я тебя понимаю…

Г е р м и н а. Один раз я оглянулась — и голова у меня пошла кругом. Это все твой «ореол» наделал.

Дурацкий ореол, выдуманный и фальшивый, который завел меня в чужой мир… пусть в надеждах и мыслях. Но я увидела этот чужой мир — и уже не могу от него оторваться.

Г а л д а ч к а *(с чувством глубокого убеждения в своей вине)*. Ореол… дурацкий ореол… он и тебя одурманил. И я виновата в том, что он тебя так одурманил, потому что упорно желала, чтоб это оказалось правдой. Обе мы желали, чтобы это оказалось правдой: что у нас был отец — настоящий отец, который ошибался, но не забыл, что он отец и муж, имеющий жену и ребенка… Дурацкий ореол… Прости, Герминка, что я его создала.

Г е р м и н а. Вы его создали. И уже не сможете уничтожить то, что создали.

Г а л д а ч к а. А дочь будет проклинать отца…

Г е р м и н а. …и продолжать жить в грязной нищете.

Г а л д а ч к а. И жить в грязной нищете… с протянутой ладонью. Ох, этот Корчак!.. Зачем он сказал первое слово! Я бы не произнесла следующих — и не засиял бы свет. Но теперь он погас…

Г е р м и н а. …только чад остался да глаза ест…

Г а л д а ч к а. А все я! Я… мать… создала… Дурацкий ореол… Как ты будешь вспоминать свою мать?..

Г е р м и н а. Как наивную женщину, которая ни в чем не виновата и ничего не может сделать…

Г а л д а ч к а. Мать ничего не может сделать. Он мог оставить своей дочери ореол…

Г е р м и н а. И пятнадцать тысяч.

Г а л д а ч к а. И больше.

Г е р м и н а. И больше… Но он не думал ни о том, какая память о нем останется, ни о дочери. Не оставил ничего, кроме унижения.

Г а л д а ч к а. А мать?.. Всему она виной, всему она. Что я оставлю?

Г е р м и н а. Мать ничего не может сделать… Эх, лучше помолчим… Я увидела девушку, жаждущую жизни, и в ее протянутые руки платили золотом — вот в чем дело. Платили, чтобы она очнулась… Нет, мама… это отвратительно, быть такой плаксой. Я уже очнулась.

Г а л д а ч к а *(с искрой надежды)*. Видишь, Герминка… Стоит очнуться, и все будет хорошо. Да, может, и не нужно, чтобы… *(запнулась)* мама…

Г е р м и н а. Ну… мама?

Г а л д а ч к а… чтобы ты упрекала маму… за этот ореол… *(После паузы, неуверенно.)* А может, Индра… может, Индра вернется.

Г е р м и н а. Не вспоминайте про Индру, мамочка… А раз уже вспомнили… ну чего ему

возвращаться? Он же никуда не уходил.

Г а л д а ч к а *(опустив голову)*. Не уходил. Но… но… я его выгнала.

Г е р м и н а. Выгнали?! А почему?..

Г а л д а ч к а. Так… в этом ореоле… и в гордыне… Герминка…

Г е р м и н а. А, понимаю. В глубине души он вас раздражал, так же как и меня. И когда вдруг появился этот блестящий мыльный пузырь, вы отвели душу за свое унижение. Знаю, знаю… Ну, что ж. Он мог быть хорош, если б я во всем обманулась. Мог быть хорош, если б мы вместе хотя бы смотрели на этот чужой мир, который поманил меня. Я стояла у его ворот… Мог быть хорош для самых дешевых мест в кино… возле экрана… Но его уже нет. Вы его выгнали. Он больше не вернется.

Г а л д а ч к а *(оцепенев)*. Нет, он больше не вернется… В этом тоже моя вина. Во всем — моя вина… Как ты поступишь, Герминка?!

Г е р м и н а *(коротко смеется)*. Пойду своей дорогой. Той дорогой, которая мне открылась в вашем фальшивом ореоле.

Г а л д а ч к а. А что это за дорога?

Г е р м и н а. Вы хорошо сделали, что выгнали его. В один прекрасный день мне пришлось бы

это сделать самой.

Г а л д а ч к а. Герминка?..

Г е р м и н а. Ну да… Мы еще посмотрим… мерзавцы. Посмотрим, мир и все наглые и угодливые приказчики его. Вы вытаращите глаза и облизнетесь, когда увидите Гермину в золотых туфельках, в шелковых чулочках и в автомобиле — она только промелькнет мимо вас. У моего хозяина есть автомобиль, и стоит мне сказать «да» или просто мигнуть — я поеду в этом автомобиле на прогулку, а потом уж вся моя жизнь превратится в изумительную прогулку — с музыкой, вином, автомобилем, драгоценностями, красивыми людьми, смехом, кушаньями и танцами. У моего хозяина есть автомобиль, есть автомобиль, автомобиль…

Г а л д а ч к а *(испуганно)*. Господь с тобой, Герминка… не собираешься же ты…

Г е р м и н а *(грубо)*. Вы не поняли? Все, что вам сейчас подумалось, все, чего вы так испугались, — я все сделаю, потому что я — Гермина, которую уже не удастся отогнать, которая тоже хочет когда-нибудь пожить, которой вы подали мысль и надежду, что вот так — в достатке, роскоши и наслаждении — она могла бы жить… и у которой ничего нет в протянутой ладони.

Г а л д а ч к а *(рухнув, зарыдала).* Ужас!.. Моя дочь!.. Вот до чего ее одурманил мой ореол. Что делать, что делать! Моя во всем вина, и случится то, что должно случиться. И все же я еще надеялась!..

Стук в дверь — раз, другой, третий.

(Поднимается на ноги.) Это он!.. Корчак!

Г е р м и н а. Корчак?.. Что ему еще нужно?

Г а л д а ч к а. Услышишь, услышишь. Чтобы ты наплевала на отца. Чтобы обманула мир. Чтобы устраивала гешефты из смерти отца и лгала, лгала, лгала — бесстыдно лгала и брала деньги и поделилась веревкой своего отца, который забыл про расчет… Нет, я не могу при этом присутствовать… *(С трудом плетется в сторону комнаты.)* Не хочу при этом присутствовать. Поговори с ним, но моего согласия не добьешься. Ты услышишь, услышишь, как этот мир зовет тебя.

Г е р м и н а. Войдите.

Входит К о р ч а к.

Г а л д а ч к а. Дай тебе бог счастья, Гермина, и не умножай позор нашего рода. *(Уходит налево.)*

К о р ч а к *(услышав последние слова).* Не надо никаких громких слов, пани Галдакова. И ни-

каких сентиментальностей. *(Гермине.)* Верно, уговаривала вас, чтоб вы меня не слушались. Я это знал. А ведь обещала! Ко всем чертям, обещала, что не станет вам мешать и уговаривать вас.

Г е р м и н а. Ну, хватит. Что вы пришли мне предложить?

К о р ч а к. Послушайте, барышня Герминка. Вы человек трезвый, умный, умеете рассчитывать и присматриваться. Не слушайте мать. Она очень мягкосердечна и из-за слез ничего не видит. Из-за пустых слез... Послушайте меня. Бели мы не можем иметь все, можем иметь половину, а половина лучше, чем ничего. Это мое честное предложение.

Г е р м и н а. Но каким образом?

К о р ч а к. Вот видите. Так оно со старыми людьми бывает. Хныкала, мешала вам, умоляла в слезах — я так и слышу ее, — а толком ничего не объяснила, не растолковала, не обдумала, не обсудила. Придется это сделать вам, и лишь потом скажите, есть в этом какой обман и бог весть что или нет.

Г е р м и н а. Мама плакала, а я должна обдумать. Без жалоб и слез. *(Живо.)* Я уже многое обдумала без жалоб и слез, пан Корчак.

К о р ч а к. Ежели вы обдумали, так послушайте

меня, ко всем чертям… Так… Рах забрал у вас веревку. Ну, хорошо… Но у Раха веревку никто не купит.

Г е р м и н а *(заинтересованно)*. Почему — не купит?

К о р ч а к. Как же, — говорят. Веревочник хочет продавать нам веревку удавленника. Ну да, ну да! У веревочника веревок много… Прежде ему самому следует на одной повеситься… Так говорят умные покупатели. Хе-хе!.. *(Торжествующе.)* Рах взял веревку, Рах имеет веревку, а она сгниет у него в магазине. Без вас она у него сгниет.

Г е р м и н а. Продолжайте. А что — мы?

К о р ч а к. У Раха есть веревка, и больше ничего. Хе-хе! У вас есть удавленник и покупатели, а веревки нет. Так объединимся?

Г е р м и н а. Рах и компания.

К о р ч а к. Рах и Гермина Галдакова, ко всем чертям. Нет! Вот как: Гермина Галдакова и компания.

Г е р м и н а *(задумчиво)*. И тогда, возможно, мне не пришлось бы… все-таки мне не пришлось бы жить в страхе и унижении. И тогда я, возможно, и не… с этим хозяином…

К о р ч а к *(поспешно)*. Гермина Галдакова и компания… Компания, связанная с веревкой,

чтоб она не сгнила без пользы. А я постараюсь, ко всем чертям, постараюсь, как никогда в жизни. Будет двадцать… я говорю, двадцать тысяч, если я приложу все силы и поищу самых благородных заказчиков. Десять вам, и десять Раху… а мне — всего десять процентов, и ни на йоту больше. Ради вас, Герминка, ни на волос больше — и ради будущего.

Г е р м и н а *(сама с собой)*. А может, это спасет нас от самого худшего, и, может, я все же буду похожа на барышню из хорошей семьи. И тогда со мной станут обходиться иначе, а я уж позабочусь о том, чтобы подняться выше… И мама, мама тоже поднялась бы выше и стала бы не прачкой, а матерью барышни Гермины из хорошей семьи… и… и…

К о р ч а к *(поспешно)*. Вот-вот, верно, верно. В том-то и дело, ко всем чертям. Обдумать все хорошенько — и сделка готова. Ну, идет?.. Ко всем… известное дело, идет, а теперь живо давайте сюда мать, пусть слышит, пусть образумится, а если вы душевно с ней поговорите, она образумится. Нужно, чтобы она образумилась… К чему эта болтовня, которой она занимается, и эти слезы, и эти жалобы. Какой обман, какое надувательство, и позор, и ложь?! Так она нам, ко всем чертям,

всю торговлю испортит… Ну, давайте. Пани Галдакова! *(Бежит влево.) Пани…*

Г е р м и н а *(задумчиво)*. Ореол… Пятнадцать… двадцать тысяч… автомобиль… шлюха…

К о р ч а к *(выбегая из комнаты)*. Господи Иисусе!.. Барышня, барышня… Гляньте… там… там… она повесилась!..

Г е р м и н а *(с минуту стоит в оцепенении, потом вскрикивает, не в силах сдвинуться с места)*. Мамочка!..

Минута ужаса.

К о р ч а к *(бормочет, в страшном замешательстве)*. Но я не знаю… Как это можно, ко всем… странно… Ну, идите, идите, Герминка, к своей матери…

Г е р м и н а *(с трудом тащится к двери, падает около нее)*. Не могу, Корчак… бегите к ней, спасите мою мать…

К о р ч а к. Ну, ну. *(Приходя в себя.)* Только спокойно… *(Поднимает Гермину.)* Повесился отец, повесилась мать. Тяжело это… Верно… Вы сирота, маленькая сиротка… Ну, пойдемте, положим маму и позвоним в полицию. Это нужно сделать.

Г е р м и н а. Нет, нет! Идите, идите, богом вас молю, один. Разбудите, ее, воскресите ее!..

К о р ч а к, пожав плечами, уходит в комнату.

(Шепчет.) Мама, мама, что вы наделали?.. «Не умножай позора нашего рода»...

К о р ч а к *(выходит с бумагой в руке).* Конец... Все кончено. *(Качает головой.)* Ну и ну! Посмотрите!.. Вот что она пришпилила на грудь... Там, где сердце... Сальдированный счет... Полтора метра веревки номер три. Оплачено с благодарностью двадцать четвертого марта тысяча девятьсот двадцать девятого года. Якуб Рах, веревочник. *(Трет себе лоб.)*

Г е р м и н а. Боже, боже, что это, Корчак!

К о р ч а к *(взрывается).* А... ко всем... это... Золотая мать! Золотая! *(К нему возвращается жизнь.)* Барышня Герминка, говорю вам, золотая мать! Вот она — веревка! Это уж ваша. Только ваша! Вот будет денег! Вот будет денег! *(Решительно.)* Теперь с Рахом все кончено! *(Вынимает свои бумаги.)* Вот заказчики, которые ждут, — ничего не дадим Раху. Пусть у него веревка сгниет в подвале или в сейфе. Так. Хе-хе!.. Теперь мы — господа.

Г е р м и н а *(выпрямившись).* Корчак, что вы такое говорите?

К о р ч а к. Я вижу тут, на столе двадцать тысяч... Ах, боже мой, какая это была мать! А что, если б они оба повесились на этой веревке!

Г е р м и н а *(вскипев)*. А что, если б мы висели на ней все трое…

К о р ч а к. Ой-ой-ой… и не говорите!

Г е р м и н а *(орет)*. А что, если б на ней висел весь мир!..

К о р ч а к *(отступает)*. Ну-ну-ну… не кричите, а? Это была золотая мать! Она знала, что делает, раз так неудачно вышло с отцом… У нее был *(стучит по счету)* иной кругозор. И у вас он должен быть…

Г е р м и н а *(рыдает)*. Мамочка! Вот как вы меня окликнули!

К о р ч а к. Я свое слово держу… Десять процентов… барышня Герминка, я говорю: десять процентов.

З а н а в е с.

ОБ АВТОРАХ

Иржи Маген (наст. имя — Антонин Ванчура) родился в моравском местечке Часлав, в многодетной семье пекаря. Состоял в отдаленном родстве с В. Ванчурой. Учился в гимназии Млада Болеславы, затем на философском факультете Карлова университета (Прага). Вместе с Я. Гашеком, Ф. Шрамеком и другими входил в кружок революционеров-анархистов во главе с поэтом С.-К. Нейманом. После окончания университета учительствовал, был редактором брненских газет «Лидове новины» (1910—1919) и «Свобода» (1919—1920), заведовал репертуарной частью Национального театра в Брно (1918—1922). С 1921 г. работал в брненской Городской библиотеке.

И. Маген писал стихи, прозу, пьесы, кинолибретто; занимался режиссурой, ихтиологией; был ценителем и истолкователем живописи, страстным рыболовом и путешественником (особенно полюбилось писателю Адриатическое побережье Югославии, куда он приезжал неоднократно). Маген сочувственно относился к исканиям творческой молодежи, был «первым и единственным»

литературным наставником В. Незвала, поэта Ф. Таласа. Деветсиловцы, довольно скептически относившиеся к творчеству многих предшественников, отвечали Магену взаимностью. В Освобожденном театре были поставлены кинолибретто Магена «Сокровища царя Кадма» (1926) и «Клоун шоколад» (1928) — из сборника «Гусыня на поводке» (1925). «Клоун» — остроумная аллегория революции в духе поэтической эстетики.

Обширное драматургическое наследие Магена включает в себя пьесы политические — «Ключ» (1906; о русской революции 1905 года), «Поколения» (1921; о нравах в буржуазной республике); исторические — «Мертвое море» (1918), «Сельский бунт» (1930); социально-бытовые — комедия «Улочка отваги» (1917); фольклорные — «Насреддин, или Несовершенная месть» (1930). Режиссерский опыт Магена, связанный с его деятельностью в брненском Национальном театре, обобщен в книгах «Перед занавесом» (1920), «Записки режиссера» (1923) и др.

Премьера «Майского жука» состоялась на сцене Национального театра (Брно) 19 февраля 1920 г. Режиссер — О. Чермак.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

Иржи Волькер родился в Простееве, в семье

банковского чиновника. Там же окончил гимназию, затем учился на юридическом факультете Карлова университета. В 1921 г. вступил в простеевскую ячейку КПЧ. В 1921—1922 гг. был членом Литературной группы (Брно), державшейся умеренно революционных позиций в политике, а в искусстве исповедовавшей немецкий экспрессионизм. В 1922—1923 гг. Волькер — член Деветсила, откуда он выходит из-за несогласия с поэтистской переориентацией творческого союза.

С юных лет увлекался не только литературой, но и музыкой. Печататься начал в 1918 г. Издал две стихотворные книги — «Гость на порог» (1921) и «Час рождения» (1922), — став родоначальником жанра социальной баллады. Автор трех одноактных пьес — «Гробница», «Высочайшая жертва», «Больница», — вышедших в 1922 г. в сборнике «Три пьесы».

«Гробница» при жизни автора не ставилась.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

Эгон Эрвин Киш родился в Праге, в немецкоязычной семье коммерсанта-еврея. Учился в немецкой реальной гимназии, затем в высшей технической школе (Прага). С 1904 г. Киш — профессиональный журналист, автор стихов и рассказов; позднее — ведал репертуаром

берлинского Художественного театра. Был дружен с передовыми писателями (Я. Гашеком, А. Мацеком, переводчиком Киша на чешский, и другими), близко знал жизнь бедноты, люмпен-пролетариев. Во время первой мировой войны Киш — офицер австро-венгерской армии. В 1918 г. — член нелегальных солдатских Советов, командир венской Красной Гвардии. С 1919 г. — член компартии Австрии. В 30-е гг. Киш неоднократно приезжает в СССР, участвует в работе 2-й Международной конференции революционных писателей в Харькове. В 1933 г., после поджога рейхстага, Киша бросают в берлинскую тюрьму. Затем он эмигрирует во Францию, становится активистом антифашистского и антивоенного движения. В составе интербригад участвует в гражданской войне в Испании. Спасаясь от нацистов, уезжает в Мексику, откуда в 1946 г. через Нью-Йорк и Лондон возвращается на родину. Остросоциальные художественные репортажи Киша «Цари, попы, большевики» (1927), «Американский рай» (1930), «Азия основательно изменилась» (1932), «Высадка в Австралии» (1937), «Ярмарка сенсаций» (1942), «Открытия в Мексике» (1945); пьеса «Украденный город» (1923) и другие драматургические и прозаические

произведения написаны Кишем по-немецки. Однако его в равной степени можно отнести как к немецкоязычным писателям-пражанам (Ф. Кафка, М. Брод и другие), так и к авангарду чешской культуры, на которой он воспитывался и развитию которой способствовал своей творческой и общественной деятельностью.

Ярослав Гашек родился в Праге, в семье школьного учителя. Окончил Торговую академию (1899—1903). Некоторое время служил в банке «Славия», затем скитался по Европе. С 1901 г. помещал свои юморески в пражских журналах и газетах, сам был редактором журнала «Мир животных». В 1903 г. он выпускает в соавторстве с Л.-Н. Домажлицким сборник стихов «Майские выкрики». Призванный во время первой мировой войны в армию, Гашек попал на Восточный фронт и, не желая воевать на стороне Австро-Венгрии, сдался в плен русским. В 1916 г. он вступил в чехословацкие легионы, формировавшиеся на Украине, редактировал легионерские издания («Чехослован» в Киеве). В феврале 1918 г. перешел на службу в Красную Армию. В Москве вступил в партию большевиков (март 1918 г.), занимал ответственные посты в 5-й Красной Армии; был секретарем интернациональной секции, а

затем заместителем начальника политотдела этой армии. В 1920 г. по призыву Коминтерна возвратился на родину. Разочарованный спадом революционного движения в Чехии, переселяется по совету друзей в местечко Липнице, в восточной Чехии (1921), где продолжает работу над сатирической антивоенной эпопеей «Похождения бравого солдата Швейка во время первой мировой войны». Гашек умирает, не успев закончить рукопись — она обрывается на середине четвертой части. Роман заканчивает К. Ванек. Образ Швейка в творчестве Гашека впервые появился в 1912 г. (сборник рассказов «Бравый солдат Швейк и другие удивительные истории»), затем — в любительском представлении «Крепость», где Гашек сыграл написанную им роль домохозяйки Швейка, а также в повести «Бравый солдат Швейк в плену» (Киев, 1917). Замысел пьесы о Швейке, намеревающемся вступить в чехословацкие легионы, остался неосуществленным.

Эмиль Артур Лонген (наст. имя — Эмиль Артур Питтерман) родился в Пардубице, в семье юрисконсульта наследника австрийского престола Фердинанда д'Эсте. Учился живописи в пражской Академии изобразительных искусств,

в Италии и Франции. Однако живописью Лонген занимался от случая к случаю и приобрел известность главным образом в качестве карикатуриста. Его увлекала эстрада, искусство кабаре, цирка, где он подвизался в различных амплуа, был жонглером, «человеком-змеей». Именно тогда, в пору исканий, он, разделяя радикально-анархистские взгляды тогдашней передовой интеллигенции, подружился с Э.-Э. Кишем, Я. Гашеком, писателями Э. Бассом, Ф. Кафкой и другими. Накануне первой мировой войны Лонген держал собственное кабаре в Триесте; во время войны стал главным режиссером люблинского театра; в первые годы после образования ЧСР возглавлял в Праге кабаре «Бум», где выступали такие выдающиеся комики, как Ф. Футурист, С. Рашилов, Э. Фиала, К. Нолл, В. Буриан. Самым значительным театральным начинанием Лонгена явилась «Революционная сцена» — первый в Чехословакии антибуржуазный театр, звездой которого была жена Лонгена — Ксения Лонген, талантливая трагическая актриса, декламатор, исполнительница шансонов. Об этой замечательной женщине Лонген рассказал в романе «Актриса» (1929). Перу Лонгена принадлежат также книги о Я. Гашеке («Ярослав Гашек», 1928),

В. Буриане («Король комиков», 1927). В 1922—1923 гг. Лонген вместе с Г. Яновитцем руководил берлинским театром «Вильде Бюне». В 1925 г. он организовал авангардный театрик «Сечестеал». В 1923—1930 гг. Лонген — артист, режиссер, заведующий репертуарной частью и автор Театра Власты Буриана. В последние годы жизни Лонген выступал в качестве киносценариста, актера и режиссера кино. Он экранизировал самую совершенную свою комедию, долго не сходившую со сцены Театра Власты Буриана, — «Фельдмаршал его императорского величества» (1929), хлесткую сатиру на австро-венгерское офицерство. Этой комедии предшествовали многочисленные одноактные пьесы Лонгена — трагедии, трагикомедии, фарсы, — вскрывавшие социальные пороки «первой республики» («Лучшие люди», «Пропасть», «Дело лопнуло», «Порой тюрьма милее свободы» и др.). Всего им написано более семидесяти небольших пьес и скетчей. В 30-е гг. Лонген сближается с коммунистами, пишет для «Д-34» драму «Красная принцесса» (1934), в которой откликается на угрозу фашизма.

При жизни авторов комедия «Из Карлина в Братиславу на пароходе «Ланна-8» за 365 дней» поставлена не была.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

Франя Шрамек родился в Соботке, в семье чиновника податного управления. Учился в гимназии (Писек, Роуднице), затем на юридическом факультете Карлова университета. С 1903 г., оставив университет, целиком посвящает себя литературе и активной деятельности в революционно-анархистском движении. За участие в студенческих демонстрациях и антивоенные стихи дважды подвергался тюремному заключению (1905). После 1918 г. отошел от политики, сблизился с писательским окружением К. Чапека, который ценил литературные и человеческие свойства Шрамека. Во время фашистской оккупации в знак протеста почти не покидал своей одинокой пражской квартиры. Печататься начал в 1901 г. Стихотворное, прозаическое и драматургическое творчество Шрамека было новаторским как по содержанию, так и по форме. Многие стихи Шрамека («Стачка», «Шахтерская» и др.) стали революционными песнями. На молодых чешских писателей, вступивших в литературу вскоре после первой мировой войны (Волькер, Незвал и другие), большое влияние оказали его проникнутые радостью бытия, лиризмом романы «Серебряный ветер» (1910), «Тело» (1919), сборник

стихов «Плотина» (1916), пьеса «Лето» (1915). Сосредоточив свое внимание на личном и личностном, Шрамек все явственнее отождествлял социальные конфликты в конфликтами поколенческими, интимными («Месяц над рекой»). Эту ограниченность он преодолел в последней своей прижизненной книге стихов, «Раны и розы» (1945), где нашли отражение горечь мюнхенской катастрофы, героизм антифашистского Сопротивления, радость вновь обретенной свободы. В 1946 г. Ф. Шрамеку было присвоено звание народного деятеля искусств.

Премьера «Месяца над рекой» состоялась в Праге, на сцене Городского театра на Виноградах, 1 февраля 1922 г. Режиссер — Я. Квапил.

На русском языке пьеса впервые была опубликована Отделом распространения ВУОАП.

Франтишек Ксавер Шальда родился в Либерце, в семье почтового чиновника. Учился в гимназии, затем на юридическом факультете Карлова университета. С 1918 г. — профессор романских литератур Карлова университета. Дебютировал в 80-е гг. XIX в. как поэт. Писал также рассказы, пьесы. Наиболее существенная часть литературного наследия Шальды — эссеистика («Борьба за завтрашний день», 1905; «Душа и творчество», 1913).

Шальда был ведущим критиком литературного поколения 90-х гг. и до конца жизни оставался непререкаемым авторитетом в культуре. Под пером Шальды эссеистика обрела черты самостоятельного жанра. В 1928—1937 гг. Шальда издавал журнал «Шальдув записник», заполняя его собственными сочинениями. В 1929 г., в условиях гонений на коммунистическую печать, передал Ю. Фучику свой журнал «Творба». Среди художественных произведений Шальды наибольшей ценностью обладают пьесы. В дополнение к двум упомянутым в предисловии следует назвать еще «Наступление на смерть, или Господин, который не мог состариться» (1926), где автор высмеивает банальщину, эстетство, академизм и в лице девяностопятилетнего старца прославляет неизбывную жажду творчества, любви.

Премьера «Ребенка» состоялась в Праге, на сцене Национального театра, 16 марта 1923 г. Режиссер — К. Достал.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

Владимир Гурбан-Владимиров (наст. имя — Владимир Константинович Гурбан) родился в Старой Пазове (Югославия), в семье священника, брата словацкого классика С.-Г. Ваянского. Мать драматурга была племянницей другого выдаю-

щегося представителя словацкой общественной и художественной мысли — Л. Штура. Учился в гимназии в Загребе, где усердно посещал театр, познакомившись с пьесами сербских и зарубежных авторов. Затем изучал теологию в Вене и Братиславе, что также дало ему возможность приобщиться к европейской театральной культуре. В 1931 г. он видел «Женитьбу» Гоголя, которую играли гастролировавшие в Югославии артисты МХАТа. В 1914 г. получил в наследство отцовский приход. Несмотря на оторванность от родины предков, Гурбан-Владимиров всегда ощущал свою кровную связь со Словакией, мечтал туда переехать. За перо Гурбан-Владимиров взялся, когда перед словацкой драматургией стояла задача преодолеть инерцию лубочного «сельского» театра в духе романтизированных, святочно-фольклорных пьес из жизни словацкой деревни и грубоватых фарсов на местечковые сюжеты. Начал он с одноактного «Вечера накануне рождества» (1903); затем появились еще полтора десятка сценок, водевилей, одноактных пьес разных жанров и неравноценных по достоинству. Обратила на себя внимание склонность автора и к поэтичной лирике и к юмору. В годы первой мировой войны он инсценировал

повесть словацкого прозаика Калинчака «Реставрация» (премьера состоялась в Словацком Национальном театре в 1926 г.), где задолго до И. Стодолы вывел на чистую воду любителей политических интриг. В духе экспрессионистской символики выдержаны его фантастические пьесы «SOS» и «Homo sapiens» («драма из эпохи первобытной жизни в двух полюсах»; 1924). Вершины драматургического творчества Гурбан-Владимирова (наряду с «Сугробами») — драмы «Милица Николич» (1922) и «Земля» (1926), в центре которых — яркий образ деревенской женщины, провинциалки, чья любовь и преданность становятся жертвой либо имущественного неравенства («Сугробы», «Земля»), либо войны, слепого национализма («Милица Николич»). Кроме того, им написаны комедия из жизни русских эмигрантов «Квитанция» (1931), драма с социальным подтекстом «Замок скрежещет» (1941) и др., а также ряд оперных и опереточных либретто, «Стихи из плена» (1924), прозаические миниатюры.

Премьера «Сугробов» состоялась в Братиславе, на сцене Словацкого Национального театра, 10 сентября 1923 г. Режиссер — Й. Гурт.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

Павол Орсаг-Гвездослав (наст. имя — Павол Орсаг) родился в Вышнем Кубине, в семье крестьянина. Учился в гимназии (Мишкольц, Кежмарок). Увлекшись поэзией Ш. Петефи, еще в школьные годы пробует писать стихи на венгерском и немецком. Затем под влиянием однокашников-земляков в сознании и языковых пристрастиях Гвездослава происходит перелом, — отныне он сочиняет стихи на родном языке. Окончив двухгодичное юридическое училище в Прешове, Гвездослав работает товарищем адвоката, в течение двадцати лет занимается адвокатурой в городе Наместов. Играет в любительском театральном кружке, приобщается к общественной деятельности. Заявил о себе книгой стихов «Поэтический первоцвет Йозефа Збранского» (1868). С 1877 г. начинает подписываться псевдонимом Гвездослав. В 1886 г. Гвездослав публикует поэму «Жена лесника»; через год — стихотворный цикл, навеянный кончиной матери, самого духовно близкого человека, музы молодого поэта. В 1888 г. появляется первая большая вещь — эпическая поэма «Бутора и Чутора», посвященная жизни словацкой деревни. За нею последовали «Ежо Влколинский» (1890), «Габор Влколинский» (1901) и др. Осенью 1899 г. Гвездослав оставляет

юриспруденцию, уединяется в Дольнем Кубине и целиком отдается литературе. Сочувственно следит за событиями русской революции 1905 г., откликается на нее стихами «Славянство, рок тебя преследует», «Бурлит, кипит славянский мир». Знаменитые «Кровавые сонеты» (август — сентябрь 1914 г.) явились реакцией Гвездослава, поборника социальной справедливости и дружбы народов, на разразившуюся мировую бойню. Увидеть свет они смогли лишь после войны. В 1917 г. возникает стихотворный цикл «В осеннюю полночь», некоторые строки которого навеяны революцией в России. В 1918 г. Гвездослав становится депутатом чехословацкого парламента — Революционного народного собрания.

Лучшая пьеса Гвездослава — трагедия «Ирод и Иродиада». Библейский сюжет об Ироде и Саломее по-разному интерпретировался многими драматургами (Кальдерон, Уайльд, Зудерман и другие). Гвездослав обратился к истории и легенде, чтобы в аллегорической форме показать разложение монархической власти, национально-освободительную борьбу словаков, — так возникла первая в словацкой драматургии трагедия, черпающая как из национальных, так и из общеевропейских духовных источников. С

историческими фактами и апокрифами автор обращается вольно, подчиняя их своему замыслу. Не столь существенно, что чинимые в трагедии Иродом Антипой гонения на собственный народ взяты из «послужного списка» его отца — печально прославившегося своими зверствами («избиение младенцев» и т. п.) иудейского царя Ирода Великого (73—4 гг. до н. э.), что кое-где смещена или совмещена хронология. Драматургу важно показать не столько конкретного тирана, сколько тиранию как таковую — тиранию, чреватую неисчислимыми бедами для простолюдинов, захватническими войнами, народными волнениями. Иоанн, смело бичующий социальные язвы, похож не столько на провозвестника божьего, сколько на глашатая вековечной мечты словацкого народа о свободе и социальной справедливости. Поражение, которое терпит Ирод Антипа от арабов, питало надежду словаков на благоприятный исход их борьбы и на справедливое возмездие, которое История обрушит на притеснителей.

Классическая премьера «Ирода и Иродиады» состоялась на сцене Словацкого Национального театра 25 сентября 1937 г. Режиссер — Я. Бородач. В 1955 г., в тридцать пятую годовщину возник-

новения словацкой профессиональной сцены, спектаклем по «Ироду и Иродиаде» открылся братиславский Театр имени Павола Орсага-Гвездослава. Несколько лет назад лучшую трагедию национального репертуара смогли увидеть в исполнении актеров из Словакии и советские зрители.

В основу публикуемого перевода положен сценический вариант трагедии, сделанный и опубликованный Я. Бородачем: Hviezdoslav P. O. Herodes a Herodias. Upravil Janko Borodáč. Bratislava, 1950.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

Ян Бартош родился в Рыхнове-над-Кнежной. Окончил гимназию, затем юридический факультет Карлова университета в Праге. Служил товарищем адвоката, чиновником в пражском магистрате, в администрации Национального театра (1923—1924), библиотекарем в Национальном музее, где создал Театральное отделение, которым руководил до конца жизни. Перу Бартоша принадлежат научные труды по истории пражского Национального театра («Национальный театр и его создатели», 1933, «Строительство Национального театра», 1934; «Легенда о строительстве Национального театра и ее апологеты», 1935; «Временный театр и его драматическая

труппа», 1937); театральные рецензии, статьи; книга эссе «Письма о современной Франции» (1921). Я. Бартош — зачинатель экспрессионизма в чешской драматургии. Помимо сценических гротесков, где, меняя обличье, появляется персонаж по имени Дласк, противостоящий буржуазному окружению своей проницательной невозмутимостью или гаерской бравадой, Бартош писал философские, поэтичные фантазии («Плывущий остров», 1927, «Неизвестная», 1928); философские драмы («Бесы» по Достоевскому, 1914, и др.), а порой и легковесные комедии («Похищенный локон», 1927).

Премьера «Бунта на сцене» состоялась в Праге, в филиале Национального — Сословном театре, 16 января 1926 г. Режиссер — В. Новак.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

Владислав Ванчура родился в Гае-у-Опавы, в семье управляющего сахарным заводом. Окончил в Праге гимназию, собирался стать живописцем и два года проучился в Художественно-промышленной школе. Затем перешел на медицинский факультет Карлова университета. В 1921 г. поселился в Збраславе под Прагой, где занимался частной врачебной практикой. С 1921 г. В. Ванчура — член КПЧ. В 1927 г. в составе делегации

деятелей культуры посетил СССР. В 30-е гг. принимал участие в мероприятиях Левого фронта, Общества экономического и культурного сближения с новой Россией. Возглавлял Чешское общество киноработников. В литературе дебютировал в 1919 г. рассказами, позже собранными в книгах «Течение Амазонки» (1923), «Длинный, Широкий и Быстроглазый» (1924). Первый роман Ванчуры, «Пекарь Ян Маргоуль» (1924), — классическое произведение чешской литературы социалистической ориентации. Противоестественность, бессмысленность войн показана им в лирическом романе «Поля пахоты и войны» (1925). Жизненным оптимизмом пронизана юмористическая повесть «Причуды лета» (1926). Радостным жизнеутверждением одушевлена драма «Алхимик» (1932), а также сборник рассказов «Лук королевы Доротки» (1932), роман «Конец старых времен» (1934), который первоначально задумывался как киносценарий. Ванчура снял несколько кинофильмов («Неверная Марийка» — из жизни закарпатской деревни; «На солнечной стороне», «Перед выпускными экзаменами», «Наши удальцы»). Накануне фашистской оккупации он начал работать над «Картинами из истории народа чешского», где утверждалась необоримая

сила народа, его гуманистические традиции, его язык. Однако работа осталась незавершенной. В 1947 г. В. Ванчуре посмертно было присвоено звание народного деятеля искусств.

Премьера «Учителя и Ученика» состоялась в Праге, на сцене Освобожденного театра, 14 октября 1927 г. Режиссер — И. Гонзл.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

Лев Блатный родился в Брно, в семье музыканта. После окончания гимназии учился на юридическом факультете Карлова университета. В 1915—1918 гг. служил в австро-венгерской армии (Галиция, Буковина, Тироль, Трансильвания, Албания). В 1920 г. стал юрисконсультом брненского Управления государственных железных дорог. В 1925—1928 гг. работал референтом, а затем — заведующим репертуарной частью Национального театра в Брно. Первые рассказы и драматические сценки опубликовал в 1917—1920 гг. Писал также театральные рецензии. Был одним из учредителей и первым председателем Литературной группы в Брно (1921), членами которой некоторое время состояли также И. Волькер и В. Незвал. До 1926 г. оставался соредактором печатного органа Группы журнала «Гост». Как драматург и новеллист Блатный тяготел к го-

рестно-ироническому гротеску, трагикомедии; отдал дань многим социальным и эстетическим веяниям своего времени. Блатный — автор пьес «Трое» (1920), «Звездное небо» (1920), «Переселенцы» (1923), «Царство мира» (1927), «Сумасшедший в репродукторе» (1928), «Черная ночь» (1930), «Предельно кратко» (1930), «Мир танцует» (1930).

Премьера «Смерти на продажу» состоялась в Праге, на сцене Камерного театра, 28 октября 1930 г. Режиссер — Ф. Зальцер.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

И. Инов.

2р90к

